Ministry of Science and Higher Education
of the Republic of Kazakhstan

ISSN 2959 - 4197 (Print)
ISSN 2959 - 4200 (Online)

EURASIAN SCIENTIFIC JOURNAL OF LAW

Scientific journal

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ҒЫЛЫМИ ЗАҢ ЖУРНАЛЫ

Ғылыми журнал

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ҒЫЛЫМИ ЗАҢ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал

No. 4(13)
2025
Almaty

Certificate KZ81VPY00058517 dated 07.11.2022
Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan
Committee for Information

Owner: Establishment
Turan University

Released in December 2022.
once in quarter

EDITORIAL BOARD

Chief Editor
Akimzhanov Talgat Kurmanovich – Doctor of Law, Professor, Turan University (H-index 5)

Responsible Editor
Aldabergenova Nonna Aldabergenovna – PhD in Law, Associate Professor, Turan University (H-index 1)

Editor
Zhappar Karlygash Zinilabidinovna – c.ph.s., PhD, Associate Professor, Turan University

Website Editor
Skuratova Irina Mihajlovna

Members of the editorial board

1 Edward Yukhnevich – Doctor of Law, Professor, University of Gdansk, Poland (H-index 2)
2 Bukalerova Lyudmila Alexandrovna – Doctor of Law, Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation (H-index 4)
3 Zhanuzakova Leila Telmanovna – Doctor of Law, Professor, Turan University (H-index 1)
4 Suleymanov Akif Firudinovich – Doctor of Law, Professor, Turan University (H-index 3)
5 Alayeva Gulnaz Tursunovna – Candidate of Law, Professor, University Turan (H-index 2)
6 Koshkinbayeva Aliya Serzhanovna – PhD, Associate Professor, Turan University (H-index 2)
7 Kasymbek Aliya Orynbasarkyzy – PhD, Associate Professor, Turan University (H-index 3)
8 Karagusov Farkhad Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Caspian University (H-index 3)
9 Baymakhanova Dina Muratovna – Doctor of Law, Professor, KazNU named after al-Farabi (H-index 3)
10 Bizhanova Aigul Rabkhanovna – Doctor of Law, Associate Professor, KazNPU named after Abaya (H-index 3)
11 Khanov Talgat Akhmatzievich – Doctor of Law, Professor, Research Institute of Economic and Legal Research at Kazpotrebsoyuz University (H-index 5)
12 Dilbarkhanova Zhanat Rahimzhanovna – Doctor of Law, Professor, M.Yesbulatov Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan (H-index 2)
13 Akimbekova Saida Aminovna – Doctor of Law, Professor, Caspian University (H-index 5)
14 Lapshin Valery Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Yugorsky State University, Russian Federation (H-index 2)
15 Seliverstov Vyacheslav Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation (H-index 3)

Turan University owns the exclusive rights to reprint
certain materials, publish and use the journal commercially

© Turan University, 2025

Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық даму министірлігі
Ақпарат комитетінің
07.11.2022 ж. KZ81VPY00058517 куәлігі

Меншіктенуші: «Туран» Университеті» мекемесі

2022 ж. Желтоқсаннан бастап тоқсанына бір рет шығады

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Бас редактор
Акимжанов Талгат Курманович – з.ғ.д., профессор, «Тұран» университеті (H-index 5)

Жауапты редактор
Алдабергенова Нонна Алдабергеновна – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор, «Тұран» университеті (H -index 1)

Редактор
Жаппар Карлыгаш Зинилабидиновна – ф.ғ.к., PhD, қауымдастырылған профессор, «Тұран» университеті

Сайт редакторы
Скуратова Ирина Михайловна

Редакциялық алқа мүшелері

1 Юхневич Эдвард – з.ғ.д., профессор, Гданьск университеті, Польша (H-index 2)
2 Букалерова Людмила Александровна – з.ғ.д., профессор, Ресей халықтар достығы университеті, РФ (H-index 4)
3 Жанузакова Лейла Тельмановна – з.ғ.д., профессор, «Тұран» университеті (H-index 1)
4 Сулейманов Акиф Фирудинович – з.ғ. д., профессор, «Тұран» университеті (H-index 3)
5 Алаева Гульназ Турсуновна – з.ғ.к., профессор, «Тұран» университеті (H-index 2)
6 Кошкинбаева Алия Сержановна – PhD, қауымдастырылған профессор, «Тұран» университеті (H-index 2)
7 Қасымбек Әлия Орынбасарқызы – PhD, қауымдастырылған профессор, «Тұран» университеті (H-index 3)
8 Карагусов Фархад Сергеевич – з.ғ.д., профессор, Caspian University (H-index 3)
9 Баймаханова Дина Муратовна – з.ғ.д., профессор, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ (H-index 3)
10 Бижанова Айгуль Рабхановна – з.ғ.д., қауымдастырылған профессор, Абай атындағы ҚазҰПУ (H-index 3)
11 Ханов Талгат Ахматзиевич – з.ғ.д., профессор, Қазтұтынуодағы университеті экономикалық және құқықтық зерттеулер ҒЗИ директоры (H-index 5)
12 Дильбарханова Жанат Рахимжановна – з.ғ.д., профессор, М. Есболатов атындағы ҚР ІІМ Академиясы (H-index 2)
13 Акимбекова Саида Аминовна – з.ғ.д., профессор, Caspian University (H-index 5)
14 Лапшин Валерий Федорович – з.ғ.д., профессор, Югор мемлекеттік университеті, РФ (H-index 2)
15 Селиверстов Вячеслав Иванович – з.ғ.д., профессор, М.В. Ломоносов атындағы ММУ, РФ (H-index 3)

«Тұран» университетінің жеке материалдарды қайта басуға, журналды басып шығаруға және коммерциялық пайдалануға айрықша құқығы бар

© «Тұран» университеті, 2025

Свидетельство № KZ81VPY00058517 от 07.11.2022 г.
Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан
Комитет информаци

Собственник: учреждение «Университет «Туран»

Выходит с декабря 2022 г. один раз в квартал

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Акимжанов Талгат Курманович – д.ю.н., профессор, университет «Туран» (H-index 5)

Ответственный редактор
Алдабергенова Нонна Алдабергеновна – к.ю.н., ассоциированный профессор, университет «Туран» (H-index 1)

Редактор
Жаппар Карлыгаш Зинилабидиновна – к.ф.н., PhD, ассоциированный профессор, университет «Туран»

Редактор сайта
Скуратова Ирина Михайловна

Члены редакционной коллеги

1 Юхневич Эдвард – д.ю.н., профессор, Гданьский университет, Польша (H-index 2)
2 Букалерова Людмила Александровна – д.ю.н., профессор, Российский университет дружбы народов, РФ (H-index 4)
3 Жанузакова Лейла Тельмановна – д.ю.н., профессор, университет «Туран» (H-index 1)
4 Сулейманов Акиф Фирудинович – д.ю.н., профессор, университет «Туран» (H-index 3)
5 Алаева Гульназ Турсуновна – к.ю.н., профессор, университет «Туран» (H-index 2)
6 Кошкинбаева Алия Сержановна – PhD, ассоциированный профессор, университет «Туран» (H-index 2)
7 Қасымбек Алия Орынбасарқызы – PhD, ассоциированный профессор, университет «Туран» (H-index 3)
8 Карагусов Фархад Сергеевич – д.ю.н., профессор, Caspian University (H-index 3)
9 Баймаханова Дина Муратовна – д.ю.н., профессор, КазНУ им. аль-Фараби (H-index 3)
10 Бижанова Айгуль Рабхановна – д.ю.н., ассоциированный профессор, КазНПУ им. Абая (H-index 3)
11 Ханов Талгат Ахматзиевич – д.ю.н., профессор, НИИ экономических и правовых исследований университета Казпотребсоюз (H-index 5)
12 Дильбарханова Жанат Рахимжановна – д.ю.н., профессор, Академия МВД РК им. М. Есбулатова (H-index 2)
13 Акимбекова Саида Аминовна – д.ю.н., профессор, Caspian University (H-index 5)
14 Лапшин Валерий Федорович – д.ю.н., профессор, Югорский государственный университет, РФ (H-index 2)
15 Селиверстов Вячеслав Иванович – д.ю.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ (H-index 3)

Университету «Туран» принадлежат исключительные права на перепечатку отдельных материалов, издание и коммерческое использование журнала

© Университет «Туран», 2025

IN THE ISSUE

1 STATE LAW AND MANAGEMENT

Amirov T.K., Suleimanov A.F., Bukalerova L.A.
Relationship between the concepts of "law" and "legislation" in Kazakhstan's legal theory and practice 9
Akpan A.M., Momysheva F.S., Sarbasov B.A.
State-legal management of labor relations transformation in the context of the introduction of artificial intelligence in the Republic of Kazakhstan 20
Taitorina B.A., Murat S., Balgimbekova G.U., Sadykanova Zh.Y.
Ethical foundations of the new civil service: conceptual approaches and legal dimension 32
Teleuyev G.B., Tanatbayeva Zh.E., Narzullaev O.Kh.
Some issues of the rules of state legal regulation of the operation of hydraulic structures in the Republic of Kazakhstan 42
Bayseytov B.B., Aldabergenova N.A.
Legal sources of military authority in traditional kazakh society 53
Dauranov I.N., Osmanov Zh.D., Saberdinova A.A.
State-legal and institutional mechanisms for reducing income inequality: theory and global practice 64
Amirova B.K., Saktaganova I.S., Saktaganova A.B., Juchnevicius E.
Investing assets of a Single Accumulative Pension Fund: legal issues and international experience 77
Kalkayeva N.B., Alimbetova A.R., Chokina M.V., Rysaldieva A.E.
Digitalization of management and anti-corruption policy in the transport sector of Kazakhstan 89
Moldakhmetova Zh.E, Satbayeva A.M., Beisenbayeva M.T., Rakhmetova G.R.
Social and labor rights of migrants in Kazakhstan: status, problems and prospects of development 99

2 CIVIL LAW, CIVIL PROCESS

Allayarova N.I., Oryntayev Zh.K., Kassymbek A.O.
Legal means of using electronic payment in contractual relationships involving business 108
Akimbekova M.A., Batayeva K.B., Panova A.S.
Reorganization of a joint-stock company in the form of merger (amalgamation): theoretical and practical aspects 120
Yessenbekova P.
The role of participatory conciliation procedures in civil litigation 134
Kayupova A.B., Moroz S.P., Tatarinova L.F.
Digitalization in contract law, contracts, digital assets and their legal regulation 143
Hudajberdina G.A., Nurahmetova G.G.
Criteria for determining authorship of objects created by artificial intelligence 154
Omirali Zh.O., Begazova G.Zh., Rakhimova G.N., Myrzakarim A.N.
Topical issues of the development of the institu of mediation in the Republic of Kazakhstan 166

3 CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCESS

Baizakova R.B., Kuandykov B.Zh., Zhailau Zh., Kuandykova E.S.
Probation as an alternative to imprisonment: a comparative analysis
of the legislation of Kazakhstan and Kyrgyzstan.....177
Khvedelidze T.B., Saylibaeva Zh.Yu., Toleubekova B.H., Osmanova G.Zh.
Investigative and tacit investigative actions: a systematic approach
(according to the legislation of the Republic of Kazakhstan).....186
Koichubekova A.A., Nurlyn A.K., Koldassov B.S., Yensebayeva A.R.
The problem of repeated victimization of children in the criminal process:
the need for special interrogation procedures 196
Sarsenbayeva B.B., Sharkemelov A.K., Begimbayev S.A.
Integration of artificial intelligence into forensic practice:
from data analysis to decision making.....206
Zhappar K.Z., Tomanova N.M.
The communicative situation as a key component of forensic linguistic
expertise in cases of insult 217

4 INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW

Sultanova N.T., Sairambaeva Zh.T., Mujovic H.
International legal regulation of health insurance and protection
of patient rights: a comparative analysis of global and regional standards 226
Zhaksylykbayeva A.A., Suleimenova S.Zh.
Legal regulation of digital assets within international organizations 237
Kalmyrza G.M., Alayeva G.T., Kadirbay A.Ə.
International legal regulation of the illegal use of trademarks 248
Seliverstov V.I.
Confidentiality of communication with convicts in the nelson mandela rules
and the criminal executive legislation of Russia and Kazakhstan 258
Ibragimova Z.G., Dzhumabayeva K.A., Stvol M.
Legal regulation of artificial intelligence: international experience
and challenges for Kazakhstan.....272

НӨМІРДЕ. В НОМЕРЕ

1 МЕМЛЕКЕТТІК ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ БАСҚАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

Амиров Т.К., Сулейманов А.Ф., Букалерова Л.А.
Соотношение понятий «право» и «закон»
в казахстанской юридической теории и практике 9
Акпан А.М., Момышева Ф.С., Сарбасов Б.А.
Государственно-правовое управление трансформацией трудовых отношений
в условиях внедрения искусственного интеллекта в Республике Казахстан 20
Тайторина Б.А., Мурат С., Балгимбекова Г.У., Садыканова Ж.Е.
Этические основы новой государственной службы:
концептуальные подходы и правовое измерение.....32
Телеуев Г.Б., Танатбаева Ж.Е., Нарзуллаев О.Х.
Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстарды
пайдалануды мемлекеттік құқықтық реттеу қағидаларының кейбір мәселелері 42
Байсейтов Б.Б., Алдабергенова Н.А.
Правовые источники военной власти в традиционном казахском обществе.....53
Дауранов И.Н., Османов Ж.Д., Сабердинова А.А.
Государственно-правовые и институциональные механизмы
сокращения неравенства в доходах населения: теория и мировая практика 64
Амирова Б.К., Сактаганова И.С., Сактаганова А.Б., Юхневич Е.
Инвестирование активов Единого накопительного пенсионного фонда:
правовые проблемы и международный опыт.....77
Калкаева Н.Б., Алимбетова А.Р., Чокина М.В., Рысалдиева А.Е.
Цифровизация управления и антикоррупционная политика
в транспортной сфере Казахстана 89
Молдахметова Ж.Е., Сатбаева А.М., Бейсенбаева М.Т., Рахметова Г.Р.
Социально-трудовые права мигрантов в Казахстане:
состояние, проблемы и перспективы развития 99

2 АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ, АЗАМАТТЫҚ ҮРДІС
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Аллаярова Н.И., Орынтаев Ж.К., Қасымбек Ә.О.
Бизнестің қатысуымен шарттық қатынастарда электрондық
төлемді пайдаланудың құқықтық құралдары.....108
Акимбекова М.А., Батаева К.Б., Панова А.С.
Реорганизация акционерного общества в форме присоединения:
теоретические и практические особенности.....120
Есенбекова П.Т.
Азаматтық сот ісін жүргізудегі партисипативтік татуластыру рәсімдерінің рөлі.....134
Каюпова А.Б., Мороз С.П., Татаринова Л.Ф.
Цифровизация в договорном праве, контракты, цифровые активы
и их правовое регулирование.....143
Худайбердина Г.А., Нурахметова Г.Г.
Критерии определения авторства на объекты, созданные
искусственным интеллектом.....154
Өмірәлі Ж.Ө., Бегазова Г.Ж., Рахимова Г.Н., Мырзакәрім А.Н.
Қазақстан Республикасында медиация институты дамуының өзекті мәселелері 166

3 ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ, ҚЫЛМЫСТЫҚ ҮРДІС
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Байзакова Р.Б., Куандыков Б.Ж., Жайлау Ж., Куандыкова Э.С.
Пробация как альтернатива лишению свободы: сравнительный анализ
законодательства Казахстана и Кыргызстана.....177
Хведелидзе Т.Б., Сайлибаева Ж.Ю., Толеубекова Б.Х., Османова Г.Ж.
Следственные и негласные следственные действия: системный подход
(по законодательству Республики Казахстан).....186
Койчубекова А.А., Нурлин А.К., Колдасов Б.С., Енсебаева А.Р.
Проблема повторной виктимизации детей в уголовном процессе:
необходимость специальных процедур допроса.....196
Сарсенбаева Б.Б., Шаркемелов А.К., Бегимбаев С.А.
Интеграция искусственного интеллекта в криминалистическую практику:
от анализа данных к принятию решений.....206
Жаппар К.З., Томанова Н.М.
Коммуникативная ситуация как ключевой элемент
судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении 217

4 ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚ
МЕЖДУНАРОДНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Султанова Н.Т., Сайрамбаева Ж.Т., Муйович Х.
Международно-правовое регулирование
медицинского страхования и защиты прав пациента:
сравнительный анализ глобальных и региональных стандартов.....226
Zhaksylykbayeva A.A., Suleimenova S.Zh.
Legal regulation of digital assets within international organizations 237
Қалмырза Ғ.М., Алаева Г.Т., Кәдірбай А.Ә.
Тауар белгілерін заңсыз пайдалануды халықаралық құқықтық реттеу.....248
Селиверстов В.И.
Конфиденциальность общения с осужденными в Правилах Нельсона Манделы
и уголовно-исполнительном законодательстве России и Казахстана.....258
Ibragimova Z.G., Dzhumabayeva K.A., Stvol M.
Legal regulation of artificial intelligence: international experience
and challenges for Kazakhstan.....272

1 STATE LAW AND MANAGEMENT
МЕМЛЕКЕТТІК ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ БАСҚАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

МРНТИ 10.07.61
УДК 340.14
JEL K00

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-9-19

АМИРОВ Т.К.,*[1]
докторант.
*e-mail: timononp737@gmail.com
ORCID ID: 0009-0004-2501-0288
СУЛЕЙМАНОВ А.Ф.,[1]
д.ю.н., профессор.
e-mail: akif_sulei@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5848-7884
БУКАЛЕРОВА Л.А.,[2]
д.ю.н., профессор.
e-mail: bukalerova-la@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0003-2794-5074
[1]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан
[2]Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВО» И «ЗАКОН» В КАЗАХСТАНСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Аннотация

Вопрос соотношения понятий «право» и «закон» является одной из ключевых проблем юриспруденции. В разных правовых системах их трактовка различается, что влияет на применение в национальном законодательстве и правоприменении. В условиях наличия разнообразных юридических коллизий и разночтений при толковании правовых норм в Казахстане эта проблема особенно актуальна. В статье рассматриваются философско-правовые различия между правом и законом, их роль в казахстанской юриспруденции, анализируются отечественные и зарубежные подходы, влияние конституционных норм и судебная практика. Особое внимание уделено коллизиям между позитивным законом и принципами права и способам их разрешения. Рассмотрены практические подходы к пониманию данных двух категорий как в Казахстане, так и в зарубежных странах. Сделан вывод, что право и закон не являются тождественными понятиями, поскольку закон, как формальное выражение права, не всегда отражает его фундаментальные принципы. Подчеркивается необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики для согласования права и закона в Казахстане, а также интеграции международных правовых стандартов и учета опыта зарубежных стран в данной сфере для укрепления защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: право, закон, правовое государство, естественное право, позитивизм, правоприменение.

Введение

Вопрос соотношения понятий «право» и «закон» имеет фундаментальное значение для юридической науки и правоприменительной практики. С первого взгляда неподготовленному человеку эти понятия могут показаться тождественным, однако при более детальном рассмотрении начинают возникать вопросы. В различных правовых системах и семьях данное соотношение может интерпретироваться по-разному, что влияет на механизм регулирования общественных отношений. В настоящее время эта дискуссия приобретает все больший размах.

Таким образом, различие между законом и правом продолжает оставаться актуальной темой в юридической науке. С одной стороны, без позитивного права невозможно обеспечение порядка в обществе, с другой – без учета принципов справедливости закон может стать инструментом произвола. В связи с этим возникает вопрос: должен ли судья или правоприменитель ограничиваться формальной буквой закона или он обязан учитывать более широкие принципы права, даже если они прямо не закреплены в национальном законодательстве? Этот вопрос приобретает особую значимость в контексте судебной практики Казахстана, где наблюдается тенденция к строго формальному подходу к закону, что иногда приводит к нарушениям прав человека и общественному недовольству.

Материалы и методы

Материалы исследования включают нормативные правовые акты, доктринальные источники и судебную практику, а также труды философов и правоведов, анализирующих различие между позитивным и естественным подходами. В работе используются Конституция и отдельные нормативные правовые акты Республики Казахстан, такие как Закон «О государственной службе Республики Казахстан» от 23 ноября 2015 г. и Закон «О правоохранительной службе» от 6 января 2011 г. Используются международные правовые акты, закрепляющие принципы естественного права, среди которых: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Затрагиваются труды философов античности, например, «Государство» Платона, а также и современных политических теоретиков, таких как Иосеф Раз. Используются учебники и научные статьи по теории государства и права от видных казахстанских и зарубежных ученых-юристов, среди которых Сулейменов М.К., Диденко А.Г., Ударцев С.Ф., Борчашвили И.Ш., а также отечественные и зарубежные судебные решения, отражающие применение различных концепций правопонимания.

Исследование основано на историко-правовом методе, который позволил проследить эволюцию представлений о праве и законе от античных времен до современности. Сравнительно-правовой метод применялся для выявления различий между позитивным и естественным подходами в различных правовых системах. Догматический метод использовался при анализе нормативных правовых актов и формулировок права в юридической доктрине. Метод правоприменительного анализа позволил рассмотреть судебные решения и выявить случаи столкновения закона и принципов естественного права. Герменевтический метод применялся при интерпретации правовых норм и философских концепций права.

Использование этих методов и материалов позволило провести комплексный анализ взаимосвязи между законом и правом, выявить ключевые различия между естественной и позитивной теориями, а также рассмотреть их влияние на современную правовую систему.

Результаты и обсуждение

Для начала необходимо определить, что при рассмотрении взаимосвязи между законом и правом закон следует понимать не как один из видов правового акта (в узком понимании), но и весь спектр источников правовых норм, включая законы, постановления, указы и другие правовые акты (в более широком понимании).

Для более ясного определения следует привести дефинитивную правовую норму из Закона Республики Казахстан «О правовых актах» от 6 апреля 2016 г., а именно подпункт 19) статьи 1

вышеуказанного закона, в соответствии с которым правовой акт – «письменный официальный документ, содержащий норму права, принятый на республиканском референдуме или уполномоченным органом, либо решение установленной законом формы, содержащее индивидуальное властное правовое предписание» [1].

То есть, таким образом, понятие закона в контексте анализа его соотношения с правом следует рассматривать в обобщенном, системном смысле – как совокупность всех нормативных предписаний, выражающих волю государства и направленных на регулирование общественных отношений. В этом случае закон выступает не просто формой выражения права, но и его институциональной оболочкой, через которую реализуется правовое содержание. Такое понимание позволяет рассматривать право и закон не как тождественные явления, а как взаимосвязанные, но не совпадающие категории: закон представляет собой формально-юридическую форму, тогда как право воплощает содержание, основанное на идеях справедливости, равенства и свободы.

Представления о существе права именуются правопониманием. Подходов здесь бессчетное количество, но основными противостоящими теориями на протяжении вот уже нескольких столетий являются естественная теория и позитивная теория. Первая теория признает наличие неотъемлемых прав человека, на которые государство никак не может покушаться, вторая же утверждает, что право немыслимо без государства и полностью государству подчинено.

Позитивная теория достаточно просто отстаивается, потому что даже в учебниках, которые используются для преподавания теории государства и права студентам, праву дается подобное определение: «право – это система общеобязательных, формально определенных юридических норм, гарантированных и санкционированных государством, регулирующих общественные отношения» [2, с. 77]. Ключевым моментом в этом определении является констатация факта, что правовые нормы обязательно принимаются в установленном порядке и гарантируются государством. Однако такая трактовка ставит вопрос о справедливости закона на второй план, поскольку правом в рамках позитивного подхода считается любой нормативный акт, изданный в установленном порядке, независимо от его морального содержания. История показывает, что именно этот подход нередко использовался для легитимации несправедливых и репрессивных норм (например, расовые законы в нацистской Германии или апартеид в ЮАР).

В то же время естественная теория, которая переживает «второе дыхание» после окончания Второй мировой войны, имеет серьезный изъян – неясность источника права. Античные авторы ссылались на неписаные божественные законы, для понимания которых нужны мудрость и знание. Платон в «Государстве» утверждает, что справедливое государственное устройство – это естественный порядок, соответствующий природе [3, с. 173]. Интересно, что именно древнегреческие мыслители начали различать право по закону («номос») и право по справедливости («фюсис»).

Современные правовые системы стремятся к интеграции этих двух подходов, создавая механизмы, которые позволяют ограничивать действие несправедливых законов. Такое правопонимание именуется интегративным. Например, конституционные суды в демократических государствах нередко апеллируют к фундаментальным принципам справедливости, когда рассматривают вопрос о соответствии законов основным правам и свободам.

Еще одним важным примером является Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [4], которая закрепляет ряд естественных прав, признаваемых неотъемлемыми и не зависящими от воли государства. Международное право в целом тяготеет к естественному подходу, поскольку его нормы создаются не отдельным государством, а исходят из общепризнанных принципов морали и справедливости.

Кроме того, необходимо отдельно упомянуть о различии концепций верховенства права (Rule of Law) и правового государства (Rechtsstaat). Верховенство права означает идею ограниченного государства и приоритета прецедентного и естественного права [5, с. 210]. В то же время концепция правового государства опирается на идеи правопорядка и верховенства закона, создаваемого самим государством [6, с. 113–115]. Обе концепции получили свое развитие в двух разных правовых семьях. Концепция верховенства права берет свое начало в англосаксонской (англоамериканской) правовой семье, основу которой составляют судебные прецеденты. В то же время идея правового государства является порождением юридической мысли в канве романо-германской правовой семьи.

Основное различие между ними заключается в понимании источника и роли права. В рамках концепции Rule of Law право существует независимо от государства и может ограничивать его власть. Оно формируется как результат исторического опыта, обычаев и судебных решений, а суд рассматривается как активный участник в создании и развитии права. В этой системе важнейшее значение имеют принципы справедливости, равенства перед законом и недопустимости произвола. Закон не всегда равен праву, и государственная власть обязана действовать в рамках более широкой правовой культуры, включающей моральные и естественные начала.

Концепция Rechtsstaat трактует право преимущественно как продукт государственной воли, выраженной в законе. Здесь государство не столько ограничивается внешним правом, сколько само утверждает систему нормативных актов, обеспечивая их соблюдение через иерархически организованные институты. Право в такой системе приобретает более формализованный и легистский характер. Основной акцент делается на соблюдении законности, иерархии нормативных актов, верховенстве Конституции, институтах административного и конституционного контроля.

Таким образом, обе концепции соотносятся с правопониманием в двух главных правовых семьях: англосаксонская правовая семья в качестве основного правового источника использует судебные прецеденты, а значит, и дает суду гораздо большие полномочия «творить» право; романо-германская же основывается на писаных правовых актах, тем самым утверждая в качестве законодателя само государство и волю государственной власти.

Тем не менее, несмотря на различия в исходных посылках, между этими концепциями существует определенная взаимосвязь и тенденция к сближению. В условиях глобализации и развития международного права обе доктрины стремятся к одной цели – утверждению правовой предсказуемости, ограничению произвола государственной власти, защите прав и свобод личности. Взаимное влияние правовых систем приводит к тому, что в современных интерпретациях Rechtsstaat включает элементы индивидуальной защиты прав, судебного контроля, принципов справедливости, характерных для Rule of Law. В то же время англосаксонская система заимствует структурные элементы правового порядка, в том числе акцент на писаное конституционное право и систематизацию законодательства.

Уяснение данной разницы крайне важно для определения пути развития правовой системы. Джеймс Р. Силкенат верно подмечает, что большинство не чувствуют различий между Rule of law и Rechtsstaat, причиной чему, на его взгляд, является их смешение или неправильный перевод [7, с. 15–16].

Таким образом, современное развитие правовой мысли свидетельствует о том, что, несмотря на различия в происхождении и акцентах, концепции верховенства права и правового государства представляют собой два способа достижения одной цели – построения справедливого и устойчивого правопорядка, основанного на уважении к праву и человеку.

На основании изложенного интересно наблюдать следующую ситуацию в Казахстане.

Основным и высшим по юридической силе правовым актом большинства государств, вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье, является Конституция. Именно конституции закрепляют основополагающие принципы и ценности, на которых строится правовая система. В Конституции Республики Казахстан право и закон представлены как взаимосвязанные, но не тождественные категории. Так, в статье 1 Конституции закреплено, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. Следовательно, приоритет отдается не формальному соблюдению закона, а обеспечению справедливости, прав и свобод личности.

Необходимо в данном контексте указать на то, что напрямую принцип верховенства права (тот самый Rule of Law) в Конституции Республики Казахстан не заложен. Пункт 1 статьи 1 Конституции Республики Казахстан указывает на утверждение Казахстаном себя демократическим и правовым государством (тем самым Rechtsstaat, что неудивительно, учитывая принадлежность правовой системы Казахстан к романо-германской правовой семье), а также указывается, что высшими ценностями для государства являются человек, а также его права и свободы [8].

Несмотря на то что такое определение является типичным для термина «правовое государство», по нашему мнению, такую правовую норму можно и даже следует толковать в качестве принципа верховенства права, однако, строго говоря, однозначного закрепления такого принципа в Основном законе страны нет.

На практике же в Казахстане нередко наблюдается смещение акцента в сторону упомянутой формальной законности. Это проявляется в подходе правоприменительных органов и судов, которые, руководствуясь исключительно буквой закона, зачастую игнорируют его дух. Особенно остро эта проблема встает при рассмотрении дел, связанных с правами человека, когда применение норм без учета принципов справедливости приводит к нарушениям, противоречащим конституционным установлениям. Правоприменители могут оправдать такие действия утвержденной в стране концепцией «правового государства», ведь в понимании правоприменителей четкое следование правовым нормам и является реализацией указанной концепции. Это свидетельствует о том, что фактическая правовая культура остается ориентированной преимущественно на позитивное понимание права. Однако, как было сказано выше, современное понимание правового государства включает в себя примат прав, свобод и интересов человека и гражданина, даже несмотря на закрепление позитивного верховенства закона. Такое понимание правового государства излагается в том числе и в учебных пособиях.

Позитивный подход можно наблюдать также исходя из наличия именно принципа законности. Например, такой принцип закрепляется в сфере государственной службы посредством Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан», а именно подпунктом 1) пункта 1 статьи 4 вышеназванного правового акта. Есть, разумеется, и закрепление принципа, направленного на установление приоритета прав, свобод и законных интересов граждан перед интересами государства (подпункт 4 пункта 1 статьи 4 ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан») [9]. Однако стоит обратить внимание, что принцип законности указывается первее принципа примата прав и свобод гражданина над государственными интересами.

При этом интересно наблюдать противоречие в Законе Республики Казахстан «О правоохранительной службе». Пункт 1 статьи 4 указанного закона закрепляет в качестве основополагающих правовых принципов принципы государственной службы, то есть эта правовая норма являет собой бланкетную норму [10]. В то же время данный пункт устанавливает еще в качестве основополагающих принципов специальные принципы правоохранительной службы, изложенные в пункте 2 статьи 4 вышеназванного закона. Подпункт 1) данного пункта закрепляет в качестве принципа правоохранительной службы «обязательность защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств». Такое изложение правовых норм можно считать за противоречие, более того, оно снова демонстрирует примат «закона» перед «правом», поскольку в статье 4 ЗРК «О правоохранительной службе» первый пункт отсылает на ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан» с закрепленным в нем в первую очередь принципом законности, о чем было сказано ранее, в то время как прямое закрепление обязательности защиты прав и свобод человека и гражданина происходит позднее по тексту ЗРК «О правоохранительной службе».

Если же говорить про теоретические изыскания, то, как было сказано выше, в юридической науке Казахстана также можно наблюдать полемику по данному вопросу, однако она происходит, что забавно, между цивилистами, а не философами, теоретиками права или конституционалистами. Так, М.К. Сулейменов напрямую говорит в своем основополагающем труде «Право как система», что «…практическое значение (во всяком случае для отраслевых наук) имеет только нормативная концепция права» [11, с. 14]. В дальнейшем в статье «К вопросу о понятии права» Майдан Кунтуарович подтверждает свою точку зрения: «За прошедшие более чем 10 лет моя позиция не изменилась, более того, я еще больше укрепился в правильности своей точки зрения» [12]. В свою очередь, А.Г. Диденко не соглашается с позицией М.К. Сулейменова: «Нельзя допускать, чтобы ценности прошлого тормозили развитие» [13]. Минусом такой дискуссии является тот факт, что она ведется по большей части в сфере цивилистики, а не общей теории права.

Разумеется, есть и другие ученые юристы, которые поднимают похожие вопросы. Так С.Ф. Ударцев, который на момент написания настоящей статьи занимает должность судьи Кон-

ституционного суда Республики Казахстан, в докладе «Верховенство права, проблемы современного обеспечения защиты Конституции», представленном 11 мая 2018 г., указывает: «идея верховенства права отличается от идеи верховенства закона более глубокой проработкой, апелляцией не к закону (в широком смысле – нормативным актам), а к праву – явлению более широкому по смыслу и формам, более глубокому исторически, частью которого является закон» [14]. Более подробно разница между концепциями Rechtsstaat и Rule of Law рассматривается в статье «Концепции Rule of Law («Верховенство права») и Rechtsstaat («Правовое государство»): сравнительный анализ» [15, с. 5–16].

Таким образом, можно сделать вывод, что соотношение закона и права в Казахстане все еще остается предметом теоретических и практических споров, однако заметна большая благосклонность исследователей именно к естественной теории.

Говоря непосредственно о правоприменении, необходимо констатировать тот факт, что в казахстанской правоприменительной практике принцип dura lex sed lex (закон суров, но это закон) и de lege lata (по действующему закону) воспринимаются буквально. На этом фоне Казахстан сталкивается с рядом вызовов, связанных с формалистским подходом к законодательству. Одним из примеров является судебная практика, когда суды, следуя исключительно норме закона, принимают решения, не учитывающие принципы справедливости и прав человека. Это приводит к общественному недовольству и подрывает доверие ко всей казахстанской правовой системе, что, в свою очередь, объясняет тяготение казахстанского народа к иным социальным регуляторам (мораль, религия и т.д.).

Практическим примером использования такого подхода может служить уголовное преследование Темирлана Енсебека – автора сатирического Instagram-аккаунта «Qaznews24». В начале 2025 г. он был обвинен в разжигании межнациональной розни [16], то есть обвинение было выдвинуто в соответствии с частью 1 статьи 174 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Основанием для обвинения стал пост в вышеназванном Instagram-аккаунте, в котором упоминалась российская телеведущая Тина Канделаки, чьи высказывания по поводу переименования ряда железнодорожных станций в Казахстане стали причиной крупного международного скандала с участием Казахстана и России. Ее упоминание сопровождалось песней, в которой выражается негативное отношение к этническим русским (название песни не приводится по этическим соображениям). Именно факт использования этой песни органами уголовного преследования называется основанием для уголовного преследования. Необходимо отметить, что Енсебек не является автором этой песни, а также необходимо отметить, что эта песня не была внесена в список признанных экстремистскими и запрещенных к изданию и распространению на территории Республики Казахстан материалов.

Получается, что Темирлана Енсебека преследуют не за какое-то определенное высказывание, как это предполагает состав части 1 статьи 174 УК РК, а за использование сторонней песни стороннего авторства. Этот случай выделяет дело Енсебека из общей канвы уголовных дел по указанной статье УК РК.

Состав правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 174 УК РК, состоит, как и прочие составы, из объекта, субъекта, субъективной и объективной стороны. Объектом посягательства является международно-правовой, а также конституционный принцип недопущения разжигания социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды или розни. Объективная сторона выражается в возбуждении социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды или розни. При этом под этим понимается попытка создать конфликты между гражданами разных национальностей (этносов), родов, рас или конфессий. Субъектом преступления является любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, а субъективная сторона характеризуется прямым умыслом [17].

На основании изложенного необходимо задаться вопросом: а где, собственно, разжигание розни и прямой умысел эту рознь разжечь?

В случае с Енсебеком нет убедительных доказательств того, что его публикация преследовала цель разжигания межнациональной розни. Более того, международные правовые стандарты требуют, чтобы в подобных делах применялся тест на необходимость и соразмерность наказания. Согласно статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) [18], ограничения свободы выражения мнений должны быть необходимыми в демократическом обществе и пропорциональными.

Такие действия со стороны государства можно было бы назвать просто незаконными, но тут есть одна загвоздка: составы правонарушений не закрепляются в правовых актах – составы происходят из другого источника права, известного как научная доктрина. Правоприменители же руководствуются следующей правовой формулой: «дозволено только то, что предписано законом». Именно поэтому, несмотря на наличие явного несоответствия состава правонарушения, заявленным правоохранительными органами основанием для начала уголовного преследования Темирлана Енсебека, такое преследование может выглядеть законным с точки зрения казахстанского законодательства, чем охотно пользуются власти (статья 174 УК РК постоянно критикуется из-за размытости формулировок).

Именно подобный формальный подход к нормам уголовного законодательства привел к преследованию блогера, что вызвало критику со стороны правозащитных организаций. Данный случай демонстрирует, что механическое применение закона без учета его целей и принципов может приводить к нарушениям фундаментальных прав человека.

В зарубежной же практике взгляд сквозь призму естественного права гораздо более распространен. Особенно хочется отметить работу Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Многочисленные судебные разбирательства, которые имели место быть в данном суде, демонстрируют, что судьи нередко отдают предпочтение принципам справедливости и гуманизма, даже если они противоречат букве национального законодательства. Например, в деле «Сальдуз против Турции» ЕСПЧ постановил, что право на доступ к адвокату с момента задержания является основополагающим элементом справедливого судебного разбирательства, несмотря на иные нормы турецкого законодательства [19].

Продолжая же тему преследования лиц за их высказывания, следует привести пример дела «Перинчек против Швейцарии» [20].

Догу Перинчек, турецкий политик и председатель Партии трудящихся Турции, в 2005 г. во время выступлений в Швейцарии публично заявил, что геноцид армян 1915 г. является «международной ложью». В ответ швейцарские власти возбудили уголовное дело по статье 261bis. Уголовного кодекса Швейцарии, которая запрещает отрицание геноцида и иных преступлений против человечности.

Перинчек был признан виновным в расовой дискриминации и приговорен к штрафу. Однако он обратился в ЕСПЧ, заявив, что его осуждение нарушает статью 10 Европейской конвенции о защите прав человека (право на свободу выражения мнений).

В 2013 г. Первая палата ЕСПЧ вынесла решение в пользу Перинчека, указав, что Швейцария нарушила статью 10 Конвенции, поскольку уголовное преследование за высказывание мнения не было необходимым в демократическом обществе. Суд также указал, что у Перинчека не было намерения разжигать ненависть – его заявления касались исторической интерпретации, а не призывали к насилию. Было еще отмечено, что преступление отрицания геноцида в Швейцарии не имеет такой же легитимности, как отрицание Холокоста, поскольку в случае Холокоста его отрицание зачастую сопровождается разжиганием антисемитизма. В конце было указано, что свобода исторической дискуссии имеет особое значение – демократическое общество должно терпеть мнения, даже если они являются оскорбительными или непопулярными.

Швейцария обжаловала решение, и дело было передано в Большую палату ЕСПЧ, которая в 2015 г. подтвердила выводы первой инстанции.

В деле Перинчека ЕСПЧ подчеркнул необходимость строгого разграничения между выражением мнения и разжиганием ненависти. Это имеет прямую параллель с ситуацией Темирлана Енсебека, который также не делал прямых призывов к вражде, но был обвинен по статье 174 УК РК.

Таким образом, если бы дело Енсебека рассматривалось в ЕСПЧ, то оно могло бы быть оценено в пользу защиты его права на свободу выражения мнений. Решение по Перинчеку показывает, что уголовное наказание за высказывания должно соответствовать критериям необходимости и соразмерности, что в казахстанской практике зачастую не учитывается.

Подобная практика поднимает вопрос о необходимости пересмотра подходов к правоприменению в Казахстане. Основной задачей является обеспечение баланса между законностью и справедливостью, что возможно через усиление роли Конституционного суда Республики Казахстан и принятие правовых актов, ориентированных на защиту прав человека в соответствии с международными стандартами. Важно развивать механизмы конституционного контроля и

обеспечивать их реальную эффективность, чтобы минимизировать противоречия между позитивным правом и фундаментальными принципами справедливости.

Заключение

Таким образом, рассмотрение правоприменительной практики в различных странах показывает, что право и закон не всегда являются идентичными категориями. Для Казахстана важно учитывать международный опыт и адаптировать национальное законодательство с учетом правозащитных стандартов, что позволит не только укрепить правовую систему страны, но и повысить уровень доверия общества к законам и судебным органам. В условиях модернизации правовой системы и стремления к построению подлинного правового государства необходимо более активное внедрение естественных правовых элементов в законодательство и правоприменительную практику. В частности, требуется развитие механизмов конституционного контроля, повышение уровня юридической аргументации судей, усиление роли прав человека как критерия оценки законов и правовых актов.

Перспективным направлением в этом контексте является формирование устойчивой правовой культуры, основанной не только на уважении к закону, но и на осознании высшей ценности права как носителя справедливости. Только при таком подходе можно будет достичь баланса между нормой и ценностью, формой и содержанием, что и составляет суть зрелого правового государства.

Такой подход в целом можно назвать интегративным правопониманием.

Более того, будет уместным рассмотреть вопрос о скорейшем присоединении Казахстана к Европейской конвенции по правам человека и вступлению в Совет Европы для признания юрисдикции ЕСПЧ. Проявление политической воли казахстанской властью в сторону вступления в Совет Европы и признания юрисдикции ЕСПЧ продемонстрирует истинное стремление Казахстана к построению именно правового государства, каким он себя декларирует, а не страны диктата жесткого и неоспоримого закона, который может и не отвечать современным представлениям о справедливости.

Необходимо отметить, если граждане не считают нужными и справедливыми те или иные юридические законы, то они будут им следовать исключительно из-за страха перед наказанием за их нарушение, однако страх – крайне ненадежный инструмент для удержания порядка. Такая общественно-правовая ситуация неизбежно приводит к расцвету правового нигилизма, когда в сознании различных слоев общества появляется гипертрофированное сомнение в моральных ценностях и принципах, на которых зиждется позитивное право.

ЛИТЕРАТУРА

1 Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах» // Казахстанская правда. – 2016. – 8 апр. – № 66(28192).

2 Ибраева А.С. и др. Теория государства и права: учебн**ое** пособие. 3-е изд. с доп. и изм. – Алматы: Жеті жарғы, 2017. – 344 с.

3 Платон. Государство. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2020. – 480 с.

4 Всеобщая декларация прав человека (10 дек. 1948 г.) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/ (дата обращения: 01.07.2025)

5 Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford University Press. 1979.

6 Булгакова Д.А. Теория государства и права / Академия экономики и права. – Алматы, 1999. – 84 с.; Правовое государство // Заң және заман. – 1991. – № 1. – С. 113–115.

7 Джеймс Р. Силкенат. Верховенство права и его значение / Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире. – М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. – С. 15–16.

8 Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме. С изменениями и дополнениями, внесенными законами РК от 7 октября 1998 г., от 21 мая 2007 г., от 2 февраля 2011 г., от 10 марта 2017 г., от 23 марта 2019 г. // Ведомости Парламента РК. – 1996. – № 4. – Ст. 217; 1998. – № 20. – Ст. 245; 2007. – № 10. – Ст. 68; 2011. – № 3. – Ст. 29; 2017. – № 5. – Ст. 9; 2019. – № 5–6. – Ст. 28; 2022. – № 4. – Ст. 217; 2022. – № 4. – Ст. 217; 2023. – № 4. – Ст. 217.

9 Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан» // Казахстанская правда. – 2015. – 25 нояб. – № 226 (28102).

10 Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» // Казахстанская правда. – 2011. – 19 янв. – № 17–18(26438–26439).

11 Сулейменов М.К. Право как система. – М.: Статут, 2016. – 360 с.

12 Сулейменов М.К. К вопросу о понятии права, online.zakon.kz, ID 37338977. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37338977 (дата обращения: 09.07.2025)

13 Диденко А.Г. Право, мораль, справедливость: общие положения / online.zakon.kz, ID 38750528. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38750528 (дата обращения: 10.05.2025)

14 Ударцев С.Ф. Верховенство права: проблемы современного правопонимания и обеспечения защиты Конституции: расширенный и дополненный вариант доклада на первом заседании Научно-консультативного совета при Конституционном совете Республики Казахстан 11 мая 2018 г. – Астана: Конституционный совет РК, 2018. URL: http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle/123456789/629/Ударцев%20Верховенство.pdf?sequence=1\&isAllowed=y (дата обращения: 09.07.2025)

15 Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции Rule of Law («Верховенство права») и Rechtsstaat («Правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право / Рос. акад. наук. Ин-т государства и права. – № 5. – М.: Наука, 2015 г.

16 Арест автора сатиристического паблика Темирлана Енсебека, tengrinews.kz, 2025, 21 янв. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/arest-avtora-satiristicheskogo-pablika-temirlana-ensebeka-560308/ (дата обращения: 19.05.2025)

17 Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть. URL: https://akademiyabolashak-my.sharepoint.com/personal/archiv_biblioteka_bolashaq_edu_kz/_layouts/15/onedrive.aspx?id=%2Fpersonal%2Farchiv%5Fbiblioteka%5Fbolashaq%5Fedu%5Fkz%2FDocuments%2F%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%2Fborchashvili%5Fkomment%5F2%2Epdf&parent=%2Fpersonal%2Farchiv%5Fbiblioteka%5Fbolashaq%5Fedu%5Fkz%2FDocuments%2F%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8&ga=1 (дата обращения: 21.05.2025 г.)

18 Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). Ратифицирован Постановлением Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 2523-VIII. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.

19 ЕСПЧ. Дело «Сальдуз против Турции» (Salduz v. Turkey), жалоба № 36391/02. Постановление Большой палаты от 27 ноября 2008 г. HUDOC. База данных Европейского суда по правам человека. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89893 (дата обращения: 07.06.2025)

20 ЕСПЧ. Дело «Перинчек против Швейцарии» (Perinçek v. Switzerland), жалоба № 27510/08. Постановление Большой палаты от 15 октября 2015 г. HUDOC. База данных Европейского суда по правам человека. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158235 (дата обращения: 07.06.2025)

REFERENCES

1 Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 aprelja 2016 g. No. 480-V «O pravovyh aktah» // Kazahstanskaja pravda. 2016. 8 apr. No. 66 (28192). (In Russian).

2 Ibraeva A.S. i dr. (2017) Teorija gosudarstva i prava: Uchebnye posobija. 3-e izd. s dop. i izm. Almaty: Jetı Jarğy. 344 p. (In Russian).

3 Platon (2020) Gosudarstvo. SPb. : Azbuka : Azbuka-Attikus. 480 p. (In Russian).

4 Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka (10 dek. 1948 g.) // Organizacija Ob#edinennyh Nacij. URL: https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/ (data obrashhenija: 01.07.2025). (In Russian).

5 Raz J. (1979) The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford University Press. (In English).

6 Bulgakova D.A. (1999) Teorija gosudarstva i prava / Akademija jekonomiki i prava. Almaty. 84 p.; Pravovoe gosudarstvo // Zañ jäne zaman. 1991. No. 1. P. 113–115. (In Russian).

7 Dzheĭms R. Silkenat (2013) Verhovenstvo prava i ego znachenie / Doktriny pravovogo gosudarstva i verhovenstva prava v sovremennom mire. M.: LUM, Justicinform. P. 15–16. (In Russian).

8 Konstitucija Respubliki Kazahstan. Prinjata 30 avgusta 1995 g. na respublikanskom referendume. S izmenenijami i dopolnenijami, vnesennymi zakonami RK ot 7 oktjabrja 1998 g., ot 21 maja 2007 g., ot 2 fevralja 2011 g., ot 10 marta 2017 g., ot 23 marta 2019 g. // Vedomosti Parlamenta RK. 1996. No. 4. St. 217; 1998. No. 20. St. 245; 2007. No. 10. St. 68; 2011. No. 3. St. 29; 2017. No. 5. St. 9; 2019. No. 5–6. St. 28; 2022. No. 4. St. 217; 2022. No. 4. St. 217; 2023. No. 4. St. 217. (In Russian).

9 Zakon Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 g. No. 416-V ZRK «O gosudarstvennoj sluzhbe Respubliki Kazahstan» // Kazahstanskaja pravda. 2015. 25 nojab. No. 226 (28102). (In Russian).

10 Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 janvarja 2011 g. № 380-IV «O pravoohranitel'noj sluzhbe» // Kazahstanskaja pravda. 2011. 19 janv. No. 17–18 (26438–26439). (In Russian).

11 Sulejmenov M.K. (2016) Pravo kak sistema. M.: Statut. 360 p. (In Russian).

12 Sulejmenov M.K. K voprosu o ponjatii prava, online.zakon.kz, ID 37338977. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37338977 (data obrashhenija: 09.07.2025). (In Russian).

13 Didenko A.G. Pravo, moral', spravedlivost': obshhie polozhenija, online.zakon.kz, ID 38750528. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38750528 (data obrashhenija: 10.05.2025). (In Russian).

14 Udarcev S.F. Verhovenstvo prava: problemy sovremennogo pravoponimanija i obespechenija zashhity Konstitucii: rasshirennyj i dopolnennyj variant doklada na pervom zasedanii Nauchno-konsul'tativnogo soveta pri Konstitucionnom covete Respubliki Kazahstan 11 maja 2018 g. Astana: Konstitucionnyj covet RK, 2018. URL: http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle/123456789/629/Udarcev%20Verhovenstvo.pdf?sequence=1\&isAllowed=y (data obrashhenija: 09.07.2025). (In Russian).

15 Udarcev S.F., Temirbekov Zh.R. Koncepcii Rule of Law («Verhovenstvo prava») i Rechtsstaat («Pravovoe gosudarstvo»): sravnitel'nyj analiz // Gosudarstvo i pravo. Ros. akad. nauk. In-t gosudarstva i prava. No. 5. M. : Nauka, 2015 g. (In Russian).

16 Arest avtora satiristicheskogo pablika Temirlana Ensebeka, tengrinews.kz, 2025, 21 janv. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/arest-avtora-satiristicheskogo-pablika-temirlana-ensebeka-560308/ (data obrashhenija: 19.05.2025). (In Russian).

17 Borchashvili I.Sh. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazahstan. Osobennaja chast'. URL: https://akademiyabolashak-my.sharepoint.com/personal/archiv_biblioteka_bolashaq_edu_kz/_layouts/15/onedrive.aspx?id=%2Fpersonal%2Farchiv%5Fbiblioteka%5Fbolashaq%5Fedu%5Fkz%2FDocuments%2F%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%2Fborchashvili%5Fkomment%5F2%2Epdf&parent=%2Fpersonal%2Farchiv%5Fbiblioteka%5Fbolashaq%5Fedu%5Fkz%2FDocuments%2F%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8&ga=1 (data obrashhenija: 21.05.2025 g.). (In Russian).

18 Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah (N'ju-Jork, 16 dekabrja 1966 g.). Ratificirovan Postanovleniem Verhovnogo Soveta SSSR ot 18 sentjabrja 1973 g. No. 2523-VIII. Prinjat rezoljuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei OON ot 16 dekabrja 1966 g. (In Russian).

19 ESPCh. Delo «Sal'duz protiv Turcii» (Salduz v. Turkey), zhaloba No. 36391/02. Postanovlenie Bol'shoj palaty ot 27 nojabrja 2008 g. HUDOC. Baza dannyh Evropejskogo suda po pravam cheloveka. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89893 (data obrashhenija: 07.06.2025). (In Russian).

20 ESPCh. Delo «Perinchek protiv Shvejcarii» (Perinçek v. Switzerland), zhaloba No. 27510/08. Postanovlenie Bol'shoj palaty ot 15 oktjabrja 2015 g. HUDOC. Baza dannyh Evropejskogo suda po pravam cheloveka. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158235 (data obrashhenija: 07.06.2025). (In Russian).

АМИРОВ Т.К.,*[1]
докторант.
*e-mail: timononp737@gmail.com
ORCID ID: 0009-0004-2501-0288
СУЛЕЙМАНОВ А.Ф.,[1]
з.ғ.д., профессор.
e-mail: akif_sulei@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5848-7884
БУКАЛЕРОВА Л.А.,[2]
з.ғ.д., профессор.
e-mail: bukalerova-la@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0003-2794-5074
[1]«Тұран» университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Ресей Халықтар достығы университеті,
Мәскеу қ., Ресей

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯСЫ МЕН ПРАКТИКАСЫНДАҒЫ «ҚҰҚЫҚ» ЖӘНЕ «ЗАҢНАМА» ТҮСІНІКТЕРІНІҢ БАЙЛАНЫСЫ

Аңдатпа

«Құқық» және «заңнама» ұғымдарының өзара байланысы құқықтанудағы негізгі мәселе болып табылады. Олардың түсіндірмелері құқықтық жүйелерде әртүрлі, бұл олардың ұлттық заңнама мен құқық қорғау органдарында қолданылуына әсер етеді. Қазақстандағы құқықтық нормаларды түсіндіруде әртүрлі

құқықтық қақтығыстар мен сәйкессіздіктердің болуын ескере отырып, бұл мәселе ерекше өзекті болып табылады. Бұл мақалада құқық пен заң арасындағы философиялық және құқықтық айырмашылықтар, олардың қазақстандық құқықтанудағы рөлі қарастырылады, сондай-ақ отандық және халықаралық тәсілдер, конституциялық нормалардың әсері және сот тәжірибесі талданады. Оң құқық пен құқықтық қағидаттар арасындағы қақтығыстарға және оларды шешу жолдарына ерекше назар аударылады. Бұл екі санатты түсінуге практикалық тәсілдер Қазақстанда да, халықаралық деңгейде де қарастырылады. Құқық пен заң бірдей ұғымдар емес деген қорытындыға келеді, өйткені заң, құқықтың ресми көрінісі ретінде, әрқашан оның негізгі қағидаттарын көрсете бермейді. Қазақстандағы құқықтық тәртіпті үйлестіру үшін заңнама мен құқық қорғау тәжірибелерін жетілдіру, сондай-ақ халықаралық құқықтық стандарттарды біріктіру және азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғауды күшейту үшін осы саладағы шетелдіктердің тәжірибесін ескеру қажеттілігі атап өтіледі.

Тірек сөздер: құқық, заң, құқықтық мемлекет, табиғи құқық, позитивтілік, құқық қолдану.

AMIROV T.K.,*[1]
PhD student.
*e-mail: timononp737@gmail.com
ORCID ID: 0009-0004-2501-0288
SULEIMANOV A.F.,[1]
d.l.s., professor.
e-mail: akif_sulei@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5848-7884
BUKALEROVA L.A.,[2]
d.l.s., professor.
e-mail: bukalerova-la@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0003-2794-5074
[1]Turan University,
Almaty, Kazakhstan
[2]Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF "LAW" AND "LEGISLATION" IN KAZAKHSTAN'S LEGAL THEORY AND PRACTICE

Abstract

The relationship between the concepts of "law" and "legislation" is a key issue in jurisprudence. Their interpretations vary across legal systems, which impacts their application in national legislation and law enforcement. Given the presence of various legal conflicts and discrepancies in the interpretation of legal norms in Kazakhstan, this issue is particularly pressing. This article examines the philosophical and legal differences between law and statute, their role in Kazakhstani jurisprudence, and analyzes domestic and international approaches, the influence of constitutional norms, and judicial practice. Particular attention is paid to conflicts between positive law and legal principles and ways to resolve them. Practical approaches to understanding these two categories are examined both in Kazakhstan and internationally. It is concluded that law and statute are not identical concepts, as statute, as a formal expression of law, does not always reflect its fundamental principles. The need to improve legislation and law enforcement practices to harmonize law and order in Kazakhstan, as well as to integrate international legal standards and take into account the experience of foreign countries in this area to strengthen the protection of citizens' rights and freedoms, is emphasized.

Keywords: law, act, legal state, natural law, positivism, law enforcement.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.10.2025

МРНТИ 10.01.11
УДК 349.2
JEL K31

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-20-31

АКПАН А.М.,[1]
докторант.
e-mail: akpanadik@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-5744-336X
МОМЫШЕВА Ф.С.,*[2]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
*e-mail: f.momysheva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0003-4053-0690
САРБАСОВ Б.А.,[3]
магистр юриспруденции.
e-mail: sarbassovbegzat@gmail.com
ORCID ID: 0009-0007-8462-9752
[1]Astana International University,
г. Астана, Казахстан
[2]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан
[3]Институт законодательства
и правовой информации РК,
г. Астана, Казахстан

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

Современный этап развития общества характеризуется стремительным внедрением технологий ИИ, что оказывает существенное влияние на сферу трудовых отношений. В условиях цифровизации возникает необходимость научного осмысления правовых, социальных и экономических последствий применения ИИ в системе занятости. Цель исследования заключается в выявлении ключевых направлений трансформации трудового права под воздействием интеллектуальных технологий и определении возможных путей адаптации нормативной базы к новым вызовам. Основная идея работы связана с осмыслением феномена замещения человеческого труда автоматизированными системами и формированием эффективных механизмов правового регулирования. Научная значимость исследования проявляется в комплексном рассмотрении теоретических и практических аспектов регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики. Практическая ценность заключается в разработке предложений по совершенствованию законодательства и институциональных практик. Методологическая база исследования опирается на сравнительно-правовой метод, системный анализ нормативных актов и судебной практики, а также на контент-анализ и доктринальное толкование. Результаты работы выявили пробелы и коллизии в действующем трудовом законодательстве, недостаточную готовность правовой системы к интеграции ИИ и необходимость законодательного закрепления новых форм занятости. Проведенное исследование вносит вклад в развитие научного дискурса о взаимодействии технологий и трудового права, предлагая практические рекомендации для обеспечения баланса интересов работодателей и работников.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, трудовое право, автоматизация, занятость, цифровизация, правовое регулирование.

Введение

Выбор темы, связанной с влиянием искусственного интеллекта (ИИ) на сферу трудовых отношений, обусловлен масштабностью происходящих трансформаций в современном обществе и недостаточной изученностью правовых аспектов данного процесса. Несмотря на наличие

отдельных работ в зарубежной и отечественной литературе, системные исследования, посвященные комплексному анализу внедрения ИИ в трудовое право Казахстана, практически отсутствуют, что указывает на наличие научного пробела и подтверждает актуальность обращения к обозначенной проблематике.

Современные тенденции цифровизации и автоматизации, усилившиеся в постпандемийный период, свидетельствуют о кардинальном изменении структуры занятости, перераспределении трудовых функций и росте значимости цифровых компетенций работников. Подобные процессы затрагивают как рутинные, так и интеллектуальные виды деятельности, что актуализирует необходимость переосмысления действующего трудового законодательства, его адаптации к новым технологическим вызовам и минимизации социальных рисков.

Объектом исследования выступают трудовые отношения в условиях цифровизации и внедрения ИИ. Предметом исследования являются правовые механизмы регулирования использования искусственного интеллекта в сфере труда, включая вопросы защиты прав работников, ответственности работодателей и обеспечения недискриминационного характера цифровых технологий.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей влияния ИИ на трудовые отношения и разработке предложений по совершенствованию правового регулирования в Республике Казахстан. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: проанализировать современное состояние внедрения ИИ в сфере труда; выявить пробелы и коллизии в национальном трудовом законодательстве; сопоставить отечественный и зарубежный опыт правового регулирования; определить риски и социальные последствия применения ИИ; предложить направления модернизации трудового законодательства с учетом международных стандартов.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой метод, системный анализ нормативных правовых актов и судебной практики, а также методы контент-анализа и доктринального толкования. Применение комплексного междисциплинарного подхода позволило выявить взаимосвязь правовых, социальных и этических аспектов влияния ИИ на трудовые отношения.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что существующее трудовое законодательство Казахстана в его нынешнем виде не в полной мере учитывает последствия внедрения ИИ, что в перспективе может привести к нарушению прав работников и росту социального неравенства.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в законотворческой деятельности, при подготовке предложений по совершенствованию Трудового кодекса Республики Казахстан, а также в экспертной и правоприменительной практике. Разработанные выводы и рекомендации могут служить основой для формирования сбалансированного правового режима, обеспечивающего гармоничное сочетание интересов работников, работодателей и государства в условиях цифровой трансформации экономики.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплекс взаимодополняющих подходов, включающий сравнительно-правовой метод, системный анализ нормативных правовых актов и судебной практики, а также методы контент-анализа и доктринального толкования. Применение сравнительно-правового метода позволило выявить специфику регулирования использования искусственного интеллекта в сфере трудового права на основе сопоставления законодательства Республики Казахстан с правовыми системами зарубежных государств, включая положения нормативных актов, проекты законов и международные соглашения. Системный анализ правовых норм обеспечил возможность выявления пробелов и коллизий в национальном регулировании, а также установления причинно-следственных связей между действующими положениями законодательства и реальной практикой их применения.

Использование методов контент-анализа и доктринального толкования правовых источников, научных публикаций и экспертных заключений позволило обобщить теоретические подходы и практические решения, выработанные в научной и правоприменительной среде. Учет

данных судебной практики способствовал формированию объективного представления о тенденциях в правоприменении и выявлению новых вызовов, связанных с внедрением ИИ в трудовую сферу. Применение как количественных, так и качественных методов анализа обеспечило комплексное рассмотрение социально-правовых и этических аспектов исследуемой проблематики, а также позволило сформулировать предложения по адаптации трудового законодательства к условиям цифровой трансформации.

Результаты и обсуждение

Искусственный интеллект представляет собой динамично развивающуюся сферу. В современном обществе он занимает все более важные позиции. Такое стремительное внедрение ИИ вызывает множество правовых вопросов. Право сталкивается с новой, ранее неизвестной категорией. Возникают сложности в определении статуса и полномочий ИИ. Актуальны также вопросы этики и правовой ответственности [1].

В трудовом праве эти проблемы становятся особенно заметны. Обсуждаются риски вытеснения работников искусственным интеллектом. Опасения вызывает снижение числа рабочих мест. Сложности вызывает и адаптация сотрудников к новым технологиям. Обучение новым системам требует времени и ресурсов. Это может создать препятствия на рынке труда. Кроме того, нормативное регулирование ИИ остается недостаточно четким. Законодательные нормы часто не успевают за практикой. Это создает правовую неопределенность в трудовых отношениях.

Анализ событий последних лет подтверждает эту тенденцию. Пандемия ускорила цифровизацию и развитие ИИ-технологий. Массовый переход на удаленную работу стал стимулом изменений. Была пересмотрена правовая база трудовой деятельности. Введены новые нормы, регулирующие цифровые формы труда. Для работодателей ситуация открыла новые возможности автоматизации. Интерес к ИИ усилился во многих отраслях. Широкое применение систем ИИ стало реальностью. Это повлияло на структуру занятости и функции управления [2].

В 2022 г. стало заметно, что технологии достигли нового уровня. Теперь задачи, ранее считавшиеся творческими, могут выполняться без участия человека. Это касается не только ChatGPT, но и других систем. В их числе – Midjourney, Bard, ChatSonic, Rytr и другие. Эти инструменты способны генерировать тексты, изображения и выполнять аналитические задачи.

Тематика влияния ИИ остается сравнительно новой. Крупные исследования пока проводятся ограниченно. Однако отдельные авторы уже начали изучать влияние ИИ на рынок труда. Так, по результатам анализа, выполненного Али Зарифхонарваром, значительная доля профессий может быть затронута ИИ. По его мнению, генеративные технологии способны повлиять на более чем треть профессий. Некоторые из них могут исчезнуть, другие частично трансформируются [3]. При этом отсутствуют точные количественные данные и модели. Исследование опирается на описание профессий по международной классификации. Наиболее уязвимыми признаны профессионалы и технические специалисты. Меньшее влияние ожидается в сфере обслуживания и продаж.

Другие исследователи, такие как Боуэн Лу и его коллеги, анализировали ситуацию в Китае [4]. Они пришли к выводу, что влияние ИИ будет неравномерным. В целом масштаб воздействия оценен как умеренный. Основной акцент сделан на различиях между развитыми и развивающимися странами. Чем выше расходы на рабочую силу, тем больше стимулов внедрять ИИ. Однако не все задачи одинаково подвержены автоматизации. Например, производство одежды остается трудоемким. Это связано с особенностями материалов и конструкции изделий. Исследования показали, что только часть задач может быть заменена ИИ. В среднем это около 4% [5]. В отдельных условиях цифра может увеличиться до 15% [6]. В наибольшей степени влияние ИИ затронет молодых специалистов. Особенно это касается сфер ИКТ, финансов, торговли и недвижимости. Таким образом, влияние ИИ на труд затрагивает разные профессии и возрастные группы.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о множественности подходов к регулированию искусственного интеллекта. Эти подходы формируются исходя из приоритетов и интересов отдельных государств. США ориентированы на технологическое лидерство и развитие надежных

ИИ-систем. В Китае делается акцент на глобальное доминирование через реализацию национальных программ. Европейский союз стремится выстроить регулирование на принципах гуманности и прозрачности.

Несмотря на различия, во многих странах прослеживаются схожие правовые тенденции. Страны разрабатывают стратегические документы и формируют этические нормы. Внимание уделяется безопасности, прозрачности и социальной ответственности ИИ. Эти принципы часто закрепляются в рекомендациях и декларациях. Одним из значимых шагов стало принятие ЮНЕСКО глобального документа по этике ИИ. В нем зафиксированы принципы, направленные на защиту человека в цифровую эпоху [7].

Этика рассматривается как основа будущего регулирования. Ученые выделяют ключевые направления развития этической базы. Этика ИИ строится на безопасности, прозрачности и уважении к личности. Также поднимаются вопросы конфиденциальности, устойчивости и участия общества. Эти принципы создают основу для разработки правовых норм. Этическая регуляция определяет вектор технологического прогресса. Она влияет на формы внедрения ИИ в разные сферы.

Развитие этических стандартов сопровождается стратегическим планированием. Государства разрабатывают концепции и дорожные карты по применению ИИ. В некоторых странах формируются индексы готовности к ИИ. Они оценивают уровень подготовки к цифровым вызовам. Казахстан не остался в стороне от этих процессов. Принята Концепция цифровой трансформации на 2023–2029 гг. [8]. Документ определяет приоритеты в области ИКТ и кибербезопасности. Предусмотрена разработка стратегической дорожной карты по ИИ. Также выделены направления роста, такие как здравоохранение и агропромышленный сектор.

В сфере законодательства наблюдается фрагментарный подход. Зарубежные страны пока не пришли к универсальному решению. Некоторые государства вносят изменения в действующее законодательство. В ЕС предложен первый комплексный проект закона об ИИ. Он основан на оценке степени риска применения технологий. В зависимости от уровня риска предлагаются разные меры контроля. Высокий риск требует строгих проверок и сертификаций. Минимальный риск предполагает простую идентификацию системы. Такой подход вызывает как поддержку, так и критику [9].

В Великобритании предлагается гибкая модель регулирования. Она ориентирована на стимулирование инноваций и научный прогресс. Регулирование должно соответствовать контексту использования ИИ. Основу составляют межсекторальные принципы: прозрачность, пропорциональность, ответственность. Предлагается разграничить полномочия регуляторов и установить правила взаимодействия [10].

В Казахстане регулирование ИИ также носит фрагментарный характер. Закон «Об информатизации» [11] дополнен положениями об интеллектуальных роботах. Введены определения и описания платформ на базе ИИ. Эти изменения отражают реакцию на цифровизацию, но остаются общими. Пока отсутствует кодифицированный акт, охватывающий весь спектр ИИ. Ученые призывают к поэтапному созданию правовой базы. Необходима системная работа с учетом международных стандартов.

Концепция правовой политики до 2030 г. содержит общие ориентиры. Предусматривается развитие правовых норм в цифровой сфере [12]. Отдельные предложения касаются регулирования обработки данных и машинного обучения. Однако в научной среде продолжаются споры о целесообразности кодификации. Некоторые специалисты считают создание Цифрового кодекса преждевременным. Альтернативой может стать поэтапная разработка подзаконных актов.

М. Хасенов в докладе «Влияние технологий искусственного интеллекта на развитие трудового права в контексте международных стандартов» акцентирует внимание на необходимости формирования сбалансированной, гибкой и человекоцентричной регуляторной политики в отношении платформенной занятости. Он подчеркивает, что при определении правового режима таких трудовых отношений приоритет должен отдаваться добровольному выбору самого работника, а не автоматическому применению гражданско-правовой модели, как это нередко практикуется в современных правовых системах. Признание трудовых отношений должно охватывать и сферу платформенной занятости, при этом ключевым условием становится соответствие установленным признакам трудовых отношений. Такая позиция предполагает отход

от одностороннего подхода, при котором используется исключительно один из существующих юридических механизмов – гражданско-правовой, трудовой, либо статус самозанятого или индивидуального предпринимателя. Вместо этого более целесообразным представляется использование межотраслевого правового регулирования, способного учитывать специфику цифровой экономики и обеспечивать баланс интересов всех участников платформенного взаимодействия [13].

На данный момент в Республике Казахстан отсутствуют нормативные постановления Верховного суда, напрямую регулирующие вопросы трудовых отношений в сфере использования искусственного интеллекта. Вместе с тем в нормативном постановлении Верховного суда РК от 28 ноября 2024 г. № 1 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при разрешении трудовых споров» подчеркивается необходимость обеспечения единообразного применения судами норм трудового законодательства, включая случаи, связанные с цифровизацией трудовых процессов [14].

В то же время в Казахстане активно внедряются технологии искусственного интеллекта в судебную систему. Так, с 2022 г. функционирует сервис «Цифровая аналитика судебной практики», который использует ИИ для анализа судебных решений, выявления аномалий и прогнозирования исходов гражданских дел. По данным Верховного суда, в 2024 г. ИИ обработал треть дел и материалов, что составляет около 665 тысяч из 2 миллионов [15].

Несмотря на активное применение ИИ в судебной практике, правовое регулирование его использования в трудовых отношениях остается недостаточно разработанным. В связи с этим необходима дальнейшая работа по формированию нормативной базы, учитывающей особенности применения искусственного интеллекта в сфере труда, включая вопросы определения правового статуса ИИ, ответственности за его действия и защиты прав работников.

Так, четвертая индустриальная трансформация обозначила переход мировой экономики к широкому внедрению автоматизированных производственных процессов, функционирование которых осуществляется посредством интеллектуальных цифровых систем. Технологии искусственного интеллекта выходят за рамки отдельных предприятий, образуя транснациональные производственные и логистические комплексы, что формирует новые модели взаимодействия на глобальном уровне. Данная технико-экономическая парадигма существенно уменьшает зависимость хозяйственной деятельности от стоимости и объема человеческого труда.

При этом современное трудовое законодательство по-прежнему закрепляет за работодателем исключительные управленческие прерогативы, включая принятие решений о заключении и расторжении трудовых договоров. Однако в условиях цифровой экономики предпринимательская активность ориентируется преимущественно на максимизацию производительности и рост доходности, что стимулирует стремительное внедрение роботизированных систем. Как только автоматизированные механизмы начинают выполнять трудовые функции более эффективно, возникает реальная угроза масштабного высвобождения рабочей силы, вследствие чего человек постепенно замещается технологическими и алгоритмическими инструментами.

Параллельно фиксируется нехватка кадрового потенциала, что выражается в затрудненности для работодателей при привлечении специалистов, обладающих рабочими квалификациями. Особенно остро это проявляется в производственной сфере. Согласно прогнозам, к 2028 г. на предприятиях США останутся миллионы незаполненных вакансий. Причиной тому станет как нехватка квалифицированных специалистов, так и пенсионный отток сотрудников. Молодежь все реже выбирает технические или рабочие профессии [16].

Недостаток квалификации также усугубляет ситуацию. Многие вакансии остаются незанятыми из-за нехватки компетенций у соискателей. В ответ на это компании начинают инвестировать в робототехнику. При наличии высоких издержек на труд людей они выбирают автоматизацию. Уже сейчас внедряются беспилотные машины и конвейеры. Это говорит о начале масштабных изменений в структуре труда.

Интеллектуальные технологии быстро интегрируются в рабочие процессы. Искусственный интеллект становится неотъемлемым участником труда. Такие процессы происходят в разных сферах, от офисов до производства. Ведущие технологические эксперты прогнозируют, что в ближайшие годы ИИ сможет заменить половину профессий. Это связано с физическими и психологическими особенностями человеческого труда. Люди нуждаются в отдыхе, устают от рутинных задач. В то время как ИИ работает непрерывно и без потерь.

Скорость изменений зависит от множества факторов. На это влияет уровень инвестиций, экономическая эффективность, потребности рынка. Также важно учитывать социальные и организационные последствия. Влияние на коллективы и клиентов компаний также играет важную роль. Эти обстоятельства делают будущие трансформации трудно предсказуемыми [17].

Тем не менее ясно одно: ИИ уже стал частью цифрового общества. Его применение невозможно игнорировать или отменить. Особенно это заметно в медицине, где роботы обеспечивают высокую точность. Ошибки при операциях с участием ИИ сведены к минимуму. Диагностика стала быстрее и эффективнее, чем ранее. Все это подтверждает неизбежность дальнейшего развития технологий в труде.

Современная нормативная база трудового права Республики Казахстан не содержит комплексных решений относительно проблематики интеграции технологий искусственного интеллекта в сферу занятости. Так, в статье 46 Трудового кодекса закреплено право работодателя изменять условия трудовой деятельности при возникновении обстоятельств организационного или технологического характера. Дополнительно, согласно положению пункта 1 статьи 52 указанного Кодекса, допускается расторжение трудового договора вследствие сокращения численности персонала либо оптимизации штатной структуры [18].

В Казахстане отсутствуют решения Конституционного и Верховного суда, затрагивающие ИИ, но с 2022 г. элементы искусственного интеллекта внедрены в сервис «Цифровая аналитика судебной практики». Также и Министерство труда РК не уделяет должного внимания регулированию использования ИИ в трудовых отношениях. Однако стоит рассмотреть статьи ТК РК, которые затрагивают каким-либо образом данную сферу.

Статья 1 ТК РК содержит определения ключевых понятий, таких как «работник», «работодатель», «трудовые отношения». С учетом внедрения ИИ в трудовую сферу возникает необходимость уточнения этих понятий, например, введения определения «цифровой труд» или «работник, взаимодействующий с ИИ», чтобы охватить новые формы занятости и взаимодействия человека с ИИ-системами. Предлагаем внедрить в ТК РК следующие определения:

- цифровой труд – выполнение работ или оказание услуг работником с использованием цифровых платформ, информационно-коммуникационных технологий, включая автоматизированные и интеллектуальные системы, в том числе без постоянного физического присутствия на рабочем месте;
- работник, взаимодействующий с системой искусственного интеллекта, – физическое лицо, выполняющее трудовые функции при непосредственном или опосредованном участии программных решений на базе искусственного интеллекта, принимающих или поддерживающих управленческие, организационные либо технологические решения, влияющие на условия труда, режим работы, оплату или занятость.

В ст. 6 ТК РК указано, что запрещается дискриминация в сфере труда. Однако алгоритмы ИИ могут непреднамеренно воспроизводить или усиливать существующие предвзятости, что может привести к дискриминации при найме или продвижении по службе. Необходимо дополнить статью положениями, обязывающими работодателей обеспечивать прозрачность и проверку ИИ-систем на предмет отсутствия дискриминационных практик. Предлагаемая редакция дополнения в статью 6 часть 4 (после действующего пункта 4):

4-1. Работодатель обязан при использовании автоматизированных систем, включая системы искусственного интеллекта, применяемые в процессе подбора персонала, оценки эффективности труда, принятия решений о найме, увольнении, продвижении по службе или изменении условий труда, обеспечивать прозрачность алгоритмов принятия решений, проводить регулярную проверку (аудит) указанных систем на предмет недопущения дискриминации по признакам, запрещенным настоящим Кодексом. Методы аудита и порядок оценки должны соответствовать установленным нормативным требованиям.

В ст. 22 ТК РК определены основные права и обязанности работника. С учетом использования ИИ в управлении трудовыми процессами следует предусмотреть право работника на информацию о применении ИИ в отношении его труда, а также возможность оспаривания решений, принятых ИИ-системами, особенно если они влияют на условия труда или занятость.

В содержании ст. 23 ТК РК описаны основные права и обязанности работодателя. В условиях использования ИИ работодатели должны нести ответственность за корректную рабо-

ту ИИ-систем, их соответствие законодательству и недопущение нарушений прав работников. Следует ввести обязанность работодателя проводить аудит ИИ-систем и обеспечивать их прозрачность для работников. Предлагаемое дополнение к ст. 23, ч. 2 ТК РК (после действующего пункта 19) следующее:

19-1. При использовании автоматизированных систем, включая технологии искусственного интеллекта, влияющие на процессы подбора, оценки, управления, дисциплинарного воздействия или увольнения работников, работодатель обязан:

- обеспечивать прозрачность и понятность принципов функционирования таких систем для работников, которых они касаются;
- проводить регулярный внутренний аудит ИИ-систем с целью выявления нарушений законодательства о труде, недопущения дискриминации, предвзятых решений или некорректной обработки персональных данных;
- предоставлять работникам информацию об использовании ИИ в отношении их трудовой деятельности, а также механизм оспаривания решений, принятых с применением ИИ.

Такое дополнение обеспечит баланс между цифровизацией управления персоналом и защитой трудовых прав. Оно возложит на работодателя не только техническую, но и правовую ответственность за внедрение ИИ в кадровые процессы, стимулируя более ответственное и этичное использование технологий в трудовой сфере.

В ст. 28 ТК РК описано содержание трудового договора. В современных условиях важно включать в договор информацию о применении ИИ в трудовом процессе, описывать, какие решения могут приниматься ИИ и как это может повлиять на работника. Это обеспечит информированное согласие работника и повысит прозрачность трудовых отношений.

Стоит также отметить, что ст. 46 ТК РК регулирует изменение условий труда. Внедрение ИИ может существенно изменить характер работы, требования к квалификации и условия труда. Необходимо установить, что такие изменения требуют согласия работника и предварительного уведомления, а также предусмотреть возможность обучения и переквалификации работников в связи с внедрением ИИ. Для адекватного правового реагирования на изменения условий труда, вызванные внедрением технологий искусственного интеллекта, рекомендуется внести дополнение в ст. 46 ТК РК, которая регулирует порядок изменения условий трудового договора. Наиболее подходящим будет добавление нового пункта в ч. 1 ст. 46 ТК РК, поскольку именно она определяет общие случаи и порядок изменения условий труда по инициативе работодателя. Предлагаем дополнение к статье 46, часть 1 (новый абзац после основного положения):

В случае планируемого внедрения цифровых и автоматизированных систем, включая технологии искусственного интеллекта, которое может привести к изменению содержания трудовой функции, характера выполняемой работы, требований к квалификации или условий труда, работодатель обязан не менее чем за один месяц уведомить об этом работника в письменной форме с указанием предполагаемых изменений. Такие изменения допускаются только с согласия работника и могут сопровождаться предоставлением возможности профессионального обучения или переквалификации за счет работодателя.

Внедрение ИИ способно не только повысить эффективность труда, но и привести к трансформации содержания трудовых функций – автоматизации части обязанностей, изменению формата взаимодействия, росту требований к цифровой компетентности. Предложенная норма закрепляет право работника на информированность, защиту от одностороннего изменения условий труда и гарантию профессиональной адаптации. Это соответствует принципу «технологической справедливости» и поддерживает баланс интересов работника и работодателя в условиях цифровой трансформации экономики. Такое регулирование будет особенно актуально для сфер, где ИИ внедряется активно – логистика, финансы, HR, промышленность и государственные услуги.

В ст. 105 ТК РК определена оплата труда работников на тяжелых, вредных и опасных работах. Использование ИИ может изменить оценку условий труда, например, за счет автоматизации опасных процессов. Следует предусмотреть механизмы пересмотра условий оплаты труда в связи с внедрением ИИ, чтобы обеспечить справедливую компенсацию и стимулировать повышение безопасности труда. С целью учета влияния технологий искусственного интеллекта на условия и оплату труда в сфере тяжелых, вредных и опасных производств, разумно внести дополнение в ст. 105 ТК РК, которая регулирует вопросы доплат за такие условия. Наиболее

уместным является дополнение ч. 1 ст. 105 ТК РК, поскольку именно в ней содержится основная норма о порядке оплаты труда за вредные и опасные условия. Предлагаем дополнение к ст. 105, ч. 1 ТК РК (после основного абзаца, как новый абзац):

В случае внедрения автоматизированных, роботизированных или интеллектуальных систем, направленных на снижение или устранение факторов, обуславливающих отнесение условий труда к тяжелым, вредным или опасным, работодатель обязан инициировать внеочередную оценку условий труда. Пересмотр порядка оплаты в сторону уменьшения допускается только при условии документально подтвержденного улучшения условий труда и по согласованию с представительным органом работников (при его наличии), с обязательным информированием работника и сохранением его права на профессиональную переоценку.

Применение ИИ и автоматизации способно снизить фактическое воздействие вредных факторов, например, через дистанционное управление, автоматизированный мониторинг или использование робототехники. Однако нельзя допускать автоматического сокращения доплат без объективной оценки, это может повлечь социальное напряжение и нарушить принцип справедливой компенсации. Дополнение гарантирует, что пересмотр оплаты будет основываться на объективных данных, обеспечит прозрачность и участие работников в процессе, и одновременно стимулирует работодателей к инвестициям в безопасность труда. Такая норма уравновесит интересы сторон и соответствует принципам безопасного и достойного труда в эпоху цифровизации.

Таким образом, интеграция ИИ в трудовые отношения требует комплексного пересмотра ряда положений ТК РК. Необходимо обеспечить баланс между инновациями и защитой прав работников, адаптируя законодательство к новым технологическим реалиям.

Экономически мотивированные сокращения не противоречат праву работодателя инвестировать в автоматизацию. Предусмотренная законодательством гарантия в виде предложения другой вакантной должности часто оказывается формальной. Закон требует от работодателя учитывать интересы работников, но не обязывает адаптировать их к новым условиям. В отличие от практики некоторых европейских стран, в Казахстане не закреплена обязанность работодателя по переобучению или поддержке занятости в условиях цифровизации.

Между тем внедрение искусственного интеллекта требует пересмотра роли человека в трудовом процессе. Машина становится не просто инструментом, а полноправным участником выполнения трудовых функций. Это поднимает вопрос о правовом статусе роботизированных систем.

В юридической литературе рассматриваются идеи признания ИИ субъектом права. Предлагается наделить такие системы минимальными правами и обязанностями. Основной интерес в трудовом праве вызывает вопрос авторства и права на результаты интеллектуального труда ИИ. Разрабатываются концепции, позволяющие рассматривать ИИ как аналог наемного работника. В рамках подхода к служебному произведению появляется возможность интеграции ИИ в сферу трудовых отношений [19, с. 67].

Минимизация рисков массовой роботизации требует своевременных социальных мер. Необходима прозрачность и учет мнения работников и профсоюзов. Зарубежный опыт показывает важность согласования внедрения ИИ с представителями трудовых коллективов. Аналогичная практика может быть применена и в Казахстане через механизмы коллективных переговоров. Некоторые страны уже обсуждают меры налогового характера, направленные на уравнивание экономических последствий замены человека на ИИ. Кроме того, обсуждается введение базового дохода для граждан, что может компенсировать потерю рабочих мест.

Международные организации подчеркивают значимость всеобщей системы социальной защиты. Трудовое право должно обеспечивать право на непрерывное обучение и профессиональное развитие. Это особенно актуально в условиях стремительного технологического прогресса.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить важность комплексного подхода. Казахстану предстоит формировать стратегическое и правовое видение. Основой должны стать этические принципы и защита прав человека. Международный опыт показывает ценность гибкого, но ответственного регулирования. Такой подход создаст условия для роста ИИ и минимизации

рисков. Эффективное регулирование станет стимулом для инновационного развития. Для эффективного реагирования на вызовы цифровизации необходимо системное и стратегическое законодательное регулирование. Оно должно учитывать постепенное изменение структуры занятости, трансформацию социального устройства, а также появление новых форм труда. Без соответствующей адаптации трудового законодательства Казахстан может столкнуться с углублением социальных рисков.

Интеграция искусственного интеллекта в сферу трудовых отношений представляет собой важный вызов для системы трудового права Республики Казахстан, требующий не только технической, но и нормативно-правовой адаптации. Действующее трудовое законодательство в его текущем виде не охватывает в полной мере правовые последствия использования интеллектуальных систем в управлении персоналом, организации труда, принятии кадровых решений, а также оценке условий и содержания труда.

Обновление положений ТК РК должно быть направлено на создание сбалансированного и справедливого правового режима, в котором инновационные технологии способствуют развитию трудовых отношений, не подрывая при этом трудовые права и социальные гарантии работников. Такой подход позволит не только минимизировать риски социальной напряженности, но и стимулировать устойчивое и этичное внедрение цифровых решений в сферу труда, формируя основу для правового регулирования будущего труда в условиях цифровой экономики.

Отметим, что решение поставленных во введении задач позволило получить конкретные результаты, соотносящиеся с целью исследования. Проанализировано современное состояние внедрения ИИ в сфере труда: показано, что цифровизация и распространение генеративных технологий уже изменяют структуру занятости и содержание трудовых функций, усиливая тенденции автоматизации и дефицита традиционных рабочих профессий. Выявлены ключевые пробелы и коллизии национального трудового законодательства Республики Казахстан, в том числе фрагментарность регулирования ИИ, отсутствие специальных норм о «цифровом труде» и платформенной занятости, недостаточность гарантий при использовании алгоритмических систем управления персоналом. Сопоставление отечественного и зарубежного опыта позволило установить, что Казахстан движется в русле общемировых трендов (этические принципы, стратегические документы, элементы рискориентированного подхода), однако отстает по степени нормативной детализации и институциональной готовности к интеграции ИИ. Конкретизированы риски и социальные последствия применения ИИ: рост угрозы технологической безработицы, усиление алгоритмической дискриминации, трансформация роли работника и изменение баланса интересов участников трудовых отношений. На этой основе разработан комплекс адресных предложений по модернизации Трудового кодекса РК (уточнение понятийного аппарата, запрет дискриминационных алгоритмов, закрепление прав работника на информированность и оспаривание решений ИИ, введение обязанностей работодателя по аудиту ИИ-систем, уведомлению и переобучению, пересмотру условий труда при автоматизации), что обеспечивает нормативную адаптацию трудового права к вызовам цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1 Степанов К.А., Кушнарев А.С. Искусственный интеллект в сфере труда: тенденции, проблемы, перспективы развития // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 209–221.

2 Жанкубаев Б.А., Аргандыков Д.Р., Шумеков Д.Н. Использование генеративного искусственного интеллекта на рынке труда в Республике Казахстан // Социально-трудовые исследования. – 2024. – № 1(54). – С. 73–81.

3 Zarifhonarvar A. Economics of ChatGPT: A Labor Market View on the Occupational Impact of Artificial Intelligence. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4350925

4 Lou B., Sun H., Sun T. GPTs and Labor Markets in the Developing Economy: Evidence from China. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4426461

5 Gmyrek P., Berg J., Bescond D. Generative AI and Jobs: Policies to manage the transition. ILO, 2024. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2024-05/Gmyrek%3B%20Berg%3B%20Bescond_Generative%20AI%20and%20Jobs.pdf

6 Eloundou T., Manning S., Mishkin P., Rock D. GPTs are GPTs: An Early Look at the Labor Market Impact Potential of Large Language Models. 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2303.10130

7 Конусова В.Т. Регуляторная политика в сфере искусственного интеллекта: исследование подходов к правовому регулированию // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – № 3(74). – С. 48–57.

8 Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269

9 Kohn B., Pieper F.-U. AI Regulation around the world. URL: https://www.taylorwessing.com/en/interface/2023/ai—are-we-getting-the-balance-between-regulation-and-innovation-right/ai-regulation-around-the-world

10 Gikay A.A. Risks, innovation, and adaptability in the UK's incrementalism versus the European Union's comprehensive artificial intelligence regulation // International Journal of Law and Information Technology. 2024. Vol. 32. URL: https://academic.oup.com/ijlit/article/doi/10.1093/ijlit/eaae013/7701544?login=false

11 Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V «Об информатизации». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902

12 Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39401807

13 Возможности цифровизации. URL: https://zanmedia.kz/vozmozhnosti-czifrovizaczii/134946/

14 Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 28 ноября 2024 года № 1 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при разрешении трудовых споров». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39260446

15 Дорошкевич Г.В Казахстане искусственный интеллект сокращает рассмотрение судебных дел по ДТП до 10 минут. URL: https://digitalbusiness.kz/2024-08-28/v-kazahstane-iskusstvenniy-intellekt-sokrashchaet-rassmotrenie-sudebnih-del-po-dtp-do-10-minut/?utm_source=chatgpt.com

16 Manufacturing Industry Faces Unprecedented Employment Shortfall: 2.4 Million Skilled Jobs Projected to Go Unfilled According to Deloitte and The Manufacturing Institute. URL: https://www2.deloitte.com/us/en/pages/about-deloitte/articles/2018-manufacturing-skillsgap-study.html

17 Yan S. Artificial intelligence will replace half of all jobs in the next decade, says widely followed technologist. URL: https://www.cnbc.com/2017/04/27/kai-fu-lee-robots-will-replace-half-of-all-jobs.html

18 Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832

19 Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. д-ра юрид. наук. – М., 2019. – 310 с.

REFERENCES

1 Stepanov K.A., Kushnarev A.S. (2023) Iskusstvennyj intellekt v sfere truda: tendencii, problemy, perspektivy razvitija // Voprosy rossijskoj justicii. No. 26. P. 209–221. (In Russian).

2 Zhankubaev B.A., Argandykov D.R., Shumekov D.N. (2024) Ispol'zovanie generativnogo iskusstvennogo intellekta na rynke truda v Respublike Kazahstan // Social'no-trudovye issledovanija. No.1(54). P. 73–81. (In Russian).

3 Zarifhonarvar A. Economics of ChatGPT: A Labor Market View on the Occupational Impact of Artificial Intelligence. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4350925 (In English).

4 Lou B., Sun H., Sun T. GPTs and Labor Markets in the Developing Economy: Evidence from China. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4426461 (In English).

5 Gmyrek P., Berg J., Bescond D. (2024) Generative AI and Jobs: Policies to manage the transition. ILO. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2024-05/Gmyrek%3B%20Berg%3B%20Bescond_Generative%20AI%20and%20Jobs.pdf (In English).

6 Eloundou T., Manning S., Mishkin P., Rock D. (2023) GPTs are GPTs: An Early Look at the Labor Market Impact Potential of Large Language Models. URL: https://arxiv.org/abs/2303.10130 (In English).

7 Konusova V.T. (2023) Reguljatornaja politika v sfere iskusstvennogo intellekta: issledovanie podhodov k pravovomu regulirovaniju // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. No. 3(74). P. 48–57. (In Russian).

8 Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 28 marta 2023 g. No. 269 «Ob utverzhdenii Koncepcii cifrovoj transformacii, razvitija otrasli informacionno-kommunikacionnyh tehnologij i kiberbezopasnosti na 2023–2029 gody». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 (In Russian).

9 Kohn B., Pieper F.-U. AI Regulation around the world. URL: https://www.taylorwessing.com/en/interface/2023/ai—are-we-getting-the-balance-between-regulation-and-innovation-right/ai-regulation-around-the-world (In English).

10 Gikay A.A. (2024) Risks, innovation, and adaptability in the UK's incrementalism versus the European Union's comprehensive artificial intelligence regulation // International Journal of Law and Information Technology. Vol. 32. URL: https://academic.oup.com/ijlit/article/doi/10.1093/ijlit/eaae013/7701544?login=false (In English).

11 Zakon Respubliki Kazahstan ot 24 nojabrja 2015 g. No. 418-V «Ob informatizacii». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902 (In Russian).

12 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 15 oktjabrja 2021 g. No. 674 «Ob utverzhdenii Koncepcii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan do 2030 goda». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39401807 (In Russian).

13 Vozmozhnosti cifrovizacii. URL: https://zanmedia.kz/vozmozhnosti-czifrovizaczii/134946/ (In Russian).

14 Normativnoe postanovlenie Verhovnogo suda Respubliki Kazahstan ot 28 nojabrja 2024 goda No. 1 «O nekotoryh voprosah primenenija sudami zakonodatel'stva pri razreshenii trudovyh sporov». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39260446 (In Russian).

15 Doroshkevich G. V Kazahstane iskusstvennyj intellekt sokrashhaet rassmotrenie sudebnyh del po DTP do 10 minut. URL: https://digitalbusiness.kz/2024-08-28/v-kazahstane-iskusstvenniy-intellekt-sokrashchaet-rassmotrenie-sudebnih-del-po-dtp-do-10-minut/?utm_source=chatgpt.com (In Russian).

16 Manufacturing Industry Faces Unprecedented Employment Shortfall: 2.4 Million Skilled Jobs Projected to Go Unfilled According to Deloitte and The Manufacturing Institute. URL: https://www2.deloitte.com/us/en/pages/about-deloitte/articles/2018-manufacturing-skillsgap-study.html (In English).

17 Yan S. Artificial intelligence will replace half of all jobs in the next decade, says widely followed technologist. URL: https://www.cnbc.com/2017/04/27/kai-fu-lee-robots-will-replace-half-of-all-jobs.html (In English).

18 Trudovoj kodeks Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 goda No. 414-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832 (In Russian).

19 Morhat P.M. (2019) Pravosub#ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. d-ra jurid. nauk. M., 310 p. (In Russian).

АҚПАН А.М.,[1]
докторант.
e-mail: akpanadik@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-5744-336X
МОМЫШЕВА Ф.С.,*[2]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
*e-mail: f.momysheva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0003-4053-0690
САРБАСОВ Б.А.,[3]
заңтану магистрі.
e-mail: sarbassovbegzat@gmail.com
ORCID ID: 0009-0007-8462-9752
[1]Astana International University,
Астана қ., Қазақстан
[2]«Тұран» университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[3]Қазақстан Республикасының Заңнама және
құқықтық ақпарат институты,
Астана қ., Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ЕНГІЗУ ЖАҒДАЙЫНДА ЕҢБЕК ҚАТЫНАСТАРЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУДЫ МЕМЛЕКЕТТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ БАСҚАРУ

Аңдатпа

Қоғам дамуының қазіргі кезеңі ЖИ технологияларын жедел енгізумен сипатталады, бұл еңбек қатынастары саласына айтарлықтай әсер етеді. Цифрландыру жағдайында жұмыспен қамту жүйесінде АИ қолданудың құқықтық, әлеуметтік және экономикалық салдарын ғылыми тұрғыдан түсіну қажеттілігі туындайды. Зерттеудің мақсаты-зияткерлік технологиялардың әсерінен еңбек құқығын өзгертудің негізгі

бағыттарын анықтау және нормативтік-құқықтық базаны жаңа сын-қатерлерге бейімдеудің мүмкін жолдарын анықтау. Жұмыстың негізгі идеясы адам еңбегін автоматтандырылған жүйелермен алмастыру құбылысын түсінумен және құқықтық реттеудің тиімді тетіктерін қалыптастырумен байланысты. Зерттеудің ғылыми маңыздылығы цифрлық экономика жағдайында еңбек қатынастарын реттеудің теориялық және практикалық аспектілерін жан-жақты қарастырудан көрінеді. Практикалық құндылық-заңнаманы және институционалдық тәжірибені жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Зерттеудің әдіснамалық базасы салыстырмалы-құқықтық әдіске, нормативтік актілер мен сот практикасын жүйелі талдауға, сондай-ақ контент-талдау мен доктриналық түсіндіруге сүйенеді. Жұмыс нәтижелері қолданыстағы еңбек заңнамасындағы олқылықтар мен қайшылықтарды, құқықтық жүйенің ЖИ интеграциясына жеткіліксіз дайындығын және жұмыспен қамтудың жаңа нысандарын заңнамалық тұрғыдан бекіту қажеттілігін анықтады. Зерттеу жұмыс берушілер мен жұмысшылардың мүдделерінің тепе-теңдігін қамтамасыз ету үшін практикалық ұсыныстар ұсына отырып, технологиялар мен еңбек құқығының өзара әрекеттесуі туралы ғылыми дискурстың дамуына ықпал етеді.

Тірек сөздер: жасанды интеллект, мемлекеттік басқару, еңбек құқығы, автоматтандыру, жұмыспен қамту, цифрландыру, құқықтық реттеу.

AKPAN A.M.,[1]
doctoral student.
e-mail: akpanadik@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-5744-336X
MOMYSHEVA F.S.,*[2]
c.l.s., associate professor.
*e-mail: f.momysheva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0003-4053-0690
SARBASOV B.A.[3]
master of law degree.
e-mail: sarbassovbegzat@gmail.com
ORCID ID: 0009-0007-8462-9752
[1]Astana International University,
Astana, Kazakhstan
[2]Turan University,
Almaty, Kazakhstan
[3]Institute of Legislation and Legal Information
of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan

STATE-LEGAL MANAGEMENT OF LABOR RELATIONS TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

The current phase of societal development is defined by the accelerated adoption of AI, which significantly influences labor relations. In the context of digitalization, there is a growing demand for scholarly understanding of the legal, social, and economic implications of AI implementation in employment systems. The objective of this research is to identify the main directions of labor law transformation under the pressure of intelligent technologies and to outline mechanisms for adapting the regulatory framework to new realities. The core idea of the study is tied to analyzing the replacement of human labor by automated systems and shaping effective legal governance tools. The scientific relevance lies in a comprehensive assessment of theoretical and practical dimensions of labor regulation within the digital economy. Its applied value is expressed in recommendations for updating legislation and institutional models. The methodology is based on comparative legal analysis, systematic evaluation of legal norms and judicial practice, as well as content analysis. The results indicate existing gaps in labor legislation, insufficient institutional readiness for AI integration, and the need for formal recognition of new employment formats. The study contributes to academic discourse by offering practical guidance to balance the interests of employers and employees.

Keywords: artificial intelligence, public administration, labor law, automation, employment, digitalization, legal regulation.

Дата поступления статьи в редакцию: 01.10.2025

МРНТИ 10.17.25
УДК 342.9
JEL K49

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-32-41

ТАЙТОРИНА Б.А.,[1]
д.ю.н., профессор.
e-mail: binur.a@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5663-5473
МУРАТ С.,*[2]
докторант.
*e-mail: ms147@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9628-8672
БАЛГИМБЕКОВА Г.У.,[3]
PhD, профессор.
e-mail: gbalgimbekova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4405-1339
САДЫКАНОВА Ж.Е.,[4]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
e-mail: zhan_na_sad@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2613-3349
[1]Казахский национальный педагогический
университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан
[2]Балтийская международная академия,
г. Рига, Латвия
[3]Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан
[4]Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация

В данной статье рассматриваются новые подходы в концепции управления государственной службы с акцентом на взаимосвязь цифровизации и организационной этики. Центральной темой выступает необходимость перехода от традиционного администрирования к моделям, ориентированным на вовлеченность граждан, сервисную логику и цифровую зрелость. Особое внимание уделяется актуальным концепциям, формирующим современный облик государственной службы: New Public Service (NPS), провозглашающей приоритет служения обществу и диалога с гражданами; Public Value Management (PVM), фокусирующейся на создании общественной ценности и многостороннем управлении; Agile Public Administration, предполагающей гибкость, быструю адаптацию и внедрение инновационных решений; а также концепции Digital Government, где акцент сделан на технологическую трансформацию и использование данных. Авторы подчеркивают, что эффективное реформирование невозможно без параллельного развития организационной культуры, основанной на соблюдении этических норм, проактивном поведении и готовности к изменениям. Исследование предлагает рассматривать цифровизацию и служебную этику как взаимодополняющие векторы трансформации. Рассматриваются возможности внедрения гибких управленческих инструментов в деятельность государственных органов. Сделан вывод о стратегической важности адаптации международного опыта с учетом правового и культурно-исторического контекста Республики Казахстан.

Ключевые слова: этика, организационная культура, государственная служба, концепция, трансформация, цифровое государство, адаптация.

Введение

Проблема совершенствования государственной службы в современных условиях выходит за рамки чисто технической модернизации или замены процедур. Это обусловливается необходимостью формирования новой управленческой парадигмы, основанной на ценностях, доверии, результативности и высокой организационной культуре. Несмотря на наличие значительного объема стратегических документов и нормативных актов, в Республике Казахстан сохраняется институциональная фрагментированность в вопросах кадровой политики, низкий уровень внедрения этических стандартов и слабая ориентация на результат. Это проявляется в недостаточной мотивации служащих, формализации процедур оценки и слабой обратной связи с гражданами.

Между тем международный опыт демонстрирует, что устойчивость и эффективность государственной службы напрямую зависят от способности управленческих процедур адаптироваться к вызовам времени, внедрять гибкие форматы работы, ориентироваться на долгосрочные ценности и активно использовать цифровые инструменты управления. В условиях роста общественного запроса на подотчетность и прозрачность актуализируется проблема изучения моделей, способных обеспечить трансформацию организационной культуры и внедрение этикоцентричного управления. Соответственно, существует научная и практическая необходимость в системной переоценке концептуальных подходов к управлению государственной службой с учетом международных практик и их адаптации к особенностям социально-культурной, правовой и институциональной среды Казахстана.

Государственная служба в условиях глобальной трансформации управления сталкивается с новыми вызовами, требующими пересмотра устоявшихся подходов к организации, мотивации, этике и эффективности функционирования административного аппарата. Повышенные ожидания общества, стремительная цифровизация, необходимость формирования культуры прозрачности и подотчетности обусловили актуальность изучения новых управленческих концепций, применяемых в разных странах.

В Республике Казахстан вопрос формирования государственной службы приобретает стратегическое значение в контексте перехода к модели «слышащего государства», модернизации публичного управления и укрепления доверия граждан к государственным институтам. Основу таких преобразований составляет не только правовая реформа, но и формирование современной организационной культуры, этического климата, гибких механизмов кадровой политики и цифровых инструментов оценки результатов.

Обзор актуальной научной литературы последних лет подтверждает растущую значимость организационной культуры и служебной этики в системах публичного управления. Эффективность системы государственного управления в настоящее время во многом определяется уровнем организационной культуры государственных служащих [1].

Однозначно указывается, что устойчивость казахстанской модели государственной службы невозможна без институционализации ценностей и прозрачной системы карьерного роста [2]. Мотивация и ценностные ориентиры государственных служащих становятся основным фактором результативности [3]. Анализ глобальных трендов показывает, что цифровизация и этика – это взаимосвязанные векторы, определяющие успех реформ [4], вызовами реформирования госуправления в Казахстане [5]. В исследованиях прослеживается важность этических стандартов и культуры взаимодействия в развитии ответственного управления в странах Европейского союза [6]. Теоретико-прикладной интерес к трансформации подходов в государственном управлении подтверждается как международной, так и казахстанской научной повесткой, формируя обоснованную необходимость системного изучения современных практик и их применимости в отечественном контексте [7].

Цель исследования: провести комплексный анализ новых подходов в концепции государственной службы на основе международного опыта и выявить возможности их адаптации к казахстанским условиям.

Материалы и методы

Исследование основано на использовании комплексного междисциплинарного подхода, сочетающего правовые, управленческие, социологические и сравнительно-аналитические методы. Выбор методов обусловлен необходимостью системного изучения трансформационных процессов в сфере государственной службы, их международных аналогов и специфики казахстанского контекста.

В качестве источников использовались стратегические документы Республики Казахстан (Послания Президента 2022–2024 гг., Концепция развития государственной службы 2024–2029 гг. и другие); действующее законодательство в сфере государственного управления; международные исследования и сравнительные обзоры (OECD, UNDP); научные публикации из базы данных Scopus и Web of Science по темам организационной культуры, государственной службы и этики.

В процессе исследований использовался комплекс научных методов. Сравнительно-правовой анализ использовался для сопоставления моделей государственной службы в странах ОЭСР, ЕС, СНГ и Азии, выявления их сильных и слабых сторон; SWOT и PEST-анализы – для оценки внутренней устойчивости и внешних вызовов, влияющих на эффективность организационной культуры в государственном управлении Казахстана.

С целью выявления степени нормативной институционализации современных подходов к организации государственной службы применен контент-анализ стратегических и нормативных документов. Качественный анализ научных источников осуществлен для достижения цели выделения доминирующих исследовательских парадигм в международной литературе (этика, эффективность, ценности, цифровизация и др.). Методы адаптации международного опыта и правового моделирования применены в качестве аналитического инструмента обоснования применимости зарубежных практик в национальном правовом и культурном контексте.

Методологическая база исследования позволила обеспечить всесторонний анализ рассматриваемой проблемы, включая как теоретическую концептуализацию, так и практическую применимость выводов для системы государственной службы Казахстана.

Результаты и обсуждение

На рубеже XXI века в сфере публичного управления сформированы новые концепции, заменяющие классическую бюрократическую модель.

А) Концепция New Public Service (NPS)/Новая государственная служба ставит акцент на ценности, подотчетность: главная задача государственного служащего не контролировать, а служить обществу, уважая права граждан, вовлекая их в процессы принятия решений и укрепляя демократические, в том числе этические, ценности. Данная концепция сформулирована в классической работе J. Denhardt и R. Denhardt «The New Public Service: Serving, Not Steering» (2015). Авторская модель новой государственной службы представляет собой ценностную переориентацию государственной службы на основе демократической легитимности [8].

Б) Public Value Management (PVM) /Новая публичная ценность, или управление общественной ценностью – концепция, разработанная M. Moore в книге Creating Public Value еще в 1995 г. и актуализированная в 2013 г., по сути обосновывает теорию общественной ценности как фундамент, каркас современного управления, оценку эффективности которого следует переосмыслить через восприятие граждан и достигнутых результатов для общества. Концепция предлагает оценивать эффективность государственных институтов по тому, насколько конструктивна эта ценность для общества – через доверие, справедливость, устойчивость и вовлеченность [9].

На фоне критики бюрократической и неолиберальной моделей управления в конце XX – начале XXI века были предложены альтернативные подходы, ориентированные на ценности, участие граждан и долгосрочную устойчивость публичного управления. Несмотря на схожесть целей – переориентировать государственную службу с управления на служение обществу, – эти модели имеют принципиальные различия как в философской основе, так и в инструментах реализации. Концепция NPS/Новая государственная служба опирается на идеи демократического участия и гражданской ответственности. В рамках этой модели гражданин рассматрива-

ется не как клиент, которому предоставляется услуга, а как равноправный участник и партнер в процессе публичного управления. Роль государственного служащего трансформируется из функции администрирования в миссию общественного служения, предполагающего поддержку гражданской инициативы, прозрачность и ориентацию на общественное благо. Акцент делается на моральные и этические обязательства, важность публичной миссии и доверия.

Концепция Public Value Management (PVM)/Новая публичная ценность, или управление общественной ценностью исходит из необходимости стратегического и адаптивного управления, направленного на создание общественной ценности. В данном контексте под общественной ценностью понимается совокупность результатов и эффектов деятельности государства, которые воспринимаются как значимые и полезные для общества в целом. В этой модели на первый план выходит способность государственных органов балансировать между легитимностью политических решений, эффективностью их реализации и ожиданиями граждан. Государственный служащий здесь не просто посредник, он стратег, создающий и развивающий долгосрочную общественную ценность в условиях ограниченных ресурсов и конкурентных интересов.

Таким образом, основное отличие между NPS и PVM заключается в точке фокуса: если первая акцентирует внимание на демократическом участии и моральной ответственности, то вторая – на стратегическом управлении и институциональной эффективности. NPS формирует культуру служения, прозрачности и участия, тогда как PVM направлена на управление комплексными системами и создание измеримой ценности для граждан.

Обе модели активно применяются в реформах публичной службы и могут быть адаптированы в зависимости от уровня институциональной зрелости и культурного контекста.

В) Концепция Agile Public Administration/Гибкое управление представляет собой трансформационный подход, основанный на принципах гибкости, адаптивности и кросс-функционального взаимодействия в условиях быстро меняющейся внешней среды. (Scrum, Kanban, Lean). Она заимствует элементы из частного сектора, прежде всего из agile-методологий, разработанных в сфере управления ИТ-проектами и программной инженерии. Основная идея заключается в том, что государственные органы и их служащие должны действовать не в рамках жесткой иерархической структуры, а в условиях динамичного сотрудничества, постоянной обратной связи и итеративного принятия решений, когда управленческие решения принимаются не один раз на старте и окончательно, а циклично повторяются, с постоянным уточнением, корректировкой и доработкой на основе обратной связи и промежуточных результатов. Управление при этом фокусируется не на соблюдении процедур, а на ценности, создаваемой для граждан, и способности быстро адаптироваться к меняющимся социальным, экономическим и политическим условиям [10].

Характерные черты agile-подхода в госсекторе – это, во-первых, кросс-функциональные команды, включающие специалистов из разных ведомств и уровней; во-вторых, итеративность (пилотные проекты запускаются с последующим улучшением на основе отзывов пользователей); в-третьих, прозрачность, децентрализация и делегирование принятия решений в пределах команд; в-четвертых, постоянная обратная связь от конечных пользователей (граждан, предпринимателей, НПО); в-пятых, культура не наказывать за ошибки, а извлекать уроки. В Швеции, Нидерландах, Норвегии agile-подход применяется в разработке цифровых платформ, программ социальной поддержки, в структурных преобразованиях министерств. К примеру, в Швеции муниципальные органы используют agile-подход для координации социальных служб, объединяя команды здравоохранения, образования и социальных служб в единую систему поддержки семьи. В Эстонии министерство цифрового развития активно применяет agile-методы при запуске е-сервисов и платформ данных: проекты проходят цикл тестирования, обратной связи от граждан и доработки перед масштабированием.

Г) Концепция цифрового государства/Digital Governance отражает переход от аналогового, бумажного и процедурно-ориентированного государственного управления к модели, основанной на широком использовании информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта, больших баз данных, облачных решений и интернет-платформ. Цель цифрового государства не просто автоматизация процессов, а фундаментальное переосмысление роли государства как гибкой, предсказуемой и сервисно ориентированной структуры, действующей в интересах граждан.

Основные принципы цифрового государственного управления: цифровое взаимодействие «гражданин – государство» (онлайн-сервисы, электронные обращения, личные кабинеты); интеграция и совместимость баз данных (единая инфраструктура: реестры, цифровые профили); предиктивное и проактивное управление (использование ИИ для предсказания потребностей и автоматической подачи услуг); цифровая прозрачность (открытые бюджеты, публичные данные, онлайн-отчетность); безопасность и этика цифрового взаимодействия (защита персональных данных, доверие пользователей).

Международный опыт демонстрирует лучшие мировые практики. Эстония считается эталоном цифрового государства. Платформа X-Road объединяет 99% госуслуг в электронный формат, включая голосование онлайн, электронное резидентство, автоматические социальные выплаты. Успех обеспечивается интеграцией цифровой архитектуры на всех уровнях и законодательное признание цифрового взаимодействия как основного.

В Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) успешно апробирована модель Smart Government: платформа включает порталы, приложения, ИИ-консультантов и цифровые удостоверения личности. Это один из самых инновационных подходов к управлению государственной службой, который выходит за рамки классических управленческих иерархий. Отмечается высокая доля проактивных сервисов: государство само предлагает гражданам услугу на основе данных (например, уведомляет о продлении паспорта без запроса). Государственная служба в стране рассматривается как часть инновационного менеджмента: внедрены министерства без портфеля и нестандартные госструктуры, применяется система оценки «360 градусов» и открытая конкуренция идей граждан. Например, Министерство счастья, Министерство по делам будущего, Министерство искусственного интеллекта представляют собой структуры, которые не имеют классического административного аппарата, но координируют проекты на стыке разных министерств, осуществляют нормативную разработку и являются точками институционального эксперимента.

В Южной Корее реализуется концепция «Gov3.0»: доступ к данным в реальном времени, интеграция ИИ в административные процессы, гибкое принятие решений и автоматизированная аналитика. Основное внимание уделяется инфраструктуре доверия – цифровым подписям, стандартам кибербезопасности, защите данных.

Грузия – один из наиболее радикальных примеров антикоррупционной реформы государственной службы. Это самый решительный пример трансформации государственной службы на постсоветском пространстве. В этой стране в 2004–2006 гг. был полностью обновлен государственный аппарат, внедрена модель единого окна и жесткие KPI. Однако резкая смена кадров привела к потере институциональной памяти и нестабильности [11].

Германия, напротив, представляет собой сочетание правовой предсказуемости, сильной карьерной модели и консенсусного управления: система государственной службы устойчиво функционирует за счет институциональной преемственности и культуры правового доверия. Это одна из самых устойчивых и институционально сбалансированных систем публичного управления в Европе. Государственные служащие рассматриваются как нормативные акторы, ориентированные на общественное благо и лояльность правопорядку, а не политической воле. Доверие общества к госслужбе традиционно высокое, что связано с этикой нейтральности, профессионализма и обязательности. Благодаря стабильной карьерной системе и институтам правового контроля немецкая госслужба демонстрирует низкий уровень коррупции, обеспечивает преемственность политик, независимо от смены правительств, показывает способность к сложному межуровневому управлению. Однако критики также отмечают недостаточную гибкость, медленную цифровизацию и сложность адаптации к инновационным требованиям, которые тем не менее преодолеваются посредством умеренной модернизации [12].

Рассмотренные актуальные концепции развития государственной службы ориентированы не на процессы, а на результат, не на иерархию, а на взаимодействие, не на контроль, а на доверие. В контексте проблемы развития новых подходов к совершенствованию института государственной службы наиболее успешной представляется практика государственного управления в Сингапуре, который демонстрирует одну из самых успешных моделей государственной службы, опирающуюся на принципы профессионализма, нулевой терпимости к коррупции и строго институционализированной этики. Государственный аппарат Сингапура утверждает этику

как национальную идею и инструмент результативности. Преимуществами модели являются централизованная кадровая политика и жесткий отбор на государственную службу, высокий уровень оплаты труда, конкурентный с частным сектором, обязательные программы этического обучения, строгий механизм отчетности и дисциплинарной ответственности. Следует также отметить некоторые проблемы: жесткая иерархическая структура ограничивает гибкость в принятии решений; госслужащие подвержены высокой психологической нагрузке из-за строгих стандартов поведения.

Государственная служба Казахстана переживает этап системной трансформации, вызванной переходом к «человекоцентричной» и сервисной парадигме управления. Текущий этап сопровождается внедрением цифровых решений, усилением этико-ориентированного менеджмента, а также ростом требований к подотчетности, транспарентности и эффективности государственного аппарата. Как показывает анализ, в разных странах мира сложились уникальные подходы к реформированию государственной службы, что позволяет Казахстану, находящемуся в фазе активных реформ, учитывать как успешные, так и неудачные международные кейсы.

Применение концепций New Public Service и Public Value Management в условиях Республики Казахстан требует учета как институциональных особенностей, так и уровня зрелости системы публичного управления. Обе модели находят частичное отражение в текущих реформах государственной службы, но реализуются фрагментарно и, как правило, на уровне деклараций. Концепция New Public Service находит выражение в казахстанской стратегии «слышащего государства», ориентированной на диалог с гражданами, усиление обратной связи и развитие институтов общественного участия. Вовлеченность граждан в процессы выработки решений остается низкой, а сам подход к служению обществу ограничивается административными мерами, без системной этической трансформации.

Концепция управления общественной ценностью Public Value Management особенно актуальна в контексте перехода к управлению на основе результатов и внедрения KPI и SMART-индикаторов эффективности в деятельности госорганов. Например, в программе «Цифровой Казахстан» и национальных проектах 2021–2025 гг. задекларирован акцент на результативность, устойчивость и общественную пользу реализуемых инициатив. Однако институциональные барьеры – недостаточная автономия госслужащих, вертикальная система подчинения и правовая неопределенность в части распределения ответственности – затрудняют реализацию стратегии подлинной общественной ценности. В условиях недостаточной развитости культуры служебной ответственности и этического лидерства попытки внедрения ценностно-ориентированных моделей сталкиваются с рисками формализации и имитации. Вместо стратегического управления и гражданского партнерства преобладает ориентация на количественные показатели без глубокой связи с потребностями общества.

В этой связи перспективным направлением становится гибридизация моделей – использование демократических ценностей и механизмов участия (NPS) в сочетании со стратегическим фокусом на общественную ценность, измеримость и институциональную эффективность (PVM). Такой подход может стать основой долгосрочной стратегии развития казахстанской государственной службы, когда госслужащий будет позиционирован одновременно как служитель общества и архитектор общественного блага.

Внедрение элементов гибкого управления для Казахстана представляет собой перспективный вектор развития в условиях модернизации государственной службы и цифровизации. Вместе с тем реализация данной модели требует поэтапного и осознанного подхода. Процесс реализации основывается на механизме адаптации, включающем пилотные проекты в регионах и отдельных регионах, формирование agile-команд внутри госорганов, обучение государственных служащих принципам agile (методы Scrum, sprint planning, дизайн-мышление, фасилитацию, работу с данными), введение системы оценки эффективности agile-команд.

Адаптация agile-модели должна сопровождаться культурной трансформацией в первую очередь среди первых руководителей, от которых требуется отказ от управленческого контроля в пользу фасилитации, поддержки, делегирования и создания среды для инициатив.

Что касается развития цифрового государства, у Казахстана имеется большой потенциал: в стране последовательно реализуется стратегия цифровизации через программы «Цифровой Казахстан», e-Gov, Smart City, Ashyq, Open Akimat. Электронное правительство охватывает бо-

лее 94% базовых услуг, действует система цифровых документов и единый портал госуслуг. Однако оценкам ООН Казахстан находится на стадии развивающейся зрелости цифрового государства с преобладанием автоматизации над трансформацией. Основными барьерами являются фрагментированность платформ, несогласованность данных между ведомствами, слабое использование big data и ИИ, низкий уровень цифровой культуры населения [5]. Цифровое государство не только технологический, но и культурно-организационный переход. Для Казахстана это шанс преодолеть бюрократическую громоздкость, повысить эффективность и восстановить доверие к институтам власти. Успешная адаптация возможна только при наличии политической воли, институциональной координации и эффективного управления цифровыми изменениями. Для Казахстана стратегически важно интегрировать элементы всех этих моделей, адаптируя их к культурно-историческим условиям и институциональной зрелости. Оптимальной видится модель этикоцентричного, цифрового и сервисного управления, в которой государственный служащий выступает как носитель публичной миссии, а государственный орган – как открытая, адаптивная и профессиональная культура.

Международный опыт предоставляет потенциал для совершенствования государственной службы Республики Казахстан. Адаптационный потенциал для нашей республики видится в возможности внедрения системы обязательного ежегодного этического обучения с обязательной аттестацией, трансформации специализированных государственных школ управления по аналогии с европейскими моделями кадровых «лифтингов»; в усилении института уполномоченных по этике и синхронизации антикоррупционных и кадровых стратегий. Целесообразно внедрить механизмы регулярного мониторинга организационной культуры госорганов, включая анонимные социологические опросы, а также механизмы вовлеченности служащих в институциональные реформы; создание пилотных механизмов горизонтального управления в регионах, в том числе трансформации акиматов в сервисные центры, основанные на доверии и минимизации контроля сверху; инструменты оценки поведения госслужащих, в том числе антикоррупционных индикаторов, с публичной отчетностью.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило необходимость и актуальность системной трансформации организационной культуры государственной службы Республики Казахстан в условиях смены парадигм государственного управления. В условиях вызовов цифровизации, глобализации, повышенного запроса на транспарентность и подотчетность, организационная культура перестает быть второстепенным элементом и становится краеугольным камнем эффективной, современной и устойчивой системы государственного управления. Сравнительный анализ показал, что успешные реформы управления государственной службы основываются на сбалансированном сочетании ценностно-этического подхода, цифровизации, системной кадровой политики и сервисной ориентированности. При должной адаптации и научном сопровождении международные практики представляют эффективные ресурсы для трансформации казахстанской государственной службы.

Информация о финансировании. Данная статья подготовлена в рамках гранта финансирования научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № BR 27195163 «Архитектоника трансформации организационной культуры государственной службы Казахстана».

ЛИТЕРАТУРА

1 Жанузакова Л.Т., Тайторина Б.А., Алимбетова А.Р. Ответственность государственных служащих за нарушение служебной дисциплины и служебной этики // Eurasian scientific journal of law. – 2025 – № 2(11). – С. 19–30.

2 Janenova S., Knox C. Civil service reform in Kazakhstan: trajectory to the 30 most developed countries? // International Review of Administrative Sciences. 2019, vol. 85, no. 3, pp. 419–439.

3 Tang H., An. S., Zhang L., Xiao Y., Li X. The Antecedents and Outcomes of Public Service Motivation: A Meta-Analysis Using the Job Demands–Resources Model. Behav. Sci. 2024, vol. 14, p. 861. DOI:10.3390/bs14100861.

4 Khamzina Z., Buribayev Y., Tileubergenov Y. Institutionalizing integrity: rethinking ethical and cultural standards in Kazakhstan's civil service. Front. Polit. Sci. 2025, no. 7, p. 1573608. DOI: 10.3389/fpos.2025.1573608.

5 UN E-Government Survey 2025. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/reports/un-e-government-survey-2025

6 Lawton A., Van Der Wal Z., Huberts L. Ethics in public policy and management: A global research companion. London: Routledge, 2016. 428 p. DOI: 10.4324/9781315716894.

7 Yesbergen P., Shamisheva H. Transformation of the Public Administration system in the regions of Kazakhstan. ECONOMIC Series of the Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. 2023, no. 1, pp. 63–72. URL: https://bulecon.enu.kz/index.php/main/article/view/353

8 Denhardt J.V., Denhardt R.B. The New Public Service: Serving, Not Steering. 4th ed. New York: Routledge, 2015. 256 p.

9 Moore M.H. Recognizing Public Value. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 402 p.

10 OECD. The Path to Becoming a Data-Driven Public Sector. Paris: OECD Publishing, 2020. 198 p.

11 Timm M. Anti-Corruption Reform in Georgia: Between Success and Fragility // Journal of Public Administration and Policy Research. 2018, vol. 10(3), pp. 27–35.

12 Public Administration In Germany. URL. https://library.oapen.org/bitstream/id/fecf05b2-1d66-4c70-ae7c-e7dcac64af99/2021_Book_PublicAdministrationInGermany.pdf

REFERENCES

1 Zhanuzakova L.T., Tajtorina B.A., Alimbetova A.R. (2025) Otvetstvennost' gosudarstvennyh sluzhashhih za narushenie sluzhebnoj discipliny i sluzhebnoj jetiki // Eurasian scientific journal of law. No. 2(11). P. 19–30. (In Russian).

2 Janenova S., Knox C. (2019) Civil service reform in Kazakhstan: trajectory to the 30 most developed countries? // International Review of Administrative Sciences. Vol. 85, no. 3, pp. 419–439. (In English).

3 Tang H., An. S., Zhang L., Xiao Y., Li X. (2024) The Antecedents and Outcomes of Public Service Motivation: A Meta-Analysis Using the Job Demands–Resources Model. Behav. Sci. Vol. 14, p. 861. DOI:10.3390/bs14100861. (In English).

4 Khamzina Z., Buribayev Y. and Tileubergenov Y. (2025) Institutionalizing integrity: rethinking ethical and cultural standards in Kazakhstan's civil service. Front. Polit. Sci. No. 7, p.1573608. DOI: 10.3389/fpos.2025.1573608. (In English).

5 UN E-Government Survey 2025. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/reports/un-e-government-survey-2025 (In English).

6 Lawton A., Van Der Wal Z., Huberts L. (2016) Ethics in public policy and management: A global research companion. London: Routledge, 428 p. DOI: 10.4324/9781315716894. (In English).

7 Yesbergen P. & Shamisheva H. (2023) Transformation of the Public Administration system in the regions of Kazakhstan. ECONOMIC Series of the Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. No. 1, pp. 63–72. URL: https://bulecon.enu.kz/index.php/main/article/view/353 (In English).

8 Denhardt J.V., Denhardt R.B. (2015) The New Public Service: Serving, Not Steering. 4th ed. New York: Routledge. 256 p. (In English).

9 Moore M.H. (2013) Recognizing Public Value. Cambridge: Harvard University Press. 402 p. (In English).

10 OECD. The Path to Becoming a Data-Driven Public Sector. Paris: OECD Publishing, 2020. 198 p. (In English).

11 Timm M. (2018) Anti-Corruption Reform in Georgia: Between Success and Fragility // Journal of Public Administration and Policy Research. Vol. 10(3), pp. 27–35. (In English).

12 Public Administration In Germany. URL. https://library.oapen.org/bitstream/id/fecf05b2-1d66-4c70-ae7c-e7dcac64af99/2021_Book_PublicAdministrationInGermany.pdf (In English).

ТАЙТОРИНА Б.А.,[1]
з.ғ.д., профессор.
e-mail: binur.a@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5663-5473
МҰРАТ С.,*[2]
докторант.
*e-mail: ms147@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9628-8672
БАЛҒЫМБЕКОВА Г.Ү.,[3]
PhD, профессор.
e-mail: gbalgimbekova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4405-1339
САДЫҚАНОВА Ж.Е.,[4]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: zhan_na_sad@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2613-3349
[1]Абай атындағы Қазақ ұлттық
педагогикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Балттық Халықаралық Академиясы,
Рига қ., Латвия
[3]Академик Е.А. Бөкетов атындағы
Қарағанды университеті,
Қарағанды қ., Қазақстан
[4]С. Аманжолов атындағы
Шығыс Қазақстан университеті,
Өскемен қ., Қазақстан

ЖАҢА МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТТІҢ ЭТИКАЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ: КОНЦЕПТУАЛДЫҚ ТӘСІЛДЕР ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ ӨЛШЕМ

Аңдатпа

Бұл мақалада мемлекеттік қызметті басқару тұжырымдамасындағы жаңа тәсілдер қарастырылады, оның ішінде цифрландыру мен ұйымдастырушылық этиканың өзара байланысына баса назар аударылады. Негізгі тақырып – дәстүрлі әкімшіліктен азаматтардың қатысуына, сервистік логикаға және цифрлық жетілуге бағытталған модельдерге көшу қажеттілігі. Заманауи мемлекеттік қызмет бейнесін қалыптастыратын өзекті тұжырымдамаларға ерекше мән беріледі: қоғамға қызмет етуді және азаматтармен диалогты басты қағида етіп ұстанатын New Public Service (NPS); қоғамдық құндылық құруға және көп тарапты басқаруға бағытталған Public Value Management (PVM); икемділікке, жедел бейімделуге және инновациялық шешімдерді енгізуге негізделген Agile Public Administration; сондай-ақ технологиялық трансформация мен деректерді пайдалануға басымдық беретін Digital Government тұжырымдамасы. Авторлар тиімді реформаларды этикалық нормаларды сақтау, проактивті мінез-құлық және өзгерістерге дайындыққа негізделген ұйымдық мәдениеттің параллельді дамуынсыз жүзеге асыру мүмкін еместігін атап көрсетеді. Зерттеуде цифрландыру мен қызметтік этиканы өзара толықтыратын трансформация векторлары ретінде қарастыру ұсынылады. Мемлекеттік органдар қызметінде басқарудың икемді, тиімді құралдарын енгізу мүмкіндіктері талданады. Қазақстан Республикасының құқықтық және мәдени-тарихи контекстін ескере отырып, халықаралық тәжірибені бейімдеудің стратегиялық маңызы туралы қорытынды жасалады.

Тірек сөздер: этика, ұйымдастырушылық мәдениет, мемлекеттік қызмет, тұжырымдама, трансформация, цифрлық мемлекет, бейімделу.

TAITORINA B.A.,[1]
d.l.s, professor.
e-mail: binur.a@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5663-5473
MURAT S.,*[2]
doctoral student.
*e-mail: ms147@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9628-8672
BALGIMBEKOVA G.U.,[3]
PhD, professor.
e-mail: gbalgimbekova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4405-1339
SADYKANOVA ZH.Y.,[4]
c.l.s., associate professor.
e-mail: zhan_na_sad@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2613-3349
[1]Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan
[2]Baltic International Academy,
Riga, Latvia
[3]Karaganda University named
after academician E.A. Buketov,
Karaganda, Kazakhstan
[4]East Kazakhstan University
named after S. Amanzholov,
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

ETHICAL FOUNDATIONS OF THE NEW CIVIL SERVICE: CONCEPTUAL APPROACHES AND LEGAL DIMENSION

Abstract

This article examines new approaches in the concept of public service management with an emphasis on the relationship between digitalization and organizational ethics. The central theme is the need to move from traditional administration to models focused on citizen engagement, service logic, and digital maturity. Special attention is paid to relevant concepts shaping the modern look of the civil service.: New Public Service (NPS), which proclaims the priority of service to society and dialogue with citizens; Public Value Management (PVM), which focuses on creating public value and multi-pronged management; Agile Public Administration, which involves flexibility, rapid adaptation and implementation of innovative solutions; as well as the concept of Digital Government, which focuses on technological transformation and the use of data. The authors emphasize that effective reform is impossible without the parallel development of an organizational culture based on ethical standards, proactive behavior, and willingness to change. The study suggests considering digitalization and professional ethics as complementary vectors of transformation. The possibilities of introducing flexible management tools into the activities of government agencies are being considered. The conclusion is made about the strategic importance of adapting international experience, taking into account the legal and cultural-historical context of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: ethics, organizational culture, public service, concept, transformation, digital state, adaptation.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.10.2025

ҒТАХР 10.59.01
ӘОЖ 349.6
JEL K32

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-42-52

ТЕЛЕУЕВ Г.Б.,*[1]
PhD, оқытушы-дәріскер.
*e-mail: galim200385@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9575-5278
ТАНАТБАЕВА Ж.Е.,[1]
докторант.
e-mail: tanatbayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9575-5536
НАРЗУЛЛАЕВ О.Х.,[2]
з.ғ.д.
e-mail: olimnarzullayev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2145-6846
[1]І. Жансүгуров атындағы Жетісу университеті,
Талдықорған қ., Қазақстан
[2]Ташкент мемлекеттік заң университеті,
Ташкент қ., Өзбекстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫСТАРДЫ ПАЙДАЛАНУДЫ МЕМЛЕКЕТТІК ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ҚАҒИДАЛАРЫНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды мемлекеттік құқықтық реттеу қағидаларының мәселелері қарастырылады. Зерттеу барысында су шаруашылығы саласындағы өзекті түйткілдерге назар аударылады: трансшекаралық өзендерге тәуелділік, қолданыстағы инфрақұрылымның ескіруі, су ресурстарын мемлекеттік басқарудағы цифрландырудың жеткіліксіздігі және климаттық өзгерістердің күшейіп келе жатқан ықпалы көрсетілді. Экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етуде су ресурстарын мемлекеттік қорғаудың өзекті мәселелеріне зерттеулер жүргізілген. Зерттеу аясында қызығушылық тудыратын гидротехникалық құрылыстың қауіпсіздігін бағалау, жай-күйінің және пайдаланушы ұйым қызметкерлерінің гидротехникалық құрылыстар саласындағы заңнамасында белгіленген гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге қойылатын талаптар мен қағидаларына сәйкестігін айқындау. Сондай-ақ, гидротехникалық құрылыстың қауіпсіздігін қамтамасыз ету – бұл гидротехникалық құрылыстың авариялардың алдын алу жөніндегі шараларды әзірлеу және жүзеге асыру. Экологиялық қауіпсіздігі саласындағы зерттеулерді талдай отырып, гидротехникалық құрылыстардың экологиялық қауіпсіздігі саласындағы халықаралық стандарттар мен қағидаларға салыстырмалы талдаулар жүргізілген. Авторлар гидротехникалық құрылыстардың қызметін реттеудегі халықаралық құқықтық актілерге зерттеу жасай отырып, олардың гидротехникалық құрылыстарды мемлекеттік құқықтық реттеудегі басшылыққа алынуы тиіс фундаменталды ережелерін ұсынады.

Тірек сөздер: гидротехникалық нысандар, құқықтық реттеу, экологиялық қауіпсіздік, трансшекаралық ынтымақтастық, климаттық өзгерістерге бейімделу.

Кіріспе

Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды мемлекеттік құқықтық реттеу мәселесі тиісті түрде зерттелмеген. Гидротехникалық құрылыстардың қызметі мен мәнін қарастыратын болсақ, олардың экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етуде өзіндік үлесі болатынын байқаймыз. Сол себептен де, аталған құрылыстар зерттеу обьектісі болып оның қағидалары нақтылануы керек деп ойлаймыз. Осы қағидалардың ғылыми негіз-

делуі гидротехникалық құрылымтарды пайдалануда бірқатар фундаментелды ережелерді басшылыққа алуларына ықпал етеді.

Қазіргі кезеңде адамзат өркениетінің тұрақты дамуы су ресурстарын тиімді пайдалану мен оларды кешенді қорғаусыз мүмкін емес. Климаттық өзгерістердің үдеуі, су тасқындары мен қуаңшылық құбылыстарының жиіленуі жағдайында гидротехникалық құрылыстарды (ГТҚ) құқықтық реттеу мәселелері ерекше маңызға ие болып отыр. Гидротехникалық құрылыстар – су шаруашылығы инфрақұрылымының негізгі элементтері бола отырып, екіжақты функционалдық рөл атқарады: бір жағынан, олар халықты сапалы ауызсумен қамтамасыз етуге, ауыл шаруашылығы мен өнеркәсіптің суға деген сұранысын өтеуге, табиғи апаттардың алдын алуға және жаңғыртылатын энергия өндіруге мүмкіндік береді; екінші жағынан – олардың дұрыс пайдаланылмауы немесе апаттық жағдайлары экожүйелердің тепе-теңдігіне елеулі қауіп төндіріп, қоғам мен экономиканың экологиялық тәуекелдерін арттыруы ықтимал. Осыған байланысты, гидротехникалық құрылыстар саласындағы экологиялық қауіпсіздік ұғымы – бұл қоғамның, табиғи ортаның және ұлттық экономиканың аталған нысандардың қызметі мен апаттылығымен байланысты қауіп-қатерлерден сенімді қорғалу жағдайын білдіреді.

Зерттеу нысаны – Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстарды құру, пайдалану және қорғауды мемлекеттік құқықтық реттеу барысында туындайтын құқықтық қатынастар.

Зерттеу пәні – Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстарды жобалау, салу, пайдалану және қорғау мемлекеттік құқықтық реттеуді қамтамасыз етуге бағытталған құқықтық нормалар мен қағидалар, сондай-ақ осы саладағы халықаралық стандарттармен олардың арақатынасы.

Ғылыми мақаланың мақсаты – Қазақстан Республикасындағы гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды мемлекеттік құқықтық қамтамасыз ету қағидаларын заманауи жағдайда айқындау және негіздеу, оларды экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге бағыттау, сондай-ақ ұлттық заңнаманы халықаралық стандарттар мен озық тәжірибені ескере отырып жетілдіру жөнінде ұсыныстар әзірлеу. Осы мақсатқа жету үшін келесі міндеттер анықталған:

1. Қазақстан Республикасындағы гидротехникалық құрылыстардың мәнін және құқықтық мәртебесін теориялық тұрғыдан талдау.
2. Гидротехникалық құрылыстардың экологиялық қауіпсіздік пен тұрақты дамуды қамтамасыз етудегі рөлін қарастыру.
3. Қазақстандағы гидротехникалық құрылыстар саласын реттейтін қолданыстағы заңнамадағы кемшіліктер мен олқылықтарды анықтау.
4. Ұлттық құқықтық нормаларды гидротехникалық нысандардың экологиялық қауіпсіздігі саласындағы халықаралық стандарттар мен қағидалармен салыстыру.
5. Экологиялық қауіпсіздік қағидаларын ескере отырып, гидротехникалық құрылыстарды мемлекеттік құқықтық реттеуді жетілдіру жөнінде ғылыми негізделген ұсыныстар тұжырымдау.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің методологиялық негізін жалпы ғылыми және арнайы құқықтық әдістер құрайды. Талдау, синтез, индукция және дедукция әдістері гидротехникалық құрылыстардың құқықтық табиғатын, олардың экологиялық қауіпсіздікке ықпалын айқындауда қолданылды. Жүйелік тәсіл бұл нысандарды табиғи ресурстарды пайдалану, экологиялық құқық, энергетикалық қауіпсіздік және әлеуметтік тұрақтылықпен өзара байланыста кешенді қарастыруға мүмкіндік берді. Арнайы құқықтық әдістердің ішінде салыстырмалы-құқықтық талдау ұлттық құқықтық тәжірибені халықаралық стандарттармен салыстыруда пайдаланылды. Формальды-заңдық әдіс құқықтық мазмұнды ашуға, ал тарихи-құқықтық әдіс гидротехникалық құрылыстарды құқықтық реттеу тәжірибесінің қалыптасуы мен даму эволюциясын зерделеуге негіз болды. Эмпирикалық база ретінде ғылыми еңбектер, монографиялар, мерзімді басылымдардағы мақалалар, статистикалық деректер және халықаралық ұйымдардың баяндамалары пайдаланылды.

Мақаланың ғылыми маңыздылығы Қазақстан Республикасында экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз ету жағдайында гидротехникалық құрылыстарды құқықтық қамтамасыз ету қағидалары алғаш рет жүйелі түрде қарастырылуымен айқындалады. Жұмыста гидротехникалық

нысандардың экологиялық құқықпен, табиғи ресурстарды басқарумен және тұрақты даму ұстанымдарымен байланыстағы теориялық-құқықтық негіздері ашып көрсетіледі. Мақалада ұлттық құқықтық жүйедегі олқылықтар мен қайшылықтар анықталып, алдын алу, су ресурстарын ұтымды пайдалану, ашықтық және халықаралық ынтымақтастық қағидаларына негізделген кешенді құқықтық режимді қалыптастырудың жаңа тәсілдері ұсынылады. Алынған нәтижелер экологиялық және су құқығы теориясының дамуына үлес қосып қана қоймай, ұлттық заңнаманы жетілдіру мен гидротехникалық құрылыстардың экологиялық қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған стратегиялық шараларды әзірлеуде қолданбалы маңызға ие.

Мақаланың практикалық маңызы: зерттеу нәтижелері тек ғылыми салада ғана емес, сонымен қатар қолданбалы қызметте де пайдаланылуы мүмкін. Жұмыста ұсынылған тұжырымдар гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен қорғау саласындағы құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге, экологиялық қауіпсіздік саласында мемлекеттік органдарға ұсынымдар әзірлеуге, сондай-ақ суға байланысты төтенше жағдайлардың алдын алу және олардың салдарын төмендетудің тиімді тетіктерін қалыптастыруға негіз бола алады. Бұдан бөлек, алынған нәтижелер экологиялық және су құқығы бойынша мамандарды даярлау үдерісінде қолданылып, олардың кәсіби құзыреттілігін арттыруға және практикалық міндеттерді шешуге дайын болуына ықпал етеді.

Нәтижелер мен талқылау

Заманауи жағдайда гидротехникалық құрылыстар табиғи және жасанды су жүйелеріндегі ағынды суларды реттеу мен бақылауды жүзеге асыратын аса маңызды стратегиялық инженерлік нысандардың бірі болып табылады. Олар гидрология, экология және энергетика салаларының тоғысында орналасып, қоғам мен мемлекеттің әлеуметтік-экономикалық тұрақтылығын қамтамасыз етуге елеулі үлес қоса отырып мемлекеттің әлеуметтік экономикалық дамуында өзіндік қызмет атқарады. Мұндай құрылыстардың негізгі міндеттері мен функционалдық бағыттары әртүрлі салаларды қамтиды: су тасқындарының алдын алу және олардың зиянды салдарларын жою; ауыл шаруашылығы жерлерін суландыру және өнімділікті арттыру мақсатында суды жеткізу мен бөлу; электр энергиясын өндіру арқылы энергетикалық қауіпсіздікті нығайту; тұрмыстық және өндірістік секторлардың қажеттіліктерін қанағаттандыру; қоршаған ортаны қорғау және су экожүйелерін тұрақты пайдалану. Сонымен қатар, әлемдік тәжірибеде гидротехникалық құрылыстар кеме қатынасы үшін инфрақұрылымдық жағдай жасайды және халықтың рекреациялық қажеттіліктерін – шомылу, су айдындарында демалу сияқты қызметтерді – қамтамасыз етеді [1].

Сонымен, гидротехникалық құрылыстар көпмақсатты функцияларды атқарады: олар бөгеттер, каналдар мен су қоймалары арқылы су тасқынынан қорғануды қамтамасыз етеді; жаңартылатын энергияның жетекші көзі болып табылатын гидроэнергетиканың негізін құрайды; ауыл шаруашылығы тәуелді суару жүйелерін қалыптастырады; тұрмыстық және өнеркәсіптік қажеттіліктерді қанағаттандырып, судың сапа стандарттарына сай болуын талап етеді; топырақ эрозиясымен күресу, су сапасын жақсарту және биологиялық әртүрлілікті қорғау арқылы қоршаған ортаны қорғауға ықпал етеді; өзен ағыстарын реттеу мен шлюздер салу арқылы ішкі су көлігінің дамуына жағдай жасайды. Осылайша, гидротехникалық құрылыстар экономикалық, экологиялық және әлеуметтік міндеттерді ұштастыра отырып, су шаруашылығы инфрақұрылымының негізгі элементі болып табылады.

Көптеген бөгеттері бар елдер үшін олардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесі айрықша өзекті сипатқа ие. Бүгінде әлем бойынша әртүрлі түрдегі 800 мыңнан астам бөгет бар, олардың шамамен 50 мыңының биіктігі 15 метрден асады [2, 26 б.]. Жиналған деректер осындай ірі көлемдегі бөгеттердің мыңнан астамының бүлінгенін және жүзден астамының қирағанын айғақтайды. Осыған байланысты бөгеттердің (су қоймаларының) және өзге де су тоскауылдаушы гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін нормативтік-құқықтық тұрғыдан реттеу аса маңызды қажеттілікке айналып отыр. Қазақстан да бұл мәселелерден тыс қалған жоқ. Қазіргі таңда республика аумағында 270 су қоймасы мен оларды қамтитын гидротехникалық құрылыстар бар, оның ішінде 62-сі – республикалық маңызы бар, ал 208-і – жергілікті маңызы бар нысандар. Қазақстан Республикасы Үкіметінің қаулысында 57 су қой-

масы мен 29 су тосқауылдаушы гидротехникалық құрылыс ерекше стратегиялық маңызы бар объектілер тізбесіне енгізілген [3].

Қазақстандағы су тасқындары билік ұзақ уақыт бойы назар аудармай келген бірқатар өзекті мәселелерді айқын көрсетті. Қазақстан Республикасында су ресурстарын ұтымсыз пайдалану жиі орын алуда. Болашақта су ресурстарына деген тапшылық болу мәселесі негізгі себептер климаттың өзгеруі салдарынан өзендердің тартылуы су ресурстарының сапасы төмендеуі мүмкін [4].

Соңғы жылдары республикада жөндеуді қажет ететін гидротехникалық құрылыстардың (ГТҚ) саны 1,5 есеге артқан. «Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі туралы» заң жобасының тұжырымдамасына сәйкес, 2017 жылдың мамыр айында қанағаттанарлықсыз жағдайда 347 ГТҚ тіркеліп, олардың барлығы жөндеуді талап ететіні ресми түрде мойындалған. Алайда арада алты жыл өткен соң, 2023 ж. проблемалық нысандардың саны азаймай, керісінше 537 ГТҚ-ға дейін өскені байқалды. Бұл деректерді Қазақстан Республикасының Төтенше жағдайлар министрлігі, Су ресурстары және ирригация министрлігінің (СРИМ) ақпаратына сілтеме жасай отырып, ресми түрде жариялады. Гидротехникалық құрылыстардың жағдайын бақылау мәселесі, әсіресе жеке меншіктегі нысандарға қатысты, әлі де өзекті болып отыр [5].

Соның айқын мысалы – Ақтөбе облысынан. Тексеру нәтижесінде белгілі болғандай, 10 жыл бұрын кәсіпкерге балық шаруашылығын жүргізу үшін сенімгерлік басқаруға берілген су қоймасының Магажан бөгетіне осы уақыт аралығында тиісті көңіл бөлінбеген. Бөгетке тексеру жүргізілмеген, жөндеу жұмыстары атқарылмаған. Салдарынан ағымдағы жылдың 5 сәуірінде бөгет жарылып, Хромтау ауданындағы үш ауыл мен Ақтөбе қаласы маңындағы саяжай алқаптарын су басты. Қазір Қазақстан Республикасы Қаржы мониторингі агенттігінің деректеріне сәйкес, жауапты ЖШС басшысына қатысты өз міндеттеріне немқұрайлы қарау және ауыр салдарға жол беру фактісі бойынша сотқа дейінгі тергеу басталды [6].

2024–2030 жылдарға арналған су ресурстарын басқаруды дамытудың тұжырымдамасында Қазақстан тәуелсіздік алғаннан бері жинақталған негізгі мәселелердің барлығы қамтылған. Құжатта еліміздегі су шаруашылығы нысандарының нақты тозу деңгейі 60 пайыздан асатыны атап өтіледі. Көптеген гидротехникалық құрылыстар 30–50 жылдан астам уақыт бойы күрделі жөндеусіз пайдаланылып келеді және олар жоғары қауіпті нысандар қатарына жатады. Тұжырымдамада: «Су шаруашылығы инфрақұрылымын реконструкциялау және дамыту жобаларын іске асырудың тиімділігі төмен, сыбайлас жемқорлық тәуекелдері жоғары, шешім қабылдау тетігі күрделі әрі бюрократиялық сипатқа ие» деп көрсетілген. Су шаруашылығы саласындағы өзекті мәселелердің бірі – су заңнамасында бөгеттердің қауіпсіздігіне қатысты арнайы заңның болмауы. Бұл жағдай көпфакторлы зерттеулерді жүйелі түрде ұйымдастыруға, гидротехникалық құрылыс нысандарының қауіпсіздік өлшемдерін нақты айқындап, тиімді бақылауға кедергі келтіреді. Соның салдарынан мұндай нысандардың техникалық жағдайын кешенді тексеру толыққанды жүргізілмей отыр. Бұл өз кезегінде елдегі су шаруашылығы инфрақұрылымының нақты жай-күйі туралы статистикалық деректердің толық әрі дұрыс қалыптасуына мүмкіндік бермейді. Сонымен қатар, Қазақстанда су шаруашылығы инфрақұрылымының есебі де толық көлемде жүргізілмей келеді [7].

Байқағанымыздай гидротехникалық құрылыстар тек Қазақстан Республикасы үшін емес әлемдік деңгейдеде де маңызды орынды иеленеді. Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі қоршаған ортаның сақталуына яғни экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге себеп бола алатын әлеуетке ие. Біздің пікірімізше, Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылдыстардың қызметінің пайдалану ережелерінің жүйесіз болуы мүдделердің қайшылықтарының болуымен байланыстыруға болады. Себебеі, тәуелсіздік алған уақыттан бастап осы уақытқа дейін жеке меншікке өтіп кеткен гидротехникалық құрылыстар да бар. Ал олардың қауіпсіздігі мен сапасына мемлекет араласа бермейді. Тұжырымдаманың өзінде алдағы уақытта арнайы заң қабылдануы керек деген міндеттер айқындалған болса ол заң актісі гидротехникалық құрылыстарды пайдалану кезінде басшылыққа алынуы тиіс экологиялық қауіпсізді талаптарына сәйкес келетін қағидаларды да қамтуы тиіс екенін ескерген жөн.

Гидротехниалық құрылыстардың маңыздылығына әсер еткен алғашқы халықаралық акт ол Хельсинки конвенциясы болды. 1992 жылғы Хельсинки конвенциясы – трансшекаралық су көздерін және халықаралық көлдерді қорғау мен тиімді пайдалану жөніндегі маңызды

халықаралық-құқықтық құжат болып табылады. Бұл конвенция тікелей гидротехникалық құрылыстарды (ГТҚ) жобалау немесе пайдалану мәселелерін реттемегенімен, трансшекаралық өзендер мен су нысандарындағы мұндай инфрақұрылымдардың салынуы мен қолданылуына қатысты бірқатар өзекті қағидаларды қамтиды. Атап айтқанда, конвенцияда бекітілген «елеулі зиян келтірмеу» қағидасына сәйкес, әрбір мемлекет өз аумағында жүргізілетін кез келген қызмет, соның ішінде бөгеттер, су қоймалары мен басқа да ГТҚ салу мен пайдалану көршілес мемлекеттерге экологиялық немесе әлеуметтік жағынан зиян келтірмеуге міндетті. Сонымен қатар, құжат трансшекаралық мәні бар ірі жобаларға қатысты қоршаған ортаға әсерді бағалау (ҚОӘБ) жүргізуді, су ресурстарын бірлесіп басқару органдарын құруды және апатты жағдайларда үйлестірілген іс-қимылды қамтамасыз етуді көздейді. Бұл ережелер Орталық Азия өңірі үшін өзекті, өйткені мұнда трансшекаралық өзендер энергетика, ирригация және ауызсу мақсатында кеңінен пайдаланылады. Осылайша, Хельсинки конвенциясы ГТҚ қауіпсіздігі мен тұрақты су пайдалану саласында мемлекетаралық ынтымақтастықтың құқықтық негізін қалыптастырады [8]. Еліміз су ресурстарын ұтымды және тұрақты пайдалану саласында халықаралық ынтымақтастықтың маңыздылығын мойындай отырып, 1992 жылғы Хельсинкиде қабылданған Трансшекаралық су ағындары мен халықаралық көлдерді қорғау және пайдалану жөніндегі БҰҰ конвенциясына қосылды. Бұл құжат Қазақстан Республикасы Парламентінің 2000 жылғы 23 қазандағы № 92-II Заңы арқылы ратификацияланып, 2001 жылдан бастап күшіне енді. Осы арқылы Қазақстан трансшекаралық су ресурстарын басқару бойынша халықаралық құқықтық кеңістікке белсенді түрде кірікті [9]. Конвенцияға қосылғаннан кейін ел ішінде бірқатар кешенді шаралар қабылданды. Атап айтқанда, Орталық Азиядағы Межмемлекеттік су шаруашылығын үйлестіру комиссиясы (МСШҮК) шеңберінде Сырдария мен Әмудария өзендерінің алаптарын бірлесіп басқару жұмыстары жандандырылды. Сонымен қатар, су тасқыны, апаттық жағдайлар және гидротехникалық құрылыстардағы қауіптер туралы деректермен жедел алмасу тетіктері құрылды. Ерекше назар трансшекаралық әсері бар жобаларға қатысты қоршаған ортаға әсерді бағалау (ҚОӘБ) процесіне аударылды: Шу мен Талас өзендері бойынша Қазақстан мен Қырғызстан арасында жүзеге асырылған пилоттық жоба Еуропалық экономикалық комиссия (ЕЭК ООН) тарапынан озық тәжірибе ретінде танылды (UNECE, 2015). Бұған қоса, Қазақстан климаттың өзгеруіне бейімделу және су дипломатиясы салаларындағы БҰҰ ДБ және Еуропалық Одақ жобаларына қатысып, трансшекаралық ресурстарды тиімді басқаруға бағытталған бастамаларды қолдады. 2024 ж. қабылданған су ресурстарын басқару жүйесін дамыту тұжырымдамасы (Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 5 ақпандағы № 66 қаулысы) Конвенция нормаларын ұлттық деңгейде институционализациялаудың маңызды кезеңіне айналды. Бұл қадамдардың барлығы Қазақстанның халықаралық су саласындағы жауапты әріптес ретіндегі ұстанымын нығайтып, геосаяси және климаттық сын-қатерлер жағдайында трансшекаралық су ресурстарын тұрақты басқаруға деген ұмтылысын көрсетеді.

Гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған тағы бір халықаралық құрал ол ICOLD (Ірі бөгеттер жөніндегі халықаралық комиссия) әзірлеген бөгеттердің қауіпсіздігі жөніндегі тәжірибе кодексі. ICOLD (Ірі бөгеттер жөніндегі халықаралық комиссия) әзірлеген бөгеттердің қауіпсіздігі жөніндегі тәжірибе кодексі – ірі бөгеттер мен басқа да гидротехникалық құрылыстарды қауіпсіз пайдалануды қамтамасыз етуге бағытталған халықаралық деңгейде танылған қағидалар мен ұсынымдардың жиынтығы болып табылады [10, 307 б.].

Бұл құжат халықаралық-құқықтық акт болып саналмағанымен, көптеген елдерде, соның ішінде Қазақстанда, техникалық стандарт және ұлттық нормативтік-құқықтық базаның негізі ретінде кеңінен қолданылады. Бөгеттің бүкіл өмірлік циклын қамтиды: жобалау, салу, пайдалану және пайдаланудан шығару кезеңдерін. Құжатта геологиялық, гидрологиялық, сейсмологиялық және климаттық факторларды жан-жақты есепке алу арқылы тәуекелдерді кешенді бағалаудың маңыздылығы атап өтіледі [11, 210 б.].

Ерекше назар инженерлік зерттеулерге, құрылыс сапасын бақылауға, құрылымның жағдайын тұрақты мониторингілеуге және мерзімді тексерулер жүргізуге аударылады. Бұйрықтың маңызды бөлігі – бөгеттің бұзылу қаупі туындаған жағдайда ерте ескерту және әрекет ету жүйесін әзірлеу мен енгізу. ICOLD сондай-ақ техникалық қадағалауды жетілдіру, қашықтықтан мониторинг құралдарын қолдану және мамандарды даярлау мен қайта даярлау жүйесін да-

мыту қажеттілігін ұсынады. Қауіпсіздік тек бір реттік шара емес, үздіксіз жүретін үдеріс ретінде қарастырылады. Ол тиісті органдардың өзара іс-қимылын және жаңа технологиялар мен климаттық өзгерістерді ескере отырып, нормативтердің үнемі жаңартылуын талап етеді. Осылайша, ICOLD кодексі бөгеттердің қауіпсіздігін басқарудың тиімді және жауапты жүйесін қалыптастыруға бағытталған халықаралық бағдар ретінде қызмет атқарады және апаттардың алдын алуға, адам өмірін, экожүйені және мүлікті қорғауға септігін тигізеді [12].

Ендігі мәселе гидротехникалық құрылыстардың экологиялық аспектелеріне тоқталатын болсақ климаттың өзгеруі су ресурстарына тікелей әрі елеулі ықпал ететінін атап өтуге болады, оның салдары қазіргі уақытта-ақ байқала бастады. Алдағы жылдары елді мекендердің басым бөлігінде су тасқындары мен құрғақшылықтың жиілеп, күшейе түсуі, су тапшылығының артуы, топырақ эрозиясының күшеюі мен шөгінділердің көбеюі, сондай-ақ теңіздер мен өзендердің деңгейінің өзгеруі табиғи экожүйелерге де, су сапасына да теріс әсерін тигізетіні сөзсіз. Сонымен қатар климаттық өзгерістер тек су қорларына ғана емес, сонымен бірге адам денсаулығына, ұлттық экономика мен қоғамның әлеуметтік жағдайына, ауыл шаруашылығы өндірісіне, энергетика мен гидроэнергетика саласына, сондай-ақ туризм мен өзге де суға тәуелді салаларға да ықпал ететіні анық [13, 345 б].

Адам санының өсуі, экономикалық дамудың жеделдеуі, климаттың өзгеруі және электр энергиясына қолжетімділіктегі алшақтықты жою қажеттілігі жаңа жаңартылатын энергия көздерін іздеуді жандандыруда [14, 12531 б.]. Осы қажеттілікке жауап ретінде қазіргі уақытта гидроэнергетиканы дамытуға бағытталған ауқымды жаңа бастамалар қолға алынуда. Қазіргі таңда қуаты 1 МВт-тан асатын кемінде 3700 ірі су қоймасы бар бөгет жоспарлану немесе салыну үстінде, олардың басым бөлігі дамушы экономикалары бар мемлекеттерде жүзеге асырылуда. Бұл бөгеттердің іске қосылуы жаһандық гидроэнергетикалық қуатты қазіргі деңгейден 73 %-ға ұлғайтып, шамамен 1700 ГВт-қа жеткізуі болжануда. Алайда гидроэнергетикалық әлеуеттің мұндай қарқынды артуы да электр энергиясына деген өсіп келе жатқан сұранысты толық өтей алмайды. Сонымен қатар ол электр энергиясына қолжетімділіктегі алшақтықты тек ішінара қысқартуы мүмкін, парниктік газдардың (көмірқышқыл газы мен метан) шығарындыларын айтарлықтай азайтпайды және әлеуметтік шиеленістер мен өзара тәуелділіктерді жоймайды. Сол мезетте мұндай құрылыс толқыны ғаламшарымызда еркін ағатын ірі өзендердің санын шамамен 21%-ға қысқартатыны анық. Демек, қазіргі әлемдік ауқымдағы бөгет салу үрдісінің әлеуметтік, экономикалық және экологиялық салдарын кешенді бағалау және оларды барынша жұмсарту аса өзекті міндет болып табылады [15, 16 б.]. Демек, гидротехникалық құрылыстарды жаңартылатын энергия көздерін алуға деген әлеуеті бар екенін атап өткіміз келеді. ГТҚ ұтымды тұстары болғанымен елімізде су шаруашылығы саласының мәселелері де жетерлік. Нақты айтатын болсақ, Қазақстан Республикасының су шаруашылығы бірқатар күрделі мәселелермен сипатталады. Ең алдымен, ел су ресурстары бойынша көрші мемлекеттерге, әсіресе Қытай мен Ресей аумақтарынан келетін трансшекаралық ағындарға тәуелді болып отыр, ал соңғы жылдары бұл елдер өзендерге түсетін ластаушы заттардың көлемін ұлғайтып, су алудың деңгейін арттыруда [16, 46 б.]. Сонымен қатар, су шаруашылығы инфрақұрылымының айтарлықтай тозуы, басқару жүйесінде автоматтандыру мен цифрландырудың жеткіліксіздігі салдарынан суармалы егіншілікте судың шамамен 40 пайызы ысырапқа ұшырайды. Бұған қоса, трансшекаралық су ресурстарын пайдалану тиімділігінің төмендігі, сондай-ақ суды ұтымды пайдалану жөніндегі шараларды іске асырудағы бақылаудың әлсіздігі де негізгі проблемалардың қатарын құрайды [17, 10 б.].

Ұсынылып отырған зерттеулер көрсеткендей гидротехникалық құрылыстарды пайдалану кешенді түрде реттеуді талап етеді. Оны тех техникалық тұрғыдан ғана емес сонымен осы технологияны қауіпсіз қолдануды қамтамасыз ететін бастапқы фундаменталды идеялар негізінде іске асырылуы тиіс. Сол себептен де гидротехникалық құрылыстарды мемлекеттік құқықтық реттеудің қағидалары жасақталуы керек. Ол қағидалар қатарына келесілер жатқызылады:

1. Заңдылық қағидасы. Мемлекеттік-құқықтық реттеудің басты негізі – заңдылықты сақтау. Барлық су шаруашылығы ұйымдары мен жеке меншік субъектілер Су кодексі, Экологиялық кодекс, және Техникалық реттеу туралы заң талаптарын бұлжытпай орындауға міндетті. Гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану және жою тек уәкілетті органдардың рұқсатымен және бекітілген техникалық регламенттерге сай жүзеге асуы тиіс.

2. Қауіпсіздік және алдын алу қағидасы. Бұл қағида ГТҚ-ның апатты жағдайларын болдырмауға бағытталған. Құрылыстардың техникалық жай-күйін жүйелі бақылау, диагностика және профилактикалық жөндеу жұмыстарының жүргізілуі міндетті. Мемлекет апатты тәуекелдерді азайту мақсатында гидротехникалық нысандарды қауіп-қатер деңгейі бойынша жіктеуді және әр нысан үшін қауіпсіздік паспортын енгізуді қарастырады.

3. Экологиялық тұрақтылық қағидасы. Гидротехникалық құрылыстарды пайдалану қоршаған ортаға зиян келтірмеуі керек. Су экожүйелерінің табиғи айналымы мен биологиялық әртүрлілікті сақтау талаптары басымдыққа ие. Әрбір нысан бойынша экологиялық мониторинг және әсерді бағалау (ОВОС) тұрақты жүргізілуі тиіс.

4. Жауапкершілік және ашықтық қағидасы. Пайдаланушы ұйымдар мен мемлекеттік органдардың қызметі ашықтыққа және есептілікке негізделуі қажет. Құрылыс иелері мен пайдаланушылар апат немесе экологиялық залал болған жағдайда материалдық және әкімшілік жауапкершілікке тартылады. Сонымен қатар, қоғамды ақпараттандыру және жергілікті өзін-өзі басқару органдарының қатысуы реттеу сапасын арттырады.

5. Ғылыми негізділік және инновация қағидасы. ГТҚ қауіпсіздігін қамтамасыз етуде ғылыми зерттеулер мен жаңа технологияларды қолдану маңызды. Заманауи цифрлық мониторинг жүйелері, дрондық бақылау, автоматтандырылған ескерту платформалары және деректердің геоақпараттық жүйелерін енгізу мемлекеттік бақылаудың тиімділігін арттырады.

6. Халықаралық ынтымақтастық қағидасы. Қазақстанның трансшекаралық өзендерге тәуелділігі гидротехникалық құрылыстарды пайдалану кезінде халықаралық нормаларды сақтауды қажет етеді. Бұл тұрғыда көршілес мемлекеттермен (Қырғызстан, Қытай, Өзбекстан, Ресей) су бөлу, қауіпсіздік және экологиялық жауапкершілік саласындағы келісімдер шешуші рөл атқарады.

Қорытынды

Гидротехникалық құрылыстарды (ГТҚ) пайдалануды мемлекеттік-құқықтық реттеу – бұл су шаруашылығының қауіпсіз әрі тиімді қызметін қамтамасыз етуге бағытталған көпқырлы, кешенді және үздіксіз процесс. Зерттеу нәтижесінде Қазақстан Республикасындағы гидротехникалық құрылыстардың құқықтық реттеу жүйесі заңнамалық тұрғыдан қалыптасқанымен, оны одан әрі жетілдіру қажеттілігі анықталды. Себебі, қазіргі уақытта елдегі су нысандарының айтарлықтай бөлігі тозған, ал құқықтық және техникалық бақылау тетіктері жеткіліксіз деңгейде жүзеге асырылып отыр.

Қазақстан Республикасындағы гидротехникалық құрылыстардың (ГТҚ) пайдалануды мемлекеттік құқықтық реттеу қағидалары қазіргі кезеңде аса өзекті әрі кешенді мәселе болып отыр. Гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды мемлекеттік-құқықтық реттеу қағидалары – бұл гидротехникалық нысандарды (бөгеттер, су қоймалары, каналдар, су реттегіштер және т.б.) жобалау, пайдалану, техникалық қызмет көрсету және қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласындағы мемлекеттік ықпал ету жүйесінің ғылыми және нормативтік негізін айқындайтын, құқықтық реттеудің мазмұнын, бағытын және әдістерін белгілейтін негізгі құқықтық ұстанымдар мен талаптар жиынтығы. Ғылыми тұрғыдан алғанда, бұл қағидалар су ресурстарын басқарудың құқықтық режимін қалыптастыруда жүйелілік пен үйлесімділікті қамтамасыз ететін, экологиялық қауіпсіздік, апаттық тәуекелдерді азайту және қоғамдық мүддені қорғау мақсатында мемлекеттік билік органдарының, меншік иелерінің және пайдаланушылардың өзара қатынасын реттейтін тұрақты құқықтық категория болып табылады. Олар құқықтық жүйенің жалпы қағидаларымен (заңдылық, жауапкершілік, жариялылық, тиімділік) қатар, су шаруашылығы саласының ерекшеліктеріне бейімделген салалық қағидалармен (қауіпсіздік, экологиялық тұрақтылық, ғылыми негізділік, халықаралық ынтымақтастық, цифрлық мониторинг) толықтырылады. Осылайша, гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды мемлекеттік-құқықтық реттеу қағидалары – құқықтық саясаттың концептуалдық өзегі, ол су нысандарының қауіпсіз әрі тиімді жұмыс істеуін, табиғи ресурстарды ұтымды пайдалануды және халықтың өмірі мен қоршаған ортаны қорғауды қамтамасыз ететін нормативтік-ұйымдастырушылық бағдарлар жүйесі ретінде қарастырылады.

Климаттық өзгерістердің үдеуі, су тұтынудың артуы, қолданыстағы инфрақұрылымның тозуы, сондай-ақ трансшекаралық су ағындарына тәуелділік жағдайында құқықтық реттеуді жетілдіру мемлекеттің стратегиялық міндетіне айналды. Осыған байланысты құқықтық саясат пен тәжірибеде басшылыққа алынуы тиіс бірқатар қағидалар айқындалады. Бірінші кезекте сақтандыру мен алдын алу қағидасы маңызды орын алады. Бұл қағида ықтимал экологиялық қатерлерді болдырмауды құрылыс пен жобалау сатысында қамтамасыз етуді талап етеді.

Зерттеу барысында анықталғандай, қазіргі таңда гидротехникалық құрылыстарды реттеу саласында институционалдық үйлесімділіктің болмауы, ведомствоаралық өзара әрекеттің әлсіздігі, және бақылау-қадағалау функцияларының қайталануы байқалады. Бұл факторлар құқықтық жүйенің тиімділігін төмендетіп, апаттық тәуекелдерді арттырады. Осыған байланысты, нормативтік-құқықтық актілерді жүйелеу, жауапкершілік институтын күшейту және су ресурстарын басқарудың бірыңғай цифрлық платформасын құру қажет.

Сонымен қатар, гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мәселесінде жергілікті өзін-өзі басқару органдарының және қоғамдық бақылау институттарының рөлін арттыру маңызды. Бұл қатысу тетіктері құқықтық реттеу процесін ашық әрі тиімді етеді. Су нысандарының жағдайы туралы ақпараттың ашық болуы қоғам тарапынан бақылауды күшейтіп, жемқорлық тәуекелдерін азайтады.

Қорытындылай келе, гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды мемлекеттік-құқықтық реттеу қағидалары тек заңдық нормалар жиынтығы ғана емес, сонымен қатар қоғамдық қауіпсіздік пен экологиялық тұрақтылықтың кепілі болып табылады. Олар ғылыми негізделген, инновациялық, халықаралық және экологиялық талаптарды біріктіретін көпдеңгейлі құқықтық жүйенің өзегін құрайды. Болашақта Қазақстанда су ресурстарын басқарудың тиімді тетігін қалыптастыру үшін осы қағидаларды тәжірибеге толық енгізу, гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз етудің ұлттық стратегиясын қабылдау және нормативтік-құқықтық базаны халықаралық стандарттарға сәйкестендіру қажет. Бұл елдің экологиялық қауіпсіздігін нығайтып, орнықты даму мақсаттарына қол жеткізудің маңызды қадамы болмақ.

Қаржыландыру туралы ақпарат. Мақала ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті қаржыландыратын AP26193915 «Тұрақты даму жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен қауіпсіздігін қамтамасыз етуді құқықтық реттеу» гранттық жобасы аясында дайындалды.

ӘДЕБИЕТТЕР

1 Выставкина Е.В. Назначение гидротехнических сооружений // Colloquium-journal. – 2022. – № 9(132). – С. 37–38.

2 Мукашева А.А. Место субъективных водных прав в системе прав граждан // Құқық және мемлекет. – 2014. – № 33(64). – С. 25–28.

3 Ерекше стратегиялық маңызы бар, оның ішінде жалға және сенімгерлік басқаруға берілуі мүмкін су шаруашылығы құрылыстарының тізбесі туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2017 жылғы 29 желтоқсандағы № 933 қаулысы. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1700000933 (өтініш берілген күн: 20.05.2025)

4 Akhmet G.B., Bekezhanov D.N., Seriyev B.A. International legal regulation of principles in the field of climate protection // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2024. Vol. 3. No. 78. P. 94–101.

5 Атшабаров Н.Б. Вопросы обеспечения безопасной эксплуатации плотин и других гидротехнических сооружений в Республике Казахстан. URL: https://www.cawater-info.net/bk/dam-safety/files/atshabarov.pdf (дата обращения: 24.05.2025).

6 От паводков не защитят: треть гидротехнических сооружений в РК находятся в неудовлетворительном состоянии. URL: https://ranking.kz/reviews/industries/ot-pavodkov-ne-zaschityat-tret-gidrotehnicheskih-sooruzheniy-v-rk-nahodyatsya-v-neudovletvoritelnom-sostoyanii.html (дата обращения: 21.06.2025)

7 Қазақстан Республикасының су ресурстарын басқару жүйесін дамытудың 2024–2030 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 5 ақпандағы № 66 қаулысы. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2400000066 (өтініш берілген күн: 25.06.2025).

8 Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. 17 марта 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 27.06.2025).

9 Қазақстан Республикасының Шекарааралық су арналары мен халықаралық көлдерді қорғау және пайдалану туралы конвенцияға қосылуы туралы Заңы 2000 жылғы 23 қазан 94-II. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z000000094_/links (өтініш берілген күн: 28.06.2025).

10 Brown C., Lall U. Water and economic development: The role of variability and a framework for resilience. Natural Resources Forum. 2006. Vol. 30. No. 4. P. 306–317.

11 Pettersson K. Dam safety: the impact of extreme weather and climate change // International Journal of Water Resources Development. 2012. Vol. 28. No 2. P. 209–218.

12 Бөгеттерді декларацияланатын бөгеттерге жатқызу критерийлерін айқындайтын қағидаларды және Бөгеттің қауіпсіздігі декларациясын әзірлеу қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Су ресурстары және ирригация министрінің 2025 жылғы 27 маусымдағы № 156-НҚ бұйрығы. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1500012660/links (өтініш берілген күн: 08.07.2025)

13 Сейтбекова Г.А., Ауелбекова А.Y., Азімбай К.Е. Су ресурстарының экологиялық жағдайы // European Research Materials. – 2024. – № 6. – 344–345 б.

14 Richards T., Gibson R. Dam safety management: international practices and future challenges // Journal of Flood Risk Management. 2019. № 12 (S1). P. e12531.

15 Zarfl C., Lumsdon A.E., Berlekamp J., Tydecks L., Tockner K. A global boom in hydropower dam construction // Aquatic Sciences. 2015. No. 77. P. 161–170.

16 Кусмамбетов К.Д. Опыт управления водными ресурсами в Европейском союзе // Наука и жизнь Казахстана. – 2019. – № 7/1. – С. 560–562.

17 Беков К.А., Вартанян А.М. Правовые основы Водного кодекса Республики Казахстан // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2023. – № 4(5). – С. 7–18.

REFERENCES

1 Vystavkina E.V. (2022) Naznachenie gidrotehnicheskih sooruzhenij // Colloquium-journal. No. 9 (132). P. 37–38. (In Russian).

2 Mukasheva A.A. (2014) Mesto sub#ektivnyh vodnyh prav v sisteme prav grazhdan // Qūqyq zhäne memleket. No. 33 (64). P. 25–28. (In Russian).

3 Erekşe strategialyq mañyzy bar, onyñ ışında jalğa jäne senımgerlık basqaruğa berılu mümkın su şaruaşylyğy qūrylystarynyñ tızbesı turaly Qazaqstan Respublikasy Ükımetınıñ 2017 jylğy 29 jeltoqsandağy No. 933 qaulysy. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1700000933 (ötınış berılgen kün: 20.05.2025) (In Kazakh).

4 Akhmet G.B., Bekezhanov D.N., Seriyev B.A. (2024) International legal regulation of principles in the field of climate protection // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. Vol. 3. No. 78. P. 94–101. (In English).

5 Atshabarov N.B. Voprosy obespechenija bezopasnoj jekspluatacii plotin i drugih gidrotehnicheskih sooruzhenij v Respublike Kazahstan. URL: https://www.cawater-info.net/bk/dam-safety/files/atshabarov.pdf (data obrashhenija: 24.05.2025) (In Russian).

6 Ot pavodkov ne zashhitjat: tret' gidrotehnicheskih sooruzhenij v RK nahodjatsja v neudovletvoritel'nom sostojanii. URL: https://ranking.kz/reviews/industries/ot-pavodkov-ne-zaschityat-tret-gidrotehnicheskih-sooruzheniy-v-rk-nahodyatsya-v-neudovletvoritelnom-sostoyanii.html (data obrashhenija: 21.06.2025) (In Russian).

7 Qazaqstan Respublikasynyñ su resurstaryn basqaru jüiesın damytudyñ 2024–2030 jyldarğa arnalğan tūjyrymdamasyn bekıtu turaly. Qazaqstan Respublikasy Ükımetınıñ 2024 jylğy 5 aqpandağy No. 66 qaulysy. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2400000066 (ötınış berılgen kün: 25.06.2025) (In Kazakh).

8 Konvencija po ohrane i ispol'zovaniju transgranichnyh vodotokov i mezhdunarodnyh ozer. 17 marta 1992 goda. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (data obrashhenija: 27.06.2025) (In Russian).

9 Qazaqstan Respublikasynyñ Şekaraaralyq su arnalary men halyqaralyq kölderdı qorğau jäne paidalanu turaly konvensiağa qosyluy turaly Zañy 2000 jylğy 23 qazan 94-II. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z000000094_/links (ötınış berılgen kün: 28.06.2025) (In Kazakh).

10 Brown C., Lall U. (2006) Water and economic development: The role of variability and a framework for resilience. Natural Resources Forum. Vol. 30. No. 4. P. 306–317. (In English).

11 Pettersson K. (2012) Dam safety: the impact of extreme weather and climate change // International Journal of Water Resources Development. Vol. 28. No 2. P. 209–218. (In English).

12 Bögetterdı deklarasialanatyn bögetterge jatqyzu kriterilerın aiqyndaityn qağidalardy jäne Bögettıñ qauıpsızdıgı deklarasiasyn äzırleu qağidalaryn bekıtu turaly Qazaqstan Respublikasy Su resurstary jäne irigasia ministrınıñ 2025 jylğy 27 mausymdağy No. 156-NQ būiryğy. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1500012660/links (ötınış berılgen kün: 08.07.2025) (In Kazakh).

13 Seitbekova G.A., Auelbekova A.Ü., Azımbai K.E. (2024) Su resurstarynyñ ekologialyq jağdaiy // European Research Materials. No. 6. P. 344–345. (In Kazakh).

14 Richards T., Gibson R. (2019) Dam safety management: international practices and future challenges // Journal of Flood Risk Management. No. 12 (S1). P. e12531. (In English).

15 Zarfl C., Lumsdon A.E., Berlekamp J., Tydecks L., Tockner K. (2015) A global boom in hydropower dam construction // Aquatic Sciences. No. 77. P. 161–170. (In English).

16 Kusmambetov K.D. (2019) Opyt upravlenija vodnymi resursami v Evropejskom sojuze // Nauka i zhizn' Kazahstana. No. 7/1. P. 560–562. (In Russian).

17 Bekov K.A., Vartanjan A.M. (2023) Pravovye osnovy Vodnogo kodeksa Respubliki Kazahstan // Eurasian Scientific Journal of Law. No. 4(5). P. 7–18. (In Russian).

ТЕЛЕУЕВ Г.Б.,*[1]
PhD, преподаватель-лектор.
*e-mail: galim200385@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9575-5278
ТАНАТБАЕВА Ж.Е.,[1]
докторант.
e-mail: tanatbayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9575-5536
НАРЗУЛЛАЕВ О.Х.,[2]
д.ю.н.
e-mail: olimnarzullayev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2145-6846
[1]Жетысуский университет им. И. Жансугурова,
г. Талдыкорган, Казахстан
[2]Ташкентский государственный
юридический университет,
г. Ташкент, Узбекистан

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВИЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

В статье рассматриваются принципы государственно правового регулирования эксплуатации гидротехнических сооружений в Республике Казахстан. В ходе исследования уделено внимание актуальным проблемам водохозяйственной отрасли: зависимости от трансграничных рек, износу существующей инфраструктуры, недостаточному уровню цифровизации государственного управления водными ресурсами и усиливающемуся воздействию климатических изменений. Проведены исследования актуальных вопросов государственной охраны водных ресурсов в обеспечении экологической безопасности. В рамках исследования представляет интерес оценка безопасности гидротехнических сооружений, состояния и соответствия деятельности работников эксплуатирующих организаций требованиям и принципам законодательства в области обеспечения безопасности гидротехнических сооружений. Кроме того, обеспечение безопасности гидротехнических сооружений означает разработку и реализацию мер по предотвращению аварий на них. При анализе исследования в сфере экологической безопасности проведено сравнительное изучение международных стандартов и принципов в области экологической безопасности гидротехнических сооружений. Авторы, исследуя международные правовые акты, регулирующие деятельность гидротехнических сооружений, предлагают фундаментальные положения, которые должны быть положены в основу обеспечения экологической безопасности.

Ключевые слова: гидротехнические объекты, правовое регулирование, экологическая безопасность, трансграничное сотрудничество, адаптация к климатическим изменениям.

TELEUYEV G.B.,*[1]
PhD, teaching lecture.
*e-mail: galim200385@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9575-5278
TANATBAYEVA Zh.E.,[1]
PhD candidate.
e-mail: tanatbayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9575-5536
NARZULLAEV O.Kh.,[2]
d.l.s.
e-mail: olimnarzullayev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2145-6846
[1]Zhetysu University named
after Ilyas Zhansugurov,
Taldykorgan, Kazakhstan
[2]Tashkent State University of Law,
Tashkent, Uzbekistan

SOME ISSUES OF THE RULES OF STATE LEGAL REGULATION OF THE OPERATION OF HYDRAULIC STRUCTURES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

The article examines the issues of state and legal principles governing the operation of hydraulic structures in the Republic of Kazakhstan. The study focuses on current challenges in the water management sector, including dependence on transboundary rivers, the deterioration of existing infrastructure, insufficient digitalization in state water resource management, and the growing impact of climate change. Research has been conducted on urgent problems of state protection of water resources in ensuring environmental safety. Within the framework of the study, particular attention is given to assessing the safety of hydraulic structures, their technical condition, and the compliance of personnel in operating organizations with the requirements and principles established in legislation on the safety of hydraulic structures. Furthermore, ensuring the safety of hydraulic structures implies the development and implementation of measures aimed at preventing accidents at such facilities. By analyzing research in the field of environmental safety, a comparative study of international standards and principles concerning the environmental security of hydraulic structures has been carried out. The authors, while examining international legal acts regulating the operation of hydraulic structures, propose fundamental provisions that should serve as guiding principles for ensuring environmental safety.

Keywords: hydraulic engineering facilities, legal regulation, environmental safety, cross-border cooperation, adaptation to climate change.

Мақаланың редакцияға түскен күні: 28.10.2025

МРНТИ 10.07.00
УДК 34.15
JEL K10

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-53-63

БАЙСЕЙТОВ Б.Б.,*[1]
докторант.
*e-mail: 24251147@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-7854-322X
АЛДАБЕРГЕНОВА Н.А.,[1]
к.ю.н., профессор.
e-mail: n.aldabergenova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0001-7384-3664
[1]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан

ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ВОЕННОЙ ВЛАСТИ В ТРАДИЦИОННОМ КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовых источников военной власти в традиционном казахском обществе. Автор рассматривает зарождение военных норм в эпоху гуннов, усуней и тюрков, их систематизацию в своде законов Чингисхана «Яса», а также дальнейшее развитие в период Казахского ханства при Касым хане, Есим хане и Тауке хане. Цель исследования – выявить основные направления формирования и развития нормативных оснований военной власти на государственном уровне. Главная идея работы заключается в том, что военные нормы были ключевым правовым инструментом обеспечения стабильности, обороноспособности и внутреннего порядка кочевого общества. Научная и практическая значимость исследования определяется тем, что оно раскрывает роль военных норм в формировании ранней казахской государственности, укреплении дисциплины, а также в регулировании внутренней и внешней политики. Методология основана на историко-сравнительном анализе, изучении письменных источников и обычного права. Ключевые результаты: военная дисциплина была закреплена законодательно; за ее нарушение применялись тяжкие наказания; правовые нормы системно эволюционировали – от строгих положений к частичному смягчению во времена Тауке хана. Ценность исследования – в раскрытии правовой природы военных норм и их вклада в развитие казахской правовой культуры. Практическая значимость – возможность использования выводов при изучении истории национального права и развитии современных военных институтов.

Ключевые слова: власть, право, закон, обычай, дисциплина, хан, правовые источники.

Введение

Правовые источники военной власти в кочевом казахском обществе восходят к древним эпохам. Уже в ранние периоды формировались нормативные требования к организации и осуществлению военной власти, что позволяет говорить о наличии определенной системы. Цель исследования – показать нормативный характер военной власти на государственном уровне.

Прежде всего необходимо рассмотреть правовые основания военной власти. В юридической науке «правовые источники» понимаются в широком и узком смыслах: в широком – как совокупность факторов, порождающих правовые нормы, включая развитие экономических отношений, социальные потребности и формирование правовых требований.

Институт биев сохранял функции арбитража и регулирования конфликтов, обеспечивая легитимацию власти через опору на обычай и прецеденты [1]. Выбор темы обусловлен ее научной и практической значимостью. Источники военной власти в традиционном казахском обществе формировались на стыке кочевой государственности, родоплеменных отношений и военно-организационных практик, восходящих к гуннским, усуньским и тюркским объединениям. Позднее они были систематизированы в «Жасе» Чингисхана и переосмыслены в Казахском ханстве в сводах «Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханның ескі жолы» и «Жеті жарғы». Несмотря на значительный исследовательский материал о военной организации, комплексных

работ о правовой природе военной власти, структуре норм и дисциплинарных механизмах пока недостаточно.

Актуальность исследования определяется тем, что анализ правовой природы военной власти кочевых обществ позволяет глубже понять генезис казахской государственности и истоки современных институтов обороны. Исследователи подчеркивают, что адат и законодательные установления ханов функционировали как взаимодополняющие источники, определяя дисциплину, ответственность и поддержание порядка [2]. Правовые установления номадов обеспечивали управление войском, дисциплину, ответственность и поддержание внутреннего порядка, что делает их значимыми как для историко-правовой науки, так и для современных исследований в сфере безопасности.

Объект исследования – правовая регламентация военной власти в традиционном казахском обществе и предшествующих тюрко-кочевых образованиях. Предмет – нормы и источники права («Жаса», «Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханның ескі жолы», «Жеті жарғы» и др.), регулирующие военную власть, иерархию, дисциплину и ответственность. Цель – выявить закономерности формирования и эволюции правовых основ военной власти и их роль в развитии казахской государственности.

Для достижения цели ставятся задачи: проследить генезис военных норм, реконструировать систему дисциплинарной ответственности, определить преемственность между сводами норм, выявить тенденции смягчения санкций в эпоху Тәуке хана и оценить вклад этих норм в правовую культуру. Методы исследования – историко-сравнительный, формально-юридический, источниковедческий и элементы контент-анализа.

Предполагается, что нормы военной власти ранних кочевых кодексов создали правовую матрицу, обеспечившую устойчивость власти и мобилизационную готовность, а в период Казахского ханства эволюционировали в сторону системности и частичного смягчения санкций. Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее результатов в учебных курсах по истории государства и права и военному праву, а также при реконструкции правовых институтов и популяризации правового наследия.

Материалы и методы

Цель данной части – оценить надежность примененных методов исследования и их влияние на достоверность результатов. Исследование основано на анализе корпуса источников: текстов и реконструкций «Жасы» Чингисхана, казахских сводов норм («Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханның ескі жолы», «Жеті жарғы»), исторических хроник, этнографических описаний и научных трудов по истории права кочевых обществ. Дополнительно использованы данные устно-поэтической традиции для сопоставления фрагментарных правовых предписаний.

Примененный комплекс методов включал историко-сравнительный метод, формально-юридический анализ, источниковедческую критику, анализ и синтез, индукцию и дедукцию. Историко-сравнительный метод выявил преемственность и эволюцию правовых норм между «Жасой» и казахскими сводами. Формально-юридический анализ позволил реконструировать структуру военной власти, обязанности, санкции и дисциплинарные требования. Источниковедческая критика оценила достоверность материалов, их происхождение, хронологию и возможные поздние редакции. Анализ и синтез, индукция и дедукция обеспечили переход от отдельных текстовых фрагментов к целостной модели нормативных установлений.

Процесс исследования включал формирование корпуса материалов, их критическую оценку, кодирование и систематизацию норм по тематическим категориям, сравнение и сопоставление, интерпретацию данных и валидацию результатов через альтернативные источники. Использование нескольких подходов обеспечило triangulation и повысило достоверность результатов: сопоставление текстов различных периодов выявило устойчивые нормы военной власти и проследило их трансформацию. Ограничения связаны с фрагментарностью источников и поздними записями отдельных предписаний.

Таким образом, совокупность методов обеспечила комплексный анализ и создала надежную основу для реконструкции правовых основ военной власти в традиционном казахском обществе.

Результаты и обсуждение

В особом значении правовыми источниками называют форму жизни, официальный вид правовых норм [3, с. 70–71]. Отечественный известный ученый З.Ж. Кенжалиев, говоря о наличии форм официальных и неофициальных норм казахского обычного права, дает их классификацию: «Власть биев, указы ханов, дороги, указы, правила были официальными формами жизни правовых норм кочевников. В неофициальной форме обычные нормы предстают в виде завета, благословения, образцового слова, пословиц, поговорок, афоризмов» [3, с. 75]. В ходе анализа правовых источников военной власти мы в основном полагаемся на эти взгляды.

В целом в традиционном казахском обществе законотворчество и управление государства законом издавна известное явление. Это доказывают найденные китайские сведения касательно государств на территории Казахстана. Так, в работе Thomas J. Barfield освещены важные вопросы о структуре власти и обычном праве кочевых народов Центральной Азии, в том числе тюркских племен [4, с. 100–150]. У тюрков существовали строгие законы. За бунт, измену, убийство без причины, прелюбодеяние и кражу лошади полагалась смертная казнь. За увечья в драке взыскивали компенсацию: за потерю глаза – дочь виновного или калым, за потерю конечности – штраф лошадью. За кражу ценных вещей требовалась десятикратная компенсация. Кочевая аристократия обладала наследственными военными функциями и статусом, что оформляло их политические привилегии [5].

Из норм законов тюркской эпохи мы видим наличие требований, присущих военному обществу. Предание смертной казни за кражу коня на привязи показывает, что готовность общества к внезапному натиску врага была нормативно закреплена.

Нам хорошо известно, что в истории казахов военные нормы носили правовой характер и были закреплены на государственном уровне. Повышение военных норм до государственного уровня, их упорядочение, превознесение связаны с именем Чингисхана. В «Ұлы Жаса» Чингисхана основное место занимает упорядочение, регулирование этих военных вопросов. М. Иванин, который изучал военное искусство Чингисхана, в своем труде говорил о следующих военных нормах закона «Жаса»: «Повеления хана отдавались состоявшими при нем чиновниками (вроде адъютантов) непосредственно темникам и начальникам племен, а от них уже переходили к подчиненным их. Строго запрещалось начальникам принимать к себе воинов, состоявших в ведомстве других начальников» [6, с. 44]. В действительности, Чингисхан требовал строгой военной дисциплины для сохранения и процветания Великой империи. В «Ұлы Жаса» Чингисхана следующие статьи доказывают наличие строгой военной дисциплины: «Перед походом или приготовлением к сражению делали смотр войскам, осматривали оружие и требуемые в походе вещи; неисправных наказывали; хорошим воинам в случае недостаточности давали пособие. Начальники в нужде не должны были обращаться ни к кому другому, кроме государя, в противном же случае подлежали смертной казни» [6, с. 45]. Позже старались придерживаться строгих военных требований и правители Средней Азии. Э. Хара-Даван в своем труде старался доказать, что закрепленные в «Ұлы Жаса» нормы военной дисциплины сохранились и в эпоху Амира Темира: «Закон Чингис-хана, повелевавший перед выступлением в поход или перед сражением осматривать войска, их оружие и вообще все, что воины должны были иметь с собою, Тамерлан соблюдал во всей строгости» [7, с. 189]. Э. Хара-Даван в своем труде, посвященном Чингисхану, раскрывая значение его военных правил, доказал, что особенности военной организации войска Амира Темира упираются на требования Чингисхана. Например, он писал: «При Чингис-хане и Тамерлане в военных действиях принимали участие мальчики, начиная с 12 или 13 лет, так как уже в этом возрасте они были отличными стрелками из лука и вполне пригодными для действий малой войны, для службы при обозе, при заводных лошадях и т.п. Но история показывает, что из кочевников можно было образовать не только легкую конницу, но и тяжелую и среднюю. Конницу эту не могли остановить ни горы, ни реки; она побеждала и превосходную пехоту янычар, и индийскую пехоту, поддерживаемую слонами, грегорианским огнем, ракетами, и тяжелое западное рыцарство. Эти конные войска, предводительствуемые Чингис-ханом и Тамерланом, переходили высокие горные хребты, леса и топи, и потому надобно признаться, что мысль о всемирном завоевании или преобладании никогда не была ближе к исполнению, как при этих завоевателях» [7, с. 196]. Все военные тре-

бования «Ұлы Жаса» Чингисхана Амир Темир дальше развивал в своих законах и заветах. Это доказывает мысль великого полководца, сказанная в переведенном И. Сапарбай с узбекского на казахский язык труде «Әмір Темір аманаты» («Наказ Амира Темира»): «Если соберутся десять военных человек с практическим жизненным опытом, один из них будет отличаться храбростью и смелостью, благословением остальных девяти человек, я отдаю приказ назначить его предводителем и называть его Десятником.

Если десять десятников объединятся, то пусть назначают Амиром одного из среди умелых, опытных, проявивших себя богатырем воина и будут называть его Стотысячником.

Если десять стотысячников объединятся, то пусть назначают Амиром одного из умного, смелого богатыря среди амиров и будут называть его Тысячником и Амиром бесчисленного войска.

Если кто-то умер или сбежал, Десятник волен принять вместо него или назначить другого человека. Пусть также назначают сотники десятников, тысячники сотников. Своевременно осведомлять меня о причинах смерти, бегства или назначения среди них.

Отдал приказ, чтобы во время походов или в бою приказы тысячников оглашались сотникам, приказы сотников десятникам, а приказы десятников своим подчиненным. А если есть те, кто против этого принципа, они будут наказаны. Если во время боя тот, кто допустит недостатки, срочно отзывается назад и вместо него назначается другой, заслуживающий доверия, достойный человек» [8, с. 64–65]. Нам хорошо известно, что Амир Темир был полководцем, возвысившим военную дисциплину до небес. Вместе с тем он в своем законе показал с нормативной точки зрения правила ведения боя. Его основные требования выглядели так: «Я приказываю: если врагов будет меньше двенадцати тысяч всадников, пусть руководит этим боем главный амир. Со стороны регионов и десятитысячников подготовить двенадцать тысяч всадников. Тысячники, сотники и десятники будут его проводниками. Приблизиться к врагу на пикетное расстояние и сообщить мне.

Войско из двенадцати тысяч всадников пусть разделятся на девять групп в следующем порядке.

Одна группа под рукой (қолда).

Одна группа в барангаре (бараңғарда).

Одна группа в жауангаре (жауанғарда).

Одна группа в кырауыле (қырауылда).

Одна группа в карауле (қарауылда).

Группа бараңғар будет состоять из кырауыл (қырауыл), шапауыл и шыгауыл (шығауыл). И группа жауангар (жауанғар) пусть тоже состоит из войска кырауыл (қырауыл), шапауыл и шыгауыл (шығауыл).

Во-первых, там должна быть вода, во-вторых, место для расположения войска, в-третьих, это место должно находиться на возвышенности, не на солнечной, а на теневой стороне. Потому что солнечный свет не должен ослеплять глаза воинов светящимися саблями. В-четвертых, поле битвы должно быть открытое и с большой территорией.

Отдал еще и такой приказ: за день перед боем войско должно быть разбито на группы в вышесказанном порядке и построено по направлению на врага. Чтобы кони смотрели только вперед и не смогли повернуть ни вправо, ни влево. Отважные воины, увидев врага, должны атаковать его с грозным видом, повторяя «Аллаһу акбар!», взывая духов святых.

Наблюдающий ход боя ләшкер (войско), заметив ошибку сардара (воина) в ходе боя, пусть немедленно заменит его другим сардаром. Пусть доведут до амиров и предводителей мой указ о моем доверии.

Отдал такой приказ: вместе с наблюдающим Сардаром определить количество врага, сравнить предводителей с вражескими полководцами. Подготовиться к бою, восполнив недостатки войска. Пусть перед боем сардар сравнит оружие своего войска с вражеским оружием. Вместе с тем пусть проверит и понаблюдает методы противника, они совершают единое движение или действуют стремительно. Например, враг выходит в бой со всеми войсками или хитрит? Постараться заметить: хитрит ли враг, делая то наступающие, то отступающие движения, или упорно сопротивляется? В таком положении наша сторона должна дать отпор. Потому что эта ситуация длится не более одного часа.

Я также отдал приказ: не начинать бой, пока враг не начнет. Когда враг начнет бой, предводитель войска должен отдать приказ девяти группам в строю атаковать врага. Пока стихнут волнения, успокоятся сердца сарбазов, предводитель должен сдержаться от приказов. Он должен знать, что каждая группа войска есть одно из оружий, израсходуемых в необходимых случаях. Он должен каждую группу как лук, секира, меч, булава, нож, кинжал пускать в дело в удобный момент. Умный, хитрый предводитель должен чувствовать себя и группы войск как единое целое, уметь использовать их по возможности как руки и ноги, как голова и грудь, душа и сердце целой личности. После непрерывного девятикратного удара враг сдается.

Хитрый предводитель сначала направляет против врага группу қырауыл (қырауыл), после этого, как вспомогательную силу, направляет группу барангар (бараңғар). После группы барангар (бараңғар) в бой выходит группа жауангар (жауанғар). Таким образом, против вражеского войска совершается подряд три удара. Если в это время қырауылы (қырауылдар) в бою начнут показывать свою слабость, то в этом случае пусть выходит в бой первая часть барангара (бараңғар), после него вторая часть жауангара (жауанғар). Если враг не отступает, пусть включается в бой вторая часть барангара (бараңғар), после них немедленно направляется первая группа жауангар (жауанғар). С началом боя пусть сообщат мне и ждут моего дальнейшего приказа.

После этого пусть сам предводитель тоже включается в бой с благословения Аллаха, и пусть знает о том, что я тоже всегда готов. С помощью создателя, после восьми периодических ударов, на последнем – девятом ударе – враг испытывает поражение.

Только самый уникальный сардар включает свое войско в бой после долгих раздумий. Если во время боя назревает ситуация предводителю самому драться на мечах, пусть бережет себя от напасти. Потому что нет худа без добра, смерть предводителя – плохая репутация для орды, она может стать причиной того, что враг может опомниться (собраться силами) и победить. Поэтому сардар должен действовать с умом, хитростью, не суетиться, не растеряться, потому что спешка – это дело шайтана (черта). Лучше всего не надо заниматься делом, ключ от которого не найден» [8, с. 100–102]. Если сравнительно глубоко вникнуть в содержание, нетрудно заметить, что все военные нормы в законах Амира Темира упираются во власть Чингисхана и его закон «Жаса». Есть несколько причин этого.

Во-первых, и в эпоху Чингисхана, и в эпоху Амира Темира общие начала организации военного дела были одинаковы.

Во-вторых, в основном и у Чингисхана, и у Амира Темира были войска, основанные на кочевых традициях.

Все это в последующем открыло дорогу для формирования военных навыков, дисциплины, присущих кочевому обществу. Заповеди и нормы законов, как наказ Амира Темира, можно встретить среди многих народов Центральной Азии. Советы касательно военного дела и военные ритуалы можно найти, например, в одном из средневековых памятников в Кабуснаме. В Кабуснаме оставлена следующая заповедь об организации военного дела: «Эй, дитя мое, если ты предводитель, умей заботиться о своем войске. Разыщи пути доброты царя и своей доброты, обучи их строгой дисциплине. Пусть всегда грозным, знай хорошо военное искусство, способы ведения войны. Во время войны отправляй на правый и левый фланги опытных предводителей, участвовавших в бою много раз. Храбрые, смелые группы войска держи на заднем фланге. Это хорошо, когда задний фланг войска является мощным. Если враг не обладает мощью, не считай его слабым. Остерегайся от слабого врага так же, как от сильного врага. Во время боя не теряй надежду. Безнадежность приводит к поражению войска, а пессимизм станет причиной отступления войска. Будь всегда осведомленным о положении своего врага, отправляя шпиона-разведчика. Не прекращай финансирование. В день боя наблюдай за движением своего войска. При столкновении друг с другом двух армий, будь приветливым, острословным. Воодушеви свое войско, сказав им: «разрушим врага как щенков за один час». Не выставляй сразу все войско против врага. Построй их в шеренгу перед царем и отправляй их постепенно группами. Предводителей подготовь отдельно. Отдавая приказ, говори: «Эй, такой-то, ты иди против такого-то врага со своими людьми». Советники пусть всегда будут рядом с тобой. Если один из воинов во время боя ранил кого-то, сбросив его с коня, взял врага в плен или поймал его коня, принес голову врага, отличился и другой службой, дай награду им не только достойную их службы, а в два раза больше. Одень его с ног до головы. Повысь зарплату. Потрать свое иму-

щество именно в это время. Только тогда быстро достигнешь задуманной цели. Если в таком деле проявишь благородство, победа тоже будет в твоих руках. Когда одержишь победу, не зазнайся от радости, покажи свою устойчивость. Не будь бойцом для врага. Потому что ранения военачальников, столкновение с другой ситуацией – позор.

Будь смелым в бою, не думай о бегстве. Не бойся смерти. Если каждый воин не будет бояться смерти, то никакой враг не разрушит их войско. Если победишь, не пускайся в погоню. Пустишься в погоню, окажешься в опасности. Мой дед был таким. Султан Махмуд тоже придерживался этого и не пускался в погоню. Говорят: «Беглецы бесстрашно сопротивляются. Если каждый человек со всех сторон переходит в действия, конечно, достигнет победы». Во время боя не отступай ни на шаг. Если один раз отступишь назад, то привыкнешь отступать. Всегда действуй и мобилизуй силы своих войск, чтобы двигаться вперед, даже если это всего в шаге от того места, где вы находитесь. В любой ситуации будь с воинами сговорчивым, веселым, делись с ними куском хлеба, глотком воды. Кусок хлеба не могут заменить золотые, драгоценные вещи. Поддерживай войско всегда в приподнятом настроении. Если они готовы отдать за тебя жизнь, ты не жалей от них своего хлеба. Если ты достигнешь степени царя, то хорошо узнай способы царствования» [9, с. 140–142]. Нетрудно заметить, что озвученные в «Кабуснаме» эти мысли переплетаются с наказом Амира Темира.

Военные нормы «Ұлы Жаса» Чингисхана продолжали применяться государствами казахской степи. Могущество Алтын Орды во многом обеспечивалось строгой военной дисциплиной. После ее распада дисциплина сохранялась и в Ақ Орде (Белой ставке). Современные исследователи отмечают, что элементы военной мобилизации, охраны порядка, сигнализации и предупреждения опасности были частью обычного права у разных родов казахов [10].

Военные правила прослеживаются и в эпоху Майқы би. В «Шипагерлік баяне» Өтейбойдақ Тілеуқабылұлы отмечает нормы, восходящие к Майқы би, связанные с требованиями набегов: призыв мужчин к оружию, организация отрядов, обязанности стариков, запрет женщинам и вдовам разглашать информацию о роде и ауле, требование сообщать о незнакомцах и передавать подозрительных людей жортуылам (набегам). За нарушение этих указов полагалось суровое наказание [11, с. 144].

Давние военные нормы обогащались и применялись во времена Казахского ханства. Среди реформ, осуществленных в эпоху Казахского ханства, нам широко известны реформы, проведенные Касым ханом, поддержанные Есим ханом, преобразованные Тауке ханом. В эпоху названных ханов все отношения общественной жизни сливались в одно течение и превращались в упорядоченные правила поведения. В превращении Казахского ханства в процветающее государство есть особенная заслуга Касым хана. Проведенная реформа Қасым хана в казахской степи в стране известна под названием «Прямой путь Касым хана» («Қасым ханның қасқа жолы»). Всем известно, что свод законов Касым хана в полном виде не дошел до нас. Несмотря на это, многие ученые говорят, что «Прямой путь Касым хана» («Қасым ханның қасқа жолы») состоит из следующих разделов: «Внесенные правила в бывшие законы следующие:

1. Имущественный закон (правила решения споров имущественных, угодий, мест расположений).
2. Уголовный закон (применяемые наказания за убийство, нашествие на страну, угон скота, кражу и т.п.).
3. Военный закон (создание армии, обязанности воина, черный казан (қара қазан), скакун, кун мужчины и т.п.).
4. Обычаи посольства (красноречивость, тактичность, вежливость в международных отношениях, манера говорения).

Закон общественности (правила шүлен тарту (раздача имущества, угощения и помощи бедным и нуждающимся обычно богатыми или знатными людьми), ас-той, праздников и собраний, жылу (материальная помощь), асар (коллективная безвозмездная помощь) и т.п.)». Из сказанного можно увидеть, что в законе Касым хана особое место занимали специальные военные нормы. Нам хорошо известно, что позже «Касыма праведный путь» был дополнен в эпоху Есим хана. Причины ведения реформы Есим хана и из чего состоят его законы, китайский ученый Су Бихай объясняет следующим образом: «С целью укрепления общественной стабильности, систематизации внутреннего порядка ханства он внес дополнения в «Прямой путь Касым хана» и

создал «Законы Есим хана», то есть «Старый путь Есим хана» («Есім ханның ескі жолы»). Его законы, дополнившие законы Касым хана, содержат следующее:

Пусть будет хан и достойный хана закон (то есть хан имеет право определять закон, достойный его государства).

Пусть будет батыр и пусть будет одобрен его поход (то есть мужчина должен воевать и побеждать врага).

Пусть будет мудрец, и пусть будет обязательным уважать мудреца (то есть должен уважать образованных людей).

Пусть будет бий и пусть будет дом, где может гостить бий (то есть бии должны создать свой аппарат управления». В эпоху Есим хана виды наказаний классифицировались и определялись. В работе под названием «Тарих өткеліндегі Төле би» об этом говорится так: «По правилам Есим хана есть три основы тяжкого наказания:

Жан жазасы – наказание души;

Мал жазасы – наказание имуществом (дословно: «имущественное наказание»);

Ар жазасы – наказание чести или стыд, позор.

К первому относится наказать преступника смертной казнью, его называют «Қанды қанмен жуу» (кровь за кровь).

Ко второму относится плата куном. К третьему относится выдворение из страны или опозорить при всех, намазав лицо сажей, повесив на шею құрым (веревку), посадив задом наперед и обойти весь аул. Первое и второе не применяется преступникам между родственниками» [12, с. 186].

Закон Есим хана невозможен без содержания военных норм, так как это была эпоха набегов. Можно считать, что в военных нормах в основном укреплены требования касательно куна мужчины и куна скакуна. Этому служат основой следующие мысли известных ученых С.З. Зиманова и Н.Ө. Өсерова: «Эпоха Есим хана была неспокойной, трудной эпохой, несмотря на то, что в войне с иностранцами она всегда одерживала победу, удачу. В эту трудную эпоху скакуны были самым лучшим другом, сотоварищем храброго молодца. Этому можно привести примеры из всех богатырских эпосов. В «Старом пути Есим хана» кун за отличившего скакуна решался в зависимости от его призов в скачках и от его прибыли в походах. Конечно, почитание скакуна есть в законе «Жаса» Чингисхана» [13, с. 155]. Эпос Қазанғапа Байболұлы свидетельствует о различиях в законах Есим хана, Касым хана и позднее Тауке хана с Төле би. Если при Есим хане и Касым хане за убийство отвечали смертью, то при Тауке хане и Төле би наказание смягчили, заменив его семью видами айыпа (штрафа): қара қазан (черный казан), түйе (верблюд), мылтық (ружье), жылқы (лошадь), кілем (ковер) и т.д., а также тогыз – штраф из девяти голов скота [13, с. 203].

Одна из фундаментальных реформ эпохи Казахского ханства была осуществлена в эпоху Тауке хана. Нормативные законы Тауке хана до сегодняшнего дня систематически исследуются учеными казахского обычного права. Несмотря на это, говоря о военных нормах в законах Тауке хана, считаю, будет правильным раскрыть некоторые мысли об этом законе. «Семь уложений» («Жеті жарғы») Тәуке хана Ордабасы Қожаберген сказал:

«Был написан «Жеті жарғы»
На казахском чистом языке.
И не было бы искушения на земле,
Как у нашего хана Аз-Тауке».

Если присмотреться к этим строчкам, то можно увидеть письменный вариант «Жеті жарғы». Конечно, его полный вариант до сих пор не найден. Поэтому это является спорным вопросом. В науке нет и концептуальной мысли о времени принятия «Жеті жарғы». Считается правдоподобным следующее мнение С. Өзбекұлы о принятии «Жеті жарғы»: «По нашему мнению, «Жеті жарғы» – правовой документ, принятый 1684–1685 годах. Потому что принять эти значимые законы для казахского общества в течение года будет немыслимым. Работы над законами казахского народа «Старого пути Есим хана», «Прямого пути Касым хана», такие как систематизировать, внести новые нормы, опровергнуть нормы, не соответствующие старой эпохе, Тауке хан успел сделать в 1680 году, в год восшествия на трон, не соответствует научной истине. Для издания закона необходима специальная подготовка, должны быть дискуссии.

Обычную правовую систему партикулярного содержания, присущую только трем жузам, собрать воедино долгосрочное дело, требующее времени, совета, мудрости» [14, с. 47]. Қазанғап Байболұлы отмечал, что в «Жеті жарғы» были упрощены многие наказания. В стихотворном фрагменте говорится, что закон был принят одним ханом и тремя биями; упоминается Есим хан, внесший ранние поправки, а также подчеркивается, что Тауке хан и Толе би позднее пересмотрели нормы и смягчили тяжкие наказания эпохи Есим хана.

В законе «Жеті жарғы» тоже в основном имели место военные нормы. Во введенных дополнительно в законы Тауке хана статьях об этом говорится следующее: «Сам хан, а также все султаны, аксакалы и правители племен пусть соберутся в одном месте для обсуждения дел народа. Ни один казах пусть не приходит на народное собрание без оружия. Человек без оружия не имел голоса, и младшие не уступали им место. Любой человек, который способен держать оружие в руках (кроме султанов), пусть ежегодно платит алым (сбор) хану и правителям в виде одной из двадцатой части своего имущества. Пусть у каждого звена, племени и отделения будет свой знак (используемый вместо герба). Знаки тотчас были распределены, чтобы различать весь скот-имущество было обязательным ставить на все отличительный знак».

Заключение

Правовые истоки военных норм в кочевом казахском обществе восходят к древним эпохам. Сформировавшиеся у гуннов, уйсунов и тюрков нормы были систематизированы в законах Чингисхана, а затем закреплены в законодательстве Касым хана, Есим хана и Тауке хана. В ранних казахских правовых сводах нарушения военной дисциплины карались строго, что способствовало укреплению целостности и независимости ханства. В период Тауке хана часть военных и иных норм была упрощена, что отражало эволюцию правового регулирования. Государственное закрепление военных предписаний стало основным механизмом реализации военной власти.

Исследование показало, что нормативная регуляция войска была фундаментальным элементом государственности кочевников. Анализ правовых сводов – от «Жасы» до «Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханның ескі жолы» и «Жеті жарғы» – выявил последовательное развитие дисциплинарных правил, полномочий военной власти и системы санкций. Установлено, что военная власть представляла собой сложившийся правовой институт со структурированными функциями и механизмами ответственности, что свидетельствует о высоком уровне правовой культуры кочевого социума.

Результаты подтвердили гипотезу о ключевой роли военных норм в институционализации ранней государственности, обеспечении устойчивости власти, дисциплины и внутреннего порядка. Регулятивное ядро, сформированное на ранних этапах, сохранялось длительное время, постепенно гуманизируясь и усложняясь. Отмечено смягчение санкций в период Казахского ханства и усиление правовой формализации.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования его выводов при подготовке курсов по истории государства и права, сравнительному правоведению и военному праву, а также в изучении правовой культуры Казахстана. Материалы применимы для анализа современных институтов военной службы и управления войсками, что способствует осмыслению исторической преемственности.

Работа расширяет представления о нормативной природе военной власти и ее роли в государственном строительстве. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением процессуальных норм военной юстиции, статуса субъектов военной власти и сравнением казахского права с другими кочевыми и оседлыми системами.

Таким образом, исследование подтвердило значимость включения военных правовых норм в систему традиционных источников казахского права как ключа к пониманию генезиса государственности, структуры власти и правовой культуры. Выявленные закономерности создают основу для дальнейшего углубления историко-правовых знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1 Martin V. Alternative Dispute Resolution Institutions in Contemporary Kazakhstan: Recontextualizing Cultural Heritage of the Bi Institution. URL: https://iopn.library.illinois.edu (accessed: 20.11.2025)

2 Mazhitova Z. Judicial and Legal Institutions in Traditional Kazakh Society // Gei – Journal of Social Science, 2020. URL: https://mail.periodicojs.com.br (accessed: 20.11.2025)

3 Кенжалиев З.Ж. Көшпелі қазақ қоғамындағы дәстүрлі құқықтық мәдениет. – Алматы: Жеті Жарғы, 1997. – 192 б.

4 Barfield Thomas J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, Mass.: B. Blackwell, 1989. 325 p.

5 Sultangalieva G., Tuleshova U., Werth P. Nomadic Nobles: Pastoralism and Privilege in the Russian Empire // Slavic Review. Cambridge University Press, 2022. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review (accessed: 20.11.2025)

6 Иванин М. О военном искусстве при Чингисхане и Тамерлане. – 2-е изд. – Алматы: Санат, 1998. – 240 с.

7 Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIY веков. – Алма-Ата: Крамдс-Ахмед Яссауи, 1992. – 272 с.

8 Әмір Темір Аманаты / Өзбекшеден қазақшалаған И. Сапарбай. – Шымкент: Жібек жолы, 2000. – 112 б.

9 Кабуснама / Өзбек тілінен ауд. Т. Айнабеков. – Алматы: Жазушы, 2005. – 160 б.

10 Abdinassir N. et al. Global Research Discourse and Local Narratives // Turkic Studies Journal. 2025. URL: https://tsj.enu.kz (accessed: 20.11.2025)

11 Тарих өткеліндегі Төле би // Құраст. Ә.А. Кембаев. – Алматы: Өнер, 2010. – 272 б.

12 Зиманов С.З., Өсеров Н.Ө. Қасым ханның қасқа жолы, Есім ханның ескі жолы заңдары // Қазақтың ата заңдары: құжаттар, деректер және зерттеулер. – Алматы: Жеті жарғы, 2005. – Т. 4. – 152–170 бб.

13 Байболұлы Қ. Еңсегей бойлы ер Есім. Дастандар. – Алматы: 2005. – 320 б.

14 Өзбекұлы С. Көшпелі қазақ өркениетіндегі құқық. Монография. – Алматы: Мектеп, 2002. – 224 б.

REFERENCES

1 Martin V. Alternative Dispute Resolution Institutions in Contemporary Kazakhstan: Recontextualizing Cultural Heritage of the Bi Institution. URL: https://iopn.library.illinois.edu (accessув: 20.11.2025) (In English).

2 Mazhitova Z. (2020) Judicial and Legal Institutions in Traditional Kazakh Society // Gei – Journal of Social Science.URL: https://mail.periodicojs.com.br (accessув: 20.11.2025) (In English).

3 Kenjaliev Z.J. (1997) Köşpelı qazaq qoğamyndağy dästürlı qūqyqtyq mädeniet. Almaty: Jetı Jarğy. 192 p. (In Kazakh).

4 Barfield Thomas J. (1989) The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, Mass.: B. Blackwell. 325 p. (In English).

5 Sultangalieva G., Tuleshova U., Werth P. (2022) Nomadic Nobles: Pastoralism and Privilege in the Russian Empire // Slavic Review. Cambridge University Press. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review (accessed: 20.11.2025) (In English).

6 Ivanin M. (1998) O voennom iskusstve pri Chingishane i Tamerlane. 2-e izd. Almaty: Sanat. 240 p. (In Russian).

7 Khara-Davan E. (1992) Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie. Kul’turno-istoricheskii ocherk Mongol’skoi imperii XII–XIV vekov. Alma-Ata: Kramds-Akhmed Yassaui. 272 p. (In Russian).

8 Ämır Temır Amanaty / Özbekşeden qazaqşalağan İ. Saparbai. Şymkent: Jıbek joly. 2000. 112 p. (In Kazakh).

9 Kabusnama / Özbek tılınen aud. – T. Ainabekov. Almaty: Jazuşy, 2005. 160 p. (In Kazakh).

10 Abdinassir N., et al. Global Research Discourse and Local Narratives // Turkic Studies Journal. 2025. URL: https://tsj.enu.kz (accessed: 20.11.2025). (In English).

11 Tarih ötkelındegı Töle bi // Qūrast. Ä.A. Kembaev. Almaty: Öner, 2010. 272 p. (In Kazakh).

12 Zimanov S.Z. Öserov N.Ö. (2005) Qasym hannyñ qasqa joly, Esım hannyñ eskı joly zañdary // Qazaqtyñ ata zañdary: Qūjattar, derekter jäne zertteuler. Almaty: Jetı jarğy. V. 4. P. 152–170. (In Kazakh).

13 Baibolūly Q. Eñsegei boily er Esım. Dastandar. Almaty: 2005. 320 p. (In Kazakh).

14 Özbekūly S. (2002) Köşpelı qazaq örkenietındegı qūqyq. Monografia. Almaty: Mektep, 224 p. (In Kazakh).

БАЙСЕЙТОВ Б.Б.,*[1]
докторант.
*e-mail: 24251147@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-7854-322X
АЛДАБЕРГЕНОВА Н.А.,[1]
з.ғ.к., профессор.
e-mail: n.aldabergenova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0001-7384-3664
[1]«Тұран» университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ДӘСТҮРЛІ ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫНДАҒЫ ӘСКЕРИ БИЛІКТІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАЙНАР КӨЗДЕРІ

Аңдатпа

Бұл зерттеу дәстүрлі қазақ қоғамындағы әскери биліктің құқықтық бастауларын тарихи-құқықтық тұрғыдан талдауға арналған. Автор ежелгі ғұн, үйсін, түрік дәуірлерінен бастау алатын әскери нормалардың қалыптасуын, сондай-ақ Шыңғыс ханның «Ұлы Жаса» заңдарында жүйеленіп, Қазақ хандығы тұсында Қасым хан, Есім хан және Тәуке хан заңдарымен дамығанын көрсетеді. Зерттеудің мақсаты – әскери билікті реттеген құқықтық нормалардың бағыттарын, мазмұнын және даму логикасын ашу. Негізгі идея – көшпелі қоғамдағы әскери тәртіп нормалары тек әскери стратегия ғана емес, мемлекеттік тұрақтылықтың да тірегі болғанын көрсету. Ғылыми және практикалық маңызы – қазақ даласындағы мемлекеттік институттардың қалыптасуын әскери нормалар арқылы түсіндіру, әскери басқарудың құқықтық моделі мен әлеуметтік рөлін анықтау. Зерттеу әдістемесі тарихи-салыстырмалы талдау, дереккөздерге шолу, құқықтық жүйелерді салыстыру қағидаларына негізделген. Негізгі нәтижелер: әскери нормалар мемлекеттілікті нығайтуда шешуші рөл атқарған; әскери тәртіптің бұзылуы ауыр жазаларға әкелген; Қасым хан, Есім хан заңдары әскери міндеттілік пен жазалау жүйесін күшейтсе, Тәуке хан тұсында олардың жұмсаруы байқалады. Зерттеудің құндылығы – әскери құқық нормаларының эволюциясын, оның әскери тәртіп пен мемлекеттік бірегейлікті сақтаудағы орны мен ықпалын айқындауында. Практикалық мәні – дәстүрлі әскери басқару жүйесін қазіргі құқықтық және әскери саясат қалыптастыруда пайдалануға мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: билік, құқық, заң, ғұрып, тәртіп, хан, құқықтық қайнар көздер.

BAYSEYTOV B.B.,*[1]
PhD candidate.
*e-mail: 24251147@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-7854-322X
ALDABERGENOVA N.A.,[1]
c.l.s., professor.
e-mail: n.aldabergenova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0001-7384-36
[1]Turan University,
Almaty, Kazakhstan

LEGAL SOURCES OF MILITARY AUTHORITY IN TRADITIONAL KAZAKH SOCIETY

Abstract

This article examines the legal foundations of military authority in traditional Kazakh society. The study traces the origins of military regulations from early nomadic eras Huns, Usuns, and Turks followed by their systematization in Chinggis Khan's "Yasa" and subsequent development under Kazakh khans Kasym, Yesim, and Tauke. The aim is to identify the core directions and conceptual ideas behind the formation of legal norms governing military administration. The central thesis emphasizes that military legal norms were not only instruments of warfare but also mechanisms for maintaining state integrity, discipline, and social order. The scientific and practical relevance

lies in demonstrating how military regulation contributed to building early Kazakh statehood and shaped the institutionalization of governance. The methodology applies historical-comparative analysis, source review, and legal interpretation. Key findings: norms of military responsibility and discipline were formally codified; strict penalties were imposed for violations; military law evolved – from rigid frameworks under Kasym and Yesim to partial liberalization under Tauke. The study's value is in revealing how military legal culture shaped political structures and served as a foundation for governance in the nomadic state. Practical significance includes the potential use of these findings in modern legal research, military policy, and institutional history.

Keywords: authority, law, legislation, custom, discipline, khan, legal sources.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.10.2025

МРНТИ 11.15.25
УДК 338.22.021.1
JEL I D63, E02

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-64-76

ДАУРАНОВ И.Н.,[1]
к.э.н., в.н.с.
e-mail: i_dauranov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5920-0213
ОСМАНОВ Ж.Д.,[1]
к.э.н.
e-mail: zhasym @mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5225-0365
САБЕРДИНОВА А.А.,*[2]
м.ю.н., сениор-лектор.
*e-mail: saberdinova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0007-5328-6443
[1]Институт экономики Министерства науки
и высшего образования Республики Казахстан,
г. Алматы, Казахстан
[2]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОКРАЩЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В ДОХОДАХ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕОРИЯ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА

Аннотация

В статье рассмотрены фундаментальные теоретические концепции, объясняющие природу неравенства в доходах между отдельными группами населения при капитализме. Проблема неравенства в доходах населения выходит далеко за рамки экономической дискуссии, приобретая ярко выраженное государственно-правовое измерение. Эффективность политики перераспределения доходов во многом зависит от качества нормативно-правовой базы, регулирующей налоговые, социальные и трудовые отношения, а также от уровня институциональной согласованности органов государственной власти. В современных условиях именно правовые механизмы становятся ключевым инструментом обеспечения социальной справедливости и устойчивого развития: они определяют пределы вмешательства государства в экономику, закрепляют формы социальной поддержки и гарантии равенства возможностей. Исследование государственно-правовых и институциональных механизмов сокращения неравенства приобретает особую актуальность в контексте мировой практики, где эффективность таких инструментов зависит от их нормативного закрепления и степени реализации принципов правового государства. Также проведен анализ опыта развитых и развивающихся стран, использующих различные методы и механизмы, направленные на сокращение неравенства в доходах. На основе этого установлен состав экономических инструментов и институционально-правовых механизмов, которые целесообразно применить в Казахстане для решения проблем существующего неравенства в доходах с учетом особенностей государственного устройства нашей страны, достигнутого уровня социально-экономического развития и исторически сложившихся национальных традиций

Ключевые слова: институты, институционально-правовой механизм, доходы населения, правовые меры, заработная плата, правовое регулирование, прогрессивное налогообложение.

Введение

Теория и мировая практика свидетельствуют, что стабильное развитие любого государства возможно лишь в условиях отсутствия значительного разрыва между богатыми и бедными слоями населения. Проведенные исследования показывают, что проблема неравенства является актуальной как для развитых, так и для развивающихся стран. Это обусловлено тем, что высокий уровень неравенства приводит к негативным экономическим и политическим послед-

ствиям. При этом следует отметить, что, несмотря на принимаемые в разных странах меры, устойчивых положительных результатов в области сокращения неравенства между богатыми и бедными слоями населения достичь не удалось.

Экономические последствия проявляются в уменьшении расходов, направляемых на потребление, что является одной из причин сокращения совокупного спроса и, как следствие, может оказать влияние на замедление экономического роста. Политические негативные последствия неравенства в доходах усиливают социальную напряженность, способствуют росту протестных настроений, которые создают угрозу для стабильности в обществе, а также снижают результативность проводимых реформ. В связи с этим во всех странах принимаются различные экономические и институциональные меры, направленные на сокращение неравенства между отдельными социальными группами населения.

В Республике Казахстан для сокращения неравенства между социальными группами реализуются правовые меры, направленные на обеспечение равных прав, возможностей и доступов к ресурсам. Это обеспечивается через принятие нормативно-правовых актов, закрепляющих принцип равенства всех перед законом, а также через развитие законодательства в сфере социальной защиты с учетом международных стандартов и рекомендаций.

Так, 20 апреля 2023 г. был принят Социальный кодекс Республики Казахстан – кодифицированный правовой акт, направленный на расширение гарантий социально-экономических прав граждан [1]. Принятие Кодекса обеспечило повышение качества и системности правового регулирования в социальной сфере, усиление мер государственной поддержки, внедрение цифровых решений и переход к проактивному формату оказания социальных услуг.

Во исполнение своих конституционных обязательств государство последовательно укрепляет систему правовых, организационных и иных механизмов, обеспечивающих реализацию и защиту социальных прав граждан. Социальный кодекс сам по себе не является инструментом для решения всех фундаментальных социальных задач, однако он создает правовую основу для их поэтапного решения за счет систематизации норм и внедрения современных подходов к социальной политике.

Важнейшим элементом реформы в Казахстане становится введение прогрессивной шкалы индивидуального подоходного налога, предполагающей дифференцированный подход в зависимости от уровня дохода. С 1 января 2026 г. в Республике Казахстан вступает в силу новый Налоговый кодекс, предусматривающий масштабную реформу в части налогообложения физических лиц. Нововведения затрагивают:

- принципы и ставки налогообложения доходов физических лиц;
- правила исчисления и уплаты налогов.

Введение прогрессивной шкалы индивидуального подоходного налога (ИПН) представляет собой одно из значимых направлений совершенствования налоговой политики, ориентированной на обеспечение социальной справедливости.

Это изменение направлено на дифференцированный подход к налогообложению, снижение фискальной нагрузки на граждан с низкими и средними доходами и перераспределение налогового бремени в сторону более обеспеченных слоев населения.

Ожидается, что такая мера будет способствовать снижению социального неравенства, обеспечению устойчивости бюджетных поступлений и повышению доверия к налоговой системе в целом.

Все это обуславливает актуальность проведенного исследования, цель которого заключается в выборе и адаптации, используемых и проверенных мировой практикой форм и методов, способствующих сокращению неравенства в доходах населения с учетом современных казахстанских реалий.

Методы и материалы

В исследовании, результаты которого получили отражения в данной статье, в качестве основной использовалась методология сравнительного анализа. Входящие в ее состав методы, в частности сравнительно-сопоставительный метод, предназначены для выявления и сопоставления особенностей и характеристик нескольких сложных систем, в том числе разнородных.

К таким системам относятся социально-экономические системы и происходящие в них процессы и явления. Содержание рассматриваемого метода заключается в выявлении общего и различного в изучаемых системных объектах. В данной статье при анализе экономических и институционально-правовых основ регулирования распределения доходов населения, используемых в развитых и развивающихся странах, использовались также элементы метода сравнительного правоведения. Его сущность заключается в сопоставлении содержания типовых формальных институтов, применяемых в различных странах. Полноценное и правильное применение данного метода позволяет выявить, какие из формальных институтов, регулирующих распределение доходов, целесообразно заимствовать и творчески адаптировать в Казахстане.

Результаты и обсуждение

Теория и мировая практика свидетельствуют, что в области рационального и, насколько это возможно, справедливого распределения доходов населения институциональным факторам принадлежит ключевая роль. В настоящее время сложилось два основных, принципиально отличных друг от друга направления.

Автором первого направления является Т. Пикетти. Его исследования были посвящены проблемам, связанным с ростом неравенства, который наблюдается в последнее время. В результате он пришел к выводу, что растущее неравенство представляет собой закономерный процесс, присущий современному капиталистическому обществу, основанному на неолиберальной концепции развития рыночной экономики. По нашему мнению, сделанные Т. Пикетти заключения на данный момент не являются завершенными и для использования их на практике требуется дальнейшее изучение и подтверждение или, в зависимости от полученных результатов, опровержение. По его мнению, главной причиной неравенства в современном капиталистическом обществе являются эгоистичные устремления той части населения, которая в соответствии со своим статусом в обществе и накопленным богатством обладает необходимой политической и экономической властью для решения своих личных и корпоративных интересов, в ущерб общегосударственным [2].

Второе направления, разработанное Д. Аджемоглу, заключается в том, что неравенство в доходах отдельных групп населения в основном обусловлено качеством институтов, имеющих для развитых стран преимущественно эндогенный характер. Авторы данной теоретической концепции выделяют два вида институтов – экстрактивные и инклюзивные, которые, в свою очередь, подразделяются на политические и экономические. Инклюзивные институты создают условия для вовлечения в процесс общественного воспроизводства максимального количества человеческих ресурсов страны в соответствии с их квалификацией, а также гарантируют всем равный доступ к материальным и нематериальным благам. В противовес этому экстрактивные институты ориентированы на интересы правящей элиты и являются инструментом для обогащения сравнительно небольшой прослойки населения, в интересах которой властные структуры принимают соответствующие законы. При этом ведущая роль принадлежит политическим институтам [3].

Изучение зарубежного опыта свидетельствует, что для решения проблем, связанных с сокращением неравенства доходов, используют широкий круг различных экономических и организационно-правовых мер. Основными инструментами регулирования доходов населения являются:

- установление минимальной заработной платы (МЗП);
- прогрессивное налогообложение;
- ценообразование.

Мировая практика свидетельствует, что важную роль в преодолении неравенства между различными группами населения играет законодательно устанавливаемая МЗП. По своему содержанию она представляет собой «социальный норматив, определяющий размер денежных выплат, получаемых работником, выполняющим наименее сложные (простые) работы, и позволяющих ему приобретать минимально необходимый для обеспечения жизнедеятельности набор различных товаров, услуг и других благ» [4].

Исследования, проведенные зарубежными и отечественными учеными, показывают, что определение размера МЗП является достаточно сложной проблемой, имеющей междисципли-

нарный характер, которая на современном этапе развития находится под пристальным вниманием ученых, а также политических, государственных и различных общественных организаций. Это обусловлено тем, что до настоящего времени не сложилось единой научно обоснованной точки зрения о влиянии повышения МЗП на результаты экономической деятельности субъектов рынка. Основная причина заключается в том, что влияние МЗП на социально-экономическое развитие неоднозначно.

С одной стороны, рост МЗП является стимулятором экономического роста за счет увеличения потребительских расходов, а также позволяет снизить уровень бедности и сократить неравенство в денежных доходах между отдельными группами населения. К положительным факторам относятся повышение налоговых поступлений в государственный бюджет за счет увеличения подоходного и социальных налогов и налогов на потребление [5]. Также исследования показали, что повышение уровня оплаты труда, как правило, стимулирует рост производительности труда, что положительно сказывается на повышении объемов производства и величине получаемой прибыли.

С другой стороны, рост МЗП приводит к реальному увеличению издержек хозяйствующих субъектов, росту цен на соответствующие товары и услуги. Кроме этого, способствует сокращению рабочих мест и увеличению неформальной занятости [5].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что повышение МЗП имеет двойственный характер и может приводить как к позитивным, так и к негативным последствиям. Однако несмотря на это, практически во всех развитых и среднеразвитых странах наблюдается практика повышения МЗП. Из 27 стран, входящих в ЕС, в 22 законодательно установлена МЗП. В число стран, не имеющих законодательно установленной МЗП, входят Дания, Италия, Австрия, Финляндия и Швеция. За последние десять лет, с 2015 по 2025 гг., наиболее высокие среднегодовые темпы роста МЗП от 10 до 14% наблюдаются в Румынии, Литве, Болгарии и Польше. Самые низкие значения зарегистрированы на Мальте +2,9% и во Франции +2,1% [6].

Результаты проведенного исследования, а также мировой опыт показывают, что важное значение при решении проблем, связанных с эффективным использованием указанных инструментов, принадлежит институционально-правовым механизмам. В общем случае они представляют собой совокупность нормативно-правовых документов (законов, концепций, программ, планов), регулирующих различные сферы социально-экономической деятельности, а также регламентирующих работу государственных органов. Основное назначение заключается в реализации экономических инструментов, обеспечивающих наиболее рациональное и эффективное достижение поставленных целей, которые содержатся в соответствующих документах.

На международном уровне рамочные характеристики институционально правового механизма (ИПМ) установления минимальной зарплаты определяются следующими документами Международной организации труда (МОТ):

- Конвенция 26. Конвенция о создании процедуры установления минимальной зарплаты, которая вступила в силу в июле 1930 г. [7];
- Конвенция 131. Конвенция об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран, которая вступила в силу в 1970 г. [8];
- Рекомендации 135. Рекомендация об установлении минимальной зарплаты с особым учетом развивающихся стран, которая вступила в силу 1951 г. [9].

Рассмотрим содержание перечисленных основополагающих документов касательно вопросов установления минимального уровня заработной платы, а также организации системы эффективного мониторинга и контроля за соблюдением, устанавливаемых правовыми актами норм. В разделе 4. Процедура установления МЗП Рекомендацией 135 предусматривается, что установление минимальной зарплаты осуществляется посредством принятия различных видов правовых актов [9]. В число основных из них входят:

- законодательные акты;
- решения уполномоченного органа государственной власти, который может как учитывать, так и не учитывать рекомендации других заинтересованных органов и организаций;
- решения советов или комиссий по вопросам заработанной платы;
- решения промышленных или трудовых судов (трибуналов).

Также в ряде стран, в том числе развитых, имеет место практика придания законодательной силы заключенным коллективным договорам [10].

В нормативных правовых актах МОТ большое значение придается проведению консультаций между заинтересованными уполномоченными органами и независимыми организациями. Например, в пункте 7 Рекомендаций 135 указано, что рекомендуется проведение консультации по следующим вопросам:

«a) отбор и применение критериев для определения уровня минимальной заработной платы;

b) ставка или ставки минимальной заработной платы, подлежащие определению;

c) регулирование время от времени ставки или ставок минимальной заработной платы;

d) проблемы, возникающие при проведении в жизнь законодательства о минимальной заработной плате;

e) сбор данных и проведение исследований для информирования органов власти, занимающихся установлением минимальной заработной платы» [9].

Помимо вопросов, связанных с регламентацией порядка установления минимальной заработной платы, в рассматриваемых документах получили отражение вопросы по реализации на практике соответствующих мер. В этом плане основная задача заключается в организации эффективной системы мониторинга и контроля. Меры по эффективному осуществлению всех положений о минимальной заработной плате отражены в разделе 6. Проведение в жизнь Рекомендаций 135 и включают:

«a) меры по опубликованию положений о минимальной заработной плате на языках или диалектах, понятных работникам, нуждающимся в защите, с учетом в необходимых случаях потребностей неграмотных;

b) использование достаточного числа инспекторов, прошедших надлежащую подготовку и имеющих необходимые полномочия и средства для выполнения своих обязанностей;

c) соответствующие санкции за нарушение положений, касающихся минимальной заработной платы;

d) упрощение законодательных положений и процедуры и принятие других соответствующих мер, позволяющих работникам эффективно осуществлять свои права, вытекающие из положений о минимальной заработной плате, включая право на получение сумм, которые могут оказаться недовыплаченными;

e) участие организаций работодателей и работников в усилиях, направленных на защиту работников от злоупотреблений;

f) должную защиту работников от преследований» [9].

В каждой стране устанавливается специфический ИПМ регулирования МЗП, учитывающий особенности используемых в каждой стране форм государственного устройства и правления, организации правой системы, а также исторических традиций.

Приведенные документы МОТ призваны регламентировать общие процедуры и характеристики в области установления МЗП и организации действенного контроля за правильным исполнением принимаемых решений, что является основой используемых ИПМ. Как уже отмечалось, в разных странах они отличаются по форме и содержанию. В настоящее время в мировой практике сложилось два типа ИПМ, один из которых основан на законодательном процессе, другой – на договорном.

При дальнейшем изложении материала будет использоваться словосочетание «минимальный размер оплаты труда» (МРОТ), так как его используют авторы, на работы которых будут делаться ссылки. По своему смыслу и содержанию оно равнозначно применяемому ранее в статье словосочетанию «минимальная заработная плата» (МЗП).

В странах Западной Европы вопросы регулирования МРОТ осуществляются на законодательном уровне. Например, во Франции SMIC (salaire minimum interprofessionnel de croissance) пересматривается ежегодно с целью устранения возникающих диспропорций между увеличением SMIC и ростом уровня оплаты труда в целом по стране. Связанные с этим процессы строго регламентируются на законодательном уровне.

Основными акторами процесса пересмотра SMIC являются Совет министров и Национальная комиссия по коллективным переговорам (CNNC), в состав которой входит по 18 представителей от работодателей и наемных работников. Для подготовки предложений создается специальная группа экспертов из пяти человек, которые назначаются премьер-министром. Срок их

работы составляет четыре года. Основная задача группы заключается в организации встреч с социальными партнерами для получения информации об уровне и структуре SMIC, результатах исследований, которые устанавливают совокупность факторов, оказывающих влияние ее величину [11].

На основе полученных данных члены рабочей группы разрабатывают для CNNC первоначальные предложения. В свою очередь, CNNC перепроверяет и верифицирует полученные от членов рабочей группы сведения и на этой основе разрабатывает рекомендации и направляет их для принятия окончательного решения в Совет министров, который принимает сиротствующее постановление.

В Малайзии система МРОТ, которая была введена в 2013 г., имеет в отличии от других стран региональные особенности. Их сущность заключается в том, что законодательством предусмотрено два вида ставок. Одна из них действует для полуостровной Малайзии, другая распространяется на штат Сабах, Саравак и Федеральную территорию Лабуан [12]. Ключевая роль в решениях, связанных с этим вопросом, принадлежит правительству Малайзии и Национальному совету по заработной плате (Нацсовету).

По своему организационно-правовому статусу Нацсовет представляет собой трехсторонний консультативно-совещательный орган, цели и задачи которого определяются специальным правовым актом. Создан и функционирует он в соответствии с Законом «Об общенациональных консультациях по вопросам заработной платы», принятым в 2011г. В его состав входят председатель, имеющий независимый статус, его заместитель и представитель государства, выполняющий функции секретаря. Помимо них в состав Нацсовета входят еще пять членов из числа государственного аппарата. Еще пять человек представляют интересы работодателей и наемных работников. Другие пять членов являются независимыми экспертами. Согласно действующему регламенту в год проводится не менее четырех заседаний. Для повышения эффективности своей работы Совет инициировал разработку, на основе этого предложил ряд критериев и формул индексации МРОТ.

Для подготовки обоснованных рекомендаций о размере МРОТ и охвате им работников, занятых в различных отраслях, Нацсовет организует сбор и анализ данных по заработной плате, а также проведение специальных исследований, которые вносятся на общественные слушания и направляются заинтересованным лицам [11]. После широкого обсуждения с общественностью и проведению консультаций со всеми заинтересованными сторонами по всей стране они направляются в правительство для принятия окончательного решения. После обсуждения и консультаций, проводимых на своем уровне, Правительство принимает рекомендации Нацсовета или предлагает разработать новые [12].

В Перу, согласно Конституции, вопросы регулирования МРОТ решаются государством при участии организаций, представляющих интересы работодателей и наемных работников. В соответствии с действующим в стране законодательством значение величины МРОТ устанавливается правительством республики на основе рекомендаций трехстороннего Национального совета по труду и содействию занятости (CNTPE).

Начиная с 2007 г. в решении вопросов, связанных с определением и установлением оптимальной величины МРОТ, помимо CNTPE, принимает участите Техническая комиссия по производительности труда и минимальной заработной плате. Ее функции заключается в анализе статистических показателей, а также разработке прогноза уровня инфляции и производительности труда, на основе которого определяются критерии для пересмотра МРОТ и соответствующие им наиболее рациональные механизмы. Ответственным за реализацию связанных с этим функций является Министерство труда. Основным принципом при установлении величины МРОТ является то, что рост доходов предприятий должен сопровождаться адекватным ростом заработной планы работников, занятых на предприятиях соответствующей отрасли [13].

Особый интерес в области разработки, обсуждения и принятия решения в области МРОТ представляет опыт ЮАР. Во-первых, в этой стране при установлении МРОТ используется отраслевой подход, сущность которого, исходя из его названия, заключается в учете отраслевых особенностей в организации производства и труда на соответствующих предприятиях. Во-вторых, применяется достаточно сбалансированный ИПМ, участниками которого являются Министерство труда, Комиссии по занятости, Национальный совет по вопросам экономического развития и труда, а также союзы работодателей и профсоюзы [12].

Главная роль в определении значений отраслевых МРОТ и разработке предложений Министерству труда в соответствии с законом «О базовых условиях трудоустройства» (BCEA) принадлежит Комиссии по занятости (Комиссии). Принцип сбалансированности четко проявляется еще на стадии ее формирования. На первоначальном этапе в нее входили: председатель и два члена, назначаемые государством, и по одному члену от работодателей и профсоюзов. В настоящее время в состав Комиссии включается еще два члена. Один от бизнес-структур, другой от профсоюзов. При этом следует отметить, что они не являются официальными представителями соответствующих структур, которые выдали им «мандат» на представление их интересов и, следовательно, не подотчетны им. Их кандидатуры утверждаются Национальным советом по вопросам экономического развития и труда (Совет). В соответствии с действующим законодательством в правительстве ЮАР этот Совет является главным органом, ответственным за проведение социального диалога. Также он на постоянной основе привлекается для консультаций при разработке социально-экономической политики республики и другим важным вопросам [14].

BCEA устанавливается детально прописанный регламент установления отраслевых МРОТ. В нем содержатся следующие требования к Министерству труда:

- прием и изучение предложений и рекомендаций, которые направляются Министерству труда от общественных организаций;
- подготовка доклада, который направляется для рассмотрения в Комиссию;
- публичное объявление технического задания на проведение необходимых и актуальных исследований.

На основе изучения и рассмотрения полученных материалов Комиссия разрабатывает соответствующие предложения и рекомендации о величине МРОТ и направляет их Министерству труда. По закону на Комиссию возлагается ответственность за проведение общественных слушаний. Однако на практике их организация осуществляется Министерством труда с обязательным участием членов правительства. При этом участие Комиссии является не обязательным [14].

Анализ мирового опыта, в том числе стран ОЭСР, свидетельствует, что налогообложение является одним из основных инструментов, используемых для сокращения неравенства в доходах между отдельными социальными группами населения. Наибольшее распространение получило применение шкалы прогрессивного налогового обложения дохода физических лиц. Впервые идея использования прогрессивного налогового обложения получила отражение в работах французского ученого Ж.Б. Сэя и экономиста из Великобритании Дж. Ст. Милля. Также эти вопросы были предметом исследования А. Вагнера и других его современников [15, 16]. Основным принципом установления ставки подоходного налога является то, что богатые платят больше, а бедные меньше. Примером социально ориентированного подоходного налогообложения физических лиц являются такие страны, как Германия, Австрия и Люксембург.

В Германии основным нормативным правовым актом, регулирующим процесс налогообложения, является Закон «О порядке взимания налогов» – Abgabenordnung, который в специальной литературе встречается под названием «Налоговая конституция Германии» [17]. Разработкой и реализацией политики занимается Федеральное министерство Германии, имеющее свои подразделения в землях. Выполнение контрольных функций в области налогообложения возложено на Федеральную счетную палату Германии, которая 2–3 раза в год проводит выборочные проверки. В качестве объектов контроля выбираются те положения законодательства или сферы правоприменительной практики, где наблюдается наиболее высокая вероятность уклонения от налогов

В соответствии с действующим законодательством работающие, годовой доход которых не превышает 9169 евро (5373 тыс. тенге), освобождаются от уплаты подоходного налога. А у населения с годовым доходом свыше 260 532 евро отчисление в бюджет составляет 45%. В перерасчете на национальную валюту это равно соответственно 3924 тыс. тенге и 152 672 тыс. тенге. При этом внутри данного интервала выделяются еще четыре социальные группы [18].

В Германии используется так называемая схема «добюджетного» выравнивания. Ее сущность заключается в том, что наряду с вертикальным распределением доходов по уровням государственного управления используется их горизонтальное распределение между слабыми в

экономическом плане и сравнительно благополучными регионами. Принцип данной схемы заключается в том, что первоначально средства от сбора подоходного налога концентрируются на межбюджетных счетах, которые не входят в бюджет. Затем в соответствии с утвержденной правовым актом формулой перераспределяются в бюджеты территорий [19].

Ставка подоходного налога с физических лиц устанавливается на федеральном уровне, администрирование – на уровне земель. Суммарный доход от данного налога делится следующим образом: по 42,5% поступает в федеральный бюджет (ФБ) и бюджет земли, 15% – в местный бюджет [19]. В основу функционирования налоговой системы заложены следующие основные принципы: соблюдения налоговой тайны, взаимного доверия, запрета на перманентные проверки и предупредительность налогового администрирования. Реализация данных принципов ориентирована на формирование налоговой культуры, основанной на взаимном доверии и гармонизации отношений между уполномоченными государственными органами и налогоплательщиками. В результате этого в рассматриваемой стране удалось к минимуму свести так называемые полицейские функции налогового администрирования.

Несколько иная ситуация наблюдается в Австрии. Величина налоговой ставки подоходного налога и порядок его взимания с физических лиц определяется в соответствии с законом EStG 1988. При этом уместно отметить, что с момента его принятия и до настоящего времени он изменялся порядка 140 раз. Согласно этому правовому документу, физические лица, имеющие годовой доход до 12, 8 тыс. евро, освобождаются от уплаты подоходного налога. Для физических лиц, имеющих годовой доход свыше 1,0 млн тысяч евро, ставка подоходного налога составляет 55%. Внутри этого интервала, так же как и в Германии, прогрессивное налогообложение предусмотрено для шести социальных групп [20].

Опыт Франции представляет интерес тем, что она является унитарным государством с ярко выраженной социально ориентированной системой налогообложения. В связи с этим в рассматриваемой стране используются прогрессивные ставки для подоходного налога, которые включают пять групп налогоплательщиков. Годовой доход, не превышающий 11 294 евро, налогом не облагается. Далее, от 11 295 до 28 797 – 11%, от 28 798 до 82 341 – 30%, от 82 342 до 177 106 – 41%, более 177 106 – 45%.

Характерной особенностью налоговой системы Франции является ее сравнительная сложность и высокий уровень нагрузки. Институционально-правовой основой налогового регулирования является Общий налоговый кодекс (Code général des impôts), который был принят в 1948 г. В зависимости от складывающейся социально-экономической и политической ситуации в налоговое законодательство ежегодно вносятся уточнения и изменения. Это создает существенные трудности для налогоплательщиков. Исследователи отмечают «..доктринальные толкования (инструкции), спроектированные и изданные французскими властями, представляют собой более 25 000 страниц (некоторые говорят о 40 000 страниц)».

По оценкам экспертов, в число достоинств налоговой системы Франции относятся следующие характеристики: социальная направленность, гибкость и строгость, учет региональных особенностей, разнообразная система льгот и скидок. В число основных недостатков большинство исследователей относят преобладание косвенных налогов и неиспользование принципа президентства для юридических лиц, что создает благоприятные условия для проведения офшорных операций.

В странах, использующих континентальную модель, налоговое администрирование осуществляется по-разному. Его особенности обусловлены организацией бюджетного устройства страны, правовой системой, ролью государства в экономике, достигнутым уровнем социально-экономического развития, степень включенности в мировую экономику, а также исторически сложившимися национальными традициями. В странах Западной Европы используют следующие модели организации деятельности налоговых органов:

- единый государственный орган, подотчетный непосредственно председателю (премьер-министру) страны;
- единая налоговая служба, входящая в состав национального министерства финансов;
- система относительно самостоятельных служб или агентств, входящих в состав нескольких министерств.

При выделении единого налогового подразделения в рамках национального Министерства финансов функции налогового администрирования реализует именно это подразделение, в то время как все административно-управленческие функции (кадровая политика, материально-техническое обеспечение) сосредоточены на уровне Министерства финансов. Подобным же образом организована работа налоговых органов в Австрии, Франции, Швейцарии.

Учет и регистрация, охватывающая практически всех налогоплательщиков, является одной из основных форм налогового контроля. Одним из самых распространенных способов регистрации налогоплательщиков является предоставление идентификационных номеров налогоплательщика, или ИНН. Спорные вопросы в установленных законодательством обстоятельствах решаются в судебном порядке.

Первой страной, которая приняла специальное законодательство, детально регулирующее вопросы трансфертного ценообразования, стали США. В августе 1971 г. по инициативе администрации президента США Р. Никсона, впервые за послевоенные годы был установлен централизованный контроль цен. Например, уровень контрольных цен на продукцию сельхозтоваропроизводителей устанавливается Конгрессом США. При этом продукция фермеров продается по рыночным ценам. Однако если в результате конъюнктурных колебаний на рынке они становятся ниже установленного уровня, то государство выкупает продукцию по контрольным ценам. В дальнейшем эта продукция направляется на помощь нуждающимся и социально уязвимым слоям населения, в том числе на бесплатные завтраки школьникам и для решения других подобных задач. В целом в США от 5 до 10% цен попадает под прямое регулирование государства.

Во Франции прямое регулирование цен со стороны государства осуществляется по отношению к продукции сельского хозяйства, а также на транспортные услуги, газ и электроэнергию. Связанные с этим функции возложены на Департамент по конкуренции, Министерство экономики, финансов и бюджета (Департамент). Всего в состав отдела по государственному регулированию цен и ценовой политике данного Департамента и еще 100 департаментов отраслевых министерств, выполняющих контрольные функции, входит порядка 3 тысяч сотрудников. Основная задача контролеров заключается в мониторинге определенным государством уровня цен. При выявлении нарушений они составляют и оформляют установленные законодательством акты и направляют их в финансовый трибунал, который своим решением налагает соответствующие санкции.

В Германии институционально-правовой основой регулирования цен являются закон «О налогообложении при заграничных отношениях» и Положение о налоговом контроле. Государственный контроль цен осуществляется в таких отраслях, как производство электроэнергии, пассажирские перевозки и почтовые услуги, отдельные медицинские услуги, и некоторых других, для которых устанавливается верхний и нижний уровень цен. Частичному регулированию подлежат цены на квартирную плату и коммунальные платежи в муниципальном секторе, а также внутренние тарифы пассажирских перевозок.

В качестве объектов контроля выступают различные методы определения цен, в число которых входят метод сопоставимых розничных цен, метод последующей реализации и затратный метод. Проводятся проверки объемов товарообмена между взаимосвязанными бизнес-партнерами, а также устанавливается и оценивается круг взаимосвязанных лиц, имеющих возможность влиять на условия сделок. Выполнение контрольных функций в области регулирования ценообразования возложены на Федеральное министерство экономики и технологии, Министерство финансов и Министерство продовольствия, сельского хозяйства и защиты прав потребителей Германии.

В Австрии регулирование цен осуществляется на основе закона о ценах, закона о картелях и антидемпингового закона. В целом государство регулирует около 10% цен, в том числе на лом и отходы черных металлов, фармацевтическое сырье и лекарственные препараты, электроэнергию и газ, теплоснабжение. В процессе ценообразования задействованы как представительные, так и исполнительные государственные органы. По отдельным продуктам цены устанавливает Парламент. В их число входят цены на табак, табачные изделия, соль, почтовые сборы, телефонные, телеграфные и железнодорожные тарифы, также ценообразованием занимаются следующие органы: Межведомственная комиссия по ценам, Министерство финансов, которое

устанавливает цены на спиртные напитки. На Министерство экономики возложено право регулировать цены до шести месяцев на любые товары или виды услуг.

Заключение

Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день в рамках институциональной экономической и правовой теории отсутствует универсально признанный состав институционально-правовых механизмов, обеспечивающих справедливое и рациональное распределение доходов, применимых в развивающихся государствах. Это обусловлено различиями в конституционно-правовых моделях, уровне социально-экономического развития, а также в структуре национальных правовых систем.

Вместе с тем анализ международной практики и нормативных подходов позволяет выделить правовые инструменты, адаптируемые под особенности конкретного государства. Для Республики Казахстан с учетом ее правового и социально-экономического контекста целесообразным представляется внедрение нормативно закрепленных механизмов, направленных на снижение имущественного неравенства.

В частности, повышение минимального размера заработной платы, а также поэтапное внедрение прогрессивной шкалы индивидуального подоходного налога могут рассматриваться как правовые меры, направленные на реализацию принципов социальной справедливости и обеспечение равного доступа к экономическим благам.

Информация о финансировании. Статья подготовлена в рамках целевой программы BR21882165 «Модернизация системы распределительных отношений и снижение неравенства доходов населения Республики Казахстан» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1 Социальный кодекс. Кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224

2 Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с. URL: http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/%D0%9F%D0%98%D0%9A%D0%95%D0%A2%D0%A2%D0%98%20-%20%D0%9A%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%20%D0%B2%20XXI%20%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B5%202013(2015)%20592%D1%81.pdf

3 Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 575 с. URL: https://webveblen.wordpress.com/wp-content/uploads/2018/06/acemoglu2.pdf

4 Словарь бухгалтера. URL: https://uchet.kz/tags/m/minimalnaya-zarabotnaya-plata.html

5 Ивановская Л.А. Влияние минимальной зарплаты на рынок труда // Экономика труда. – 2016. – Т. 3. – № 4. – С. 341–358. DOI: 10.18334/et.3.4.37097. URL: https://1economic.ru/lib/37097

6 В каких странах ЕС минимальная зарплата растет быстрее, а в каких наоборот? URL: https://ru.euronews.com/my-europe/2025/02/07/europe-in-motion-minimum-wages

7 Конвенция Международной организации труда № 26 о создании процедуры установления минимальной заработной платы (Женева, 30 мая 1928 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1017827&pos=3;-108#pos=3;-108

8 Конвенция 131. Конвенция об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран. URL: file:///C:/Users/Zhasym/Downloads/wcms_c131_ru.htm

9 Рекомендация 135. Рекомендация об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r135_ru.htm

10 Установление МРОТ путем коллективных переговоров. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/32-ustanovlenie-mrot-putem-kollektivnykh-peregovorov

11 Кто должен устанавливать МРОТ? Франция. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/33-zakonodatelno-ustanovlennyy-mrot

12 Кто должен устанавливать МРОТ? Малайзия. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/malayziya-0

13 Кто должен устанавливать МРОТ? Перу. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/peru

14 Кто должен устанавливать МРОТ? ЮАР. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/yuar

15 Об утверждении методики определения минимального размера месячной заработной платы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 марта 2024 года № 212. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000212

16 Bund-Länder-Finanzbeziehungen auf der Grundlage der Finanzverfassung, 2018. Bundesministerium der finanzen. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Broschueren_Bestellservice/2019-03-07-bund-laender-finanzbeziehungen-2018.pdf?__blob=publicationFile&v=8

17 Жамкеева М.К. Зарубежный опыт аудита ценообразования. – 2025. URL: https://cifn.kz/ru/component/content/article/13-material/441-zarubezhnyj-opyt-audita-tsenoobrazovaniya

18 Зотиков Н.З., Арланова О.И., Львова М.В. Особенности налогово-бюджетного регулирования в Германии // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. – 2020. – № 10(444). – С. 78–87.

19 Андриевский К.В. Прогрессивная система налогообложения как инструмент социальной справедливости: отечественный и зарубежный опыт // Финансовое право. – № 11/2025. – С. 12–15. URL: https://lawinfo.ru/articles/12057/progressivnaya-sistema-nalogooblozeniya-kak-instrument-socialnoi-spravedlivosti-otecestvennyi-i-zarubeznyi-opyt (дата обращения: 16.11.2025)

20 Полные правовые положения Закона о подоходном налоге EStG 1988 года, версия от 18 апреля 2025 года. URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10004570

REFERENCES

1 Social’nyj kodeks. Kodeks Respubliki Kazahstan ot 20 aprelja 2023 goda No. 224-VII ZRK. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224 (In Russian).

2 Piketti T. Kapital v XXI veke. M.: Ad Marginem Press, 2015. 592 p. URL: http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/%D0%9F%D0%98%D0%9A%D0%95%D0%A2%D0%A2%D0%98%20-%20%D0%9A%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%20%D0%B2%20XXI%20%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B5%202013(2015)%20592%D1%81.pdf (In Russian).

3 Adzhemoglu D., Robinson D.A. (2015) Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, procvetanija i nishhety. M.: Izdatel’stvo AST. 575 p. URL: https://webveblen.wordpress.com/wp-content/uploads/2018/06/acemoglu2.pdf (In Russian).

4 Slovar’ buhgaltera. URL: https://uchet.kz/tags/m/minimalnaya-zarabotnaya-plata.html (In Russian).

5 Ivanovskaja L.A. (2016) Vlijanie minimal’noj zarplaty na rynok truda // Jekonomika truda. V. 3. No. 4. P. 341–358. DOI: 10.18334/et.3.4.37097. URL: https://1economic.ru/lib/37097 (In Russian).

6 V kakih stranah ES minimal’naja zarplata rastet bystree, a v kakih naoborot? URL: https://ru.euronews.com/my-europe/2025/02/07/europe-in-motion-minimum-wages (In Russian).

7 Konvencija Mezhdunarodnoj organizacii truda No. 26 o sozdanii procedury ustanovlenija minimal’noj zarabotnoj platy (Zheneva, 30 maja 1928 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1017827&pos=3;-108#pos=3;-108 (In Russian).

8 Konvencija 131. Konvencija ob ustanovlenii minimal’noj zarabotnoj platy s osobym uchetom razvivajushhihsja stran. URL: file:///C:/Users/Zhasym/Downloads/wcms_c131_ru.htm (In Russian).

9 Rekomendacija 135. Rekomendacija ob ustanovlenii minimal’noj zarabotnoj platy s osobym uchetom razvivajushhihsja stran. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r135_ru.htm (In Russian).

10 Ustanovlenie MROT putem kollektivnyh peregovorov. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/32-ustanovlenie-mrot-putem-kollektivnykh-peregovorov (In Russian).

11 Kto dolzhen ustanavlivat’ MROT? Francija. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/33-zakonodatelno-ustanovlennyy-mrot (In Russian).

12 Kto dolzhen ustanavlivat’ MROT? Malajzija. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/malayziya-0 (In Russian).

13 Kto dolzhen ustanavlivat’ MROT? Peru. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/peru (In Russian).

14 Kto dolzhen ustanavlivat’ MROT? JuAR. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/yuar (In Russian).

15 Ob utverzhdenii metodiki opredelenija minimal’nogo razmera mesjachnoj zarabotnoj platy. Postanovlenie Pravitel’stva Respubliki Kazahstan ot 20 marta 2024 goda № 212. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000212 (In Russian).

16 Bund-Länder-Finanzbeziehungen auf der Grundlage der Finanzverfassung, 2018. Bundesministerium der finanzen. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Broschueren_Bestellservice/2019-03-07-bund-laender-finanzbeziehungen-2018.pdf?__blob=publicationFile&v=8 (In German).

17 Zhamkeeva M.K. (2025) Zarubezhnyj opyt audita cenoobrazovanija. URL: https://cifn.kz/ru/component/content/article/13-material/441-zarubezhnyj-opyt-audita-tsenoobrazovaniya (In Russian).

18 Zotikov N.Z., Arlanova O.I., L'vova M.V. (2020) Osobennosti nalogovo-bjudzhetnogo regulirovanija v Germanii // Vestnik Cheljabinskogo gosudar-stvennogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. No. 10(444). P. 78–87. (In Russian).

19 Andrievskij K.V. Progressivnaja sistema nalogooblozhenija kak in-strument social'noj spravedlivosti: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt // Fi-nansovoe pravo. No. 11/2025. P. 12–15. URL: https://lawinfo.ru/articles/12057/progressivnaya-sistema-nalogooblozeniya-kak-instrument-socialnoi-spravedlivosti-otecestvennyi-i-zarubeznyi-opyt (data obrashhe-nija: 16.11.2025). (In Russian).

20 Polnye pravovye polozhenija Zakona o podohodnom naloge EStG 1988 goda, versija ot 18 aprelja 2025 goda. URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10004570 (In Russian).

ДАУРАНОВ И.Н.,[1]
э.ғ.к., ж.ғ.қ.
e-mail: i_dauranov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5920-0213
ОСМАНОВ Ж.Д.,[1]
э.ғ.к.
e-mail: zhasym @mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5225-0365
САБЕРДИНОВА А.А.,*[2]
з.ғ.м., сениор-лектор.
*e-mail: saberdinova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0007-5328-6443
[1]Қазақстан Республикасы ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Экономика институты, Алматы қ., Қазақстан
[2]«Тұран» университеті, Алматы қ., Қазақстан

ХАЛЫҚ ТАБЫСЫНДАҒЫ ТЕҢСІЗДІКТІ ҚЫСҚАРТУДЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖӘНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІН ҚАЛЫПТАСТЫРУ ЖӨНІНДЕГІ ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕМДІК ПРАКТИКА

Аңдатпа

Мақалада капитализм кезіндегі халықтың жекелеген топтары арасындағы табыс теңсіздігінің табиғатын түсіндіретін іргелі теориялық тұжырымдамалар қарастырылған. Халықтың табысындағы теңсіздік проблемасы айқын мемлекеттік-құқықтық өлшемге ие бола отырып, экономикалық талқылаудан әлдеқайда асып түседі. Кірістерді қайта құру саясатының тиімділігі көбінесе салық, әлеуметтік және еңбек қатынастарын реттейтін нормативтік-құқықтық базаның сапасына, сондай-ақ мемлекеттік органдардың институционалдық келісу деңгейіне байланысты. Қазіргі жағдайда бұл әлеуметтік әділеттілік пен тұрақты дамуды қамтамасыз етудің негізгі құралына айналатын құқықтық тетіктер: олар мемлекеттің экономикаға араласу шегін анықтайды, әлеуметтік қолдау нысандарын және мүмкіндіктер теңдігінің кепілдігін бекітеді. Теңсіздікті қысқартудың мемлекеттік-құқықтық және институционалдық тетіктерін зерттеу әлемдік практика контекстінде ерекше өзектілікке ие болады, мұнда мұндай құралдардың тиімділігі олардың нормативтік бекітілуіне және құқықтық мемлекет қағидаттарын іске асыру дәрежесіне байланысты болады. Сондай-ақ, кірістер теңсіздігін төмендетуге бағытталған түрлі әдістер мен тетіктерді пайдаланатын дамыған және дамушы елдердің тәжірибесіне талдау жүргізілді. Осының негізінде еліміздің мемлекеттік құрылымының ерекшеліктерін, әлеуметтік-экономикалық дамудың қол жеткізілген деңгейін және тарихи қалыптасқан ұлттық дәстүрлерді ескере отырып, табыстардағы қазіргі теңсіздік проблемаларын шешу үшін Қазақстанда қолдануға орынды экономикалық құралдар мен институционалдық-құқықтық тетіктердің құрамы белгіленді.

Тірек сөздер: институттар, институционалдық-құқықтық тетік, халықтың табысы, жалақы мөлшері, прогрессивті салық салу.

DAURANOV I.N.,[1]
c.e.s., leading researcher.
e-mail: i_dauranov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5920-0213
OSMANOV ZH.D.,[1]
c.e.s.
e-mail: zhasym @mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5225-0365
SABERDINOVA A.A.,*[2]
m.l.s., senior lecturer.
*e-mail: saberdinova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0007-5328-6443
[1]Institute of Economics,
Committee of Science of the Ministry
of Science and Higher Education
of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan
[2]Turan University,
Almaty, Kazakhstan

STATE-LEGAL AND INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR REDUCING INCOME INEQUALITY: THEORY AND GLOBAL PRACTICE

Abstract

This article examines fundamental theoretical concepts explaining the nature of income inequality between specific population groups under capitalism. The problem of income inequality extends beyond economic discourse, acquiring a distinctly legal dimension. The effectiveness of income redistribution policies depends largely on the quality of the legal framework governing tax, social, and labor relations, and the level of institutional coherence among government bodies. Today legal mechanisms are crucial tool for ensuring social justice and sustainable development: they define the limits of state intervention in the economy, enshrine forms of social support, and guarantee equal opportunity. Research into legal and institutional mechanisms for reducing inequality is relevant worldwide, where the effectiveness of these instruments depends on their legal coherence and how well the principles of the rule of law are implemented. This article analyzes the experiences of developed and developing countries using various methods and mechanisms aimed at reducing income inequality. On this basis, a set of economic instruments and institutional and legal mechanisms has been established that are appropriate to apply in Kazakhstan to address existing income inequality issues, taking into account the specific features of the state structure of our country, level of socio-economic development and established national traditions.

Keywords: institutions, institutional and legal mechanism, income of the population, minimum wage, progressive taxation.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.10.2025

МРНТИ 10.67.01
УДК 343.3/.7
JEL G23, H55, G28

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-77-88

АМИРОВА Б.К.,*[1]
докторант.
*e-mail: botaa_1981@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2969-1947
САКТАГАНОВА И.С.,[1]
к.ю.н., профессор.
e-mail: saktaganova@enu.kz
ORCID ID: 0000-0001-7218-197X
САКТАГАНОВА А.Б.,[2]
PhD, ст. преподаватель.
e-mail: Aridnissakta.11@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-0457-7794
ЮХНЕВИЧ Е.,[3]
д.ю.н., профессор.
e-mail: e.juchnevicius@prawo.ug.edu.pl
ORCID ID: 0000-0001-7390-4885
[1]Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан
[2]Евразийский гуманитарный
институт им. А.К. Кусаинова,
г. Астана, Казахстан
[3]Гданьский университет,
г. Гданьск, Польша

ИНВЕСТИРОВАНИЕ АКТИВОВ ЕДИНОГО НАКОПИТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО ФОНДА: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация

Совершенствование пенсионной системы Казахстана является стратегической задачей, обеспечивающей финансовую стабильность и социальную защиту граждан. Особое значение в этом процессе имеет эффективное и безопасное инвестирование активов Единого накопительного пенсионного фонда, поскольку от него зависят устойчивость экономики и сохранность будущих выплат. Однако в данной сфере сохраняются проблемы, связанные с недостаточной зрелостью правового регулирования, низкой прозрачностью и эффективностью управления. Цель исследования – выявить правовые проблемы и противоречия в регулировании инвестирования пенсионных активов, а также предложить эффективные механизмы на основе международного опыта. В рамках работы проанализированы нормативно-правовая база, механизмы государственного контроля, принципы инвестиционной политики, а также рекомендации международных организаций и опыт стран с развитыми пенсионными системами. Исследование проводилось по трем направлениям: анализ правовых основ инвестирования, сравнительное изучение международного опыта и правовая оценка прозрачности, подотчетности и управления рисками. Применялись сравнительно-правовой, системно-структурный и эмпирический методы. Результаты показали наличие непоследовательности законодательства, слабого независимого контроля и ограниченной отчетности. Преобладание инвестиций в государственные ценные бумаги снижает диверсификацию и доходность активов. Рекомендации исследования направлены на совершенствование правового регулирования, повышение прозрачности и эффективности управления пенсионными активами, что способствует укреплению доверия граждан и устойчивости пенсионной системы Казахстана.

Ключевые слова: Единый накопительный пенсионный фонд, пенсионные активы, правовое регулирование, международный опыт, инвестиционная политика.

Введение

В настоящее время устойчивое развитие пенсионных систем является одной из главных социально-экономических проблем мирового сообщества. Надежность, эффективность и безопасность пенсионных накоплений стали важной составляющей социальной защиты граждан. При этом правовое регулирование механизмов инвестирования активов пенсионных фондов, в том числе Единого накопительного пенсионного фонда в Казахстане (далее – ЕНПФ), выступает как актуальный научный и практический вопрос. В этой связи выбранная тема исследования посвящена изучению правовых проблем инвестирования активов ЕНПФ с анализом международного опыта [1, с. 50].

Инвестирование пенсионных активов рассматривается во многих странах мира как важный источник привлечения долгосрочного капитала в реальный сектор экономики. В таких государствах, как США, Канада, Нидерланды, Чили, Австралия и Швеция, разработаны многоуровневые правовые механизмы управления пенсионными активами, определена роль пенсионных фондов как институциональных инвесторов. Опыт этих стран показывает, что за счет эффективного инвестирования пенсионных активов становится возможным обеспечение финансовой стабильности, повышение доходности и управление рисками. Казахстанские ученые А. Ибраева, М. Сарсембаев, Е. Кошербаев и другие исследователи представили фундаментальные работы, касающиеся правовых основ пенсионной системы, сравнительный анализ конкретных правовых проблем и международных стандартов в области инвестирования активов ЕНПФ еще не проводился систематически.

Пенсионная система в Казахстане с 1998 г. стала накопительной. В рамках этой реформы был открыт индивидуальный пенсионный счет каждого гражданина и создана система, в которой его отчисления в обязательном порядке накапливаются через ЕНПФ. Однако в 2013 г. в результате слияния пенсионных фондов все активы были сконцентрированы в Единый накопительный фонд и внедрена система централизованного управления со стороны государства. Данное обстоятельство выдвинуло вопросы правового регулирования, транспарентности, эффективности и ответственности в инвестировании активов ЕНПФ. На практике механизмы принятия инвестиционных решений недостаточно прозрачны, а уровень управления рисками и подотчетности перед обществом остается низким. Кроме того, наблюдается несовершенство нормативной базы, соответствующей международным стандартам [2, с. 19].

Инвестирование пенсионных активов является не только источником финансовой эффективности, но и инструментом, способствующим стратегическому развитию национальной экономики. Учитывая, что объем пенсионных накоплений в Казахстане исчисляется триллионами тенге, правовые требования к его инвестиционной политике также должны быть высокими. В этом контексте актуальным становится вопрос совершенствования действующего законодательства, правового обеспечения системы управления рисками, повышения транспарентности и подотчетности инвестиционных решений, а также эффективного размещения активов ЕНПФ с учетом передового международного опыта.

Со стороны научного сообщества широко изучаются правовые вопросы пенсионной системы, однако вопросы, касающиеся инвестиционной составляющей, приобретают доминирующий характер в экономическом и финансовом отношении. В этой связи правовые аспекты остаются во втором ряду [3, с. 90]. Данное исследование проводится на основе комплексного междисциплинарного подхода на стыке права, финансов и государственной политики, восполняя этот пробел. Кроме того, эта работа имеет практическую ценность благодаря выработке рекомендаций, направленных на обеспечение прозрачности и легитимности управления пенсионными активами.

Объектом исследования является инвестиционная деятельность Единого накопительного пенсионного фонда, предметом которой является совокупность отношений, механизмов и международного опыта в области правового регулирования данной деятельности.

Основная цель исследования – выявить правовые проблемы в процессе инвестирования активов ЕНПФ в Казахстане и предложить эффективные правовые механизмы на основе международного опыта. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- анализ нормативно-правовой базы в сфере инвестирования пенсионных активов в Казахстане;

◆ выявление правовых недостатков в инвестиционной деятельности ЕНПФ;

◆ изучение опыта инвестирования пенсионных фондов США, стран Европы и Латинской Америки;

◆ оценка уровня совместимости между казахстанским законодательством и международными стандартами;

◆ разработка правовых предложений, направленных на повышение транспарентности и эффективности инвестиционной деятельности ЕНПФ.

В исследовании используется комплекс историко-правовых, сравнительно-правовых, системно-структурных, формально-юридических и эмпирических методов. Кроме того, будет реализован междисциплинарный подход, основанный на рекомендациях, законодательстве и данных международных организаций (например, OECD, IOPS, World Bank) [4].

Главная гипотеза заключается в том, что совершенствование правовых механизмов инвестирования активов ЕНПФ в Казахстане может обеспечить стабильность и эффективность пенсионной системы только при условии соответствия международному опыту и стандартам.

Результаты исследования могут быть полезны в ходе совершенствования нормативно-правовых актов, пересмотра инвестиционной политики и реформирования системы управления пенсионными активами для государственных и квазигосударственных структур, таких как Парламент Республики Казахстан, Министерство труда и социальной защиты населения, Национальный банк и ЕНПФ. Также работа способствует повышению транспарентности и подотчетности пенсионной системы перед обществом. Может использоваться в качестве дополнительного научно-методического материала для курсов в области социального и финансового права, преподаваемых в высших учебных заведениях.

Материалы и методы

Качество исследовательской работы и ее научная ценность зависят, прежде всего, от точности и достоверности используемых методических подходов и источников. В этом разделе подробно описаны используемые методы исследования и источники информации, а также этапы, инструменты и ресурсы, на которых проводился анализ.

Это исследование представляет собой комплексную научную работу теоретико-правового и прикладного характера. Структура исследовательской работы включает следующие этапы:

1. Обобщение и систематизация нормативно-правовой базы.
2. Эмпирический анализ практики управления активами Единого накопительного пенсионного фонда (ЕНПФ).
3. Изучение международных моделей сравнительно-правовым способом.
4. Выявление разрыва, правовых и институциональных барьеров между казахстанским опытом и международными моделями.
5. Выработка предложений и выводов.

В ходе исследования были использованы следующие основные материалы и источники информации:

◆ нормативно-правовые акты Республики Казахстан (Конституция РК, Социальный кодекс Республики Казахстан, нормативы Национального банка) [5];

◆ государственные и отраслевые программы, Послания Президента РК и постановления Правительства;

◆ официальный отчет и статистические данные ЕНПФ (2013–2024 гг.) [6];

◆ публичные отчеты и доклады Национального банка Республики Казахстан и Агентства по регулированию и развитию финансового рынка [7];

◆ отчеты и документы международных организаций: Международный валютный фонд (IMF), Всемирный банк (World Bank), Организация экономического сотрудничества и развития (OECD), Международная организация труда (ILO) [8];

◆ научные монографии, статьи, диссертационные исследования (казахстанские и зарубежные авторы);

◆ характеристика сравнительных практик стран – на примере Австралии, Чили, Швеции, Нидерландов и других стран.

В процессе исследования использовался комплекс общенаучных и специальных научных методов:

3.1 Общенаучные методы:

- метод сравнительного анализа использован для сравнения механизмов инвестиционного управления в казахстанских и зарубежных пенсионных системах;
- анализ и синтез использовались с целью структурирования и обобщения правовых норм, институциональной структуры, системы управления;
- индукция и дедукция – сделаны общие выводы из кейсов конкретной пенсионной системы (индукция) и переходить от нормативной системы к реальным практическим проблемам (дедукция);
- исторический метод использован для описания трансформационной эволюции пенсионной системы в Казахстане;
- логический метод применялся при систематизации связей между правовой и экономической категориями.

3.2 Специальные научные методы:

- сравнительно-правовой анализ стал основным методом сравнения международного опыта с отечественной правовой базой и моделью управления;
- коэффициентный анализ использован при оценке инвестиционной доходности и уровня безопасности активов ЕНПФ;
- метод правового мониторинга-позволил контролировать динамику изменения нормативно-правовых актов;
- экспертная оценка проводилась на основе интервью с экспертами пенсионной сферы, анализа заявлений представителей Национального банка;
- элементы социально-экономического моделирования использовались для прогнозирования ожидаемых социальных эффектов путем инвестирования пенсионных активов.

Исследование проводилось в период с сентября 2024 г. по июнь 2025 г. со следующими этапами:

1. Начальный подготовительный этап: определение актуальности темы, проведение обзора литературы (сентябрь-октябрь).
2. Обобщение и структурирование нормативно-правовой базы и статистических данных (ноябрь-декабрь).
3. Период анализа и сравнительного исследования: рассмотрение международных и отечественных моделей (январь-март).
4. Подготовка итогов работы и предложений (апрель-май).
5. Этап научного редактирования и подведения итогов проекта (июнь).
6. Надежность и ограниченность методов.

Используемые методы научно доказаны и основаны на подходах, широко используемых в мировых исследованиях. В частности, методы сравнительно-правового и системного анализа позволяют всесторонне понять такое сложное и многофакторное явление, как инвестирование пенсионных активов. Однако есть и определенные ограничения:

- полное отсутствие данных некоторых стран в международном сравнении;
- сложность прямого сопоставления правовых норм;
- ограниченность открытого доступа к некоторым нормативным документам [9, с. 33].

Результаты исследования направлены на совершенствование механизмов эффективного инвестирования пенсионных активов в Казахстане, модернизацию институциональной модели, предложение предложений по правовому регулированию деятельности ЕНПФ. Кроме того, это исследование:

- правовые и организационные предложения для органов государственного управления (Национальный банк, Министерство финансов, Министерство труда и социальной защиты населения);
- может служить основой для законодательных инициатив;
- служит методическим и аналитическим пособием для специалистов и экспертов в пенсионной сфере, научного сообщества.

Результаты и обсуждение

В данном разделе представлены обновленные теоретические и эмпирические результаты, касающиеся практики инвестирования активов Единого накопительного пенсионного фонда (ЕНПФ). Анализ дополнен углубленным изучением правовых стандартов Казахстана, в том числе конкретных положений Социального кодекса Республики Казахстан (СК РК), а также сравнением с международными моделями регулирования и управления пенсионными фондами.

Исследование подтверждает, что инвестиционная структура активов ЕНПФ остается ограниченно диверсифицированной. По данным за 2024 г., свыше 60% активов размещено в государственных ценных бумагах, около 15% – в облигациях банков второго уровня, а остальная часть инвестирована в иностранные инструменты. Такая структура отражает доминирование консервативных инструментов и приводит к снижению потенциальной доходности.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что реальная доходность пенсионных накоплений в ряде периодов остается ниже уровня инфляции, что противоречит принципу сохранности накоплений, закрепленному в ст. 92 и ст. 94 СК РК, где государство гарантирует минимальное сохранение обязательных пенсионных взносов с учетом инфляции. Однако ст. 103 СК РК, регламентирующая инвестиционные лимиты, фактически сужает возможности диверсификации, что негативно влияет на доходность системы.

Кроме того, централизованное управление активами Национальным банком РК (ст. 98 СК РК) снижает гибкость инвестиционной политики и препятствует оперативному реагированию на рыночные изменения [6].

1. Текущее состояние управления пенсионными активами ЕНПФ

Согласно данным на 2024 г., пенсионные активы распределены следующим образом:

Таблица 1 – Структура портфеля ЕНПФ и сравнение с зарубежными фондами (2024 г.)

Страна/ Фонд	Гособлигации	Акции	Недвижимость и инфраструктура	Частный капитал	Иностранные активы	Доходность (среднегод.)
Казахстан – ЕНПФ	60%	7%	3%	1%	29%	5–6% (ниже инфляции)
Канада – CPPIB	15%	32%	23%	21%	~85%	8–10%
Швеция – AP7	10%	85%	–	–	70%	12–14%
Норвегия – GPFG	3%	70%	–	–	97%	9–11%
Чили – AFP Capital	35%	45%	–	–	40%	7–9%
Примечание: Составлено авторами.						

Цифры по зарубежным фондам приведены на основе открытых отчетных данных за 2021–2023 гг.

Из таблицы видно, что Казахстан значительно уступает развитым пенсионным системам по уровню диверсификации, доле международных активов и долгосрочной доходности [7].

2. Правовое регулирование: барьеры и последствия

Правовые рамки, определяющие инвестиционную политику ЕНПФ, закреплены в следующих основных статьях Социального кодекса РК:

ст. 85 – цели и принципы управления пенсионными активами;

ст. 92–94 – гарантии сохранности пенсионных накоплений;

ст. 98 – полномочия Национального банка РК;

ст. 103 – лимиты и критерии диверсификации портфеля;

ст. 105 – требования к управляющим организациям [5].

Анализ этих норм показывает, что система инвестирования обладает недостаточной гибкостью:

Строгие лимиты по инвестициям (ст. 103) ограничивают участие в продуктивных сегментах: инфраструктуре, частном капитале, глобальных индексах.

Централизация управления (ст. 98) снижает конкуренцию и делает рынок инвестиционных решений монопольным.

Недостаточная прозрачность раскрытия информации (ст. 85, ст. 115) препятствует формированию доверия участников [10].

Для сравнения: страны ОЭСР, такие как Нидерланды и Чили, законодательно допускают более гибкий подход в выборе активов и дают управляющим компаниям возможность применять динамичные стратегии.

3. Международные кейсы (конкретные цифры)

Кейс 1. CPPIB (Канада)

- Активы в управлении: 590 млрд CAD.
- Доходность: 10,0% за 10 лет.
- Структура портфеля:
  - акции – 32%
  - недвижимость – 13%
  - инфраструктура – 10%
  - частный капитал – 21%
  - облигации – 15%

Кейс 2. AP7 (Швеция)

- Доходность: 12–14% в год за последние 15 лет.
- Основной портфель – глобальный индекс MSCI World + рычаг (до 150%).
- Подход: низкие комиссии, высокий международный охват.

Кейс 3. GPFG (Норвегия)

- Активы: 1,4 трлн USD.
- Доля зарубежных активов: 97%.
- Среднегодовая доходность: 9,3% за 20 лет.

Кейс 4. Chile AFP Capital

- Доходность: 7–9%.
- Доля иностранных инструментов: 40–45%.
- Модель: рыночная конкуренция между частными управляющими компаниями.

Эти модели демонстрируют, что институциональная независимость, диверсификация и широкое использование международных рынков – ключевые факторы доходности и устойчивости [11].

4. Информационная открытость и доверие населения.

Несмотря на требования ст. 115 СК РК о публичности информации, ЕНПФ публикует данные о доходности и составе портфеля в сложной технико-профессиональной форме, что снижает доступность и уровень доверия вкладчиков.

Отсутствуют:

- независимый общественный мониторинг,
- полноценные внешние ESG-аудиты,
- удобные цифровые панели для граждан.

Это ограничивает возможности осознанного выбора и снижает прозрачность системы [12].

5. Кадровый потенциал и качество управления

Исследование показало нехватку специалистов международного уровня (CFA, FRM). Это противоречит принципам профессионального управления, установленным ст. 105 СК РК. Недостаточный уровень компетенций влияет на качество инвестиционных решений, стратегическое планирование и риск-менеджмент.

6. Риск-менеджмент и цифровизация

Методы риск-анализов – VaR, stress-testing, scenario analysis – используются ограниченно. Это снижает способность системы предотвращать финансовые кризисы.

Правовые ограничения также препятствуют использованию производных инструментов (деривативов), которые в развитых пенсионных системах служат защитой от инфляции и рыночной волатильности.

Цифровая трансформация должна включать:

- системы Big Data-анализов,
- AI-модели прогнозирования,
- открытые цифровые панели для участников,

◆ что соответствует лучшим практикам AP7 и GPFG.

Международный опыт показывает, что эффективность пенсионных инвестиций определяется не только качеством активов, но и правовой архитектурой системы, ее институциональной независимостью, степенью диверсификации и техническими возможностями [13].

Для Казахстана актуальны следующие меры:

Институциональные реформы

◆ Создание независимого органа по управлению активами (аналог CPPIB).

◆ Допуск частных управляющих компаний по лицензии.

◆ Разделение надзорных и инвестиционных функций.

Правовые реформы

◆ Обновление ст.103 СК РК (лимиты инвестирования) в сторону большей гибкости.

◆ Введение правовых норм ESG-стандартов.

◆ Закрепление прав вкладчиков на выбор портфеля (ст. 94 дополнить новыми вариантами).

◆ Легализация использования современных инструментов хеджирования.

Экономические меры

◆ Диверсификация в глобальные индексы, инфраструктуру, частный капитал, green-energy проекты.

◆ Увеличение доли иностранных активов до уровня не менее 50%.

◆ Цифровые меры.

◆ Создание национальной системы «Пенсионный дашборд вкладчика».

◆ Автоматизация стресс-тестирования [14].

Проведенный анализ показывает, что текущая модель ЕНПФ требует глубокой институциональной и нормативной модернизации. Учитывая международный опыт, Казахстану необходимо перейти к более гибкой, диверсифицированной и прозрачной системе управления пенсионными активами. Только такие реформы обеспечат реальную доходность накоплений и устойчивость всей пенсионной системы.

В ходе исследования было установлено, что международный опыт необходимо адаптировать к условиям Казахстана. В том числе:

◆ создание профессионального руководящего органа, основанного на институциональной независимости;

◆ предоставление участникам инвестиционного портфеля возможности выбора (портфели, адаптированные к риску);

◆ привлечение инвестиций в инфраструктурные и социально значимые проекты (образование, здоровье, зеленая энергетика);

◆ внедрение системы независимого внешнего аудита и постоянного мониторинга для повышения качества управления;

◆ диверсификация инвестиционной стратегии, в том числе усиление направления на иностранные активы;

◆ приведение правовой базы в соответствие с международными стандартами;

◆ внедрение модели независимого управления (создание независимых инвестиционных советов);

◆ повышение подотчетности и прозрачности;

◆ оценка инвестиционной доходности реальными показателями;

◆ внедрение международных методов управления рисками.

Исследование показало, что в системе инвестирования активов ЕНПФ необходимы радикальные институциональные и правовые реформы. Только в таких условиях будет обеспечена долгосрочная стабильность фонда и благополучие вкладчиков.

Заключение

Единый накопительный пенсионный фонд Республики Казахстан (ЕНПФ) – это финансовый институт, имеющий стратегическое значение в социально-экономическом развитии страны. Его инвестиционная деятельность будет направлена на эффективное и безопасное управление накопительными пенсионными средствами, защиту интересов участников и получателей,

а также на финансирование приоритетных секторов экономики. Проведенный в данной статье анализ позволил дифференцировать правовые основы, проблемные аспекты инвестиционной политики ЕНПФ и перспективы развития путем сравнительного обзора с международным опытом.

Результаты исследования показали, что деятельность по инвестированию пенсионных активов в Казахстане сопряжена с рядом важных правовых и институциональных вопросов.

Во-первых, одним из главных препятствий в реализации инвестиционной стратегии ЕНПФ является реализация функции управления пенсионными активами только через Национальный банк и его структуры. Эта модель централизованного управления приводит к отсутствию прозрачности, независимого надзора и эффективной конкуренции в процессе инвестирования. Участие одних и тех же структур в управлении Национальным фондом и пенсионными активами создает риск конфликта интересов и может препятствовать диверсификации инвестиционных решений.

Во-вторых, действующая нормативно-правовая база заполнена рядом правовых пробелов. Частые изменения правил размещения активов фонда, отсутствие четких критериев, а также отсутствие детальных норм по распределению и регулированию инвестиционных рисков угрожают безопасности и прибыльности сбережений. Например, приобретение облигаций квазигосударственных компаний на внутреннем рынке за счет средств ЕНПФ – это может быть экономически целесообразным, однако правовых гарантий с точки зрения обеспечения безрискости сбережений недостаточно.

В-третьих, прозрачность и подотчетность управления фондом также подвергаются серьезной критике. В настоящее время неполная и оперативная публикация данных об инвестиционных решениях, отсутствие независимого аудита и общественного контроля ослабляют доверие пенсионных вкладчиков. Этот фактор негативно влияет на социальную стабильность и желание граждан участвовать в накопительной пенсионной системе [15, с. 27].

В поисках путей решения вышеуказанных проблем ценным ориентиром может стать международный опыт. Например, инвестиционная политика и механизмы управления в пенсионных системах таких стран, как Швеция, Чили, Нидерланды, Австралия и Канада, могут служить примером для Казахстана. В этих странах пенсионные активы эффективно управляются через независимые управляющие компании в конкурентной среде, в рамках конкретных инвестиционных стратегий и жесткого регулирования. Кроме того, в передовых странах вкладчикам предоставляются широкие возможности в выборе инвестиционных портфелей, а деятельность управляющих соотносится с оценочной и бонусной системой, основанной на реальных результатах.

Например, в Швеции несколько государственных инвестиционных фондов, называемых фондами AP, управляют пенсионными активами, конкурируя между собой, и их работа оценивается независимым государственным органом. В Нидерландах и Канаде пенсионные фонды играют активную роль в финансировании инфраструктурных проектов, инвестируя в реальный сектор экономики, но при этом системы управления и контроля рисков организованы на очень высоком уровне. Хотя опыт Чили и Австралии показывает эффективность частных управляющих компаний, важно помнить, что эти модели имеют недостатки, а также преимущества – например, высокие административные расходы или склонность к нестабильности на рынке [16, с. 365].

Исходя из международных стандартов, для Казахстана можно предложить следующее:

1. Пересмотр модели управления пенсионными активами. Необходимо создать независимый от Национального банка, профессиональный и высокоотчетный орган по управлению пенсионными активами. Этот орган может работать на базе управленческого совета, состоящего из специалистов, опирающихся на государственный, частный и международный опыт.

2. Совершенствование правовой базы. Необходимо стабилизировать правила инвестирования пенсионных активов, уточнить требования к структуре инвестиционных портфелей, усилить нормы управления рисками и контроля. Кроме того, предлагается законодательно закрепить нормы защиты прав вкладчиков, доступа к информации об инвестиционной доходности и риске.

3. Обеспечение прозрачности и подотчетности. Полная информация об инвестиционных решениях ЕНПФ, их обоснованиях и результатах должна публиковаться на постоянной основе. Должны быть внедрены механизмы ежегодного независимого аудита, отчетности в парламент, контроля через общественные советы с участием гражданского общества.

4. Расширение прав вкладчиков на выбор. Пенсионным вкладчикам необходимо предоставить возможность выбора между несколькими инвестиционными портфелями с разным уровнем риска. Это повысит доверие к пенсионной системе и усилит ответственность вкладчиков за свои сбережения.

5. Международное сотрудничество и обмен опытом. Казахстанским регулирующим органам и ЕНПФ необходимо активно работать с международными организациями (например, OECD, IOPS, World Bank), изучать лучшие практики и согласовывать нормативные документы и методики.

Еще одна важная проблема, выявленная в ходе исследования, – необходимость инвестирования пенсионных средств в реальный сектор экономики. Привлекательным направлением для пенсионных активов могут стать проекты в сфере инфраструктуры, «зеленой экономики», IT и высоких технологий для Казахстана. Однако это возможно только при надежных бизнес-планах, прозрачности, социально-экономической отдаче проектов и сбалансированном управлении рисками [17].

Таким образом, инвестирование активов ЕНПФ – это не только финансовый вопрос, но и вопрос национальной безопасности, социальной стабильности и экономического развития. Поэтому правовое регулирование в этой сфере должно основываться на прозрачности, эффективности и защите интересов вкладчиков. Казахстану для повышения надежности и устойчивости своей пенсионной системы необходимо учиться на международном опыте и поэтапно осуществлять правовые и институциональные реформы.

На сегодняшний день пенсионные активы в стране превысили 16 трлн тенге (по данным ЕНПФ). Эти средства – залог не только финансов, но и будущей социальной защиты населения. Для достойного выполнения этой ответственной миссии первостепенной задачей является сильная правовая основа, справедливые механизмы управления, а профессиональные и эффективные инвестиционные решения.

ЛИТЕРАТУРА

1 Абдрахманов К.Ш. Институциональные проблемы пенсионной системы Казахстана // Право и государство. – 2023. – № 2(101). – С. 45–54.

2 Баймурзина А.С. Актуальные вопросы реформирования пенсионной системы в Казахстане // Журнал социального права РК. – 2024. – № 1. – С. 17–22.

3 Tleuzhanova A.B. The role of the state in managing pension fund assets. // Public Policy & Law Review. 2021. No. 3. P. 88–96.

4 Holzmann R., Hinz R. Old-Age Income Support in the 21st Century: An International Perspective on Pension Systems and Reform // World Bank Discussion Papers. 2021. DOI: 10.1596/978-0-8213-6541-1

5 Кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII «Социальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.07.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598&pos=4;-108#pos=4;-108 (дата обращения: 10.08.2025)

6 Статистические данные и аналитические обзоры (официальный сайт ЕНПФ) (2022-2024). URL: www.enpf.kz (дата обращения: 15.08.2025)

7 Отчет Национального банка Республики Казахстан о пенсионной системе за 2024 год. URL: www.nationalbank.kz (дата обращения: 04.08.2025)

8 Barr N. Pension Reform: A Short Guide // International Social Security Review. 2021. Vol. 74(1). P. 15–29. DOI: 10.1111/issr.12205

9 Жанабаева С.К. Перспективы развития инвестиционной политики в сфере пенсионных накоплений // Закон и время. – 2022. – № 4. – С. 30–36.

10 Impavido G., Musalem A.R., Tressel T. Pension Funds and Capital Market Development // World Bank Policy Research Working Paper. 2022. No. 3581.

11 Altiparmakov N. Another Look at Parametric Pension Reform in Emerging Europe // Eastern European Economics. 2023. Vol. 61(2). P. 114–138. DOI: 10.1080/00128775.2023.11878912

12 Iglesias A., Palacios R. Managing Public Pension Reserves // Social Protection Discussion Paper Series. 2020. World Bank.

13 Rocha R., Vittas D., Rudolph H.P. The Management of Public Pension Funds: Governance, Accountability, and Investment Policies // World Bank. 2020.

14 OECD. Pension Markets in Focus // Annual Reports. 2023 Edition. URL: www.oecd.org/pensions

15 Нургалиева Г.Т. Проблемы инвестиционной устойчивости пенсионной системы. // Вестник КазНУ. Серия «Право». – 2022. – № 2(70). – С. 23–30.

16 Börsch-Supan A. Entitlement reforms in Europe: Policy innovations in pension systems // Journal of Pension Economics and Finance. 2022. Vol. 21(3). P. 351–375.

17 Tuesta D. Challenges and opportunities for pension fund investments in emerging markets // Global Economy Journal. 2021. Vol. 21(1). DOI: 10.1515/gej-2020-0045

REFERENCES

1 Abdrahmanov K.Sh. (2023) Institucional'nye problemy pensionnoj sistemy Kazahstana // Pravo i gosudarstvo. No. 2(101). P. 45–54. (In Russian).

2 Bajmurzina A.S. (2024) Aktual'nye voprosy reformirovanija pensionnoj sistemy v Kazahstane // Zhurnal social'nogo prava RK. No. 1. P. 17–22. (In Russian).

3 Tleuzhanova A.B. (2021) The role of the state in managing pension fund assets. // Public Policy & Law Review. No. 3. P. 88–96. (In English).

4 Holzmann R., Hinz R. (2021) Old-Age Income Support in the 21st Century: An International Perspective on Pension Systems and Reform // World Bank Discussion Papers. DOI: 10.1596/978-0-8213-6541-1 (In English).

5 Kodeks Respubliki Kazahstan ot 20 aprelja 2023 goda No. 224-VII «Social'nyj kodeks Respubliki Kazahstan» (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 15.07.2025 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598&pos=4;-108#pos=4;-108 (data obrashhenija: 10.08.2025). (In Russian).

6 Statisticheskie dannye i analiticheskie obzory (oficial'nyj sajt ENPF) (2022–2024). URL: www.enpf.kz (data obrashhenija: 15.08.2025). (In Russian).

7 Otchet Nacional'nogo banka Respubliki Kazahstan o pensionnoj sisteme za 2024 god. URL: www.nationalbank.kz (data obrashhenija: 04.08.2025). (In Russian).

8 Barr N. (2021) Pension Reform: A Short Guide // International Social Security Review. Vol. 74(1). P. 15–29. DOI: 10.1111/issr.12205 (In English).

9 Zhanabaeva S.K. (2022) Perspektivy razvitija investicionnoj politiki v sfere pensionnyh nakoplenij // Zakon i vremja. No. 4. P. 30–36. (In Russian).

10 Impavido G., Musalem A.R., Tressel T. (2022) Pension Funds and Capital Market Development // World Bank Policy Research Working Paper. No. 358. (In English).

11 Altiparmakov N. (2023) Another Look at Parametric Pension Reform in Emerging Europe // Eastern European Economics. Vol. 61(2). P. 114–138. DOI: 10.1080/00128775.2023.11878912 (In English).

12 Iglesias A., Palacios R. (2020) Managing Public Pension Reserves // Social Protection Discussion Paper Series. World Bank. (In English).

13 Rocha R., Vittas D., Rudolph H.P. (2020) The Management of Public Pension Funds: Governance, Accountability, and Investment Policies // World Bank. (In English).

14 OECD. Pension Markets in Focus // Annual Reports. 2023 Edition. URL: www.oecd.org/pensions (In English).

15 Nurgalieva G.T. (2022) Problemy investicionnoj ustojchivosti pensionnoj sistemy. // Vestnik KazNU. Serija «Pravo». No. 2(70). P. 23–30. (In Russian).

16 Börsch-Supan A. (2022) Entitlement reforms in Europe: Policy innovations in pension systems // Journal of Pension Economics and Finance. Vol. 21(3). P. 351–375. (In English).

17 Tuesta D. (2021) Challenges and opportunities for pension fund investments in emerging markets // Global Economy Journal. Vol. 21(1). DOI: 10.1515/gej-2020-0045 (In English).

АМИРОВА Б.К.,*[1]
докторант.
e-mail: botaa_1981@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2969-1947
САКТАГАНОВА И.С.,[1]
з.ғ.к., профессор.
e-mail: saktaganova@enu.kz
ORCID ID: 0000-0001-7218-197X
САКТАГАНОВА А.Б.,[2]
PhD, аға оқытушы.
e-mail: Aridnissakta.11@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-0457-7794
ЮХНЕВИЧ Е.,[3]
з.ғ.д., профессор
e-mail: e.juchnevicius@prawo.ug.edu.pl
ORCID ID: 0000-0001-7390-4885
[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті,
Астана қ., Казақстан
[2]К. Құсайынов атындағы Еуразия
гуманитарлық институты,
Астана қ., Казақстан
[3]Гданьск университеті,
Гданьск қ., Польша

БІРЫҢҒАЙ ЖИНАҚТАУШЫ ЗЕЙНЕТАҚЫ ҚОРЫ АКТИВТЕРІН ИНВЕСТИЦИЯЛАУ: ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕР ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ

Андатпа

Қазақстанның зейнетақы жүйесін жетілдіру қаржылық тұрақтылық пен азаматтарды әлеуметтік қорғауды қамтамасыз ететін стратегиялық міндет болып табылады. Бұл үдерісте Бірыңғай жинақтаушы зейнетақы қорының активтерін тиімді және қауіпсіз инвестициялау айрықша маңызға ие, өйткені оған экономиканың тұрақтылығы мен болашақ төлемдердің сақталуы тәуелді. Алайда, бұл салада құқықтық реттеудің жетілмегендігімен, басқарудың ашықтығы мен тиімділігінің төмендігімен байланысты проблемалар сақталуда.Зерттеудің мақсаты – зейнетақы активтерін инвестициялауды реттеудегі құқықтық мәселелер мен қайшылықтарды анықтау, сондай-ақ халықаралық тәжірибеге негізделген тиімді тетіктерді ұсыну. Зерттеу барысында нормативтік-құқықтық база, мемлекеттік бақылау тетіктері, инвестициялық саясат қағидаттары, сондай-ақ халықаралық ұйымдардың ұсынымдары мен дамыған зейнетақы жүйелері бар елдердің тәжірибесі талданды. Зерттеу үш бағыт бойынша жүргізілді: инвестициялаудың құқықтық негіздерін талдау, халықаралық тәжірибені салыстырмалы зерттеу және ашықтықты, есептілікті және тәуекелдерді басқаруды құқықтық бағалау. Салыстырмалы құқықтық, жүйелік-құрылымдық және эмпирикалық әдістер қолданылды. Нәтижелер заңнаманың сәйкессіздігінің, әлсіз тәуелсіз бақылаудың және шектеулі есептіліктің болуын көрсетті. Мемлекеттік бағалы қағаздарға инвестициялардың басым болуы активтердің әртараптандырылуы мен кірістілігін төмендетеді. Зерттеу ұсынымдары құқықтық реттеуді жетілдіруге, зейнетақы активтерін басқарудың ашықтығы мен тиімділігін арттыруға бағытталған, бұл азаматтардың сенімін және Қазақстанның зейнетақы жүйесінің тұрақтылығын нығайтуға ықпал етеді.

Тірек сөздер: Бірыңғай жинақтаушы зейнетақы қоры, зейнетақы активтері, құқықтық реттеу, халықаралық тәжірибе, инвестициялық саясат.

AMIROVA B.K.,*[1]
PhD candidate.
*e-mail: botaa_1981@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2969-1947
SAKTAGANOVA I.S.,[1]
c.l.s., professor.
e-mail: saktaga nova@enu.kz
ORCID ID: 0000-0001-7218-197X
SAKTAGANOVA A.B.,[2]
PhD, senior lecturer.
e-mail: Aridnissakta.11@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-0457-7794
JUCHNEVICIUS E.,[3]
d.l.s., professor.
e-mail: e.juchnevicius@prawo.ug.edu.pl
ORCID ID: 0000-0001-7390-4885
[1]L.N. Gumilev Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
[2]Eurasian Humanitarian Institute
named after A.K. Kusainov,
Astana, Kazakhstan
[3]University of Gdańsk,
Gdansk, Poland

INVESTING ASSETS OF A SINGLE ACCUMULATIVE PENSION FUND: LEGAL ISSUES AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract

Improving Kazakhstan's pension system is a strategic task that ensures financial stability and social protection for citizens. Effective and secure investment of the assets of the Unified Accumulative Pension Fund is of particular importance in this process, as the stability of the economy and the security of future payments depend on it. However, problems remain in this area due to insufficient maturity of legal regulation, low transparency and management efficiency.The aim of the study is to identify legal problems and contradictions in the regulation of pension asset investment, as well as to propose effective mechanisms based on international experience. The study analyses the regulatory framework, state control mechanisms, investment policy principles, as well as recommendations from international organisations and the experience of countries with developed pension systems. The study was conducted in three areas: analysis of the legal basis for investment, comparative study of international experience, and legal assessment of transparency, accountability, and risk management. Comparative legal, systemic-structural, and empirical methods were used. The results showed inconsistencies in legislation, weak independent oversight and limited accountability. The predominance of investments in government securities reduces diversification and asset returns. The recommendations of the study are aimed at improving legal regulation, increasing transparency and efficiency in the management of pension assets, which contributes to strengthening public confidence and the sustainability of Kazakhstan's pension system.

Keywords: Unified Accumulative Pension Fund, pension assets, legal regulation, international experience, investment policy.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.10.2025

МРНТИ 10.17.01
УДК 342.95
JEL K23

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-89-98

КАЛКАЕВА Н.Б.,*[1]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
*e-mail: nesibeli77@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8109-2004
АЛИМБЕТОВА А.Р.,[2]
PhD, ассоциированный профессор.
e-mail: alimbetova_alida@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8675-9135
ЧОКИНА М.В.,[3]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
ORCID ID: 0000-0002-4913-3053
e-mail: chokina.m@mail.ru
РЫСАЛДИЕВА А.Е.,[4]
PhD, ассоциированный профессор.
e-mail: aizhu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6146-6005
[1]Казахский национальный педагогический
университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан
[2]Алматинский гуманитарно-экономический университет,
г. Алматы, Казахстан
[3]Казахский национальный медицинский
университет им. С.Д. Асфендиярова,
г. Алматы, Казахстан
[4]Международная образовательная корпорация,
г. Алматы, Казахстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация

Тема цифровизации государственного управления приобретает особую значимость в условиях противодействия коррупции в ключевых отраслях, включая транспортную сферу. В Казахстане, несмотря на успехи в развитии электронного правительства, уровень восприятия коррупции в транспортной сфере остается высоким, что подчеркивает актуальность исследования цифровых механизмов. Целью работы является анализ влияния цифровых решений на снижение коррупционных рисков в транспортной сфере Казахстана и определение правовых механизмов, необходимых для усиления антикоррупционного эффекта. Научная значимость заключается в комплексном подходе к анализу цифровизации как элемента антикоррупционной политики, а практическая – в возможности использования выводов для оптимизации цифровых реформ. Установлено, что внедрение электронного документооборота, автоматических систем контроля и цифрового мониторинга оказывает положительное влияние на снижение уровня мелкой коррупции, однако сохраняются проблемы в правовом обеспечении новых технологий, технической и кадровой обеспеченности и межведомственной координации. Ценность исследования состоит в выявлении правовых барьеров и формулировании предложений, включая инициативу разработки Цифрового кодекса и специализированных актов, направленных на укрепление антикоррупционной инфраструктуры. Практическая значимость проявляется в применимости результатов для совершенствования государственной политики, формирования эффективной цифровой среды и повышения транспарентности в транспортной сфере Казахстана.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, цифровизация, транспортная сфера, электронное правительство, государственное управление.

Введение

Коррупция в транспортной отрасли остается одной из наиболее устойчивых проблем, оказывая негативное влияние на эффективность государственного управления, конкурентоспособность экономики и уровень доверия граждан. Транспортная сфера традиционно относится к числу отраслей с повышенными коррупционными рисками, что связано с высокой степенью государственного регулирования, значительными финансовыми потоками, участием большого числа контролирующих органов и высоким уровнем дискретности административных решений. В этих условиях развитие цифровых инструментов государственного управления приобретает принципиальное значение для повышения прозрачности административных процедур, сокращения коррупциогенных факторов и укрепления подотчетности государственных органов.

За последние два десятилетия Казахстан реализует последовательную политику цифровой трансформации государственного управления, включающую внедрение электронных услуг, автоматизацию контрольно-надзорных функций, развитие межведомственной интеграции и создание интеллектуальных транспортных систем. Эти реформы позволили стране занять высокие позиции в международных рейтингах по развитию электронного правительства и существенно сократить бытовую коррупцию в ряде сфер. Вместе с тем данные международных индексов и национальных аналитических отчетов показывают, что уровень восприятия коррупции остается повышенным, в том числе в транспортной отрасли, несмотря на активное внедрение цифровых решений. Такая ситуация свидетельствует о наличии системных правовых, организационных и технологических факторов, ограничивающих антикоррупционный потенциал цифровизации.

Противоречие между высоким уровнем цифровизации государственных услуг и сохраняющимися коррупционными рисками определяет научную и практическую актуальность анализа цифровых механизмов управления в транспортной сфере. Важным исследовательским вопросом является оценка того, как цифровые инструменты – электронный документооборот, автоматизированный контроль, цифровые платформы и межведомственные системы обмена данными – влияют на снижение коррупции, какие правовые механизмы обеспечивают их эффективность и какие барьеры препятствуют полной реализации их антикоррупционного потенциала.

В контексте проводимых реформ особую значимость приобретает изучение правовой базы цифровой трансформации транспортной отрасли, выявление пробелов в законодательстве, оценка эффективности действующих цифровых инициатив и определение направлений совершенствования нормативного регулирования. Эти аспекты формируют проблему исследования и определяют необходимость комплексного анализа взаимодействия цифровизации государственного управления и антикоррупционной политики в транспортной сфере Казахстана.

С учетом изложенного цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить, как конкретные цифровые инструменты управления в транспортной сфере Казахстана влияют на снижение коррупционных рисков и какие правовые механизмы необходимы для максимальной реализации их антикоррупционного потенциала.

Материалы и методы

В работе применен комплекс общенаучных и специальных методов. В качестве базового использован системный анализ законодательства и государственных программ Республики Казахстан, регулирующих цифровизацию государственного и местного управления, в том числе в транспортной сфере. Проведен контент-анализ нормативных правовых актов, направленных на цифровую трансформацию административных процедур и снижение коррупционных рисков, а также элементов правоприменительной практики. Логико-нормативный анализ и элементы формально-юридического метода применялись для выявления внутренних противоречий и пробелов в действующих актах. Указанные методы позволили проверить выдвинутые рабочие гипотезы относительно влияния уровня нормативной определенности и степени сквозной цифровизации процедур на характер и интенсивность коррупционных рисков в транспортной отрасли.

Результаты и обсуждение

Анализ предшествующих исследований показывает, что рассматриваемая проблематика формируется на пересечении электронного управления и антикоррупционной политики. В данном контексте электронное управление (e-governance) понимается не как самостоятельная отрасль, а как направление внутри теории и практики государственного управления, связанное с использованием цифровых технологий для оптимизации публичных функций, повышения прозрачности и подотчетности органов власти. Исследование цифровизации государственного управления как инструмента противодействия коррупции уже стало устойчивым трендом как в казахстанском, так и в зарубежном правоведении. В отечественной науке внимание уделяется тому, каким образом внедрение цифровых решений способствует повышению открытости и эффективности деятельности государственных органов (в том числе при лицензировании и контроле в транспортной сфере), при этом подчеркивается, что электронные услуги, например портал e-Licensing, позволяют минимизировать коррупционные риски, обусловленные прямым контактом заявителя и должностного лица [1, 2]. Сравнительные исследования на постсоветском пространстве фиксируют во многом схожие вызовы при внедрении цифровых платформ и ограничении дискреционных полномочий чиновников. Так, в работах Д. Гриценко, М. Жеребцова, Л. Бершадской и др. анализируется эволюция электронного правительства в России и развитие многофункциональных центров (МФЦ) как инструмента реформирования административных процедур с выраженным антикоррупционным эффектом [3–6].

Для объективной оценки общей коррупционной среды, в которой реализуются процессы цифровизации государственного управления, целесообразно обратиться к данным международного Индекса восприятия коррупции (CPI) [7]. Динамика позиций Казахстана за последние пять лет демонстрирует умеренное улучшение, однако страна по-прежнему находится в зоне средних значений, что подтверждает сохранение устойчивых коррупционных рисков.

Таблица 1 – Индекс восприятия коррупции (CPI) Казахстана в 2020–2024 гг.

Год	Балл CPI (0–100)	Место среди 180 стран
2020	38	94
2021	37	102
2022	36	101
2023	39	93
2024	40	88
Примечание: Составлено авторами.		

Программа «Цифровой Казахстан» задала вектор развития цифровой экономики, включая транспорт и логистику. Одним из результатов стало внедрение электронного документооборота и интеллектуальных транспортных систем (ИТС), а также модернизация законодательства. Ключевым нормативным актом стал Закон РК «Об информатизации» [8], который закрепил юридическую силу электронных документов и подписей, что позволило внедрить электронные госуслуги, включая транспортную сферу. Яркий пример – отказ от обязательного предъявления бумажных документов водителем: с 2022 г. достаточно электронных версий в eGov Mobile. Это уменьшило возможности для вымогательства со стороны инспекторов.

Закон РК «О транспорте в Республике Казахстан» [9] также был адаптирован к цифровым реалиям: в него включены понятия «объект отслеживания», «навигационная пломба» и др., создавшие базу для национальной системы мониторинга транзитных перевозок. Использование GPS-пломб обеспечивает прозрачность маршрутов и сдерживает коррупционные практики на таможне.

Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам организации движения отдельных видов транспортных средств и цифровизации дорожной безопасности» [10] ввел обязательную регистрацию мопедов и фиксацию средней скорости движения, а также поправки в КоАП, разрешающие автоматическое на-

ложение штрафов. Эти меры исключают участие инспекторов, исключая субъективный фактор с нарушителями. С декабря 2024 г. в Казахстане введена автоматическая фиксация превышения средней скорости, обеспечивающая объективность и неотвратимость наказания.

Внедрение системы free-flow (электронной оплаты на платных дорогах) позволило устранить коррупционные риски, связанные с ручным сбором платежей, и повысило пропускную способность. Аналогично автоматический весогабаритный контроль (АСИ) исключает контакт между водителем и инспектором. Система интегрируется с базами Комитета правовой статистики, а в КоАП внесены изменения, разрешающие дистанционное оформление протоколов.

Создание Единой системы управления транспортными документами и переход к электронным товарно-транспортным накладным и разрешениям снижает коррупционные риски в логистике. В частности, переход на электронный обмен разрешениями с Узбекистаном устранил необходимость использования бумажных бланков, что существенно снизило вероятность несанкционированного изменения или подделки данных. Казахстан также рассматривает присоединение к электронной форме международной перевозочной накладной (e-CMR), что усилит юридическую силу электронных накладных за рубежом и устранит коррупционные риски на границах.

Сформированы правовые и технологические механизмы, способствующие цифровизации и снижению коррупции: стратегические документы, обновленное законодательство в сфере информационно-коммуникационных технологий, цифровые поправки в транспортные законы, внедрение автоматических систем. Эти меры демонстрируют измеримый положительный эффект: сокращается количество очных обращений, уменьшается мелкое взяточничество, повышается прозрачность. Однако остаются вызовы – от технических сбоев до сопротивления со стороны участников процесса, – которые требуют комплексного подхода к решению.

Несмотря на заметные достижения, цифровизация транспортного сектора в РК сталкивается с рядом ограничений, препятствующих ее полному антикоррупционному эффекту.

Во-первых, отставание законодательства от темпов технологического прогресса. Такие направления, как ИИ в управлении движением или беспилотный транспорт, пока слабо отражены в нормативной базе. Это создает «серые зоны», где возможны как правовой произвол, так и коррупционные схемы. Аналогично обращение с big data и персональными данными водителей требует более четких правовых рамок. Например, система «Транспортная база данных» получает информацию от автоматических средств контроля, но отсутствие проработанных регламентов позволяет игнорировать нарушения или манипулировать данными, сводя на нет антикоррупционные преимущества. Поэтому необходимо оперативное обновление законодательства и устранение правовых пробелов. Одновременно в казахстанской правовой доктрине отмечается, что развитие цифровых инструментов требует особого внимания к качеству нормативного регулирования. Ряд исследователей подчеркивают, что инициативы по созданию кодифицированных актов в сфере цифровизации должны опираться на системный анализ действующего гражданского и информационного законодательства, поскольку несогласованность новых цифровых норм с отраслевыми кодексами может снижать эффективность правоприменения. Отмечается также, что разработка ключевых нормативных актов в цифровой сфере должна осуществляться с участием специалистов в области гражданского права и проходить широкое профессиональное обсуждение, что особенно важно в условиях ускоренной цифровой трансформации [11].

Во-вторых, сохраняются технические и инфраструктурные ограничения. Недостаточное интернет-покрытие, особенно за пределами городов, снижает эффективность цифровых сервисов. В зонах нестабильной связи водители не всегда могут предъявить электронные документы, а камеры – передать данные. Количество автоматических весовых комплексов по-прежнему недостаточно, что создает условия для частичного обхода процедур контроля и повышает вероятность возникновения коррупционных рисков. Кроме того, киберугрозы становятся новым вызовом: попытки взлома или подкупа администраторов с целью удаления данных о нарушениях требуют усиления мер по информационной безопасности в транспортной сфере.

В-третьих, организационные и кадровые проблемы. Даже самые совершенные технологии неэффективны без квалифицированных и мотивированных пользователей. Нередко фиксируются случаи ненадлежащего использования цифровых систем со стороны отдельных должност-

ных лиц, например, отключение нагрудных видеорегистраторов на постах, о чем сообщается в отдельных аналитических материалах Антикоррупционного агентства. Причины – недостаток компетенций, привычка работать «по-старому» и стремление сохранить коррупционные схемы. Аналогично пользователи – водители и предприниматели – также не всегда готовы переходить на электронные сервисы, особенно представители старшего поколения. Нужны образовательные и мотивационные меры как для чиновников, так и для граждан.

В-четвертых, сложность межведомственного взаимодействия и обмена данными. Транспортная цифровизация требует синхронной работы многих органов: МВД, Министерства транспорта, таможни, акиматов. Однако интеграция их систем идет медленно. Сложности вызывает не только несовместимость форматов и стандартов, но и опасения ведомств по поводу информационной безопасности и доступа к данным. Из-за этого одни и те же данные собираются несколько раз, возникают бюрократические барьеры и возможность манипуляций. Необходима стандартизация электронных форм и юридическое закрепление механизмов обмена информацией.

Наконец, цифровизация не устраняет коррупцию «верхнего уровня» без системных реформ. Электронные инструменты демонстрируют высокую эффективность в предупреждении и снижении мелких коррупционных проявлений, однако значительные коррупционные риски (в сфере госзакупок, распределения бюджетов и реализации IT-проектов) продолжают сохраняться. Признаки непрозрачного финансирования и фиктивных стартапов подрывают доверие к реформам. Поэтому цифровизация должна сопровождаться прозрачностью и контролем в сфере тендеров, подрядов и инвестиций. Внедрение электронной системы госзакупок и публикация данных по проектам – шаг в верном направлении, но важно обеспечить реальное соблюдение прозрачных процедур.

Исходя из выявленных проблем представляется несколько перспективных направлений укрепления правовых механизмов, которые позволят максимально реализовать антикоррупционный потенциал цифровизации государственного и местного управления в транспортной отрасли.

1. Нормативно-правовые меры. Одной из ключевых инициатив является разработка единого законодательного акта, консолидирующего основы цифровой трансформации, так называемого Цифрового кодекса Республики Казахстан. Предполагается, что в Цифровом кодексе будут объединены базовые нормы об электронных данных, платформах, технологиях ИИ, информационной безопасности и пр. Для транспортной сферы принятие такого кодекса означало бы появление целостной правовой базы, устраняющей фрагментарность текущих законов. В него могут войти положения, сейчас разбросанные по разным актам: об интеллектуальных транспортных системах, о навигационных пломбах, об интеграции информационных систем ведомств, об электронных перевозочных документах и т.д. Единый кодекс облегчит правоприменение и упростит внедрение межотраслевых решений. Принятие свода правил цифровизации позволит ускорить и повысить качество предоставления государственных услуг, а также снизить бюджетные расходы на создание информационных систем за счет их унификации. Для целей профилактики коррупции это также имеет существенное значение: унифицированные стандарты и регламенты снижают вероятность неоднозначного толкования норм и ограничивают возможности для произвольного правоприменения. Когда все участники обязаны функционировать в единой цифровой экосистеме по установленным правилам, существенно сокращается риск сокрытия информации, ее несанкционированного изменения или искажения. Кроме того, в рамках обновления законодательства следует рассмотреть принятие более узких законов по направлениям: например, закона об интеллектуальных транспортных системах, который детально регламентировал бы использование автоматизированных комплексов (камер, датчиков) и алгоритмов принятия решений на их основе; закона о цифровой логистике, где были бы прописаны статусы и юридическая сила электронных накладных, складских документов, электронных очередей в пунктах пропуска и т.д. Такие специализированные акты дадут четкую правовую основу для новых сервисов, устранят неопределенности (что можно, а что нет) и, таким образом, лишат недобросовестных участников возможности ссылаться на пробелы для обхода системы.

2. Организационно-институциональные меры. На уровне правоприменения нужно двигаться к созданию сквозных цифровых платформ, охватывающих сразу несколько ведомств, с четко прописанным регламентом взаимодействия. Хорошим примером служит инициатива по единой открытой системе управления сетью автодорог протяженностью 95 тыс. км (проект e-Joldar). Этот проект предполагает агрегировать информацию о состоянии дорог, ремонтах, финансировании, подрядчиках, результатах мониторинга качества и т.д. в одной публично доступной системе. Его задача – обеспечить прозрачность управления дорожной инфраструктурой и общественный контроль. Президент РК в своем Послании поручил запустить такую платформу к 2026 г., и правительство уже координирует усилия Министерства транспорта, местных акиматов, Министерства финансов и др. для ее реализации. Закрепление подобных инициатив нуждается в нормативной поддержке – например, постановление правительства должно утвердить положение о системе e-Joldar, установить порядок внесения данных всеми участниками, ответственность за их достоверность. Когда каждый тенге, выделенный на дорогу, и каждый километр ремонта будут видны онлайн, возможности для хищений и откатов сократятся. Опыт других стран показывает, что открытые данные об инфраструктуре снижают коррупцию, так как гражданское общество и СМИ получают инструмент контроля. Казахстан мог бы юридически обязать органы публиковать определенные виды данных (тендеры, акты выполненных работ, результаты инспекций дорог) в единой системе. Помимо дорог, аналогично стоит интегрировать данные о перевозках и контроле: создать ситуационный центр, где в режиме реального времени стекаются данные с камер, весов, навигационных пломб, и он же доступен разным ведомствам. Правовой механизм здесь межведомственное соглашение или совместный приказ, регламентирующий обмен информацией. Также необходимо устранить юридические барьеры для использования «чужих» данных: например, разрешить таможне использовать данные Министерства транспорта и наоборот, наделив их необходимыми полномочиями. В идеале все информационные системы транспорта должны быть сведены к нескольким интегрированным модулям под эгидой одного ответственного органа.

3. Международно-правовые меры. Казахстан – активный участник международных транспортных коридоров, и успех цифровизации во многом зависит от синхронности с соседями. В рамках Евразийского экономического союза реализуется проект «Единая система отслеживания перевозки товаров», в котором Казахстан участвует. Уже приняты изменения в закон о транспорте, синхронизирующие понятия с требованиями ЕАЭС по навигационным пломбам. Следующий шаг – обеспечение полноценных транзитных е-коридоров. Для этого необходимо заключать двусторонние и многосторонние соглашения о взаимном признании цифровых данных. Перспективным является опыт договоренностей с Узбекистаном и другими странами Центральной Азии об обмене информацией в режиме реального времени. Подписанные меморандумы с Китаем, Турцией по цифровому обмену транспортными документами также нуждаются в имплементации на уровне подзаконных актов. Казахстану целесообразно присоединиться к ряду международных правовых инструментов: кроме упомянутого e-CMR, это, например, проекты ООН по электронной таможенной транзитной системе (e-TIR), рекомендации МСАТ (IRU) по цифровым разрешениям. Включение в глобальные цифровые сети повысит прозрачность транзита через Казахстан и снизит вероятность коррупции на стыке границ – там, где исторически человеческий фактор был высок. Более того, международные стандарты задают планку открытости: когда данные о грузах доступны всем странам –участникам маршрута, крайне сложно «незаметно» изменить информацию ради чьей-то выгоды. Поэтому укрепление договорно-правовой базы в части обмена данными – важный антикоррупционный резерв.

4. Кадровые, компетентностные и воспитательные меры. Для устойчивого развития цифрового антикоррупционного управления недостаточно принять законы – нужно обеспечить их реализацию через эффективные институты. В этом плане перспективно создание в структуре правительства единого координационного органа по цифровой трансформации транспорта. Возможно, это может быть отдельное подразделение в Министерстве транспорта или межведомственный совет при премьере, куда войдут представители Антикоррупционного агентства. Такая структура должна оперативно выявлять бюрократические барьеры, нормативные коллизии и случаи ненадлежащего исполнения обязанностей на местах, а также вырабатывать соответствующие меры реагирования, включая дисциплинарную ответственность должностных

лиц, препятствующих функционированию цифровых систем. Одновременно следует усиливать роль общественного контроля и обратной связи. Например, внедряемый портал e-Joldar может иметь модуль для приема жалоб от граждан на проблемы дорог или неправомерные действия должностных лиц – своего рода «цифровой диалог». Это вписывается в концепцию «Үкімет азаматтар үшін» – открытого и подотчетного государства. Также важно продолжать инициативы по обучению и повышению квалификации. Следует развивать учебные программы для госслужащих по цифровым навыкам, кибергигиене, управлению данными. Для транспортных инспекторов необходимо проводить тренинги, подчеркивающие, что их роль меняется: из «контролера с жезлом» они становятся операторами высокотехнологичных систем, и от их квалификации зависит эффективность контроля. Стимулы тоже должны быть выстроены правильно – может быть, стоит ввести показатель (KPI) по доле выявленных нарушений автоматическими средствами в работе подразделений, чтобы руководители были заинтересованы задействовать технику на полную. Антикоррупционное воспитание – еще один немаловажный аспект. Внедряя цифровые сервисы, государство должно параллельно формировать у граждан установку не пытаться «решать в обход системы». Чем удобнее и понятнее будет цифровой сервис, тем меньше у человека желания искать знакомых или давать взятку. Поэтому в перспективе фокус на усовершенствование пользовательского опыта электронных услуг, их доступности для всех слоев населения также косвенно работает на снижение коррупции.

Заключение

Проведенное исследование показало, что цифровизация государственного и местного управления в транспортной отрасли Казахстана уже приносит ощутимые результаты в сфере профилактики и снижения коррупционных рисков, однако ее потенциал еще не полностью реализован. Правовые механизмы, заложенные в основу цифровой трансформации, в целом доказали свою эффективность: нормативное признание электронных документов и сервисов, автоматизация дорожного надзора, создание информационных систем отслеживания перевозок – все это способствует прозрачности и подотчетности, снижает прямое взаимодействие чиновника и гражданина, тем самым перекрывая традиционные каналы бытовой коррупции. К настоящему времени значительная часть государственных услуг доступна гражданам в онлайн-формате, что снижает необходимость личного взаимодействия и, соответственно, вероятность коррупционных проявлений. На дорогах увеличивается доля нарушений, фиксируемых автоматизированными средствами контроля, что минимизирует влияние человеческого фактора. Данные о перевозках становятся более структурированными, доступными для проверки и поддаются объективному мониторингу.

В то же время анализ текущей ситуации выявил ряд слабых мест. Коррупционные риски нередко возникают в тех сегментах, где развитие цифровых инструментов происходит недостаточно последовательно: будь то технические (отсутствие интернета, недостаток камер), нормативные (неурегулированные новые технологии) или человеческие факторы (несоблюдение установленных цифровых процедур). Это означает, что работа над совершенствованием правовых механизмов должна вестись непрерывно. Необходимо поддерживать актуальность законодательства: своевременно принимать новые законы и поправки, учитывающие появление инноваций и меняющиеся условия. Очень важным шагом представляется принятие Цифрового кодекса, который унифицирует терминологию и принципы в цифровой сфере, устраняя противоречия между ведомственными нормативами. Также целесообразно разработать отдельные правовые акты, детализирующие ключевые направления цифровизации транспорта.

Подводя итог, можно утверждать, что цифровизация при наличии адекватного нормативно-правового обеспечения становится действенным инструментом снижения коррупционных рисков в транспортной отрасли. Казахстан обладает необходимым фундаментом – и технологическим, и законодательным, – чтобы существенно снизить коррупционные риски, дав возможность технологиям проявить себя. В ближайшие годы именно гибкость законодательства, его способность быстро адаптироваться под новые цифровые реалии, а также последовательное внедрение инноваций определят, удастся ли достичь поставленной цели – сделать транспортную сферу максимально прозрачной, безопасной и свободной от коррупции. Дальнейшее дви-

жение в этом направлении позволит укрепить позиции Казахстана как регионального лидера цифровой трансформации и повысить доверие граждан и бизнеса к государственному управлению.

Информация о финансировании. Данное исследование было профинансировано Алматинским гуманитарно-экономическим университетом (инициативный проект № 0125РКИ0085 «Цифровизация государственного и местного управления с целью снижения коррупции в транспортной отрасли РК»).

ЛИТЕРАТУРА

1 Sheryazdanova G., Nurtazina R., Byulegenova B., Rystina I. Correlation Between E-Government and Corruption Risks in Kazakhstan // Utopía y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. No. 1. P. 41–48.

2 Bhuiyan Sh. E-Government in Kazakhstan: Challenges and Its Role to Development // Public Organization Review. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 31–47. DOI: 10.1007/s11115-009-0087-6.

3 Knox C., Janenova S. The e-government paradox in post-Soviet countries // International Journal of Public Sector Management. 2019. Vol. 32. No. 1. P. 600–615. DOI: 10.1108/IJPSM-08-2018-0173

4 Gritsenko D., Zherebtsov M. E-Government in Russia: Plans, Reality, and Future Outlook // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 33–51. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_3

5 Бершадская Л., Чугунов А. Опыт и методы исследования развития инфраструктуры электронного правительства в России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 1. – С. 137–162.

6 Shim D.C., Eom T.H. E-Government and Anti-Corruption: Empirical Analysis of International Data // International Journal of Public Administration. 2008. Vol. 31. No. 3. P. 298–316. DOI: 10.1080/01900690701590553

7 Transparency International. Corruption Perceptions Index 2020–2024. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2024

8 Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418 V ЗРК «Об информатизации». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418

9 Закон Республики Казахстан от 21 сентября 1994 года № 156. «О транспорте в Республике Казахстан». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940007000_

10 Закон Республики Казахстан от 3 октября 2024 года № 130-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам организации движения отдельных видов транспортных средств и цифровизации дорожной безопасности». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000130

11 Сулейменов М.К. Цифровой кодекс как показатель кризиса системы правотворчества в Казахстане // Zakon.kz. – 18.11.2025. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38373267

REFERENCES

1 Sheryazdanova G., Nurtazina R., Byulegenova B., Rystina I. (2020) Correlation Between E-Government and Corruption Risks in Kazakhstan // Utopía y Praxis Latinoamericana. Vol. 25. No. 1. P. 41–48. (In English).

2 Bhuiyan Sh. (2009) E-Government in Kazakhstan: Challenges and Its Role to Development // Public Organization Review. Vol. 10. No. 1. P. 31–47. DOI: 10.1007/s11115-009-0087-6 (In English).

3 Knox C., Janenova S. (2019) The e-government paradox in post-Soviet countries // International Journal of Public Sector Management. Vol. 32. No. 1. P. 600–615. DOI: 10.1108/IJPSM-08-2018-0173 (In English).

4 Gritsenko D., Zherebtsov M. (2020) E-Government in Russia: Plans, Reality, and Future Outlook // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. Cham: Palgrave Macmillan. P. 33–51. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_3 (In English).

5 Bershadskaja L., Chugunov A. (2013) Opyt i metody issledovanija razvitija infrastruktury jelektronnogo pravitel'stva v Rossii // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. No. 1. P. 137–162. (In Russian).

6 Shim D.C., Eom T.H. (2008) E-Government and Anti-Corruption: Empirical Analysis of International Data // International Journal of Public Administration. Vol. 31. No. 3. P. 298–316. DOI: 10.1080/01900690701590553 (In English).

7 Transparency International. Corruption Perceptions Index 2020–2024. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2024 (In English).

8 Zakon Respubliki Kazahstan ot 24 nojabrja 2015 goda № 418 V ZRK «Ob informatizacii». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418 (In Russian).

9 Zakon Respubliki Kazahstan ot 21 sentjabpja 1994 goda No. 156. «O transporte v Respublike Kazahstan». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940007000__(In Russian).

10 Zakon Respubliki Kazahstan ot 3 oktjabrja 2024 goda No. 130-VIII ZRK «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam organizacii dvizhenija otdel'nyh vidov transportnyh sredstv i cifrovizacii dorozhnoj bezopasnosti». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000130 (In Russian).

11 Culejmenov M.K. (18.11.2025) Cifrovoj kodeks kak pokazatel' krizisa sistemy pravotvorchestva v Kazahstane // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38373267 (In Russian).

КАЛКАЕВА Н.Б.,*[1]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
*e-mail: nesibeli77@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8109-2004
АЛИМБЕТОВА А.Р.,[2]
PhD, қауымдастырылған профессор.
e-mail: alimbetova_alida@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8675-9135
ЧОКИНА М.В.,[3]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: chokina.m@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4913-3053
РЫСАЛДИЕВА А.Е.,[4]
PhD, қауымдастырылған профессор.
e-mail: aizhu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6146-6005
[1]Абай атындағы Қазақ ұлттық
педагогикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Алматы гуманитарлық-экономикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[3]С.Ж. Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық
медицина университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[4]Халықаралық білім беру корпорациясы,
Алматы қ., Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ КӨЛІК СЕКТОРЫНДАҒЫ БАСҚАРУ ЖӘНЕ СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚҚА ҚАРСЫ САЯСАТТЫ ЦИФРЛАНДЫРУ

Аңдатпа

Мемлекеттік басқаруды цифрландыру тақырыбы көлікті қоса алғанда, негізгі салалардағы сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес тұрғысынан ерекше маңызды. Қазақстанда электрондық үкіметті дамытудағы жетістіктерге қарамастан, көлік саласындағы сыбайлас жемқорлыққа деген көзқарас жоғары болып қала береді, бұл цифрлық тетіктерді зерттеудің өзектілігін көрсетеді. Бұл зерттеудің мақсаты – цифрлық шешімдердің Қазақстанның көлік секторындағы сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін азайтуға әсерін талдау және сыбайлас жемқорлыққа қарсы әсерді күшейту үшін қажетті құқықтық тетіктерді анықтау. Ғылыми маңыздылығы цифрландыруды сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясаттың элементі ретінде талдауға кешенді тәсілде, ал практикалық маңыздылығы нәтижелерді цифрлық реформаларды оңтайландыру үшін пайдалану мүмкіндігінде жатыр. Электрондық құжат айналымын, автоматтандырылған басқару жүйелерін және цифрлық мониторингті енгізу ұсақ сыбайлас жемқорлықты азайтуға оң әсер ететіні анықталды. Дегенмен, жаңа технологиялар, техникалық және кадрлық ресурстар, сондай-ақ ведомствоаралық үйлестіру үшін құқықтық базада қиындықтар әлі де бар. Зерттеудің құндылығы құқықтық кедергілерді анықтауда және

ұсыныстарды тұжырымдауда, соның ішінде сыбайлас жемқорлыққа қарсы инфрақұрылымды нығайтуға бағытталған Цифрлық кодекс пен мамандандырылған ережелерді әзірлеу бастамасында жатыр. Тәжірибелік маңыздылығы нәтижелердің мемлекеттік саясатты жетілдіру, тиімді цифрлық орта құру және Қазақстанның көлік секторындағы ашықтықты арттыру үшін қолданылуында жатыр.

Тірек сөздер: сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясат, цифрландыру, көлік секторы, электронды үкімет, мемлекеттік басқару.

KALKAYEVA N.B.,*[1]
c.l.s., associate professor.
*e-mail: nesibeli77@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8109-2004
ALIMBETOVA A.R.,[2]
PhD, associate professor.
e-mail: alimbetova_alida@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8675-9135
CHOKINA M.V.,[3]
c.l.s., associate professor.
e-mail: chokina.m@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4913-3053
RYSALDIEVA A.E.,[4]
PhD, associate professor.
e-mail: aizhu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6146-6005
[1]Kazakh National Pedagogical
University named after Abai,
Almaty, Kazakhstan
[2]Almaty Humanitarian and Economic University,
Almaty, Kazakhstan
[3]Kazakh National Medical University
named after S.D. Asfendiyarov,
Almaty, Kazakhstan
[4]International Educational Corporation,
Almaty, Kazakhstan

DIGITALIZATION OF MANAGEMENT AND ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE TRANSPORT SECTOR OF KAZAKHSTAN

Abstract

The topic of digitalization of public administration is particularly important in the context of combating corruption in key sectors, including transport. In Kazakhstan, despite advances in e-government development, the perception of corruption in the transport sector remains high, highlighting the relevance of studying digital mechanisms. The aim of this study is to analyze the impact of digital solutions on reducing corruption risks in Kazakhstan's transport sector and to identify the legal mechanisms necessary to enhance the anti-corruption effect. The scientific significance lies in the comprehensive approach to analyzing digitalization as an element of anti-corruption policy, while the practical significance lies in the potential use of the findings to optimize digital reforms. It has been established that the introduction of electronic document management, automated control systems, and digital monitoring has a positive impact on reducing petty corruption. However, challenges remain in the legal framework for new technologies, technical and personnel resources, and interdepartmental coordination. The study's value lies in identifying legal barriers and formulating proposals, including the initiative to develop a Digital Code and specialized regulations aimed at strengthening the anti-corruption infrastructure. The practical significance lies in the applicability of the results to improving public policy, creating an effective digital environment, and increasing transparency in Kazakhstan's transport sector.

Keywords: anti-corruption policy, digitalization, transport sector, e-government, public administration.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.10.2025

МРНТИ 10.63.01
УДК 349.2
JEL J83

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-99-107

МОЛДАХМЕТОВА Ж.Е.,[*1]
м.ю.н., ст. преподаватель.
*e-mail: moldaxmetova_Zh@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7024-5498
САТБАЕВА А.М.,[2]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
e-mail: sathaeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4240-3874
БЕЙСЕНБАЕВА М.Т.,[3]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8922-3160
РАХМЕТОВА Г.Р.,[4]
к.ю.н.
e-mail: rahmet-1976@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3508-506X
[1]Казахский национальный
педагогический университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан
[2]Q University,
г. Алматы, Казахстан
[3]Казахский национальный
аграрный исследовательский университет,
г. Алматы, Казахстан
[4]Южно-Казахстанский
университет им. М.Ауезова,
г. Шымкент, Казахстан

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ПРАВА МИГРАНТОВ В КАЗАХСТАНЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье рассматривается современное состояние социально-трудовых прав мигрантов в Республике Казахстан в контексте роста миграционных потоков и интеграционных процессов в Центральной Азии. Цель исследования заключается в анализе нормативно-правовой базы, выявлении существующих проблем и определении направлений совершенствования государственной миграционной политики. Научная новизна работы состоит в комплексной оценке соотношения международных стандартов и национального законодательства, а также в акценте на практических механизмах защиты прав трудящихся-мигрантов. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой и системный анализ, изучение законодательных актов, международных договоров, статистических данных и материалов неправительственных организаций. В результате выявлены ключевые проблемы: несовершенство квотной системы, распространенность неформальной занятости, ограниченный доступ мигрантов к медицинским и образовательным услугам, недостаточный уровень государственного контроля и интеграционных мер. Сделан вывод о необходимости присоединения к ряду международных конвенций, упрощения процедур легализации, усиления трудовой инспекции и развития программ социальной интеграции. Исследование вносит вклад в развитие правовой науки и миграционной политики, предлагая практические рекомендации по повышению эффективности защиты прав мигрантов и гармонизации национальных норм с международными стандартами.

Ключевые слова: миграция, социально-трудовые права, международные конвенции, трудовая миграция, правовое регулирование, интеграция.

Введение

В последние десятилетия Республика Казахстан переживает трансформацию миграционных процессов, постепенно переходя от статуса страны исхода рабочей силы к статусу крупного регионального центра притяжения трудовых мигрантов в Центральной Азии. Согласно данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, к середине 2024 г. в Казахстане проживало 2 089 797 международных мигрантов, что отражает устойчивую тенденцию роста внешней трудовой мобильности и повышенный спрос на иностранную рабочую силу в ключевых секторах экономики [1]. Увеличение миграционных потоков обусловлено сочетанием макроэкономических факторов: сравнительно высокими темпами экономического роста Казахстана, структурной потребностью в неквалифицированных и технических кадрах, а также дисбалансами социально-экономического развития государств Центральной Азии. Трудовые мигранты из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и других стран занимают значительную долю в строительстве, сельском хозяйстве, логистике, бытовом обслуживании и частном секторе, восполняя дефицит рабочей силы на местах.

Вместе с тем стремительный рост миграции сопровождается повышением актуальности вопросов правового статуса, гарантий и механизмов защиты социально-трудовых прав мигрантов. Правовое регулирование миграции в Казахстане существенно модернизировалось с момента независимости, однако сохраняются структурные ограничения: несоответствие между международными обязательствами и национальной практикой, фрагментарность нормативно-правовой базы, разрыв между формальными гарантиями и фактической реализацией прав мигрантов. Особого внимания требует проблема неформальной занятости, охватывающей значительную часть мигрантов и лишающей их базовых трудовых гарантий. Сохраняют остроту вопросы доступа мигрантов к образованию, медицинским услугам, механизмам правовой помощи, а также защиты от эксплуатации, дискриминации и административных злоупотреблений.

В условиях расширения интеграционных процессов – прежде всего в рамках ЕАЭС – Казахстан берет на себя обязательства по обеспечению свободы труда, мобильности рабочей силы и социальной защиты мигрантов, что усиливает значимость научного анализа и модернизации государственной миграционной политики. Исследование социально-трудовых прав мигрантов является не только теоретически важным, но и практически ориентированным, поскольку напрямую связано с экономической стабильностью, демографическими тенденциями и соблюдением универсальных стандартов прав человека.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет сочетание сравнительно-правового, системного и институционального подходов, что обеспечивает комплексный анализ социально-трудовых прав мигрантов в Республике Казахстан. Сравнительно-правовой метод применяется для выявления соответствия национального законодательства международным трудовым стандартам и определения нормативных расхождений. Системный подход позволяет рассматривать миграционную сферу как многокомпонентную систему, включающую правовые, социальные и экономические элементы. Институциональный анализ направлен на оценку эффективности органов и механизмов, обеспечивающих реализацию миграционной политики. В рамках исследования проводится аналитическое изучение научных публикаций, обзоров и международных докладов, что дает возможность выявить ключевые тенденции и проблемные зоны. Статистический метод используется для определения динамики миграционных потоков и структуры занятости мигрантов. Комплексное применение указанных методов обеспечивает научную обоснованность выводов и формирует целостное понимание состояния и перспектив развития системы защиты социально-трудовых прав мигрантов в Казахстане.

Результаты и обсуждение

Проблематика социальных и трудовых прав мигрантов в Казахстане исследовалась как отечественными, так и зарубежными учеными. Например, казахстанский эксперт Е. Ю. Садовская

в обзорной работе показала эволюцию Казахстана в региональный центр притяжения трудовых мигрантов и подчеркнула, что современная трудовая иммиграция носит преимущественно нерегулируемый, временный и сезонный характер [2]. Абайдельдинов Т.М. и Мухинова А.Т. проанализировали правовое положение трудящихся-мигрантов в условиях интеграционных процессов, отметив, что в Казахстане долгое время отсутствовало комплексное научное исследование этой темы и выявились коллизии в законодательстве после ратификации международных соглашений [3]. В более новом исследовании А.Ж. Сыздыков, М.Д. Каражанов и Э.Т. Калыгулова рассмотрели социально-трудовые права мигрантов и подчеркнули необходимость законодательного закрепления гарантий социальной защиты, медицинского обслуживания и других пособий для трудовых мигрантов и членов их семей [4]. Схожие выводы сделал и А.К. Кенжетаева, которая, сопоставив казахстанское миграционное законодательство с международными стандартами (конвенции МОТ №97, №143 и др.), выявила структурные барьеры реализации прав мигрантов – квоты, сложные разрешительные процедуры, высокую стоимость легализации, слабый госнадзор, доминирование неформальной занятости, недостаточные механизмы интеграции [5]. Она задокументировала типичные нарушения прав мигрантов: работу без трудовых договоров, невыплату заработной платы, изъятие документов у работников, и обосновала необходимость пересмотра политики для упрощения легализации, отмены квот, усиления инспекции труда и обеспечения доступа мигрантов к базовым соцуслугам.

Международные исследования отмечают превращение Казахстана в региональный центр притяжения трудовых мигрантов начиная с 2000-х годов при преимущественно нерегулируемом временном и сезонном характере этих миграционных потоков [6]. Несмотря на участие страны в некоторых международных соглашениях и интеграционных инициативах (например, режим свободного рынка труда в рамках ЕАЭС), национальная правовая база и практика правоприменения все еще содержат серьезные пробелы в обеспечении социально-трудовых прав мигрантов [7].

Казахстан сформировал базовую нормативно-правовую базу, предусматривающую защиту прав иностранных работников. Конституция РК гарантирует равенство всех перед законом, а трудовое законодательство распространяет ключевые трудовые права на всех работников, независимо от гражданства, при условии законности их пребывания. Казахстан является членом Международной организации труда (МОТ) с 1993 г. и ратифицировал все 8 фундаментальных конвенций МОТ, касающихся недопущения дискриминации, принудительного и детского труда, свободы объединения и других базовых трудовых стандартов [8]. Кроме того, ратифицирован ряд приоритетных конвенций МОТ, касающихся инспекции труда, социальной защиты и условий труда. На пространстве СНГ и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Казахстан участвует в соглашениях, направленных на обеспечение прав трудящихся-мигрантов. Так, еще в 1994 г. была подписана и ратифицирована Конвенция СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов, гарантирующая базовые права мигрантов из государств Содружества. В рамках ЕАЭС с 2015 г. введен режим свободного передвижения рабочей силы: граждане стран-участниц (Россия, Беларусь, Кыргызстан, Армения) могут работать в Казахстане без специальных разрешений на работу и пользуются равными с гражданами РК трудовыми правами [9]. Например, для граждан Кыргызстана с 2015 г. значительно упростилась процедура легализации: им больше не требуется получение квоты и разрешения на работу, что теоретически обеспечивает равенство в оплате и условиях труда. Более того, Казахстан ратифицировал Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС (подписано в 2019 г.), которое позволяет трудовым мигрантам из стран Союза переносить и получать пенсионные права при работе в Казахстане.

При этом следует отметить, что Казахстан не присоединился к ряду важных международных договоров по правам мигрантов. В частности, до сих пор не ратифицирована Международная конвенция ООН 1990 г. о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Из конвенций МОТ Казахстаном не ратифицированы специальные конвенции №97 (о миграции в целях занятости) и №143 (о злоупотреблениях в области миграции и обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения). Это создает пробелы в международно-правовых обязательствах страны. Тем не менее на национальном уровне законодательство постепенно совершенствуется: принята Государственная программа управлением миграцией,

концепция миграционной политики на 2023–2027 гг. [10], вносятся изменения в Закон «О миграции населения» [11] и сопутствующие акты. Одним из спорных элементов национальной политики остается система квот и разрешений на привлечение иностранной рабочей силы. Казахстан ежегодно устанавливает квоту на иностранных работников вне ЕАЭС (как правило, для работодателей на привлечение определенного числа зарубежных работников), и трудоустройство возможно только при наличии разрешения местных исполнительных органов. Данная система, по оценкам экспертов, не всегда соответствует реальным потребностям рынка труда и зачастую приводит к тому, что значительная часть мигрантов из стран не ЕАЭС работает вне официальных процедур. Например, квоты охватывали лишь десятки тысяч человек в год, в то время как реальный приток трудовых мигрантов измеряется сотнями тысяч. Это несоответствие способствует тому, что многие приезжие вынуждены искать неофициальные способы трудоустройства.

Несмотря на декларированные гарантии, на практике значительная доля трудовых мигрантов сталкивается с нарушениями своих социально-трудовых прав. Особенно уязвимы мигранты с неурегулированным правовым статусом (нелегально находящиеся или работающие без официального разрешения). В Казахстане большинство мигранатов не имеют необходимых разрешений на трудовую деятельность. Граждане Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана составляли до двух третей от всех этих мигрантов, причем многие из них были заняты на низкоквалифицированных и тяжелых работах – на стройках, в сельском хозяйстве на юге республики, в сфере услуг и домашнем труде. Именно в этой среде наиболее часто фиксируются случаи несоблюдения трудовых норм. Распространенной проблемой является работа без заключения трудового договора, что лишает мигранта какой-либо правовой защиты: работодатель может произвольно устанавливать низкую заработную плату, график работы, лишать отдыха и социальных гарантий. Отсутствие договора ведет к таким нарушениям, как невыплата или задержка заработной платы, оплата ниже оговоренной или ниже минимальных стандартов, отсутствие компенсации за сверхурочные и вредные условия. Нередки случаи, когда работодатели изымают у мигрантов паспорта или другие документы, фактически ставя их в зависимое положение. Зафиксированы инциденты жестокого обращения: мигранты сообщали о грубом отношении, угрозах и даже насилии со стороны нанимателей, особенно когда пытались отстаивать свои права. Кроме того, сами представители сил правопорядка иногда выступали источником злоупотреблений – некоторые мигранты становились жертвами вымогательства взяток, незаконных задержаний или выдворений. Подобные нарушения прав усугубляют уязвимость мигрантов, которые часто боятся обращаться за защитой, опасаясь депортации или других санкций.

Социальная составляющая прав мигрантов не менее важна, чем трудовые аспекты, однако и здесь наблюдается разрыв между нормами и реальностью. Условия проживания многих трудовых мигрантов далеки от достойных: значительная часть живет во временных бараках, общежитиях либо съемных квартирах, часто перенаселенных и не отвечающих санитарным требованиям. Отсутствие регистрационного учета лишает мигрантов доступа к нормальному жилью и вынуждает соглашаться на любые условия. Право на охрану здоровья формально гарантируется всем, кто находится на территории Казахстана, однако на практике доступ мигрантов к медицинским услугам весьма ограничен. Иностранцы, официально трудоустроенные и участвующие в системе обязательного социального медицинского страхования, имеют право на медицинскую помощь наравне с гражданами. В частности, с государствами ЕАЭС заключены соглашения, по которым трудящиеся-мигранты и члены их семей могут получать бесплатную неотложную медицинскую помощь в стране пребывания. Однако нерегулярные мигранты и члены их семей зачастую выпадают из системы здравоохранения. Им доступна лишь экстренная медицинская помощь, тогда как плановые услуги, госпитализация или диспансерное наблюдение фактически недоступны без гражданства или страховки. В результате многие мигранты не обращаются в больницы даже при серьезных заболеваниях, занимаясь самолечением или откладывая визит к врачу до критического состояния. Так, непрослеживаемость мигрантов затрудняет эпидемиологический контроль. Тем не менее пока не будут созданы доступные механизмы медобслуживания для всех категорий мигрантов, их право на здоровье остается условным.

Право на образование для детей мигрантов также не полностью реализовано. Официально в Казахстане гарантируется всеобщее среднее образование, и дети независимо от статуса родителей могут быть приняты в школу. На практике же у семей мигрантов возникают сложности с устройством детей в детсады и школы из-за отсутствия местной прописки или необходимых документов. Особенно остро эта проблема стояла для сезонных мигрантов в южных регионах: до 2012 г. большинство детей трудовых мигрантов, занятых на полях, не посещали школу и работали вместе с родителями. В последние годы благодаря усилиям НПО и местных властей ситуация постепенно улучшается – ведется разъяснительная работа, некоторым детям позволяют обучаться в школах даже без полной документации. Однако до сих пор не разработан действенный механизм интеграции детей мигрантов в систему образования, что нарушает их социальные права и затрудняет дальнейшую интеграцию в общество.

Казахстанскими властями предпринимались определенные шаги для улучшения положения трудящихся-мигрантов, однако эти меры пока не носят системного характера и не обеспечивают должной эффективности. Внесенные в 2013 и 2015 гг. изменения законодательства упростили легализацию отдельных категорий мигрантов, расширив возможность оформления разрешительных документов без применения штрафных санкций. Параллельно проводились амнистии и кампании добровольной легализации, позволявшие мигрантам заявить о себе в уполномоченные органы и получить право на трудовую деятельность в упрощенном порядке. При поддержке международных организаций, включая Международную организацию по миграции (МОМ) и Международную организацию труда (МОТ), были созданы Центры трудовой миграции и адаптации, где иностранные работники могут получить консультации, проверить законность своих договоров, получить правовую помощь или информацию о социальных услугах. Эти центры также участвуют в просветительских и профилактических проектах, направленных на предотвращение эксплуатации и повышение уровня правовой грамотности мигрантов. Тем не менее проведенный анализ показывает, что указанные меры оказывают лишь точечное воздействие и не устраняют структурные проблемы, такие как высокий уровень неформальной занятости, отсутствие реальных механизмов защиты прав мигрантов и ограниченная доступность государственных сервисов для нерегулярных категорий мигрантов. Кроме того, деятельность профильных государственных органов по контролю и надзору в сфере миграции остается недостаточно координированной, что не позволяет эффективно реагировать на нарушения и предупреждать эксплуатационные практики.

Экспертное сообщество и научные исследования подчеркивают необходимость проведения комплексных и долгосрочных реформ миграционной политики Казахстана. Одним из ключевых направлений выступает упрощение процедур легализации труда, что предполагает пересмотр квотной системы, снижение стоимости разрешительных документов, а также внедрение альтернативных механизмов регистрации трудовой деятельности, доступных для низкоквалифицированных работников. Не менее важно усиление трудовой инспекции, расширение ее полномочий и возможностей для проведения проверок в секторах, где занято большое количество иностранных работников. Создание эффективных каналов подачи жалоб, доступных на разных языках, и организация центров бесплатной юридической помощи помогут снизить уязвимость мигрантов и увеличить уровень их обращаемости за защитой. Важным направлением становится и развитие интеграционных программ: курсов языка, ориентирующих тренингов, социальных навигаторов, цифровых сервисов для мигрантов и их семей. Расширение сотрудничества с профсоюзами, НПО и международными организациями позволит создать устойчивую систему поддержки, включающую не только реагирование на нарушения, но и профилактику эксплуатации. В конечном счете без внедрения продуманной и основанной на международных стандартах стратегии мигранты продолжат оставаться в положении, которое правозащитники характеризуют как состояние «без статуса и прав», что несет риски как для них самих, так и для государства, заинтересованного в формировании стабильного, защищенного и конкурентоспособного рынка труда.

Заключение

Социальные и трудовые права мигрантов в Республике Казахстан формально закреплены в национальном законодательстве и подтверждены участием страны в ряде международных соглашений, однако фактическая реализация этих прав остается неполной и сопровождается существенными институциональными и социально-экономическими барьерами. Казахстан, превратившийся в крупнейший центр притяжения трудовых мигрантов в Центральной Азии, сталкивается с системным вызовом: необходимость интегрировать значительные потоки иностранной рабочей силы в экономику, одновременно обеспечивая их правовую защиту, социальную безопасность и минимизацию рисков для внутреннего рынка труда. Анализ нормативной базы, правоприменительной практики и исследований в данной области демонстрирует устойчивый разрыв между де-юре закрепленными гарантиями и де-факто условиями, в которых оказываются трудовые мигранты.

Этот разрыв проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, значительная доля мигрантов продолжает трудиться в неформальном секторе, что лишает их механизмов юридической защиты, делает уязвимыми к эксплуатации, задержкам заработной платы и злоупотреблениям со стороны работодателей. Во-вторых, сохраняются ограничения в доступе к социальным и медицинским услугам, особенно для мигрантов с нерегулярным статусом. В-третьих, эпизодические случаи административного давления, коррупционных практик и дискриминации свидетельствуют о необходимости укрепления гарантий правового равенства и транспарентности миграционной политики. Наконец, институциональные механизмы регулирования миграции в ряде случаев остаются фрагментарными, недостаточно координированными и ограниченными в ресурсах.

Для повышения эффективности защиты прав мигрантов требуется проведение комплексных, научно обоснованных реформ. Одним из приоритетных направлений выступает модернизация законодательства, включающая присоединение к фундаментальным международным договорам, регулирующим права трудящихся-мигрантов, а также приведение национальных норм в соответствие с современными международными стандартами в области труда, недискриминации и социальной защиты. Упрощение процедур легализации трудовой деятельности, пересмотр квотного механизма, снижение административных барьеров и стоимости получения разрешений может способствовать сокращению масштабов неформальной занятости.

Важнейшее значение приобретает усиление институциональных механизмов: укрепление системы государственного контроля за соблюдением трудового законодательства, повышение эффективности инспекции труда, создание специализированных центров обслуживания мигрантов, обеспечивающих юридическое консультирование, доступ к социальным услугам и поддержку в интеграции. Развитие механизмов межведомственного взаимодействия и цифровизации миграционных процедур способно повысить прозрачность и снизить коррупционные риски.

Не менее значимой составляющей модернизации миграционной политики является социальное измерение. Информирование мигрантов о правах и обязанностях, создание доступных каналов подачи жалоб, участие неправительственных организаций и профсоюзов в защите прав работников, развитие языковых и адаптационных программ – все это сохраняет важную роль в снижении социальной уязвимости мигрантов и укреплении социальной стабильности. Международное сотрудничество, включая взаимодействие с МОТ, МОМ и странами происхождения мигрантов, позволяет формировать согласованную и ориентированную на долгосрочный результат миграционную стратегию.

Реализация предложенных мер будет способствовать не только улучшению положения трудящихся-мигрантов, но и повышению устойчивости казахстанского рынка труда, укреплению правового государства и соблюдению универсальных стандартов в сфере прав человека. В перспективе это позволит сформировать более справедливую, инклюзивную и предсказуемую систему регулирования миграции, где каждый работник, независимо от гражданства и миграционного статуса, сможет рассчитывать на надлежащую защиту своих социально-трудовых прав. Таким образом, эффективная миграционная политика становится важным фактором социально-экономического развития, а также элементом устойчивой и сбалансированной государственной стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1 Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Международный миграционный поток, 2024 г. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock (дата обращения: 28.09.2025)

2 Садовская Е. Казахстан в системе международных трудовых миграций // Демоскоп Weekly. – 2014. – № 583–584. – С. 1–29.

3 Абаидельдинов Т., Мухинова А. Некоторые вопросы трудовой миграции в Республике Казахстан // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2018. – Т. 85. – № 1. – С. 40–46.

4 Сыздыков А.Ж., Каражанов М.Д., Калыгулова Э.Т. Особенности правового регулирования в сфере миграции (сравнительный опыт России, Белоруссии и Кыргызстана) // Вестник Alikhan Bokeikhan University. – 2025. – № 1(64). – С. 17–24. DOI: 10.48501/4492.2025.78.98.003

5 Кенжетаева А.К. К вопросу обеспечения прав трудящихся-мигрантов в Казахстане // Colloquium-journal. – 2025. – № 49(242). – С. 99–106. DOI: 10.5281/zenodo.15395250

6 Mussina S.T., Khusainova Zh.S., Vechkinzova Y.A. Migration processes in Kazakhstan: Trends, specifics, factors // Bulletin of the Karaganda University. Economy Series. 2020. No. 4(100). P. 53–67. DOI: 10.31489/2020Ec4/53-67

7 Khamzin A.Sh., Khamzina Zh.A., Aldabergenova N.A., Koshpenbetov B.M., Buribayev Y.A. Labor Migration: A View from Kazakhstan // Journal of Educational and Social Research. 2023. Vol. 13. No. 4. P. 84–93. DOI: https://doi.org/10.36941/jesr-2023-0092

8 Актуальные проблемы защиты социально-экономических, трудовых, гражданских и культурных прав граждан и иных лиц в сфере противодействия торговле людьми в Республике Казахстан: специальный доклад. – 2021. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/article/details/50826?lan (дата обращения: 04.05.2025)

9 Международная федерация по правам человека (FIDH). Трудовые мигранты в Казахстане: без статуса и прав. – Париж: FIDH, сентябрь 2016. – 60 с.

10 Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961 (дата обращения: 12.08.2025).

11 Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477 (дата обращения: 18.08.2025)

REFERENCES

1 Organizacija Ob#edinennyh Nacij. Departament po jekonomicheskim i social'nym voprosam. Mezhdunarodnyj migracionnyj potok, 2024 g. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock (data obrashhenija: 28.09.2025). (In Russian).

2 Sadovskaja E. (2014) Kazahstan v sisteme mezhdunarodnyh trudovyh migracij // Demoskop Weekly. No. 583–584. P. 1–29. (In Russian).

3 Abaidel'dinov T., Muhinova A. (2018) Nekotorye voprosy trudovoj migracii v Respublike Kazahstan // Vestnik KazNU. Serija juridicheskaja. V. 85. No. 1. P. 40–46. (In Russian).

4 Syzdykov A.Zh., Karazhanov M.D., Kalygulova Je.T. (2025) Osobennosti pravovogo regulirovanija v sfere migracii (sravnitel'nyj opyt Rossii, Belorussii i Kyrgyzstana) // Vestnik Alikhan Bokeikhan University. No. 1 (64). P. 17–24. DOI: 10.48501/4492.2025.78.98.003 (In Russian).

5 Kenzhetaeva A.K. (2025) K voprosu obespechenija prav trudjashhihsja-migrantov v Kazahstane // Colloquium-journal. No. 49(242). P. 99–106. DOI: 10.5281/zenodo.15395250 (In Russian).

6 Mussina S.T., Khusainova Zh.S., Vechkinzova Y.A. (2020) Migration processes in Kazakhstan: Trends, specifics, factors // Bulletin of the Karaganda University. Economy Series. No. 4(100). P. 53–67. DOI: 10.31489/2020Ec4/53-67 (In English).

7 Khamzin A.Sh., Khamzina Zh.A., Aldabergenova N.A., Koshpenbetov B.M., Buribayev Y.A. (2023) Labor Migration: A View from Kazakhstan // Journal of Educational and Social Research. Vol. 13. No. 4. P. 84–93. DOI: https://doi.org/10.36941/jesr-2023-0092 (In English).

8 Aktual'nye problemy zashhity social'no-jekonomicheskih, trudovyh, grazhdanskih i kul'turnyh prav grazhdan i inyh lic v sfere protivodejstvija torgovle ljud'mi v Respublike Kazahstan: special'nyj doklad. 2021. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/article/details/50826?lan (data obrashhenija: 04.05.2025). (In Russian).

9 Mezhdunarodnaja federacija po pravam cheloveka (FIDH). Trudovye migranty v Kazahstane: bez statusa i prav. Parizh: FIDH, sentjabr' 2016. 60 p. (In Russian).

10 Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 nojabrja 2022 goda No. 961 «Ob utverzhdenii Koncepcii migracionnoj politiki Respubliki Kazahstan na 2023–2027 gody». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961 (data obrashhenija: 12.08.2025). (In Russian).

11 Zakon Respubliki Kazahstan ot 22 ijulja 2011 goda No. 477-IV «O migracii naselenija». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477 (data obrashhenija: 18.08.2025). (In Russian).

МОЛДАХМЕТОВА Ж.Е.,*[1]
з.ғ.м., аға оқытушы.
*e-mail: moldaxmetova_Zh@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7024-5498
САТБАЕВА А.М.,[2]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: sathaeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4240-3874
БЕЙСЕНБАЕВА М.Т.,[3]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8922-3160
РАХМЕТОВА Г.Р.,[4]
з.ғ.к.
e-mail: rahmet-1976@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3508-506X
[1]Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Q University,
Алматы қ., Қазақстан
[3]Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[4]М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті,
Шымкент қ., Қазақстан

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МИГРАНТТАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ЖӘНЕ ЕҢБЕК ҚҰҚЫҚТАРЫ: МӘРТЕБЕСІ, МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ДАМУ БОЛАШАҒЫ

Аңдатпа

Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы мигранттардың әлеуметтік және еңбек құқықтарының қазіргі жағдайы Орталық Азиядағы көші-қон ағындары мен интеграциялық процестердің өсуі жағдайында қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – құқықтық базаны талдау, бар проблемаларды анықтау және мемлекеттік көші-қон саясатын жетілдіру бағыттарын анықтау. Жұмыстың ғылыми жаңалығы оның халықаралық стандарттар мен ұлттық заңнаманың өзара байланысын жан-жақты бағалауында, сонымен қатар еңбекші-мигранттардың құқықтарын қорғаудың практикалық тетіктеріне баса назар аударуында. Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы құқықтық және жүйелік талдау, заңнамалық актілерді, халықаралық шарттарды, статистикалық мәліметтерді, үкіметтік емес ұйымдардың материалдарын зерделеу құрайды. Нәтижесінде негізгі проблемалар анықталды: жетілмеген квота жүйесі, бейресми жұмыспен қамту, мигранттардың денсаулық сақтау және білім беру қызметтеріне қолжетімділігінің шектелуі, мемлекеттік бақылау мен интеграциялық шаралардың жеткіліксіздігі. Бірқатар халықаралық конвенцияларға қосылу, заңдастыру рәсімдерін жеңілдету, еңбек инспекциясын күшейту, әлеуметтік интеграциялық бағдарламаларды әзірлеу қажеттігі туралы қорытынды жасалды. Зерттеу мигранттардың құқықтарын қорғау тиімділігін арттыру және ұлттық нормаларды халықаралық стандарттармен үйлестіру бойынша практикалық ұсыныстар беру арқылы заң ғылымы мен көші-қон саясатының дамуына ықпал етеді.

Тірек сөздер: көші-қон, әлеуметтік және еңбек құқықтары, халықаралық конвенциялар, еңбек миграциясы, құқықтық реттеу, интеграция.

MOLDAKHMETOVA Zh.E,*[1]
m.l.s., senior lecturer.
*e-mail: moldaxmetova_Zh@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7024-5498
SATBAYEVA A.M.,[2]
c.l.s.., associate professor.
e-mail: sathaeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4240-3874
BEISENBAYEVA M.T.,[3]
c.l.s., associate professor.
e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8922-3160
RAKHMETOVA G.R.,[4]
c.l.s.
e-mail: rahmet-1976@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3508-506X
[1]Kazakh National Pedagogical
University named after Abai,
Almaty, Kazakhstan
[2]Q University,
Almaty, Kazakhstan
[3]Kazakh National Agrarian Research University,
Almaty, Kazakhstan
[4]M. Auezov South Kazakhstan University,
Shymkent, Kazakhstan

SOCIAL AND LABOR RIGHTS OF MIGRANTS IN KAZAKHSTAN: STATUS, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Abstract

The article examines the current state of social and labor rights of migrants in the Republic of Kazakhstan in the context of the growth of migration flows and integration processes in Central Asia. The purpose of the study is to analyze the regulatory framework, identify existing problems and identify areas for improving state migration policy. The scientific novelty of the work consists in a comprehensive assessment of the relationship between international standards and national legislation, as well as in an emphasis on practical mechanisms for protecting the rights of migrant workers. The methodological basis of the study was a comparative legal and systematic analysis, the study of legislative acts, international treaties, statistical data and materials of non-governmental organizations. As a result, key problems were identified: imperfection of the quota system, prevalence of informal employment, limited access of migrants to medical and educational services, insufficient level of state control and integration measures. It is concluded that it is necessary to adhere to a number of international conventions, simplify legalization procedures, strengthen labor inspection and develop social integration programs. The study contributes to the development of legal science and migration policy by offering practical recommendations for improving the protection of migrants' rights and harmonizing national norms with international standards.

Keywords: migration, social and labor rights, international conventions, labor migration, legal regulation, integration.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.10.2025

2 CIVIL LAW, CIVIL PROCESS
АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ, АЗАМАТТЫҚ ҮРДІС
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

МРНТИ 10
УДК 347
JEL K10

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-108-119

АЛЛАЯРОВА Н.И.,*[1]
PhD, аға оқытушы.
*e-mail: allayarova.nargiza@bk.ru
ORCID ID: 0009-0004-0140-3415
ОРЫНТАЕВ Ж.К.,[1]
з.ғ.к., профессор.
e-mail: zhambul1971@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7094-2720
ҚАСЫМБЕК Ә.О.,[2]
PhD, қауымдастырылған профессор.
e-mail: aliyakas@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7169-874X
[1]М. Әуезов атындағы
Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті,
Шымкент қ. Қазақстан
[2]Қожа Ахмет Ясауи атындағы
Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ., Қазақстан

БИЗНЕСТІҢ ҚАТЫСУЫМЕН ШАРТТЫҚ ҚАТЫНАСТАРДА ЭЛЕКТРОНДЫҚ ТӨЛЕМДІ ПАЙДАЛАНУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚҰРАЛДАРЫ

Аңдатпа

Осы ғылыми мақалада бизнестің қатысуымен келісімшарттық қатынастарда электрондық төлемді пайдаланудың құқықтық құралдары қаралды. XXI ғасырдың басында экономикалық қатынастардың жаһандану процестерінің басталуы және ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың даму деңгейі адамдарға қолма-қол ақшасыз төлем операцияларын жетілдіру идеясын жүзеге асыруға мүмкіндік берді. Бұл процесс банктердің менеджерлері мен кассалары алдында ұзын-сонар кезектерді болдырмай, төлем тапсырмалары мен төлем талаптарының бірнеше бума нұсқаларын рәсімдеусіз жүзеге асады. Қолма-қол ақшасыз төлемдерге цифрлық арналар арқылы қаражат аудару, банк карталары бойынша төлем жасау, онлайн-банкинг, мобильді қосымшалар, электрондық әмияндар және басқа да әдістер жатады. Электрондық төлемдер тауарлар мен қызметтерді қашықтықтан тез және ыңғайлы төлеуге мүмкіндік береді. Жаңа ғылыми тәсіл негізінде электрондық төлем құралдарын аудару туралы шарт атаусыз шарттың азаматтық-құқықтық белгілеріне ие деген көзқарас қалыптастырылған. Айта кету керек, шарттың бұл түрі азаматтық заңнамада бекітілмеген. Кәсіпкерлік айналымның елеулі көрсеткіштері электрондық коммерция үшін құқықтық жағдайларды қамтамасыз ету болып табылатын электрондық коммерция туралы жеке заңды қабылдау үшін негіз болады: электрондық

коммерцияны жүзеге асыратын тұлғалардың құқықтары мен міндеттерін бекіту; өз қолының аналогтары қол қойған электрондық құжаттарды пайдалана отырып мәмілелер жасау қағидаларын айқындау; төлемді жүзеге асырудың егжей-тегжейлі тәртібін белгілеу; сондай-ақ электрондық құжаттарды сот дәлелдемелері ретінде тану.

Тірек сөздер: ақпараттық технологиялар, мәміле, электрондық коммерция, шарт, эмитент, электрондық төлем, төлем құралдары.

Кіріспе

XXI ғасырдың басында экономикалық қатынастардың жаһандану процестерінің басталуы және ақпараттық коммуникациялық технологиялардың даму деңгейі адамдарға төлем тапсырмаларының, төлем талаптарының және тағы басқа бірнеше даналарын қағаз тасығыштарда ресімдемей, менеджерлер мен банк мекемелері кассаларындағы адамдардың көптеген кезектерін қоспағанда, қолма-қол ақшасыз төлем операцияларын жақсарту туралы идеяны жүзеге асыруға мүмкіндік берді. Қолма-қол ақшаны пайдаланбай цифрлық арналар арқылы жасалатын қаражатты қолма-қол ақшасыз аудару банк картасымен төлеу, онлайн-банкинг, мобильді қосымшалар, электрондық әмияндар және тағы басқа сияқты түрлі әдістерді қамтиды. Электрондық төлемдер тауарлар мен қызметтер үшін қашықтықтан жедел және ыңғайлы есеп айырысу мүмкіндігін қамтамасыз етеді. Банк картасы немесе төлеушіге төлем жүргізуге, сондай-ақ төлеуші мен электрондық төлем құралын шығарушы (эмитент) арасындағы шарт шеңберінде өзге де операцияларды орындауға мүмкіндік беретін өзге де электрондық құрал – кәсіпкерлік сипаттағы шарттық қатынастарда қолданылатын «электрондық төлем» ұғымының құқықтық үлгісі болып табылады. Қазіргі уақытта бизнестің қатысуымен шарттық қатынастарда электрондық төлемді пайдалану құралдарын неғұрлым егжей-тегжейлі құқықтық реттеу қажеттілігі бар екенін атап өткен жөн.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу процесінде формальды логика әдісі, талдау және синтез, индукция және дедукция, салыстырмалы-құқықтық әдіс, формальды-заңдық әдіс, заң мен құқықты түсіндіру, статистикалық деректерді талдау және ғылыми танымның өзге де әдістері пайдаланылды.

Нәтижелер мен талқылау

Электрондық коммерцияның маңызды шарттарының бірі төлем ортасы болып табылады. Сауда және төлем құралдарын дамыту мен ықпалдастырудың жоғары деңгейі желілік экономикаға қатысушылардың бәсекеге қабілеттілігін айқындайды.

Мәселен, цифрлық төлемдер сегментіндегі транзакциялардың жалпы құны 6,75 трлн АҚШ долларын 2021 ж. құрады. Мәмілелердің жалпы құны 12,24% мөлшерінде жылдық өсу қарқынын (CAGR 2021–2025) көрсетеді деп күтілуде, бұл болжанған жалпы сомасы 10,7 трлн АҚШ долл. 2025 жылға қарай [1].

Коронавирус пандемиясы (COVID-19) кезінде цифрлық төлем арналары ең танымал балама болды.

Пандемия кезеңі цифрлық төлемдер нарығының қарқынды өсуіне серпін берді. Өзекті болжамдарға сәйкес, 2023 жылға қарай цифрлық төлемдер саны шамамен 420 млрд транзакцияны құрап, олардың жалпы сомасы 7 трлн АҚШ долларына жетеді. Қазіргі таңда бұрын қолма-қол түрде жүзеге асырылып келген ақша айналымы банк карталары мен цифрлық төлем жүйелері арқылы жүргізілуде. Сарапшылардың бағалауынша, 2030 жылға қарай бұл көрсеткіш сегіз есеге артады [2].

Сондықтан, бүгінгі күні коммерциялық қызметті қолайлы цифрлық төлем инфрақұрылымын қолданбай жүзеге асыру мүмкін емес. Бұл процестердің барлығы электрондық коммерцияда төлем құралдарын заңнамалық қамтамасыз ету стратегиялық маңызды міндет болып табылатынын куәландырады.

Қазіргі уақытта кәсіпкерлік қызметтің өзге саласы сияқты электрондық коммерция саласында да төлем құралдарының кең ауқымы қолданылады. Есеп айырысу тәсілдері қолма-қол

төлемнен бастап, заманауи байланыссыз төлем түрлеріне дейін, сондай-ақ криптовалюта сияқты балама құралдарды пайдалану арқылы жүзеге асырылады.

2024 ж. ішкі нарықтағы электрондық коммерцияның үлесі (маркетплейстерді қоса алғанда) бөлшек сауда көлемінің жалпы құрылымында 14,1%-ды құрады. Электрондық коммерция нарығының жалпы көлемі 3 156,4 млрд теңгені құрап, оның ішінде маркетплейстер арқылы жүзеге асырылған бөлшек сауда айналымы 2 679,8 млрд теңгеге жетті (84,9%), ал тауарларды өз интернет-ресурстары арқылы өткізетін бөлшек сауда кәсіпорындарының үлесі 476,5 млрд теңгені (15,1%) құрады. 2024 ж. маркетплейстер арқылы бөлшек саудада өткізілген тауарлар құрылымында ең жоғары үлесті келесі санаттар иеленді: телефондар мен гаджеттер – 27,4%, тұрмыстық техника – 13,3%, киім, аяқ киім және спорт тауарлары – 10,3%, компьютерлер, ноутбуктер, бағдарламалық қамтамасыз ету және компьютерлік техника – 5,7%. Сол жылы маркетплейстер арқылы көрсетілген қызметтердің құрылымында ең үлкен үлес жүк тасымалдау қызметтеріне – 29,5%, жолаушыларды тасымалдау қызметтеріне – 29,4%, сондай-ақ көлікке орындарды брондау қызметтеріне – 25% тиесілі болды. Ал маркетплейстердегі бөлшек саудадағы тауарлар үшін орташа чек 2024 ж. – 17 572 теңгені, көрсетілген қызметтер үшін – 3 274 теңгені құрады.

Бөлшек саудада өз Интернет-ресурсы арқылы сату бойынша ең көп үлес косметикаға, парфюмерияға (22,4%), тұрмыстық техникаға (13,4%), дәріханаларға (11,8%), телефондар мен гаджеттерге (10,1%), зергерлік бұйымдарға (8,7%) және тамақ өнімдеріне (8,3%) тиесілі болды. Көрсетілген қызметтердің ішінде электрондық коммерцияның ең көп үлесі – билеттер мен көлікке орындарды брондау қызметтеріне – 30,5%, жолаушыларды тасымалдау қызметтеріне - 23,9%, басқа топтамаларға кірмейтін өзге де қызметтерге – 18,6% тиесілі

Бөлшек тауарлар үшін өз Интернет-ресурсы арқылы сатудың орташа чегі 39 179 теңгені, көрсетілген қызметтер үшін – 15 243 теңгені құрады [3].

Кәсіпкерлік айналымның елеулі көрсеткіштері электрондық коммерция үшін құқықтық жағдайларды қамтамасыз ету болып табылатын электрондық коммерция туралы жеке заңды қабылдау үшін негіз болады: электрондық коммерцияны жүзеге асыратын тұлғалардың құқықтары мен міндеттерін бекіту; өз қолының аналогтары қол қойған электрондық құжаттарды пайдалана отырып мәмілелер жасау қағидаларын айқындау; төлемді жүзеге асырудың егжей-тегжейлі тәртібін белгілеу; сондай-ақ электрондық құжаттарды сот дәлелдемелері ретінде тану.

Виртуалды кеңістіктегі сауда айналымының ұлғаюымен онлайн мәмілелерді жүзеге асыруға байланысты даулы мәселелердің саны да өсетінін атап өту қажет.

Мысалы, Ресей Федерациясы Жоғарғы Сотының 2023 жылғы 5 желтоқсандағы қараған ісінде (РФ Жоғарғы Сотының 05.12.2023 ж. № 82-КГ23-5-К7 (2-4923/2022) ұйғарымы бойынша), 2022 жылдың басында сатып алушы DNS дүкенінің интернет-сайтынан электроника сатып алмақ болған. Алайда сатушы техникалық ақаулықты негізге ала отырып, тапсырысты орындаудан бас тартқан. Оның айтуынша, тапсырыс ресімделген кезде интернет-сайтта көрсетілген баға тауардың нақты құнына сәйкес келмеген.

DNS ісін барлық инстанциядағы соттар қарады. Бірінші сатыдағы сот сатып алушының талабын қанағаттандырды, алайда апелляциялық және кассациялық сатыдағы соттар сатушыны қолдады. Апелляциялық және кассациялық сатылардағы соттардың дәлелдері мыналарға келіп түсті:

- тауар бағасы келісілмегендіктен шарт жасалмаған;
- сатушы сатып алушының наразылығына берілген жауаптарда, қызметтік тексеру жүргізу туралы бұйрықтарда, тапсырыстардың күшін жоюда, сатып алушыға ақшалай қаражатты қайтаруда бағаның келіспейтінін растады;
- сатушыны сату ережелерінің талаптары бойынша сатып алушы смс және/немесе электрондық пошта арқылы хабарлама алғаннан кейін тапсырыс расталды деп есептеледі, сондықтан мұндай хабарламаның болмауы шарттың жасалмағанын куәландырады;
- 2023 жылғы 5 желтоқсанда Ресей Федерациясының Жоғарғы соты апелляциялық және кассациялық сатылардағы соттардың шешімдерін жойып, істі төмендегілерді ескере отырып қайта қарауға жіберді;
- Интернет-сайтта орналастырылған және белгісіз тұлғалар тобына бағытталған тауарларды сату туралы ұсыныста тауар мен баға туралы ақпарат (шарттың елеулі талаптары) қамтылған, бұл сатушы үшін міндетті жария оферта болып табылады;

◆ техникалық ақаулықтарға қарамастан, сатушы сайттағы ашық офертада көрсетілген бағаларды қалыптастырған және сатып алушы осы офертаны қабылдау арқылы келісімге келген;

◆ Интернет-дүкенде шарттың жасалған уақыты ретінде тапсырыс нөмірімен ресімделген тапсырыс беру сәті қабылданады, ал баға шарт жасалған кезде анықталады;

◆ тапсырысты ресімдеу кезінде сатушы көрсеткен бағаны біржақты тәртіппен өзгертуге құқығы жоқ.

Осы ұйғарым арқылы Ресей Федерациясы Жоғарғы Соты осындай сипаттағы дауларды қарау кезінде ұстанатын құқықтық позициясын нақтылады. Бұған дейін де Жоғарғы Сот осындай ұқсас істерде өз ұстанымын білдірген болатын (мысалы, «ЦУМ» сауда үйі – РФ Жоғарғы Сотының 2023 жылғы 6 маусымдағы № 16-КГ23-6-К4 (2-4850/2021) ісі бойынша ұйғарымы, «Сеть Связной» – РФ Жоғарғы Сотының 2023 жылғы 4 сәуірдегі № 49-КГ22-28-К6 (2-4707/2021) ісі бойынша ұйғарымы). Аталған ұйғарымдарға сәйкес, сатушы техникалық ақаулар болған жағдайдың өзінде де интернет желісі арқылы жасалған бөлшек сатып алу-сату шартын біржақты тәртіппен бұзуға құқылы емес [4].

Қазіргі уақытта сот практикасы техникалық іркіліс жағдайында шарттар жасасу тәуекелдерін сатушыға ауыстыруға бейім. Соттар қисынының заңдылығына қарамастан, осы контекстегі маңызды мәселелердің бірі сатып алушылардың адалдығын немесе олардың әрекеттерінде құқықтарды теріс пайдалану белгілерін анықтау болып табылады.

Мәселен, 2022 жылдың көктеміндегі ауқымды іркіліске байланысты «Тинькофф» дауларында компания жағдайды пайдаланған клиенттердің жосықсыздығын дәлелдей алатынын көріп отырмыз (мысалы, жалпы юрисдикциядағы 1 кассациялық соттың 2023 жылғы 28 маусымдағы № 88-17984/2023 іс бойынша ұйғарымы) [4].

ҚР-да тауарларды онлайн сатып алу-сату кезінде туындайтын дауларды қарау кезінде шарттық міндеттемелерді орындамау немесе тиісінше орындамау проблемасы байқалады.

Мысалы, Павлодар облыстық сотының азаматтық істер жөніндегі сот алқасы жеке кәсіпкерден (ЖК) негізсіз баю сомасын өндіріп алу туралы азаматтың талап-арызы бойынша істі қарады. Облыстық соттың мәліметінше, 2023 жылдың қазан айында азамат қайық моторын сатып алу мақсатында «Kaspi.kz» мобильді қосымшасы арқылы әрқайсысы 650 мың теңгеден екі тұтынушылық несие рәсімдеген. Жалпы 1,3 млн теңге сома сатушының QR-коды арқылы төленгенімен, сатып алушы тапсырыс берген тауарды ала алмаған.

Осы жағдайға байланысты азамат жеке кәсіпкерден төленген соманы өндіруді талап етіп, сотқа жүгінді. Істі қараған бірінші сатыдағы сот талапкердің талаптарын толық көлемде қанағаттандырып, жеке кәсіпкерден 1,3 млн теңгені өндіріп алу туралы шешім қабылдады.

Апелляциялық шағымында жеке кәсіпкер өзінің интернет-дүкенін алаяқтық әрекеттер жасаған басқа тұлғаға «Kaspi.kz» жалға бергенін, заңсыз баюға ниет білдірмегенін айтып, бірінші сатыдағы сот шешімінің күшін жоюды өтінді.

ҚР Азаматтық кодексіне сәйкес сатушы тауарды сатып алушыға беруге міндетті, ал міндеттемелерін орындамаған жағдайда сатып алушы алдын ала төлем сомасын қайтаруды талап етуге құқылы. Сатып алу-сату шартын жасасу және ол бойынша міндеттемелерді орындамау фактісін жауапкер мойындады. Сот жауапкердің интернет-дүкенді басқа тұлғаға жалға беру туралы және басқа тұлғаның заңсыз әрекеттері туралы дәлелдерін талапкердің алдындағы міндеттемелерден босату үшін жеткіліксіз деп тапты.

Сот алқасы бірінші сатыдағы соттың шешімін өзгеріссіз қалдырды, ал жауапкердің апелляциялық шағымын қанағаттандырусыз қалдырды. Қаулы заңды күшіне енді [5].

Петропавл қаласының прокуратурасына облыс орталығының бір тұрғыны жүгінді, ол интернет-сайттардың бірінде 50% жеңілдікпен әдемі орамалдар сату жарнамасын көріп, тапсырыс рәсімдеді, бірақ төленген сәлемдемені ашқаннан кейін тауардың жарнамалық сипаттамаға мүлдем сәйкес келмейтінін анықтады. Аталған өтінішті Тұтынушылардың құқықтарын қорғау саласындағы уәкілетті органның, атап айтқанда ҚР Сауда және интеграция министрлігінің аумақтық бөлімшесі болып табылатын Солтүстік Қазақстан облысы Тұтынушылардың құқықтарын қорғау департаменті қарады.

«Өтінішті қарау шеңберінде интернет-сайт мұқият зерделеніп, сатудың аяқталу күні күн сайын түзетілетіні атап өтілді. Бұл «жарнамалық трюктердің» бірі, ол сатып алушыны тек бүгін

ғана тапсырыс беруге тиіс екендігіне және ертең оның бұл тауарды арзандатылған бағамен сатып алуға мүмкіндігі болмайтынына сендіру үшін өткізіледі.

Бұл интернет-сайтта тапсырысты тек байланыс деректерін енгізу арқылы рәсімдеуге болады, кейін сатушының менеджері тапсырыс берушімен хабарласып, тауарды жарнамалайды және тұтынушыны оны сатып алуға көндіреді. Тапсырыс үстеме бағамен пошта арқылы жіберіледі. Алайда тұтынушы тапсырысты алғаннан және төлем жасағаннан кейін тауардың сапасы төмен екенін әрі жарнамалық сипаттамаға сәйкес келмейтінін анықтайды.

Пошталық жапсырмада көрсетілген сатушының телефон нөмірлері қолжетімсіз, нақты орналасқан жері белгісіз, сатушы туралы толыққанды ақпарат жоқ. Мұндай жағдайда тұтынушы үшін тауарды қайтару күрделі мәселеге айналады.

Назар аударатын жайт – интернет-дүкен сенімді көрінуі үшін сатушы Петропавл қаласында тіркелген ЖШС-нің бірінің деректемелерін пайдаланған. Алайда тексеріс барысында бұл ЖШС-нің аталған тауарларды сатуға ешқандай қатысы жоқ екені анықталып, сатушы оның деректемелерін заңсыз пайдаланғаны белгілі болды.

Ұзақ іздестіру нәтижесінде департамент қызметкерлері курьерлік қызмет өкілімен байланысу мүмкіндігі пайда болды.

Нәтижесінде департамент қызметкерлерімен қолданыстағы заңнама нормалары түсіндіріліп, сатушыға тұтынушының бұзылған құқықтарын қалпына келтіру бойынша шаралар қабылдау ұсынылды. Қазіргі уақытта сатушы 31 мың теңге көлеміндегі ақшалай қаражатты қайтаруды жүзеге асырды» [6].

Бірақ мұндай жағымсыз жағдайлар тұтынушыны белгілі электрондық сауда алаңдарында да күтуі мүмкін.

«2022 жылғы тамыздың соңында Солтүстік Қазақстан облысы Тұтынушылардың құқықтарын қорғау департаментіне Х. азаматынан өтініш келіп түсті, ол кеңінен танымал электрондық сауда алаңының бірінде қымбат смартфон сатып алуға тапсырыс ресімдеді. Тауардың құнын төлеу банкпен несие беру шартын жасасу арқылы ресімделді. Тауарды жеткізуді курьерлік қызмет жүзеге асырды, ал тұтынушы сәлемдемені өз бетінше постомат ұяшығынан алды.

Әрі қарай Азамат Х. алынған сәлемдемені сезіп, қаптамадағы зат смартфон қорабына ұқсамайды деп болжам жасады. Осыған байланысты ол сәлемдеме қаптамасының ашылуына толық бейне түсірілім жасауды шешті. Қаптаманы алып тастағаннан кейін сатушы қымбат смартфонның орнына дөңгелек банкаға парафинді шырақ жібергені анықталды.

Департамент қызметкерлерінің көмегімен Call-орталыққа көптеген өтініштердің және жазбаша шағымды жолдаудың нәтижесінде электрондық сауда алаңының иесі тұтынушы мен банк арасында 535 мың теңге сомасына смартфон сатып алуға несие беру шартын бұзуға мүмкіндік алды. Айта кету керек, мәселені оң шешудегі шешуші аргумент тауардың қаптамасын ашатын бейнебаян деректері болды» [6].

Қазіргі уақытта Интернетте тауарларды сатып алу проблемаларды тудырмау үшін тұтынушылар мынадай ұсынымдарды ұстануы тиіс:

- тауар туралы ақпаратты, оның ішінде тауардың кепілдік мерзімі мен жарамдылық мерзімі туралы ақпаратты мұқият зерделеу қажет;
- сатушыдан сәйкестік сертификатын немесе сәйкестік туралы декларацияны, оның ішінде импорттық тауарларға да талап ету қажет;
- сатушыдан тауарды сатып алу фактісін растайтын құжатты талап ету қажет;
- сатып алуды жасау алдында сатушының беделі туралы, сондай-ақ ол өткізетін тауарлардың сапасы мен қауіпсіздігі туралы тұтынушылардың пікірлерімен танысу керек;
- сатушының байланыс деректері және тауарды айырбастау/қайтару шарттары туралы ақпарат ұсынылмаған күмәнді интернет-ресурстарда тауарға тапсырыс беруді жүзеге асырмау керек;
- тұтынушылар құқықтарының бұзылу фактісін дәлелдеу үшін фото және бейнетіркеу жүргізу қажет;
- ақшаны аудармау және өзінің құпия деректерін бейтаныс адамдарға жібермеу керек.

Бұл аспектілер А.А. Ситниктің [7], В.С. Белых, М.А. Егорованың [8], В.К. Шайдуллинаның [9] жұмыстарында көрініс тапты. Алайда, қазіргі уақытта қолданыстағы электрондық төр-

лем құралдарының ешқайсысы басым болып табылмайды және қандай да бір түрлері электрондық коммерцияның әртүрлі сегменттеріне тән.

Электрондық коммерцияның әртүрлі сегменттерінің мазмұны, құқықтық және экономикалық ерекшеліктері зерттелетін Г. Головенчик [10], Е.Н. Тимченко [11], А.Н. Захарова және Ю.А. Старованың [12] жұмыстарын зерттей отырып, B2C және C2C электрондық коммерцияның сегменттерінде кеңінен қолданылатын электрондық ақша деп аталатындығын байқауға болады басқа инновациялардың көпшілігі сияқты, тиісті заңнамалық қамтамасыз етуде қиындықтарға тап болды. Мұны Н.А. Попова мен Р.Н. Деникаева [13], Н.В. Федоренко, Н.В. Бартеньева [14] сияқты авторлар атап өтеді.

Қаралып отырған қарым-қатынастар ТМД елдерінің құқықтанушыларын зерделеу мәніне айналып келеді және соңғы бірнеше жылда жарияланымдарда әсіресе белсенді көтеріліп келеді.

Банктердің клиенттерге электрондық төлем құралдарын пайдалану мүмкіндігін беруіне, сондай-ақ банк қызметтері саласында, оның ішінде төлем сервистері жоспарында ақпараттық технологиялардың қарқынды дамуына қарамастан, бұл аспектілер құқықтық зерттеулер тұрғысынан аз зерттелген күйінде қалып отыр.

Әлемдік практика бизнес ортада төлемдер жасау үшін қажетті бірқатар шарттарды бөліп көрсетті, оларға мыналар жатады:

- құпиялылық - сатып алушының жеке деректерінің (карта деректемелері) осындай құқығы бар ұйымдарға ғана қолжетімділігі туралы сенімділігін қамтамасыз ету;
- ақпараттың тұтастығын сақтауды қамтамасыз ету – сатып алу-сату туралы транзакцияны өзгертпеу;
- аутентификация – сатушылар мен сатып алушылардың тараптар өздерін өздері білдіретіндей болып табылатындығына сенімділігін қамтамасыз ету;
- авторизация – сатып алушы қаражатының болуын, транзакциялар жүргізуді мақұлдайтын немесе қабылдамайтын төлем жүйесі жүзеге асыратын процесті анықтайды;
- сатушының тәуекелдерінің кепілдіктері – сатушының тәуекелдері сатып алушының тауардан бас тартуы мен жосықсыз әрекеттерімен байланысты болады; осы себепті олар провайдермен арнайы келісімдер арқылы реттеледі;
- транзакция үшін төлемді азайту – транзакция құнының азаюы, оған тапсырысты өңдеу және есеп айырысу үшін төлемақы кіреді (сатып алушы тауардан бас тартқан кезде де төленеді), бәсекеге қабілеттілікті арттырады.

Зерделеніп жатқан мәселе бойынша халықаралық құқықтық тәжірибені қарау орынды. G10 тобының халықаралық есеп айырысу банкінің төлем және есеп айырысу жүйелері жөніндегі комитеті 2001 жылғы қаңтарда «Жүйелік маңызы бар төлем жүйелері үшін түйінді қағидаттарды» әзірледі.

Аталған жүйе мынадай талаптарға сәйкес келуге тиіс: ұлттық заңнамаларда құқықтық базаның болуы; тәуекелдерді басқару рәсімінің болуы; күн ішінде ақша қаражатын есепке алу күні түпкілікті есеп айырысуды қамтамасыз ету; қатысушы төлем қабілетсіз болған жағдайда күндізгі есеп айырысуды уақтылы аяқтауды қамтамасыз ету; қауіпсіздіктің жоғары деңгейін және операциялық сенімділікті қамтамасыз ету; төлемдерді өңдеуді аяқтаудың резервтік тетіктерінің болуы.

Кәсіпкерлік қызметтің құқықтық сипатына, яғни Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің 384-бабының тұжырымдамасына сәйкес, шарттар өтеулі сипатқа ие, яғни, бір тарап өз міндеттерін орындағаны үшін төлемақы немесе өзге де қарсы ұсыным алуы тиіс. Бұл ретте мұндай шарттар бойынша төлем «Төлемдер және төлем жүйелері туралы» ҚР заңына сәйкес әртүрлі төлем құралдарымен жүргізілуі мүмкін.

Егер төлем құралдарын жіктеуге жүгінетін болса, онда электрондық коммерцияны дамытудың қазіргі кезеңіндегі электрондық төлем құралдарына жүргізілген талдау олардың кредиттік және дебеттік болып бөлінуі мүмкін екенін көрсетеді. Бұдан басқа, электрондық төлемдер де жасырын (транзакциялардың дәйектілігін анықтау мүмкін емес) және жасырын емес (банк немесе сатушы клиенттің дербес және банктік деректерін алады) болып бөлінеді.

Бизнес ортада төлемдердің түрлі түрлері арасында қолма-қол ақшасыз төлемдер неғұрлым кең тарады. Аталған институттың азаматтық-құқықтық ерекшелігін егжей-тегжейлі қарау маңызды болып табылады.

Usher P. пікірінше, қолма-қол ақшасыз есеп айырысулар қолма-қол ақшамен алмастырылады және соңғыларын ығыстырады [15].

Қолма-қол ақшасыз ақша («қолма-қол ақшасыз ақша қаражаты») ұғымын анықтау керек.

Заттарды дематериализациядандыру, заттай-құқықтық объектілік сипаттамалардың міндетті-құқықтық сипаттамалардың пайдасына әлсіреуі қолма-қол ақшасыз ақшаның пайда болуына әсер етті.

Р. Саватье бойынша қолма-қол ақшасыз ақша банк клиенттерінің бухгалтерлік табиғатқа жататын шоттарының жазбалары (қалдықтары) ретінде көрінеді [16].

Қолма-қол ақшасыз ақшаның құқықтық табиғаты заңгер ғалымдар арасында қызу пікірталас туғызады, ал цивилистер қолма-қол ақшасыз ақшаның құқықтық табиғаты бойынша бірнеше ұстаным әзірледі.

М.А. Коростелев екі концепцияны қалыптастырады: міндетті-құқықтық (талап ету құқығының санаты) және заттай-құқықтық (денесіз заттар санаты). Сондай-ақ банк пен клиент арасында меншік құқығын танымайтын, банк шотындағы ақша қаражаты бойынша бөлінген меншікті ұсынатын концепция бар. Ал басқа концепция қолма-қол ақшасыз ақшаның ерекше құқықтық режимін белгілейді, ол не заттық-құқықтық, не міндетті-құқықтық режимге кірмейді [17].

Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі өз кезегінде «ақша (валюта)» деген 127-бапта төлемдер қолма-қол және қолма-қол ақшасыз есеп айырысу түрінде жүзеге асырылатынын көздейді.

Осылайша, қолма-қол ақшасыз ақша қаражаты АК-нің 115-бабы аясында азаматтық құқық объектілері ретінде қолданылатын ақша категориясына жататыны туралы қорытынды жасауға болады.

В.А. Белов ақшаның тек қолма-қол ақшамен ғана бар екенін дәлелдейді және меншік құқығы объектісі түріндегі қолма-қол ақшаның бар екенін жоққа шығарады, өйткені қолма-қол ақшасыз ақша емес, есеп айырысу болып табылады. В.А. Белов «қолма-қол ақшасыз ақша» орнына шоттағы ақша сомасын талап ету құқығы түрінде әрекет ететін «банк шотында есепте тұрған ақша қаражатын» пайдаланады [18].

Қолма-қол ақшасыз ақша заттай-құқықтық тәсіл шартты түрде екі теорияға бөлінеді: 1. қолма-қол ақшасыз ақшаның заттай-құқықтық сипаты банктік шот шартынан туындайды; 2. қолма-қол ақшасыз ақша денесіз заттар ретінде көрінеді және оларға қатысты заттардың дәстүрлі режимі қолданылады.

Е.В. Богданов ұқсас жайды ұстанады және бөлінген меншік теориясын қолдануды ұсынады: клиент жоғарғы меншік иесі, ал банк – бағынышты болып табылады.

Аталған меншік құқығының моделі шот жүргізу туралы банктік шот шартынан туындайтын клиент пен банк арасындағы міндеттемелік қатынастарды жоққа шығармайды [17].

Кейбір ғалымдар қолма-қол ақшасыз ақшаны меншік құқығы объектісі деп тану мүмкін еместігін, олар ақшаны есепке алу және оның қозғалысы бойынша банктік қатынастарда меншік құқығының жоғалғанын атап өтеді.

Осылайша, бүгінде қолма-қол ақшасыз есеп айырысу саласында ақпараттық технологиялар қарқынды дамуда.

Ю.В. Крутин атап өткендей, банк карталарының қатысуымен электрондық төлемдерді жүргізуге мынадай субъектілер қатысады: сатып алушы, эмитент банк, сатушылар (тауарлар мен қызметтер көрсетілетін, тапсырыс қабылдау жүзеге асырылатын электрондық дүкендер) [19], сатушыларға қызмет көрсететін эквайер банктер; қалған қатысушылар арасында делдал болатын электрондық төлем жүйесі; сондай-ақ төлем құралы ретінде карталарды немесе чектерді қолдануға мүмкіндік беретін дәстүрлі төлем жүйесі.

Тұтыну нарығы саласындағы төлем провайдерлерінің табысы сауда ортасына төлем коммерциясын жан-жақты енгізуге негізделген. Тұтынушыларда тауардың сипаттамаға немесе бүлінуге сәйкессіздігі бойынша ешқандай қауіп жоқ, себебі әрдайым ақшаны қайтарып алуға болады. Тұтынушылардың сатушыларға сенімі бірден төлеу мүмкіндігінің болуы есебінен артады.

Белгіленген төлем құралдарынан басқа электрондық коммерцияда электрондық чектер белгілі бір рөл атқарады.

Бұл операция алушы чекті банкте көрсеткеннен кейін жүзеге асырылады және оның екі айырмашылығы бар: 1. жазып берілген қағаз чек осы қолтаңбамен қол қойылады, ал ол онлайн чекте электрондық; 2. чектер электрондық түрде беріледі.

Электрондық чектермен есеп айырысуға екі тәуелсіз тарап тартылады: эмитент (төлем жүйесін басқарады, шоттардағы ақша түрінде электрондық бірліктерді шығарады); және пайдаланушы (электрондық бірліктерді қолдана отырып, электрондық жүйеде төлемдер жүргізеді және қабылдайды) [19].

Алайда көрсетілген механизм негізінен Солтүстік Америка аймағында ғана қолдана бастады және әлемде кеңінен таралмаған.

Осылайша, электрондық төлемдердің белгілі бір артықшылықтарын бөліп көрсетуге мүмкіндік береді, мысалы:

- жоғары айналым қабілеті. Төлемдер электрондық құжаттарды жіберу арқылы жүзеге асырылады, заттар тікелей берілмейді, бұл түптеп келгенде төлем жылдамдығын арттырады;
- төлемдерді жүзеге асыру қауіпсіздігінің жоғары деңгейіне қандай да бір «сыртқы» факторлармен байланыстың болмауы есебінен қол жеткізіледі, ал төлем тетіктері біртекті және жаңа криптография құралдарымен қорғалады.

Төлеуші электрондық төлемдердің кейбір түрлерін жасырын түрде жүзеге асыра алады, сатушының сатып алушының жеке басын немесе жеке деректерін анықтау мүмкіндігі жоқ, төлем жүйесі өз клиенттерінің транзакциясын қадағалай алмайды, бұл, мысалы, дүкен тарапынан тітіркендіргіш сервистен, сондай-ақ төлемді «бұзудан» қорғайды.

Банк мекемелерінің және төлем жүйелерінің әлемдік нарықтарда шетелдік валюталарды пайдалана отырып, мемлекет аумағында мәмілелерді онлайн өңдеуі тиімді коммерциялық қызметтің кепілі болып табылады. Бұл салада бүгінде электрондық коммерцияда төлем жүйелері мен құралдарының ілгерілеуі жүріп жатыр [20].

Бірқатар зерттеулерде атап өтілгендей [19], сатып алушыға қолжетімді кез келген төлем құралдарымен төлеу мүмкіндігін сақтау маңызды.

Зерделенетін контексте қолма-қол ақшасыз ақша қаражаты классикалық экономикалық функцияларды қамтитын мүліктің ерекше түріне жататынын атап өту маңызды: құн мөлшері, айналыс құралдары; төлем қаражаты; жинақтау құралдары (электрондық ақша қаражатын қоспағанда).

Электрондық ақша қаражаты институтының іргетасы заттық құқықтық қатынастар болып табылады, онда ақша қаражатының меншік иесі (олардың нысанына қарамастан) оларды электрондық нысанға ауыстыруға, одан кейін заңнамада белгіленген төлем жүйесінде көзделген шектеулерді сақтай отырып, өз қалауы бойынша билік етуге ниеттенеді. Эмитенттің электрондық ақша қаражаты бойынша қызметі электрондық ақша қаражатына қатысты өз юрисдикциясын қолданатын тәсілдермен көрсетіледі. Электрондық ақша қаражаты олардың айналымға шығарылуы, атап айтқанда эмиссиялануы тиіс екендігін атап өту қажет.

Талдау электрондық ақша қаражаты цифрлық элементпен азаматтық-құқықтық қатынастардың маңызды мүліктік объектілерінің біріне жататынын және қолма-қол ақша қаражатынан ерекшеленетін міндетті құқықтық қатынастар элементтерімен талап ету құқығын білдіретінін көрсетеді. Осы ғылыми форматта электрондық ақша төлем құралдарын аударуды жүзеге асыру кезінде төлемдерді қайтаруға байланысты мүліктік құқықтық қатынастарға ерекше назар аудару қажет. Мұндай азаматтық-құқықтық міндеттеменің мазмұны банк картасы эмитентінің банк картасы иесінің өтініші бойынша эквайердің кредиттік ұйымы арқылы сауда қызметін жүзеге асыратын тиісті кәсіпкерлік субъектісінен бұрын жүзеге асырылған төлемді қайтаруды талап ету міндетінен көрінетінін атап өткен жөн. Сондай-ақ электрондық ақша қаражатына тән, оларды цифрлық азаматтық айналымда сипаттайтын ерекше және өзіндік қасиеттерді бөлуді жүзеге асыру қажет. Құқықтық реттеудің осы цифрлық объектісі өзінің сипаты бойынша эквайер банк (кредиттік ұйым) деп аталатын банк картасының эмитенті мен оның клиенті арасындағы кондикциялық, міндетті, азаматтық құқықтық қатынастарға жатады. Жаңа ғылыми тәсіл негізінде электрондық төлем құралдарын аудару туралы шарт атаусыз шарттың азаматтық-құқықтық белгілеріне ие деген көзқарас қалыптастырылған. Айта кету керек, шарттың бұл түрі азаматтық заңнамада бекітілмеген.

Қорытынды

Азаматтық доктриналық құқықтық режимде электрондық ақша – төлемнің жаңа қаржы құралы болып табылады. Ол электрондық тасымалдағышта сақталып, өзінің мүліктік және тұтынушылық құндылығына ие. Электрондық ақша өзінің экономикалық-құқықтық табиғаты бойынша цифрлық азаматтық айналымда дәстүрлі қолма-қол ақша бірлігі – теңге сияқты есептік төлем функциясын атқарады.

Электрондық ақша азаматтық айналымда нақты қалыптасатын және біртіндеп таралатын электрондық төлем құралдарының бірі болып табылады, оның өзіне тән сандық экономикалық-құқықтық қасиеттері мен белгілері бар. Есеп айырысу табиғаты бойынша төлем айналымында олар қолма-қол ақшаға айырбасталуы мүмкін. Бұл ретте маңызды факторлардың бірі – электрондық ақша теңге сияқты ұлттық валютада эмиссияланады және шектеусіз қолданылуы тиіс. Оларды электрондық және цифрлық жеткізгіштерде сақтау ерекшеліктеріне қарамастан, сақтау үшін пайыздар есептелмейді.

Электрондық ақшаны төлем құралы ретінде анықтаудағы тағы бір маңызды белгілердің бірі цифрлық мүліктік құндылықтарды, яғни электрондық цифрлық тасымалдағыштағы ақшаны осы ақшаның иелері алдын ала төлеуі тиіс. Нақ осы ақша иелері, соның ішінде кәсіпкерлік субъектілері, цифрлық төлем жүйесін пайдаланушылар цифрлық азаматтық айналымдағы электрондық ақша жүйесінің қатысушылары болып табылады. Осылайша, төлем цифрлық жүйесінің болуын пайдаланушылар, яғни бенефициардың құқықтық мәртебесіне ие субъектілер қамтамасыз етеді. Зерттеу нәтижесінде кәсіпкерлік қызмет субъектілерінің қатысуымен цифрлық есеп айырысу айналымында қолданылатын электрондық ақшаның өзге де электрондық төлем құралдарынан ерекшеліктері анықталды.

Жаңа ғылыми тәсіл негізінде электрондық төлем құралдарын аудару туралы шарт атаусыз шарттың азаматтық-құқықтық белгілеріне ие деген көзқарас қалыптастырылған. Айта кету керек, шарттың бұл түрі азаматтық заңнамада бекітілмеген.

Кәсіпкерлік айналымның елеулі көрсеткіштері электрондық коммерция үшін құқықтық жағдайларды қамтамасыз ету болып табылатын электрондық коммерция туралы жеке заңды қабылдау үшін негіз болады: электрондық коммерцияны жүзеге асыратын тұлғалардың құқықтары мен міндеттерін бекіту; өз қолының аналогтары қол қойған электрондық құжаттарды пайдалана отырып мәмілелер жасау қағидаларын айқындау; төлемді жүзеге асырудың егжей-тегжейлі тәртібін белгілеу; сондай-ақ электрондық құжаттарды сот дәлелдемелері ретінде тану.

ӘДЕБИЕТТЕР

1 E-commerce worldwide – statistics & facts. URL: https://www.statista.com/topics/871/online-shopping/#dossierKeyfigures

2 Sulabh A. Payments modernization: playing the long game. 2020, 17 Nov. URL: https://www.accenture.com/us-en/insights/banking/payments-modernization-playing-long-game

3 Об электронной коммерции в Республике Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/news/ob-elektronnoy-kommertsii-v-respublike-kazakhstan1/

4 Риски онлайн-продаж: технические сбои и права потребителей. URL: https://www.alrud.ru/publications/1363

5 Суд обязал ИП вернуть более миллиона тенге за непоставленный товар. URL: https://inbusiness.kz/ru/last/sud-obyazal-ip-vernut-bolee-milliona-tenge-za-nepostavlennyj-tovar

6 О покупках товаров в Интернете. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mti-kzpp/press/article/details/98227

7 Ситник А.А. Перспективы правового регулирования виртуальных (крипто-) валют: социально-правовое исследование // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 7(59). – С. 117–120.

8 Белых В.С. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2(54). – С. 139–146.

9 Шайдуллина В.К. Криптовалюта как новое экономико-правовое явление // Вестник ГУУ. – 2018. – № 2. – С. 137–142.

10 Головенчик Г. Сущность, классификация и особенности электронной коммерции // Наука и инновации. – 2020. – № 4(206). – С. 39–45.

11 Тимченко Е.Н. Международная электронная торговля: особенности регулирования розничного сектора // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 10. – С. 120–134.

12 Захаров А.Н. Обзор развития электронной торговли в мировой экономике: вызовы и последствия пандемии // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 12. – С. 18–32.

13 Попова Н.А. Правовое регулирование электронных денежных средств в России // Вестник науки и образования. – 2020. – № 6–2(84). – С. 12–14.

14 Федоренко Н.В. Электронные денежные средства. Правовое регулирование в Российской Федерации и Европейском союзе // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2016. – № 4(56). – С. 233–236.

15 Usher P. The Early History of Deposit Banking in Mediterranean Europe. Vol. 1. N.Y.: Russel and Russel, 1967. P. 9, 192.

16 Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк: Перевод с французского – М.: Издательство «Прогресс», 1972. – С. 261–262.

17 Коростелев М.А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве: дис. … на соискание ученой степени канд.юридич. наук. – М., 2015. – С. 55–65.

18 Белов В.А. Денежные обязательства. – М.: ЮрИнфоР, 2001. – С. 153, 156.

19 Крутин Ю.В. Электронная коммерция. – Екатеринбург, 2018. – С. 28–29.

20 Mann C.L., Eckert S.E., Knight S.C. Global Electronic Commerce: A Policy Primer. Washington: Institute for International Economics, 2000. P. 66.

REFERENCES

1 E-commerce worldwide – statistics & facts. URL: https://www.statista.com/topics/871/online-shopping/#dossierKeyfigures (In English).

2 Sulabh A. (2020, 17 Nov) Payments modernization: Playing the long game. URL: https://www.accenture.com/us-en/insights/banking/payments-modernization-playing-long-game (In English).

3 Ob elektronnoy kommertsii v Respublike Kazakhstan. URL: https://stat.gov.kz/ru/news/ob-elektronnoy-kommertsii-v-respublike-kazakhstan1/ (In Russian).

4 Riski onlayn prodazh: tekhnicheskiye sboi i prava potrebiteley. URL: https://www.alrud.ru/publications/1363 (In Russian).

5 Sud obyazal IP vernut' boleye milliona tenge za nepostavlennyy tovar. URL: https://inbusiness.kz/ru/last/sud-obyazal-ip-vernut-bolee-milliona-tenge-za-nepostavlennyj-tovar (In Russian).

6 O pokupkakh tovarov v internete. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mti-kzpp/press/article/details/98227 (In Russian).

7 Sitnik A.A. (2019) Perspektivy pravovogo regulirovaniya virtual'nykh (kripto-) valyut: sotsial'no-pravovoye issledovaniye. Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA). V. 7. No. 59. P. 117–120. (In Russian).

8 Belykh V.S. (2019) Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: novyye podkhody i pravovoye regulirovaniye. Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA). V. 2. No. 54. P. 139–146. (In Russian).

9 Shaydullina V.K. (2018) Kriptovalyuta kak novoye ekonomiko-pravovoye yavleniye. Vestnik GUU. No. 2. P. 137– 142. (In Russian).

10 Golovenchik G. (2020) Sushchnost', klassifikatsiya i osobennosti elektronnoy kommertsii. Nauka i innovatsii. V. 4. No. 206. P. 39–45. (In Russian).

11 Timchenko Ye.N. (2020) Mezhdunarodnaya elektronnaya torgovlya: osobennosti regulirovaniya roznichnogo sektora. Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik. No. 10. P. 120–134. (In Russian).

12 Zakharov A.N. (2020) Obzor razvitiya elektronnoy torgovli v mirovoy ekonomike: vyzovy i posledstviya pandemii. Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik. No. 12. P. 18– 32. (In Russian).

13 Popova N.A. (2020) Pravovoye regulirovaniye elektronnykh denezhnykh sredstv v Rossii. Vestnik nauki i obrazovaniya. No. 6–2(84). P. 12–14. (In Russian).

14 Fedorenko N.V. (2016) Elektronnyye denezhnyye sredstva. Pravovoye regulirovaniye v Rossiyskoy Federatsii i Yevropeyskom Soyuze. Vestnik RGEU RINKH. No. 4(56). P. 233–236. (In Russian).

15 Usher P. (1967) The Early History of Deposit Banking in Mediterranean Europe. Vol. 1. N.Y.: Russel and Russel. P. 9, 192. (In English).

16 Savat'e R. (1972) Teorija objazatel'stv. Juridicheskij i jekonomicheskij ocherk: Perevod s francuzskogo. M.: Izdatel'stvo «Progress». P. 261–262. (In Russian).

17 Korostelev M.A. (2015) Pravovoj rezhim jelektronnyh deneg v grazhdanskom zakonodatel'stve: dis. … na soiskanie uchenoj stepeni kand.juridich. nauk. M. P. 55–65. (In Russian).

18 Belov V.A. (2001) Denezhnye objazatel'stva. M.: JurInfoR. P. 153, 156. (In Russian).

19 Krutin Ju.V. (2018) Jelektronnaja kommercija. Ekaterinburg. P. 28–29. (In Russian).

20 Mann C.L., Eckert S.E., Knight S.C. (2000) Global Electronic Commerce: A Policy Primer. Washington: Institute for International Economics. P. 66. (In English).

АЛЛАЯРОВА Н.И.,*[1]
PhD, ст. преподаватель.
*e-mail: allayarova.nargiza@bk.ru
ORCID ID: 0009-0004-0140-3415
ОРЫНТАЕВ Ж.К.,[1]
к.ю.н., профессор.
e-mail: zhambul1971@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7094-2720
КАСЫМБЕК А.О.,[2]
PhD, ассоциированный профессор.
e-mail: aliyakas@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7169-874X
[1]Южно-Казахстанский
исследовательский университет им. М. Ауэзова,
г. Шымкент, Казахстан
[2]Международный казахско-турецкий
университет им. Ходжи Ахмета Ясауи,
г. Туркестан, Казахстан

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПЛАТЕЖА В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ БИЗНЕСА

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены правовые средства использования электронного платежа в договорных отношениях с участием бизнеса. В начале XXI века начавшиеся процессы глобализации экономических отношений и уровень развития информационных коммуникационных технологий дали людям возможность осуществить идею об улучшении операций безналичных денежных платежей, исключая многочисленные очереди людей у менеджеров и касс банковских учреждений, без оформления на бумажных носителях нескольких экземпляров платежных поручений, платежных требований и тому подобное. Безналичный перевод средств, совершаемый через цифровые каналы без использования наличных денег, включает в себя различные методы, такие как оплата банковской картой, онлайн-банкинг, мобильные приложения, электронные кошельки и так далее. Электронные платежи позволяют быстро и удобно оплачивать товары и услуги на расстоянии. На основе нового научного подхода сформулирована точка зрения о том, что договор о переводе электронных платежных средств обладает гражданско-правовыми признаками непоименованного договора. Следует отметить, что данный вид договора не закреплен в гражданском законодательстве. Существенные показатели предпринимательского оборота дают основание для принятия отдельного закона об электронной коммерции, который будет являться обеспечением правовых условий для электронной коммерции: закрепление прав и обязанностей лиц, осуществляющих электронную коммерцию; определение правил совершения сделок с использованием электронных документов, подписанных аналогами собственноручной подписи; установление подробного порядка осуществления платежа; также признание электронных документов в качестве судебных доказательств.

Ключевые слова: информационные технологии, сделка, электронная коммерция, договор, эмитент, электронный платеж, платежные инструменты.

ALLAYAROVA N.I.,*[1]
PhD, senior lecturer.
*e-mail: allayarova.nargiza@bk.ru
ORCID ID: 0009-0004-0140-3415
ORYNTAYEV ZH.K.,[1]
c.l.s., professor.
e-mail: zhambul1971@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7094-2720
KASSYMBEK A.O.,[2]
PhD, associate professor.
e-mail: aliyakas@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7169-874X
[1]M. Auvezov South Kazakhstan
Research University,
Shymkent, Kazakhstan
[2]International Kazakh-Turkish
University named after Khoja Ahmet Yasawi,
Turkestan, Kazakhstan

LEGAL MEANS OF USING ELECTRONIC PAYMENT IN CONTRACTUAL RELATIONSHIPS INVOLVING BUSINESS

Abstract

This article discusses the legal means of using electronic payment in contractual relations involving business. At the beginning of the 21st century, the processes of globalization of economic relations and the level of development of information and communication technologies gave people the opportunity to implement the idea of improving non-cash cash payment transactions, excluding numerous queues of people at managers and cash desks of banking institutions, without issuing several copies of payment orders, payment requests and so forth. Cashless transfer of funds made through digital channels without using cash includes various methods, such as payment by credit card, online banking, mobile applications, electronic wallets, and so on. Electronic payments allow you to quickly and conveniently pay for goods and services from a distance. On the basis of a new scientific approach, the point of view was formulated that the contract for the transfer of electronic means of payment has civil law features of an unnamed contract. It should be noted that this type of contract is not enshrined in civil law. Significant indicators of business turnover give grounds for adoption of a separate law on e-commerce, which will ensure the legal conditions for e-commerce: consolidation of rights and obligations of persons engaged in e-commerce; determination of rules for making transactions using electronic documents signed by analogues of a handwritten signature; establishing a detailed payment procedure; also recognition of electronic documents as forensic evidence.

Keywords: information technologies, transaction, e-commerce, contract, issuer, electronic payment, payment instruments.

Мақаланың редакцияға түскен күні: 20.10.2025

МРНТИ 10.15.55
УДК 347.72
JEL G34

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-120-133

АКИМБЕКОВА М.А.,[1]
PhD, ассоциированный профессор.
e-mail: mika13_86@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5295-2642
БАТАЕВА К.Б.,*[1]
специалист.
*e-mail: bataevakamilla314@gmail.com
ORCID ID: 0009-0009-3564-0511
ПАНОВА А.С.,[2]
д.ю.н., профессор.
e-mail: albina_2005@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-7243-2246
[1]Каспийский общественный университет,
г. Алматы, Казахстан
[2]Московский государственный
юридический университет им. Е.О. Кутафина,
г. Москва, Россия

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию правового регулирования реорганизации акционерного общества в форме присоединения в системе гражданского и корпоративного права Республики Казахстан. Актуальность темы обусловлена сложностью квалификации стадий и документов процедуры, необходимостью единообразного разграничения компетенции корпоративных органов и установления критериев универсального правопреемства в отношении активов, обязательств и корпоративных прав. Реорганизация акционерного общества в форме присоединения базируется на законодательной базе, включающей Гражданский кодекс РК, профильный закон и нормы о государственной регистрации юридических лиц. Основное внимание уделяется различиям между формами реорганизации и ключевым процедурным элементам присоединения. К ним относятся утверждение передаточного акта, процесс обмена/аннулирования акций, уведомление кредиторов и согласование с госорганами, а также их взаимодействие в правовом поле. Анализируются доктринальные подходы к правопреемству, пределам ответственности, срокам и доказательственным требованиям. Изучаются вопросы распределения рисков, момента завершения реорганизации и перехода прав на имущество, а также последствия нарушений процедурных сроков. Результатом являются обоснованные выводы и рекомендации, направленные на повышение правовой определенности, унификацию подходов и совершенствование процедур присоединения в коммерческом обороте Республики Казахстан.

Ключевые слова: акционерное общество, реорганизация, передаточный акт, договор о присоединении, антимонопольный орган, общее собрание акционеров, акции.

Введение

Реорганизация акционерного общества представляет собой важный правовой инструмент, направленный на изменение структуры и деятельности хозяйствующего субъекта без прекращения его обязательств перед третьими лицами. Данный процесс является неотъемлемой частью развития корпоративных отношений в условиях рыночной экономики, так как позволяет юридическим лицам адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды, повышать эффективность управления и оптимизировать хозяйственную деятельность.

В Республике Казахстан институт реорганизации акционерных обществ регулируется совокупностью норм гражданского и корпоративного законодательства. Реорганизация может быть обусловлена как стратегическими и экономическими целями, так и необходимостью соблюдения требований законодательства или интересов акционеров.

Актуальность исследования темы реорганизации акционерного общества обусловлена ее значением для правоприменительной практики, корпоративного управления и защиты прав участников общества. В современных условиях, когда наблюдается активное развитие корпоративного сектора и совершенствование правового регулирования, изучение правовых аспектов реорганизации приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Материалы и методы

В процессе исследования данной статьи был применен формально-юридический метод, который позволил провести детальный анализ норм гражданского законодательства, регулирующих порядок реорганизации акционерных обществ. Дополнительно использовался анализ практических примеров реализации процедур реорганизации, что обеспечило выявление ключевых особенностей и проблемных аспектов данного процесса.

Юридико-аналитический подход был использован для систематизации и обобщения доктринальных положений, а также нормативных моделей, регламентирующих правовую основу и процедуры осуществления реорганизационных мероприятий акционерных обществ.

Эмпирической основой для представленного исследования послужил комплекс источников, включающий в себя нормативно-правовые положения, действующие на территории Республики Казахстан, документальные свидетельства, фиксирующие практические случаи реорганизации акционерных обществ, а также академические труды и экспертные заключения, которые освещают многообразные грани и специфику исследуемой проблематики. В процессе исследования проведен анализ и обобщение трудов отечественных и зарубежных исследователей в области гражданского и корпоративного права, в частности А.В. Алферова, С.Н. Братуся, А.Г. Диденко, И.У. Жанайдарова, А.А. Кузнецова, О.А. Макаровой, Э.И. Прусс, М.К. Сулейменова, Н.В. Фомичевой, А.А. Цыганова, А.А. Шакарова, И.С. Шиткиной, Е.С. Юловой, что позволило обеспечить комплексность и всесторонность исследования. Использование и изучение указанных источников способствовало углубленному раскрытию исследуемой темы и формированию обоснованных выводов.

Результаты и обсуждение

Согласно п. 1 ст. 85 ГК РК, акционерным обществом признается юридическое лицо, выпускающее акции с целью привлечения средств для осуществления своей деятельности [1]. Регламентация процедуры реорганизации акционерного общества осуществляется Гражданским кодексом Республики Казахстан, а также детализируется в Законе РК «Об акционерных обществах», (далее по тексту – Закон).

Необходимо подчеркнуть, что в сфере юридических исследований институт реорганизации традиционно вызывает повышенный научный интерес. В частности, ученый-правовед А.Г. Диденко в своих работах указывает на то, что «реорганизация, как и ликвидация, являются формами прекращения юридического лица. Но в отличие от ликвидации, реорганизация влечет возникновение правопреемства, причем универсального, что означает, в отличие от частичного (сингулярного) правопреемства, переход всех прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица к его правопреемникам» [2, с. 145].

В свою очередь, А.А. Цыганов считает, что «реорганизация юридических лиц – это упорядочивание их активов, обязательств, собственного капитала и состава участников в моменты их создания или прекращения деятельности» [3].

Развивая данную позицию, С.Н. Братусь полагал, что «результат реорганизации обеспечивается заменой одного хозяйствующего субъекта другим или несколькими, преобразованием правосубъектности реорганизованного юридического лица при одновременном сохранении его деятельности и имущества, пусть даже в измененном виде» [4, с. 118].

Процесс реорганизации акционерного общества является одним из легальных методов трансформации его организационно-правового статуса. Эта процедура позволяет изменить структуру юридического лица, избегая при этом полной ликвидации его имущественного комплекса. В силу статьи 71 Закона реорганизация акционерного общества может осуществляться в следующих формах: слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование. Каждая из указанных форм имеет самостоятельное юридическое содержание, цели и правовые последствия.

Прежде всего слияние представляет собой один из видов корпоративной реорганизации, в ходе которого происходит прекращение функционирования двух или более существовавших акционерных обществ с последующим образованием взамен их совершенно новой организационно-правовой единицы. Этому вновь учрежденному юридическому лицу в полном объеме транслируются все права и обязательства, принадлежавшие каждому из реорганизуемых субъектов.

Согласно мнению А.А. Шакарова, слияние трактуется как «процесс учреждения нового юридического лица, получающего весь комплекс прав и обязанностей от двух или более предшествующих компаний, которые прекращают свою деятельность. Это означает, что права участия в организациях, проходящих реорганизацию через слияние, аннулируются, но их участники взамен приобретают права в новом, вновь созданном юридическом лице» [5].

При слиянии заключается договор о слиянии, утверждается передаточный акт и устав вновь создаваемого общества. Имущество, права и обязанности обществ, участвующих в слиянии, переходят к новому обществу в порядке универсального правопреемства.

Ключевая особенность этой формы реорганизации акционерного общества заключается в создании нового акционерного общества, что отличает ее от присоединения. Решение о слиянии принимается общими собраниями акционеров всех участвующих в реорганизации обществ квалифицированным большинством голосов. После государственной регистрации вновь созданное общество приобретает статус правопреемника, а участвующие в слиянии общества считаются прекратившими свою деятельность.

Следующая форма реорганизации – разделение, представляет собой форму реорганизации, при которой одно акционерное общество прекращает свою деятельность, а на его основе создаются два или более новых обществ. Вместе с тем совокупность обязательств и правомочий реорганизуемого акционерного общества автоматически закрепляется за каждой из вновь образованных структур соразмерно данным, отраженным в разделительном балансе.

Разделение осуществляется по решению общего собрания акционеров, утверждающего разделительный баланс, порядок распределения акций новых обществ между акционерами реорганизуемого общества и иные условия. Как и при других формах реорганизации, при разделении обязательным является уведомление кредиторов и публикация информации о реорганизации на казахском и русском языках. Кредиторы вправе предъявить свои требования в течение двух месяцев со дня получения уведомления.

Юридической процедурой завершения разделения является государственная регистрация вновь созданных акционерных обществ и внесение соответствующих записей в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров.

Выделение определяется как вариант реорганизационной процедуры, в результате реализации которой из структуры функционирующего акционерного общества учреждается одно или несколько новых юридических лиц. Важно отметить, что первоначальное общество при этом продолжает осуществлять свою деятельность, не прекращая ее.

В трудах А.В. Алферова подчеркивается следующее: «выделение – это процедура, направленная на создание юридического лица (юридических лиц), влекущая передачу части прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица новому юридическому лицу (юридическим лицам), без прекращения реорганизуемого юридического лица» [6].

В процессе выделения определенная доля активов, а также прав и обязательств исходного реорганизуемого общества передается вновь учреждаемым юридическим лицам. Основанием для такой передачи служит разделительный баланс. При этом акционеры первичной организации получают долю в виде акций во вновь образованных обществах, что регламентируется соответствующим решением общего собрания акционеров. Выделенные общества регистрируются

как самостоятельные юридические лица, однако правопреемство носит частичный характер – оно распространяется только на те обязательства, которые прямо указаны в разделительном балансе. В случае недостаточности имущества вновь созданных обществ по обязательствам реорганизуемого общества кредиторы могут требовать солидарного исполнения обязательств.

Помимо перечисленного, существует такая форма реорганизации, как преобразование. Она подразумевает, что акционерное общество меняет свой юридический статус, то есть организационно-правовую форму. В качестве примеров такого перехода можно привести смену организационно-правовой формы с товарищества с ограниченной ответственностью на производственный кооператив. При преобразовании новое юридическое лицо не создается заново, а происходит правопреемство в рамках одного хозяйствующего субъекта в измененной форме. Все права, обязанности и имущество сохраняются за обществом в новом статусе.

Н.В. Фомичева выражает схожую точку зрения, согласно которой «под преобразованием акционерного общества понимается его «трансформация» в коммерческую организацию иной организационно-правовой формы, которой, согласно передаточному акту, переходят все права, обязательства и имущество исходного акционерного общества» [7, с. 133].

Договоренность, оформленная в виде решения о преобразовании, должна быть утверждена на заседании общего собрания акционеров, а итоги этого преобразования фиксируются в уставных документах нового юридического лица. Государственная регистрация преобразуемого лица выполняется в полном соответствии с требованиями Закона о государственной регистрации юридических лиц. С даты завершения регистрационных действий общество считается изменившим свою организационно-правовую форму, сохраняя при этом правопреемство в отношении всего комплекса обязательств.

Присоединение – определяется как вариант реорганизационного процесса, в рамках которого одно или более акционерных обществ полностью прекращают свою хозяйственную деятельность. При этом все права и обязанности переходят к юридическому лицу, которое в итоге реорганизации продолжает свою деятельность.

Закон предусматривает как общую модель присоединения, так и упрощенную процедуру, если акционерное общество, владеющее 100% акций другого общества, принимает решение о его присоединении. В этом случае допускается проведение процедуры без увеличения уставного капитала принимающего общества.

Правопреемство носит универсальный характер, все права, обязанности, имущество и обязательства присоединяемого общества переходят к принимающему. Особое значение имеет передаточный акт, который служит юридическим основанием для государственной регистрации и подтверждения объема правопреемства.

В данном контексте следует обратить внимание на пункт 2 Постановления от 29 июля 1996 г., имеющего регистрационный номер 6/94, которое было издано Государственным комитетом Республики Казахстан по ценовой и антимонопольной политике «Об утверждении Положения о порядке согласования с антимонопольными органами проектов договоров о слиянии (присоединении) акционерных обществ» (далее по тексту – Положение), закреплено понятие «присоединение акционерных обществ», согласно которому это реорганизация акционерных обществ посредством присоединения акционерного общества к другому акционерному обществу, при которой к последнему переходят права и обязанности присоединенного акционерного общества в соответствии с передаточным актом [8].

Принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, считается обоснованным детальное изучение процедуры и специфики реорганизации акционерного общества. При этом целесообразно сфокусироваться на анализе присоединения, поскольку данная форма является одной из наиболее часто встречающихся и, кроме того, максимально ярко демонстрирует общий принцип правопреемства.

Процедура осуществления реорганизации акционерного общества, проводимой в формате присоединения, на территории Республики Казахстан.

Присоединение акционерного общества является многоэтапным и комплексным правовым механизмом. Суть этого процесса заключается в прекращении функционирования одного субъекта права (общества, которое присоединяется) и последующей передаче всего объема его прав и обязательств в пользу другого юридического лица (общества, которое осуществляет приня-

тие). Данный процесс регламентируется нормами Гражданского кодекса Республики Казахстан, Закона Республики Казахстан «Об акционерных обществах», а также соответствующими подзаконными актами. Таким образом, для корректного и последовательного осуществления присоединения требуется поэтапное выполнение предусмотренных законодательством действий, каждое из которых имеет самостоятельное юридическое значение.

1. Подготовительный этап

Подготовительный этап реорганизации является начальным этапом процедуры, в рамках которого определяется форма предстоящей реорганизации – обычное присоединение либо присоединение дочернего общества, 100% акций которого принадлежат основному обществу. В последующем случае законодательством допускается проведение процедуры без увеличения уставного капитала принимающего общества. На данном этапе необходимо определить правовые основания для последующих корпоративных решений и обеспечить соблюдение требований антимонопольного законодательства.

При этом значимым условием подготовки является определение необходимости получения предварительного согласия антимонопольного органа. В соответствии с действующим порядком ходатайство о согласии подлежит подаче в территориальный орган в зависимости от размера суммарного уставного капитала участвующих обществ, порог которого – 100 000 МРП (по состоянию на 2025 г. составляет 396 200 000 тг), и наличия иностранных инвестиций. Закон о государственной регистрации прямо указывает, что регистрация присоединения осуществляется при условии представления решения о реорганизации, передаточного акта и документа, подтверждающего письменное уведомление кредиторов. Рассмотрение такого ходатайства осуществляется в течение тридцати календарных дней, а в исключительных случаях срок может быть продлен до сорока пяти дней. После выполнения подготовительных процедур стороны переходят к корпоративным действиям, направленным на формирование правовых основ предстоящего присоединения.

2. Корпоративные решения и подготовка документов

Советы директоров присоединяемого и принимающего общества выносят на рассмотрение общих собраний акционеров вопросы о реорганизации в форме присоединения, а также утверждают проекты ключевых документов: договоров о присоединении, передаточных актов, учредительных документов и финансовые отчетности. Этот этап имеет принципиальное значение, поскольку именно корпоративные решения создают юридическую основу для последующих регистрационных действий.

Как справедливо отмечает О.А. Макарова, «договор о присоединении выполняет функцию закрепления существенных условий реорганизации, но сам по себе не порождает юридических последствий в виде универсального правопреемства. Непосредственно переход всей совокупности прав и обязанностей к правопреемнику опосредуется иным документом – передаточным актом» [9].

М.К. Сулейменов в своих научных трудах отмечает отсутствие нормативного правового акта, содержащего легальное определение понятия «передаточный акт», в связи с этим дает следующее авторское определение, в соответствии с которым «передаточный акт – это один или несколько документов, которыми оформляется переход имущества и связанных с ним прав и обязанностей к правопреемнику (правопреемникам) при слиянии, присоединении и преобразовании юридических лиц, форма которого для государственных предприятий и учреждений утверждается уполномоченными органами государства, а для иных юридических лиц – их собственниками и должна обязательно включать сведения о том, кому и какие именно права и обязанности переходят, включая и оспариваемые реорганизуемым юридическим лицом обязанности» [10, с. 362].

Данное определение имеет важное значение, поскольку передаточный акт выступает документом, обеспечивающим преемственность имущественных и обязательственных прав.

И.У. Жанайдаров отмечает, что «при оформлении передаточного акта в нем должны быть отражены сведения: о сторонах, о передаваемых объектах недвижимости (здания, сооружения и т.п. с указанием инвентарных номеров, года приобретения, ввода в эксплуатацию, первоначальной и остаточной стоимости, степени износа и т.д.); о передаваемых машинах, оборудовании, механизмах, других основных средствах (их инвентарные номера, год приобретения, вво-

да в эксплуатацию, износ, балансовая и остаточная стоимость, переоценка и т.д.); об основных непроизводственных фондах (с указанием по каждому объекту тех же данных); о долгосрочных финансовых вложениях; о нематериальных активах; о передаваемых денежных средствах, товарных и материальных запасах; обо всех кредиторах, обязательствах и обременениях; иные сведения, установленные действующим законодательством» [10, с. 361].

Таким образом, совокупность мнений ученых подтверждает ключевую роль передаточного акта как инструмента правопреемства при присоединении.

Э.И. Прусс и Е.С. Юлова указывают, что «передаточный акт должен содержать основополагающие положения: обязательства (всех кредиторов и должников реорганизуемого лица), стоимостная характеристика всего комплекса имущества, а также возникновение, изменение, прекращение прав и обязанностей, которые произойдут после даты составления передаточного акта» [11].

Согласно п.1 ст. 83 Закона, при реорганизации акционерного общества в форме присоединения, передаточный акт должен быть подписан руководителями исполнительного органа и главными бухгалтерами реорганизуемых обществ [12].

На данном этапе определяется порядок и цена продажи акций присоединяемого общества, а также порядок и цена размещения акций принимающего общества. Эти сведения должны соответствовать требованиям законодательства РК и использоваться при обмене акций между акционерами. После подготовки указанных документов акционерные общества переходят к следующей процедуре.

3. Антимонопольный контроль при присоединении

Если присоединение подпадает под определенные законодательством критерии, инициаторы обязаны направить ходатайство с целью получить одобрение этой процедуры. Регулирование процесса согласования договорных проектов относительно присоединения акционерного общества осуществляется в соответствии с процедурой, подробно описанной в утвержденном Положении. Ходатайство в установленном порядке подается в произвольной форме за подписями первых руководителей исполнительных органов всех акционерных обществ, вовлекаемых в присоединение. В тексте ходатайства указывается: a) вид реорганизации (присоединение); b) полные наименования и адреса присоединяемых и принимающего акционерных обществ; c) планируемое полное наименование юридического лица, которое продолжит деятельность после реорганизации; d) исчерпывающая информация об уполномоченном должностном лице, охватывающая личные данные, сведения о его профессиональной деятельности, а также все средства связи.

В дополнение к основному обращению для проведения процедуры реорганизации необходимо в обязательном порядке предоставить полный пакет документов. Он включает проекты всех документов, касающихся присоединения, а также оригиналы протоколов советов директоров всех участвующих сторон, подтверждающих одобрение этих проектов. Также требуются копии свидетельств о регистрации и текущих учредительных документов каждой организации, включая проект устава будущего правопреемника. Важной частью пакета являются проекты передаточных актов о правах и обязанностях, а также актуальные бухгалтерские балансы и отчеты о финансовой деятельности всех обществ, участвующих в процессе. Если компания учреждена государством, прикладываются копии соответствующих решений [8].

Стандартные бланки финансовой отчетности, а именно форма ФО-1 «Бухгалтерский баланс» и форма ФО-2 «Отчет о результатах финансовой деятельности», были официально утверждены Приказом исполняющего обязанности министра финансов Республики Казахстан «Об утверждении форм, периодичности и правил составления и представления финансовой отчетности». Наряду с этим данным приказом также была утверждена форма ФО-6 «Бухгалтерский баланс при реорганизации».

Форма ФО-1 «Бухгалтерский баланс» отражает имущественное и финансовое состояние акционерного общества на отчетную дату. В ней показываются активы, а именно: денежные средства, дебиторская задолженность, запасы, основные средства и другие, а также пассивы, а именно: обязательства и частые активы/капитал, что позволяет определить состав имущества, источники его формирования и финансовую устойчивость акционерного общества.

Форма ФО-2 «Отчет о результатах финансовой деятельности» показывает доходы, расходы и финансовый результат акционерного общества за отчетный период. В ней отражаются все поступления и затраты, а также итоговая прибыль или убыток, что характеризует эффективность использования бюджетных средств и результаты финансово-хозяйственной деятельности.

Ходатайства, не содержащие полный комплект сведений, не принимаются к рассмотрению. Отсутствие согласования антимонопольного органа при реорганизации акционерного общества может повлечь признание сделки недействительной.

4. Компетенция общего собрания акционеров

Решение о присоединении утверждается на совместном общем собрании акционеров при большинстве квалифицированных голосов обеих обществ. По мнению И.С. Шиткиной, «общее собрание акционеров представляет собой орган, который посредством принятия внутренних решений обеспечивает формирование воли юридического лица как самостоятельного субъекта правоотношений» [13, с. 207]. Тем самым именно общее собрание выступает завершающим звеном корпоративного волеизъявления сторон в процессе присоединения.

Согласно пп. 2 п. 1 статьи 36 Закона, вопросы, касающиеся добровольной реорганизации или ликвидации общества, отнесены к сфере исключительной компетенции общего собрания акционеров общества [12].

В решении должны содержаться наименования и адреса обществ, цена продажи и размещения акций, а также порядок обмена. Для дочерних обществ, полностью принадлежащих материнскому, такое решение может быть принято единолично без увеличения уставного капитала. После утверждения решения акционерами процедура реорганизации вступает в стадию уведомления кредиторов и публичного раскрытия информации, направленную на обеспечение их осведомленности о предстоящих корпоративных изменениях и защиту их имущественных интересов. Указанная стадия имеет правовое значение как гарантийный механизм, обеспечивающий баланс интересов участников корпоративных отношений и соблюдение принципа добросовестности при осуществлении реорганизационных действий.

5. Уведомление кредиторов и публикация информации

После того как решение о проведении реорганизационных мероприятий утверждено, участвующие общества обязаны письменно известить своих кредиторов. Кроме того, они должны опубликовать соответствующее объявление на государственном (казахском) и официальном (русском) языках на специализированном веб-ресурсе депозитария финансовой отчетности. Согласно п. 10 ст.1 Закона Республики Казахстан от 28 февраля 2007 г. №234 «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности», «депозитарий финансовой отчетности» – это электронная база данных, содержащая годовую финансовую отчетность и аудиторские отчеты, ежегодно сдаваемые организациями, списки аффилированных лиц акционерных обществ, а также информацию о корпоративных событиях акционерных обществ, с открытым для пользователей доступом [14]. Этот этап обеспечивает защиту прав кредиторов и прозрачность предстоящих изменений в корпоративной структуре. Кредиторам предоставляется срок не менее двух месяцев для предъявления требований.

В соответствии со статьей 6-3 Закона о государственной регистрации, уведомление кредиторов является обязательным условием для государственной регистрации присоединения. Отсутствие такого документа влечет отказ в регистрации.

После завершения уведомления кредиторов и истечения установленного срока общество вправе переходить к процедуре обмена акций. Указанный этап представляет собой заключительную фазу реорганизационного процесса, в рамках которой осуществляется правопреемство и фиксируются конечные юридические последствия преобразований.

6. Порядок обмена акций и аннулирования выпуска акций присоединяемого общества

Регламент осуществления обмена ценных бумаг, процедура составления и последующего утверждения отчетной документации по результатам обмена размещенных акций, а также вопросы аннулирования эмиссии акций присоединяемого акционерного общества подпадают под действие Постановления Правления Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка от 30 марта 2020 г. №42 «Об утверждении Правил государственной регистрации выпуска объявленных акций, регистрации изменений и (или) дополнений в проспект выпуска акций, утверждения отчета об итогах размещения акций акционерного

общества, отчета об обмене размещенных акций акционерного общества одного вида на акции данного акционерного общества другого вида, аннулирования выпуска объявленных акций, Требований к документам для государственной регистрации выпуска объявленных акций, регистрации изменений и (или) дополнений в проспект выпуска акций, утверждения отчета об итогах размещения акций акционерного общества, отчета об обмене размещенных акций акционерного общества одного вида на акции данного акционерного общества другого вида, Перечня документов для аннулирования выпуска объявленных акций и требований к ним, Правил составления и оформления проспекта выпуска акций, изменений и (или) дополнений в проспект выпуска акций, отчета об итогах размещения акций акционерного общества, отчета об обмене размещенных акций акционерного общества одного вида на акции данного акционерного общества другого вида» (далее по тексту – Правила) [15].

Упомянутые Правила (в частности, Приложение №3, пункт 7 Перечня) четко регламентируют процедуру аннулирования эмиссии акций для компании, которая прекращает существование в результате присоединения. Присоединяемый субъект должен предоставить регулятору:

1. Электронное заявление.
2. Протокол совместного общего собрания, утверждающий решение о присоединении, а также решение об аннуляции выпуска акций поглощаемой компании.
3. Официально подписанный передаточный акт.
4. Справку от центрального депозитария, идентифицирующую акционеров (с долей 10% и более) общества, к которому происходит присоединение, и подтверждающую факт получения ими ценных бумаг [15].

Этот этап закрепляет фактическое завершение имущественных отношений между присоединяемым и принимающим обществом.

Согласно п. 30 Правил, выпуск акций аннулируется с даты внесения сведений о прекращении деятельности присоединенного общества в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров, что считается моментом завершения реорганизации в форме присоединения.

7. Государственная регистрация присоединения и завершение процедуры

Государственная регистрация присоединения осуществляется в Государственной корпорации «Правительство для граждан».

Пакет необходимых документов включает: заявление, решение о проведении реорганизации, передаточный акт, документальное подтверждение оповещения всех кредиторов и свидетельство о внесении требуемых законодательством сборов.

Закон о госрегистрации юридических лиц (статья 9) обязывает регистрирующий орган внести данные об акционерных обществах в реестр в течение пяти рабочих дней. На эту процедуру отводится не более пяти рабочих дней, отсчет которых начинается с момента подачи заявления [16].

Юридически процедура реорганизации признается оконченной, как только в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров вносится запись о прекращении деятельности присоединяемой компании. Именно это действие служит официальным правовым завершением процесса. В результате к принимающему обществу в порядке универсального правопреемства переходит полный объем прав и обязанностей присоединенного общества

8. Завершение и пострегистрационные действия

После завершения реорганизации необходимо осуществить государственную регистрацию перехода прав на недвижимое имущество, переоформить лицензии, банковские счета и т.д. В случае реорганизационных процессов, затрагивающих субъекты естественных монополий, согласно положениям статьи 6-3 Закона о государственной регистрации юридических лиц, в обязательном порядке необходимо получение предварительного одобрения со стороны уполномоченного государственного органа. Действия, совершаемые после завершения регистрации, гарантируют абсолютную полноту правопреемства и обеспечивают бесперебойное продолжение хозяйственной деятельности соответствующего общества. Реорганизационный процесс акционерного общества, осуществляемый посредством присоединения, является серьезной многостадийной процедурой, включающей подготовку и согласование корпоративных решений, защиту интересов кредиторов и акционеров, антимонопольное согласование, обмен акций и государственную регистрацию. Комплексное соблюдение всех указанных стадий обеспечи-

вает законность реорганизации, непрерывность хозяйственной деятельности и правопреемство между участвующими обществами. В совокупности все эти стадии образуют взаимосвязанную систему, направленную на законное и эффективное завершение процесса присоединения.

Для всестороннего анализа процедуры реорганизации акционерного общества в форме присоединения представляется целесообразным обратиться к правоприменительной практике реализации данной формы реорганизации.

В качестве наглядного примера практического применения института реорганизации акционерных обществ в Республике Казахстан можно привести пример добровольного присоединения ряда банков к АО «Альянс Банк» [17].

Так, в 2014 г. было принято решение о присоединении к АО «Альянс Банк» двух банков второго уровня – АО «Темірбанк» и АО «ForteBank». Данное решение было принято на совместном внеочередном собрании акционеров, что соответствует установленной процедурной форме. В результате подписанных договоров о присоединении обязательства и активы присоединяемых обществ подлежали передаче АО «Альянс Банк».

Важно отметить, что процесс был реализован с соблюдением требований действующего законодательства. 26 ноября 2014 г. получено разрешение уполномоченного органа по регулированию естественных монополий и защите конкуренции, а 10 декабря 2014 г. – согласие Национального банка Республики Казахстан.

Приведенный пример показывает, что при реорганизации в форме присоединения необходимо согласие с органами финансового надзора и антимонопольным органом, что является гарантией соблюдения интересов как кредиторов, так и акционеров.

Как справедливо в данной связи подчеркивает Кузнецов А.А., «поскольку реорганизация представляет собой процесс, приводящий к замене одного юридического лица как участника гражданского оборота другим, то есть к правопреемству, перед законодателем возникает задача по эффективному правовому обеспечению данной сферы. Ключевая цель такого регулирования – гарантировать соблюдение прав всех заинтересованных сторон в ходе реорганизации акционерного общества» [18, с. 97].

Фактическая передача прав и обязанностей произошла 1 января 2015 г., когда были подписаны передаточные акты руководителями и главными бухгалтерами всех участвующих организаций. Согласно данным актам, все имущество, права требования и обязательства АО «Темірбанк» и АО «ForteBank» перешли к АО «Альянс Банк».

Показательной с точки зрения правоприменительной практики реализации процедуры реорганизации акционерных обществ в форме присоединения является реорганизация акционерных обществ «Народный банк Казахстана» и «Казкоммерцбанк». Данный процесс завершился подписанием передаточного акта от 27 июля 2018 г., которым было оформлено правопреемство. К АО «Народный банк Казахстана» перешли все имущественные права и обязательства АО «Казкоммерцбанк» [19].

Утверждение передаточного акта было осуществлено по итогам голосования, проведенного на внеочередных общих собраниях акционеров каждого из двух банков второго уровня. Кроме того, в целях обеспечения корпоративного баланса было осуществлено размещение простых акций Народного банка среди акционеров Казкоммерцбанка (за исключением самого Народного банка) в обмен на их акции. Таким образом, процесс сопровождался не только передачей активов и обязательств, но и перераспределением корпоративного капитала.

Следует обратить внимание, что интеграция банков стала возможной только после получения разрешения Национального банка Республики Казахстан, что подтверждает значимость государственного контроля в сфере банковской реорганизации. Помимо юридических процедур, объединение включало в себя и комплекс организационно-технических мероприятий, в том числе переход на единую технологическую платформу и объединение инфраструктуры обслуживания клиентов.

В результате клиенты АО «Казкоммерцбанк» и АО «Народный банк» получили возможность пользоваться услугами во всех филиалах и объединенных структурах, а дочерние компании АО «Казкоммерцбанк» были переведены в состав дочерних организаций АО «Народный банк».

В качестве примера применения формы реорганизации акционерного общества путем присоединения является добровольное присоединение АО «Ипотечная организация «Баспана» к АО «Казахстанский фонд устойчивости», завершенное в феврале 2020 г. по решению Национального банка Республики Казахстан, выступавшего единственным акционером обеих компаний [20].

Реорганизация была направлена на оптимизацию государственных ресурсов и устранение функционального в квазигосударственном секторе. Принимая во внимание статью 45 ГК РК и статью 83 Закона, которые содержат положения о том, что при присоединении все права и обязанности присоединяемого общества переходят к принимающему обществу, которое продолжает деятельность, выбор данной формы реорганизации обеспечил правопреемство по обязательствам и сохранение ипотечных программ «7–20–25» и «Баспана Хит». Решение о реорганизации было принято директивно Национальным банком 25 декабря 2019 г., что позволило быстро завершить процедуру реорганизации.

В результате присоединения произошла консолидация активов и функций, укрепившая финансовую устойчивость и эффективность управления государственными ипотечными программами.

Заключение

Реорганизация акционерного общества в форме присоединения представляет собой сложный, строго регламентированный законодателем процесс, включающий последовательное осуществление юридически значимых действий. Каждая стадия – от подготовки корпоративных решений и получения антимонопольного согласования до уведомления кредиторов и государственной регистрации – направлена на обеспечение законности, прозрачности и защиты интересов участников гражданского оборота.

Проведенный анализ показывает, что данная форма реорганизации представляет собой многоэтапный процесс, включающий подготовку корпоративных решений, получение представительного согласия антимонопольного органа, одобрение решения общими собраниями акционеров, уведомление кредиторов, государственную регистрацию и последующие постреорганизационные действия. Каждый из этих этапов имеет самостоятельное юридическое значение и обеспечивает соблюдение принципов законности, прозрачности и правопреемства. Центральным элементом данного правового механизма выступает институт универсального правопреемства, юридическое закрепление которого происходит посредством утверждения передаточного акта – документа, определяющего точный объем переходящих активов, прав и безусловных обязательств.

Особое внимание заслуживает установление четкой последовательности действий. Такое правовое регулирование обеспечивает баланс частных и публичных интересов, исключая злоупотребления на рынке и создавая гарантии защиты прав кредиторов и акционеров. При этом, как показало исследование доктринальных подходов и нормативной базы, именно полнота и достоверность сведений в передаточном акте являются критически важными для предотвращения будущих корпоративных споров и обеспечения бесспорности перехода обязательств.

Реорганизация юридического лица в форме присоединения в целом ряде случаев может повышать финансовую, налоговую или операционную эффективность компаний. В то же время реорганизация часто требует детального планирования ее этапов, тщательной оценки бухгалтерских последствий.

В целом реорганизация в форме присоединения выступает не только инструментом корпоративной трансформации, но и важным элементом развития экономики, поскольку способствует укреплению устойчивых хозяйственных структур, повышению инвестиционной деятельности и корпоративного управления в Республике Казахстан.

Таким образом, исследование подтверждает, что для повышения эффективности этого инструмента необходимо не только точное следование нормам закона, но и дальнейшая унификация правоприменительной практики, особенно в вопросах оценки активов и обеспечения реальных гарантий защиты прав акционеров и кредиторов при переходе обязательств.

ЛИТЕРАТУРА

1 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_#z185

2 Гражданское право. Общая часть: курс лекций. – Алматы: Нур-пресс, 2006. – 722 с.

3 Tcyganov A.A. Abuse of Corporate Rights in Reorganization (Merger) of Business Entities: A View from Russia // BRICS Law Journal. 2022, no. 9(2), pp. 110–131.

4 Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 368 с.

5 Шакаров А.А. Актуальные проблемы защиты прав кредиторов и участников при реорганизации акционерных обществ в формах слияния и присоединения // Молодой ученый. – 2023. – № 50(497). – С. 337–339.

6 Алферов А.В. Реорганизация юридических лиц в форме разделения и выделения // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Липецк, 9–10 ноября 2018 г. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 82–84.

7 Фомичева Н.В. Акционерное право: Учебник и практикум для вузов. – М: Издательство Юрайт, 2025. – 191 с.

8 Постановление Государственного комитета Республики Казахстан по ценовой и антимонопольной политике от 29 июля 1996 г. № 6/94 «Об утверждении Положения о порядке согласования с антимонопольными органами проектов договоров о слиянии (присоединении) акционерных обществ». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V960000224

9 Макарова О.А. Договор о слиянии: актуальные вопросы правоприменения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 127–142.

10 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): комментарий (постатейный): в 3 кн. Кн. 1. Статьи 1–114. – Изд. 4-е, испр. и доп., с использованием судебной практики. – Алматы, 2020. – 896 с.

11 Прусс Э.И., Юлова Е.С. Некоторые проблемы правового регулирования порядка составления передаточного акта при реорганизации хозяйственных обществ // Образование и право. – 2023. – № 3. – С. 111–115.

12 Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 года № 415 «Об акционерных обществах». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000415_/z030415.htm

13 Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. Т. 3: Органы хозяйственного общества / отв. ред. И.С. Шиткина. – 3-е изд., испр. – М.: Статут, 2025. – 304 с.

14 Закон Республики Казахстан от 28 февраля 2007 года № 234 «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000234_

15 Постановление Правления Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка от 30 марта 2020 года № 42 «Об утверждении Правил государственной регистрации выпуска объявленных акций, регистрации изменений и (или) дополнений в проспект выпуска акций, утверждения отчета об итогах размещения акций акционерного общества, отчета об обмене размещенных акций акционерного общества одного вида на акции данного акционерного общества другого вида, аннулирования выпуска объявленных акций, Требований к документам для государственной регистрации выпуска объявленных акций, регистрации изменений и (или) дополнений в проспект выпуска акций, утверждения отчета об итогах размещения акций акционерного общества, отчета об обмене размещенных акций акционерного общества одного вида на акции данного акционерного общества другого вида...». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020223

16 Закон Республики Казахстан от 17 апреля 1995 года № 2198 «О государственной регистрации юридических лиц и учетной регистрации филиалов и представительств». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002198

17 Информация о добровольной реорганизации АО «Альянс Банк» в форме присоединения к АО «Альянс Банк» АО «Темірбанк» и АО «ForteBank». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31646989&pos=4;-106#pos=4;-106

18 Кузнецов А.А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2021. – 345 с.

19 Завершилось присоединение Qazkom к Halyk Bank. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32150363

20 Нацбанк сообщил о реорганизации ипотечной организации «Баспана». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36186959

REFERENCES

1 Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast') ot 27 dekabrja 1994 goda no. 268-XIII. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_#z185 (In Russian).

2 Grazhdanskoe pravo. Obshhaja chast': kurs lekcij [Civil law. General part: course of lectures]. – Almaty: Nur-press, 2006. – 722 p. (In Russian).

3 Tcyganov A.A. (2022). Abuse of Corporate Rights in Reorganization (Merger) of Business Entities: A View from Russia // BRICS Law Journal, no. 9(2), pp. 110–131. (In English).

4 Bratus' S.N. (1950) Sub"ekty grazhdanskogo prava. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoj literatury. 368 p. (In Russian).

5 Shakarov A.A. (2023) Aktual'nye problemy zashhity prav kreditorov i uchastnikov pri reorganizacii akcionernyh obshhestv v formah slijanija i prisoedinenija // Molodoj uchenyj. No. 50(497). P. 337–339. (In Russian).

6 Alferov A.V. (2018) Reorganizacija juridicheskih lic v forme razdelenija i vydelenija // Gumanitaristika v uslovijah sovremennoj sociokul'turnoj transformacii: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Lipeck, 9–10 nojabrja 2018 g. Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni P.P. Semenova-Tjan-Shanskogo. P. 82–84. (In Russian).

7 Fomicheva N.V. (2025) Akcionernoe pravo: Uchebnik i praktikum dlja vuzov. M: Izdatel'stvo Jurajt. 191 p. (In Russian).

8 Postanovlenie Gosudarstvennogo komiteta Respubliki Kazahstan po cenovoj i antimonopol'noj politike ot 29 ijulja 1996 g. no. 6/94 «Ob utverzhdenii Polozhenija o porjadke soglasovanija s antimonopol'nymi organami proektov dogovorov o slijanii (prisoedinenii) akcionernyh obshhestv». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V960000224 (In Russian).

9 Makarova O.A. (2021) Dogovor o slijanii: aktual'nye voprosy pravoprimenenija // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. Vol. 12. No. 1. P. 127–142. (In Russian).

10 Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazakhstan (Obshchaja chast'): kommentarij (postatejnyj): v 3 kn. Kn. 1. Stat'i 1–114. Izd. 4-e, ispr. i dop., s ispol'zovaniem sudebnoj praktiki. Almaty, 2020. 896 p. (In Russian).

11 Pruss E.I., Julova E.S. (2023) Nekotorye problemy pravovogo regulirovanija porjadka sostavlenija peredatochnogo akta pri reorganizacii hozjajstvennyh obshchestv // Obrazovanie i pravo. No. 3. P. 111–115. (In Russian).

12 Zakon Respubliki Kazahstan ot 13 maja 2003 goda no. 415 «Ob akcionernyh obshhestvah». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000415_ (In Russian).

13 Korporativnoe pravo: uchebnyj kurs: v 6 t. T. 3: Organy hozjajstvennogo obshhestva / otv. red. I. S. Shitkina. 3-e izd., ispr. M.: Statut, 2025. 304 p. (In Russian).

14 Zakon Respubliki Kazahstan ot 28 fevralja 2007 goda no. 234 «O buhgalterskom uchete i finansovoj otchetnosti». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000234_ (In Russian).

15 Postanovlenie Pravlenija Agentstva Respubliki Kazahstan po regulirovaniju i razvitiju finansovogo rynka ot 30 marta 2020 goda no. 42 «Ob utverzhdenii Pravil gosudarstvennoj registracii vypuska ob#javlennyh akcij, registracii izmenenij i (ili) dopolnenij v prospekt vypuska akcij, utverzhdenija otcheta ob itogah razmeshhenija akcij akcionernogo obshhestva, otcheta ob obmene razmeshhennyh akcij akcionernogo obshhestva odnogo vida na akcii dannogo akcionernogo obshhestva drugogo vida...». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020223 (In Russian).

16 Zakon Respubliki Kazahstan ot 17 aprelja 1995 goda no. 2198 «O gosudarstvennoj registracii juridicheskih lic i uchetnoj registracii filialov i predstavitel'stv». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002198 (In Russian).

17 Informacija o dobrovol'noj reorganizacii AO «Al'jans Bank» v forme prisoedinenija k AO «Al'jans Bank» AO «Temirbank» i AO «ForteBank». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31646989&pos=4;-106#pos=4;-106 (In Russian).

18 Kuznecov A.A. (2021) Reorganizacija hozjajstvennyh obshhestv: grazhdansko-pravovye sposoby zashhity prav i interesov uchastnikov i kreditorov: dis. … kand. jurid. nauk. M., 345 p. (In Russian).

19 Zavershilos' prisoedinenie Qazkom k Halyk Bank. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32150363 (In Russian).

20 Nacbank soobshhil o reorganizacii ipotechnoj organizacii «Baspana». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36186959 (In Russian).

АКИМБЕКОВА М.А.,[1]
PhD, қауымдастырылған профессор.
e-mail: mika13_86@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5295-2642
БАТАЕВА К.Б.,*[1]
маман.
*e-mail: bataevakamilla314@gmail.com
ORCID ID: 0009-0009-3564-0511
ПАНОВА А.С.,[2]
з.ғ.д., профессор.
e-mail: albina_2005@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-7243-2246
[1]Каспий қоғамдық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Е.О. Кутафин атындағы
Мәскеу мемлекеттік заң университеті,
Мәскеу қ., Ресей

АКЦИОНЕРЛІК ҚОҒАМДЫ ҚОСЫЛУ ТҮРІНДЕ ҚАЙТА ҚҰРУ: ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ТӘЖІРИБЕЛІК ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аңдатпа

Осы мақала Қазақстан Республикасының азаматтық және корпоративтік құқық жүйесінде акционерлік қоғамды қосылу түрінде қайта құруды құқықтық реттеуді кешенді зерттеуге арналған. Тақырыптың өзектілігі рәсімнің кезеңдері мен құжаттарын саралау күрделілігімен, корпоративтік органдардың өкілеттіктерін бірыңғай айқындау қажеттілігімен және активтерге, міндеттемелерге мен корпоративтік құқықтарға қатысты әмбебап құқық мирасқорлығының өлшемдерін белгілеумен түсіндіріледі. Мақаланың нормативтік негізін Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі, «Акционерлік қоғамдар туралы» Заңы, мемлекеттік тіркеу туралы заң, монополияға қарсы реттеу актілері және бағалы қағаздар нарығының ережелері құрайды. Зерттеуде қайта құру нысандарының арақатынасына, қосылудың негізгі элементтерін (өткізу актісі, акцияларды айырбастау және шығарылымдарын жою, кредиторларды хабардар ету, уәкілетті органдармен келісу) айқындауға және олардың құқық қолдану тәжірибесіндегі өзара байланысына ерекше назар аударылады. Сонымен қатар құқық мирасқорлығының доктриналық тәсілдері, жауапкершілік шектері, мерзімдер мен дәлелдемелік талаптар талданады. Қайта ұйымдастырудың аяқталу сәті мен мүлікке құқықтардың өтуі, тәуекелдерді бөлу мәселелері және рәсімдік мерзімдердің бұзылуының салдарлары зерттеледі. Зерттеу нәтижесінде құқықтық айқындықты арттыруға, тәсілдерді бірыңғайландыруға және Қазақстан Республикасының коммерциялық айналымындағы қосылу рәсімдерін жетілдіруге бағытталған негізделген қорытындылар мен ұсынымдар жасалды.

Тірек сөздер: акционерлік қоғам, қайта құру, өткізу актісі, қосылу туралы шарт, монополияға қарсы орган, акционерлердің жалпы жиналысы, акциялар.

AKIMBEKOVA M.A.,[1]
PhD, associate professor.
e-mail: mika13_86@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5295-2642
BATAYEVA K.B.,*[1]
specialist.
*e-mail: bataevakamilla314@gmail.com
ORCID ID: 0009-0009-3564-0511
PANOVA A.S.,[2]
d.l.s., professor.
e-mail: albina_2005@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-7243-2246
[1]Caspian University,
Almaty, Kazakhstan
[2]Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russia

REORGANIZATION OF A JOINT-STOCK COMPANY IN THE FORM OF MERGER (AMALGAMATION): THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Abstract

The present article is devoted to a comprehensive study of the legal regulation of the reorganization of a joint-stock company in the form of merger (amalgamation) within the system of civil and corporate law of the Republic of Kazakhstan. The relevance of this subject matter stems from several key aspects. These include the inherent complexity involved in accurately categorizing the procedural phases and the requisite documentation. Furthermore, we can consider the importance of establishing consistent as well as unified parameters for describing the scope of authority (competencies) among the respective corporate governance structures. Finally, the demand for defining clear standards governing universal succession concerning the corporation's full complement of assets, obligations (liabilities), and ownership rights (corporate rights) can be included as well. Doctrinal approaches to succession, limits of liability, time frames, and evidentiary requirements are analyzed. The study also addresses issues of risk allocation, the moment of completion of reorganization and transfer of property rights, as well as the consequences of procedural delays. The results include substantiated conclusions and recommendations aimed at enhancing legal certainty, unifying approaches, and improving merger procedures within the commercial turnover of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: joint-stock company, reorganization, transfer deed, merger agreement, antimonopoly authority, general meeting of shareholders, shares.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2025

ҒТАМР 10.21.39
ӘОЖ 347.965
JEL K41

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-134-142

ЕСЕНБЕКОВА П.Т.,*[1]
з.ғ.м., аға оқытушы.
*e-mail: pyesenbekova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0894-3279
[1]М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті,
Шымкент қ., Қазақстан

АЗАМАТТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУДЕГІ ПАРТИСИПАТИВТІК ТАТУЛАСТЫРУ РӘСІМДЕРІНІҢ РӨЛІ

Аңдатпа

Бұл зерттеу азаматтық сот ісін жүргізуде партисипативтік татуластыру рәсімдерінің мәнін, құқықтық табиғатын және тәжірибелік қолданылуын талдауға арналған. Тақырыптың өзектілігі дауларды шешудің баламалы әдістерін дамыту қажеттілігімен, сот жүктемесінің артуымен және құқықтық мәдениетті жетілдіру талаптарымен айқындалады. Зерттеудің мақсаты – партисипативтік татуластыру институтының құрылымын, қолданылу тиімділігін және азаматтық процесс шеңберіндегі рөлін анықтау. Негізгі идеясы – тараптар мен адвокаттардың келіссөздер арқылы өзара тиімді шешімге келуін қамтамасыз ететін бейбіт тетік құру. Жұмыстың ғылыми және практикалық маңыздылығы – партисипативтік тәсілдің азаматтық дауларды тиімді, шығынсыз және гуманистік негізде шешуге мүмкіндік беретінін дәлелдеуге бағытталған. Зерттеу барысында салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық, тарихи-құқықтық және талдамалық әдістер қолданылды. Франция, Германия, Канада тәжірибелері қарастырылып, оларды ұлттық құқық жүйесімен салыстыру жүргізілді. Негізгі нәтижелер ретінде: рәсімнің құқықтық әлеуеті жоғары болғанына қарамастан, оны қолдануда нормативтік анықтықтың, адвокаттардың кәсіби даярлығының және құқықтық мәдениеттің жеткіліксіздігі байқалды; сот жүктемесін азайтып, тараптар арасындағы әлеуметтік келісімді сақтауға мүмкіндік беретіні анықталды. Зерттеу құндылығы – партисипативтік рәсімдердің құқықтық жүйені ізгілендірудегі рөлін айқындауы. Қорытындылардың практикалық мәні – заңнаманы нақтылау, кәсіби кадрларды даярлау және азаматтық-құқықтық мәдениетті көтеру бойынша ұсыныстар ұсынуында.

Тірек сөздер: партисипативтік татуластыру, азаматтық процесс, баламалы дауларды шешу, адвокат, құқықтық мәдениет, сот реформасы.

Кіріспе

Қазақстан Республикасының сот жүйесі соңғы жылдары құқықтық реформалардың жаңа кезеңіне қадам басты. Мемлекет сот төрелігінің сапасын арттыруды, азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғаудың тиімді механизмдерін қалыптастыруды стратегиялық мақсат ретінде айқындады. Бұл бағыттағы басты қадамдардың бірі – дауларды шешудің бейбіт жолдарын енгізу және сот жүйесін ізгілендіру. Қазіргі таңда азаматтық сот ісін жүргізудің ұзаққа созылуы, процессуалдық формализмнің артуы, соттарға түсетін жүктеменің көбеюі және тараптардың құқықтық қатынастарындағы шиеленістер қоғам тарапынан сынға жиі ұшырауда. Мұндай жағдайда сотқа дейінгі және сот ішіндегі татуластыру рәсімдерінің тиімділігін арттыру ерекше мәнге ие [1].

2019 ж. Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексіне енгізілген партисипативтік татуластыру рәсімі ұлттық құқық жүйесіндегі маңызды жаңалықтардың бірі болды [2]. Бұл институт классикалық медиациядан ерекшеленеді, себебі тараптардың өз адвокаттарының қатысуымен келіссөздер жүргізу және өзара келісімге келу арқылы бейбіт шешім табу көзделеді. Кодекстің 181-бабында тараптардың сот шешім қабылдағанға дейін өзара келісімге келу мүмкіндігі бекітілген, ал сот бұл процеске араласпайды [3]. Мұндай тәсіл құқықтық қатынастардың тараптарының белсенділігін арттырып, азаматтық дауларды шешудің тиімді, бейбіт және адамгершілікке негізделген нысанын қалыптастыруға бағытталған.

Тақырыптың өзектілігі бірнеше маңызды аспектілермен айқындалады. Біріншіден, партисипативтік татуластыру рәсімі Қазақстанда салыстырмалы түрде жаңа құқықтық институт болғандықтан, оның құқықтық табиғаты, құрылымдық мазмұны, қолданылу тәртібі және тараптардың құқықтық мәдениетіне ықпалы туралы жүйелі ғылыми зерттеулер әлі де жеткілікті деңгейде қалыптаспаған. Бұл институттың әлеуеті зор болғанымен, оның теориялық негіздері толық ашылмаған, терминологиялық бірізділік пен құқықтық түсіндірмелердің нақты ережелері әлі де жетіспейді [4]. Осыған байланысты партисипативтік рәсімнің азаматтық процеске енгізілуінің құқықтық салдарын, оның медиация және өзге татуластыру нысандарымен арақатынасын, сондай-ақ сот жүйесімен тиімді ықпалдасу мүмкіндіктерін талдау – бүгінгі күннің маңызды міндеті. Аталған бағытта отандық құқықтық ғылым жаңа зерттеу парадигмаларын талап етеді, себебі бұл институттың дамуы тек сот жүктемесін азайтып қана қоймай, азаматтардың дауларды өркениетті әрі бейбіт жолмен шешу дағдыларын қалыптастыруға ықпал етпек.

Екіншіден, азаматтардың құқықтық сауаттылығы мен татуластыру рәсімдеріне деген сенім деңгейі әлі де төмен болуы – Қазақстан қоғамындағы негізгі әлеуметтік-құқықтық мәселелердің бірі. Көптеген азаматтар дауды тек сот шешуі тиіс деген ұстанымда қалып отыр. Мұндай көзқарас баламалы құқықтық тетіктердің кең таралуына кедергі келтіріп, құқықтық мәдениеттің өсуін тежейді. Шаяхметов А. атап өткендей, татуластыру институттарының практикалық қолданылуы мен құқықтық мүмкіндіктеріне қарамастан, тараптардың келіссөз мәдениеті мен құқықтық кеңістікте белсенділік танытуға деген құлшынысы жеткіліксіз, бұл рәсімдердің тиімділігін төмендетеді [4]. Осыған байланысты адвокаттар мен медиаторлардың кәсіби даярлығын арттыру, тұрғындар арасында құқықтық ағарту жұмыстарын күшейту, құқықтық инклюзивті мәдениет қалыптастыру қажеттілігі айқын көрінуде.

Үшіншіден, сот статистикасы көрсеткендей, 2023 ж. азаматтық істердің шамамен 9–10%-ы ғана татуласу арқылы аяқталған, ал дамыған елдерде бұл көрсеткіш орта есеппен 40–50% деңгейінде [5]. Бұл – отандық құқықтық жүйеде баламалы дауларды шешу тәсілдерінің әлеуеті толық пайдаланылмай отырғанын көрсетеді. ҚР Жоғарғы Сотының 2023 жылғы талдамалық есептері азаматтық істердің саны жыл сайын артып отырғанын, ал олардың басым бөлігі дәстүрлі сот талқылауы арқылы шешілетінін көрсетеді [5]. Мұндай жағдай соттардың жүктемесінің артуына, істерді қарау мерзімдерінің ұзаруына, тиісті құқықтарды іске асырудың баяулауына және қоғам тарапынан сот төрелігіне деген сенімнің төмендеуіне алып келуі мүмкін.

Сонымен қатар, азаматтық процестегі формализм мен уақыт шығынының жоғары болуы да тараптарды баламалы татуластыру тетіктерін қолдануға итермелейтін маңызды фактор ретінде танылып отыр. Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымының (ЭЫДҰ/OECD) «Азаматтық даулар бойынша әділдікке қолжетімділік және балама дауларды шешу механизмдері» атты зерттеуінде азаматтық дауларды сот тәртібімен шешудің ұзаққа созылуы, шығындары мен күрделілігі уақыт пен ресурсты көп қажет ететін процесс екендігі атап өтіледі [6].

Азаматтық әділдік пен баламалы дауларды шешу механизмдерінің өзара байланысын Б. Уотерс Англия мен Уэльстегі реформаларды талдау арқылы көрсетіп, ADR институттарын азаматтық сот жүйесінің құрамдас бөлігі ретінде қарастыру қажет екенін негіздейді [7].

Мұндай жағдай азаматтар үшін психологиялық және материалдық тұрғыдан ауыртпалық туғызады, ал бизнес субъектілері үшін – экономикалық тұрақсыздыққа алып келуі мүмкін. Сондықтан да азаматтық істерді партисипативтік рәсімдер арқылы шешу тәсілі уақыт пен шығындарды едәуір қысқартып, дауларды конструктивті жолмен аяқтауға мүмкіндік береді.

Қорытындылай келе, ғылыми зерттеулердің жеткіліксіздігі, азаматтардың құқықтық мәдениетінің төмендігі, сондай-ақ халықаралық тәжірибеге сай келмейтін статистикалық көрсеткіштер – Қазақстанда партисипативтік татуластыру рәсімдерін дамытудың өзектілігін айқындайды. Бұл институтты тиімді енгізу, оның құқықтық тетіктерін нақтылау және қоғамның құқықтық санасын арттыру – азаматтық іс жүргізудің сапасын жаңа деңгейге көтеруге бағытталған маңызды қадам болмақ.

Зерттеу жұмысының нысаны – азаматтық сот ісін жүргізу шеңберінде қолданылатын татуластыру рәсімдері, ал пәні – партисипативтік татуластыру рәсімдерінің құқықтық реттелуі мен тәжірибелік қолданылу ерекшеліктері болып табылады.

Зерттеудің мақсаты – азаматтық сот ісін жүргізу аясында партисипативтік татуластыру рәсімдерінің құқықтық табиғатын, олардың тиімділігін және қолданылу тәжірибесін айқындау.

Осы мақсатқа жету үшін төмендегідей міндеттер айқындалды:

- партисипативтік татуластыру рәсімінің ұғымын, құқықтық негіздерін және қағидаттарын ашу;
- оны медиация және өзге де татуластыру рәсімдерімен салыстыру арқылы айырмашылықтарын анықтау;
- Қазақстан соттарында бұл институтты қолдану тәжірибесін талдау және негізгі проблемалық аспектілерін көрсету;
- халықаралық тәжірибелермен салыстыра отырып, олардың тиімді элементтерін ұлттық заңнамаға бейімдеу;
- партисипативтік рәсімдерді жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар ұсыну.

Мұндай кешенді талдау азаматтық процестегі партисипативтік татуластыру рәсімдерінің мәнін тереңірек ашуға және олардың ұлттық құқықтық жүйенің дамуындағы орнын айқындауға мүмкіндік береді. Халықаралық тәжірибе көрсеткендей, тараптардың өзара келісімге келуі әлеуметтік серіктестік мәдениетін нығайтып қана қоймай, құқықтық жүйенің беделін арттырады. Сондықтан Қазақстан жағдайында партисипативтік татуластыру рәсімдерін тиімді енгізу және қолдану ұзақ мерзімді перспективада сот жүйесін жетілдірудің, құқыққа деген сенімді күшейтудің, сондай-ақ азаматтық қоғамның тұрақты қалыптасуын қамтамасыз етудің маңызды алғышарты болып табылады.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу жұмысы азаматтық сот ісін жүргізу саласындағы партисипативтік татуластыру рәсімдерінің құқықтық табиғаты мен теориялық мәнін айқындауға бағытталды. Бұл зерттеу аясында қолданылған әдістер кешені тақырыптың ғылыми негізін ашуға және оның азаматтық процестегі орны мен ерекшеліктерін жан-жақты талдауға мүмкіндік берді. Негізгі әдістемелік негіз ретінде салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық, тарихи-құқықтық және талдамалық әдістер пайдаланылды. Бұл тәсілдердің барлығы заң ғылымындағы теориялық зерттеулерде кеңінен қолданылады және партисипативтік татуластыру рәсімінің мазмұнын, құқықтық сипатын және өзге татуластыру институттарымен арақатынасын талдауға мүмкіндік береді.

Салыстырмалы-құқықтық әдіс арқылы Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексінде көзделген партисипативтік татуластыру рәсімдерінің ережелері мен басқа мемлекеттердің ұқсас құқықтық институттары салыстырылды. Францияның procédure participative моделі, Канада мен Германиядағы collaborative law тәжірибелері зерттеліп, олардың құқықтық табиғаты мен қолданылу қағидаттары қарастырылды. Бұл елдердің тәжірибесі көрсеткендей, партисипативтік тәсіл азаматтық істерді бейбіт жолмен шешудің тиімді және өркениетті тетігі болып табылады, ал адвокаттардың кәсіби этикасы мен тараптардың еріктілігі оның табысты жүзеге асуының басты шарттары ретінде бағаланады.

Жүйелік-құрылымдық әдіс партисипативтік татуластыру рәсімінің азаматтық іс жүргізу жүйесіндегі орнын анықтауға және оның басқа институттармен байланысын ашуға бағытталды. Бұл әдіс арқылы партисипативтік тәсілдің медиация, келісім және татуласу институттарымен арақатынасы сарапталып, олардың арасындағы құқықтық ұқсастықтар мен айырмашылықтар жүйелі түрде көрсетілді. Аталған әдіс құқықтық жүйені тұтас құбылыс ретінде қарастыруға мүмкіндік беріп, азаматтық іс жүргізу саласында бейбіт реттеу тетіктерінің өзара байланысын ашуға көмектесті.

Тарихи-құқықтық әдіс партисипативтік татуластыру рәсімдерінің қалыптасу және даму эволюциясын қарастыру үшін қолданылды. Бұл тұрғыда Қазақстандағы татуластыру дәстүрінің тамыры тереңде жатқандығы, билер соты тәжірибесінде дауларды өзара келісім арқылы шешу қағидаттары ежелден бар екендігі атап өтіледі. Қазіргі партисипативтік тәсіл сол тарихи тәжірибенің заманауи құқықтық нысанда қайта жаңғыруы ретінде қарастырылды. Мұндай тарихи сабақтастық институттың ұлттық құқықтық жүйеге табиғи түрде енуін және оның мәдени-әлеуметтік негізге ие болуын дәлелдейді.

Талдау (аналитикалық) әдісі зерттеу барысында алынған барлық теориялық материалдарды, заңнамалық нормаларды және ғылыми көзқарастарды салыстыра отырып жүйелеуге мүмкіндік берді. Бұл тәсіл партисипативтік татуластыру рәсімінің құқықтық табиғатын айқындап қана қоймай, оның азаматтық процестегі рөлін ғылыми тұрғыда бағалауға жол ашты. Осы әдіс негізінде партисипативтік тәсілдің құқықтық ерекшеліктері мен артықшылықтары анықталып, азаматтық процесті гуманизациялау мен бейбіт реттеу тетіктерін жетілдіру бағыттары ұсынылды.

Зерттеу логикасы үш кезеңге негізделді. Бірінші кезеңде нормативтік-құқықтық база мен ғылыми әдебиеттер талданды. Екінші кезеңде партисипативтік татуластыру рәсімдерінің құқықтық мазмұны мен құрылымдық ерекшеліктері зерттелді. Үшінші кезеңде алынған теориялық қорытындылар жүйеленіп, оларды азаматтық іс жүргізу заңнамасын жетілдіру тұрғысынан қарастыру жүзеге асырылды. Бұл кезеңдердің барлығы өзара сабақтасып, зерттеу нәтижелерінің ғылыми сенімділігін қамтамасыз етті.

Осылайша, қолданылған әдістердің жиынтығы зерттеудің теориялық сипатын айқындап, азаматтық процестегі партисипативтік татуластыру рәсімдерінің мәнін, құрылымын және құқықтық рөлін кешенді тұрғыда зерделеуге мүмкіндік берді. Бұл әдістемелік тәсілдер зерттеу нәтижелерінің дәйектілігін арттырып, азаматтық іс жүргізу саласындағы бейбіт шешім институттарын теориялық тұрғыдан терең түсіндіруге жол ашты.

Нәтижелер мен талқылау

Егер партисипативтік татуластыру рәсімдері азаматтық сот ісін жүргізудің тұрақты элементіне айналып, тәжірибеде кеңінен қолданылса, онда ол сот төрелігінің сапасын арттырып, азаматтардың сотқа деген сенімін күшейтеді және құқықтық қатынастардағы әлеуметтік үйлесімділікті қамтамасыз етеді. Практикалық маңыздылығы – зерттеу нәтижелерін сот практикасына енгізу, заңнаманы жетілдіру және заңгерлер мен судьяларды даярлау бағдарламаларын жетілдіру барысында қолдануға мүмкіндік береді. Партисипативтік тәсіл азаматтық процестің тиімділігін арттырып қана қоймай, құқықтық мәдениеттің жаңа деңгейін қалыптастырады және қоғамдағы келісім мәдениетін нығайтады [8].

Азаматтық сот ісін жүргізу саласындағы реформалардың басты мақсаты – сот төрелігінің тиімділігін арттыру, тараптардың құқықтарын қорғаудың сапасын жақсарту және азаматтық қатынастардағы дауларды өркениетті жолмен реттеу мәдениетін қалыптастыру болып табылады. Қазіргі уақытта қоғамның әлеуметтік-экономикалық қатынастары күрделеніп, азаматтық істердің саны жыл сайын артып келеді. Осыған байланысты сот жүйесіне түсетін жүктеме ұлғайып, дауларды бейбіт реттеу қажеттілігі арта түсті. Бұл жағдай баламалы татуластыру институттарының, соның ішінде партисипативтік татуластыру рәсімдерінің рөлін күшейтті.

П. Кортес цифрлық платформалар мен әртүрлі жолдамалар жүйесі арқылы ADR-ді азаматтық сот төрелігімен институционалдық тұрғыдан байланыстыратын «соттан ADR-ге дейінгі» жолды жүйелеу қажеттігін атап өтеді [9].

Халықаралық құқық нормалары қазіргі кезеңде мемлекеттердің конституциялық құрылымын ғана емес, олардың құқықтық құндылықтар жүйесін де айқындай алатын факторға айналды. Бұл процестің күрделілігі әлемдік конституционализм теориясында да мойындалған.

Мысалы, Ричард Альберт халықаралық құндылықтардың ұлттық конституцияларға ықпалы туралы былай деп жазады: «Мен Тушнеттің конституциялық құқықтың жаһандануы туралы батыл болжамын негізге ала отырып, әртүрлі елдерде халықаралық құқықтың жаһандық құндылықтарын ұлттық конституциялардағы құндылықтармен үйлестіру мақсатында қолданылған шығармашылық конституциялық дизайн стратегияларын талдаймын» [10].

Бұл пікір ҚР Конституциясының Қазақстан халықаралық құқық нормаларын мойындай отырып, ұлттық құндылықтарды сақтау идеясымен үйлесетінін дәлелдейді.

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, партисипативтік татуластыру рәсімі – азаматтық процестегі бейбіт шешім табудың жаңа үлгісі. Ол тараптардың өзара сенім мен келісімге негізделген құқықтық мінез-құлқын дамытады, сот төрелігінің бейбіт сипатын күшейтеді. Бұл рәсімнің басты ерекшелігі – тараптардың адвокаттарының қатысуымен келіссөздер жүргізілуі және соттың бұл процеске тікелей араласпауы. Осылайша, партисипативтік татуластыру

рәсімі классикалық медиациядан өзгеше құқықтық механизм ретінде танылып отыр. Оның мазмұнында сот билігінен тыс, бірақ азаматтық процестің шеңберінде жүзеге асырылатын келісім мәдениеті көрініс табады.

Теориялық тұрғыдан алғанда, партисипативтік татуластыру рәсімі азаматтық процестегі гуманизация қағидатына негізделеді. Гуманизация – бұл азаматтың құқықтарын қорғауды тек формальды шешіммен шектемей, тараптардың өзара түсінісу және татуласу мүмкіндігін қамтамасыз етуді көздейтін қағидат. Мұндай тәсіл сот төрелігінің миссиясын кеңейтеді, яғни сот тек дау шешуші орган ғана емес, әлеуметтік бітім мен бейбіт қатынастарды қамтамасыз етуші институтқа айналады. Осы тұрғыда партисипативтік татуластыру рәсімі азаматтық процестің философиясын өзгертетін жаңаша құрал ретінде қарастырылады.

Зерттеу нәтижесінде анықталған маңызды мәселенің бірі – бұл институттың құқықтық реттелу деңгейі әлі де толық жетілмегендігі. Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексінде партисипативтік рәсімге қатысты жалпы қағидалар бекітілгенімен, оның нақты қолданылу тәртібі мен рәсімдік кезеңдері толық айқындалмаған. Мысалы, тараптардың адвокаттары келіссөз жүргізу барысында қандай дәлелдемелерді пайдалана алады, келісімге келу процесінің мерзімі қалай белгіленеді, соттың рөлі қандай деңгейде шектеледі деген сұрақтар нақты жауап талап етеді. Бұл өз кезегінде тәжірибеде рәсімнің әртүрлі түсіндірілуіне әкеледі. Сондықтан бұл институттың құқықтық табиғатын нақтылайтын қосымша ережелер мен нұсқаулықтарды енгізу қажет.

Сонымен қатар, тәжірибеде байқалып отырған тағы бір өзекті мәселе – адвокаттардың осы рәсім бойынша кәсіби дайындық деңгейінің жеткіліксіздігі. Көптеген заңгерлер мен адвокаттар партисипативтік тәсілдің мәнін толық түсінбей, оны дәстүрлі келісім немесе медиация процедурасымен шатастырады. Ал шын мәнінде, партисипативтік татуластыру рәсімі – бұл ерекше құқықтық процесс, онда адвокаттар тек өкіл емес, келіссөздің тең құқылы қатысушылары ретінде әрекет етеді. Сондықтан адвокаттардың кәсіби стандарттарына бұл институттың ерекшеліктерін түсіндіретін арнайы курстар енгізу орынды болар еді.

Зерттеу барысында анықталған тағы бір маңызды нәтиже – партисипативтік рәсімнің әлеуметтік-құқықтық тиімділігі. Бұл тәсіл тек азаматтық процестің жүктемесін азайтып қана қоймай, қоғамдағы құқықтық мәдениетті арттыруға әсер етеді. Тараптардың өзара келісімге келуі – құқықтық сана мен жауапкершіліктің көрінісі. Мұндай тәжірибе құқықты тек жазалау немесе міндеттеу құралы емес, өзара түсінісу мен әділдік орнатудың тетігі ретінде қабылдауға жол ашады.

Украиналық зерттеушілер Н. Мазаряки мен Т. Цувина да медиацияның бизнестің адам құқықтарына қатысты дауларында соттан тыс, бірақ мемлекетпен институционалданған тиімді құқықтық құрал бола алатынын, мұндай тетіктер қолжетімділік пен сенімді күшейтетінін көрсетеді [11].

Ұлттық және халықаралық құқық арақатынасын тек иерархиялық тұрғыдан қарастыру жеткіліксіз. Бұл – күрделі, көпқабатты процесс.

Бұл тұжырым Қазақстан үшін өзекті: ұлттық құқық нормалары халықаралық нормалармен үйлесуі тиіс, бірақ бірін-бірі басып-жаншымай, тепе-теңдікте дамуы қажет.

Бұл – заманауи құқық жүйесінің басты жетістіктерінің бірі.

Халықаралық тәжірибе тұрғысынан алғанда, партисипативтік татуластыру рәсімдері Еуропа елдерінің көпшілігінде табысты қолданылып келеді. Мысалы, Францияда бұл институт заң жүзінде нақты регламенттелген және сотқа дейінгі бейбіт келісім мәдениетінің негізгі тетігі ретінде қолданылады. Бұл елде адвокаттар тараптармен бірге келіссөз жүргізіп, арнайы хаттама толтырады, ол кейін сотқа ұсынылатын келісім құжатының негізі болып табылады. Германия мен Канадада да осыған ұқсас жүйе бар. Бұл елдерде бейбіт реттеу институттары қоғамда құқықтық мәдениеттің бір бөлігі ретінде қалыптасқан. Қазақстанда да осы тәжірибені бейімдеу арқылы азаматтық процестің тиімділігін арттыруға және азаматтардың сот жүйесіне деген сенімін күшейтуге толық мүмкіндік бар.

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, партисипативтік татуластыру рәсімдері азаматтық істердің мәні мен мазмұнын өзгертіп қана қоймай, сот төрелігінің идеологиялық бағытын да қайта қарауға ықпал етеді. Егер дәстүрлі процесс «дауласу – жеңу – жеңілу» қағидатына құрылса, партисипативтік тәсіл «тыңдау – түсіну – келісу» қағидатына негізделеді. Бұл өзгеріс

азаматтық сот ісін жүргізудің парадигмасын жаңартады және құқықтық қатынастарды реттеудің неғұрлым өркениетті деңгейін қамтамасыз етеді.

Партисипативтік татуластыру рәсімдерінің тағы бір маңызды нәтижесі – ол тараптардың өзара қарым-қатынастарын сақтауға мүмкіндік береді. Көп жағдайда азаматтық істер тек мүліктік немесе шарттық сипаттағы даулармен шектелмейді; олардың артында адамдар арасындағы ұзақмерзімді қарым-қатынастар, іскерлік байланыстар немесе отбасы құндылықтары тұрады. Дәстүрлі сот шешімі көбіне тараптардың арасындағы сенімді толық жояды. Ал партисипативтік рәсім, керісінше, екі жақтың да мүддесін ескеріп, өзара түсінісуге жол ашады. Бұл оның әлеуметтік функциясын айқындайтын маңызды белгі.

Теориялық тұрғыда партисипативтік тәсіл азаматтық процестің жаңа идеясын – сот төрелігін тек билік құралы емес, әділет пен келісім орнатудың рухани негізі ретінде қарастыру идеясын ілгерілетеді. Бұл көзқарас құқықтық мемлекеттің басты қағидаттарымен ұштасады. Партисипативтік татуластыру рәсімдері құқықтық саясаттың жаңа бағыты – «жазалау емес, түсінісу» қағидасын қолдайды. Ол қоғамдағы шиеленістерді азайтуға, азаматтардың өз құқықтарын бейбіт жолмен қорғауға үйретуге ықпал етеді.

Зерттеу барысында теориялық тұрғыда тағы бір маңызды тұжырым жасалды: партисипативтік татуластыру рәсімдері азаматтық процестің тиімділігін арттырумен қатар, сот жүйесінің беделін де көтереді. Азаматтар үшін сот тек шешім шығаратын орын емес, әділдік пен сенімнің нышаны болуы тиіс. Ал бейбіт келісім арқылы шешілген даулар сот төрелігінің шынайы құндылығын көрсетеді. Осы арқылы азаматтардың сотқа деген сенімі артып, құқықтық мәдениет нығаяды.

Халықаралық соттардың шешімдерін орындау мәселесі көптеген мемлекеттерде қызу пікірталас тудырады. Қазақстан да бұл тенденциядан тыс емес.

Бұл проблема Қазақстан үшін де маңызды, себебі ҚР Конституциясы ұлттық құқықтың жоғары тұратынын бекітсе де, Қазақстан бірқатар халықаралық шарттар бойынша міндеттемелер қабылдаған.

Партисипативтік рәсімдерді кеңінен енгізу үшін бірнеше ұйымдастырушылық және нормативтік шаралар қажет. Ең алдымен, Азаматтық процестік кодексте бұл институтқа арналған жеке тарау енгізіліп, рәсімнің кезеңдері, мерзімдері және құқықтық салдары нақты айқындалуы тиіс. Екіншіден, адвокаттардың кәсіби жауапкершілігін күшейтетін және келіссөз жүргізу мәдениетін дамытуға бағытталған арнайы стандарттар қажет. Үшіншіден, халық арасында бейбіт шешім институттары туралы ақпараттық-ағартушылық жұмыс жүргізілуі керек. Бұл құқықтық сауаттылықты арттырып, азаматтарды өзара түсінісуге бейімдейді.

Қорытындылай келе, зерттеу нәтижелері партисипативтік татуластыру рәсімдерінің азаматтық сот ісін жүргізудегі рөлін кешенді түрде ашып көрсетті. Бұл институттың енгізілуі сот төрелігінің жаңа сапалық деңгейге өтуін қамтамасыз етеді. Ол процестің тиімділігін арттырып қана қоймай, азаматтардың құқықтарын қорғаудың өркениетті мәдениетін қалыптастырады. Партисипативтік тәсіл – бұл тек процессуалдық жаңашылдық емес, сонымен қатар құқықтық сананың жаңа кезеңіне өту нышаны. Оның табысты дамуы Қазақстандағы сот реформаларының басты бағытына – әділ, қолжетімді және адамға бағытталған сот жүйесін қалыптастыруға толық сәйкес келеді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу нәтижелері партисипативтік татуластыру рәсімдерінің азаматтық сот ісін жүргізу жүйесіндегі орны мен рөлін жан-жақты айқындауға мүмкіндік берді. Бұл институт қазіргі кезеңдегі сот реформаларының мазмұнын жаңа деңгейге көтеріп, азаматтық дауларды бейбіт жолмен реттеу мәдениетін орнықтыру тұрғысынан стратегиялық маңызға ие екендігін көрсетті. Партисипативтік татуластыру тетігі тек дауды шешудің баламалы нысаны емес, азаматтық процестің ішкі құрылымын жаңартатын, сот төрелігін гуманизациялайтын және құқықтық қатынастарды адам мүддесіне жақындататын заманауи құқықтық механизм ретінде бағалануы тиіс. Оның басты құндылығы тараптардың еркіндігі мен теңдігіне, өзара құрмет пен жауапкершілікке негізделген келісімге келу процесін қамтамасыз етуінде жатыр. Бұл тәсіл азаматтық құқықтық қатынастарды формализмнен арылтып, әлеуметтік әділдікке, өзара

түсіністікке және құқық мәдениетін қалыптастыруға бағытталған құқықтық философияға негізделетінін көрсетеді.

Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексінде партисипативтік татуластыру рәсімдерінің негізгі құқықтық базасы құрылғанымен, іс жүзінде оның әлеуеті толық ашылмай отырғаны анықталды. Негізгі проблемалардың қатарында нормативтік регламенттің жеткілікті нақтыланбауы, рәсімді жүргізуге қатысатын адвокаттардың кәсіби даярлығының біркелкі болмауы, тараптардың құқықтық сауаттылық деңгейінің төмендігі, сондай-ақ қоғамдағы келіссөз мәдениетінің толық қалыптаспауы бар. Бұл факторлар партисипативтік тәсілдің тәжірибеде кең қолданыс табуына кедергі келтіреді. Сондықтан бұл институттың тиімділігіне қол жеткізу үшін құқықтық реттеуді жетілдірумен қатар, құқықтық ағарту жұмыстарын күшейту, адвокаттардың кәсіби дағдыларын дамыту және татуластыру мәдениетін қоғам деңгейінде институционалдандыру қажет.

Партисипативтік татуластыру рәсімдерінің әлеуметтік-құқықтық мәні айрықша. Бұл тетік азаматтардың құқықтық белсенділігін арттырып қана қоймай, олардың дауларға көзқарасын өзгертеді: тараптар жауапкершілікті тек сотқа жүктеуден гөрі өзара келісімге келу арқылы дау шешудің өркениетті тәжірибесін меңгере бастайды. Дәстүрлі сот процесі «жеңу немесе жеңілу» парадигмасына негізделсе, партисипативтік тәсіл «ортақ шешім табу» қағидасына сүйенеді. Бұл қоғамдағы шиеленістерді азайтуға, тараптар арасындағы қарым-қатынастарды сақтауға, азаматтық ынтымақтастық пен сенім мәдениетін нығайтуға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, бұл рәсім сот жүйесінің жүктемесін азайтып, сот уақытын ұтымды пайдалануға жол ашады, ал бұл, өз кезегінде, сот төрелігінің қолжетімділігін арттыруға септігін тигізеді.

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, партисипативтік татуластыру рәсімі азаматтық сот ісін жүргізудің жаңа идеологиялық бағытын қалыптастырады. Ол дауларды шешуді экономикалық, психологиялық және уақыт жағынан тиімді етеді. Әсіресе азаматтық даулардың арасында жиі кездесетін отбасылық, шарттық, мүліктік дауларды ұзаққа созбай, өзара түсіністік арқылы аяқтаудың маңызы жоғары. Бұл тәсіл тараптардың жеке және кәсіби қарым-қатынасын сақтап қалуға көмектеседі, олардың құқықтық мәдениетін арттырады, әлеуметтік тұрақтылық пен қоғамдағы өзара сенім деңгейінің нығаюына ықпал етеді.

Халықаралық тәжірибені талдау партисипативтік рәсімдерді дамытуда Қазақстан үшін маңызды бағыттарды анықтауға мүмкіндік берді. Францияда procédure participative моделі адвокаттардың кәсіби этикасына, келіссөз жүргізу мәдениетіне, тараптардың тең құқықтылығы мен еркін келісіміне негізделеді. Германия мен Канададағы collaborative law тәжірибесі де осы қағидаттарды қолдай отырып, дауларды тиімді әрі орнықты шешу мүмкіндігін көрсетеді. Бұл мемлекеттердің практикасы татуластыру рәсімдерінің тек құқықтық емес, әлеуметтік құндылығы бар екенін растайды. Қазақстан бұл тәжірибелерді ұлттық құқықтық жүйемен үйлестіре отырып, партисипативтік татуластыру институтын жетілдірудің тиімді жолдарын анықтай алады.

Зерттеу нәтижелері партисипативтік татуластыру рәсімдерін құқықтық саясаттың маңызды бағыты ретінде қарастыру қажет екенін айқын көрсетті. Бұл институтты дамыту үшін Азаматтық процестік кодекске рәсімнің нақты кезеңдері мен талаптарын бекітетін толықтырулар енгізу, адвокаттардың кәсіби біліктілігін арттыратын арнайы оқу модульдерін әзірлеу, халық арасында құқықтық ағарту жұмыстарын күшейту, ақпараттық-түсіндіру науқандарын жүргізу қажет. Сонымен қатар, сот жүйесі мен адвокаттар қауымдастығының өзара іс-қимылын институционалдандыру, кәсіби стандарттарды жаңарту және халықаралық тәжірибемен тұрақты алмасуды жолға қою да аса маңызды.

Қорытындылай келе, партисипативтік татуластыру рәсімдері азаматтық сот ісін жүргізудің жаңа парадигмасын қалыптастыратын, құқықтық мәдениетті нығайтатын және сот төрелігін гуманизациялауға бағытталған маңызды институт болып табылады. Бұл рәсімнің табысты дамуы азаматтық процестің тиімділігін арттырып қана қоймай, қоғамдағы құқықтық сана мен әлеуметтік келісім деңгейін күшейтеді. Партисипативтік тәсілдің одан әрі институционалдық дамуы Қазақстанда әділ, қолжетімді, заманауи және адамға бағытталған сот жүйесін қалыптастыруға елеулі үлес қосады. Сондықтан бұл институтты жетілдіру – заң ғылымы мен құқық қолдану тәжірибесінің алдында тұрған өзекті әрі стратегиялық міндет, ал оның сапалы дамуы еліміздің құқықтық жүйесінің жаңғыруына, дауларды бейбіт жолмен реттеу мәдениетін орнықтыруға және құқықтық мемлекеттің құндылықтарын нығайтуға берік негіз қалайды.

ӘДЕБИЕТТЕР

1 Тоқаев Қ-Ж. К. «Әділетті Қазақстан – бәріміз үшін!» Қазақстан халқына Жолдауы. – Астана, 2023. – 64 б.

2 Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан. Библиотека Верховного Суда Республики Казахстан. 2016. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32469410&pos=2;-106#pos=2;-106 (дата обращения: 25.10.2025)

3 Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексі. URL: https://adilet.zan.kz (өтініш берілген күн: 25.10.2025)

4 Шаяхметов А. Азаматтық процестегі татуластыру рәсімдері. – Алматы: Жеті Жарғы, 2022. – 214 б.

5 Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2023 жылғы талдамалық есебі. – Астана, 2024. – 152 б.

6 Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Access to Justice and ADR Mechanisms in Civil Disputes. Paris: OECD Publishing, 2023, 112 p.

7 Waters B. Alternative Dispute Resolution and Civil Justice: A Relationship Resolved? // The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. 2022, vol. 88, no. 1, pp. 3–33.

8 Ancel P. La procédure participative: un mode amiable de résolution des différends. Paris: Dalloz, 2020, 245 p.

9 Cortés P. Embedding Alternative Dispute Resolution in the Civil Justice System: A Taxonomy for ADR Referrals and a Digital Pathway to Increase the Uptake of ADR // Legal Studies. 2023, vol. 43, no. 2, pp. 211–230.

10 Albert R. Global Values in National Constitutions. Oxford University Press, 2023, 312 p.

11 Mazaraki N., Tsuvina T. Creating an Effective Mediation Scheme for Business-Related Human Rights Abuses: The Case of Ukraine // Business and Human Rights Journal. 2024, vol. 9, special Issue 1, pp. 129–149.

REFERENCES

1 Toqaev Q-J.K. (2023) «Ädılettı Qazaqstan – bärımız üşın!» Qazaqstan halqyna Joldauy. Astana, 64 p. (In Kazakh).

2 Kommentarij k Grazhdanskomu processual'nomu kodeksu Respubliki Kazahstan. Biblioteka Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan. 2016. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32469410&pos=2;-106#pos=2;-106 (data obrashhenija: 25.10.2025). (In Russian).

3 Qazaqstan Respublikasynyñ Azamattyq prosestık kodeksı. URL: https://adilet.zan.kz (ötınış berılgen kün: 25.10.2025). (In Kazakh).

4 Şaiahmetov A. (2022) Azamattyq prosestegı tatulastyru räsımderı. Almaty: Jetı Jarğy. 214 p. (In Kazakh).

5 Qazaqstan Respublikasy Joğarğy Sotynyñ 2023 jylğy taldamalyq esebı. Astana, 2024. 152 p. (In Kazakh).

6 Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Access to Justice and ADR Mechanisms in Civil Disputes. Paris: OECD Publishing, 2023, 112 p. (In English).

7 Waters B. (2022) Alternative Dispute Resolution and Civil Justice: A Relationship Resolved? // The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. Vol. 88, no. 1, pp. 3–33. (In English).

8 Ancel P. (2020) La procédure participative: un mode amiable de résolution des différends. Paris: Dalloz, 245 p. (In English).

9 Cortés P. (2023) Embedding Alternative Dispute Resolution in the Civil Justice System: A Taxonomy for ADR Referrals and a Digital Pathway to Increase the Uptake of ADR // Legal Studies, vol. 43, no. 2, pp. 211–230. (In English).

10 Albert R. (2023) Global Values in National Constitutions. Oxford University Press, 312 p. (In English).

11 Mazaraki N., Tsuvina T. (2024) Creating an Effective Mediation Scheme for Business-Related Human Rights Abuses: The Case of Ukraine // Business and Human Rights Journal. Vol. 9, special Issue 1, pp. 129–149. (In English).

ЕСЕНБЕКОВА П.Т.,*[1]
м.ю.н., ст. преподаватель.
*e-mail: pyesenbekova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0894-3279
[1]Южно-Казахстанской
университет им. М. Ауезова,
г. Шымкент, Казахстан

РОЛЬ ПАРТИСИПАТИВНЫХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация

Исследование посвящено анализу сущности, правовой природы и практики применения партисипативной процедуры примирения в гражданском судопроизводстве Казахстана. Актуальность темы обусловлена ростом числа гражданских дел, необходимостью снижения судебной нагрузки и развитием альтернативных способов разрешения споров. Цель исследования – определить структуру, эффективность и роль партисипативного примирения в гражданском процессе. Основная идея заключается в создании эффективного и гуманного механизма достижения взаимных договоренностей путем переговоров с участием адвокатов сторон. Научная и практическая значимость работы состоит в обосновании того, что партисипативная процедура позволяет разрешать споры быстрее, дешевле и цивилизованнее. Методология включает сравнительно-правовой, системно-структурный, историко-правовой и аналитический методы. Рассмотрены модели Франции, Германии и Канады и их сопоставление с казахстанской системой. Основные результаты показывают, что, несмотря на высокий потенциал, применение процедуры осложняется недостаточной нормативной регламентацией, низким уровнем правовой культуры и неравномерной профессиональной подготовкой адвокатов. Процедура способствует снижению нагрузки на суды и сохранению социального баланса между сторонами. Ценность исследования заключается в определении роли партисипативного примирения в гуманизации правосудия. Практическая значимость выражается в предложениях по совершенствованию законодательства, профессиональной подготовке и правовому просвещению.

Ключевые слова: партисипативная процедура, гражданский процесс, альтернативное разрешение споров, адвокат, правовая культура, судебная реформа.

YESSENBEKOVA P.,*[1]
master of law, senior lecturer.
*e-mail: pyesenbekova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0894-3279
[1]M. Auezov South Kazakhstan University,
Shymkent, Kazakhstan

THE ROLE OF PARTICIPATORY CONCILIATION PROCEDURES IN CIVIL LITIGATION

Abstract

This study examines the essence, legal nature, and practical application of participatory conciliation procedures in civil litigation in Kazakhstan. The relevance of the topic stems from the increasing caseload, the need to relieve courts, and the growing demand for alternative dispute resolution mechanisms. The aim of the research is to determine the structure, effectiveness, and procedural role of participatory conciliation within civil proceedings. Its core idea is to promote a cooperative mechanism enabling parties, assisted by their lawyers, to reach mutually acceptable agreements. The scientific and practical significance lies in demonstrating that participatory conciliation promotes faster, more cost-effective, and humane settlement of disputes. The methodology involves comparative-legal, system-structural, historical, and analytical approaches. Foreign models from France, Germany, and Canada are assessed and compared to national practices. Key findings suggest that despite significant potential, implementation is hindered by insufficient regulation, inconsistent professional training, and low legal awareness. The procedure helps reduce court workloads and preserve social balance between parties. The study's value is in identifying participatory conciliation as a tool for humanizing civil justice. Its practical relevance lies in recommendations for legislative refinement, professional training enhancement, and public legal education.

Keywords: participatory conciliation, civil procedure, ADR, attorney, legal culture, judicial reform.

Мақаланың редакцияға түскен күні: 31.10.2025

МРНТИ 10.87.89
УДК 341.9
JEL K

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-143-153

КАЮПОВА А.Б.,*[1]
докторант.
*e-mail: aigerim.kayupova@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0002-9749-0167
МОРОЗ С.П.,[1]
д.ю.н., профессор.
e-mail: spmoroz@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-6143-0210
ТАТАРИНОВА Л.Ф.,[1]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
e-mail: lola.tatarinova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1428-1662
[1]Каспийский общественный университет,
г. Алматы, Казахстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ, КОНТРАКТЫ, ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация

В данной статье авторами рассматривается перспектива процесса цифровизации в договорном праве Республики Казахстан. В рамках проведенного исследования изучена динамика развития цифровизации в Казахстане и за рубежом, что позволило сделать выводы, предложения по совершенствованию правового регулирования. Цель представленного исследования – анализ и выявление положительных и отрицательных аспектов цифровизации в договорном праве, пробелов правового регулирования в рамках законодательства Республики Казахстан. Статья исследует договорное право в национальной правовой системе при упоминании международного права и практики. На основе актуальных данных будет проводиться оценка существующих государственных инициатив. В условиях быстро развивающегося процесса цифровизации других стран нужно подготовить теоретическую базу для ее внедрения в нашу страну. В крайнем послании Президента К.К. Токаева от 8 сентября 2025 г. сказано о важности цифровизации государства в современном мире как способе конкуренции с другими странами. Чтобы стать частью нового технологического уклада в мировом сообществе, стоит провести модернизацию во многих сферах, в том числе в праве. Значимость проведенного исследования заключается в предложении гармонизированного внедрения цифровых технологий в частное право, развития IT-технологий и формирования единой нормативной системы для устойчивого прогресса интеграции цифровых технологий в договорное право. Значимость представленной статьи заключается в том, что авторами сделаны практические рекомендации по разработке нормативных актов, нормы которых будут направлены на правовое регулирование процессов цифровизации при заключении договоров в Республике Казахстан.

Ключевые слова: цифровизация, договорное право, контракт, цифровые активы, международное право, языковая модель.

Введение

В представленной статье нами поднимаются вопросы, актуальность которых в свете повсеместной цифровизации не оставляет сомнений, а именно цифровизация в договорном праве.

На сегодняшний день все сферы нашей жизни проходят через процесс цифровизации, что выражается, в частности, и в том, что мы заказываем продукты онлайн, пользуемся онлайн-банками, узнаем все новости через телефон, социальные сети. Современные тенденции развития цифровизации в разных сферах показывают ценность изучения цифровизации в договорном праве. Договорное право является наиболее востребованной на практике частью гражданского права в современных реалиях, поскольку договорные отношения, подобно биологическим ней-

ронным сетям, пронизывают всю жизнь как отдельных индивидов, так общества в целом. Любой субъект ежедневно заключает целый ряд договоров, о существовании которых порой даже не задумывается: люди приобретают вещи в магазинах (в том числе интернет-магазинах, на площадках электронной торговли), передвигаются на общественном транспорте, пользуются услугами кафе, ресторанов, медицинских центров, сотовой связи и т.д. Данный перечень ежедневно встречающихся договорных форм можно продолжать почти до бесконечности.

Осознавая тот факт, что в мире существует всеми признанный перечень инструментов по регулированию договорных правоотношений, мы вынуждены признать, что вопрос регламентации договоров в сети Интернет остается открытым. Договор всегда был главным инструментом при регулировании различного рода правоотношений, но в настоящее время данный институт требует модификации и трансформации с учетом существующих новых веяний времени. Сейчас заключают, исполняют и следят за выполнением соглашений в основном посредством сети Интернет, в связи с чем возникают новые вопросы, в том числе в области понимания легитимности электронных документов, правовой природы электронного договора, способов подписания и вопросов идентификации того, кто именно подписывает договор онлайн. Кроме того, обостряются аспекты, касающиеся защиты данных в сети, уровня доверия этим смарт-контрактам, оборота цифровых денег.

Основная идея данной статьи выражается в изучении как действующих в настоящее время норм национального законодательства РК [1, 2, 3], так и норм законодательств иностранных государств, которые направлены на регулирование онлайн-договоров и регламентации оборота цифровых активов.

Если затронуть республиканский, международный опыт и сравнение с зарубежной практикой, то станет очевидно, что данная сфера правового регулирования требует пересмотра и изменения. Так, в международной практике регулирование цифровых контрактов развивается в направлении гармонизации правовых подходов. Европейский союз, в свою очередь, принял ряд директив, регулирующих электронную коммерцию, электронные подписи и защиту купли-продажи товаров, способствуя унификации договорного права. Государства –члены ЕС закрепляют ключевые положения о цифровизации, стремясь к интеграции в мировое правовое пространство, учитывая существующие принципы при совершенствовании своего законодательства.

В то же время процессы интеграции способствуют тому, что в мире сейчас государства все более активно пытаются придумать правила для онлайн-договоров.

В числе самых важных документов – Венская конвенция ООН о купле-продаже товаров, где говорится про честность, равенство сторон и добросовестное выполнение обязательств [4], также принципы УНИДРУА, где применяются общие правила, как заключать, исполнять и понимать договоры. Они часто используются как пример для создания законов в разных странах. В директивах и регламентах Евросоюза, например, есть директива о цифровом контенте и услугах, которая регулирует отношения при продаже цифровых товаров. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле обеспечивает признание электронных сообщений и подписей [5].

Все эти документы направлены на унификацию правил для онлайн-договоров, чтоб и смысловая нагрузка, и применение было одинаковым во всем мире, что позитивно отразится на создании условий для сотрудничества между странами [6].

В Казахстане вопросы цифровизации регулируются рядом нормативных актов: Гражданским кодексом, Законом «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», Законом «О цифровых активах в Республике Казахстан». Последний определяет правовой режим цифровых активов, включая криптовалюты и токены, устанавливает правила их обращения и правовую защиту.

Кроме того, в рамках концепции «Цифровой Казахстан» [7] государство активно внедряет технологии блокчейн и искусственного интеллекта в сферу публичных и частных отношений. Электронные площадки, такие как eGov, обеспечивают возможность заключения договоров и сделок в онлайн-режиме.

На сегодняшний день, согласно оценке ООН, Казахстан демонстрирует прогресс в области цифровизации. Республика Казахстан занимает 24 место среди 193 государств, а также входит в десятку лидеров по индексу онлайн-услуг. Так, например, доступность к государственным услугам посредством Интернета достигла 92% [8].

Кроме того, внедряются сервисы биометрической идентификации и QR-подписи, что значительно упростило процесс получения электронных услуг. В 2024 г. с помощью QR-кодов было выполнено более 8 млн подписей, а через систему Digital ID проведено свыше 18 млн идентификаций.

Процесс совершенствования и модернизации платформы «электронного правительства» непрерывен и находится в активной фазе перехода к третьей версии. Новый eGov станет значительно стабильнее и удобнее, в том числе с помощью применения технологий ИИ. Новый виток развития данной платформы регламентируется нормами следующих НПА РК:

1) Гражданский кодекс РК [1], являющийся главным законом, нормы которого направлены на регламентацию договорных правоотношений.

2) Закон РК «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» [3], где закреплены фундаментальные аспекты регулирования электронного документооборота.

3) Закон РК «О цифровых активах в Республике Казахстан» [2], нормы которого регулируют оборот цифровых активов, в том числе цифровых денег.

4) Программа «Цифровой Казахстан», указан план развития цифровой экономики, электронные договоры. По Гражданскому кодексу, договор, заключенный через Интернет, считается письменным, если есть электронная подпись.

Кроме того, актуальность выбранной темы научного исследования обусловлена тем, что в правовом поле появилось понятие цифрового актива, которое указывает нам на то, что «это имущество в электронном виде, которое имеет ценность». Но развиваются все эти аспекты пока слабо, особенно смарт-контракты и оборот токенов. Минусы в том, что нет четкого определения смарт-контракта в законе, сложно понять, кто за что отвечает при автоматических онлайн-операциях.

Материалы и методы

В процессе подготовки статьи авторами применялись такие методы научного исследования, как исторический, формально-юридический, а также широко использовались методы анализа и синтеза. Так, исторический метод позволил проследить развитие регулирования электронных договоров и цифровых технологий, формально-юридический – выявить и систематизировать действующие нормативные положения.

С целью не только раскрыть особенности цифровизации в сфере договорного права, но и сопоставить подходы различных правовых систем был использован сравнительно-правовой метод. В качестве объектов анализа выступали нормы национального законодательства и зарубежных стран (Франции, США, штаты Иллинойс и Луизиана), а также положения международного права, регулирующие электронные сделки и использование цифровой подписи.

Дополнительно применялись методы обобщения, классификации и интерпретации, что позволило определить ключевые тенденции цифровизации договорных отношений, выявить ее преимущества и потенциальные риски для правового регулирования.

Результаты и обсуждение

Как тенденция развития цифровизации в разных сферах, в том числе в договорном праве в Казахстане влияет на мировое сообщество, Казахстан внедряет цифровые подписи, электронные формы сделок и умные контракты, соответствующие международным стандартам. Это позволяет иностранным инвесторам и партнерам заключать договоры (пример договорного права) без лишних барьеров, что усиливает взаимное доверие и улучшает международное развитие в целом.

Также опыт Казахстана показывает то, как переход к цифровым юридическим процедурам снижает издержки, риски обмана повышением прозрачности сделки [9]. Казахстан принимает активное участие в международных инициативах по вопросам цифровизации, тем самым внося вклад в развитие международных норм цифрового развития.

Например, опыт Казахстана полезен для стран, которые только развиваются в этой сфере. Казахстан делится своими передовыми решениями в сфере электронного правительства с таки-

ми странами, как Таджикистан, Того, Сьерра-Леоне. Касательно свободы договора в Интернете нужно знать, что можно и что нельзя. В контексте нашего исследования стоит отметить, что свобода договора выступает одним из концептуальных принципов, согласно которому стороны сами решают, каким будет договор. В то же время на практике, особенно при заключении договоров посредством сетей телекоммуникаций (сеть Интернет), это не всегда работает. Следовательно, мы полагаем, что, несмотря на наличие закрепленного, в том числе в ГК РК принципа свободы договора, при заключении договоров в сети Интернет стоит соблюдать следующие принципы:

1. Добровольность – стороны свободны в заключении договора и никто не может быть принужден.
2. Свобода выбора – можно выбирать, с кем заключать договоры и формировать условия договора.
3. Ответственность – соблюдение законодательных норм.

Это отражается и через институт «оговорок», уведомление о которых можно сделать посредством электронной почты [9].

Бывают случаи, где действует принцип свободы договора, однако на сегодняшний день в цифровой среде существуют определенные ограничения. Например, как это справедливо отмечается П.И. Чулюкиным и Л.А. Сунгатуллиной, к ним можно отнести стандартные формы договоров и смарт-контракты. В них заранее прописаны все условия, и стороны не могут их изменять. То есть это говорит о том, что в обычной ситуации стороны могут свободно договариваться о пунктах, а в Интернете эта свобода частично ограничена заранее установленными правилами. Защита слабой стороны: часто бывает, что пользователь соглашается на все, не имея возможности что-то изменить. К ним можно отнести алгоритмы и ИИ, когда решения принимаются автоматически, что может быть несправедливо. Сейчас предлагают ограничивать свободу договора в Интернете, чтобы защитить права людей и обеспечить честность сделок [10].

Что касается объединения законов разных стран и связи с Казахстаном, сюда можно отнести унификацию, когда страны пытаются сделать свои законы похожими, чтобы было проще вести дела. Принципы УНИДРУА, Венская конвенция [11] и директивы ЕС помогают создавать общие правила. Для Казахстана это значит:

1. Заимствуются положения о честности и справедливости.
2. Признается юридическая сила электронных сообщений.
3. Стандарты защиты потребителей становятся похожими на европейские. Но все равно есть различия, например, в понимании, что такое электронная форма сделки и цифровой актив.

Одним из важнейших принципов, которые определяют суть договора, является принцип свободы договора. Этот принцип позволяет сторонам свободно, по своему усмотрению писать условия, дает понять, с кем составлять договор, не принуждать к составлению договора за исключением, предусмотренным статьями Гражданского кодекса Республики Казахстан. Принуждение к составлению договора является нарушением принципа свободы договора, ведь принуждение является властью над другой стороной и, соответственно, это будет являться не договором, а специфическим документом, где одна сторона принуждает другую сторону. Подразумевается, что свобода договора предполагает и равенство сторон.

В электронном варианте свобода договора является проявлением и инструментом реализации для смарт-контракта [12]. Отличие смарт-контракта от свободы договора в том, что свободой договора является принцип и право, а смарт-контракт является способом реализации данного права в цифровой среде. В нашем законодательстве причиной ограничения смарт-контрактов является их неизменность условий, в отличие от электронных сделок, в которых стороны могут изменять условия [13]. Сегодня законодательство Казахстана устанавливает только понятие электронного документа, к которому смарт-контракт не может быть отнесен, поскольку не подписывается электронно-цифровой подписью, а потому не соответствует требованиям закона, предъявляемым к электронному документу. Нужно также остановиться на языке написания смарт-контрактов. Язык смарт-контракта – это компьютерный код. В Казахстане смарт-контракт ограничивается законом, но при этом есть первые заключения смарт-контрактов. Так, например, в 2023 г. Ассоциация блокчейн и индустрии дата-центров Казахстана заключила с

разработчиком программного обеспечения – компанией Ilink первый смарт-контракт, предметом соглашения которого является создание образовательной программы для блокчейн-разработчиков в Казахстане [14]. Эти прецеденты дают основание к рассмотрению легализации и правового регулирования смарт-контрактов.

Международный опыт смарт-контракты трактует по-разному:

1. Смарт-контракт как договор.
2. Смарт-контракт как программный код.
3. Смарт-контракт как механизм исполнение условий договора.

В некоторых странах термин «смарт-контракт» в законодательстве не существует, но это не означает, что смарт-контракты запрещены. Ведь все, что не запрещено, разрешено. Например, во Франции нет никаких ограничений по использованию смарт-контрактов. В США смарт-контракты определяются не федеральным законодательством, а на уровне законодательства штата. Законы в штатах разнятся от определения смарт-контракта. Например, в штате Иллинойс смарт-контракт является обычным договором, в штате Луизиана смарт-контракт является программой, которая сохраняет активы и совершает с ними транзакции [15].

Нужно также уделить внимание сбору и обработке данных пользователя. Так как это напрямую связано с личной жизнью гражданина, в Республике Казахстан сбор и обработка данных регулируется законом «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 г. В Казахстане для сбора и обработки данных пользователя нужно согласие самого пользователя, чтобы сайт обрабатывал данные. Также нужно развивать возможность отзыва согласия на сбор и обработку данных у пользователя. Можно выделить несколько этапов заключения договора в сети:

1. Подготовить текст договора в электронном виде (Word, PDF, XML).
2. Согласовать условия между сторонами (в том числе по электронной почте).
3. Подписать документ обеими сторонами с использованием ЭЦП.
4. Сохранить подписанный файл и сертификаты подписи.

Также используются платформы для документооборота (DocuSign, Docrobot, электронная почта с ЭЦП, Битрикс24 и т.п.).

И в каждом отдельном случае при использовании той или иной платформы субъекты правоотношений могут сталкиваться как с особенностями, так и с рисками. Например, преимуществом является экономия времени и расходов, оперативность подписания, автоматизация документооборота. Минусы в том, что могут быть споры при подделке ЭЦП (если украден ключ), сложность подтверждения получения (если договор направлен по e-mail), технические сбои, а также проблемы, связанные с идентификацией пользователя – конктрагента.

Отсюда возникает вопрос, как на сегодняшний день договоры переходят в онлайн-формат. Перевод договорных отношений в онлайн делается через Интернет, используются программы, блокчейн, электронные подписи и онлайн-платформы.

Главным аспектом являются электронные договоры и смарт-контракты, их можно отметить как обычные договоры, только в электронном виде, и умные контракты, которые сами отмечают некоторые пункты. Это можно реализовать с помощью электронной подписи (ЭЦП), однако нужно обратить внимание на то, чтобы точно знать, кто подписал документ. Цифровые активы, токены и криптовалюту тоже можно продавать и покупать по договору, также искусственный интеллект (ИИ) на сегодняшний день может помочь составлять и проверять договоры.

В зависимости от этих перемен меняется и вид, и суть договоров. Появляются новые риски. Как быть уверенным, что человек сам хотел заключить договор, если все делает программа? Возникает ряд вопросов, как защитить секретную информацию, кто отвечает за сохранность личных данных и в какой стране судиться, если что-то пошло не так в сделке.

Что касается международного опыта, то стоит обратить внимание на понятие GDPR. GDPR – это генеральный регламент ЕС, обеспечивающий защиту персональных данных, ради гаранта права о неприкосновенности личной жизни человека. Персональные данные граждан могут быть защищены даже за пределами ЕС. В Сингапуре закон о защите персональных данных (PDPA) был принят в 2012 г. В Сингапуре гражданин, используя сайт, должен заполнять форму, в которой он дает согласие на обработку его персональных данных. Сайт может обрабатывать только те данные, на которые сам пользователь дал согласие. Сингапур – одна из первых азиатских стран, принявшая закон о защите персональных данных пользователя [16].

Резюмируя все вышеизложенное, мы отметим, что при проведении анализа действующего законодательства Республики Казахстан, а также норм некоторых зарубежных государств, мы можем отметить, что Казахстан старается использовать международные стандарты, но регулирование онлайн-контрактов пока не очень четкое, растет число электронных договоров в банках, онлайн-торговле и финансовых технологиях, цифровые активы пока рассматриваются как инвестиции, а не как полноценное имущество. Смарт-контракты пока не признаны законом.

Нужно менять не только технику, но и законы, стоит придумать, как обеспечить свободу воли, доказательства исполнения и идентификацию сторон в Интернете. Чтобы улучшить регулирование онлайн-договоров в Казахстане, мы предлагаем:

1) внести в Гражданский кодекс понятие смарт-контракта, определить условия его действия и юридическую силу;
2) создать электронный реестр цифровых договоров для их регистрации и защиты данных;
3) разработать механизм идентификации сторон через ЭЦП и биометрические данные;
4) уточнить правила использования цифровых активов;
5) привести законы Казахстана в соответствие с принципами УНИДРУА и директивами ЕС.

Эти меры помогут Казахстану занять хорошее место в мировой цифровой экономике и создать безопасные условия для бизнеса. Чтобы улучшить цифровизацию договорного права, необходимо внедрить электронные договоры, а также развивать, дополнять нормативную базу и технологии для обеспечения безопасности персональных данных граждан. Можно выделить несколько аспектов, таких как:

1. Внедрение электронного документооборота. А именно стоит включить переход на электронные договоры вместо бумажных договоров для ускорения и удешевления сделок. Использовать систему электронного документооборота (СЭД) для автоматизации и быстроты получении результатов через ЭЦП.

2. Развитие юридической базы, то есть обновление законодательства для обеспечения юридической силы электронных договоров и доверенностей. Создание стандартов и рекомендаций для цифрового договорного права. Учитывать актуальные проблемы по IT-технологиям и писать новые законы по мере выхода новых обновлений, например в области LLM).

3. Улучшение технологий, например внедрение технологий для обеспечения безопасности, таких как криптографические методы и электронные подписи. Использование таких новых технологий, как блокчейн, для создания надежных и прозрачных реестров договоров. Обновление материально-технической базы по компьютерным технологиям и их постепенное внедрение в юриспруденцию.

4. Разработка систем для автоматизации поиска и анализа договоров. Создание удобной и практичной поисковой системы, позволяющей использовать наработки LLM (большая языковая модель) в целях юридического анализа текста договоров. Обучение национального LLM для анализа правовой проблемы через законодательство Республики Казахстан.

5. Обеспечение защиты прав и данных. Формирование в обществе правила для безопасного использования цифровых документов и создание национальной публичной базы данных по кибербезопасности с непрерывным обновлением информации о новых цифровых угрозах. Правовое регулирование разных видов кибератак и их профилактики среди граждан.

6. Усиление мер по защите персональных данных, как предусмотрено законом. Анализировать новшество в сфере IT-технологий и постоянно видоизменять закон «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 г. под новые технологии. Например, в этом законе рассматривается файл cookie (небольшой текстовый файл с веб-сайтов, которыми пользуется пользователь, хранящий в себя действие пользователя в определенном веб-сайте) как персональные данные, которые требует правового регулирования со стороны законодательства.

7. Разработка механизмов для предотвращения утечек и кибератак. Модернизация технического обеспечения и обслуживания по кибербезопасности, организация регулярных аудитов для выявления уязвимости к утечкам данных, информирование сотрудников о новых способах кражи данных и создание нормативных актов, устанавливающих строгие требования для операторов, предоставляющих услуги гражданам.

8. Предоставление пользователям возможности контролировать свои данные и права. Обеспечение защиты прав и данных. Организация механизма по отзыву согласия на обработку персональных данных. Проанализировать международный опыт и сделать законодательную базу более актуальной в современном мире. Унификация нашего законодательство в международном договорном праве.

Заключение

Оцифровка договорного права в настоящее время выступает не просто сменой декораций, а является «переходом из библиотеки в киберпространство», причем в очень резком формате. Так, ранее все договоры были оформлены и отражены на бумаге и сопровождались печатями и подписями. В настоящее время мы все чаще сталкиваемся с наличием различных кодов, данных, токенов и смарт-контрактов. В контексте нашего исследования, прибегая к сравнению, становится очевидно, что ситуация кардинально изменилась, на что указывает тот факт, что раньше согласие с условиями договора выражалось в действиях, направленных на подписание бумаги собственноручно. На сегодняшний день свое согласие лицо может подтвердить онлайн в системе документооборота или же вовсе программа сделает это за вас. Указанное смещение акцентов в сторону цифровизации в рамках договорных отношений порождает «новую форму волеизъявления».

Отсюда возникает вопрос: что делать с привычными понятиями? Форма сделки, предмет договора, обязательства – все это как-то иначе работает в цифре. Нужно разбираться, как программы сами что-то делают и какие последствия это имеет. Соответственно, оцифровка – это не просто «прикрутить» новые технологии к старому праву. Это значит, что надо думать по-новому о том, что такое договор и какие новшества добавить.

Во всем мире юристы думают и предлагают разные варианты, как правильно регулировать цифровые договоры. Есть разные международные правила, конвенции, директивы. Все они помогают, чтобы в цифровом мире было понятно, кто из субъектов что и как может делать в сфере цифровизации.

Казахстану тоже важно в этом участвовать. Наша правовая система сейчас будто только осознает всю серьезность цифрового аспекта. Многие уже понимают, что электронные договоры и цифровые активы в современных реалиях являются очень актуальной и важной сферой. Однако несмотря на предпринимаемые попытки со стороны ученых, законодателей и правоприменителей, остается значительный пласт проблем, требующих изучения и изменения. Более того, на сегодняшний день есть ряд вопросов по цифровизации, привлекающих к себе внимание юристов, в частности вопросы, связанные с тем, как регулировать смарт-контракты, как точно определять, действительно ли то лицо подписывает договор в Интернете (вопросы идентификации пользователя), и как защищать данные лиц, участвующих в правоотношении.

Учитывая поднимаемые вопросы, на основе проведенного исследования авторы пришли к выводу, что целесообразно акцентировать внимание на принципе свободы договора, поскольку реализация данного принципа может иметь дефекты. Так, например, согласно действующему законодательству и имеющейся договоренности, субъект может выбирать, с кем и как вступать в договорные отношения, но часто получается, что просто дается согласие на условия, которые уже безапелляционно предлагаются контрагентом (например, условия онлайн-платформы). В таких случаях надо внимательно следить, чтобы никто не злоупотреблял своим положением и у лиц, вступающих в договорные отношения, оставалась реальная свобода выбора.

После изучения всех деталей и проблемных аспектоы выбранной темы складывается стойкое впечатление, что оцифровка договорного права позволяет все делать быстрее и проще. В то же время важно не терять бдительность, чтобы на фоне меняющихся правил и требований не допустить ошибок, влекущих негативные последствия. А при законотворческой деятельности, направленной на формирование новых норм, не снижать степень правовой защищенности субъектов договорных отношений. В идеале нужно создать цифровую правовую систему, в которой имели бы место реестры электронных договоров, цифровых активов. Подобный подход создаст правовые основы для проверки корректности работы смарт-контрактов, создаст условия, при которых все стейкхолдеры будут знать, кто именно подписывает конкретный договор,

какие условия предъявляются и какие из них можно исключить и/или заменить при принятии соглашения в сети Интернет.

Казахстан должен продолжать тенденцию унификации внутреннего и международного цифрового регулирования, в том числе посредством участия в международных программах по развитию технологий, и активно имплементировать положительный опыт в различные сферы, связанные с технологиями и цифровыми договорами.

В будущем Казахстан может стать примером для других стран. Однако считаем принципиально важным не просто копировать чужие нормы и/или механизмы регулирования, а сформировать что-то свое, важное и новое для Казахстана, при этом не отходя от фундаментальных принципов договорного права Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая и Особенная части) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII. В редакции Закона РК от 21.05.2024 № 86-VIII // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – 1994 г. – № 23–24 (приложение).

2 Закон Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан» от 6 февраля 2023 года № 193-VII. В редакции Закона РК от 19.09.2025 № 219-VIII. ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193.

3 Закон Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 7 января 2003 года № 370-II. В редакции Закона РК от 18.07.2025 № 215-VIII // Ведомости Парламента РК. – 2003. – № 1–2. – Ст. 1.

4 Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. 1980. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.

5 Принципы международных коммерческих договоров // Официальный сайт УНИДРУА. 2016. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/UnidroitPrinciples-2016-Russian-bl.

6 Кусаинова А.К., Хоффманн Т. Источники международно-правового регулирования электронного документооборота. URL: https://pps.kaznu.kz/kz/Main/FileShow2/132764/81/446/4382/%D0%9A%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%90%D0%B9%D0%BD%D1%83%D1%80%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D1%8B%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0/2014/1

7 Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы» от 28 марта 2023 года № 269. ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269

8 Руководство по международным договорам ООН. URL: https://treaties.un.org/doc/source/publications/thb/russian

9 Доклад Комиссии международного права Шестидесятая сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2008 года). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят третья сессия. Дополнение № 10 (A/63/10) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/reservations_guidelines

10 Чулюкина П.И., Сунгатуллина Л.А. Смарт-контракт в договорном праве в контексте цифровизации // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – Т. 9–5(96).

11 Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml

12 Глобальный цифровой договор ООН // Официальный сайт ООН. 2023. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-poii/2023_globalynyy_cifrovoy_dogovor_-otkrytoe_svobodnoe_i_bezopasnoe_cifrovoe_buduschee_dlya_vseh_a_global_digital_compact-_an_open_free_and_secure_digital_future_for_all_oon/

13 Соглашение о трансграничной безбумажной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе может упростить для Евразийского союза торговлю с третьими странами. ИПС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34279879

14 Имангалиева А.Д. Вопросы правового регулирования сделок (смарт-контрактов), заключенных с применением блокчейн-технологий. ИПС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32563081

15 Законодательство США об электронной подписи (ESIGN Act). 2023. URL: https://www.ssl.com/ru/статью/законы-о-подписаниицифровых-документов

16 Personal Data Protection in Asia: Legislation in Singapore, Hong Kong, India and China. Data Privacy Office. 2023. URL: https://data-privacy-office.com/personal-data-protection-in-asia-legislation-in-singapore-hong-kong-india-and-china/

REFERENCES

1 Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja i Osobennaja chasti) ot 27 dekabrja 1994 goda No. 268-XIII. V redakcii Zakona RK ot 21.05.2024 No. 86-VIII // Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Kazahstan. 1994 g. No. 23–24 (prilozhenie). (In Russian).

2 Zakon Respubliki Kazahstan «O cifrovyh aktivah v Respublike Kazahstan» ot 6 fevralja 2023 goda No. 193-VII. V redakcii Zakona RK ot 19.09.2025 No. 219-VIII. IPS «Ədilet». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193. (In Russian).

3 Zakon Respubliki Kazahstan «Ob jelektronnom dokumente i jelektronnoj cifrovoj podpisi» ot 7 janvarja 2003 goda No. 370-II. V redakcii Zakona RK ot 18.07.2025 № 215-VIII // Vedomosti Parlamenta RK. 2003 g. No. 1–2. P. 1. (In Russian).

4 Venskaja konvencija o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov // Oficial'nyj sajt JuNSITRAL. 1980. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r. (In Russian).

5 Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov // Oficial'nyj sajt UNIDRUA. 2016. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/UnidroitPrinciples-2016-Russian-bl. (In Russian).

6 Kusainova A.K., Hoffmann T. Istochniki mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija jelektronnogo dokumentooborota. URL: https://pps.kaznu.kz/kz/Main/FileShow2/132764/81/446/4382/%D0%9A%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%90%D0%B9%D0%BD%D1%83%D1%80%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D1%8B%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0/2014/1 (In Russian).

7 Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan «Ob utverzhdenii Koncepcii cifrovoj transformacii, razvitija otrasli informacionno-kommunikacionnyh tehnologij i kiberbezopasnosti na 2023–2029 gody» ot 28 marta 2023 goda No. 269. IPS «Ädılet ». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 (In Russian).

8 Rukovodstvo po mezhdunarodnym dogovoram OON. URL: https://treaties.un.org/doc/source/publications/thb/russian (In Russian).

9 Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava Shestidesjataja sessija (5 maja – 6 ijunja i 7 ijulja – 8 avgusta 2008 goda). General'naja Assambleja. Oficial'nye otchety. Shest'desjat tret'ja sessija. Dopolnenie No. 10 (A/63/10). Oficial'nyj sajt OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/reservations_guidelines www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/reservations_guidelines (In Russian).

10 Chuljukina P.I., Sungatullina L.A. (2024) Smart-kontrakt v dogovornom prave v kontekste cifrovizacii // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 9–5(96). (In Russian).

11 Konvencija OON ob ispol'zovanii jelektronnyh soobshhenij v mezhdunarodnyh dogovorah. Oficial'nyj sajt OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (In Russian).

12 Global'nyj cifrovoj dogovor OON (2023). Oficial'nyj sajt OON. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-poii/2023_globalynyy_cifrovoy_dogovor_-otkrytoe_svobodnoe_i_bezopasnoe_cifrovoe_buduschee_dlya_vseh_a_global_digital_compact-_an_open_free_and_secure_digital_future_for_all_oon/ (In Russian).

13 Soglashenie o transgranichnoj bezbumazhnoj torgovle v Aziatsko-Tihookeanskom regione mozhet uprostit' dlja Evrazijskogo sojuza torgovlju s tret'imi stranami. IPS «Paragraf». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34279879

14 Imangalieva A.D. Voprosy pravovogo regulirovanija sdelok (smart-kontraktov), zakljuchennyh s primeneniem blokchejn-tehnologij. IPS «Paragraf». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32563081 (In Russian).

15 Zakonodatel'stvo SShA ob jelektronnoj podpisi (ESIGN Act), 2023. URL: https://www.ssl.com/ru/stat'ju/zakony-o-podpisaniicifrovyh-dokumentov (In Russian).

16 Personal Data Protection in Asia: Legislation in Singapore, Hong Kong, India and China. Data Privacy Office, 2023. URL: https://data-privacy-office.com/personal-data-protection-in-asia-legislation-in-singapore-hong-kong-india-and-china/ (In English).

КАЮПОВА А.Б.,*[1]
докторант.
*e-mail: aigerim.kayupova@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0002-9749-0167
МОРОЗ С.П.,[1]
з.ғ.д., профессор.
e-mail: spmoroz@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-6143-0210
ТАТАРИНОВА Л.Ф.,[1]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: lola.tatarinova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1428-1662
[1]Каспий қоғамдық университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ШАРТТЫ ҚҰҚЫҚТАҒЫ ЦИФРЛАНДЫРУ ҮДЕРІСІ, ЦИФРЛЫҚ АКТИВТЕР МЕН ШАРТТАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕЛУІ

Аңдатпа

Бұл мақалада авторлар Қазақстан Республикасының шарттық құқығындағы цифрландыру процесінің перспективасын қарастырады. Зерттеу аясында Қазақстанда және шетелде цифрландырудың даму динамикасы зерттелді, бұл құқықтық реттеуді жетілдіру бойынша қорытындылар мен ұсыныстар жасауға мүмкіндік берді. Ұсынылған Зерттеудің мақсаты-шарттық құқықтағы цифрландырудың оң және теріс аспектілерін, Қазақстан Республикасының заңнамасы шеңберіндегі құқықтық реттеудің олқылықтарын талдау және анықтау. Мақала халықаралық құқық пен тәжірибеге сілтеме жасай отырып, ұлттық құқықтық жүйеде шарттық құқықты зерттейді. Өзекті деректер негізінде қолданыстағы мемлекеттік бастамаларды бағалау жүргізілетін болады. Басқа елдерді цифрландырудың қарқынды дамып келе жатқан үдерісі жағдайында біздің елімізге енгізу үшін теориялық база дайындау қажет. Президент Қасым-Жомарт Тоқаевтың 08.09.2025 жылғы төтенше Жолдауында әлемнің басқа елдерімен бәсекелестік тәсілі ретінде қазіргі әлемде мемлекетті цифрландырудың маңыздылығы туралы айтылды. Әлемдік қоғамдастықта жаңа технологиялық құрылымның бір бөлігі болу үшін көптеген салаларда, соның ішінде құқықта жаңғырту жүргізу қажет. Жүргізілген зерттеудің маңыздылығы цифрлық технологияларды жеке құқыққа Үйлестірілген енгізуді, IT-технологияны дамытуды және цифрлық технологияларды шарттық құқыққа интеграциялаудың тұрақты ілгерілеуі үшін бірыңғай нормативтік жүйені қалыптастыруды ұсынуда жатыр. Ұсынылған баптың практикалық маңыздылығы мынада: авторлар нормативтік актілерді әзірлеу бойынша практикалық ұсыныстар жасады, олардың нормалары Қазақстан Республикасында шарттар жасасу кезінде цифрландыру процестерін құқықтық реттеуге бағытталатын болады.

Тірек сөздер: цифрландыру, шарттық құқық, келісімшарт, цифрлық активтер, халықаралық құқық, тіл үлгісі.

KAYUPOVA A.B.,*[1]
PhD candidate.
*e-mail: aigerim.kayupova@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0002-9749-0167
MOROZ S.P.,[1]
d.l.s., professor.
e-mail: spmoroz@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-6143-0210
TATARINOVA L.F.,[1]
c.l.s., associate professor.
e-mail: lola.tatarinova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1428-1662
[1]Caspian Public University,
Almaty, Kazakhstan

DIGITALIZATION IN CONTRACT LAW, CONTRACTS, DIGITAL ASSETS AND THEIR LEGAL REGULATION

Abstract

This article examines the prospects of digitalization in the contract law of the Republic of Kazakhstan. The study analyzes the dynamics of digital transformation in Kazakhstan and abroad, leading to conclusions and proposals for improving legal regulation. The main goal is to identify the positive and negative aspects of digitalization in contract law and reveal existing gaps in national legislation. The article considers contract law within the framework of the national legal system, taking into account international experience and assessing current government initiatives. Given the rapid global digitalization, it is essential to form a solid theoretical basis for its effective implementation in Kazakhstan. In his address on 09/08/2025, President Kassym-Jomart Tokayev highlighted the importance of digitalization as a key factor in ensuring the country's competitiveness and integration into the global technological order. The significance of the research lies in proposing a balanced introduction of digital technologies into private law and the creation of a unified regulatory framework for their effective application in contract law. The practical value of the study is reflected in recommendations for developing regulations aimed at legal regulation of digitalization processes in the conclusion of contracts in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: digitalization, contract law, contract, digital assets, international law, language model.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.10.2025

МРНТИ 10.41.23
УДК 347.78
JEL K10, K11

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-154-165

ХУДАЙБЕРДИНА Г.А.,*[1]
докторант.
*e-mail: gulnur31@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0909-036X
НУРАХМЕТОВА Г.Г.,[1]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
e-mail: nurahmetova.74@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7554-6268
[1]Казахский национальный
университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АВТОРСТВА НА ОБЪЕКТЫ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Аннотация

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) формируют новые вызовы для правового регулирования авторства произведений, созданных с его участием. Настоящее исследование посвящено анализу правовых критериев определения авторства созданных с помощью ИИ произведений в контексте казахстанского и международного законодательства. Цель исследования заключается в разработке и обосновании правовых критериев, определяющих авторство произведений, созданных с использованием ИИ, для обеспечения их правового регулирования в рамках казахстанского законодательства и гармонизации с международными стандартами. Особое внимание уделяется критериям определения авторства, таким как творчество, оригинальность, интеллектуальный вклад человека и степень автономности ИИ в процессе создания произведения. Исследование анализирует традиционные понятия творчества, оригинальности и новизны, применяемые к произведениям, созданным ИИ. Научная значимость работы заключается в систематизации подходов к правовому регулированию произведений ИИ с акцентом на уточнение критериев творчества и оригинальности, а также в разработке концептуальных основ для их интеграции в национальную правовую систему. Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью формирования единообразной практики применения норм авторского права в условиях цифровизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, произведение, автор, творчество, оригинальность.

Введение

Современные достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) радикально трансформируют подходы к созданию произведений в сфере литературы, искусства и науки, поднимая новые вопросы о правовом регулировании авторства. Развитие ИИ, способного генерировать оригинальный контент, требует переосмысления традиционных правовых концепций, таких как творчество и оригинальность, которые лежат в основе авторского права. Выбор темы исследования обусловлен необходимостью анализа правовых критериев авторства произведений, созданных ИИ, в условиях стремительной цифровизации и отсутствия единообразного подхода к их регулированию в национальном и международном законодательстве.

Исследование темы соответствует приоритетным направлениям современной юридической науки, ориентированной на обеспечение правовой устойчивости и предсказуемости в условиях технологической трансформации. Оно также отвечает задачам государственной политики Республики Казахстан в сфере цифровизации и развития правовых основ искусственного интеллекта.

Актуальность темы обусловлена ростом использования ИИ в творческой деятельности и необходимостью защиты прав разработчиков, пользователей и правообладателей. Отсутствие

четких правовых норм приводит к неопределенности в вопросах распределения прав и ответственности. Тема соответствует современным вызовам науки и практики, так как затрагивает пересечение права, технологий и этики, что особенно важно в контексте быстрой цифровизации в Казахстане.

Правовые отношения, возникающие в процессе создания, использования и защиты произведений, сгенерированных с использованием искусственного интеллекта, являются предметом исследования. Эти отношения включают взаимодействие между разработчиками ИИ, пользователями, правообладателями и государственными органами, регулирующими интеллектуальную собственность. Объект охватывает как национальный (казахстанский), так и международный контекст, учитывая глобальный характер применения ИИ.

В работе был проведен анализ норм национального и международного права в области правового регулирования права интеллектуальной собственности, в частности авторского права, а также правоприменительной практики, связанной с произведениями, созданными ИИ.

Гипотеза исследования заключается в том, что существующая антропоцентрическая модель авторского права требует уточнения и расширения с целью включения механизмов определения авторства (или его функционального аналога) в случаях, когда произведения создаются или формируются при доминирующем участии ИИ.

Практическая значимость исследования заключается в формировании предложений по совершенствованию законодательства Республики Казахстан, направленных на устранение пробелов в правовом регулировании авторских прав на результаты, созданные с использованием ИИ, а также в возможном применении выработанных критериев в правоприменительной практике.

Материалы и методы

В процессе подготовки научной статьи был использован комплекс общенаучных и специальных методов, обеспечивающих достоверность и научную обоснованность полученных результатов. Теоретической базой исследования стали нормативные правовые акты Республики Казахстан, международные соглашения в сфере права интеллектуальной собственности, судебная практика зарубежных стран (США, Великобритания, Китай и др.), а также научные труды и аналитические материалы ведущих исследователей в области права интеллектуальной собственности и цифровых технологий.

В ходе написания данной научной работы были использованы различные метода научного исследования: сравнительно-правовой анализ, системный подход, методы индукции и дедукции, а также метод анализа конкретных ситуаций (кейс-стади).

Информационная база исследования формировалась с использованием открытых правовых источников, научных публикаций, а также специализированных баз данных (WIPO Lex, Google Scholar, LexisNexis). Обработка и структурирование данных осуществлялись с помощью программ Zotero и Google Docs.

Комбинация формально-юридического анализа, прецедентного подхода и сравнительно-правовой методологии позволила получить научно значимые результаты, обладающие практической применимостью для дальнейшего развития национального законодательства.

Результаты и обсуждение

Динамика развития общественных отношений в области экономики и цифровых технологий опережает темпы совершенствования правового регулирования. Стремительное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы общества создает новые вызовы для права интеллектуальной собственности, требуя его адаптации к уже существующим практикам. Отсутствие своевременного внимания к данным вопросам может привести к формированию устойчивых моделей взаимодействия участников, связанных с созданием и использованием результатов, генерируемых ИИ. В этом случае законодатель будет вынужден лишь узаконить сложившиеся подходы, что может не соответствовать целям правового регулирования.

Комплексное законодательное регулирование обозначенных вопросов обладает как теоретическим, так и практическим значением, оказывая влияние на инновационное и экономическое развитие. Отсутствие надлежащего законодательного регулирования отношений, связанных с правовой охраной и использованием результатов деятельности систем искусственного интеллекта, может привести к упущенным возможностям для субъектов хозяйственной деятельности. «Экологичное» нормативное регулирование этих вопросов способно не только избежать нежелательных эффектов, но и укрепить репутацию страны на мировой арене как лидера в разработке законодательства в области интеллектуальной собственности, а также создать благоприятные условия для инвестиций и стимулировать приток капитала в сферу современных информационных технологий.

В научном и профессиональном сообществе возрастает интерес к вопросам, касающимся правовой охраны результатов, созданных с помощью искусственного интеллекта. Основные вопросы, которые по сей день тревожат умы научного сообщества, следующие. Могут ли данные продукты быть признаны объектами интеллектуальной собственности? Соответствуют ли критерии авторства для созданных объектов ИИ? Кто признается автором продуктов, созданных системами искусственного интеллекта? Кому принадлежат права на данные объекты?

Действующее законодательство Республики Казахстан в области авторского права основывается на антропоцентрической модели, при которой автором произведения может быть исключительно физическое лицо, обладающее правосубъектностью.

Казахстанское законодательство, в частности пункт 3 статьи 963 ГК РК, признает автором интеллектуальной собственности только физическое лицо, внесшее личный творческий вклад в ее создание [1]. Иными словами, авторство не может быть присвоено лицам, не участвовавшим в творческом процессе. Хотя этот подход является общепринятым в мире, важно отметить, что различные страны по-разному определяют, что именно считается «творческой деятельностью» и какие критерии должны быть соблюдены для защиты интеллектуальной собственности.

Хотелось бы отметить и норму Закона РК «Об авторских и смежных правах», где дается понятие автора как физического лица, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы и искусства [2]. Закон признает субъектом авторского права лишь физическое лицо, человека. Таким образом, действующее законодательство не допускает признание за искусственным интеллектом (далее – ИИ) авторства произведения, поскольку ИИ не обладает необходимыми характеристиками субъекта авторского права. Признание за лицом статуса автора влечет за собой предоставление ему двух категорий прав. Первая категория – это имущественные права, позволяющие получать денежное вознаграждение за результаты творческого труда, включая возможность распоряжения авторскими правами. Вторая категория включает личные неимущественные права автора, такие как право на признание авторства, право на неприкосновенность произведения и др.

Таким образом, концепция авторского права и интеллектуальной собственности традиционно основывается на признании человеческого авторства. Однако с развитием технологий и активным внедрением искусственного интеллекта, принимающего участие в создании литературных и художественных произведений, эта устоявшаяся правовая доктрина оказалась под серьезным вызовом.

В научной среде на сегодняшний день наблюдается многогранность мнений по поводу критериев определения авторства, особенно в условиях активного участия искусственного интеллекта в творческом процессе. Так, часть исследователей придерживается классической антропоцентрической концепции, согласно которой автором произведения может быть только человек, обладающий творческим замыслом и индивидуальной волей. Рассмотрим лишь некоторые мнения и исследования казахстанских и зарубежных ученых.

Авторство традиционно подразумевает наличие индивидуального творчества и уникального замысла, который принадлежит конкретному человеку. Оригинальность при этом рассматривается как юридический критерий, подтверждающий, что произведение является новым и не является копией уже существующих работ. Как отмечают А.К Аронов и С.К. Идрышева, эти концепции исторически связываются с человеческой творческой деятельностью и лежат в основе существующей системы авторского права [3].

И. Юсупжанов же предлагает рассматривать искусственный интеллект как юридическое лицо со специальным статусом, аналогичным корпорациям. Это позволило бы вводить механизмы ответственности за возможные правонарушения, совершенные алгоритмами, а также формализовать вопросы прав на созданные объекты [4].

По мнению Е.П. Сесицкого, «уникальность, неповторимость и отпечаток личности автора чаще являются атрибутами произведений авторского права, тогда как в основе научно-технического творчества и создания объектов патентного права чаще будет лежать прагматическое намерение решить определенную, прежде всего техническую задачу» [5].

Как отмечает О.В. Ревинский, подчеркивая роль личности в создании результатов интеллектуальной деятельности, никакого результата интеллектуальной деятельности не может быть без автора-человека, только физическое лицо может быть творцом чего-то нового, и автором написанной музыки или нарисованной картины компьютером является лицо, которое пишет программы этим компьютерам [6].

Вместе с тем необходимо учитывать действующие международно-правовые нормы, формирующие основы национальных правовых систем. Так, Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, участником которой является Республика Казахстан, остается ключевым международным документом в сфере охраны авторских прав. Конвенция закрепляет фундаментальные принципы, лежащие в основе определения авторства, включая требование оригинальности и наличие личного творческого вклада. Эти критерии служат важным ориентиром при квалификации произведения как объекта авторского права и, соответственно, при определении субъекта, обладающего авторскими правами [7].

В законодательстве ЕС об авторском праве нигде прямо не указано, что авторское право требует наличия человека-создателя, его «антропоцентрическая» направленность (на человеческое авторство) очевидна во многих аспектах закона. Во-первых, прецедентное право суда Европейского союза по оригинальности, обсуждаемое ниже, полностью полагается на понятие человека, занимающегося творческими актами, что отражает «творческий выбор». Как посчитал суд в деле Пэйнера, «совершая эти различные выборы, автор портретной фотографии может поставить отметку на созданной работе с помощью своего «личного прикосновения»» [8]. Другим важным делом, которое поддерживает вышеупомянутый подход, является дело Cofemel против G-Star [9]. В этом деле суд Европейского союза дополнительно разъяснил концепцию оригинальности. Он заявил, что для того, чтобы предмет считался оригинальным, необходимо и достаточно, чтобы он отражал личность своего автора, представляя его свободный и творческий выбор. Другими словами, предмет должен быть результатом собственного интеллектуального творения автора [10].

На основе анализа приведенных случаев важно отметить, что оригинальность неразрывно связана с интеллектуальным вкладом автора. Однако продолжаются споры и разногласия относительно степени человеческого вмешательства, необходимого для установления оригинальности [10].

В большинстве зарубежных стран, включая Великобританию, искусственный интеллект не считается автором произведений, защищаемых авторским правом. Например, британский закон об авторском праве прямо указывает, что произведения, созданные компьютером, не имеют автора-человека [10]. Вместо этого автором считается лицо, которое организовало процесс создания произведения с помощью компьютера. Хотя авторские права на эти произведения действуют, они ограничены 50-летним сроком, который начинается с 1 января года, следующего за годом создания. Более того, произведения, созданные ИИ, не обладают полным набором авторских прав: например, отсутствует возможность требовать указания авторства или запрещать внесение изменений в произведение. Признание роботов авторами произведений вызывает ряд серьезных вопросов. Один из основных аргументов против этого заключается в том, что истинным автором следует считать программиста. Именно он создает алгоритм, позволяющий роботу генерировать контент. Робот, таким образом, выступает не как самостоятельный субъект авторского права, а как объект, использующий интеллектуальную собственность своего создателя. Его способность к творчеству обусловлена кодом, написанным человеком. Например, генератор стихов создает произведения, опираясь на алгоритмы, разработанные программистом, и используя существующую базу стихотворений.

По мнению Р. Дэвиса, вопрос об авторстве на произведения, созданные искусственным интеллектом, не представляет сложности. Он утверждает, что вклад человека в создание ИИ, способного к творчеству, очевиден и неоспорим. Поэтому, по его мнению, закон и правовая доктрина не оставляют иного выбора, кроме как признать авторские права на результаты работы ИИ за разработчиком программного кода, который наделил машину способностью творить [11].

Вопрос об авторстве произведений, созданных искусственным интеллектом, вызывает споры. Одна точка зрения заключается в том, что если в разработке ИИ участвовало несколько программистов, но решающий код был написан только одним, то именно он должен считаться автором. Однако другая группа исследователей утверждает, что авторство следует разделить между программистом и пользователем, поскольку оба внесли вклад в создание произведения.

Несостоятельность данной точки зрения обусловлена тем, что деятельность по созданию произведений ИИ не соответствует критериям соавторства. Не наблюдается ни совместной работы пользователя и программиста, ни стремления к единому результату. Главная проблема заключается в невозможности четко разграничить и оценить творческий вклад каждого из участников процесса.

В академических кругах существует мнение, что авторство произведений, созданных с помощью ИИ, следует приписывать исключительно пользователю. Однако R. Yu оспаривает эту точку зрения, утверждая, что вклад пользователя в создание таких произведений значительно уступает вкладу программиста. Он подчеркивает, что пользователь ограничен возможностями программного кода и, по сути, лишь имитирует творческий процесс, поскольку его решения предопределены функционалом программы [12]. Несмотря на то что игроки могут создавать уникальные игровые пространства, комбинируя элементы видеоигры, это не дает им прав соавторства с точки зрения закона.

А.В. Гурко, исследуя юридические аспекты роботов с искусственным интеллектом и их творений, считает целесообразным использовать подход, аналогичный регулированию вещей и их плодов. По его мнению, робота следует рассматривать как вещь, а созданные им произведения – как плоды этой вещи. Исходя из этого, А. Гурко предлагает внести поправки в Гражданский кодекс Республики Казахстан, чтобы адаптировать существующие нормы о плодах к ситуациям, когда произведения создаются искусственным интеллектом без участия человека [13]. Исходя из этого, представляется разумным подход, при котором авторские права на произведения, созданные роботом, закрепляются за человеком, имеющим на это законные основания. Однако не менее важным является вопрос о том, следует ли признавать за создателем робота какие-либо личные неимущественные права на эти произведения, созданные искусственным интеллектом.

Некоторые юристы, специализирующиеся на гражданском праве, полагают, что в рассматриваемом случае достаточно признать за человеком, владеющим правами на робота, только исключительные права на интеллектуальную собственность, созданную этим роботом. Они считают, что признание личных неимущественных прав за самим роботом с искусственным интеллектом уже обеспечивает достаточную защиту интеллектуальных прав. По их мнению, дополнительное признание личных неимущественных прав на продукт, созданный ИИ, является избыточным и не имеет под собой достаточных правовых оснований, учитывая цели защиты личных неимущественных прав [14]. Исключение для лица, признанного автором произведения, созданного искусственным интеллектом, в отношении его личных неимущественных прав, таких как право на неприкосновенность, обнародование и отзыв произведения, представляется неоправданным. Если не признавать за этим лицом указанные права, возникает путаница в вопросах публикации произведения, его распространения и определения того, кто будет нести ответственность за реализацию этих прав. Поэтому утверждение о необходимости лишения автора, создавшего произведение с помощью ИИ, всех личных неимущественных прав требует более убедительных аргументов.

Вместо того, чтобы давать роботам интеллектуальные права на созданные ими произведения, П.М. Морхат предлагает два варианта: признавать интеллектуальные права за человеком, который участвовал в создании этого произведения с помощью робота, либо считать, что созданные роботами произведения сразу же становятся общественным достоянием [15].

Согласно гражданскому законодательству существуют объекты, исключенные из сферы авторского права. В юридическом сообществе Казахстана активно обсуждается вопрос о том, следует ли относить произведения, созданные искусственным интеллектом, к этой категории. Аргументируется это тем, что создание произведения ИИ без участия человека можно интерпретировать как непреднамеренное авторство, не подлежащее защите. В научной литературе высказывается мнение, что авторское право должно охранять только те произведения, которые являются результатом осознанного творческого акта и отражают личное видение автора [16].

В отличие от общепринятого мнения, которое не признает случайное авторство, мы считаем, что это возможно, учитывая спонтанность творческого процесса. Подтверждением этой позиции служит судебная практика США, где непреднамеренное авторство иногда признается [17]. В данном случае наше внимание сосредоточено на произведениях, возникающих скорее благодаря взаимодействию природных явлений и технологий, чем прямому вмешательству художника. Например, Таринан фон Анхальт использует реактивный двигатель самолета, чтобы разбрызгивать краску на холст, а Эми Шеклтон создает свои работы, полагаясь исключительно на силу гравитации, обходясь без кистей [18].

Когда юристы пытаются разобраться, кому принадлежат права на произведение, если человек был лишь «инструментом» для его создания (идея и структура принадлежат другому), они часто обращаются к дискуссиям об авторстве психографических текстов, написанных в состоянии транса.

Примером является дело Cummins v. Bond (1927) в Англии. Суд рассматривал вопрос об авторских правах на «Хроники Клеофаса». Женщина, утверждавшая, что записала текст на архаичном языке во время спиритического сеанса, обратилась к издателю для редактирования и адаптации текста. Издатель же считал, что авторские права в данном случае не применимы, поскольку текст был написан не по воле заявительницы, а исходил от неизвестного источника. Поэтому он публиковал отрывки из «Хроник Клеофаса» без ее разрешения. Суд, мотивируя свое решение, признал за истцом исключительные права на произведение, подчеркнув, что именно она является автором текста, самостоятельно преобразовавшим и изложившим информацию в литературной форме. При этом суд рассмотрел вопрос о потенциальном соавторстве духа, принимая во внимание его предполагаемый вклад, однако, руководствуясь принципами авторского права, пришел к заключению о недопустимости возникновения авторских прав у умерших лиц на произведения, созданные после их кончины [19].

В американской судебной практике сложилось правило, согласно которому автором психографического текста считается тот, кто записал сообщение, переданное духом. При этом суды допускают, что авторство может принадлежать не только человеку. Эта позиция используется сторонниками идеи о наделении искусственного интеллекта юридическими правами как аргумент в пользу того, что авторство может быть нечеловеческим [20].

Хотя распространение режима производных произведений на объекты, сгенерированные ИИ, потенциально позволяет защитить права разработчика исходной программы и контролировать создание таких объектов (что применимо как в США, так и в нашей правовой системе), это имеет свои ограничения. Во-первых, сгенерированные ИИ объекты не являются прямой переработкой программного кода. Во-вторых, даже если признать их производными, это не решает ключевой проблемы определения авторства.

А.Г. Матвеев ставит под сомнение возможность применения авторского права к произведениям, созданным ИИ, из-за отсутствия автора-человека. Он предлагает альтернативный механизм защиты прав инвесторов, финансирующих такие проекты, через режим, подобный смежным правам. При этом он признает сложность вопроса о творческом вкладе программиста в произведения, сгенерированные ИИ. Важно отметить, что отношения между инвестором и программистом в проекте по созданию ИИ регулируются авторским правом, поскольку программа ИИ сама по себе является объектом авторского права [14].

Резюмируя основные обсуждения данного раздела, можно сформулировать ряд существенных положений. Во-первых, оригинальность признается основополагающим критерием охраноспособности произведения, предполагающим наличие личностного вклада автора, выраженного в форме свободного и творческого выбора. В случае полностью автономного создания контента ИИ, возникновение сложности в достижении необходимого уровня оригинальности представляется вероятным. Вместе с тем, если в процессе участвует человек, результат

может претендовать на авторско-правовую защиту. Во-вторых, практика суда Европейского Союза существенно повлияла на развитие доктрины оригинальности, акцентируя внимание на значимости свободы авторского выбора и отсутствии технических ограничений. В-третьих, актуальность сохраняют дискуссии относительно необходимости реформирования правового регулирования в условиях цифровизации, в частности при определении субъектов авторских прав, распределении правомочий и установлении прав собственности на произведения, созданные с применением ИИ. Эти положения свидетельствуют о необходимости создания гибкой и сбалансированной правовой модели, способной учитывать соавторский характер таких произведений и обеспечивать справедливую защиту как для человеческого участия, так и для интеллектуальных решений, основанных на алгоритмах.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что вопрос определения авторства к объектам, созданным с использованием ИИ, остается открытым. Законодательно данный вопрос также не решен.

Действующее законодательство Казахстана в области авторского права, представленное Законом РК «Об авторском праве и смежных правах» от 1996 г., не содержит положений, касающихся интеллектуальной собственности, созданной с использованием искусственного интеллекта. Закон придерживается человекоцентрического подхода, определяя автора как физическое лицо, создающее произведения, и исполнителя как физическое лицо, исполняющее произведения, что исключает возможность признания ИИ автором или исполнителем. Несмотря на то что действующее законодательство Казахстана пока не содержит конкретных положений об авторских правах и искусственном интеллекте (ИИ), в целом наблюдается тенденция к интеграции ИИ в правовое поле страны.

Впервые о необходимости правового регулирования ИИ было заявлено в 2021 г. в Концепции правовой политики до 2030 г. Основной акцент был сделан на решении вопросов ответственности за ущерб, причиненный ИИ, и определении прав интеллектуальной собственности на произведения, созданные с его участием.

В текущем году был представлен проект Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 гг. В рамках этой концепции планируется разработка правовой базы для развития ИИ, соответствующей мировым стандартам и учитывающей интересы государства, бизнеса и граждан. В частности, предполагается оценить необходимость законодательного регулирования вопросов интеллектуальной собственности в отношении результатов, созданных с помощью ИИ.

Кроме того, в настоящее время разрабатывается законопроект об ИИ. Цель законопроекта – регулирование отношений между государственными органами, физическими и юридическими лицами в процессе создания, развития и использования ИИ.

Исследование подтвердило необходимость внесения изменений в действующее гражданское законодательство, направленных на определение правового статуса произведений, созданных ИИ, и субъектов, обладающих правами на такие объекты. Для этого предлагается внести изменения в гражданское законодательство и в Закон РК «Об авторском праве и смежных правах» и разработать комплексную нормативную базу, регулирующую различные аспекты ИИ, включая этику, безопасность, конфиденциальность и интеллектуальную собственность.

В целях гармонизации с международными стандартами и учета национальных интересов представляется целесообразным:

1. Уточнить понятие авторства с учетом цифрового контекста и степени участия человека.

Авторство следует понимать как совокупность индивидуального творческого труда человека, оригинальности, применяющего и управляющего участием в процессе создания произведения с использованием ИИ. Автором признается лицо, которое формулирует творческую задачу, корректирует работу алгоритма, выбирает и утверждает окончательный результат. Такой подход сохраняет традиционное значение человеческого творчества и одновременно учитывает роль ИИ как инструмента, повышающего продуктивность и возможности человека.

2. Разработать правовую конструкцию, допускающую функциональные аналоги авторства.

На основе анализа отечественных и зарубежных исследований, а также практики регулирования интеллектуальной собственности в условиях активного использования искусственного интеллекта предлагается внедрить гибридную правовую модель авторства, которая признает результаты, созданные с применением ИИ, без предоставления последнему статуса субъекта права. В данной конструкции мы выделяем четыре ключевых компонента:

Человеческий компонент авторства – лицо, формирующее творческий замысел, корректирующее работу алгоритма и принимающее окончательное решение о содержании произведения. Этот компонент признает индивидуальный творческий вклад и оригинальность произведения как критерии авторства и создает правовую основу для защиты всех категорий прав автора.

Инструментальный компонент – ИИ рассматривается как инструмент, выполняющий функции генерации контента, но не обладающий самостоятельной творческой волей. Его роль заключается в повышении продуктивности и расширении творческих возможностей человека, без необходимости наделения ИИ правосубъектностью.

Элемент ответственности – закрепление за человеком, управляющим ИИ, юридической ответственности за возможные нарушения авторских и смежных прав. Такой подход соответствует международной практике признания человеческого фактора ключевым для авторства и обеспечивает защиту интересов третьих лиц.

3. Внести изменения в Гражданский кодекс РК и Закон РК «Об авторском праве и смежных правах» для регулирования отношений, связанных с ИИ.

В контексте гражданского законодательства Республики Казахстан правовой статус искусственного интеллекта остается неопределенным. Гражданский кодекс РК определяет носителями гражданских прав и обязанностей только физические и юридические лица, исключая возможность признания ИИ субъектом права. Кроме того, объектами гражданских прав являются вещи, другое имущество, результаты интеллектуальной творческой деятельности и т.п. ИИ теоретически может быть квалифицирован только как объект права, например, как охраняемое авторским правом программное обеспечение. Однако нигде не отмечено, что ИИ может самостоятельно создавать результаты интеллектуальной деятельности или нести ответственность за свои действия.

С учетом этих пробелов предлагается внести следующие изменения и дополнения.

В гражданский кодекс РК включить и уточнить статус ИИ как объекта права (программное обеспечение), используемого исключительно в качестве инструмента или технического средства.

В Законе РК «Об авторском праве и смежных правах» следует закрепить следующее определение: автор – физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы, искусства, включая результаты, созданные с использованием искусственного интеллекта, с сохранением критериев оригинальности и индивидуального творческого вклада человека.

4. Обеспечить защиту интересов всех участников процесса создания произведений с использованием ИИ: разработчиков, пользователей и инвесторов.

Определение правового статуса ИИ как объекта права в гражданском законодательстве позволить юридически закрепить права и обязанности разработчиков, обеспечивая их защиту обеспечивая их защиту и правовое признание участия в процессе создания произведений с использованием ИИ.

Гарантировать правовую защиту интересов пользователей при использовании ИИ для создания произведений, включая возможность законного распоряжения результатами при соблюдении норм авторского права.

Необходимо гарантировать правовую защиту имущественных интересов инвесторов, включая участие в доходах от коммерческого использования произведений, созданных с помощью ИИ, и закрепление механизмов распределения рисков при нарушениях прав третьих лиц.

Создание четкой и эффективной правовой базы для искусственного интеллекта (ИИ) в Казахстане – ключевой фактор для развития технологического сектора и укрепления позиций страны на мировой арене. Обеспечение безопасности, этичности и эффективности ИИ через законодательство необходимо для его гармоничного развития и в перспективе для достижения лидерства в сфере ИИ в Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-I. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880 (дата обращения: 01.06.2025 г.)

2 Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-I «Об авторском праве и смежных правах». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798 (дата обращения: 01.06.2025 г.)

3 Аронов А., Идрышева С. Жасанды интеллект көмегімен жасалған туындыларға авторлық құқықты қорғау // Вестник института законодательства и правовой информации – 2024. – № 2(77). – С. 150–151. URL: https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1339 (дата обращения: 01.06.2025 г.)

4 Юсупжанов И. Правовое регулирование авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Юридический журнал SDU. – 2025. – № 1(1). – С. 70–77. URL: https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj/article/view/29/21 (дата обращения: 01.06.2025 г.)

5 Сесицкий Е.П. Кому принадлежат права на результаты, генерируемые системами искусственного интеллекта? // Копирайт. – 2018. – № 4. – С. 38–47.

6 Ревинский О.В. Право промышленной собственности: курс лекций. – М.: Юрсервитум, 2017. – 443 с.

7 Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 4 мая 1896 г. URL: https://www.wipo.int/ru/web/treaties/ip/berne/index (дата обращения: 01.06.2025 г.)

8 Case C-145/10. Painer, para. 92. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:62010CJ0145 (accessed: 29.05.2025 г.)

9 (C-683/17) ECLI: EU:C: 2019:721, Cofemel v G-Star Raw [Cofemel], para. 31. URL: // https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=217668&pageIndex=0&doclang=EN (accessed: 30.05.2025 г.)

10 Gaffar H., Albarashdi S. Copyright Protection for AI-Generated Works: Exploring Originality and Ownership in a Digital Landscape // Asian Journal of International Law. 2025. Vol. 15. No. 1. P. 23–46. DOI:10.1017/S2044251323000735 URL: https://www.cambridge.org/core/journals/asian-journal-of-international-law/article/copyright-protection-for-aigenerated-works-exploring-originality-and-ownership-in-a-digital-landscape/12B8B8D836AC9DDFFF4082F7859603E3 (accessed: 01.06.2025 г.)

11 Randall D. Intellectual Property and Software: The Assumptions are Broken. 1991. URL: http://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/5975/AIM-1328.pdf?sequence=2 (accessed: 01.06.2025)

12 Yu R. The Machine Author: What Level of Copyright Protection Is Appropriate for Fully Independent Computer-Generated Works? // University of Pennsylvania Law Review. 2017. Vol. 165. P. 1245–1270. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=9582&- context=penn_law_review (accessed: 30.05.2025)

13 Гурко А.В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7–18.

14 Матвеев А.Г. Российская модель права на неприкосновенность произведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 91–99.

15 Мохат П.М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект: научная монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 121 с.

16 Артыкова А. Искусственный интеллект и авторское право: первый шаг в Казахстане // Казахстанская правда. – 2023. – 19 окт. URL: https://kazpravda.kz/n/iskusstvennyy-intellekt-i-avtorskoe-pravo-pervyy-shag-v-kazakhstane/ (дата обращения: 01.06.2025)

17 Meshwerks, Inc. v. Toyota Motor Sales U.S.A., Inc., 528 F.3d 1258 (10th Cir. 2008). URL: https://www.courtlistener.com/opinion/170844/meshwerks-inc-v-toyota-motor-sales-usa-inc/ (accessed: 01.06.2025)

18 Гравитационные картины Эми Шеклтон // Artifex. – 2015. – № 5. URL: artifex.ru URL: https://artifex.ru/живопись/гравитационные-картины-эми-шеклтон/ (дата обращения: 01.06.2025)

19 Vaver D. Notions Fondamentales Du Droit D'auteur. WIPO, 2002. P. 110 –111. URL: https://books.google.ru/books?id=M6w3991thgsC&pg=PA110&lpg=PA110&dq=ought+to+be+regarded+as+joint+authors+and+owners+of+the+copyright,&source=bl&ots=YJG7vGGL7z&sig=VH0LZJTZP8Oz4kLQzdOgXdOhVDY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwinv5rl6O7bAhXBhKYKHSbiBlAQ6AEIKjAA#v=onepage&q=ought%20to%20be%20regarded%20as%20 joint%20authors%20and%20owners%20of%20the%20copyright-%2C&f=false (accessed: 30.05.2025).

20 Penguin Books v. New christian church, full end., 262 F. Supp. 2d 251 (S.D.N.Y. 2003). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/262/251/2391723/ (accessed: 01.06.2025)

REFERENCES

1 Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Osobennaja chast') ot 1 ijulja 1999 goda No. 409-I. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880 (data obrashhenija: 01.06.2025 g.). (In Russian).

2 Zakon Respubliki Kazahstan ot 10 ijunja 1996 goda No. 6-I «Ob avtorskom prave i smezhnyh pravah». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798 (data obrashhenija: 01.06.2025 g.). (In Russian).

3 Aronov A., Irdrysheva S. (2024). Jasandy intelekt kömegımen jasalğan tuyndylarğa avtorlyq qūqyqty qorğau // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii. No. 2(77). P. 45–62. URL: https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1339 (data obrashhenija: 01.06.2025 г.). (In Kazakh).

4 Jusupzhanov I. (2025) Pravovoe regulirovanie avtorskih prav na proizvedenija, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta: problemy i perspektivy // Juridicheskij zhurnal SDU. No.1(1). P. 70–77. URL: https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj/article/view/29/21 (data obrashhenija: 01.06.2025 g.). (In Russian).

5 Sesickij E.P. (2018) Komu prinadlezhat prava na rezul'taty, generiruemye sistemami iskusstvennogo intellekta? // Kopirajt. No. 4. P. 38–47. (In Russian).

6 Revinskij O.V. (2017) Pravo promyshlennoj sobstvennosti: kurs lekcij. M.: Jurservitum. 443 p. (In Russian).

7 Bernskaja konvencija ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij ot 4 maja 1896 g. URL: https://www.wipo.int/ru/web/treaties/ip/berne/index (data obrashhenija: 01.06.2025 g.). (In Russian).

8 Case C-145/10. Painer, para. 92. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:62010CJ0145 (accessed: 29.05.2025 г.). (In English).

9 (C-683/17) ECLI: EU:C: 2019:721, Cofemel v G-Star Raw [Cofemel], para. 31. URL: // https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=217668&pageIndex=0&doclang=EN (accessed: 30.05.2025 г.). (In English).

10 Gaffar H., Albarashdi S. (2025) Copyright Protection for AI-Generated Works: Exploring Originality and Ownership in a Digital Landscape // Asian Journal of International Law. Vol. 15. No. 1. P. 23–46. DOI:10.1017/S2044251323000735 URL: https://www.cambridge.org/core/journals/asian-journal-of-international-law/article/copyright-protection-for-aigenerated-works-exploring-originality-and-ownership-in-a-digital-landscape/12B8B8D836AC9DDFFF4082F7859603E3 (accessed: 01.06.2025 г.). (In English).

11 Randall D. Intellectual Property and Software: The Assumptions are Broken. 1991. URL: http://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/5975/AIM-1328.pdf?sequence=2 (accessed: 01.06.2025). (In English).

12 Yu R. (2017) The Machine Author: What Level of Copyright Protection Is Appropriate for Fully Independent Computer-Generated Works? // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 165. P. 1245–1270. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=9582&- context=penn_law_review (accessed: 30.05.2025). (In English).

13 Gurko A.V. (2017) Iskusstvennyj intellekt i avtorskoe pravo: vzgljad v budushhee // Intellektual'naja sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. No. 12. P. 7–18. (In Russian).

14 Matveev A.G. (2011) Rossijskaja model' prava na neprikosnovennost' proizvedenija // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. No. 4. P. 91–99. (In Russian).

15 Morhat P.M. (2018) Pravo intellektual'noj sobstvennosti i iskusstvennyj intellekt: nauchnaja monografija. M.: JuNITI-DANA. 121 p. (In Russian).

16 Artykova A. (2023) Iskusstvennyj intellekt i avtorskoe pravo: pervyj shag v Kazahstane // Kazahstanskaja pravda. 19 okt. URL: https://kazpravda.kz/n/iskusstvennyy-intellekt-i-avtorskoe-pravo-pervyy-shag-v-kazakhstane/ (data obrashhenija: 01.06.2025). (In Russian).

17 Meshwerks, Inc. v. Toyota Motor Sales U.S.A., Inc., 528 F.3d 1258 (10th Cir. 2008). URL: https://www.courtlistener.com/opinion/170844/meshwerks-inc-v-toyota-motor-sales-usa-inc/ (accessed: 01.06.2025). (In English).

18 Gravitacionnye kartiny Jemi Sheklton // Artifex. 2015. No. 5. URL: artifex.ru URL: https:// artifex.ru/zhivopis'/gravitacionnye-kartiny-jemi-sheklton/ (data obrashhenija: 01.06.2025). (In English).

19 Vaver D. (2002) Notions Fondamentales Du Droit D'auteur. WIPO. P. 110 –111. URL:https://books.google.ru/books?id=M6w3991thgsC&pg=PA110&lpg=PA110&dq=ought+to+be+regarded+as+joint+authors+and+owners+of+the+copyright,&source=bl&ots=YJG7vGGL7z&sig=VH0LZJTZP8Oz4kLQzdOgXdOhVDY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwinv5rl6O7bAhXBhKYKHSbiBlAQ6AEIKjAA#v=onepage&q=ought%20to%20be%20regarded%20as%20 joint%20authors%20and%20owners%20of%20the%20copyright%2C&f=false (accessed: 30.05.2025). (In English).

20 Penguin Books v. New christian church, full end., 262 F. Supp. 2d 251 (S.D.N.Y. 2003). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/262/251/2391723/ (accessed: 01.06.2025). (In English).

ХУДАЙБЕРДИНА Г.А.,*[1]
докторант.
*e-mail: gulnur31@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0909-036X
НУРАХМЕТОВА Г.Г.,[1]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: nurahmetova.74@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7554-6268
[1]әл-Фараби атындағы Қазақ
ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ КӨМЕГІМЕН ЖАСАЛҒАН НЫСАНДАРҒА АВТОРЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫ АНЫҚТАУ КРИТЕРИЙЛЕРІ

Аңдатпа

Жасанды интеллекттің (ЖИ) заманауи технологиялары олардың қатысуымен жасалған туындылардың авторлығын құқықтық реттеуге жаңа мәселелер туындатады. Осы зерттеу қазақстандық және халықаралық заңнама контекстінде ЖИ көмегімен құрылған авторлықты анықтаудың құқықтық өлшемдерін талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты қазақстандық заңнама шеңберінде олардың құқықтық реттелуін қамтамасыз ету және халықаралық стандарттармен үйлестіру үшін жасанды интеллект көмегімен жасалған туындылардың авторлығын анықтайтын құқықтық өлшемдерді әзірлеу және негіздеу болып табылады. Шығарманы құру процесінде шығармашылық, өзіндік ерекшелік, адамның интеллектуалды үлесі және жасанды интеллект автономиясының дәрежесі сияқты авторлықты анықтау критерийлеріне ерекше назар аударылады. Зерттеу жасанды интеллект жасаған шығармаларға қолданылатын шығармашылықтың, өзіндік ерекшеліктің және жаңалықтың дәстүрлі ұғымдарын талдайды. Жұмыстың ғылыми маңыздылығы шығармашылық пен өзіндік ерекшелік өлшемдерін нақтылауға, сондай-ақ оларды ұлттық құқықтық жүйеге интеграциялау үшін тұжырымдамалық негіздерді әзірлеуге баса назар аудара отырып, жасанды интеллект туындыларын құқықтық реттеу тәсілдерін жүйелеу болып табылады. Зерттеудің практикалық маңыздылығы цифрландыру жағдайында авторлық құқық нормаларын қолданудың бірыңғай тәжірибесін қалыптастыру қажеттілігімен байланысты.

Тірек сөздер: жасанды интеллект, авторлық құқық, шығарма, автор, шығармашылық, өзіндік ерекшелік.

HUDAJBERDINA G.A.,*[1]
PhD candidate.
*e-mail: gulnur31@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0909-036X
NURAHMETOVA G.G.,[1]
c.l.s., associate professor.
e-mail: nurahmetova.74@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7554-6268
[1]Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty c., Kazakhstan

CRITERIA FOR DETERMINING AUTHORSHIP OF OBJECTS CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract

Modern artificial intelligence (AI) technologies are creating new challenges for the legal regulation of authorship of works created with their participation. This study is devoted to the analysis of legal criteria for determining authorship created with the help of AI, in the context of Kazakh and international legislation. The purpose of the study is to develop and substantiate the legal criteria determining the authorship of works created using AI, in order to ensure their legal regulation within the framework of Kazakh legislation and harmonization with international

standards. Special attention is paid to the criteria for determining authorship, such as creativity, originality, intellectual contribution of a person and the degree of autonomy of AI in the process of creating a work. The study analyzes the traditional concepts of creativity, originality and novelty applied to works created by AI. The scientific significance of the work lies in the systematization of approaches to the legal regulation of AI works with an emphasis on clarifying the criteria of creativity and originality, as well as in developing conceptual frameworks for their integration into the national legal system. The practical significance of the research is determined by the need to form a uniform practice of applying copyright norms in the context of digitalization.

Keywords: artificial intelligence, copyright, work, author, creativity, originality.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.07.2025

ҒТАХР 10.01.11
ӘОЖ 347.441.42
JEL K39

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-166-176

ӨМІРӘЛІ Ж.Ө.,*[1]
з.ғ.д., доцент.
*e-mail: Zhaziraomirali@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5510-2966
БЕГАЗОВА Г.Ж.,[1]
PhD, қауымдастырылған профессор.
e-mail: gulnafisa_86@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6131-1246
РАХИМОВА Г.Н.,[2]
PhD, қауымдастырылған профессор.
e-mail: gakku_almatycity@mail.ru
ORCID ID : 0000-0002-3812-7459
МЫРЗАКӘРІМ А.Н.,[3]
з.ғ.к., ассистент-профессор.
e-mail: aan-005@mail.ru
ORCID ID : 0009-0009-2733-1014
[1]Қонаев университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Абай атындағы Қазақ ұлттық
педагогикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[3]Нархоз университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА МЕДИАЦИЯ ИНСТИТУТЫ ДАМУЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аңдатпа

Зерттеудің мақсаты Қазақстан Республикасындағы медиация институтын дамытудың өзекті мәселелерін зерделеу болып табылады. Мақалада авторлар медиация ұғымына талдау жасай отырып, оның қалыптасу тарихына шолу жасайды. Қазақ халқының тарихында медиация элементтерін қамтитын сот төрелігінің түрі – билер соты мен қазіргі сот жүйесінің арасындағы ұқсастықтар мен айырмашылығын жіктейді. Сондай-ақ, медиаторлардың қызметін жетілдіру бағытында келесідей бірқатар ұсыныстар беріледі, олар: әлеуметтік және коммерциялық медиацияны қолдану салаларын белгілеу, медиацияның жалпыға бірдей қолжетімділігі үшін жағдай жасау; медиаторлар қызметінің нысандарын анықтау және құзыретті медиаторлар корпусын қалыптастыру; Қазақстан Республикасы медиаторларының әдеп кодексін қабылдау. Медиацияның қазіргі жағдайы келесі тұжырымдар жасауға мүмкіндік береді: біріншіден, даулардың жекелеген санаттары үшін медиация рәсімінің міндеттілігі туралы нормалар, мысалы, берешекті өндіріп алу туралы Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексіне өзгерістер енгізу; екіншіден, соттарға талап қою кезінде мемлекеттік баж мөлшерін ұлғайту; үшіншіден, медиаторлардың сыйақы мөлшерін мемлекеттік баж деңгейінен төмен, АЕК-тің еселенген мөлшерінде заңнамалық белгілеу.

Тірек сөздер: сот төрелігі, сот жүйесі, медиация, медиатор, татуластыру рәсімдері, бітімгершілік келісім, тараптар.

Кіріспе

Медиация ұғымына келетін болсақ, бұл ұғымның өзі латынның «mediare» сөзінен шыққан және сөзбе-сөз «делдал болу» дегенді білдіреді. Медиация – тараптарға дауды өз бетінше шешуге олардың өзара қанағаттануы мен пайдасына көмектесуге бағытталған дауды медиация әдісі.

Мұндай бітімгершіліктің тиімділігіне медиатордың дауласушы тараптардың ынтымақтасу және қарым-қатынас жасау қабілетін ашуының арқасында қол жеткізіледі.

Бүкіл әлемде медиация процесінің өзінің ежелгі тарихы мен халық арасындағы дауларды шешудегі бай тәжірибесі бар. Ежелгі Қытайда ұлы ойшыл Конфуций азаматтарды сотқа барудың орнына медитацияны қолдануға шақырды. Ол тараптарға келісімге келуге көмектесетін бітімгердің қатысуымен кездесуді ұсынды [1, 167].

20 ғасырдың басында АҚШ экономикасында еңбек нарығының дамуына кері ықпалын тигізетін еңбек дауларының жаңа түрі пайда болды, ол кәсіподақтар мен жұмыс берушілер арасындағы еңбек жағдайлары мен жалақыны белгілеу мәселелеріне қатысты даулар мен қақтығыстар. Бұл дауларды дере шешу мүмкін болмаса, ереуілдер, жаппай жұмысшыларды қысқарту және бүкіл зауыттардың уақытша жабылу қаупі болды. Мұндай қызмет қызметкерлер мен жұмыс берушілер арасындағы қақтығыстарда бейтарап делдал ретінде әрекет етуі тиіс болып, нәтижесінде 1947 ж. Федералдық медиация және бітімгершілік қызметі құрылды [2, 20].

Қазақ қоғамында медиация процедурасы ежелден қолданылып келгені белгілі. Ғасырлар бойы қақтығыстарды құрметті ақсақалдар мен билердің көмегімен шешу дәстүрі болған.

Жалпы, қазақ халқының тарихында медиация элементтерін қамтитын сот төрелігінің түрі – билер соты болған. «Қазақтың дала төрелігінің алтын ғасыры – екі жақтың дау-дамайлары билердің, сөзге шебер, дана шешендердің қатысуымен шешілген кезең деп аталады. Ол кезде сот орындаушылары да, орындаушылары да болмаған. Бірақ өз заманының ең беделді адамдары болған билердің сөзін жұрттың бәрі құрметтеп, сөзсіз ұстануға мәжбүр болды» [3, 112].

Қазақстанда сот төрелігі жүйесінің пайда болуы мен даму тарихын кейбір жорамалдармен қарастыра отырып, медиация мен билер соты арасында ұқсастықты аңғаруға болады.

Біріншіден, би лауазымына тағайындау болған жоқ, ол делдал ретінде әрекет ете отырып, тараптардан туындайтын даулы мәселелер бойынша іс жүргізді.

Екіншіден, қалыптасқан жағдайды шешу кезінде жанжал тараптары тек оның беделін, құзыретін басшылыққа ала отырып және Тәуелсіздік пен бейтараптықты қамтамасыз ететін барлық факторларды ескере отырып, белгілі бір биді таңдауда еркін болды.

Билер соты Қазақстан аумағында тұратын халықтың басым бөлігіне сұранысқа ие болды. Қазіргі заманғы медиаторлар заманауи сипатта жаңғыртуды ұсынады [4].

Елімізде алғаш рет медиация тұжырымдамасын Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті Нұрсұлтан Назарбаев бекітті. Қазақстан Республикасы Судьялар одағының V съезінде сөйлеген сөзінде соттарда қаралатын даулардың санын азайтуға бағытталған жұмыстарды тиімді жүргізу қажеттігін атап, дауларды шешудің баламалы тәсілдерін, медиацияның маңыздылығын атап өткен болатын [5].

Қазақстан Республикасының Конституциясының 12-бабына сәйкес адам құқықтары мен бостандықтары танылады және оларға кепілдік беріледі [6]. Конституцияда бекітілген кепілдікті жүзеге асыру үшін юрисдикциялық және юрисдикциядан тыс реттеу, түрлі татуластыру рәсімдері, соның ішінде медиация қолданылады. Қазақстанда қылмыстық процесте медиацияны кеңінен енгізуге БҰҰ мен Еуропа Кеңесінің Ұсынымдары, Декларациялары мен Қарарлары ықпал етті.

Елімізде сот төрелігін дамытуда жеке құқықтық сипаттағы дауларды шешудің баламалы тәсілдері маңызды рөл атқарады. Ел Президенті Қ.К. Тоқаев «Жаңа жағдайдағы Қазақстан: іс-қимыл кезеңі» атты Жолдауында медиацияға басымдық беруді, елімізде бірде-бір мемлекеттік орган оның даму мәселесімен айналыспағандығын баса ескертіп, алдағы уатыққа жіберілген осындай кемшіліктерді түзетуді тапсырған болатын [7].

Медиация институты 2011 ж. «Медиация туралы» Қазақстан Республикасының Заңының қабылдануымен құқықтық негізге ие болды. Медиацияның негізгі мақсаты – дауларды сотқа дейін және сот барысында тараптардың ерікті келісімі арқылы, бейтарап медиатордың көмегімен тиімді шешу болып табылады.

«Медиация туралы» заңмен медиация ұғымы, қағидаттары (еріктілік, құпиялылық, бейтараптық, теңдік), медиаторлардың құқықтық мәртебесі, рәсімдерді жүргізу тәртібін нақтыланды [8].

Сондай-ақ, 2016 жылдан бастап соттарда татуластыру рәсімдері дамып, «Татуластыру кабинеттері» мен «Бітімгер судья» институты енгізілді. Бұл медиацияның сотпен интеграциясын күшейтті. Соған қарамастан, медиацияны құқықтық жүйенің толыққанды бөлігі ретінде қалыптастыру әлі де жалғасуда.

Медиацияның институционалдық даму жолында шешімін таппаған бірқатар мәселелер бар, олар: құқықтық сауаттылықтың төмендігі, кәсіби медиаторлардың жетіспеушілігі, қоғамның сенім деңгейі, медиация рәсімінің тиімділігі жөніндегі практикалық базаның әлсіздігі. Мақалада авторлар осы мәселелерді кешенді талдауға басымдық береді.

Материалдар мен әдістер

Мақала жазу барысында отандық және ресейлік ғалымдардың медиация тақырыбындағы ғылыми теориялық-әдіснамалық жұмыстарына шолу және талдау жүргізілді.

Мақалада формальды-логикалық әдістің негізгі тәсілдері ретінде анализ және синтездеу тәсілдері медиация ұғымының, оның құрылымының элементтерін ажыратып қарастыруда көрініс тапса, ал, салыстыру тәсілі дамыған Еуропа елдері мен Қазақстан Республикасындағы медиация модельдерін, салыстыруда қолданылды. Сондай-ақ, формальды-құқықтық және ғылыми зерттеудің сапалық және арнайы әдістері қолданылады.

Бұл әдістер медиация практикасын, оның тиімділігін, қоғамдағы қабылдануын және қолданылу ерекшеліктерін ғылыми тұрғыдан талдауға мүмкіндік береді.

Нәтижелер мен талқылау

Медиация – бұл үшінші тарап дауласушылар арасындағы конструктивті қарым-қатынасқа, соның ішінде шешім қабылдауға, проблемаларды шешуге және келіссөздерге, өзара қолайлы келісімге қол жеткізуге көмектесетін процесс. Бұл процесте медиатор істі бағалаудан немесе тараптарды белгілі бір реттеуге бағыттаудан аулақ бола отырып, процестің қамқоршысы ретінде әрекет етеді. Медиатордың рөлі дауласушыларға бір-бірінің мүдделері мен мүдделерін түсінуге көмектесу болып табылады [9, 165].

Медиация көп жағдайда құқық саласында азаматтық, қылмыстық істерде, сондай-ақ, еңбек даулары және отбасы қатынастарын құрайтын істерде жүргізіледі [10, 134]. Қазіргі уақытта даулардың 30%-дан астамы медиация рәсімімен ымыраға келіп жатады, ал басым бөлігі тараптардың келісімімен аяқталады. 2018 жылдың басында Қазақстанда медиация үдерісімен 24 мың 147 дау шешілген, оның ішінде, корпоративтік даулар, банк және сақтандыру саласындағы даулар, отбасылық даулар, авторлық құқыққа және зияткерлік меншікке байланысты даулар және т.б. оң шешімін тапқан [11].

Медиация тараптардың теңдігі мен еріктілігі негізінде, тең құқықтылықты сақтай отырып, медиатордың дербестігі мен бейтараптығына, медиация рәсіміне өзге де тұлғалардың араласуына жол бермеу, сондай-ақ құпиялылық қағидаларының негізінде жүргізіледі.

1. Тараптардың теңдігі және еріктілігі оларды қандай да бір нысанда қатысуға мәжбүрлеуге жол берілмейтіндігін білдіреді. Тараптар медиация рәсімінде кез-келген уақытта бас тартуға құқылы.

2. Тараптар ақпаратты хабардар ету – медиатор екі жаққа да медиацияның мәні, оның процесі мен оның ықтимал салдары туралы ақпаратты жариялар, хабардар етуге міндетті.

3. Медиатордың бейтараптығы медиатордың тараптарды бірдей қабылдап, ортақ шешімге келу ниетін тең дәрежеде қолдайтындығын білдіреді. Бейтараптылық сақталмайтын жағдайларда медиатор істі басқа медиаторға беруге немесе тоқтатуға тиіс.

4. Медиацияның бірден-бір ерекшелігі оның құпия сипатта қамтамасыз етілуі және тараптардың еріктілігі, татуластыру рәсімінің жедел (яғни 30 күн ішінде немесе белгілі себептер болған жағдайда 60 күннен аспайтын мерзімде) жүзеге асырылуы болып табылады.

5. Тараптар мен медиатордың жауапкершілігі медиатордың кездесуге қатысушылардың қауіпсіздігіне, сондай-ақ қағидаттар мен стандарттардың сақталуына жауап беретінін білдіреді [10, 135].

Қазақстан Республикасында құқықтық дауларды реттеу жөніндегі татуластыру рәсімдері кеңінен таралуда. Осындай тәсілдердің бірі – азаматтық юрисдикция саласында туындайтын құқықтық қатынастарды ізгілендіруге ықпал ететін медиация институты. Қазақстан Республикасының «Медиация туралы» Заңында және Азаматтық процестік кодексінде (бұдан әрі – ҚР АПК) бекітілген сотқа дейінгі және сот медиациясы Қазақстанда азаматтық дауларды балама шешудің тиімді механизмі болып табылады.

Дауларды медиация тәртібімен шешудің оң нәтижелеріне, негізінен, тараптар дауды бейбіт және өркениетті жолмен шешкісі келген жағдайда қол жеткізіледі. Әдетте, медиация келесі жағдайларда қолданылуы тиіс:

- дауласушы тараптардың мүдделері және болашақта олардың қарым-қатынасын сақтау мүмкіндігі, мысалы, іскерлік серіктестік, ата-анасы ажырасқаннан кейін балаларды бірлесіп тәрбиелеу және т.б. жағдайларда;
- тараптар арасында ұзақ мерзімді, маңызды қатынастар болған кезде;
- заң негізінде қабылданған шешім даудың барлық аспектілерін есепке алмаса және оны шешуге әкелмесе;
- тараптар өзара тиімді (қанағаттанарлық) қатынастарды тоқтату шарттарын келісу қажет болғанда және т.б.

ҚР АПК-нің азаматтық сот ісін жүргізудің кез келген сатысында медиация рәсімін жүргізу мүмкіндігі сияқты новелласы ерекше маңызды болып табылады.

ҚР АПК жаңа редакцияда қолданысқа енгізілуімен 2016 жылғы 1 қаңтардан бастап «медиация рәсімі» терминін қолдана отырып, азаматтық процесте медиативтік бағытты дамытудың жаңа кезеңі басталды.

«Медиация туралы» Қазақстан Республикасы Заңының гуманистік мәні азаматтардың таңдау еркіндігіне ие болуында. Қоғамда жиі ұшырасатын әлеуметтік, отбасылық құқықтық проблемалардың шешімін таппай, әділдік үшін сотқа арыз-шағым түсіретіндердің қатары көбеюде.

Азаматтық-құқықтық қатынастар саласында татуластыру рәсімдерінің және істі бейбіт жолмен шешудің негізгі алаңы ретінде істі сот талқылауына дайындау сатысын пайдалану көзделген.

Сотқа жүгінгенге дейін және істі сот талқылауына дайындау кезеңінде бітімгерлік рәсімдерді енгізуді ынталандыратын бірқатар шараларды қажет етеді.

Судьяның атына медиация жүргізу туралы арыз келіп түскен кезде сот ҚР АПК-нің 273-бабының 7) тармақшасына сәйкес сотта медиация жүргізілген немесе партисипативтік рәсім жүргізілген іс бойынша медиация, партисипативтік рәсім тоқтатылғанға дейін іс жүргізуді тоқтата тұра алады [12].

Істі сот талқылауына дайындау сатысында судья тараптарға құқықтарын түсіндіре отырып, медиацияның мәнін, оңтайландырылған тәсілдердің тиімділігін және медиация тәртібімен шешу мүмкіндігі, тараптардың құқықтары мен міндеттері, оларды орындау тәртібін хабарлайды. Келісімнің мәтінінде жауапкердің міндеттемелерді орындауын кейінге қалдыру немесе бөліп төлеу туралы, борышты толық немесе ішінара кешіру не тану туралы шарттар қамтылуы мүмкін.

Медиацияның әрбір түрінің процессуалдық айырмашылықтарын, құқықтық салдарын және артықшылықтарын түсіну адвокаттар мен олардың клиенттеріне өздерінің құқықтары мен мүдделерін қорғаудың оңтайлы стратегиясын саналы түрде таңдауға мүмкіндік береді, сол арқылы нақты дауды шешуге ғана емес, сонымен қатар Қазақстанның құқықтық саласында диалог пен ымыраға келу мәдениетін дамытуға ықпал етеді.

Азаматтық істерде медиацияның қолданылу аясы кең. С.Б. Идрисова «азаматтық-құқықтық даулар (жанжалдар) бойынша медиация қақтығыстардың мынадай санатын шешу кезінде ерекше тиімді деп санайды, олар:

- коммерциялық даулар;
- тұрғын үй қатынастарынан туындайтын даулар;
- меншік құқығы туралы даулар;
- отбасылық даулар (некені бұзу және мүлікті бөлу және т.б.);
- жұмыстағы жанжалдар;

- мұраны бөлу туралы даулар;
- сот шешімдері мен үйғарымдарын орындау кезінде туындайтын даулар және т.б.» [13, 88].

Медиаторды кез-келген еңбек дауында тартуға болады және еңбек қатынастарында келісімнің толық құпиялылығын сақталады.

Сондай-ақ, С.Б. Идрисова Қазақстан Республикасы Еңбек кодексінің 294-бабында ұжымдық еңбек дауларын делдалдың қатысуымен қарау туралы норма болса да, медиация рәсімін жүргізу үшін қандай да бір нормалар көзделмегендігін негізге алады. Демек, медиация рәсіміне рұқсат етіледі, ал, ұжымдық еңбек дауларын шешуде медиация рәсімдеріне рұқсат етілмеген.

Қазақстанның сот жүйесіне тұрақты жүктеме және дауларды неғұрлым үйлесімді шешуге ұмтылу жағдайында медиация барған сайын танымал құралға айналуда. «Медиация туралы» Қазақстан Республикасының Заңы мен Қазақстан Республикасы Азаматтық процестік кодексінің нормалары азаматтық сот ісін жүргізуде сотқа дейінгі медиацияны да, сот медиациясын да қолданудың құқықтық негіздерін құрайды.

Сотқа дейінгі медиация – дауды талап арызсыз шешу әрекеті. Азаматтық даудың тараптары сотқа талап арыз бергенге дейін бастайтын медиация рәсімі. Табысты медиацияның нәтижесі медиациялық келісім болып табылады. Медиациялық келісім азаматтық-құқықтық мәміле болып табылады және ерікті түрде ресімдеуге жатады. Орындалмаған жағдайда тарап міндеттемені мәжбүрлеп орындату немесе өндіріп алу туралы талаппен сотқа жүгінуге құқылы.

Сот медиациясы – бұл сот ісі аясында шешім іздеу. Сотта азаматтық іс қозғалғаннан кейін медиация рәсімі. соттан (судья тараптарға медиация мүмкіндігін қарастыруды ұсынады) немесе тараптардан болуы мүмкін. Судья тараптардың келісімін алып, сот отырысында үзіліс жариялайды немесе медиацияны жүргізу үшін азаматтық істі он жұмыс күніне дейін қарауды тоқтата тұрады және мерзімін сот белгілейді. Тараптар келісім бойынша медиаторды таңдауға құқылы. Келісім болмаған жағдайда, төрағалық етуші тараптардың келісімімен медиация рәсімін жүргізуге не судья-медиаторлардың арасынан кандидатураны ұсына алады. Сот медиациясының нәтижесінде тараптар медиациялық келісімді бекіту туралы арызбен сотқа жүгінуге құқылы. Тараптардың бірі медиация келісімінде көзделген жүктемелерді яғни міндеттемелерін орындамаған жағдайда, құқықтары бұзылған тарап медиация келісімінің негізінде сотқа жүгінуге және атқару парағын алуға құқылы. Медиациялық келісімді бекіту іс бойынша іс жүргізуді тоқтатуға әкеледі. Егер келісімге қол жеткізілмеген жағдайда сот үзіліс жарияланған сәттен бастап істі қарауды жалғастырады.

Істі сот талқылауына дайындау сатысында судья тараптарға құқықтарын түсіндіре отырып, медиацияның мәнін, оңтайландырылған тәсілдердің тиімділігін және медиация тәртібімен шешу мүмкіндігі, тараптардың құқықтары мен міндеттері, оларды орындау тәртібін хабарлайды. Келісімнің мәтінінде жауапкердің міндеттемелерді орындауын кейінге қалдыру немесе бөліп төлеу туралы, борышты толық немесе ішінара кешіру не тану туралы шарттар қамтылуы мүмкін.

Медиацияның әрбір түрінің процессуалдық айырмашылықтарын, құқықтық салдарын және артықшылықтарын түсіну адвокаттар мен олардың клиенттеріне өздерінің құқықтары мен мүдделерін қорғаудың оңтайлы стратегиясын саналы түрде таңдауға мүмкіндік береді, сол арқылы нақты дауды шешуге ғана емес, сонымен қатар Қазақстанның құқықтық саласында диалог пен ымыраға келу мәдениетін дамытуға ықпал етеді.

Медиация мен дауды сот тәртібімен шешудің айырмашылығы неде? Тараптар медиаторға процессуалдық нақты белгіленген өкілеттіктердің шеңберінде жүгіне алады. Медиатордың тараптарға үкім немесе шешім шығаруға, қорытынды жасауға, баға беруге, шешімдердің жобаларын ұсынуға құқығы жоқ; оның шешіліп жатқан мәселеге елеулі түрде әсер ететін қандай да бір шешім қабылдауға құқығы жоқ.

Медиатор судьяны алмастырмайтынын түсіну маңызды. Медиатордың міндетіне жеке және заңды тұлғалар үшін жанжалдарды аз шығынды және баламалы тәсілмен шешу кіреді. Басқаша айтқанда, медиатор – сот жүйесіне жатпайтын және судьяның көмекшісі болып табылмайтын кәсіби делдал.

Үшінші тарап ретінде медиатор, яғни «Медиация туралы» ҚР Заңының талаптарына сәйкес кәсіби және кәсіби емес негізде медиацияны жүргізу үшін тараптар тартатын тәуелсіз жеке тұлға әрекет етеді.

Елімізде сот төрелігін дамытуда жеке құқықтық сипаттағы дауларды шешудің баламалы тәсілдері маңызды рөл атқарады. Неміс профессоры, доктор К. Графин Фон Шлиффен «медиатор дауды шешуде тараптармен бірге қатарлас жүреді, десе де оларға үстемдік етпейді» деп пайымдайды. Медиацияның нәтижесінде тараптар қолайлы шешімге қол жеткізіп қана қоймай, сонымен бірге олардың әрі қарайғы іскерлік қатынастарын нығайтуға және дамытуға мүмкіндік туғызады, ал сот шешімі көбінесе қақтығысты тоқтатып қана қоймайды, сонымен қатар тараптар арасындағы іскерлік қатынастарды одан әрі мүмкін етпейді, өйткені олардың нақты татуласуына қол жеткізілмеген [14, 16].

Медиация сот процесінен ынтымақтастық рәсімімен ерекшеленеді, судья заңда көзделген талаптарға сәйкес белгілі бір мерзімге тағайындалатын болса ал медиатор сайланады [15, 134].

Қазіргі таңда елімізде тәуелсіз кәсіби медиаторлар институты әлсіз. Көп жағдайда сот медиациясы басымдыққа ие, себебі, азаматтар көбіне дау шешу құралы ретінде сотты ғана қарастырады және медиацияны соттың ұсынысы ретінде қабылдайды. Бұл қоғамның құқықтық мәдениетінің әлі де төмен екендігін білдіреді.

Қолданыстағы ҚР «Медиация туралы» Заңында кәсіби медиатор мен «кәсіби емес» медиатор ұғымдары қарастырылған [8]. Бұл «кәсіби емес» медиаторлардың даулы істерде (мәселен, азаматтық, отбасылық, еңбек даулары) араласуына мүмкіндік береді. Яғни, медиаторлардың кәсіби біліктілігі, этикасы әрқилы болуы мүмкін, бұның салдары медиацияның сапасы мен оның нәтижелілігіне, заңдылығына күмән келтіреді. Сондай-ақ, заңда медиация арқылы жасалған келісімдер міндетті орындауға жататыны, олардың орындалуын бақылау механизмдері мен салдары нақты реттелмеген.

Құқықтық мәдениеттің қалыптасуында кәсіби медиаторлар маңызды рөл атқарады. Республикамыздың әр облыс, аймақтарында кәсіби медиаторлардың және медиаторлық орталықтардың жетіспеушілігі, медиаторларды даярлау сапасы бойынша бірізді стандарттың болмауы, оларды мемлекеттік қолдау шараларының жеткіліксіздігі, медиацияны қолдану салаларының аздығы бұл институттың дамуын шектейді.

Қазақстанда медиаторларды даярлау сапасы бойынша бірізді стандарттың болмауы, медиация тәжірибесінің сапасы мен тиімділігін төмендетеді [16].

Аталған проблемаларды шешудің бірден-бір жолы, әлемдік құқықтық тәжірибеде кең таралған тиімді тәсіл – медиация моделі қалыптасқан шет мемлекеттердің тәжірибесін үлгі ретінде қарастыру болып табылады.

Жалпы, медиацияның институционалдық дамуының халықаралық тәжірибесіне сүйенсек, еуропаның Германия, Франция, АҚШ сияқты дамыған елдерінде медиация моделі қалыптасқан. Бұл елдердегі заңнамалық тетіктер, міндетті медиация институты, медиаторларды кәсіби даярлау жүйесі тиімділігімен ерекшеленеді және медиация корпоративтік дауларды шешудің маңызды құралына айналуда. Еуропа елдерінде кәсіби стандарттар қатаң сақталған, медиацияны ынталандыру үшін салықтық жеңілдіктер, мемлекеттік субсидиялар қарастырылған, сондай-ақ, сотқа дейінгі кезеңде медиация рәсімі міндетті болып табылады және медиацияны қолдану саласы кеңінен дамыған. Ал, Қазақстан Республикасында негізінен жеңілдетілген және оңайлатылған медиация есепке алынады. Медиация процедурасының өзі ерікті, еркін болып табылады. Заң бойынша ешқашан медиаторға мәжбүрлеп жүгіну жағдайлары жоқ. Сондай-ақ, сот даудың тараптарын медиаторға жүгінуге өз бастамасы бойынша жіберуге құқылы емес [17, 98].

Еуропалық бұл аталған елдерде корпоративтік даулардағы медиация бизнес пен құқық саласында білімі бар мамандандырылған медиаторларды тарта отырып, белсенді жүргізіледі. Мәселен, Германияда кәсіби медиатор болу үшін арнайы аккредиттелген оқу бағдарламасын (кемінде 120 сағат) аяқтау және тұрақты түрде біліктілікті арттыру міндетті. Ал, Францияда отбасылық медиация кең дамыған, ал мемлекет тарапынан медиация үшін қаржылық жеңілдіктер қарастырылған [18].

Еуропа елдеріндегі әсіресе, АҚШ құқықтық жүйесіндегі маңызды аспектілердің бірі – отбасылық даулардағы медиация болып табылады. Отбасылық медиация ерлі-зайыптылардың ажырасуын, мүлікті бөлуді, бала күтімін және алимент өндіруді қоса алғанда кең ауқымды жағдайларды шешуді қамтиды. Осы саладағы медиаторлардың отбасы құқығы, психология

және қарым-қатынас саласында арнайы білімі бар мамандар болып табылады, бұл оларға ерлі-зайыптылар мен ата-аналар арасындағы келісім мен балалардың мүдделерін іздеуде диалогты жеңілдетуге, сондай-ақ, тараптарға шешім қабылдау процесіне қатысуға мүмкіндік береді. Осылайша, отбасылық даулардағы медиация келісімді нығайтады және ата-аналарға дұрыс шешім қабылдауға септігін тигізеді.

АҚШ-та медиация нарығы кеңінен дамыған және медиаторлар жеке кәсіби қызметтің жоғары деңгейін көрсетеді, медиацияны қолдану саласы көбіне коммерциялық, корпоративтік және еңбек дауларымен байланысты.

Медиация коммерциялық дауларда шешуші рөл атқарады. Осыған сай, коммерциялық медиаторлардың шамамен 70–80 пайызы заңгер мамандығы бар, оған қосымша психолог, бизнес экономика мамандықтарын да игерген мамандар [17, 11]. Ал, Қазақстан Республикасында тәуелсіз кәсіби медиаторлардың қызметіне сұраныс төмен және бізде көп жағдайда медиация отбасылық және тұрмыстық дауларда қолданылады. Қолданыстағы заңда медиаторлық қызмет кәсіпкерлік қызмет санатына жатқызылмайды. Сондықтан да, медиаторлық қызмет медиаторлардың кәсіби мәртебесін, жауапкершілігін және қаржылық тұрақтылығын қамтамасыз етпейді.

Қорытынды

Осылайша, медиация қазіргі заң саласында жаңашылдығымен, келген тың инситут деп баға бере алмаймыз. «Дау мұраты – біту» дейді қазақ халқы. Төрелік айтатын билердің даналығымен, қырағылығымен дауды бітімгершілікпен, татуласумен бір ымыраға келтіру дәстүрлі қазақ қоғамында ертеден бастау алған. Тамыры дәстүрлі қазақ қоғамынан бастау алған бітімгершілік рәсімдерді, яғни медиацияны қолданудың мәселелерін анықтау заң нормаларын жетілдіруге және ықпал етеді.

Дауларды соттан тыс реттеу процессуалдық рәсімдерді оңтайландыру қажеттілігімен де байланысты. Азаматтар да, заңды тұлғалар да медиацияға белсенді түрде жүгінген кезде сот жүйесіне түсетін жүктемені едәуір азайтуға мүмкіндік береді.

Медиация соттан тыс процедуралар аясында кеңінен қолданылатындықтан, ол азаматтық қоғамның қалыптасуына ықпал етеді. Отандық Заң медиацияны дамыту кезінде, әрине, мемлекеттің қолдауымен оны жандандыру мен қолдауды қамтамасыз ететін азаматтық қоғам құрылымдары мен бұқаралық ақпарат құралдары айқындаушы рөл атқаруға тиіс екенін негізге алады.

Қазақстан Республикасында медиация институты құқықтық жүйені ізгілендірудің және дауларды тиімді шешудің маңызды механизмдерінің бірі ретінде орнығуда. Дегенмен оның толыққанды дамуына қоғамның құқықтық мәдениеті, кәсіби кадрлар сапасы, инфрақұрылым және заңнамалық реттеу саласындағы мәселелер кедергі келтіріп отыр. Медиация институтын дамыту бағыттарын кешенді іске асыру Қазақстандағы құқықтық қатынастар мәдениетін арттыруға және сот жүктемесін азайтуға елеулі үлес қосады.

Қорытындылай келе, шет мемлекеттердің тәжірибесін қарастыра отырып, еліміздегі медиация институтын дамытуда келесідей ұсыныстар беріледі:

- бірыңғай ұлттық кәсіби стандарттар қабылдау;
- медиаторлардың үздіксіз кәсіби дамуын қамтамасыз ету;
- соттан тыс медиация институтын жетілдіру және медиация сотқа дейінгі міндетті кезең ретінде қарастырылуы тиіс;
- жасалған медиациялық келісімдердің орындалуына мониторинг жүргізу жүйесін дамыту.

Алдағы уақытта біздің қоғам медиацияны дауларды шешудің пайдалы және оңтайлы тәсілі ретінде қабылдайды деп сенеміз.

ӘДЕБИЕТТЕР

1 Архипкина А.С. Институт медиации в современном праве // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – С.167.

2 Сулейменова Н.О. Проблемы развития медиации в Казахстане // Scientific and practical journal ESJL. – 2023. – № 4(5). – С. 20.

3 Рехсон С.Н., Сулейменова Н.О. Основы медиации в Республике Казахстан. Учебное пособие. – Алматы: Университет «Туран», 2019. – 232 с.

4 Практика медиации: актуальные вопросы, эффективные методики. Диалоговая площадка. Ассамблея народа Казахстана города Нур-Султана при акимате столицы. – Нур-Султан. URL: https://www.inform.kz/ru/ dialogovaya-ploschadka-po-aktual-nym-voprosam-mediacii-proshla-vstolice_a3583473 (дата обращения: 10.05.2025)

5 V Съезд судей Республики Казахстан в Астане. URL: https://unionlawyers.ru/ru/proekty-i-meropriyatiya/arkhiv-meropriyatiy/2024/458/ (дата обращения: 11.05.2025)

6 Қазақстан Республикасының Конституциясы 1995 жылғы 30 тамыз. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51005029 (өтініш берілген күн: 12.05.2025)

7 Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жаңа жағдайдағы Қазақстан: іс-қимыл кезеңі» атты Қазақстан халқына Жолдауы. 2020 жылғы 1 қыркүйек. URL: https://www.akorda.kz/kz/addresses/addresses_of_president/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevtyn-kazakstan-halkyna-zholdauy-2020-zhylgy-1-kyrkuiek (өтініш берілген күн:12.05.2025)

8 «Медиация туралы» Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 28 қаңтардағы № 401-IV Заңы. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30928762 (өтініш берілген күн: 12.05.2025)

9 Munduatea L., Medinaa F., Euwema M. Mediation: Understanding a Constructive Conflict Management Tool in the Workplace // Journal of Work and Organizational Psychology. 2022. Vol. 38(3). P. 165–173.

10 Кайдарова З.А., Иманбаев С.М. Медиация в Республике Казахстан: психолого-правовое обеспечение. Проблемы и перспективы образования. Педагогика и психология. – С. 134–135. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/30-%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B0-984-2-10-20210527.pdf. (дата обращения: 12.05.2025)

11 Почему Жакип Асанов считает, что в Казахстане плохо работает Закон «О медиации»? // Dixinews.kz. URL: https://dixinews.kz/articles/zhizn/35646/ (дата обращения: 14.05.2025)

12 Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексі 2015 жылғы 31 қазандағы № 377-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000377#z49 (өтініш берілген күн: 17.05.2025)

13 Идрисова С.Б. Вопросы совершенствования законодательства о медиации // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2012. – № 3(27) – С. 88–93.

14 Ахметов К.К. Альтернативное разрешение споров в форме медиации: проблемы правового, регулирования и европейский опыт // Заңгер – 2011. – № 9. – С. 16.

15 Лисицын В.В. Медиация – универсальный способ урегулирования коммерческих споров в России. Научный очерк: история и современность. – М.: МАКС пресс, 2009. – С. 134.

16 Қарама-қайшылық көп: Сенатта медиацияның жай-күйі талқыланды. 13 наурыз, 2020. URL: https://egemen.kz/article/224200-qarama-qayshylyq-kop-senatta-mediatsiyanynh-dgay-kuyi-talqylandy?utm_source=chatgpt.com (өтініш берілген күн: 17.05.2025)

17 Меирбекова Г.Б., Камза А.Т. Орта Азия елдеріндегі және Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы елдерінде медиация институтын қолданудың құқықтық жағдайы // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің хабаршысы. «Юриспруденция» сериясы. – 2022. – № 1(67). – 98 б.

18 In brief: selecting mediators in Germany. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ac981a59-2796-4cc3-91c3-f24909cb6ebf (accessed: 14.05.2025)

19 Claire Mulder. Commercial Mediation: The United States and Europe The view through practitioners' eyes // Dispute resolution magazine. 2017. P. 11. URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publications/dispute_resolution_magazine/fall2017/3_commercial_mediation_the_united_states_and_europe.authcheckdam.pdf (accessed: 15.05.2025)

REFERENCES

1 Arhipkina A.S. (2011) Institut mediacii v sovremennom prave // Sibirskij juridicheskij vestnik. No. 1. P. 167. (In Russian).

2 Sulejmenova N.O. (2023) Problemy razvitija mediacii v Kazahstane // Scientific and practical journal ESJL. No. 4(5). P. 20. (In Russian).

3 Rehson S.N., Sulejmenova N.O. (2019) Osnovy mediacii v Respublike Kazahstan. Uchebnoe posobie. Almaty: Universitet «Turan». 232 p. (In Russian).

4 Praktika mediacii: aktual'nye voprosy, jeffektivnye metodiki. Dialogovaja ploshhadka. Assambleja naroda Kazahstana goroda Nur-Sultana pri akimate stolicy. Nur-Sultan. URL: https://www.inform.kz/ru/dialogovaya-ploschadka-po-aktual-nym-voprosam-mediacii-proshla-vstolice_a3583473 (data obrashhenija: 10.05.2025). (In Russian).

5 V S#ezd sudej Respubliki Kazahstan v Astane. URL: https://unionlawyers.ru/ru/proekty-i-meropriyatiya/arkhiv-meropriyatiy/2024/458/ (data obrashhenija: 11.05.2025). (In Russian).

6 Qazaqstan Respublikasynyñ Konstitusiasy 1995 jylğy 30 tamyz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51005029 (ötınış berılgen kün: 12.05.2025). (In Kazakh).

7 Memleket basşysy Qasym-Jomart Toqaevtyñ «Jaña jağdaidağy Qazaqstan: ıs-qimyl kezeñı» atty Qazaqstan halqyna Joldauy. 2020 jylğy 1 qyrküiek. URL: https://www.akorda.kz/kz/addresses/addresses_of_president/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevtyn-kazakstan-halkyna-zholdauy-2020-zhylgy-1-kyrkuiek (ötınış berılgen kün:12.05.2025). (In Kazakh).

8 «Mediasia turaly» Qazaqstan Respublikasynyñ 2011 jylğy 28 qañtardağy № 401-IV Zañy. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30928762 (ötınış berılgen kün: 12.05.2025). (In Kazakh).

9 Munduatea L., Medinaa F., Euwema M. (2022) Mediation: Understanding a Constructive Conflict Management Tool in the Workplace // Journal of Work and Organizational Psychology. Vol. 38(3). P. 165–173. (In English).

10 Kajdarova Z.A., Imanbaev S.M. Mediacija v Respublike Kazahstan: psihologo-pravovoe obespechenie. Problemy i perspektivy obrazovanija. Pedagogika i psihologija. P. 134–135. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/30-%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B0-984-2-10-20210527.pdf. (data obrashhenija: 12.05.2025). (In Russian).

11 Pochemu Zhakip Asanov schitaet, chto v Kazahstane ploho rabotaet Zakon «O mediacii»? // Dixinews.kz. URL: https://dixinews.kz/articles/zhizn/35646/ (data obrashhenija: 14.05.2025). (In Russian).

12 Qazaqstan Respublikasynyñ Azamattyq prosestık kodeksı 2015 jylğy 31 qazandağy No. 377-V QRZ. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000377#z49 (ötınış berılgen kün: 17.05.2025). (In Kazakh).

13 Idrisova S.B. (2012) Voprosy sovershenstvovanija zakonodatel'stva o mediacii // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. No. 3 (27). P. 88–93. (In Russian).

14 Ahmetov K.K. (2011) Al'ternativnoe razreshenie sporov v forme mediacii: problemy pravovogo, regulirovanija i evropejskij opyt // Zanger. No. 9. P. 16. (In Russian).

15 Lisicyn V.V. (2009) Mediacija – universal'nyj sposob uregulirovanija kommercheskih sporov v Rossii. Nauchnyj ocherk: istorija i sovremennost'. M.: MAKS press. P. 134. (In Russian).

16 Qarama-qaişylyq köp: Senatta mediasianyñ jai-küiı talqylandy. 13 nauryz, 2020. URL: https://egemen.kz/article/224200-qarama-qayshylyq-kop-senatta-mediatsiyanynh-dgay-kuyi-talqylandy?utm_source=chatgpt.com (ötınış berılgen kün: 17.05.2025). (In Kazakh).

17 Meirbekova G.B., Kamza A.T. (2022) Orta Azia elderındegı jäne Täuelsız Memleketter Dostastyğy elderında mediasia institutyn qoldanudyñ qūqyqtyq jağdaiy // Abai atyndağy QazŪPU-nıñ habarşysy. «İurisprudensia» seriasy. No. 1(67). 98 p. (In Kazakh).

18 In brief: selecting mediators in Germany. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ac981a59-2796-4cc3-91c3-f24909cb6ebf (accessed: 14.05.2025). (In English).

19 Claire Mulder (2017) Commercial Mediation: The United States and Europe The view through practitioners' eyes // Dispute resolution magazine. P. 11. URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publications/dispute_resolution_magazine/fall2017/3_commercial_mediation_the_united_states_and_europe.authcheckdam.pdf (accessed: 15.05.2025). (In English).

ӨМІРӘЛІ Ж.Ө.,*[1]
д.ю.н., доцент.
*e-mail: Zhaziraomirali@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5510-2966
БЕГАЗОВА Г.Ж.,[1]
PhD, ассоцированный профессор.
e-mail: gulnafisa_86@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6131-1246
РАХИМОВА Г.Н.,[2]
PhD, ассоцированный профессор.
e-mail: gakku_almatycity@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3812-7459
МЫРЗАКӘРІМ А.Н.,[3]
к.ю.н., ассистент-профессор.
e-mail: aan-005@mail.ru
ORCID ID: 0009-0009-2733-1014
[1]Университет Кунаева,
г. Алматы, Казахстан
[2]Казахский национальный
педагогический университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан
[3]Университет Нархоз,
г. Алматы, Казахстан

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация

Целью исследования является изучение актуальных вопросов развития института медиации в Республике Казахстан. В статье авторы дают обзор истории его становления, анализируя понятие медиации. В истории казахского народа классифицируют сходства и различия между судом судей – типом правосудия, включающим элементы медиации, и современной судебной системой. Также в направлении совершенствования деятельности медиаторов дается ряд предложений: установление сфер применения социальной и коммерческой медиации, создание условий для всеобщей доступности медиации; определение форм деятельности медиаторов и формирование корпуса компетентных медиаторов; принятие этического кодекса медиаторов Республики Казахстан. Современное состояние медиации позволяет сделать следующие выводы: во-первых, нормы об обязательности процедуры медиации для отдельных категорий споров, например, внесение изменений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан о взыскании задолженности; во-вторых, увеличение размера государственной пошлины при предъявлении исков в суды; в-третьих, законодательное установление размера вознаграждения медиаторов ниже уровня государственной пошлины, в кратном размере МРП.

Ключевые слова: правосудие, судебная система, медиация, медиатор, примирительные процедуры, мировое соглашение, стороны.

OMIRALI Zh.O.,*[1]
d.l.s., associate professor.
*e-mai: Zhaziraomirali@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5510-2966
BEGAZOVA G.Zh,[1]
PhD, associate professor.
e-mail: gulnafisa_86@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6131-1246
RAKHIMOVA G.N.,[2]
PhD, associate professor.
e-mail: gakku_almatycity@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3812-7459
MYRZAKARIM A.N.,[3]
c.l.s., assistant professor.
e-mail: aan-005@mail.ru
ORCID ID: 0009-0009-2733-1014
[1]Kunayev University,
Almaty, Kazakhstan
[2]Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan
[3]Narxoz University,
Almaty, Kazakhstan

TOPICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MEDIATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract

The purpose of this study is to examine current issues in the development of mediation in the Republic of Kazakhstan. In this article, the authors provide an overview of the history of its development, analyzing the concept of mediation. The history of the Kazakh people highlights the similarities and differences between the court of judges a type of justice that includes elements of mediation–and the modern judicial system. A number of proposals are also made for improving the work of mediators: establishing the scope of application of social and commercial mediation, creating conditions for universal access to mediation; defining the forms of mediator activity and developing a corps of competent mediators; and adopting an ethical code for mediators of the Republic of Kazakhstan. The current state of mediation allows us to draw the following conclusions: firstly, the provisions on mandatory mediation procedures for certain categories of disputes, for example, amendments to the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan on debt collection; Secondly, increasing the state fee for filing lawsuits; thirdly, legislatively establishing mediator remuneration below the state fee, at a multiple of the minimum monthly calculation index (MCI).

Keywords: justice, judicial system, mediation, mediator, conciliation procedures, settlement agreement, parties.

Мақаланың редакцияға түскен күні: 20.10.2025

3 CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCESS
ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ, ҚЫЛМЫСТЫҚ ҮРДІС
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

МРНТИ 10.83
УДК 343.8
JEL K14

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-177-185

БАЙЗАКОВА Р.Б.,*[1]
PhD.
*e-mail: infomba@kaznaru.edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-3322-6247
КУАНДЫКОВ Б.Ж.,[2]
к.ю.н.
e-mail: elvirab8080@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-9190-8509
ЖАЙЛАУ Ж.,[3]
к.ю.н., доцент.
e-mail: zhan1831@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-5326-6302
КУАНДЫКОВА Э.С.,[4]
PhD, ст. преподаватель.
e-mail: elvirab8080@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-0741-1311
[1]Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина, г. Алматы, Казахстан
[2]Казахский национальный педагогический университет им. Абая, г. Алматы, Казахстан
[3]Алматинский гуманитарно-экономический университет, г. Алматы, Казахстан
[4]Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

ПРОБАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация

В статье рассматривается институт пробации как гуманная альтернатива лишению свободы в Республике Казахстан и Кыргызской Республике. На основе сравнительно-правового анализа выявлены общие черты и различия в законодательном регулировании пробации, включая ее цели, задачи, организационное устройство и меры социальной поддержки. Подчеркивается, что обе страны закрепили пробацию как систему мер,

направленных на исправление правонарушителей, предупреждение рецидива и успешную ресоциализацию лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества. При этом подходы различаются: в Казахстане служба пробации встроена в систему Министерства внутренних дел, что подчеркивает ее правоохранительный характер, тогда как в Кыргызстане она подчинена Министерству юстиции и имеет более социально-правовую направленность. Особое внимание уделено ювенальной пробации, примирительным процедурам и постпенитенциарной поддержке осужденных, более детализированной в кыргызском законодательстве. Несмотря на нормативное закрепление, реализация пробации сталкивается с кадровыми и организационными трудностями. Сделан вывод, что Казахстан и Кыргызстан достигли значительного прогресса в развитии пробации, однако ее дальнейшее совершенствование требует комплексного подхода, направленного на повышение эффективности межведомственного взаимодействия и развитие социальной инфраструктуры пробации.

Ключевые слова: пробация, лишение свободы, ресоциализация, уголовная политика, медиация.

Введение

Пробация представляет собой систему мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы, направленных на исправление правонарушителей и их последующую реинтеграцию в общество. В криминологической теории и мировой практике давно признано, что развитая система пробации способствует снижению уровня преступности, предупреждает повторную преступность и уменьшает нагрузку на пенитенциарную систему. В отличие от традиционного тюремного заключения пробация считается более гуманным, экономичным и эффективным способом достижения целей уголовного наказания. Ее ключевая особенность заключается в сочетании контроля и помощи: с одной стороны, государство обеспечивает надзор за поведением лица, осужденного без изоляции от общества, а с другой – предоставляет возможность социальной, психологической и профессиональной поддержки, что способствует устойчивому исправлению.

Возникновение и развитие института пробации связано с изменением мировоззрения в уголовно-правовой политике: от карательной модели к реабилитационно-профилактической. В рамках современной доктрины уголовного права все большее значение придается задачам предупреждения преступности, социальной справедливости и сохранения человеческого достоинства. Пробация становится важнейшим элементом системы альтернативных наказаний, позволяющим гуманизировать уголовное судопроизводство и сделать акцент на личностной коррекции, а не на изоляции. Международная практика показывает, что там, где пробация используется системно, государство достигает ощутимого снижения рецидива и экономии бюджетных средств при одновременном укреплении общественной безопасности.

В странах Центральной Азии внимание к пробации значительно усилилось в последнее десятилетие, что нашло отражение в законодательных реформах после 2010 г. Реформирование уголовно-исполнительной системы Казахстана и Кыргызстана сопровождалось постепенным внедрением принципов гуманизации наказания, смещения акцента с возмездия на исправление личности, расширения возможностей применения мер, не связанных с тюремным заключением. Принятие нормативных актов, регулирующих деятельность службы пробации, стало логическим продолжением глобальных тенденций в сфере уголовной политики.

В Республике Казахстан понятие пробации было впервые введено в законодательство в 2012 г. с принятием поправок о службе пробации, благодаря чему термин «пробация» официально закрепился в правовой системе. Кульминацией реформ стало принятие первого самостоятельного Закона РК «О пробации» 30 декабря 2016 г. № 38-VI ЗРК, который вступил в силу в 2017 г. [1]. Закон систематизировал правовые основы деятельности службы пробации, определил ее цели, задачи, виды, формы, порядок взаимодействия органов власти и обязанности субъектов пробационного контроля. Его принятие стало важным шагом в реализации государственной политики по укреплению принципов справедливости, индивидуализации наказания и недопущению избыточной изоляции лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

В Кыргызской Республике институт пробации также был внедрен в рамках реформ уголовно-исполнительной системы. Закон КР «О пробации» был принят 24 февраля 2017 г. и вступил в силу 1 января 2019 г. [2]. В нем был впервые закреплен единый правовой механизм

построения системы мер, направленных на ресоциализацию осужденных и предупреждение рецидивной преступности. Кыргызская модель строится на сочетании социальной и правовой поддержки правонарушителя, в ней значительное внимание уделяется реабилитации, трудовой адаптации и медиации с потерпевшими. Такая направленность отражает общемировой тренд на развитие восстановительного правосудия и снижение доли тюремных наказаний.

Таким образом, законодательные реформы Казахстана и Кыргызстана свидетельствуют о стремлении обеих стран использовать пробацию как эффективную альтернативу лишению свободы, отвечающую международным стандартам гуманизации уголовного правосудия. Развитие данного института отражает переход национальных правовых систем к современным формам социальной ответственности, при которых приоритет отдается исправлению личности, ее возвращению в общество и укреплению общественной безопасности через профилактику, а не через наказание.

Материалы и методы

В исследовании применен сравнительно-правовой метод: проведен анализ и сопоставление содержания законодательства Казахстана и Кыргызстана о пробации, включая цели и задачи пробации, ее виды и формы, права и обязанности субъектов пробации, а также особенности реализации пробационных мер. Кроме того, использовался метод анализа научной литературы. Такой подход позволил обобщить как нормативный материал, так и выводы современной доктрины для выявления общего и особенного в регулировании и практике пробации двух стран.

Результаты и обсуждение

В Казахстане вопросы пробации привлекают значительное внимание юридической науки. Так, авторы рассматривают пробационный контроль как функциональный элемент уголовно-исполнительной политики РК и обсуждают проблемы практической реализации пробационного надзора в Казахстане, в частности трудности контроля за осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы [3–4].

В совокупности казахстанские ученые сходятся во мнении, что институт пробации обладает значительным ресоциализирующим потенциалом, однако его успешность зависит от эффективного межведомственного взаимодействия и обеспечения социальной поддержки осужденных на пробации.

Не менее активно тема пробации как альтернативы тюрьме изучается учеными ближнего зарубежья. Авторы, проанализировавшие правовую природу института пробации в Кыргызской Республике [5]. Другой автор констатирует, что на начальном этапе развития институт пробации в Кыргызстане оказался «недостаточно развит по сравнению с зарубежными государствами, невзирая на свою эффективность и социальную востребованность» [6]. Также в России и других странах ведутся исследования по проблематике пробации: например, А.М. Потапов выполнил сравнительный анализ законодательства о пробации Казахстана, Кыргызстана и Российской Федерации [7].

В метаанализе П. Виллеттаз и соавт. подчеркивается, что альтернативные меры наказания, включая пробацию, не только не уступают тюремному заключению по уровню предотвращения рецидива, но в большинстве случаев демонстрируют лучшие результаты в контексте повторной преступности и социальной интеграции осужденных [8].

Дополнительное внимание уделяется институциональному и культурному контексту пробации. И. Дурнеску выделяет, что европейские страны используют различные модели пробации – от преимущественно контрольных до социально-реабилитационных, что обуславливает разные ожидания от системы пробации и подходы к ее реализации [9].

Эффективная пробация невозможна без стратегической ориентации на принципы реабилитации, индивидуального подхода к поднадзорным, а также интеграции пробационных служб с другими учреждениями социальной помощи, здравоохранения, образования и трудовой занятости [10]. Этот вывод подтверждается практикой многих стран, где развитие пробации сопровождалось широким межведомственным взаимодействием, вовлечением волонтеров и внедрением оценочных инструментов риска и потребностей.

В целом зарубежные авторы сходятся во мнении, что успешная пробация снижает рецидив и способствует безопасной реинтеграции правонарушителей, но ее развитие требует надлежащей нормативной базы и ресурсов.

Законодательства РК и КР о пробации имеют общую философию и сходную структуру регулирования, однако содержат ряд отличий, продиктованных национальными особенностями. Оба государства законодательно закрепили пробацию как систему мер, направленных на охрану безопасности общества через исправление и социализацию правонарушителей. В частности, статья 1 казахстанского закона «О пробации» определяет цель пробации как содействие общественной безопасности путем коррекции поведения подозреваемых и обвиняемых, ресоциализации осужденных, а также социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Аналогичным образом закон Кыргызстана провозглашает целями пробации обеспечение безопасности общества и государства, создание условий для исправления и ресоциализации клиентов пробации и недопущение совершения ими новых правонарушений. Таким образом, обе страны рассматривают пробацию прежде всего как механизм предупреждения повторной преступности и средство успешного возвращения оступившихся граждан к нормальной жизни.

Существенной общностью является то, что в Казахстане и Кыргызстане законодатель закрепил несколько видов пробации в зависимости от этапа уголовного процесса и исполнения наказания. Казахстанский закон «О пробации» выделяет четыре вида: досудебная пробация, приговорная пробация, пенитенциарная пробация и постпенитенциарная пробация. Аналогично в Кыргызской Республике законом предусмотрены досудебная пробация, исполнительная пробация, пенитенциарная и постпенитенциарная пробация. По сути, эти категории совпадают по содержанию: досудебная пробация охватывает работу с подозреваемыми/обвиняемыми до вынесения приговора, приговорная/исполнительная пробация подразумевает меры контроля и помощи осужденным к наказаниям, не связанным с лишением свободы, пенитенциарная – подготовку осужденных, отбывающих реальный срок, к освобождению, а постпенитенциарная – поддержку лиц, вышедших на свободу. Терминология несколько разнится (в Казахстане используется слово «приговорная», а в Кыргызстане – «исполнительная» пробация), но значение сходно. Важно отметить, что такой дифференцированный подход отражает современный взгляд на пробацию: в отличие, например, от российского законодательства, где единый закон о пробации пока отсутствует и отдельные формы пробации законодательно не закреплены, в Казахстане и Кыргызстане система пробации законодательно структурирована по этапам процесса. Кроме того, оба закона предусматривают составление досудебного пробационного доклада для суда – специального отчета о личности обвиняемого, оценивающего риски и рекомендующего меры, что помогает судье при выборе наказания. Эта норма, соответствующая лучшим зарубежным практикам, призвана содействовать индивидуализации ответственности и более обоснованному применению условных мер.

Вопрос организационного построения службы пробации – один из ключевых в сравнении. В Республике Казахстан пробация институционально входит в систему уголовно-исполнительных органов Министерства внутренних дел. Службы пробации созданы в структуре комитетов уголовно-исполнительной системы, что исторически вытекает из трансформации подразделений, занимавшихся условным осуждением. Пробация в Казахстане изначально действовала в рамках института условного осуждения, а затем была расширена и институционализирована внутри МВД [11]. В отличие от этого в Кыргызской Республике служба пробации изначально создана в системе Министерства юстиции. В соответствии с постановлением Правительства КР № 666 от 31.12.2018, с 1 января 2019 г. учрежден Департамент пробации при Министерстве юстиции КР. До полного становления новой структуры функции пробации временно выполнялись уголовно-исполнительными инспекциями при Государственной службе исполнения наказаний, но с 2020 г. все полномочия и штат были переданы Министерству юстиции. Таким образом, кыргызстанская модель более гражданская, тогда как казахстанская ближе к правоохранительной. Оба подхода имеют свои плюсы и минусы: нахождение пробации в МВД Казахстана облегчает взаимодействие с полицией и тюрьмами, тогда как подчиненность Минюсту в КР подчеркивает социально-правовую направленность пробации и независимость от пенитенциарного ведомства. Оба закона при этом предусматривают широкое межведомственное взаимодействие: так, в Казахстане в числе субъектов пробации упомянуты местные исполни-

тельные органы и общественные объединения, участвующие в социальной поддержке осужденных. В Кыргызстане закон прямо обязывает местные госадминистрации и органы местного самоуправления сотрудничать со службой пробации (например, через советы по пробации) и предоставляет возможности привлечения волонтеров. Подобное включение местных сообществ и НПО соответствует международным стандартам развития пробации как «социально-правового института, основанного на социальном исследовании личности» правонарушителя.

Специальные положения: примирение и работа с несовершеннолетними. Отдельного внимания заслуживают нормы о примирительных процедурах и ювенальной пробации, где обнаруживается примечательное отличие между законодательствами двух стран. В Кыргызской Республике закон «О пробации» содержит самостоятельную статью 28, посвященную примирению с потерпевшим в рамках пробации. Это означает, что при пробационном сопровождении возможно проведение медиации между правонарушителем и жертвой, что способствует восстановлению социальной справедливости и урегулированию конфликта. В казахстанском законе прямого аналога этой нормы нет – вопросы примирения сторон регулируются скорее в уголовно-процессуальном порядке (институты примирения, медиатора и т.д.), но не выделены внутри закона о пробации. Еще более заметна разница в подходе к несовершеннолетним: кыргызстанский закон вводит главу 7, полностью посвященную ювенальной пробации (статьи 35–36). В ней отражены особенности работы с несовершеннолетними правонарушителями и направления деятельности ювенальной пробации, учитывающие их возрастные и психологические особенности. В Казахстане же специальные нормы о несовершеннолетних распределены по различным актам – например, досудебная пробация в РК изначально ориентирована преимущественно на несовершеннолетних и другие уязвимые категории (беременных женщин, инвалидов и др.), однако отдельного института ювенальной пробации закон РК не выделяет. Тем не менее и в Казахстане, и в Кыргызстане вопросы работы с несовершеннолетними решаются с учетом принципа наилучших интересов ребенка: акцент делается на воспитательном воздействии и индивидуальном сопровождении подростков, вставших на учет пробации.

Заметное сходство имеется в том, что оба государства декларируют широкий комплекс мер социальной помощи для лиц, находящихся на пробации, особенно для тех, кто освобождается из мест лишения свободы. Закон Республики Казахстан «О пробации» включает статью 6, перечисляющую основные меры ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. К ним относятся содействие в трудовом устройстве, помощь в получении образования, восстановление утраченных документов, предоставление медицинских услуг, психологическая и юридическая поддержка. Данные меры направлены на то, чтобы минимизировать риск повторного преступления и обеспечить плавный переход человека из состояния изоляции к полноценной жизни в обществе. Важным элементом этой работы является индивидуальный подход – пробационные службы оценивают потребности каждого подучетного и совместно с местными исполнительными органами разрабатывают план его адаптации, включая обучение профессиональным навыкам, трудоустройство и социальную реабилитацию.

В Кыргызской Республике аналогичный перечень мер детально расписан в целом ряде статей (глава 4 закона), где подробно определены механизмы помощи в ресоциализации и выходе из трудной жизненной ситуации. Закон закрепляет обязанность государства и органов местного самоуправления разрабатывать индивидуальную программу социально-правовой помощи каждому клиенту пробации. Такая программа может включать психологическую помощь, сопровождение в получении медицинской и юридической поддержки, содействие в трудоустройстве, направление в центры ресоциализации и реабилитации, предоставление временного жилья, обучение, восстановление утраченных документов и другие формы поддержки. Примечательно, что в Кыргызской Республике законодательство предусматривает возможность предоставления определенных материальных благ сразу после освобождения, например единовременного пособия, необходимой одежды или предметов первой необходимости. Это подчеркивает социальную направленность кыргызской модели и ее стремление не просто контролировать поведение освобожденных, но и активно способствовать их возвращению к нормальной жизни.

В Казахстане аналогичная практическая помощь также реализуется, но чаще на уровне подзаконных актов и региональных программ социальной адаптации, действующих в рамках межведомственного взаимодействия. В отдельных областях созданы центры постпенитенциарной поддержки, которые оказывают содействие бывшим осужденным в поиске работы, восста-

новлении документов и взаимодействии с государственными структурами. Служба пробации координирует эту деятельность, направляя подопечных в службы занятости, медицинские учреждения, образовательные организации. При этом заметно, что в Казахстане меры социальной поддержки в большей степени зависят от возможностей региональных бюджетов и степени вовлеченности местных исполнительных органов, что приводит к разной степени эффективности реализации программ в различных регионах страны.

Законодательство Кыргызской Республики более детализировано и институционально ориентировано на социальное сопровождение правонарушителя, в то время как казахстанская модель сосредоточена на организационной координации усилий государственных органов. Различие обусловлено особенностями подхода: в Казахстане упор сделан на системность и интеграцию пробации в структуру правоохранительных органов, тогда как в Кыргызстане – на социальную реабилитацию и партнерство государства с обществом. Однако в обеих странах выполнение мер социальной поддержки возлагается не только на службы пробации, но и на широкий круг субъектов – местные исполнительные органы, социальные службы, образовательные и медицинские учреждения, а также неправительственные организации. Это требует слаженного межведомственного взаимодействия, достаточного финансирования и подготовки специалистов, способных комплексно решать вопросы ресоциализации.

Несмотря на прогрессивность законодательных норм, реализация пробации на практике сталкивается с определенными трудностями в обеих странах. Как показывают исследования, одним из главных показателей эффективности пробации является уровень рецидива. По данным Комитета УИС МВД РК, в Казахстане в 2012–2017 гг. наблюдались негативные тенденции: ежегодно сотни состоящих на пробации лиц вновь совершали преступления. Правда, следует учесть, что полноценный запуск института пробации произошел лишь с 2017 г. после принятия спецзакона, и по мере накопления опыта ситуация может улучшаться. В Кыргызстане, по оценкам самих практиков, система пробации пока еще формируется; недостаток кадров, финансирования и межведомственной координации был отмечен как слабое место в первые годы работы службы. Тем не менее есть и положительные результаты: судьи активно используют досудебные доклады, что помогает выносить обоснованные решения, начато привлечение волонтеров и социальных работников, развивается информационно-аналитическая база данных пробации. В целом же пробация уже заняла прочное место в уголовной политике обоих государств как эффективный механизм, сочетающий контроль за правонарушителями и их социальную поддержку вне тюремных стен.

Заключение

Сравнительный анализ показал, что Казахстан и Кыргызстан за последнее десятилетие проделали значительный путь в становлении института пробации как альтернативы лишению свободы. Законодательства двух стран во многом схожи: они закрепляют общие цели пробации, устанавливают аналогичные виды пробации по этапам уголовного процесса и исполнения наказания, предусматривают меры поддержки пробационных клиентов и стремятся следовать международным стандартам в этой сфере. В то же время имеются и различия, обусловленные национальными подходами: организационно казахстанская пробация встроена в систему МВД, тогда как кыргызстанская подчинена Минюсту; кыргызское законодательство детализированнее в вопросах социальной помощи и содержит специальные главы о ювенальной пробации и медиации, тогда как в Казахстане эти аспекты решены более интегрированно в общей системе права.

Опыт реализации пробации в обеих странах подтверждает ее ценность как гуманного инструмента снижения тюремного населения и повторной преступности, но также выявляет необходимость дальнейшего развития инфраструктуры пробации. Требуется укреплять межведомственное взаимодействие, кадровый потенциал службы пробации, ее материально-техническое оснащение, а также повышать общественную осведомленность о преимуществах пробации. В перспективе казахстанские и кыргызстанские реформаторы могут заимствовать удачные решения друг друга. Так, например, элементы участия общества и волонтеров, детально прописанные в КР, могут быть полезны для Казахстана, а опыт Казахстана в нормативном закреплении пробационного контроля и взаимодействии полиции с местными органами интересен для КР.

По мнению аналитиков, положительный законодательный опыт этих государств заслуживает внимания при совершенствовании пробации и в других странах региона.

Пробация как альтернатива лишению свободы уже доказала свою эффективность в мировом масштабе и постепенно доказывает ее в Казахстане и Кыргызстане. Ее дальнейшее развитие позволит обеспечить более гуманное обращение с правонарушителями, снизить рецидив, сэкономить государственные ресурсы и, самое главное, дать людям шанс на исправление без разрушения социальных связей. Законодательство двух стран заложило необходимый фундамент; теперь важно продолжать научное и практическое сотрудничество, опираясь на достигнутые результаты, чтобы институт пробации приносил максимальную пользу обществу и государству.

ЛИТЕРАТУРА

1 Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК «О пробации». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038.

2 Закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2017 года № 34 «О пробации». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34251536

3 Алибекова А.Б. Пробационный контроль как функциональный элемент современной уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан // Journal of actual problems of jurisprudence. 2017, no. 1(81), pp. 333–335.

4 Потапов А.М. О содержании института пробации в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан и Киргизской Республики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2023. – № 4. – С. 34–41. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-251-4-34-41.

5 Жусупжанкызы Ч. Служба пробации в Кыргызстане: перспективы и развитие // Вестник ОшГУ. Право. – 2024. – № 2(5). – С. 140–145. DOI: 10.52754/16948661_2024_2(5)_21.

6 Эрматова А.К. Современные вопросы применения пробации в Кыргызской Республике // Вестник Инновационного Евразийского университета. – 2019. – № 2. – С. 51–54.

7 Потапов А.М. Об отличиях законодательства о пробации в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации // Ius Publicum et Privatum. 2024, no. 3, pp. 119–127. DOI: 10.46741/2713-2811.2024.27.3.016.

8 Villettaz P., Gillieron G., Killias M. The effects on re-offending of custodial vs. non-custodial sanctions: An updated systematic review of the state of knowledge // Campbell Systematic Reviews. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 1–95. DOI: 10.4073/csr.2015.1.

9 Durnescu I. An exploration of the purposes and outcomes of probation in European jurisdictions // Probation Journal. 2008. Vol. 55. No. 3. P. 273–281. DOI: 10.1177/0264550508092814.

10 Porporino F.J. Developments and challenges in probation practice: Is there a way forward for establishing effective and sustainable probation systems? // European Journal of Probation. 2018. Vol. 10. № 1. P. 76–95. DOI: 10.1177/2066220318764713.

11 Жолдаскалиев С.М. К вопросу о повышении эффективности деятельности службы пробации в Республике Казахстан // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 188–193. DOI: 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).2.188-193.

REFERENCES

1 Zakon Respubliki Kazahstan ot 30 dekabrja 2016 goda No. 38-VI ZRK «O probacii». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038. (In Russian).

2 Zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 24 fevralja 2017 goda No. 34 «O probacii». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34251536. (In Russian).

3 Alibekova A.B. (2017) Probacionnyj kontrol' kak funkcional'nyj jelement sovremennoj ugolovno-ispolnitel'noj politiki Respubliki Kazahstan // Journal of actual problems of jurisprudence, no. 1(81), pp. 333–335. (In Russian).

4 Potapov A.M. (2023) O soderzhanii instituta probacii v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan i Kirgizskoj Respubliki // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. No. 4. P. 34–41. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-251-4-34-41. (In Russian).

5 Zhusupzhankyzy Ch. (2024) Sluzhba probacii v Kyrgyzstane: perspektivy i razvitie // Vestnik OshGU. Pravo. No. 2(5). P. 140–145. DOI: 10.52754/16948661_2024_2(5)_21. (In Russian).

6 Jermatova A.K. (2019) Sovremennye voprosy primenenija probacii v Kyrgyzskoj Respublike // Vestnik Innovacionnogo Evrazijskogo universiteta. No. 2. P. 51–54. (In Russian).

7 Potapov A.M. (2024) Ob otlichijah zakonodatel'stva o probacii v Respublike Kazahstan, Kyrgyzskoj Respublike i Rossijskoj Federacii // Ius Publicum et Privatum. No. 3. P. 119–127. DOI: 10.46741/2713-2811.2024.27.3.016. (In Russian).

8 Villettaz P., Gillieron G., Killias M. (2015) The effects on re-offending of custodial vs. non-custodial sanctions: An updated systematic review of the state of knowledge // Campbell Systematic Reviews. Vol. 11. No. 1. P. 1–95. DOI: 10.4073/csr.2015.1. (In English).

9 Durnescu I. (2008) An exploration of the purposes and outcomes of probation in European jurisdictions // Probation Journal. Vol. 55. No. 3. P. 273–281. DOI: 10.1177/0264550508092814. (In English).

10 Porporino F.J. (2018) Developments and challenges in probation practice: Is there a way forward for establishing effective and sustainable probation systems? // European Journal of Probation. Vol. 10. № 1. P. 76–95. DOI: 10.1177/2066220318764713. (In English).

11 Zholdaskaliev S.M. (2020) K voprosu o povyshenii jeffektivnosti dejatel'nosti sluzhby probacii v Respublike Kazahstan // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Vol. 15. No. 2. P. 188–193. DOI: 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).2.188-193. (In Russian).

БАЙЗАКОВА Р.Б.,*[1]
PhD.
*e-mail: infomba@kaznaru.edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-3322-6247
КУАНДЫКОВ Б.Ж.,[2]
з.ғ.к.
e-mail: elvirab8080@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-9190-8509
ЖАЙЛАУ Ж.,[3]
з.ғ.к., доцент.
e-mail: zhan1831@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-5326-6302
КУАНДЫКОВА Э.С.,[4]
PhD, аға оқытушы.
e-mail: elvirab8080@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-0741-1311
[1]С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[3]Алматы гуманитарлық-экономикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[4]әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан

БАС БОСТАНДЫҒЫНАН АЙЫРУ ЖАЗАСЫНА БАЛАМА РЕТІНДЕ ПРОБАЦИЯ: ҚАЗАҚСТАН МЕН ҚЫРҒЫЗСТАН ЗАҢНАМАЛЫҚТАРЫНА САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Аңдатпа

Бұл мақалада пробация институты Қазақстан Республикасы мен Қырғыз Республикасындағы бас бостандығынан айыру жазасына гуманитарлық балама ретінде қарастырылады. Салыстырмалы құқықтық талдау оның мақсаттарын, міндеттерін, ұйымдық құрылымын, әлеуметтік қолдау шараларын қоса алғанда, пробацияны заңнамалық реттеудегі ортақтықтар мен айырмашылықтарды анықтайды. Онда екі ел пробацияны қылмыскерлерді оңалтуға, қылмыстың қайталануын болдырмауға және жазасын өтеп жатқан тұлғаларды қоғамнан оқшауланбай табысты реинтеграциялауға бағытталған шаралар жүйесі ретінде бекіткеніне баса назар аударылады. Дегенмен, олардың көзқарастары әртүрлі: Қазақстанда пробация қызметі ішкі істер министрлігіне біріктіріліп, оның құқық қорғау сипатына баса назар аударылады, ал Қырғызстанда ол Әділет

министрлігіне бағынады және әлеуметтік-құқықтық бағытта көбірек болады. Кәмелетке толмағандардың пробациясына, татуластыру рәсімдеріне және сотталғандарды пенитенциарлық өтеуден кейінгі қолдауға ерекше назар аударылады, бұл Қырғызстан заңнамасында толығырақ қарастырылған. Осы заңнамалық базаға қарамастан, пробацияны жүзеге асыру кадрлық және ұйымдастырушылық қиындықтарға тап болады. Қазақстан мен Қырғызстан пробацияны дамытуда айтарлықтай жетістіктерге жетті, бірақ оны одан әрі жетілдіру ведомствоаралық өзара іс-қимылдың тиімділігін арттыруға және пробацияның әлеуметтік инфрақұрылымын дамытуға бағытталған кешенді тәсілді қажет етеді деген қорытындыға келді.

Тірек сөздер: пробация, бас бостандығынан айыру, қайта әлеуметтендіру, қылмыстық саясат, медиация.

BAIZAKOVA R.B.,*[1]
PhD.
*e-mail: infomba@kaznaru.edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-3322-6247
KUANDYKOV B.ZH.,[2]
c.l.s.
e-mail: elvirab8080@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-9190-8509
ZHAILAU ZH.,[3]
c.l.s., associate professor.
e-mail: zhan1831@bk.ru
ORCID ID: 0000-0001-5326-6302
KUANDYKOVA E.S.,[4]
PhD, senior lecturer.
e-mail: elvirab8080@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-0741-1311
[1]S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University,
lmaty, Kazakhstan
[2]Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan
[3]Almaty University of Humanities and Economics,
Almaty, Kazakhstan
[4]Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan

PROBATION AS AN ALTERNATIVE TO IMPRISONMENT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN AND KYRGYZSTAN

Abstract

The article considers the institution of probation as a humane alternative to imprisonment in the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic. Based on a comparative legal analysis, common features and differences in the legislative regulation of probation have been identified, including its goals, objectives, organizational structure and social support measures. It is emphasized that both countries have consolidated probation as a system of measures aimed at correcting offenders, preventing recidivism and successfully re-socializing persons serving sentences without isolation from society. However, the approaches differ: in Kazakhstan, the probation service is integrated into the system of the Ministry of Internal Affairs, which emphasizes its law enforcement nature, whereas in Kyrgyzstan it is subordinate to the Ministry of Justice and has a more socio-legal orientation. Special attention is paid to juvenile probation, conciliation procedures and post-penitentiary support for convicts, which is more detailed in Kyrgyz legislation. Despite the regulatory consolidation, the implementation of probation is faced with personnel and organizational difficulties. It is concluded that Kazakhstan and Kyrgyzstan have made significant progress in the development of probation, but its further improvement requires an integrated approach aimed at improving the effectiveness of interdepartmental cooperation and the development of the social infrastructure of probation.

Keywords: probation, imprisonment, resocialization, criminal policy, mediation.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.10.2025

МРНТИ 10.31.35
УДК 343.91/95
JEL K41

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-186-195

ХВЕДЕЛИДЗЕ Т.Б.,[1]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
e-mail: tima_khv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1215-1530
САЙЛИБАЕВА Ж.Ю.,*[1]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
*e-mail: zhanel.sailibayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3092-889X
ТОЛЕУБЕКОВА Б.Х.,[1]
д.ю.н., профессор.
e- mail: madina_khv@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-0074-3301
ОСМАНОВА Г.Ж.,[1]
PhD, ассоциированный профессор.
e-mail: gulaina.78@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3480-2015
[1]Казахский национальный педагогический
университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан

СЛЕДСТВЕННЫЕ И НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД (ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Аннотация

Регулирование следственных и негласных следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан представлено в достаточно развернутом виде. Их регламентация в ряде норм носит аморфный характер. Цель – обоснование тезиса о том, что внедрение в уголовный процесс негласных следственных действий в существующем виде противоречит принципу системности построения отдельных институтов отрасли права. Признак системности должен присутствовать не только во внешней форме нормативного правового акта, но и в пределах каждого из всех элементов, входящих в данную систему. Научная значимость – уточнение отдельных признаков системности, имеющих отношение к следственным и негласным следственным действиям. Основные результаты – формулирование отдельных предложений по усовершенствованию УПК РК. Основные выводы – регламентация следственных и негласных следственных действий в действующем УПК РК не отвечает требованию системности, согласно которому нормы Кодекса не должны входить между собой в противоречие, не должны вступать в конфликт с основной целью, заключающейся в правовом обосновании обвинения лица в совершении уголовного правонарушения. Научная ценность данной работы заключается в развитии теоретических основ уголовно-процессуального права за счет уточнения и конкретизации содержания понятия системности следственных и негласных следственных действий. Практическая значимость исследования заключается в формировании основ для единообразного понимания и применения норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан на стадии досудебного расследования уголовных дел.

Ключевые слова: закон, право, доказательство, процесс, уголовно-процессуальное право, следственные действия, негласные следственные действия.

Введение

Выбор темы исследования обусловлен объективными обстоятельствами, к которым относятся:

1) реализация приоритета, закрепленного в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 г., по вопросам уголовно-процессуального права, состоящего в необходимо-

сти упрощения форм уголовного судопроизводства. Для реализации данного приоритета предполагается решение задачи по оптимизации и упрощению процедур, предусмотренных в УПК в досудебном производстве [1];

2) выполнение поручения главы государства Президента РК К.К. Токаева, данное Правительству РК в своем Послании народу Казахстана, о проведении ревизии Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов РК на предмет выявления пробелов и противоречий и принятия правовых мер по их устранению [2].

Относительно первого обстоятельства целесообразно применение расширительного толкования приоритета об упрощении процедур досудебных стадий производства по уголовным делам. В контексте настоящего исследования есть основания полагать, что системный подход к регламентации следственных и негласных следственных действий позволит решить вопрос об упрощении более эффективно на том основании, что системный подход направлен на выявление целостного характера исследуемого объекта, определение механизмов, обеспечивающих эту целостность, а также на установление и упорядочение многообразных типов взаимосвязей между элементами сложного явления, объединяя их в единую институциональную структуру [3, с. 613].

Относительно второго обстоятельства необходимо отметить, что независимо от отчетов руководителей исполнительных органов государственной власти о завершении ревизии УК РК и УПК РК состояние уголовно-процессуального законодательства не претерпело существенных положительных изменений в ожидаемом объеме. В частности, вопросы, связанные с применением системного подхода при правовом регулировании следственных и негласных следственных действий, остаются на прежнем уровне развития. Данное обстоятельство дает нам основание считать, что выбор темы основан на сохранении актуальности самой проблемы применения законодателем системного подхода к регламентации процессуальных действий на стадии досудебного производства. Кроме того, в отечественной уголовно-процессуальной науке каких-либо целенаправленных комплексных исследований начиная с момента принятия в 2014 г. действующего УПК РК не предпринималось. Исключение составляют отдельные работы в контексте проблем системности уголовно-процессуальной отрасли права РК, которые носят фрагментарный характер. В числе таких работ нами усматриваются исследования по отдельным аспектам Гинзбурга А.Я., Шариповой А.Б. и др. Значительно чаще следственные и негласные следственные действия рассматриваются при изучении проблем криминалистической тактики, однако в этих случаях вопросы системности носят опосредованный характер во взаимосвязи с системным подходом в теории криминалистики. Здесь уместно сослаться на работы таких казахстанских криминалистов, как Ким К.В. [4], Тусупбеков К.Р., Исмаилов Г.М. [5], Оспанова Г.С., Кужукпаев М.Ж. [6] и др.

В период обсуждения проекта действующего УПК РК в начале 2014 г. А.Я. Гинзбург однозначно был против включения в Кодекс негласных следственных действий, и в качестве основного аргумента он утверждал, что присутствие негласных следственных действий противоречит Конституции РК. Кроме того, он обращал внимание на отсутствие процессуальной регламентации негласных следственных действий, что является правовым нонсенсом, поскольку речь идет о Процессуальном кодексе [7]. А.Б. Шарипова в своих исследованиях осуществляла попытку сформулировать авторскую дефиницию следственных действий [8, с. 256].

Объектом исследования являются недостатки в структуре и системе уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан в контексте проблем системного подхода к регламентации следственных и негласных следственных действий в действующем УПК РК. Предмет исследования – нормы УПК РК по вопросам порядка назначения и производства следственных и негласных следственных действий. Целью настоящей работы является обоснование целесообразности применения системного подхода к регламентации следственных и негласных следственных действий в УПК РК.

Методология исследования – диалектический подход, предполагающий рассмотрение проблемных правовых вопросов в их динамике: от анализа состояния и перспективы дальнейшего развития институтов следственных и негласных следственных действий. Кроме того, в отдельных случаях применен компаративный подход, который позволяет на основе сравнения законодательств разных стран дать более объективную оценку состоянию уголовно-процессуального законодательства Казахстана в исследуемой части.

Выдвинутая гипотеза состоит в признании целесообразности применения системного подхода к вопросам структурирования норм УПК РК по вопросам регламентации следственных и негласных следственных действий.

Практическая значимость усматривается в создании надлежащих методико-правовых условий, способствующих упрощению отдельных процедур, имеющих отношение к следственным и негласным следственным действиям. Результаты исследования могут быть применены в процессе усовершенствования уголовно-процессуального законодательства РК путем внесения изменений и дополнений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс.

Материалы и методы

В качестве материалов использованы тексты уголовно-процессуальных кодексов разных стран, нарративные источники по кругу рассматриваемых вопросов, энциклопедический материал. При изучении нормативного правового материала необходимые тексты были получены на основе современных официальных информационно-коммуникационных программ/систем adilet, «Консультант плюс», «Параграф», что обеспечило достоверность и точность редакции анализируемых норм права и законов. При подборе нарративных источников широко использовались возможности электронных библиотек, в том числе cyberleninka и E-library.

Методы исследования включали тематический подбор законодательных и нормативных источников, составление соответствующей библиографии по кругу исследуемых вопросов, их изучение на предмет выявления проблемных аспектов законодательного и теоретико-правового характера. В процессе работы над настоящей тематикой применялись традиционные для правовой науки методы: логико-правовой, аналитический, сравнительно-правовой. Из частных методик – краткий экскурс в генезис проблемы.

Результаты и обсуждение

Начальный период проектирования действующего УПК РК совпал со сложностями расследования ряда громких уголовных дел, вызвавших широкий общественный резонанс. Расследование уголовных дел в отношении таких фигурантов, как Челах (2012 г.), сорока пяти обвиняемых по Хоргосскому делу (2013–2014 гг.), дело об убийстве известного политика Алтынбека Сарсенбаева и его помощников (2012 г.), было очень сложным, доказательственные базы содержали пробелы и противоречия. К примеру, материалы Хоргосского уголовного дела состояли из 1576 томов. Уголовное преследование строилось на подозрении сотрудников таможенных постов Хоргос, Калжат и Достык в совершении контрабанды в особо крупных размерах. Это было дело, которое в публикациях СМИ называлось «крупнейшим в истории Казахстана коррупционным скандалом».

Длительное предварительное расследование, сложное доказывание по такого рода делам продемонстрировало слабость Уголовно-процессуального кодекса РК, принятого в 1997 г. и представлявшего собой новую редакцию УПК КазССР (1959 г.), нормы которого не отвечали в полной мере запросам общества в условиях суверенизации Казахстана. Отсутствовало надлежащее взаимодействие между следственными органами и оперативно-разыскными подразделениями правоохранительных органов. Результаты оперативно-разыскных мер не находили должного применения в ходе предварительного расследования. Как нам представляется, данное обстоятельство способствовало тому, что законодатель посчитал целесообразным включить в проектируемый УПК РК в качестве самостоятельных источников сведений о фактах результаты оперативно-разыскной деятельности, придав им при этом псевдопроцессуальную форму и назвав «негласными следственными действиями». Именно по этому поводу А.Я. Гинзбург писал, что следственные действия не могут быть негласными. Более того, они должны производиться при непосредственном участии следователя [7]. Нам импонирует позиция А.Я. Гинзбурга, которая дает основание считать, что в своем подходе к следственным и негласным следственным действиям законодатель практически свел к ничтожному само классическое определение следственных действий, признаками которых являются: 1) исчерпывающий законодательно установленный перечень следственных действий; 2) доступная для пони-

мания любым правоприменителем и пользователем регламентация каждого вида следственного действия, предусмотренного в официальном источнике права – Уголовно-процессуальном кодексе; 3) указание на обязательные внешние атрибуты и содержательные признаки, которые являются общими для всех видов следственных действий; 4) особенности и отличительные признаки каждого отдельно взятого следственного действия; 5) правовые последствия, наступающие в результате неправомерного назначения и проведения следственного действия с нарушениями существующих правил; 6) порядок участия в производстве следственного действия заинтересованного участника досудебного расследования; 7) возможность при наличии к тому установленных в УПК РК оснований повторного их производства [8].

Представляется возможным определить негласные следственные действия, как совокупность поисково-познавательных и идентификационных мероприятий, факт проведения и способы реализации которых не подлежат разглашению. Эти действия осуществляются уполномоченным органом, субъектом с целью выявления, фиксации ипроверки фактических данных, а также установления источников их получения для последующего использования в доказательственном процессе. Правовая основа негласных следственных действий включает две взаимосвязанные группы норм. Первая охватывает положения действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующие как общие принципы, так и особенности проведения отдельных видов негласных действий. Вторая группа представлена процессуальными решениями должностных лиц, уполномоченных разрешать их проведение. Таким основанием выступает постановление органа о предоставлении разрешения на проведение негласного действия [9, с. 58].

В ч. 1 ст. 1 действующего УПК РК прямо указывается, что если в иных источниках права имеются нормы, регулирующие порядок уголовного судопроизводства, то они должны быть включены в УПК РК. Относительно негласных следственных действий необходимо отметить, что порядок их производства регламентируется нормами оперативно-разыскного законодательства. Таким образом, вытекает, что:

- во-первых, порядок их производства правомерно не включается в УПК РК, так как эти действия (негласные) не относятся к уголовному судопроизводству;
- во-вторых, по своей правовой природе оперативно-разыскные мероприятия не относятся к категории следственных действий. Они представляют собой самостоятельный вид деятельности − оперативно-разыскную, направленную на достижение задач досудебного расследования, при этом порядок их осуществления определяется специальным законодательством, регулирующим оперативно-разыскную сферу;
- в-третьих, следственные мероприятия изначально являются легальным средством собирания доказательств, а оперативно-разыскная информация используется как ориентирующая, и решение об использовании такой информации принимает следователь, так как он несет персональную ответственность за предварительное расследование;
- в УПК РК нет никаких гарантий достоверности сведений, полученных оперативно-разыскным путем, что ставит под сомнение доказательственную силу данных, полученных в результате негласных процессуальных мероприятий.

Негласные следственные мероприятия представляют собой действия, проводимые в рамках досудебного производства с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, без предварительного уведомления лиц, чьи интересы могут быть затронуты.

Проведение и санкционирование таких мероприятий осуществляется в соответствии с требованиями и условиями, установленными Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан [10].

Операции под прикрытием применяются в ситуациях, когда представителю правоохранительных органов либо иному уполномоченному субъекту предоставляется возможность внедриться в структуру преступного сообщества с целью получения сведений, имеющих доказательственное значение. Операции под прикрытием должны выполняться только хорошо управляемым и должным образом обученным сотрудником, обладающим необходимыми профессиональными компетенциями. Проведение операций должно осуществляться под постоянным контролем руководства, с соблюдением мер безопасности и процессуальных норм [11].

Электронное наблюдение в виде подслушивающих устройств или перехвата сообщений выполняют функцию операций под прикрытием, и часто предпочтительнее, когда в сплоченную группу невозможно проникнуть постороннему лицу либо когда физическое проникновение или установление слежки представляют неприемлемый риск для расследования или безопасности следователей.

Учитывая его вмешательства, электронная слежка, как правило, подлежит строгому контролю. Следователи должны иметь в виду, что организаторы преступных схем часто осведомлены о методах наблюдения. Наблюдение должно всегда проводиться тщательно и творчески [12].

Следует выделить особый аспект, проявляющийся в ситуациях, когда для обеспечения эффективности расследования требуется сохранить в тайне сведения о формах, методах и последовательности проведения следственного действия. В подобных случаях данные обстоятельства не раскрываются участникам уголовного процесса, кроме уполномоченного лица, осуществляющего производство по делу. Проведение такого процессуального мероприятия имеет скрытый, конфиденциальный характер.

При этом возможность придания следственному действию такого характера на законодательном уровне в настоящее время четко не урегулирована, что вызывает дискуссии в юридической науке [13, с. 357].

Объединение следственных действий и негласных следственных действий под общим термином «следственные» с точки зрения системности дает повод для их рассмотрения в качестве разновидностей одного и того же правового явления. Иными словами, внешняя характеристика может быть сведена к следующему: следственные действия делятся на две группы: а) собственно следственные действия; б) негласные следственные действия. В таком случае обе эти группы должны обладать общими признаками, то есть: должны избираться и осуществляться непосредственно следователем либо назначаться прокурором; протоколы их производства должны быть доступны для ознакомления всеми участниками уголовного процесса; при необходимости эти действия могут быть произведены повторно; время производства первого неотложного следственного или негласного следственного действия должно признаваться начальным моментом досудебного расследования, что очень важно при исчислении и соблюдении установленных процессуальных сроков. Превалирующее большинство из этих признаков не имеет отношения к оперативно-разыскным мероприятиям, а значит, и к негласным следственным процедурам, которые реализуются по правилам оперативно-разыскной деятельности. Следственные процедуры и мероприятия оперативно-разыскного характера, которые в УПК названы как негласные следственные действия, – разные правовые явления, принадлежащие к разным отраслям права.

Таким образом, системность в законодательном подходе к следственным и негласным следственным действиям в настоящее время отсутствует. Это подтверждается также фактом отсутствия в УПК РК нормы, в которой был бы представлен исчерпывающий перечень процессуальных действий, которые относятся именно к следственным. Это важно, так как системность, помимо прочих признаков, выражается также и в том, что изначально четко и точно должно определяться структурными элементами, составляющими эту системность. Перечень следственных действий имеет значение еще в одном аспекте: при уведомлении участников уголовного процесса об окончании процессуальных действий ст. 294 УПК РК, а также при подготовке следователем итогового отчета о завершении досудебного расследования в соответствии со ст. 298 УПК РК.

Вопрос о том, допустимо ли следователю указывать в процессуальных документах сведения о проведении негласных следственных действий, остается дискуссионным. Буквальное толкование норм УПК РК позволяет сделать вывод, что следователь вправе ссылаться лишь на результаты следственных действий. Однако следует учитывать, что материалы, полученные в ходе негласных следственных действий, обладают тем же доказательственным значением, что и доказательства, извлеченные в результате обычных следственных действий. На этом основании возникает ряд противоречий, которые также могут быть объяснены с позиций несоблюдения системности к регламентации процессуальных действий вообще, следственных и оперативно-разыскных в частности.

Более развернутые исследования в области системного подхода к следственным и негласным следственным действиям усматриваются в работах российских процессуалистов.

Особый интерес представляет новейшая монография С.Б. Россинского, в рамках которой он дает развернутый и глубокий анализ сущности многолетних дискуссий относительно понимания процессуальной природы и методологических подходов к исследованию следственных действий [14, с. 132]. Следует отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [15] и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь [16] отсутствует понятие «негласные следственные действия». В законодательстве этих стран предусмотрены отдельные нормы, регулирующие использование информации, полученной оперативно-разыскными способами, на стадии досудебного расследования. При этом в названных государствах системный подход к вопросам следственных действий сохранен.

Уголовно-процессуальные законодательства Франции, Федеративной Республики Германии, Швейцарии и Австрии предусматривают возможность проведения специальных негласных следственных действий [17, с. 81].

В уголовно-процессуальной системе США также допускается применение негласных методов в ходе процессуальных действий, только в случаях, прямо предусмотренных законом [18, с. 36]. Вопрос о законности доказательств (США, Великобритания), полученных в ходе операции, рассматривается судом в каждом конкретном деле.

Обзор законодательств, регулирующих деятельность полиции под прикрытием в пяти исследованных странах, проведенный зарубежными исследователями, выявил отсутствие унифицированного подхода и консенсуса относительно необходимости наличия детальной правовой регламентации данного института.

Зарубежные исследователи также отмечают отсутствие единого подхода к определению пределов применения оперативной деятельности под прикрытием – открытым остается вопрос о том, следует ли деятельность полиции распространять на широкий спектр уголовных преступлений или ограничивать наиболее тяжкими их видами. Только в одной из исследованных стран, в Германии, предусмотрена официальная обязанность впоследствии уведомить лицо о том, что оно находится под наблюдением тайного агента.

C. Joubert выступает за принятие комплексного законодательства, регулирующего методы полицейской деятельности, предполагающие исключения из права на неприкосновенность частной жизни [19].

Таким образом, для российского уголовного процесса более значимы тенденции, характерные для континентальной правовой системы, и именно их следует учитывать при совершенствовании норм. Поскольку они в большей степени соответствуют его теоретико-правовым основам и институциональной структуре [20, с. 125].

Если следственные действия еще сохраняют черты самостоятельного института уголовно-процессуального права, то негласные следственные действия институционализации не поддаются по той простой причине, что они искусственно включенные в уголовный процесс действия, не имеющие отношения к следственным, а значит, и к уголовно-процессуальной регламентации, а в теории оперативно-разыскной деятельности проблемы институционализации оперативно-разыскных мероприятий не возникают в силу их секретности. Такое размежевание еще один аргумент в пользу гипотезы об отсутствии системных связей между следственными действиями и оперативно-разыскными мероприятиями, которые в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан обозначены как «негласные следственные действия», следует различать и применять в соответствии с их правовой природой.

Заключение

1. Уголовно-процессуальный кодекс как нормативная основа уголовно-процессуального права относится к явлениям системного характера в системе национального права современного государства. И как всякое системное явление УПК РК должен отвечать соответствующим признакам, которые постоянно должны поддерживаться в структурах элементов отраслевого закона: институтах, категориях, понятиях. Отсутствие признаков системности хотя бы в одном из его элементов рано или поздно влечет деструктуризацию правовой отрасли и отраслевого закона.

2. Негласные следственные действия не могут быть объединены в одну категорию с традиционно понимаемыми следственными действиями, которые носят исключительно уголовно-

процессуальную правовую природу. Негласные следственные действия по своей сути оперативно-разыскные мероприятия и относятся к области оперативно-разыскного права. Но важность в уголовном преследовании оперативно-разыскной информации никто не отрицает. Следует учитывать, что доказательства по уголовным делам могут быть получены как в ходе следственных действий, так и посредством оперативно-разыскных мероприятий. При этом порядок их использования в уголовном процессе должен различаться и регулироваться соответствующими положениями Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан и нормами оперативно-разыскного законодательства. Процедура объединения доказательств, добытых разными способами, должна быть подробно урегулирована в отдельной главе УПК РК. Одновременно недопустимо смешивать следственные действия с оперативно-разыскными мероприятиями из-за их различной правовой природы. В обвинительном акте, подготавливаемом прокурором, необходимо четко разграничивать доказательства, полученные в результате следственных действий, и доказательства, добытые посредством оперативно-разыскных мероприятий.

3. Включение негласных следственных действий в УПК РК в рамках действующей процессуальной модели было осуществлено поспешно и без достаточного научного обоснования. В результате нормы оказались недостаточно согласованы с базовыми принципами уголовного процесса, что привело к внутренним противоречиям и затруднило их применение на практике. В результате сформировался комплекс правовых конструкций, которые не только затрудняют единообразное правоприменение, но и создают риски несоответствия конституционным гарантиям, стандартам допустимости доказательств и принципам процессуальной справедливости. На текущем этапе корректировать допущенные просчеты представляется сложным, так как требования системности уголовного процесса предполагают взаимосвязанность всех его институтов. В связи с этим наиболее реалистичным и научно-обоснованным решением в данных обстоятельствах является пересмотр действующего уголовно-процессуального регулирования в Республике Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1 Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. Утверждена Указом Президента РК от 15 октября 2021 г. № 674. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674 (дата обращения: 17.06.2025)

2 Токаев К.К. Казахстан в новой реальности: время действий. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/history (дата обращения: 17.06.2025)

3 Философский энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

4 Ким К.В. Развитие системы криминалистической тактики // Вестник КарГУ. Серия «Право». – 2011. – № 4(64). – С. 82–89.

5 Тусупбеков К.Р., Исмаилов Г.М. Некоторые аспекты использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам // Криминалистическая и уголовно-процессуальная науки: современное состояние и тенденции развития. Материалы международной научно-практической конференции, 7 февраля 2022 г. – Караганда: Академия МВД РК им. Б. Бейсенова, 2022. – С. 285–288.

6 Оспанова Г.С., Кужукпаев М.Ж. Криминалистические основы доказательственной деятельности в уголовном процессе // Криминалистическая и уголовно-процессуальная наука: современное состояние и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции, 7 февраля 2022 г. – Караганда: Академия МВД РК, 2022. – С. 226–228.

7 Гинзбург А.Я. Понятие и сущность следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия (к проекту нового УПК РК). URL: https://online.zakon.kz/Document?/doc_id=31449370 (дата обращения: 19.06.2025.)

8 Шарипова А.Б. Следственные действия в уголовном процессе // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2017. – № 1(81). – С. 255–257.

9 Pohoretskyi M.A., Iskenderov,E.F. The role of the prosecutor in conducting secret investigative (search) actions // Actual Problems of Criminal Justice. 2021, no. 3–4, pp. 47–58.

10 О санкционировании негласных следственных действий. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 декабря 2020 г. № 5. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674 (дата обращения: 18.06.2025)

11 Bethan Loftus Normalizing covert surveillance: the subterranean world of policing // The British Journal of Sociology The British Journal of Sociology. 2019, vol. 70, issue 5, pp. 2070–2091. DOI: 10.1111/1468-4446.12651. URL: https://www.researchgate.net/publication/331566962 (accessed: 22.10.2025)

12 Tool 5.8 Special investigative techniques. URL: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Toolkit-files/08-58296_tool_5-8.pdf (accessed: 7.11.2025)

13 Астафьев Ю.В. Специальные следственные действия: к проблеме включения ОРМ в УПК РФ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – 2013. – № 1(14). – С. 356–362.

14 Россинский С.Б. Следственные действия: Монография. – М.: Издательство НОРМА, 2015. – 240 с.

15 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. № 173-ФЗ. URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 19.06.2025.)

16 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999. № 295-3. URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 19.06.2025.)

17 Шредер Ф.-К., Ферелл Т. Уголовно-процессуальное право Германии (Strafprozessrecht). – М., 2016. – С. 81–83.

18 Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты оперативно-розыскных мероприятий как основание для вынесения приговора? (Часть 2) // Современные проблемы правового регулирования. Российский следователь. – 2012. – № 6. – С. 36–41.

19 Joubert C. Undercover Policing: A Comparative Study // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 1994, vol. 2, issue 1, pp. 18–38. URL: https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/undercover-policing-com parative-study?utm_source=chatgpt.com#0-0 (accessed: 07.11.2025.)

20 Доронин К.С. Понятие негласного следственного действия в уголовном процессе // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – № 3. – С. 120–129.

REFERENCES

1 Koncepcija pravovoj politiki Respubliki Kazahstan do 2030 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 15 oktjabrja 2021 g. No. 674. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674 (data obrashhenija: 17.06.2025) (In Kazakh).

2 Tokaev K.K. Kazahstan v novoj real'nosti: vremja dejstvij. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan narodu Kazahstana ot 1 sentjabrja 2020 g. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/history (data obrashhenija: 17.06.2025) (In Kazakh).

3 Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983, 840 p. (In Russian).

4 Kim K.V. (2011) Razvitie sistemy kriminalisticheskoj taktiki // Vestnik KarGU. Serija «Pravo». No. 4 (64). P. 82–89. (In Russian).

5 Tusupbekov K.R., Ismailov G.M. (2022) Nekotorye aspekty ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v processe dokazyvanija po ugolovnym delam // Kriminalisticheskaja i ugolovno-processual'naja nauki: sovremennoe sostojanie i tendencii razvitija. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 7 fevralja 2022 g. Karaganda: Akademija MVD RK im. B. Bejsenova. P. 285–288. (In Kazakh).

6 Ospanova G.S., Kuzhukpaev M.Zh. (2022) Kriminalisticheskie osnovy dokazatel'stvennoj dejatel'nosti v ugolovnom processe // Kriminalisticheskaja i ugolovno-processual'naja nauka: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 7 fevralja 2022 g. Karaganda: Akademija MVD RK. P. 226–228. (In Kazakh).

7 Ginzburg A.Ja. Ponjatie i sushhnost' sledstvennogo dejstvija i operativno-rozysknogo meroprijatija (k proektu novogo UPK RK). URL://https://online.zakon.kz/Document?/doc_id=31449370 (data obrashhenija: 19.06.2025.) (In Kazakh).

8 Sharipova A.B. (2017) Sledstvennye dejstvija v ugolovnom processe // Vestnik KazNU. Serija juridicheskaja. № 1 (81). P. 255–257. (In Kazakh).

9 Pohoretskyi M.A., Iskenderov E.F. (2021) The role of the prosecutor in conducting secret investigative (search) actions // Actual Problems of Criminal Justice, no. 3–4, pp. 47–58. (In Ukraine).

10 O sankcionirovanii neglasnyh sledstvennyh dejstvij. Normativnoe postanovlenie Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan ot 11 dekabrja 2020 g. No. 5. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674 (data obrashhenija: 18.06.2025) (In Kazakh).

11 Bethan Loftus Normalizing covert surveillance: the subterranean world of policing // The British Journal of Sociology The British Journal of Sociology, 2019, vol. 70, issue 5, pp. 2070–2091. DOI: 10.1111/1468-4446.12651. URL: https://www.researchgate.net/publication/331566962 (accessed: 22.10.2025) (In English).

12 Tool 5.8 Special investigative techniques. URL: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Toolkit-files/08-58296_tool_5-8.pdf (accessed: 7.11.2025) (In English).

13 Astaf'ev Ju.V. (2013) Special'nye sledstvennye dejstvija: k probleme vkljuchenija ORM v UPK RF // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Pravo». No. 1 (14). P. 356–362. (In Russian).

14 Rossinskij S.B. (2015) Sledstvennye dejstvija: Monografija. M.: Izdatel'stvo NORMA. 240 p. (In Russian).

15 Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001. No. 173-FZ. URL://https://online.zakon.kz (data obrashhenija: 19.06.2025.) (In Russian).

16 Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 16.07.1999. No. 295-3. URL://https://online.zakon.kz (data obrashhenija: 19.06.2025.) (In Russian).

17 Shreder F.-K., Ferell T. (2016) Ugolovno-processual'noe pravo Germanii (Strafprozessrecht). M. P. 81–83. (In Russian).

18 Aleksandrov A.S., Kucheruk D.S. (2012) Rezul'taty operativno-rozysknyh meroprijatij kak osnovanie dlja vynesenija prigovora? (Chast' 2) // Sovremennye problemy pravovogo regulirovanija. Rossijskij sledovatel'. No. 6. P. 36–41. (In Russian).

19 Joubert C. (1994) Undercover Policing: A Comparative Study // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice, vol. 2, issue 1, pp. 18–38. URL: https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/undercover-policing-com parative-study?utm_source=chatgpt.com#0-0 (accessed: 07.11.2025.) (In English).

20 Doronin K.S. (2017) Ponjatie neglasnogo sledstvennogo dejstvija v ugolovnom processe // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo. No. 3. P. 120–129. (In Russian).

ХВЕДЕЛИДЗЕ Т.Б.,[1]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: tima_khv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1215-1530
САЙЛИБАЕВА Ж.Ю.,*[1]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
*e-mail: zhanel.sailibayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3092-889X
ТОЛЕУБЕКОВА Б.Х.,[1]
з.ғ.д., профессор.
e-mail: madina_khv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0074-3301
ОСМАНОВА Г.Ж.,[1]
PhD, қауымдастырылған профессоры.
e-mail: gulaina.78@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3480-2015
[1]Абай атындағы Қазақ ұлттық
педагогикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ТЕРГЕУ ЖӘНЕ ЖАСЫРЫН ТЕРГЕУ ӘРЕКЕТТЕРІ: ЖҮЙЕЛІК ТӘСІЛДЕР (ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЗАҢНАМАСЫ БОЙЫНША)

Аңдатпа

Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінде тергеу және жасырын тергеу әрекеттерін реттеу айтарлықтай ауқымды. Олардың бірқатар нормаларда реттелуі аморфты сипатқа ие. Мақсаты – қылмыстық процеске жасырын тергеу әрекеттерін қазіргі нысанда енгізу құқық саласының жекелеген институттарын жүйелі құру қағидасына қайшы келеді деген тезисті негіздеу. Жүйелілік белгісі нормативтік құқықтық актінің сыртқы нысанында ғана емес, сонымен бірге осы жүйеге кіретін барлық элементтердің әрқайсысында да болуы керек. Ғылыми маңыздылығы – тергеу және жасырын тергеу әрекеттеріне байланысты жүйеліліктің жеке белгілерін нақтылау. Негізгі нәтижелер Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексін жетілдіру бойынша жеке ұсыныстарды тұжырымдау болып табылады. Негізгі қорытындылар – Қазақстан Республикасының қолданыстағы Қылмыстық-процестік кодексінде тергеу және жасырын тергеу әрекеттерін реттеу жүйелілік талабына сәйкес келмейді, осы орайда Кодекстің нормалары бір-біріне қайшы, яғни адамды

қылмыстық құқық бұзушылық жасады деп айыптауды құқықтық негіздеуде негізгі мақсатқа қайшы келмеуі керек. Құндылығы: тергеу және жасырын тергеу әрекеттерінің жүйелілігі ұғымына нақтылау енгізу арқылы қылмыстық іс жүргізу құқығы теориясын кеңейту. Зерттеудің тәжірибелік маңыздылығы – қылмыстық істерді сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысында Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінің нормаларын біртұтас түсіну мен қолдану үшін негіз құрумен сипатталынады.

Тірек сөздер: заң, құқық, дәлелдеу, процесс, қылмыстық іс жүргізу құқығы, тергеу әрекеттері, жасырын тергеу әрекеттері.

KHVEDELIDZE T.B.,[1]
c.l.s, associate professor.
e-mail: tima_khv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1215-1530
SAYLIBAEVA Zh.YU.,*[1]
c.l.s, associate professor.
*e-mail: zhanel.sailibayeva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3092-889X
TOLEUBEKOVA B.H.,[1]
d.l.s., professor.
e-mail: madina_khv@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-0074-3301
OSMANOVA G.Zh.,[1]
PhD, associate professor.
e-mail: gulaina.78@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3480-2015
[1]Kazakh National Pedagogical University
named after Abai,
Almaty, Kazakhstan

INVESTIGATIVE AND TACIT INVESTIGATIVE ACTIONS: A SYSTEMATIC APPROACH (ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Abstract

The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan regulates investigative and covert investigative actions, yet some provisions are formulated ambiguously. This research argues that the current incorporation of covert investigative actions into criminal proceedings does not fully align with the principle of systematic organization of legal institutions. Legal consistency must be ensured not only in the formal structure of statutes but also within their individual components. The study's scientific contribution is in identifying features of systematicity in investigative and covert procedures. Key outcomes include specific recommendations for enhancing the Criminal Procedure Code». The analysis shows that existing regulations sometimes conflict, compromising the coherence required for legally justified accusations. This work advances criminal procedure theory by clarifying the concept of systematic investigative and covert measures. Practically, the research lays a foundation for a unified approach to interpreting and applying the Code during pre-trial investigations, ensuring clarity, consistency, and efficiency in criminal case handling.

Keywords: legislation, law, evidence, process, criminal procedural law, investigative actions, covert investigative actions.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.10.2025

МРНТИ 10.81.55
УДК 343.1
JEL K14

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-196-205

КОЙЧУБЕКОВА А.А.,[1]
м.ю.н., преподаватель.
e-mail: aarhatova@bk.ru
ORCID ID: 0009-0000-3490-1868
НУРЛИН А.К.,[2]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
e-mail: Akylbek0979@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7134-4992
КОЛДАСОВ Б.С.,[2]
м.ю.н., ст. преподаватель.
e-mail: berik.koldassov@bk.ru
ORCID ID: 0009-0008-6437-5086
ЕНСЕБАЕВА А.Р.,*[3]
к.ю.н., ассоциированный профессор.
*e-mail: nel1212kz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6970-8945
[1]Alikhan Bokeikhan University,
г. Семей, Казахстан
[2]Каспийский университет технологии и
инжиниринга им. Ш. Есенова,
г. Актау, Казахстан
[3]ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

ПРОБЛЕМА ПОВТОРНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР ДОПРОСА

Аннотация

В уголовном процессе дети, выступающие потерпевшими или свидетелями, нередко подвергаются повторной виктимизации. Повторная виктимизация означает повторное причинение травмы жертве не самим преступлением, а реакцией и действиями представителей правоохранительной и судебной системы. Например, ребенок-виктим переживает психический стресс, когда его вновь заставляют вспоминать пережитое при даче показаний или сталкиваться с обвиняемым лицом к лицу. Многократные допросы, очные ставки и судебные заседания могут нанести ребенку дополнительную психологическую травму. Целью исследования является обоснование необходимости введения специальных процедур допроса несовершеннолетних потерпевших, направленных на предотвращение их вторичной виктимизации. В работе использован совокупный методологический подход: проведен анализ национального уголовно-процессуального законодательства и международных стандартов в сфере правосудия в отношении детей; сравнительное исследование практики допроса детей в различных юрисдикциях; обобщение выводов психологических и криминологических исследований о влиянии участия ребенка в уголовном деле на его психику. Применялись общенаучные методы и специальные методы. Предложенные в статье специальные процедуры допроса (создание благоприятной обстановки, ограничение числа допросов, видеофиксация показаний и др.) могут быть внедрены в следственную и судебную практику с целью защиты психического здоровья детей-потерпевших. Реализация рекомендаций позволит уменьшить травматическое воздействие уголовного процесса на несовершеннолетних, повысить качество их показаний и обеспечить соблюдение международных стандартов «дружественного к ребенку» правосудия.

Ключевые слова: виктимизация детей, вторичная виктимизация, несовершеннолетний потерпевший, процедуры допроса, дружественное правосудие, уголовный процесс.

Введение

Проблема защиты детей от повторной виктимизации в ходе уголовного судопроизводства в последние годы привлекает повышенное внимание исследователей и практиков. Повторная виктимизация (в научной литературе часто также вторичная виктимизация) представляет собой ситуацию, при которой жертва преступления сталкивается с дополнительной травмой не в результате самого преступного посягательства, а вследствие взаимодействия с органами расследования и правосудия либо социальным окружением [1, с. 9]. Иными словами, ребенок, уже пострадавший от преступления, может вновь чувствовать себя жертвой при прохождении официальных процедур – даче показаний, очной ставке, судебном разбирательстве. Так, необходимость неоднократно пересказывать пережитые события или встречаться с обидчиком лицом к лицу наносят серьезный удар по психике ребенка. Особенно тяжелы последствия при рассмотрении дел о насилии над детьми: каждый повторный допрос или свидетельское показание заново травмирует психику несовершеннолетнего.

Актуальность темы обусловлена тем, что традиционные подходы уголовного процесса не в полной мере учитывают уязвимость детей. В классической модели судопроизводства приоритет отдается принципам состязательности и всестороннего исследования обстоятельств дела. Однако буквальное следование обычным процедурам (например, требование непосредственного участия потерпевшего в судебном разбирательстве, право обвиняемого на личное столкновение с обвинителем) в случае с малолетними потерпевшими может привести к нарушениям прав и законных интересов ребенка. Международные стандарты закрепляют особую обязанность государства обеспечивать наилучшие интересы ребенка при осуществлении правосудия. Согласно одному из руководящих принципов Конвенции ООН о правах ребенка, в каждом решении, касающемся ребенка, приоритет должен отдаваться наилучшему обеспечению его интересов [2, с. 2]. В контексте уголовного правосудия это означает, что следователи, прокуроры и судьи обязаны ставить психическое и физическое благополучие ребенка на первое место вплоть до того, что судебное разбирательство может продолжаться без участия ребенка-потерпевшего, если это необходимо для его защиты. Подобная мера, конечно, должна балансироваться с правами других участников процесса, включая право обвиняемого на защиту, однако общемировая тенденция такова, что охрана ребенка от повторных травм признается более важной задачей, чем прямое следование формальным процедурам [1, с. 19].

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие при участии несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе. Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства и практические подходы, регламентирующие допросы и иные следственные действия с участием детей, а также психолого-правовые аспекты виктимизации несовершеннолетних в судопроизводстве. Цель исследования сформулирована как разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию процедуры допроса детей-потерпевших, направленных на исключение их вторичной виктимизации. Для достижения указанной цели в работе поставлены следующие задачи: проанализировать типичные факторы повторной виктимизации детей в уголовном процессе на основе отечественного и зарубежного опыта; изучить действующие специальные гарантии и процедуры, применяемые при опросе несовершеннолетних потерпевших (например, участие психолога, использование видеофиксации, особые условия допроса); оценить достаточность этих мер и выявить пробелы, оставляющие риск травматизации ребенка; обобщить лучшие международные практики «child-friendly» правосудия и выработать рекомендации по их внедрению в национальное уголовное судопроизводство.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение, что внедрение специальных процедур допроса несовершеннолетних (таких как ограничение количества допросов, проведение опроса в специально оборудованной дружелюбной обстановке, запись показаний на видео и использование этих записей вместо непосредственного присутствия ребенка в суде) позволит существенно снизить уровень психологического стресса у детей и одновременно не повредит полноте и объективности расследования. Напротив, ожидается, что бережные и продуманные методы работы с детьми будут способствовать получению более достоверных и подробных показаний, поскольку ребенок будет чувствовать себя в безопасности и доверять следователю или судье.

Практическая значимость темы для системы правосудия состоит также в повышении эффективности расследования преступлений против детей. Известно, что напуганный или повторно травмированный ребенок может замкнуться в себе, отказаться от дачи показаний либо путаться в свидетельских показаниях. В результате виновные лица могут избежать ответственности из-за нехватки доказательств. Таким образом, обеспечение комфортных условий и психологической поддержки юного потерпевшего отвечает не только интересам самого ребенка, но и интересам правосудия в целом.

Материалы и методы

Исследование носит комплексный междисциплинарный характер, объединяя уголовно-правовой и криминологический анализ с данными психологии и виктимологии. Эмпирическую базу работы составили нормативные правовые акты Республики Казахстан и зарубежных стран, регламентирующие участие несовершеннолетних в уголовном процессе; статистические данные о преступлениях против детей и ходе их расследования; обзоры практики и отчетные данные правоохранительных органов (например, информация о создании специализированных кабинетов для допроса детей в полиции); материалы международных организаций (ООН, ЮНИСЕФ, ОБСЕ) по стандартизации процедур опроса детей – жертв преступлений. Также был проведен обзор современных научных публикаций (за последние 5–7 лет) по теме виктимизации потерпевших, вторичной травматизации и обеспечения прав потерпевших в судопроизводстве.

Методология исследования включала как общенаучные, так и специальные методы. На этапе теоретического анализа применялись методы сравнительного правоведения, сопоставлялись положения уголовно-процессуальных кодексов, регламентов и практических руководств разных стран (Казахстан, Россия, страны ЕС, США) относительно допроса детей. Например, сравнивались требования к участию педагога/психолога, допустимость видеодопроса, ограничения по времени и количеству опросов. Для обобщения научных подходов использован метод анализа и синтеза, изучены труды в области виктимологии, педагогики и психологии, касающиеся детей в системе правосудия, с последующим синтезом рекомендаций. Путем контент-анализа международных документов выделены ключевые стандарты предотвращения повторной виктимизации. Кроме того, применялся социологический метод: проведены экспертные интервью с практическими работниками, следователями и психологами, имеющими опыт допроса несовершеннолетних. Их мнения и рекомендации были учтены при формировании выводов (интервью проведены на условиях анонимности, с использованием полуструктурированного опросника).

Для повышения надежности выводов использован принцип триангуляции методов сопоставления данных, полученных разными способами. Так, нормативные предписания проверялись на практике через экспертные интервью; теоретические рекомендации психологов соотносились с реальными кейсами из практики расследования.

Все источники информации подвергались критической оценке с точки зрения их актуальности и достоверности.

Правовую основу исследования составили Конституция РК, Уголовно-процессуальный кодекс РК, предусматривающий особые условия допроса несовершеннолетних (например, обязательное участие педагога или психолога при допросе детей до 16 лет, проведение допроса в дневное время, ограничение продолжительности непрерывного опроса и др.), а также Закон РК «О правах ребенка» и связанные подзаконные акты. Анализировались также рекомендации Верховного суда РК по работе с уязвимыми потерпевшими.

Таким образом, методологический аппарат исследования адекватен поставленным задачам, а использование разнообразных источников и методов обеспечивает объективность и обоснованность полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Анализ современного состояния проблемы. Проведенное исследование подтверждает, что традиционная процедура уголовного судопроизводства может причинять детям значительный

стресс и тем самым приводить к вторичной виктимизации. На стадии предварительного расследования несовершеннолетний потерпевший зачастую вынужден неоднократно пересказывать обстоятельства пережитого преступления разным должностным лицам: следователю, участковому, экспертам, прокурору. Далее, при рассмотрении дела в суде, ребенка могут снова допрашивать, а в ряде случаев проводить очные ставки с обвиняемым или требовать опознания преступника. Все эти повторные контакты с травмирующей ситуацией сохраняют и усиливают психологические переживания ребенка, мешают процессу его реабилитации. Как отмечается в международных докладах, каждый раз, когда ребенок вспоминает пережитое насилие в ходе следствия или судебного заседания, это может расцениваться как новая виктимизация. Негативные последствия вторичной травматизации для детской психики включают страх, тревожность, депрессивные состояния, нарушения сна и другие стрессовые реакции. В одном из исследований в Великобритании было установлено, что 85% детей-свидетелей испытывали сильный стресс еще до начала судебного разбирательства, у них наблюдались панические атаки, ночные кошмары, случаи регресса поведения (энурез), депрессивные эпизоды [3, с. 4]. Эти данные наглядно демонстрируют острую необходимость менять подход к опросу детей.

Следует подчеркнуть, что повторная виктимизация имеет не только этическое измерение, но и прямое влияние на эффективность правосудия. Ребенок, которого система не уберегла от дополнительной травмы, может замкнуться, отказаться от сотрудничества со следствием или давать противоречивые показания. В результате суд теряет ценные доказательства либо их надежность ставится под сомнение. Таким образом, защита детей от вторичной виктимизации – это не уступка, а условие нормального осуществления правосудия в делах, затрагивающих несовершеннолетних.

Анализ действующих специальных гарантий показал, что законодательство РК уже содержит ряд норм, нацеленных на защиту прав детей-потерпевших. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает обязательное участие педагога или психолога при допросе потерпевшего, не достигшего 14-летнего возраста (а по усмотрению следователя и для подростков 14–18 лет). Присутствие специалиста призвано создать более комфортную атмосферу для ребенка, контролировать корректность вопросов. Кроме того, закон ограничивает продолжительность одного сеанса допроса несколькими часами с перерывом, а проведение следственных действий с участием детей поздним вечером или ночью запрещено. Эти нормы, безусловно, важны и должны соблюдаться неукоснительно. Тем не менее их недостаточно для полного устранения риска повторной виктимизации. Например, формальное присутствие психолога не гарантирует, что ребенок не будет напуган обстановкой обычного кабинета в полиции или напряженной атмосферой зала суда. Также ничто не предотвращает того, что ребенка могут вызывать давать показания несколько раз на разных этапах, то есть сначала на допросе, потом на очной ставке, затем в суде первой инстанции и, возможно, повторно при апелляции. Каждый такой эпизод есть повторное переживание травмы.

Таким образом, результаты проведенного анализа подтверждают гипотезу о необходимости особых процедур допроса несовершеннолетних. Ниже представлены ключевые предложения и обсуждение их эффективности на основе международного опыта и исследований.

1. Ограничение количества допросов ребенка и концепция «одного интервью». Одной из центральных мер является минимизация повторных опросов ребенка об одних и тех же событиях. В идеале показания ребенка-потерпевшего должны быть полно и тщательно зафиксированы с первого раза, чтобы устранить потребность в повторных допросах. В ряде стран внедряется концепция «единственного интервью»: ребенка допрашивает специально обученный специалист всего один раз, и эта процедура записывается на видео. Далее видеозапись служит доказательством в суде, заменяя необходимость личного присутствия ребенка на судебном заседании. Например, в Испании практика видеозаписи показаний несовершеннолетнего потерпевшего получила институциональное оформление в виде процедуры, известной как предварительно закрепленное доказательство (Preconstituted Evidence). Изначально такая мера применялась для дел о сексуальном насилии, но ныне стала обязательной при получении показаний всех потерпевших младше 14 лет вне зависимости от характера преступления. Запись показаний ребенка на видео и последующее приобщение этого файла к материалам дела позволяет достичь сразу двух целей: предотвратить психологические последствия повторного вызо-

ва ребенка в суд и сохранить качественное доказательство в виде зафиксированных показаний, которые трудно будет исказить [4, с. 12]. Российские и казахстанские ученые-виктимологи также поддерживают данный подход. В частности, отмечается обоснованность обязательной видеофиксации допроса несовершеннолетнего потерпевшего по любым делам, чтобы снять необходимость вторичного опроса в суде (такое предложение содержится, например, в исследованиях Г.А. Мироновой) [5, с. 16]. Как верно подметила Е.С. Клементьева, видеозаписи допроса исключают необходимость повторного опроса несовершеннолетнего в суде, чтобы предотвратить его возможную психологическую травматизацию из-за контакта с подсудимым и пересказа причиняющих ему моральный или психический вред событий [6, с. 179].

Таким образом, представляется целесообразным внести соответствующие изменения в УПК РК – разрешить суду приобщать видеозапись первоначального допроса ребенка в качестве доказательства, без повторного вызова ребенка для дачи показаний в открытом судебном заседании. Это потребует осторожного подхода, чтобы балансировать права сторон, однако международный опыт демонстрирует успешность подобного решения.

2. Создание дружественной обстановки при опросе ребенка. Не менее важна среда, в которой происходит общение с несовершеннолетним потерпевшим. Формальная обстановка – кабинет со следователем в форме, протоколирование, присутствие незнакомых взрослых – может сама по себе пугать ребенка. В последние годы в Казахстане предпринимаются позитивные шаги для улучшения условий допроса детей. Так, в г. Алматы и ряде регионов были открыты специализированные комнаты для допроса детей в полиции [7]. Такие помещения оборудованы в стиле, приближенном к детской игровой: уютный интерьер, мягкие игрушки, спокойные цвета стен. В комнате имеются рабочие места следователя и детского психолога, что позволяет проводить опрос в присутствии психолога в неформальной обстановке. Практический опыт показывает, что подобные дружелюбные к ребенку комнаты облегчают процесс получения показаний, ведь дети чувствуют себя безопаснее, идут на контакт, меньше боятся рассказать о случившемся. Более того, как отмечает инициатор проекта в г. Алматы, важно не нанести ребенку новую психологическую травму сразу после пережитой боли, и поэтому специалисты должны работать с ним в максимально комфортных условиях. Международные стандарты полностью поддерживают этот подход. Совет Европы издал еще в 2010 г. руководство по правосудию, дружественному детям, где одной из главных рекомендаций является адаптация процессов правосудия под нужды ребенка, в том числе использование специальных помещений и недопущение устрашающей атмосферы суда. Европейское агентство по основным правам (FRA) в своем обзоре 2017 г. также подчеркнуло, что дети испытывают стресс не только из-за необходимости многократно давать показания или говорить при большом скоплении людей, но и вообще когда находятся в несоответствующей (не детской) обстановке [8, с. 2]. Поэтому странам рекомендуется создавать специально оборудованные помещения для опроса детей и широко применять видеозапись в качестве стандартной практики получения доказательств. Отрадно, что Казахстан движется в этом направлении, пилотные проекты «кабинетов для допроса детей» уже начали реализовываться, и их необходимо тиражировать по всей стране. Стоит предусмотреть в ведомственных инструкциях, что все следственные действия с участием ребенка-потерпевшего по возможности проводятся в специально оборудованном помещении, а не в обычном кабинете.

В судебной стадии также важно позаботиться о психическом состоянии ребенка. Если дело доходит до суда, необходимо использовать механизмы, исключающие прямой контакт ребенка с обвиняемым и минимизирующие стресс. В некоторых юрисдикциях для этого применяются технологии. Например, опрос через видеосвязь (конференц-связь) – ребенок может давать показания удаленно из безопасной обстановки, без физического присутствия в зале суда. Исследователи отмечают, что дети, которые ожидали допроса по видеоконференции или через систему закрытого телевидения, испытывали заметно меньшую тревожность, чем те, кому предстояло лично свидетельствовать в суде. То же подтверждают и опросы практиков: дистанционные способы участия (видеодопрос, аудиовизуальная запись) значительно снижают страх у уязвимых потерпевших и свидетелей. Поэтому целесообразно шире применять режим видео-конференц-связи для заслушивания показаний несовершеннолетних, особенно по делам о сексуальном насилии, домашнем насилии и другим категориям, травматичным для ребенка. Индонезийские правоведы, исследуя проблему вторичной виктимизации, прямо рекомендуют как можно чаще проводить

онлайн-заседания или удаленный допрос жертв для снижения их травматизации [8, с. 268–269]. В казахстанских реалиях суды уже получили техническую возможность проведения процессов в режиме видеоконференции; следует нормативно закрепить, что по ходатайству стороны или по инициативе суда участие ребенка-потерпевшего может обеспечиваться дистанционно, если это отвечает интересам несовершеннолетнего.

3. Специализированная подготовка кадров и методики допроса. Даже при наличии продуманных процедур многое зависит от человеческого фактора – от того, кто разговаривает с ребенком и как это происходит. Наше исследование выявило, что нередко вторичная травматизация возникает из-за нечувствительного, формального или даже обвиняющего тона со стороны представителей правопорядка. Зарубежные исследования свидетельствуют: сотрудники полиции и суда подчас склонны обвинять самих жертв или проявлять к ним недоверие, особенно в случаях сексуального насилия, что усугубляет травму потерпевших [9, с. 266–267]. Ребенок, столкнувшийся с подобным обращением, испытывает стыд, чувство вины и сильнейший стресс. Для изменения ситуации необходимо внедрять принципы «child-friendly» допроса – это особые тактики, учитывающие возрастные и психологические особенности детей. Например, установление доверительного контакта перед началом опроса, использование простого и понятного языка, недопустимость давления на ребенка, запрет на наводящие или деструктивные вопросы. В ряде стран существуют детально разработанные протоколы интервьюирования детей (например, протокол NICHD, методика свободного повествования и когнитивного интервью для детей), которые доказали эффективность и бережное отношение. В Казахстане целесообразно адаптировать и внедрить подобные стандартизированные методики. Кроме того, обучение кадров имеет ключевое значение. Необходимо, чтобы следователи, дознаватели, прокуроры и судьи, работающие с делами о преступлениях против несовершеннолетних, проходили специальную подготовку по детской психологии и тактике общения с детьми. К процессу допроса должны активнее привлекаться детские психологи и социальные работники не только номинально присутствуя, но и участвуя в выборе стратегии опроса, разъясняя другим участникам эмоциональное состояние ребенка. Как показывают пилотные проекты, совместная работа следователя и психолога позволяет учесть индивидуальные особенности каждого ребенка и выбрать наименее травматичный способ получения информации.

Важным элементом является и последующая поддержка ребенка. Даже при наилучших условиях дача показаний по тяжелому преступлению – большой стресс для несовершеннолетнего. Поэтому прогрессивной практикой является создание при судах так называемых «комнат отдыха» или декомпрессии для детей. Например, в экспериментальном суде в Испании оборудована специальная комната разгрузки для ребенка, где он может отдохнуть и успокоиться сразу после допроса, прежде чем покинуть здание суда [4, с. 2–3]. Там с ним могут работать психологи, используются игры, методы релаксации. Такой комплексный подход обеспечивает, что негативные переживания ребенка минимизируются и не оставляют длительных последствий. В наших учреждениях подобные практики только начинают внедряться, и эту инициативу стоит поддержать на уровне Министерства юстиции и МВД.

4. Баланс интересов: права ребенка vs права обвиняемого. При обсуждении специальных мер для защиты детей возникает закономерный вопрос: не повредит ли это принципам справедливого правосудия, особенно правам подозреваемого/обвиняемого на защиту и состязательность? Не станет ли «щадящий» режим для детей препятствием для эффективного перекрестного допроса или проверки достоверности их показаний? Представляется, что при грамотном законодательном регулировании баланс прав можно соблюсти. Во-первых, видеозапись единственного допроса, проведенного по всем правилам, наоборот, обеспечивает более надежную фиксацию показаний, чем воспоминания ребенка через длительное время в суде. У сторон защиты остается возможность исследовать эту видеозапись, заявлять вопросы через судью или эксперта, оспаривать достоверность, но без прямого давления на ребенка. Во-вторых, судебное разбирательство без присутствия потерпевшего ребенка допускается только по исключительным основаниям, когда его участие действительно несет риск для психического здоровья. Международные стандарты признают такую практику оправданной именно ради интересов ребенка. Национальное законодательство могло бы предусмотреть, например, проведение закрытых судебных заседаний по делам, где потерпевшими являются дети, и использовать показания, данные на предварительном расследовании, если их достоверность не вызывает сомнений. По

мнению авторов, право ребенка на защиту от повторной травматизации должно рассматриваться как приоритетное по сравнению с правом обвиняемого на личную очную ставку с потерпевшим. В конце концов, современное развитие технологий позволяет реализовать права защиты и без прямой конфронтации: посредством видеотрансляции, письменных вопросов, участия защитника при допросе на предварительном этапе и т.д. Таким образом, юридические механизмы балансировки интересов имеются, и их внедрение – вопрос политической воли и осознания важности проблемы.

Обобщая обсуждение, подчеркнем: специальные процедуры допроса детей не роскошь, а насущная потребность уголовного правосудия. Практические шаги в данном направлении дадут многогранный эффект. Защищенный от лишних потрясений ребенок более склонен сотрудничать, дает более полные и последовательные показания. Взрослые участники – следователь, судья, адвокат получат более надежное доказательство и смогут объективнее оценить события. Общество в целом выиграет, потому что правосудие совершится без разрушения судьбы маленького человека, уже пострадавшего от преступления.

Как верно замечают некоторые исследователи, само участие ребенка в правосудии не обязательно травматично, все зависит от конкретных условий, в которых это участие происходит. Если создать ребенку условия комфорта, безопасности и уважительного отношения, правосудие может пройти для него без серьезных психологических потерь и даже сыграть определенную восстановительную роль, показывая, что справедливость восторжествовала [10, с. 476–477].

Заключение

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы. Во-первых, подтверждена высокая вероятность повторной виктимизации детей в рамках уголовного процесса при применении стандартных процедур допроса и участия в суде. Повторное переживание травмирующих событий на следствии и в суде наносит существенный вред психологическому здоровью ребенка, что противоречит основополагающему принципу приоритета интересов детей. Во-вторых, установлено, что действующие законодательные гарантии (участие педагога/психолога, ограничение времени допроса и т.п.) являются необходимыми, но недостаточными мерами. Они не устраняют всех факторов стрессового воздействия на ребенка и не предотвращают многократного возвращения к травме. В-третьих, изучение международного опыта (Испания, страны ЕС и др.) показало эффективность специальных процедур, ориентированных на минимизацию контактов ребенка с травмирующей ситуацией: единоразовый допрос с видеофиксацией, проведение опросов в дружественной обстановке специализированных комнат, применение дистанционных технологий дачи показаний, создание специализированных детских судов или отделений. Эти меры не только снижают стресс у несовершеннолетних, но и повышают качество и полноту доказательственной информации.

Исходя из полученных данных, авторами предлагаются рекомендации по совершенствованию отечественной практики:

1. Внедрить норму об обязательной видеофиксации допроса несовершеннолетнего потерпевшего, чтобы запись могла использоваться впоследствии в суде без повторного вызова ребенка. Для этого технически оснастить все следственные подразделения соответствующей аппаратурой, обеспечить защищенное хранение видеофайлов и процедуру их приобщения к материалам дела.

2. Организовать при каждом областном центре специализированные детские интервью-центры (по образцу модели Barnahus в странах Северной Европы), где в одной локации ребенок может дать показания в комфортной обстановке, получить медицинскую и психологическую помощь. Использовать межведомственное взаимодействие, чтобы опрос проводился единожды командой из следователя и психолога, а записанное интервью принималось всеми заинтересованными органами.

3. На этапе суда шире применять практику закрытых заседаний и дистанционного участия детей. Обеспечить суды оборудованием для видеоконференций с возможностью скрыть от ребенка визуальный контакт с подсудимым (например, отдельный монитор для связи из другой комнаты).

4. Разработать и утвердить на уровне МВД и Генеральной прокуратуры стандартную методику допроса несовершеннолетних, основанную на международных руководствах (например, протокол ООН «Justice in Matters involving Child Victims»). Внедрить обязательный тренинг для всех следователей по данной методике, включающий психологические аспекты;

5. Обеспечить сопровождение ребенка-потерпевшего квалифицированным психологом не только во время допроса, но и до, и после него – психологическая подготовка перед судебным заседанием и последующая реабилитационная работа. Такая «психологическая опека» поможет ребенку справиться со стрессом и предотвратить долгосрочные негативные последствия.

Реализация перечисленных мер потребует определенных организационных и кадровых ресурсов, однако она полностью соответствует международно-правовым обязательствам Казахстана по защите прав ребенка. Более того, указанные изменения вписываются в общий тренд гуманизации уголовного правосудия и развития восстановительного подхода. Защищая ребенка от вторичной виктимизации, государство демонстрирует приоритет гуманизма и заботы о наиболее уязвимых своих гражданах. В итоге выиграют все – и дети, и правосудие, и общество, получающее более справедливую и человечную систему судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1 UNODC/UNICEF. Handbook for Professionals and Policymakers on Justice in Matters involving Child Victims and Witnesses of Crime. New York, 2009, 98 p.

2 Постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 8 июня 1994 года «О ратификации Конвенции о правах ребенка». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B940001400_ (дата обращения: 01.09.2025)

3 Plotnikoff J., Woolfson R. Evaluation of Young Witness Support: Examining the Impact on Witnesses and the Criminal Justice System. London: NSPCC, 2007, 118 p.

4 Rodríguez-Pellejero J.M., Mulero-Henríquez I., Santana Amador Z. Real-time stress monitoring in a child-friendly court: a repeated measures field study // Humanities and Social Sciences Communications. 2024, no. 11, pp. 1–10.

5 Миронова Г.А. Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2022. – 28 с.

6 Клементьева Е.С. Актуальные проблемы допроса несовершеннолетних при производстве по уголовному делу // Закон и право. – 2025. – № 8. – С. 176–182.

7 В полиции Алматы открыли кабинет для допроса несовершеннолетних. URL: https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4950978-v-politsii-almaty-otkryli-kabinet-dlya.html (дата обращения: 10.09.2025)

8 European Union Agency for Fundamental Rights – FRA. Child-friendly justice: Perspectives and experiences of children and professionals (Summary). Luxembourg: Publications Office of the EU, 2017. 64 p.

9 Ali M., Yulia R. Finding the Factors and Proposing the Solution for Preventing Secondary Victimization // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2023, vol. 12, no. 5, pp. 262–273.

10 Carretta F., García-Quiroga M. Justicia de familia y victimización secundaria: un estudio aplicado con niños, jueces y abogados // Derecho PUCP. 2021, no. 87, pp. 471–497.

REFERENCES

1 UNODC/UNICEF. Handbook for Professionals and Policymakers on Justice in Matters involving Child Victims and Witnesses of Crime. New York, 2009, 98 p. (In English).

2 Postanovlenie Vephovnogo Soveta Respubliki Kazahstan ot 8 ijunja 1994 goda «O ratifikacii Konvencii o pravah rebenka». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B940001400_ (data obrashhenija: 01.09.2025) (In Russian).

3 Plotnikoff J., Woolfson R. (2007) Evaluation of Young Witness Support: Examining the Impact on Witnesses and the Criminal Justice System. London: NSPCC, 118 p. (In English).

4 Rodríguez-Pellejero J.M., Mulero-Henríquez I., Santana Amador Z. (2024) Real-time stress monitoring in a child-friendly court: a repeated measures field study // Humanities and Social Sciences Communications, no. 11, pp. 1–10. (In English).

5 Mironova G.A. (2022) Pokazanija nesovershennoletnego poterpevshego: problemy formirovanija, issledovanija i ispol'zovanija v dokazyvanii po ugolovnomu delu: Avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. Krasnodar. 28 p. (In Russian).

6 Klement'eva E.S. (2025) Aktual'nye problemy doprosa nesovershennoletnih pri proizvodstve po ugolovnomu delu // Zakon i pravo. No. 8. P. 176–182. (In Russian).

7 V policii Almaty otkryli kabinet dlja doprosa nesovershennoletnih. URL: https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4950978-v-politsii-almaty-otkryli-kabinet-dlya.html (data obrashhenija: 10.09.2025) (In Russian).

8 European Union Agency for Fundamental Rights – FRA. Child-friendly justice: Perspectives and experiences of children and professionals (Summary). Luxembourg: Publications Office of the EU, 2017. 64 p. (In English).

9 Ali M., Yulia R. (2023) Finding the Factors and Proposing the Solution for Preventing Secondary Victimization // Academic Journal of Interdisciplinary Studies, vol. 12, no. 5, pp. 262–273. (In English).

10 Carretta F., García-Quiroga M. (2021) Justicia de familia y victimización secundaria: un estudio aplicado con niños, jueces y abogados // Derecho PUCP, no. 87, pp. 471–497. (In Spanish).

КОЙЧУБЕКОВА А.А.,[1]
з.ғ.м., оқытушы.
e-mail: aarhatova@bk.ru
ORCID ID: 0009-0000-3490-1868
НУРЛИН А.К.,[2]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: Akylbek0979@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7134-4992
КОЛДАСОВ Б.С.,[2]
з.ғ.м., аға оқытушы.
e-mail: berik.koldassov@bk.ru
ORCID ID: 0009-0008-6437-5086
ЕНСЕБАЕВА А.Р.,*[3]
з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
*e-mail: nell212kz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6970-8945
[1]Alikhan Bokeikhan University,
Семей қ., Қазақстан
[2]Ш. Есенов атындағы Каспий технологиялар
және инжиниринг университеті,
Ақтау қ., Қазақстан
[3]Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ,
Астана қ., Қазақстан

БАЛАЛАРДЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУДЕГІ ҚАЙТАЛАМА ВИКТИМИЗАЦИЯСЫ: ЖАУАП АЛУДЫҢ АРНАЙЫ РӘСІМДЕРІНІҢ ҚАЖЕТТІЛІГІ

Аңдатпа

Қылмыстық іс жүргізу барысында жәбірленуші немесе куәгер ретінде қатысатын балалар көп жағдайда қайталама виктимизацияға ұшырайды. Қайталама виктимизация – бұл қылмыстың тікелей зардабынан емес, құқық қорғау және сот органдары өкілдерінің әрекеттері салдарынан жәбірленушінің қайта психологиялық жарақат алуы. Мысалы, бала өз басынан өткен ауыр оқиғаны қайта еске түсіріп, жауап бергенде немесе айыпталушымен бетпе-бет келгенде күйзеліске ұшырайды. Көп мәрте жауап алу, беттестіру және сот отырыстары балаға қосымша психологиялық соққы болып тиеді. Зерттеу мақсаты – балалардың қайталама виктимизациясын болдырмауға бағытталған кәмелетке толмаған жәбірленушілерден жауап алудың арнайы рәсімдерін енгізудің қажеттілігін ғылыми негіздеу. Зерттеуде кешенді әдістеме қолданылды: балаларға қатысты сот төрелігі саласындағы ұлттық қылмыстық іс жүргізу заңнамасы мен халықаралық стандарттарға талдау жүргізілді; әртүрлі юрисдикцияларда балалардан жауап алу тәжірибесі салыстырмалы зерттелді; қылмыстық іске баланың қатысуының оның психикасына әсері туралы психологиялық және криминологиялық зерттеулердің нәтижелері жинақталды. Жалпығылыми әдістер және арнайы әдістер пайдаланылды. Мақалада ұсынылған жауап алудың арнайы рәсімдерін (балаға қолайлы жағдай жасау, жауап алу санын шектеу, жауапты бейнежазбаға түсіру және т.б.) тергеу және сот тәжірибесіне енгізу баланың психикалық денсаулығын қорғауға

мүмкіндік береді. Ұсыныстарды іске асыру кәмелетке толмағандарға қылмыстық процестің травматикалық әсерін азайтып, олардың айғақтарының сапасын арттыруға және балаға мейірімді сот төрелігінің халықаралық стандарттарын сақтауға ықпал етеді.

Тірек сөздер: балалардың виктимизациясы, қайталама виктимизация, кәмелетке толмаған жәбірленуші, жауап алу рәсімдері, балаға мейірімді сот төрелігі, қылмыстық іс жүргізу.

KOICHUBEKOVA A.A.,[1]
m.l.s., lecturer.
e-mail: aarhatova@bk.ru
ORCID ID: 0009-0000-3490-1868
NURLYN A.K.,[2]
c.l.s., associate professor.
e-mail: Akylbek0979@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7134-4992
KOLDASSOV B.S.,[2]
m.l.s, senior lecturer.
e-mail: berik.koldassov@bk.ru
ORCID ID: 0009-0008-6437-5086
YENSEBAYEVA A.R.,*[3]
c.l.s., associate professor.
*e-mail: nell212kz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6970-8945
[1]Alikhan Bokeikhan University,
Semey, Kazakhstan
[2]Caspian University of Technology and
Engineering named after Sh. Yessenov,
Aktau, Kazakhstan
[3]ENU named after L.N. Gumilev,
Astana, Kazakhstan

THE PROBLEM OF REPEATED VICTIMIZATION OF CHILDREN IN THE CRIMINAL PROCESS: THE NEED FOR SPECIAL INTERROGATION PROCEDURES

Abstract

In criminal proceedings, children who appear as victims or witnesses often experience secondary victimization, meaning they suffer further trauma not from the crime itself, but from the response of authorities during the legal process. For instance, a child may undergo renewed psychological stress when compelled to recall the traumatic event while giving testimony or upon being confronted with the accused in person. Repeated interrogations, face-to-face confrontations, and court appearances can inflict additional emotional harm on a minor. The study aims to substantiate the need for implementing special interrogation procedures for child victims in order to prevent their secondary victimization. The research employs a comprehensive approach, including analysis of national criminal procedure laws and international standards on child-friendly justice; a comparative review of practices for interviewing child victims across different jurisdictions; and synthesis of psychological and criminological findings on the impact of criminal proceedings on a child's psyche. General scientific methods and special methods were used. The special interrogation procedures proposed (creating a child-friendly environment, limiting the number of interviews, video-recording testimonies, etc.) can be implemented in investigative and judicial practice to safeguard the mental health of child victims. Applying these recommendations will help reduce the traumatic impact of criminal proceedings on minors, improve the reliability of their testimony, and ensure compliance with international child-friendly justice standards.

Keywords: child victimization, secondary victimization, minor victim, interrogation procedures, child-friendly justice, criminal proceedings.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.10.2025

МРНТИ: 10.85
УДК 343.985.2
JEL K49

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-206-216

САРСЕНБАЕВА Б.Б.,*[1]
к.ю.н., профессор.
*e-mail: hamudok@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-9238-5172
ШАРКЕМЕЛОВ А.К.,[2]
специалист.
e-mail: azamatsarkemelov@gmail.com
ORCID ID: 0009-0000-6090-3672
БЕГИМБАЕВ С.А.,[3]
к.ю.н., ст. преподаватель.
e-mail: begimbaev.serik@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-1383-9223
[1]Алматинская академия МВД
Республики Казахстан
им. М. Есбулатова,
г. Алматы, Казахстан
[2]Костанайская академия МВД
Республики Казахстан
им. Ш. Кабылбаева,
г. Костанай, Казахстан
[3]Алматинский гуманитарно-экономический
университет,
г. Алматы, Казахстан

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ: ОТ АНАЛИЗА ДАННЫХ К ПРИНЯТИЮ РЕШЕНИЙ

Аннотация

В статье исследуется использование технологий искусственного интеллекта в криминалистике в контексте цифровой трансформации уголовного судопроизводства и возрастания роли цифровых доказательств. Автор рассматривает теоретико-правовые и прикладные аспекты внедрения интеллектуальных систем в деятельность органов внутренних дел, акцентируя внимание на проблемах интерпретируемости алгоритмов, достоверности получаемых данных и ответственности за результаты, основанные на машинных выводах. Раскрываются методологические подходы к разграничению экспертной оценки и алгоритмического анализа, а также обсуждаются риски, связанные с возможным нарушением принципов справедливости и презумпции невиновности. В статье проанализированы международные тенденции регулирования искусственного интеллекта в уголовной юстиции, включая инициативы Европейского союза, США и ООН. На примере Республики Казахстан показаны институциональные и технологические предпосылки для внедрения интеллектуальных решений в следственную практику, приведены результаты пилотных проектов Министерства внутренних дел, направленных на автоматизацию анализа цифровых следов, распознавание визуальных данных и прогнозирование криминогенной обстановки. Автор приходит к выводу о необходимости нормативного закрепления принципов прозрачности, верифицируемости и правовой подотчетности алгоритмов, а также разработки национальных стандартов использования ИИ в криминалистике. Обосновывается важность системной подготовки кадров, формирования межведомственных центров компетенций и создания единого государственного реестра интеллектуальных технологий, применяемых в следственной и экспертной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, алгоритмическое заключение, цифровые доказательства, нейросети, визуализация, цифровая криминалистика.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации правоприменительной практики особую актуальность приобретает вопрос использования искусственного интеллекта (ИИ) в системе уголовного судопроизводства, в частности в криминалистике. Расследование преступлений все в большей степени опирается на обработку массивов цифровой информации, извлечение релевантных доказательств из сложных и неструктурированных источников, а также на необходимость принятия обоснованных процессуальных решений в условиях информационной перегрузки. Эти вызовы предопределяют потребность в технологических решениях, способных не только обрабатывать большие объемы данных, но и выявлять закономерности, поддерживать формирование следственных версий и структурировать доказательства. В этом контексте ИИ рассматривается не как замена традиционных субъектов расследования, а как когнитивный инструмент, расширяющий возможности следователя и эксперта. Однако правовое внедрение ИИ в криминалистическую практику сопряжено с рядом концептуальных и нормативных барьеров, касающихся допустимости алгоритмических заключений, их правового статуса, верифицируемости и прозрачности. На повестке дня стоит задача выработки сбалансированного подхода, сочетающего технологическую эффективность и гарантии соблюдения процессуальных прав, что требует научного анализа не только функциональных возможностей ИИ, но и институциональных, нормативных и этико-правовых оснований его применения.

Материалы и методы

Методологической основой настоящего исследования выступает совокупность общенаучных и специальных юридических методов, обеспечивающих комплексное рассмотрение феномена использования искусственного интеллекта в криминалистике и уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. В работе применяются диалектический и системный подходы, позволяющие анализировать ИИ как динамично развивающийся институт, находящийся на пересечении правового регулирования, технологического развития и правоохранительной практики; методы анализа и синтеза, индукции и дедукции используются при формировании теоретических выводов о правовом статусе алгоритмических решений и месте ИИ в системе доказательств. Формально-юридический метод обеспечивает исследование действующего законодательства Республики Казахстан, подзаконных актов, национальных стандартов и международных документов, регулирующих применение ИИ в правосудии, а сравнительно-правовой метод – сопоставление отечественного подхода с правовым регулированием в ЕС, США и международных организациях. Конкретно-социологические методы (изучение материалов следственной и судебной практики, результатов пилотных проектов МВД РК, аналитических отчетов компетентных органов и научных центров) используются для выявления реального состояния и тенденций внедрения ИИ в деятельность ОВД. Статистический метод применяется при обработке данных о масштабах использования цифровых технологий, результативности интеллектуальных систем и влиянии ИИ на показатели раскрываемости преступлений и эффективности расследований. Элементы моделирования и криминалистического прогнозирования используются для обоснования перспектив развития «интеллектуализированной» модели расследования, основанной на алгоритмической поддержке следственных и экспертных решений, с учетом требований законности, процессуальных гарантий и защиты прав человека.

Результаты и обсуждение

Вопрос использования искусственного интеллекта в криминалистике приобретает все большую значимость в условиях цифровизации правосудия и роста объемов цифровых следов преступной деятельности. В первую очередь необходимо уточнить понятийные рамки термина «искусственный интеллект» в правоприменительном контексте. Согласно определению, предложенному Европейской комиссией, ИИ представляет собой систему, способную автономно воспринимать данные, интерпретировать их и на основе встроенных алгоритмов принимать

решения без прямого вмешательства человека [1, с. 11]. При этом в условиях уголовного судопроизводства ключевыми признаками ИИ выступают: способность к самообучению (machine learning), обработка больших массивов неструктурированных данных и генерация предсказательных моделей на основе статистического анализа. В отличие от автоматизированных систем, выполняющих заранее запрограммированные команды, ИИ-системы обладают элементами адаптивности и «обобщенного вывода», что вызывает фундаментальные дискуссии о пределах их правового использования в системе доказательств.

В теоретико-правовом отношении важно различать ИИ как инструмент технической обработки информации и как субъект принятия решений в уголовном процессе. Последняя концепция пока не получила нормативной легализации ни в одной юрисдикции, что указывает на сохранение принципа исключительной компетенции человека в интерпретации доказательств и вынесении процессуальных решений. В этой связи заслуживает внимания точка зрения А.В. Боголюбова, полагающего, что «ИИ может быть лишь вспомогательным субъектом правовой квалификации, не обладающим самостоятельной правоспособностью» [2, с. 27]. Данное положение подтверждается и практикой Европейского суда по правам человека, акцентирующего внимание на принципе персональной ответственности субъекта обвинения, несовместимой с алгоритмической неопределенностью.

Одним из центральных теоретических вопросов выступает разграничение алгоритмического анализа и традиционной экспертной оценки. Последняя основывается на профессиональном опыте, интуитивных и эмпирических суждениях специалиста, при этом выводы эксперта подлежат проверке в рамках судебного разбирательства. Алгоритмический же анализ, реализуемый с применением ИИ, формируется на основе математических моделей и нейросетевых структур, принцип действия которых зачастую непрозрачен даже для разработчиков. Как отмечает Г.М. Шаповалова, «проблема интерпретируемости ИИ-алгоритмов остается ключевым препятствием для их полной интеграции в судебную практику» [3, с. 19]. Отсюда следует необходимость правовой регламентации стандартов прозрачности, верифицируемости и достоверности алгоритмических заключений.

Практическое применение ИИ в криминалистике охватывает три ключевых направления: автоматическое распознавание (например, лиц, номерных знаков, речи), аналитическую обработку (кластеризация цифровых следов, выявление закономерностей), а также предсказательное моделирование (оценка риска повторного преступления, прогнозирование маршрутов скрывающихся подозреваемых). Статистические данные, приведенные в докладе ООН по вопросам цифровой юстиции, показывают, что использование ИИ в анализе видеозаписей снижает время обработки информации на 72% и увеличивает вероятность обнаружения релевантных деталей на 34% по сравнению с традиционными методами [4, с. 45]. В контексте следственной деятельности это дает возможность оперативного реагирования, особенно в делах, связанных с терроризмом, киберпреступностью и трансграничной преступностью.

Международные подходы к регулированию ИИ в уголовной юстиции варьируются от запретительных до инклюзивных. В ЕС в 2021 г. представлен «Регламент об ИИ», вводящий категорию «высокорискованных систем» и запрещающий использование ИИ в режиме реального времени для массовой биометрической идентификации в публичных пространствах. В то же время в США подход ориентирован на так называемую soft law модель – система этических руководств и стандартов, разработанных Национальным институтом стандартов и технологий (NIST), где подчеркивается недопустимость дискриминации и требование объяснимости решений. Организация Объединенных Наций в рамках инициативы «AI and Rule of Law» предлагает модель оценки ИИ на предмет соблюдения прав человека и презумпции невиновности. Эти различия в подходах указывают на отсутствие унифицированной международной правовой рамки и необходимость адаптации общих принципов к национальным юрисдикциям.

Особую значимость представляет вопрос статуса алгоритмического заключения в системе доказательств. На текущий момент в уголовном процессе Республики Казахстан и большинства стран постсоветского пространства оно может иметь исключительно вспомогательный характер. Согласно ст. 125 УПК РК доказательствами признаются только те сведения, которые получены в порядке, установленном законом, а источники доказательств должны быть определены. Поскольку ИИ-система не является субъектом, способным нести уголовную или процессуаль-

ную ответственность, ее заключения не могут выступать самостоятельным доказательством, но могут быть приобщены в рамках экспертного заключения при условии наличия методики, утвержденной уполномоченными органами. Как указывает И.С. Тимченко, «алгоритмическое заключение возможно лишь как результат технической экспертизы, проведенной сертифицированным специалистом, ответственным за интерпретацию вывода» [5, с. 62]. Такой подход обеспечивает соблюдение процессуальных гарантий и исключает возможность автоматизированного обвинения без должной верификации.

На наш взгляд, использование искусственного интеллекта в криминалистике представляет собой перспективное, но одновременно уязвимое направление, требующее юридической адаптации и концептуальной переоценки существующих подходов к доказательствам. Основной задачей на ближайшую перспективу является формирование нормативно-правовой базы, обеспечивающей прозрачность, правовую определенность и защиту прав участников процесса при использовании ИИ.

В продолжение вышеизложенного следует отметить, что практическое внедрение ИИ в криминалистику уже сегодня демонстрирует значительный потенциал в анализе цифровых доказательств и повышении эффективности расследований. Такая интеграция представляет собой ключевое направление развития современной криминалистики. В условиях увеличения объемов цифровых доказательств, сложной структуры информационных потоков и децентрализации коммуникационных платформ традиционные методы анализа утрачивают эффективность, а автоматизация процессов обработки и интерпретации данных с использованием ИИ становится неотъемлемым элементом следственной практики. Как подчеркивает А.М. Сайтбеков, «внедрение ИИ в цифровую криминалистику позволяет перейти от реактивного реагирования к проактивному выявлению преступных действий» [6, с. 44], что подтверждается ростом числа успешных расследований с применением автоматизированных аналитических систем.

Одним из приоритетных направлений является автоматизация анализа цифровых доказательств, таких как лог-файлы, изображения, видео и аудиозаписи. ИИ-модели, основанные на глубоких сверточных нейронных сетях (CNN), применяются для идентификации лиц, объектов, трафика и событий на видеозаписях, значительно сокращая время на просмотр многочасовых архивов. Согласно статистике INTERPOL, применение ИИ к видеоматериалам увеличивает точность обнаружения подозреваемых до 89% при условии использования высококачественных обучающих выборок [7, с. 26]. Для анализа логов используется методика корреляционного сопоставления временных и событийных меток с целью восстановления последовательности действий пользователя, оценки доступа к конфиденциальной информации или идентификации попыток сокрытия цифрового следа. Особое значение приобретает возможность сопоставления таких данных с метаинформацией, извлекаемой из облачных сервисов и удаленных хранилищ.

ИИ-модели для сортировки, фильтрации и восстановления цифровой информации позволяют обрабатывать большие массивы файлов в неструктурированном виде, включая зашифрованные, поврежденные и фрагментированные данные. При этом применяются методы обработки естественного языка (NLP) и генеративные модели, способные на основе уцелевших фрагментов реконструировать вероятное содержание удаленных переписок или документов. Исследования В.Н. Черкасова демонстрируют, что точность восстановления фрагментированных текстовых сообщений с помощью трансформеров BERT и GPT достигает 76–82% при наличии контекста из соседних блоков [8, с. 32], что делает их особенно полезными при анализе цифровых следов в ходе киберпреступлений, связанных с мошенничеством и вымогательством.

Использование нейросетей в видеораспознавании подозреваемых и предметов становится стандартом для обеспечения быстрого реагирования и криминалистической верификации. Объединение данных видеонаблюдения с ИИ-системами, обученными на нейросетевых моделях типа YOLOv8 и FaceNet, позволяет выявлять подозреваемых по походке, поведению и неполным анатомическим признакам (например, по частичному силуэту или движению конечностей). Это особенно эффективно в условиях ограниченного качества видео с уличных камер. Отдельно следует отметить применение генеративных нейросетей для создания фотороботов на основе описания свидетелей. Такие решения сокращают срок получения визуального образа подозреваемого в 2,5 раза по сравнению с традиционными методами криминалистической идентификации.

Криминалистический анализ данных из мессенджеров, даркнета и блокчейна требует особого внимания ввиду сложности доступа и анонимности используемых платформ. ИИ позволяет с высокой скоростью производить семантический анализ контента, выявляя признаки координации преступной деятельности, угроз, распространения запрещенной информации. Применение кластеризации и анализа тональности в Telegram и WhatsApp, например, выявляет потенциально радикализирующие и конспиративные группы, что подтверждается данными проекта «Cyber Threat Intelligence Report» (2022), в рамках которого было обнаружено более 320 анонимных чатов, организующих нелегальные действия [9, с. 59]. В блокчейн-аналитике ИИ используется для выявления нетипичных транзакционных паттернов, характерных для отмывания средств или финансирования терроризма. Методы графового анализа и алгоритмы PageRank-модификации позволяют отслеживать траекторию криптовалют даже при использовании микшеров и средств анонимизации.

Одним из наиболее перспективных направлений является обнаружение закономерностей и паттернов преступного поведения на больших массивах данных, поступающих из разнородных источников: открытых данных, уголовных дел, баз МВД, систем видеонаблюдения и мобильных операторов. Применяя методы ассоциативных правил и кластерного анализа, ИИ способен выявлять скрытые связи между фигурантами, временные аномалии и устойчивые корреляции между видами преступлений и социально-демографическими характеристиками. В Казахстане экспериментальные внедрения таких систем проводились в рамках пилотного проекта Министерства внутренних дел, где на базе данных за 2020–2022 гг. были выявлены пространственно-временные кластеры уличных преступлений в г. Алматы, что позволило оптимизировать патрулирование в 17 районах [10, с. 18].

С нашей точки зрения, использование ИИ в анализе криминалистических данных и цифровых следов открывает возможности для построения адаптивных систем расследования, обладающих высокой степенью предиктивности, устойчивостью к большим объемам данных и способностью к быстрому обновлению моделей на основе новых входящих сведений. Однако эффективное применение таких технологий требует нормативной адаптации, подготовки специализированных кадров и интеграции этических стандартов, обеспечивающих соблюдение прав человека и процессуальных гарантий.

Наиболее ярко потенциал ИИ проявляется в рамках поддержки следственных и экспертных решений, что делает его важным инструментом в условиях цифровой трансформации правоприменительной практики. Использование ИИ как инструмента поддержки следственных и экспертных решений представляет собой одно из наиболее актуальных направлений модернизации уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации. Интеграция ИИ в процесс предварительного расследования не заменяет следователя или эксперта, но существенно расширяет его возможности при анализе сложных, многофакторных и масштабных массивов информации. В первую очередь стоит выделить алгоритмы предварительного квалифицирования правонарушений, которые на основе анализа входящих данных – таких как обстоятельства происшествия, описание событий, текст первичных рапортов и заявлений – формируют вероятностную модель соответствия деяния тем или иным составам преступлений. Применение таких алгоритмов реализуется, в частности, в пилотных системах МВД Канады и Германии, где точность предварительного соответствия составу преступления при использовании гибридных моделей BERT и CRF достигала 83,6% (CI 95%) [11, с. 15]. На практике это снижает нагрузку на следователей и обеспечивает стандартизированный подход на этапе возбуждения уголовного дела.

Значительная роль отводится ИИ в формировании следственных версий, особенно при наличии большого числа неструктурированных источников. Посредством анализа статистических закономерностей, поведенческих профилей и геолокационных данных алгоритмы машинного обучения позволяют строить вероятностные профили преступников, определять потенциальные мотивы, средства и направления перемещения. Так, в исследованиях Г.Н. Мажитовой и С.С. Уразбаева подчеркивается, что ИИ способен «моделировать типичные сценарии преступной активности и предлагать следователю возможные версии с учетом исторических и контекстуальных данных» [12, с. 48]. Это особенно эффективно при расследовании серийных преступлений, где необходимы межрегиональные сопоставления, и при расследова-

нии латентных киберпреступлений, где поведенческое профилирование зачастую оказывается единственным доступным инструментом.

Важнейшей функцией ИИ в уголовном процессе становится ранжирование доказательств и построение логических связей между объектами и событиями. Используя методы построения графов и деревьев решений, ИИ-системы создают визуальные схемы, в которых определяются центральные узлы (подозреваемые, свидетели, предметы, места), а связи между ними классифицируются по типу взаимодействия и степени достоверности. Примером подобного подхода является проект IBM Watson Law, в рамках которого достигнута точность ранжирования по релевантности доказательств до 92% при ручной валидации экспертов [13, с. 21]. Для следователей это означает возможность быстро идентифицировать ключевые фрагменты дела, устранить противоречия и своевременно скорректировать направление расследования.

ИИ-модули также внедряются в специализированные экспертные подсистемы, включая баллистику, трасологию и почерковедение. Например, в автоматизированных системах сравнительного анализа баллистических следов, таких как IBIS (Integrated Ballistic Identification System), используются сверточные нейронные сети, обеспечивающие сопоставление структурных микроследов на уровне субпиксельного разрешения. При этом чувствительность таких систем превышает 90%, что позволяет с высокой вероятностью идентифицировать оружие, использованное в серии преступлений. В области трасологии и почерковедения применяются рекуррентные нейронные сети (RNN) и алгоритмы анализа микроструктурных признаков, что позволяет эффективно распознавать почерковую индивидуальность даже при наличии маскировки или намеренного искажения. Как отмечает Л.В. Котлярова, «искусственный интеллект позволяет существенно повысить объективность и воспроизводимость экспертиз, которые ранее зависели от субъективного восприятия эксперта» [14, с. 63].

Наконец, особое значение приобретает визуализация и интерпретация больших криминалистических массивов с использованием ИИ. Современные аналитические платформы интегрируют средства визуального анализа на базе алгоритмов t-SNE, UMAP и PCA, позволяющие сворачивать многомерные пространства признаков в двумерные и трехмерные карты. Это используется для группировки преступлений по схожим признакам, выявления аномалий, трендов и поведенческих паттернов. В практике МВД Республики Казахстан уже в 2022 г. были проведены эксперименты по визуализации данных оперативного учета с помощью систем интеллектуального анализа, что позволило установить 317 скрытых связей между фигурантами, ранее не фиксировавшимися в едином информационном контуре [15, с. 12]. Такие инструменты расширяют возможности криминалистической аналитики и позволяют более эффективно использовать ресурсы следствия и оперативно-розыскной деятельности.

Мы полагаем, что ИИ в контексте поддержки следственных и экспертных решений трансформирует традиционную парадигму уголовного судопроизводства, обеспечивая когнитивное усиление следователя и эксперта, формируя основу для принятия обоснованных и объективных решений на всех стадиях досудебного производства. Однако реализация такого потенциала требует нормативного обеспечения, правовой регламентации алгоритмического вмешательства и подготовки компетентных специалистов.

В контексте Казахстана реализация этого потенциала обусловлена как нормативно-организационными, так и технологическими условиями, складывающимися в рамках цифровой трансформации правоохранительной системы. Институциональные и технологические предпосылки внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан формируются в условиях цифровой трансформации государственного управления, сопровождаемой необходимостью повышения аналитического потенциала правоохранительной системы. Центральным элементом, обеспечивающим технологическую основу для использования ИИ, выступает наличие развитой цифровой инфраструктуры и унифицированных информационных ресурсов, таких как Информационная система МВД РК, Система учета криминальных правонарушений (СУКП), а также платформа Е-Қылмыс. Последняя интегрирована с базами данных оперативно-разыскной и следственной информации, включая биометрические сведения, криминалистические картотеки и архивы видеонаблюдения. Это позволяет формировать тренировочные выборки для ИИ-моделей и проводить сквозной анализ цифровых следов, что особенно актуально при расследовании латентных и серийных преступлений.

Наличие таких систем создает условия для масштабируемого внедрения интеллектуальных модулей, способных производить семантическую фильтрацию, выявление закономерностей и визуализацию связей между участниками уголовного процесса. Как подчеркивается в отчете Комитета административной полиции, «цифровая инфраструктура МВД РК охватывает все регионы страны, обеспечивая доступ к централизованным массивам оперативной и следственной информации» [16, с. 18], что представляет собой объективную предпосылку для масштабной апробации ИИ в правоприменительной практике.

Немаловажным условием технологического развития является институционализированное сотрудничество с вузами и ИТ-компаниями, осуществляющими разработку и адаптацию ИИ-модулей к нуждам уголовного судопроизводства. Особенно значимы партнерства МВД с Костанайской академией МВД, Назарбаев Университетом и научно-производственным центром «КиберБезопасность», результатом которых стали совместные НИР по интеллектуальному анализу видеоданных, биометрической идентификации и прогнозированию рецидивов. В ходе одного из таких проектов было протестировано ИИ-приложение для сопоставления почерков и подписи на основе нейросетей Siamese Network, продемонстрировавшее точность 93,4% при контроле 1200 образцов [17, с. 41]. Эти разработки обеспечиваются как за счет прямого госзаказа, так и в рамках грантового финансирования Министерства цифрового развития.

Реализация пилотных проектов МВД РК по автоматизированному анализу преступлений в 2021–2023 гг. свидетельствует о поэтапной институционализации ИИ в деятельности органов внутренних дел. Наиболее значимый проект «Интеллектуальный криминалист» включал внедрение модулей машинного обучения для анализа видеонаблюдения, сопоставления геолокационных и событийных признаков, а также предиктивного моделирования уличной преступности в г. Алматы и г. Шымкенте. Согласно данным Министерства внутренних дел, в рамках данного проекта было проанализировано свыше 13 млн записей с камер видеонаблюдения, что позволило сократить время на предварительное расследование на 31% и повысить раскрываемость серийных краж на 18% [18, с. 12]. Эти показатели указывают на высокий потенциал масштабирования соответствующих решений при условии их нормативной легализации и стандартизации.

Ключевым направлением развития институциональной базы выступает обучение следователей и криминалистов работе с ИИ-платформами. В 2022 г. в Костанайской академии МВД была внедрена учебная дисциплина «Информационно-аналитические технологии в криминалистике», предусматривающая 128 академических часов подготовки по работе с алгоритмическими модулями распознавания, моделирования и визуализации. Как отмечает А.М. Сайтбеков, «ИИ-компетентность следователей представляет собой важное условие доверительного использования машинных выводов в процессе доказывания» [19, с. 37]. Помимо вузовской подготовки осуществляется внутриорганизационное обучение на базе РЦПК МВД, где в 2023 г. переподготовку прошли более 350 сотрудников следственных и экспертных подразделений.

Наконец, институциональные условия внедрения ИИ невозможны без системного финансирования и стандартизации программных решений. Согласно информации Министерства финансов РК, в 2023 г. на реализацию ИИ-проектов в сфере внутренних дел было выделено 2,8 млрд тенге в рамках госпрограммы «Цифровое государство». Финансирование включает не только закупку лицензионных продуктов, но и разработку национальных стандартов в сотрудничестве с Комитетом технического регулирования. Так, в 2023 г. был принят ГОСТ РК 58115-2023 «Системы ИИ в правоохранительной сфере: требования к алгоритмической интерпретируемости и верифицируемости», закрепляющий критерии достоверности и юридической значимости цифровых выводов [20, с. 23]. Это создает нормативную основу для интеграции ИИ в систему уголовного судопроизводства с соблюдением принципов законности, процессуальной предсказуемости и правовой определенности.

Видится, что институциональные и технологические предпосылки внедрения ИИ в деятельность ОВД в Республике Казахстан формируются в устойчивой синергии между развитием цифровой инфраструктуры, межсекторальным сотрудничеством, нормативной адаптацией и подготовкой кадров. Консолидированная реализация данных направлений создает условия для перехода к интеллектуализированной модели расследования, основанной на алгоритмической поддержке решений, интеграции больших данных и соблюдении правовых стандартов.

Заключение

Таким образом, искусственный интеллект становится неотъемлемым элементом трансформации уголовного судопроизводства, предоставляя новые инструменты для анализа цифровых следов, формирования следственных версий, автоматизации экспертной деятельности и визуализации связей в расследуемых событиях. В условиях Республики Казахстан наблюдается последовательное формирование нормативных, институциональных и технологических основ для внедрения ИИ в деятельность органов внутренних дел, о чем свидетельствуют как пилотные проекты МВД РК, так и развитие образовательных программ, сотрудничество с научными центрами и принятие национальных стандартов. Вместе с тем сохраняются системные проблемы, препятствующие полной интеграции ИИ в уголовно-процессуальную практику. Среди них – неопределенность правового статуса алгоритмических заключений, ограниченность методик верификации цифровых выводов, недостаточная алгоритмическая прозрачность, а также потребность в формировании компетентного кадрового ресурса.

Для преодоления указанных вызовов необходимо, во-первых, развитие специального законодательства, регулирующего применение ИИ в уголовном процессе, с акцентом на принципы объяснимости, юридической ответственности и соблюдения процессуальных гарантий. Во-вторых, следует обеспечить институционализацию сертификации и аттестации алгоритмов и платформ, применяемых в доказательственной деятельности, с обязательной процедурой экспертной валидации результатов. В-третьих, требуется расширение подготовки специалистов, владеющих как правовыми, так и цифровыми компетенциями, включая криминалистов, следователей и экспертов. В-четвертых, целесообразным является создание независимого органа (например, Центра аудита алгоритмических решений), уполномоченного осуществлять контроль за корректностью и этичностью использования ИИ в следственной и экспертной практике. Кроме того, на уровне международного сотрудничества Казахстану следует активнее участвовать в выработке универсальных принципов и стандартов применения ИИ в правосудии в рамках ООН, Совета Европы и ЕАЭС, а также инициировать региональные соглашения по алгоритмической совместимости и этике цифрового правоприменения.

Следует подчеркнуть, что успешная интеграция ИИ в уголовное судопроизводство возможна только при соблюдении баланса между технологической эффективностью и защитой прав человека. ИИ должен рассматриваться не как замена профессионального суждения, а как его интеллектуальное усиление, способствующее оперативности, объективности и точности уголовных расследований. В конечном счете внедрение ИИ в криминалистику должно служить интересам справедливости, правовой определенности и повышению доверия общества к институтам правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1 European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence. Brussels, 2021. 108 p. URL: https://eur-lex.europa.eu (accessed: 22.07.2025)

2 Боголюбов А.В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: границы допустимого // Вопросы правоведения. – 2023. – № 2. – С. 25–30.

3 Шаповалова Г.М. Алгоритмические методы в криминалистике: правовая перспектива // Криминалистика и цифровая юриспруденция. – 2022. – № 4. – С. 17–24.

4 UNICRI, INTERPOL. Artificial Intelligence and Robotics for Law Enforcement. United Nations, 2020. 87 p. URL: https://www.unicri.it (accessed: 22.07.2025)

5 Тимченко И.С. Статус алгоритмического заключения в уголовном процессе // Правовая информатика. – 2021. – № 3. – С. 58–65.

6 Сайтбеков А.М. Искусственный интеллект и цифровая криминалистика: вызовы и перспективы // Вестник Костанайской академии МВД. – 2022. – № 3. – С. 40–48.

7 INTERPOL. Artificial Intelligence in Policing: Annual Review. Lyon: INTERPOL HQ, 2021. 54 p. URL: https://www.interpol.int (accessed: 22.07.2025)

8 Черкасов В.Н. Методы реконструкции цифровых текстов при частичной потере данных // Правовая информатика. – 2021. – № 2. – С. 30–37.

9 UNICRI. Darknet and Artificial Intelligence Threats: A Global Perspective. United Nations, 2022. 67 p. URL: https://unicri.it (дата обращения: 22.07.2025)

10 Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Отчет о реализации пилотного проекта по внедрению ИИ в криминалистику (2020–2022). – Астана, 2023. – 39 с.

11 Binns R., Veale M. Algorithmic Accountability and Transparency in Justice Systems // AI & Law Journal, 2021, vol. 29(1), pp. 1–25. URL: https://www.loc.gov/research-centers/law-library-of-congress/ (accessed: 22.07.2025)

12 Мажитова Г.Н., Уразбаев С.С. Криминалистика и большие данные: формирование следственных версий // Вестник Академии МВД РК. – 2023. – № 2. – С. 45–52.

13 IBM Research. AI in Criminal Justice: Watson Law Implementation Report. New York, 2021. 37 p. URL: https://www.clio.com/blog/best-free-legal-research-tools/ (accessed: 22.07.2025)

14 Котлярова Л.В. Экспертные методы в эпоху ИИ: риски и возможности // Правовая информатика. – 2022. – № 4. – С. 59–66.

15 Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Пилотный проект внедрения интеллектуальных аналитических платформ в оперативную деятельность органов внутренних дел. – Астана, 2023. – 41 с.

16 Комитет административной полиции МВД Республики Казахстан. Обзор цифровых информационных систем в уголовном процессе. – Астана, 2023. – 29 с. URL: https://adilet.zan.kz (дата обращения: 22.07.2025)

17 Сайтбеков А.М. Цифровая криминалистика и развитие нейросетевых приложений в экспертной деятельности // Вестник Академии МВД. – 2023. – № 4. – С. 39–45.

18 Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Пилотные проекты автоматизации анализа преступлений: результаты 2021–2023 гг. – Алматы, 2023. – 35 с.

19 Сайтбеков А.М. ИИ-компетентность следователя как условие эффективности цифровой трансформации следственных действий // Правовая информатика. – 2022. – № 2. – С. 34–40.

20 Комитет технического регулирования и метрологии. ГОСТ РК 58115-2023 «Системы ИИ в правоохранительной сфере». – Астана, 2023. – 21 с.

REFERENCES

1 European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence. Brussels, 2021. 108 p. URL: https://eur-lex.europa.eu (accessed: 22.07.2025) (In English).

2 Bogoljubov A.V. (2023) Iskusstvennyj intellekt v ugolovnom sudoproizvodstve: granicy dopustimogo // Voprosy pravovedenija. No. 2. P. 25–30. (In Russian).

3 Shapovalova G.M. (2022) Algoritmicheskie metody v kriminalistike: pravovaja perspektiva // Kriminalistika i cifrovaja jurisprudencija. No. 4. P. 17–24. (In Russian).

4 UNICRI, INTERPOL. Artificial Intelligence and Robotics for Law Enforcement. United Nations, 2020. 87 p. URL: https://www.unicri.it (accessed: 22.07.2025). (In English).

5 Timchenko I.S. (2021) Status algoritmicheskogo zaklyucheniya v ugolovnom processe // Pravovaya informatika. No. 3. P. 58–65. (In Russian).

6. Sajtbekov A.M. (2022) Iskusstvennyj intellekt i cifrovaya kriminalistika: vyzovy i perspektivy // Vestnik Kostanajskoj akademii MVD. No. 3. P. 40–48. (In Russian).

7 INTERPOL. Artificial Intelligence in Policing: Annual Review. Lyon: INTERPOL HQ, 2021. 54 p. URL: https://www.interpol.int (accessed: 22.07.2025) (In English).

8 Cherkasov V.N. (2021) Metody rekonstrukcii cifrovyh tekstov pri chastichnoj potere dannyh // Pravovaya informatika. No. 2. P. 30–37. (In Russian).

9 UNICRI. Darknet and Artificial Intelligence Threats: A Global Perspective. United Nations, 2022. 67 p. URL: https://unicri.it (accessed: 22.07.2025) (In English).

10 Ministerstvo vnutrennih del Respubliki Kazahstan. Otchyot o realizacii pilotnogo proekta po vnedreniyu II v kriminalistiku (2020–2022). Astana, 2023. 39 p. (In Russian).

11 Binns R., Veale M. (2021) Algorithmic Accountability and Transparency in Justice Systems // AI & Law Journal, vol. 29(1), pp. 1–25. URL: https://www.loc.gov/research-centers/law-library-of-congress/ (accessed: 22.07.2025) (In English).

12 Mazhitova G.N., Urazbaev S.S. (2023) Kriminalistika i bol’shie dannye: formirovanie sledstvennyh versij // Vestnik Akademii MVD RK. No. 2. P. 45–52. (In Russian).

13 IBM Research. AI in Criminal Justice: Watson Law Implementation Report. New York, 2021. 37 p. URL: https://www.clio.com/blog/best-free-legal-research-tools/ (accessed: 22.07.2025). (In English).

14 Kotlyarova L.V. (2022) Ekspertnye metody v epohu II: riski i vozmozhnosti // Pravovaya informatika. No. 4. P. 59–66. (In Russian).

15 Ministerstvo vnutrennih del Respubliki Kazahstan. Pilotnyj proekt vnedreniya intellektual’nyh analiticheskih platform v operativnuyu deyatel’nost’ organov vnutrennih del. Astana, 2023. 41 p. (In Russian).

16 Komitet administrativnoj policii MVD Respubliki Kazahstan. Obzor cifrovyh informacionnyh sistem v ugolovnom processe. Astana, 2023. 29 p. URL: https://adilet.zan.kz (data obrashcheniya: 22.07.2025) (In Russian).

17 Sajtbekov A.M. (2023) Cifrovaya kriminalistika i razvitie nejrosetevyh prilozhenij v ekspertnoj deyatel'nosti // Vestnik Akademii MVD. No. 4. P. 39–45. (In Russian).

18 Ministerstvo vnutrennih del Respubliki Kazahstan. Pilotnye proekty avtomatizacii analiza prestuplenij: rezul'taty 2021–2023 gg. Almaty, 2023. 35 p. (In Russian).

19 Sajtbekov A.M. (2022) II-kompetentnost' sledovatelya kak uslovie effektivnosti cifrovoj transformacii sledstvennyh dejstvij // Pravovaya informatika. No. 2. P. 34–40. (In Russian).

20 Komitet tekhnicheskogo regulirovaniya i metrologii. GOST RK 58115-2023 «Sistemy II v pravoohranitel'noj sfere». Astana, 2023. 21 p. (In Russian).

САРСЕНБАЕВА Б.Б.,*[1]
з.ғ.к., профессор.
*e-mail: hamudok@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-9238-5172
ШӘРКЕМЕЛОВ А.К.,[2]
маман.
e-mail: azamatsarkemelov@gmail.com
ORCID ID: 0009-0000-6090-3672
БЕГИМБАЕВ С.А.,[3]
з.ғ.к., аға оқытушы.
begimbaev.serik@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-1383-9223
[1]Қазақстан Республикасы ІІМ
М. Есболатов атындағы
Алматы академиясы,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Қостанай академиясы
Қазақстан Республикасы ІІМ
Ш. Қабылбаев атындағы,
Қостанай қ., Қазақстан
[3]Алматы гуманитарлық-экономикалық
университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ КРИМИНАЛИСТИКАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕГЕ БІРІКТІРУ: ДЕРЕКТЕРДІ ТАЛДАУДАН ШЕШІМ ҚАБЫЛДАУҒА ДЕЙІН

Аңдатпа

Мақалада жасанды интеллект технологияларын қылмыстық іс жүргізу жүйесіне енгізудің теориялық және практикалық аспектілері қарастырылады. Автор цифрлық дәлелдемелер көлемінің ұлғаюы мен тергеу әрекеттерінің автоматтандырылуы жағдайында жасанды интеллектінің рөліне талдау жасайды. Зерттеуде алгоритмдердің түсіндірілуі, олардың нәтижелерінің сенімділігі және машиналық қорытындылар үшін құқықтық жауапкершілік мәселелері қозғалады. Эксперттік бағалау мен алгоритмдік талдау арасындағы айырмашылықтар айқындалып, әділеттілік пен айыпталушының кінәсіздік презумпциясы қағидаларының сақталмау қаупі атап өтіледі. Мақалада Еуропалық Одақ, АҚШ және Біріккен Ұлттар Ұйымы ұсынған халықаралық тәжірибелерге шолу жасалып, қылмыстық әділет саласындағы жасанды интеллектіні құқықтық реттеу үрдістері талданған. Қазақстан Республикасының мысалында Ішкі істер министрлігінің пилоттық жобалары сипатталып, цифрлық іздерді талдау, визуалды деректерді тану және қылмыстық ахуалды болжау бағыттарындағы нәтижелер келтіріледі. Автор жасанды интеллектіні криминалистикада пайдалану кезінде ашықтық, тексерілетіндік және заңдылық қағидаттарын қамтамасыз ететін ұлттық стандарттарды әзірлеу қажеттігін дәлелдейді. Сондай-ақ кадрларды даярлау жүйесін жетілдіру, ведомствоаралық өзара іс-қимылды нығайту және қолданылатын интеллектуалдық жүйелердің бірыңғай мемлекеттік тізілімін құру маңыздылығы негізделеді.

Тірек сөздер: жасанды интеллект, қылмыстық іс жүргізу, алгоритмдік қорытынды, цифрлық дәлелдемелер, нейрожелілер, визуализация, цифрлық криминалистика.

SARSENBAYEVA B.B.,*[1]
c.l.s., professor.
*e-mail: hamudok@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-9238-5172
SHARKEMELOV A.K.,[2]
specialist.
e-mail: azamatsarkemelov@gmail.com
ORCID ID: 0009-0000-6090-3672
BEGIMBAYEV S.A.,[3]
c.l.s., senior lecturer.
begimbaev.serik@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-1383-9223
[1]Almaty Academy of the Ministry
of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan
named after M. Yesbulatov,
Almaty, Kazakhstan
[2]Kostanay Academy of the Ministry
of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan
named after Sh. Kabylbayev,
Kostanay, Kazakhstan
[3]Almaty Humanities and Economics University,
Almaty, Kazakhstan

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO FORENSIC PRACTICE: FROM DATA ANALYSIS TO DECISION MAKING

Abstract

The article examines the use of artificial intelligence technologies in criminalistics within the framework of digital transformation of criminal proceedings and the growing role of digital evidence. The author analyzes the theoretical, legal, and practical dimensions of implementing intelligent systems in the activities of law enforcement agencies, emphasizing issues of algorithm interpretability, data reliability, and accountability for machine-generated results. Methodological distinctions between expert evaluation and algorithmic analysis are clarified, and potential risks related to fairness and the presumption of innocence are discussed. The study reviews international developments in regulating the use of artificial intelligence in criminal justice, including initiatives of the European Union, the United States, and the United Nations. Using Kazakhstan as a case study, the article highlights institutional and technological prerequisites for integrating AI into investigative practice and presents the outcomes of pilot projects by the Ministry of Internal Affairs focused on automating digital trace analysis, visual data recognition, and crime forecasting. The author concludes that transparent and verifiable standards of AI use must be legally established to ensure accountability and protection of rights. The article emphasizes the need for systematic professional training, interagency collaboration, and the creation of a unified national registry of intelligent technologies applied in investigative and forensic work.

Keywords: artificial intelligence, criminal procedure, algorithmic conclusion, digital evidence, neural networks, visualization, digital forensics.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.10.2025

МРНТИ 10.81.35
УДК 343.851.5
JEL K14

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-217-225

ЖАППАР К.З.,*[1]
к.ф.н., профессор-исследователь.
*e-mail: k.zhappar@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0001-8655-7675
ТОМАНОВА Н.М.,[1]
к.ф.н., ассоциированный профессор.
e-mail: n.tomanova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0004-1730-6150
[1]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ

Аннотация

В статье анализируются особенности коммуникативной ситуации как ключевого элемента судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Актуальность исследования обусловлена необходимостью объективной интерпретации спорных высказываний в рамках правоприменительной практики. Особое внимание уделяется роли коммуникативной ситуации в установлении языковых признаков по делам об оскорблении и формы их выражения. Целью исследования является выявление ключевых особенностей, структурных компонентов коммуникативной ситуации и этапов ее анализа при проведении судебной лингвистической экспертизы. Материал исследования включает нормативно-правовые акты Республики Казахстан и Российской Федерации, научные труды российских и казахстанских ученых в области судебной лингвистики, а также положения новой Методики проведения судебно-экспертного исследования объектов, содержащих языковые признаки оскорбления, утвержденной Министерством юстиции Республики Казахстан в 2025 г. В работе применяются методы теоретического анализа, структурно-семантического и функционально-прагматического анализа, а также сравнительно-методологический подход. В результате обоснована необходимость комплексного учета параметров коммуникативной ситуации при диагностике оскорбительных высказываний, что способствует повышению объективности экспертных выводов. Полученные результаты имеют практическую значимость для судебно-экспертной деятельности и научных исследований в сфере судебной лингвистики.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, коммуникативная ситуация, оскорбление, неприличная форма, диагностический комплекс.

Введение

В условиях активного развития публичной, медиальной и цифровой коммуникации наблюдается устойчивый рост числа речевых конфликтов, получающих правовую оценку. Существенную часть таких конфликтов составляют дела об оскорблении, в рамках которых требуется установить наличие либо отсутствие унижения чести и достоинства личности, выраженного в неприличной форме. Решение данной задачи невозможно без привлечения специальных лингвистических знаний, реализуемых в форме судебной лингвистической экспертизы.

Одной из ключевых методологических проблем судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении является интерпретация спорных высказываний с учетом условий их употребления. В этой связи особую значимость приобретает анализ коммуникативной ситуации, поскольку значение высказывания формируется не изолированно, а во взаимодействии языковых средств, коммуникативных ролей участников, цели общения и конкретных обстоятельств речевого акта. Игнорирование коммуникативной ситуации может привести к формальному толкованию текста и, как следствие, к необоснованным экспертным выводам.

В трудах российских исследователей: Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова, Е.И. Галяшиной, А.Н. Баранова, Ю.А. Бельчикова, М.В. Горбаневского, и др. – обоснована необходимость коммуникативного подхода к анализу речевых конфликтов в судебной практике. Казахстанские ученые, в частности В.С. Ли, И.Ш. Борчашвили, Р.Д. Карымсакова, Н.А. Муканова, также подчеркивают, что установление языковых признаков оскорбления невозможно без реконструкции коммуникативной ситуации, включая статусные и ролевые отношения участников общения.

Вместе с тем, актуальность настоящего исследования обусловлена принятием РГКП «Центр судебных экспертиз» новой Методики проведения судебно-экспертного исследования объектов, содержащих языковые признаки оскорбления, разработанной с участием казахстанских специалистов в области судебной филологии и утвержденной Министерством юстиции Республики Казахстан в 2025 г., в которой анализ коммуникативной ситуации закреплен как обязательный элемент диагностической стадии экспертного исследования. Это создает необходимость теоретического осмысления и систематизации подходов к описанию коммуникативной ситуации в судебно-лингвистической экспертизе.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе особенностей коммуникативной ситуации, структурных компонентов и этапов ее анализа при проведении судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении.

Для достижения поставленной цели в статье предполагается решение следующих задач: рассмотреть понятие коммуникативной ситуации и ее структурные компоненты в контексте судебной лингвистики; описать этапы анализа коммуникативной ситуации при проведении судебной лингвистической экспертизы; проанализировать методические подходы к исследованию дел об оскорблении, применяемые в российской экспертной практике; выявить особенности новой Методики проведения судебно-экспертного исследования объектов, содержащих языковые признаки оскорбления (Центр судебных экспертиз МЮ РК, 2025).

В исследовании предпринята попытка систематизации параметров коммуникативной ситуации применительно к судебной лингвистической экспертизе по делам об оскорблении, а также в аналитическом осмыслении положений новой казахстанской экспертной методики в сопоставлении с российской научной и экспертной традицией.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили нормативно-правовые акты Республики Казахстан и Российской Федерации, научные труды в области судебной лингвистики, а также методические документы экспертных учреждений.

Теоретическую базу исследования составили работы выше названных российских ученых, посвященные проблемам интерпретации конфликтных высказываний, и казахстанских авторов, рассматривающих вопросы судебно-лингвистической экспертизы в национальном правовом контексте.

В ходе исследования применялись следующие методы: теоретический анализ и обобщение научных источников, направленные на выявление существующих подходов к понятию коммуникативной ситуации; структурно-семантический анализ, используемый для описания языковых средств, реализующих оскорбительную оценку личности; функционально-прагматический анализ, позволяющий установить коммуникативные цели и интенции говорящего; сравнительно-методологический анализ, направленный на сопоставление российских и казахстанских методических подходов к судебной лингвистической экспертизе по делам об оскорблении.

Методологической основой исследования является диагностический подход, принятый в судебной лингвистике, в рамках которого значение высказывания соотносится с формализованными диагностическими комплексами «унижение» и «неприличная форма» с обязательным учетом коммуникативной ситуации.

Результаты и обсуждение

Коммуникативная ситуация занимает центральное место в диагностике высказываний по делам об оскорблении. Результаты исследования подтверждают, что без реконструкции комму-

никативной ситуации невозможно корректно установить ни содержание высказывания, ни его коммуникативную цель, ни форму выражения унижения чести и достоинства личности.

Под коммуникативной ситуацией понимается сочетание внешних и внутренних условий и обстоятельств, в которых протекает речевое общение [1, с. 61].

Коммуникативная ситуация является обязательным элементом экспертного анализа. В современной судебной лингвистике коммуникативная ситуация рассматривается не как вспомогательный фон, а как обязательный элемент экспертного исследования. В экспертной практике именно учет параметров коммуникативной ситуации позволяет перейти от формального анализа отдельных слов и выражений к интерпретации смысла высказывания в юридически значимом контексте.

В делах об оскорблении коммуникативная ситуация влияет на интерпретацию высказывания по нескольким направлениям:

- во-первых, она определяет адресность речи;
- во-вторых, позволяет установить характер социальных и статусных отношений между участниками общения;
- в-третьих, способствует выявлению коммуникативной цели говорящего.

Обобщив существующие в научной литературе классификационные сетки параметров коммуникативной ситуации, Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова предлагают при описании коммуникативной ситуации учитывать следующие компоненты:

1. Типологические характеристики коммуникативной ситуации:
- сфера коммуникации: официальное – неофициальное общение (обиходно-бытовое);
- наличие/отсутствие наблюдателей: публичное – непубличное общение.

2. Способ общения:
- канал связи: аудиальный, визуальный, аудиовизуальный;
- форма общения: устное – письменное общение;
- код: только языковой – языковой и кинесический.

3. Организация общения:
- жанр коммуникативного события: разговор покупателя и продавца, разговор соседей, разговор полицейского и задержанного, общение судьи и обвиняемого и т.д.

4. Топология и хронология коммуникативной ситуации:
- пространственная локализация;
- временная протяженность ситуации.

5. Характеристики коммуникантов:
- социальные роли: постоянные (профессиональные, семейные) – переменные (ситуативно-ролевой статус участников в данном речевом акте, например соседи);
- соотношение социальных ролей: симметричные – асимметричные от ношения [2, с. 16].

Одинаковые языковые средства могут реализовывать различные значения в зависимости от условий общения. Например, сниженная или грубая лексика в неофициальной межличностной коммуникации может выполнять экспрессивную или эмоциональную функцию, не направленную на унижение личности, тогда как в официальной или публичной ситуации аналогичные выражения приобретают иную прагматическую нагрузку и могут рассматриваться как реализующие унизительную оценку адресата.

Как видим, анализ коммуникативной ситуации является необходимым условием для объективной экспертной оценки спорных высказываний.

Важным является вопрос о структурных компонентах коммуникативной ситуации, обладающих экспертной значимостью при рассмотрении дел об оскорблении. К таким компонентам относятся адресант, адресат, форма и канал коммуникации, характер общения (официальный или неофициальный, публичный или непубличный), а также контекст речевого взаимодействия.

Наибольшее значение для экспертной диагностики имеют параметры адресности и публичности высказывания. Установление того, направлено ли высказывание на конкретное лицо либо носит обобщенный характер, является принципиальным для разграничения унижения личности и выражения негативной оценки в адрес неопределенного круга лиц. Аналогично, публичный характер коммуникации усиливает прагматический эффект высказывания, поскольку негативная оценка личности сообщается не только адресату, но и третьим лицам.

Особое значение имеет анализ статусно-ролевых отношений участников общения. В ситуациях институционального взаимодействия (служебные совещания, судебные заседания, образовательная среда) использование сниженной и табуированной лексики нарушает нормы речевого поведения и чаще всего реализует коммуникативную цель демонстрации превосходства и унижения адресата. В неофициальной бытовой коммуникации те же языковые средства могут выполнять иные функции, что подтверждает необходимость комплексного анализа.

Анализ коммуникативной ситуации в судебной лингвистической экспертизе по делам об оскорблении осуществляется поэтапно и логически предшествует семантическому и прагматическому анализу высказывания.

На первом этапе эксперт реконструирует обстоятельства речевого события на основе материалов дела. Это позволяет установить тип коммуникации, количество участников, форму общения и общий характер речевого взаимодействия. На данном этапе формируется первичное представление о возможной направленности высказывания.

На втором этапе осуществляется анализ адресности и предмета речи. Эксперт устанавливает, относится ли негативная оценка непосредственно к личности адресата либо к его действиям, поведению или профессиональной деятельности. Результаты анализа подтверждают, что критика действий, даже выраженная в резкой форме, не тождественна унижению личности и не образует языковых признаков оскорбления.

На третьем этапе проводится оценочно-экспрессивный и целевой анализ, в рамках которого выявляется наличие унизительной оценки и коммуникативной цели информирования о враждебно-неуважительном отношении к адресату. Именно на этом этапе коммуникативная ситуация приобретает ключевое значение, поскольку позволяет интерпретировать выбранные языковые средства в контексте речевых намерений говорящего.

Коммуникативная ситуация выполняет различную функциональную нагрузку при диагностике языковых признаков оскорбления личности и при установлении неприличной формы их выражения. Данное различие имеет принципиальное значение для судебно-лингвистической экспертизы, поскольку позволяет разграничить семантические, прагматические и формально-языковые критерии оценки спорных высказываний.

При выявлении языковых признаков оскорбления личности коммуникативная ситуация является определяющим фактором интерпретации смысла высказывания. Именно анализ условий общения позволяет установить, направлена ли негативная оценка на личность адресата как таковую либо относится к его действиям, поведению или профессиональной деятельности. Результаты анализа подтверждают, что без учета коммуникативной ситуации невозможно корректно определить предмет речи и коммуникативную цель говорящего, а следовательно – сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии унизительной оценки личности.

Коммуникативная ситуация также играет ключевую роль в установлении адресности высказывания. Негативно окрашенные высказывания, лишенные конкретной адресации либо относящиеся к неопределенному кругу лиц, не могут квалифицироваться как унижение чести и достоинства конкретного лица. В этой связи реконструкция коммуникативной ситуации позволяет эксперту установить, направлено ли высказывание на конкретного адресата либо носит обобщенный характер, что имеет решающее значение для экспертной диагностики.

Иная роль коммуникативной ситуации выявляется при диагностике неприличной формы выражения. Неприличная форма определяется преимущественно лексико-семантическими и стилистическими признаками обсценной лексики и фразеологии, которые не зависят от особенностей конкретной коммуникативной ситуации. Слово или устойчивое выражение не приобретает и не утрачивает статус обсценизма в зависимости от официальности или неофициальности общения, социального положения участников или наличия аудитории.

Вместе с тем коммуникативная ситуация сохраняет вспомогательное значение и на этом этапе анализа, поскольку позволяет уточнить функцию обсценной лексики в конкретном речевом акте. В отдельных случаях использование табуированной лексики может выполнять экспрессивную или междометную функцию, не направленную на унижение личности, что требует разграничения речевой агрессии и эмоциональной экспрессии. Учет коммуникативной ситуации позволяет избежать расширительного толкования понятия оскорбления и необоснованного отнесения любого использования обсценной лексики к юридически значимым формам унижения.

Таким образом, коммуникативная ситуация выступает связующим звеном между семантическим, прагматическим и юридически значимым анализом высказывания. Она обеспечивает целостный характер экспертного исследования и служит инструментом ограничения субъективности экспертных выводов, что особенно важно в условиях разнообразия форм современной коммуникации, включая цифровую и поликодовую среду.

Сравнительный анализ российских и казахстанских методик показал их концептуальное сходство при наличии определенных национальных особенностей. В обеих традициях коммуникативная ситуация признается необходимым условием интерпретации смысла высказывания.

И российская, и казахстанская методики систематизируют анализ коммуникативной ситуации, закрепляя его как обязательный этап диагностической стадии. Это способствует унификации экспертных выводов и снижению субъективности интерпретации.

Принятая в 2025 г. новая Методика проведения судебно-экспертного исследования объектов, содержащих языковые признаки оскорбления личности представляет собой значимый этап развития судебной лингвистики в Республике Казахстан. Методика направлена на унификацию экспертной практики и подходов к выявлению языковых признаков оскорбления, т.е. унижения чести и достоинства личности, выраженного в неприличной форме (статья 131 УК РК) .

В отличие от более описательного подхода, характерного для ранних методических разработок, новая методика предлагает алгоритмизированную модель анализа, ориентированную на воспроизводимость результатов.

Ключевым методологическим достоинством Методики является четкое разграничение правовых и лингвистических компетенций эксперта. Эксперт-филолог не устанавливает наличие состава правонарушения, а решает строго диагностическую задачу – выявление или отсутствие языковых признаков унижения и неприличной формы. Такое разграничение соответствует современным требованиям судебной экспертизы и снижает риск подмены юридической оценки лингвистической интерпретацией.

Методика системно закрепляет использование диагностических комплексов «унижение» и «неприличная форма», что обеспечивает воспроизводимость экспертных выводов и минимизацию субъективного фактора .

Принципиально важным положением Методики является признание анализа коммуникативной ситуации обязательным этапом экспертного исследования. Его отсутствие делает выводы эксперта неубедительными и уязвимыми как с лингвистической, так и с юридической точки зрения. Без учета условий, в которых происходило общение, невозможно установить смысл высказывания, его направленность и коммуникативную цель [3, с. 10].

Коммуникативная ситуация рассматривается как совокупность условий речевого взаимодействия, включающая форму общения, статусные роли участников, степень публичности и контекст речевого акта. Например, в высказывании, произнесенном в ходе неофициального телефонного разговора между бывшими супругами: «Ты ничтожество, как был, так и остался тварью» – негативная номинация адресата («ничтожество», «тварь») интерпретируется не изолированно, а с учетом межличностного характера коммуникации и адресности высказывания. Методика подчеркивает, что именно реконструкция коммуникативной ситуации позволяет установить направленность и цель высказывания [3].

Методика последовательно развивает концепцию трехкомпонентной структуры значения «унижение», включающей: 1) предмет речи (личность адресата); 2) отношение (унизительная статусная оценка); 3) коммуникативную цель (информирование о враждебно-неуважительном отношении).

Научная значимость Методики заключается в систематизации и адаптации достижений международной и российской судебно-лингвистической школ к казахстанскому правовому контексту. Практическая значимость проявляется в возможности ее применения к широкому спектру объектов: от бытовых диалогов до интернет-коммуникации и поликодовых текстов.

Методика задает единый алгоритм экспертного анализа, снижает вариативность выводов и формирует устойчивые стандарты судебно-лингвистической экспертизы по делам об оскорблении.

Исследовательскую часть работы хочется завершить примером формулировки коммуникативной ситуации из собственного опыта составления лингвистического исследования в рамках заключения специалиста (имена изменены):

«Коммуникативная ситуация. Из материалов дела следует, что в ходе устного публичного и официального общения Омарова К. произнесла фразу «Долбанутая» в адрес руководителя Ахметовой А. в связи с долгим ожиданием согласования заявки о своем командировании, вследствие чего Омарова К. была вынуждена выехать в командировку ночью частным транспортом». Данный пример показывает, что результаты исследования, проведенного на основе анализа коммуникативной ситуации, позволили сделать следующие выводы: 1. В рассматриваемой речевой ситуации коммуникативной целью высказывания Омаровой К. «долбанутая» является, во-первых, характеризующая функция лексемы (то есть выражение негативной оценки лица), и, во-вторых, функция выражения эмоций: слово «долбанутая» употребляется как выражение отрицательной эмоции негодования, возмущения как эмоциональной реакции на такой внешний раздражитель, как действия Ахметовой А. 2. Анализ содержания информации, характеризующей лексику с неприличной формой выражения (нецензурную), ее состав и функции, приводит к выводу о том, что слово «долбанутая» не относится к нецензурной брани. Слово «долбанутая» не относится и к грубо просторечной лексике; являясь разговорно-сниженным словом, оно остается в сфере разговорно-литературного языка на его периферии.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют установить, что коммуникативная ситуация является ключевым методологическим компонентом судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Интерпретация спорных высказываний вне контекста условий их употребления приводит к формальному и потенциально ошибочному толкованию языковых средств, не позволяющему достоверно установить наличие либо отсутствие языковых признаков оскорбления личности.

Коммуникативная ситуация представляет собой сложную многокомпонентную структуру, включающую участников общения, их статусно-ролевые отношения, форму и канал коммуникации, степень публичности, а также контекст речевого взаимодействия. Совокупный учет указанных параметров позволяет эксперту выявить адресность высказывания, определить его предмет и установить коммуникативную цель говорящего, что является необходимым условием диагностики унизительной оценки личности.

Анализ коммуникативной ситуации должен логически предшествовать семантическому и прагматическому анализу текста. Такой подход обеспечивает корректное разграничение унижения личности и критики действий или поведения, а также позволяет избежать расширительного толкования понятия «оскорбление», что имеет принципиальное значение для правоприменительной практики.

Сравнительный анализ российских и казахстанских методических подходов показал их концептуальное единство при наличии определенных национальных особенностей. Особую значимость в этом контексте представляет новая Методика проведения судебно-экспертного исследования объектов, содержащих языковые признаки оскорбления, утвержденная Министерством юстиции Республики Казахстан в 2025 г., в которой анализ коммуникативной ситуации закреплен как обязательный элемент диагностической стадии экспертного исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении роли коммуникативной ситуации в системе диагностических критериев судебной лингвистической экспертизы и в систематизации ее структурных компонентов применительно к делам об оскорблении. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных выводов в экспертной деятельности, при подготовке и обосновании экспертных заключений, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в области судебной и юридической лингвистики.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой более детализированных моделей анализа коммуникативной ситуации в условиях цифровой и поликодовой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1 Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова и др. – М.: Флинта, 2003. – 840 с.

2 Изотова Т.М., Кузнецов В. О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: науч.-информ. пособие для экспертов. – М.: ФБУ РФЦСЭ, 2016. – 112 с.

3 Абдулжанова З.А., Карымсакова Р.Д., Кудайбергенова Г.К., Муканова Н.А., Суимбаева С.Ж. Методика проведения судебно-экспертного исследования объектов, содержащих языковые признаки оскорбления. – Астана: МЮ РК, 2025. – 120 с.

4 Борчашвили И.Ш., Муканова Н.А. Проблемы экспертного исследования объектов, содержащих признаки оскорбления личности // Вестник права Республики Казахстан «Зангер». – 2025. – № 8(289). – С. 87–92.

5 Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. – Ярославль, 2013. – 267 с.

6 Галяшина Е.И. Юридическая лингвистика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2019. – 320 с.

7 Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта, 2017. – 592 с.

8 Карымсакова Р.Д., Ли В.С. Оскорбление и клевета: взгляд эксперта. – Алматы: «Әділ сөз», 2013. – 132 с.

9 Карымсакова Р.Д. Судебно-лингвистическая экспертиза в Республике Казахстан: теоретические и прикладные аспекты. – Астана: Центр судебных экспертиз МЮ РК, 2021. – 168 с.

10 Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями). – 2025 г.

REFERENCES

1 Kul’tura russkoj rechi: jenciklopedicheskij slovar’-spravochnik / pod red. L.Ju. Ivanova i dr. M.: Flinta, 2003. 840 p. (In Russian).

2 Izotova T.M., Kuznecov V.O., Plotnikova A.M. (2016) Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza po delam ob oskorblenii: nauch.-inform. posobie dlja jekspertov. M.: FBU RFCSJe. 112 p. (In Russian).

3 Abdulzhanova Z.A., Karymsakova R.D., Kudajbergenova G.K., Mukanova N.A., Suimbaeva S.Zh. (2025) Metodika provedenija sudebno-jekspertnogo issledovanija ob#ektov, soderzhashhih jazykovye priznaki oskorblenija. Astana: MJu RK. 120 p. (In Russian).

4 Borchashvili I.Sh., Mukanova N.A. (2025) Problemy jekspertnogo issledovanija ob#ektov, soderzhashhih priznaki oskorblenija lichnosti // Vestnik prava Respubliki Kazahstan «Zanger». No. 8(289). P. 87–92. (In Russian).

5 Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L., Shamanova M.V. (2013) Vyjavlenie priznakov unizhenija chesti, dostoinstva, umalenija delovoj reputacii i oskorblenija v lingvisticheskoj jekspertize teksta. Jaroslavl’. 267 p. (In Russian).

6 Galjashina E.I. (2019) Juridicheskaja lingvistika: uchebnik dlja vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma. 320 p. (In Russian).

7 Baranov A.N. (2017) Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika. M.: Flinta. 592 p. (In Russian).

8 Karymsakova R.D., Li V.S. (2013) Oskorblenie i kleveta: vzgljad jeksperta. Almaty: «Ədil sөz». 132 p. (In Russian).

9 Karymsakova R.D. (2021) Sudebno-lingvisticheskaja jekspertiza v Respublike Kazahstan: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Astana: Centr sudebnyh jekspertiz MJu RK.168 p. (In Russian).

10 Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan (s izmenenijami i dopolnenijami). 2025 g. (In Russian).

ЖАППАР Қ.З.,*[1]
ф.ғ.к., профессор-зерттеуші.
*e-mail: k.zhappar@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0001-8655-7675
ТОМАНОВА Н.М.,[1]
ф.ғ.к., қауымдастырылған профессор.
e-mail: n.tomanova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0004-1730-6150
[1]«Туран» университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ҚОРЛАУ ІСТЕРІ БОЙЫНША СОТ-ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ САРАПТАМАНЫҢ НЕГІЗГІ ЭЛЕМЕНТ РЕТІНДЕ КОММУНИКАТИВТІК ЖАҒДАЙДЫ ҚАРАСТЫРУ

Аңдатпа

Мақалада қорлау істері бойынша сот-лингвистикалық сараптама жүргізу барысында коммуникативтік жағдайдың негізгі элемент ретіндегі рөлі талданады. Зерттеудің өзектілігі көпшілік және цифрлық коммуникациядағы сөйлеу өзара әрекетінің күрделенуімен, сондай-ақ даулы мәтіндерді құқық қолдану тәжірибесінде объективті түсіндіру қажеттілігімен айқындалады. Коммуникативтік жағдайдың тұлғаның ар-намысы мен қадір-қасиетін қорлау тілдік белгілерін және олардың берілу формасын анықтаудағы маңызына ерекше назар аударылады. Зерттеудің мақсаты – қорлау істері бойынша сот-лингвистикалық сараптама жүргізу кезінде коммуникативтік жағдайдың құрылымдық компоненттері мен оны талдау кезеңдерін айқындау. Зерттеу материалына Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының нормативтік-құқықтық актілері, сот және заң лингвистикасы саласындағы ресейлік және қазақстандық ғалымдардың ғылыми еңбектері, сондай-ақ Қазақстан Республикасы Әділет министрлігі 2025 ж. бекіткен қорлау тілдік белгілері бар объектілерге сот-сараптамалық зерттеу жүргізу әдістемесінің ережелері енгізілді. Зерттеу барысында теориялық талдау, құрылымдық-семантикалық талдау, функционалдық-прагматикалық талдау және салыстырмалы-әдістемелік талдау әдістері қолданылды. Зерттеу нәтижелері қорлау сипатындағы айтылымдарды диагностикалау кезінде коммуникативтік жағдай параметрлерін кешенді түрде есепке алу қажеттігін негіздейді, бұл сараптамалық қорытындылардың объективтілігі мен қайталанғыштығын арттыруға мүмкіндік береді. Алынған нәтижелер сот-сараптамалық практикада және сот лингвистикасы саласындағы ғылыми зерттеулерде қолданылуы мүмкін.

Тірек сөздер: сот-лингвистикалық сараптама, коммуникативтік жағдай, қорлау, әдепсіз форма, диагностикалық кешен.

ZHAPPAR K.Z.,*[1]
c.philol.s., research professor.
*e-mail: k.zhappar@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0001-8655-7675
TOMANOVA N.M.,[1]
c.philol.s., associate professor.
e-mail: n.tomanova@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0004-1730-6150
[1]Turan University
Almaty, Kazakhstan

THE COMMUNICATIVE SITUATION AS A KEY COMPONENT OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES OF INSULT

Abstract

The article examines the communicative situation as a key component of forensic linguistic expertise in cases of insult. The relevance of the study is the increasing complexity of verbal interaction in public and digital communication, as well as the need for objective interpretation of disputed statements in legal practice. Special attention is paid to the role of the communicative situation in identifying linguistic indicators of humiliation of honor and dignity and the form of their expression. The purpose of the study is to identify the structural components of the

communicative situation and the stages of its analysis in the course of forensic linguistic expertise of insult cases. The research material includes regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, scientific works of Russian and Kazakhstani scholars in the field of forensic and legal linguistics, as well as the provisions of the new Methodology for forensic expert research of objects containing linguistic signs of insult, approved by the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan in 2025. The study employs methods of theoretical analysis, structural-semantic analysis, functional-pragmatic analysis, and comparative methodological analysis. The results substantiate the necessity of a comprehensive consideration of communicative situation parameters when diagnosing insulting statements, which contributes to greater objectivity and reproducibility of expert conclusions. The findings are of practical significance for forensic expert activity and further research in forensic linguistics.

Keywords: forensic linguistic examination, communicative situation, insult, indecent form, diagnostic complex.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2052

4 INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚ
МЕЖДУНАРОДНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

МРНТИ 10.87.27
УДК 341
JEL K32

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-226-236

СУЛТАНОВА Н.Т.,*[1]
докторант.
*e-mail: nargiz_89-11@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-7384-9475
САЙРАМБАЕВА Ж.Т.,[1]
к.ю.н., доцент.
e-mail: zhuldyz.sairambaeva@kaznu.kz
ORCID ID: 0000-0002-8213-8622
МУЙОВИЧ Х.,[2]
PhD, профессор.
e-mail: hmujovic@idn.org.rs
ORCID ID: 0000-0002-2207-0507
[1]Казахский национальный университет
им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан
[2]Институт общественных наук,
г. Белград, Сербия

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПАЦИЕНТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Аннотация

Статья посвящена международно-правовому регулированию медицинского страхования и защиты прав пациента в условиях формирования глобальных и региональных стандартов в сфере охраны здоровья. Рассматриваются универсальные международные акты, закрепляющие право на медицинскую помощь и социальную защиту, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Устав Всемирной организации здравоохранения. На региональном уровне анализируются документы Европейского союза, Совета Европы и Всемирной организации здравоохранения для Европы, в которых подчеркивается необходимость равного доступа к медицинским услугам и эффективной защиты прав пациентов. В работе проведено сопоставление национальных моделей медицинского страхования и правового обеспечения защиты интересов пациентов на примере Казахстана, Германии и США. Автор анализирует различия между системами обязательного и добровольного страхования, степень участия государства в финансировании здравоохранения, гарантии соблюдения прав пациентов, а также механизмы юридической ответственности за их нарушение. Отмечается, что международные и региональные стандарты создают основу для унификации подходов в области охраны здоровья и защиты прав пациентов, однако их практическая реализация во многом зависит от социально-экономических условий, уровня развития наци-

онального законодательства и готовности государств к международному сотрудничеству. Делается вывод о важности совершенствования национальной правовой базы с учетом международных норм и рекомендаций, что позволит обеспечить комплексный характер защиты прав пациента и укрепить систему медицинского страхования.

Ключевые слова: международное право, медицинское страхование, права пациента, охрана здоровья, международные стандарты.

Введение

Международное право признает здоровье базовой ценностью и неотъемлемым правом каждого человека. Уже во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашено право каждого на жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья, а Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. закрепил право каждого на наивысший достижимый уровень здоровья [1, 2]. Конституция Всемирной организации здравоохранения также утверждает право на здоровье как одно из основных прав человека [3]. В современном понимании данное право включает равный и справедливый доступ к медицинской помощи и защиту пациента от любого рода дискриминации или недобросовестного обращения. Страны, присоединившиеся к международным договорам по правам человека, обязаны внедрять национальные законы и политики, гарантирующие всеобщий доступ населения к качественным медицинским услугам. Концепция всеобщего охвата услугами здравоохранения, продвигаемая ООН и ВОЗ, фактически призывает государства обеспечивать своим гражданам доступную и своевременную медицинскую помощь, в том числе через механизмы медицинского страхования. Медицинское страхование в глобальной практике рассматривается как важный инструмент реализации права на здоровье, позволяющий аккумулировать средства и предоставлять финансовые гарантии пациентам.

Одновременно с правом на медицинскую помощь встает задача защиты прав самого пациента при получении этой помощи. Под правами пациента понимается комплекс гарантий, обеспечивающих уважение достоинства, жизни, здоровья человека при оказании медуслуг: право на информированное согласие, тайну состояния здоровья, выбор врача, получение безопасной и качественной помощи и др. Эти права отражены во множестве международных документов – как универсальных, так и региональных. Однако унифицированного глобального договора, всецело регулирующего права пациентов, до сих пор не существует. Вместо этого сформировался корпус «мягкого» права: деклараций, хартий и рекомендаций международных организаций, которые устанавливают стандарты, принимаемые за основу в национальных законодательствах. Кроме того, на региональном уровне (например, в рамках Совета Европы, Европейского союза, СНГ и др.) приняты отдельные соглашения и акты, напрямую касающиеся вопросов здравоохранения, страхования и прав пациентов.

Актуальность темы международно-правового регулирования медицинского страхования и защиты прав пациента обусловлена глобальными целями обеспечения всеобщего охвата медуслугами и необходимостью выработки единых подходов к защите пациентов в условиях трансграничной медицины и медицинского туризма. В разных странах сложились различные модели здравоохранения и страхования – от всеобщего государственного медицинского обеспечения до преимущественно частного страхования, – что порождает разницу в реализации прав пациентов на практике.

Цель исследования – сопоставить международные и региональные правовые стандарты с национальными моделями регулирования в указанных странах, выявить общие черты и отличия, а также определить лучшие практики, способные усилить защиту прав пациентов.

Проблематика международно-правового регулирования здравоохранения, страхования и прав пациентов привлекает внимание многих казахстанских исследователей. А.С. Жаппарова рассматривает эволюцию национального законодательства об охране здоровья и обосновывает необходимость его систематизации и приведения в соответствие с международными стандартами [4]. Ф.К. Ердавлетова, Г.И. Супугалиева и др. в своей работе проанализировали функционирование здравоохранения на основе ОСМС [5].

В мировой науке вопросы правового обеспечения здравоохранения и прав пациентов исследуются уже несколько десятилетий, в том числе с позиций сравнительного права и гло-

бального здоровья. Среди западных исследований можно отметить труд А. Покласки (2016), посвященный правовым вопросам медицинского туризма [6].

В 2020 г. группа исследователей проанализировала, как международные стандарты аккредитации больниц способствуют соблюдению прав пациентов на безопасность и качество лечения [7].

Материалы и методы

Настоящее исследование основано на комплексной методологии, направленной на обеспечение прозрачности сравнительного анализа международных, региональных и национальных систем медицинского страхования и защиты прав пациента. В качестве материалов использовались универсальные международные договоры по правам человека, специализированные акты Всемирной организации здравоохранения, документы Совета Европы и Европейского союза, а также национальные нормативные акты Казахстана, Германии и США. Отбор документов осуществлялся по трем критериям: нормативная значимость (юридически обязательные акты или ключевые программные документы), компетентность источника (международные организации, национальные органы власти, суды), релевантность положениям о медицинском страховании и правах пациента.

Сравнительный анализ проводился по заранее определенным параметрам, включающим структуру систем медицинского страхования, механизм финансирования, долю охвата населения, перечень законодательно закрепленных прав пациентов, характер юридических гарантий, институты защиты и возможности судебного обжалования нарушений. В рамках анализа национального законодательства использовался нормативно-правовой метод, позволивший выявить юридические различия между моделями страхования, а также степень имплементации международных стандартов.

Для изучения научных подходов применялся доктринальный анализ. Отбор научных источников осуществлялся по критериям научной репутации журнала, тематической релевантности, а также включал англоязычные публикации и исследования, индексируемые в международных базах данных. Это позволило интегрировать в исследование как казахстанский, так и зарубежный научный опыт. Также применялись методы структурно-функционального анализа, правового моделирования и историко-правового сопоставления, что обеспечило всесторонний охват исследуемой проблемы.

Предложенная методология обеспечивает воспроизводимость исследования, позволяет проследить логику отбора источников и аргументированно сопоставить правовые системы, что повышает научную обоснованность и достоверность полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Международно-правовые стандарты в области здравоохранения основываются на признании права на здоровье фундаментальным правом человека. Все государства – члены ООН ратифицировали хотя бы один договор, закрепляющий это право, вследствие чего страны несут юридические обязательства по его соблюдению. Воплощение данных обязательств требует, в частности, создания эффективных систем финансирования медицины. В этом контексте медицинское страхование выступает важным механизмом, позволяющим странам реализовать принцип универсальности медицинской помощи. Движение к всеобщему охвату услугами здравоохранения предполагает, что все люди получают необходимые услуги без ущерба для их финансового благополучия. Защита прав пациентов на международном уровне развивалась во второй половине XX в. преимущественно через «мягкое право» – декларации и принципиальные заявления. Одним из первых международных документов, провозгласивших права пациентов, стала Лиссабонская декларация о правах пациента [8], принятая Всемирной медицинской ассоциацией (ВМА) в 1981 г. Она утвердила базовые принципы: право на свободный выбор врача, отказ от лечения, достойное обращение, на информацию о своем здоровье и др. В 1994 г. в Европе была принята Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе [9], а годом позже – Амстердамская декларация (1994) о политике в области прав пациентов в Европе. Эти акты призвали европейские государства унифицировать подходы к правам пациентов

и разработать национальные хартии пациентов. В 1997 г. Совет Европы заключил первую обязывающую международную конвенцию в данной сфере – Конвенцию о правах человека и биомедицине (Овьедская конвенция), вступившую в силу в 1999 г. [10]. Конвенция устанавливает обязательные для участников нормы, касающиеся согласия на медицинское вмешательство, конфиденциальности медицинской информации, запрета дискриминации по состоянию здоровья и др., тем самым впервые юридически закрепляя права пациентов на региональном уровне.

К началу 2000-х годов сформировался и специфический европейский документ – Европейская хартия прав пациентов (2002 г.), провозгласившая 14 прав пациентов. Хоть хартия была инициирована гражданским обществом и не носит характер межгосударственного договора, она получила широкое признание в странах ЕС. Хартия включает такие права, как право на профилактические меры, доступность услуг, инновации, безопасность, право на возмещение ущерба и др., и служит ориентиром для гармонизации национальных систем здравоохранения с позиций уважения прав пациента. В рамках Европейского союза вопросом прав пациентов посвящена Директива 2011/24/EU о применении прав пациентов при получении трансграничной медицинской помощи. Эта директива, вступившая в силу в 2013 г., закрепила право граждан ЕС получать медицинскую помощь в других государствах-членах и устанавливает порядок покрытия расходов на такое лечение. В частности, гражданам гарантируется возмещение стоимости лечения за рубежом на условиях, сопоставимых с получением помощи на родине, а также право на информацию о качестве и безопасности медуслуг за границей. Директива 2011/24/EU стала важным региональным механизмом, обеспечивающим реализацию прав пациентов в контексте свободы передвижения по Европе.

На глобальном уровне ВОЗ и другие структуры также инициировали ряд важных соглашений, затрагивающих аспекты страхования и безопасности пациентов. Например, Международная организация труда еще в 1952 г. приняла Конвенцию №102 о минимальных нормах социального обеспечения, предусматривающую обязательства государств по введению страхования на случай болезни и материнства. В 2005 г. вступили в силу обновленные Международные медико-санитарные правила (ММСП) – юридически обязательный для стран договор, направленный на укрепление систем здравоохранения с целью готовности к эпидемиям (хотя ММСП больше касаются инфекционной безопасности, косвенно они требуют наличия финансирования здравоохранения для выполнения этих норм). В 2019 г. на 72-ой Всемирной ассамблее здравоохранения учрежден Всемирный день безопасности пациента, а незадолго до этого, в 2018 г., министры здравоохранения приняли Токийскую декларацию по безопасности пациентов. В этой декларации подчеркнуто, что обеспечение безопасности пациентов – фундаментальное требование к любой системе здравоохранения и одно из условий универсального доступа к медицинским услугам, необходимых для достижения ЦУР ООН. Декларация призвала все страны активнее внедрять стандарты качества и безопасности медицинской помощи, ссылаясь на Резолюцию WHA55.18 Всемирной ассамблеи здравоохранения.

Резюмируя: международно-правовые стандарты в рассматриваемой сфере формируют два взаимодополняющих блока: глобальный, основанный на общечеловеческих правах, и региональный, детализирующий эти принципы применительно к конкретным интеграционным объединениям.

Таблица 1 – Глобальный и региональный уровни международно-правового регулирования прав пациента

Уровень	Основное содержание	Значение для стран
Глобальный	Универсальные принципы: право на здоровье, всеобщий охват, безопасность пациента (ООН, ВОЗ, ВМА)	Формируют базовые ориентиры и обязательства, которые адаптируются в национальных системах здравоохранения
Региональный (Европа)	Детализированные механизмы: биомедицинские нормы, согласие, конфиденциальность, трансграничная помощь (Совет Европы, ЕС)	Обеспечивают практические инструменты реализации прав пациента, включая судебную защиту (ЕСПЧ)
Примечание: Составлено авторами.		

Республика Казахстан, будучи участником основных международных договоров по правам человека, признает право граждан на охрану здоровья конституционно (ст. 29 Конституции РК гарантирует право на здоровье и бесплатный объем медпомощи). В развитие этих норм принят Кодекс РК «О здоровье народа и системе здравоохранения» (новая редакция от 7 июля 2020 г.), обобщающий национальное здравоохранительное законодательство. В данном Кодексе прямо закреплены основные права пациентов, они перечислены, в частности, в статьях 88, 89 и 91. Среди них: право на получение гарантированного объема бесплатной медицинской помощи (ГОБМП), право на выбор врача и медицинской организации, право на информированное согласие на лечение или отказ от него, право на тайну о состоянии здоровья, на возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании помощи, и т.д. Система здравоохранения Казахстана исторически основывалась на государственной модели советского типа, однако в 2015–2020 гг. страна перешла к смешанной модели финансирования, внедрив обязательное социальное медицинское страхование (ОСМС). С 1 января 2020 г. в РК функционирует ОСМС, управляемое специально созданным Фондом медицинского страхования. Принцип системы: работодатели и работники, а также государство за льготные категории граждан уплачивают страховые взносы, формируя пул средств для оплаты медицинских услуг населению. При этом сохраняется гарантированный государственный пакет бесплатной помощи для всех граждан (ГОБМП), финансируемый из бюджета. Такая комбинированная модель – бюджет и обязательное страхование – по замыслу законодателя должна обеспечить более устойчивое финансирование отрасли и повысить доступность медуслуг [11].

Государство оплачивает взносы за уязвимые категории (дети, пенсионеры, инвалиды и др.), что указывает на стремление охватить страхованием все население. Тем не менее на практике Казахстан пока не достиг 100% охвата: по данным на конец 2024 г., охвачено около 83% населения. Около 3,3 млн человек остаются незастрахованными – как правило, это неформально занятые граждане или лица, не уплачивающие взносы. Таким образом, задача всеобщего охвата остается актуальной.

Для защиты прав пациентов в системе ОСМС в Казахстане предусмотрены определенные механизмы. Во-первых, в каждой медицинской организации функционирует Служба поддержки пациентов и внутреннего контроля качества – структурное подразделение, куда пациент может обратиться с жалобой на условия лечения или действия медицинского персонала. Во-вторых, при Фонде медстрахования функционирует колл-центр, принимающий обращения застрахованных и консультирующий по вопросам объема и качества оказываемых услуг. В-третьих, пациенты вправе обжаловать отказ в предоставлении услуги или незаконное взимание платы сначала в сам фонд, а затем, при несогласии, в суд. Национальное законодательство также устанавливает стандарты качества медпомощи и безопасности (протоколы лечения, аккредитация учреждений), соответствующие во многом рекомендациям ВОЗ. Тем не менее, по оценкам экспертов, казахстанская система еще сталкивается с проблемами, влияющими на реализацию прав пациентов: нехватка финансирования, кадровый дефицит, особенно в сельской местности, очереди на высокотехнологичную помощь. Незастрахованные граждане имеют право лишь на ограниченный объем услуг в рамках ГОБМП, что создает риск неравенства доступа. Таким образом, Казахстан находится в процессе реформ, стремясь достичь баланса между бюджетной поддержкой здравоохранения и страховыми принципами, опираясь на международный опыт.

Федеративная Республика Германия – классический пример страны с развитой системой социального медицинского страхования. Право на материальное обеспечение в случае болезни зафиксировано в немецком законодательстве с конца XIX в.; в современном виде система основана на обязательном страховании работников через больничные кассы. В Германии действует принцип всеобщего охвата: все постоянно проживающие лица должны иметь медицинскую страховку. Причем около 90% населения охвачены обязательным государственным (публично-правовым) страхованием, а остальные (высокодоходные группы, государственные служащие) – частным страхованием по своему выбору. Таким образом, формально отсутствуют незастрахованные: не иметь медицинской страховки запрещено законом с 2009 г. Органы власти контролируют деятельность более 100 больничных касс, устанавливают единый базовый пакет услуг и размер страховых взносов. Финансирование осуществляется за счет отчислений рабо-

тодателей и работников (примерно по 7,3% от заработной платы каждый, итого около 14,6% от фонда зарплаты) с дополнительными небольшими доплатами самих застрахованных в некоторые кассы. Государство субсидирует страхование лиц, не способных платить взносы (безработные получают страховку через кассы, оплачиваемую из средств пособий).

Важно отметить, что в Германии сильны юридические гарантии прав пациентов, особенно после принятия в 2013 г. специального закона о правах пациентов. Этот закон, вступивший в силу 26 февраля 2013 г., внес в Гражданский кодекс Германии (BGB) отдельную главу о договоре на лечение, регулирующую отношения между пациентом и медицинским работником. Закон кодифицировал права пациентов, ранее выработанные судебной практикой и врачебными кодексами: право на информирование о рисках и альтернативных методах лечения, на добровольное согласие, на доступ к своей медицинской документации, на сохранность врачебной тайны, а также детали распределения бремени доказывания в случаях врачебной ошибки. Например, теперь законом напрямую предписано, что врач обязан информировать пациента о допущенной ошибке в лечении, если она ему стала известна, по запросу пациента или когда это нужно для предотвращения вреда.

Немецкая модель обеспечивает высокую степень участия пациентов в процессе принятия решений в системе здравоохранения. На национальном уровне действуют объединения пациентов, которые по закону могут представлять интересы застрахованных при обсуждении политик в здравоохранении (например, они включаются в совместные комитеты при министерстве здравоохранения). Судебная защита прав пациентов также развита: пациенты вправе предъявлять иски к врачам и клиникам о возмещении ущерба; специализированные страховые компании покрывают компенсации при установлении вины медиков. В страховых спорах с больничными кассами пациенты могут обращаться в социальные суды, которые нередко принимают сторону пациентов, если отказ кассы в оплате признан необоснованным. Таким образом, Германия демонстрирует пример комплексного подхода: всеобщая обязательность медицинского страхования сочетается с детально регламентированными правами пациента на информацию, качество лечения и на обжалование решений как медицинских работников, так и страховых фондов. Благодаря этому немецкая система считается одной из наиболее ориентированных на интересы пациента. Не случайно именно опыт Германии часто изучается другими странами при реформировании их систем медстрахования

Соединенные Штаты Америки имеют существенно иную модель, исторически основанную на рынке частного медицинского страхования. В США отсутствует единый общенациональный обязательный план страхования для всех граждан – медицинское обеспечение складывается из множества программ. Большинство граждан получают страховку через работодателя (групповое частное страхование) либо приобретают индивидуальные полисы. Государство финансирует лишь отдельные категории: федеральные программы Medicare (для лиц старше 65 лет и некоторых инвалидов) и Medicaid (для малоимущих) обеспечивают страховкой около 35–40% населения. Тем не менее до недавнего времени свыше 15% американцев оставались вовсе без страхового покрытия, что означало для них затрудненный доступ к медпомощи из-за ее высокой стоимости. В 2010 г. был принят закон «О доступном медицинском обслуживании» (Affordable Care Act, ACA), направленный на расширение охвата: введены субсидии на приобретение полисов, расширены критерии участия в Medicaid, введено требование индивидуального мандата (обязательная покупка страховки под угрозой штрафа, позднее отмененного). Эти меры снизили долю незастрахованных, но полностью проблему не устранили – по разным оценкам, около 27–30 млн человек в США по-прежнему не имеют медстраховки даже после реформы ACA.

Что касается прав пациентов, в США нет единого федерального «билля о правах пациентов», однако множество законов на разных уровнях обеспечивают отдельные аспекты защиты. Например, еще в 1986 г. был принят федеральный закон EMTALA, обязывающий все отделения неотложной помощи оказывать экстренную медицинскую помощь всем пациентам, независимо от наличия страховки и способности оплатить, это де-факто гарантия минимального права на неотложную помощь. Закон HIPAA 1996 г. защитил конфиденциальность медицинских данных пациентов на национальном уровне. Право на информированное согласие и отказ от лечения регулируется законодательством штатов и общими принципами деликтного права

(случаи недобровольного лечения рассматриваются как нанесение вреда). После реформ ACA были введены и новые права страхователей: страховым компаниям запретили отказывать в страховом покрытии или повышать премии из-за имеющихся у человека заболеваний, установлены единые стандарты базового страхового плана. Таким образом, с точки зрения страхового регулирования ACA улучшил положение пациентов, устранив наиболее дискриминационные практики рынка. Однако отсутствие универсальной государственной системы означает, что реализация прав на плановую медицинскую помощь по-прежнему зависит от статуса страховки или финансовых возможностей пациента. В коммерческой модели США пациенты нередко уязвимы перед страховщиками: несмотря на государственное регулирование, страховые компании могут ограничивать объемы оплаты. Существует развитая система судебных исков по фактам врачебной ошибки (медицинской халатности), что служит механизмом защиты прав пациентов на качественную помощь, но в то же время ведет к явлению «дефенсивной медицины» (врачи назначают избыточные исследования из опасения судебных исков). В США также действуют пациентские организации и адвокационные группы, отстаивающие права больных с конкретными заболеваниями и в целом потребителей медицинских услуг. Сравнительные механизмы защиты прав пациентов в рассматриваемых странах представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Механизмы защиты прав пациентов

№	Страна	Внутрибольничные механизмы	Страховые/фонды	Государственные органы	Специфика
1	Казахстан	Службы поддержки пациентов	ФОМС (колл-центр)	Судебные органы	Жалобы чаще решаются внутри медорганизаций
2	Германия	Комиссии в больницах, пациентские советы	Больничные кассы	Социальные суды	Четкие процедуры компенсаций
3	США	Hospital Quality Office	Страховые компании	Суд, адвокатские группы	Большое влияние деликтного права
Примечание: Составлено авторами.					

В целом американская модель демонстрирует, что высокий уровень развития медицины и технологий не автоматически гарантирует равный доступ и реализацию прав всех слоев населения. Международные эксперты часто критикуют США за отсутствие всеобщего медстрахования. Тем не менее США имеют сильные стороны в защите отдельных прав пациентов: например, право на информацию и согласие строго соблюдается, существует богатая судебная практика по защите прав пострадавших пациентов, работают независимые аккредитационные комиссии, контролирующие качество медуслуг в больницах. Опыт США показывает важность баланса между рыночными механизмами и государственными гарантиями: без законодательного обеспечения универсальности страхования значительная часть населения оказывается исключенной из системы, что ставит под вопрос выполнение международных стандартов по праву на здоровье.

Заключение

Международно-правовое регулирование медицинского страхования и защиты прав пациента представляет собой многоуровневую систему норм и рекомендаций, формирующих единое направление развития национальных законодательств в сфере охраны здоровья. Глобальные стандарты, закрепленные в актах ООН, ВОЗ и Всемирной медицинской ассоциации, определяют фундаментальные параметры права на здоровье, тогда как региональные документы ЕС и Совета Европы предлагают более детализированные механизмы его реализации, включая инструменты трансграничной медицинской помощи и судебную защиту. Сопоставление данных стандартов с моделями Казахстана, Германии и США позволяет выявить тенденции и различия в обеспечении прав пациента и функционировании систем медицинского страхования.

Проведенный анализ показывает, что Казахстан в последние годы осуществляет поэтапный переход к комбинированной системе финансирования здравоохранения, опираясь на опыт государств с высокими стандартами медицинского страхования. Вместе с тем выявлены ключевые проблемы, требующие дальнейшего нормативного совершенствования. С учетом международной практики обоснованными представляются следующие направления реформ.

1) Необходимо законодательно конкретизировать полномочия служб поддержки пациентов и внутреннего контроля качества, ввести унифицированные стандарты рассмотрения жалоб, сроки ответов и обязанности медорганизаций по документированию обращений. Целесообразно рассмотреть возможность создания единого цифрового реестра жалоб и обращений пациентов с доступом для надзорных органов.

2) Сохраняющийся процент незастрахованных граждан ставит под угрозу принцип универсального охвата. Требуется совершенствовать механизм участия самозанятых и неформально занятых граждан, включая пониженные тарифы, льготные категории или гибкие схемы уплаты взносов, что практикуется в ряде стран ОЭСР.

3) Международные стандарты подчеркивают необходимость открытых бюджетов и общественного контроля. В Казахстане перспективным является расширение открытых данных Фонда социального медицинского страхования, а также регулярная публикация отчетов о финансировании видов помощи и эффективности расходования средств.

4) В Казахстане доля успешных судебных обращений пациентов остается сравнительно низкой. С учетом опыта Германии и стран ЕС целесообразно обеспечить более четкое регулирование медицинской экспертизы, бремени доказывания медицинской ошибки, а также предусмотреть альтернативные механизмы урегулирования споров, включая медиацию в сфере здравоохранения.

5) В условиях международной интеграции требуется дальнейшая гармонизация клинических протоколов и стандартов качества с рекомендациями ВОЗ, а также внедрение аккредитационных требований, ориентированных на безопасность пациента, что соответствует Токийской декларации 2018 г.

Помимо законодательных реформ, исследование выявило направления, требующие дальнейшего научного изучения, перспективными являются:

- оценка влияния ОСМС на финансовую защищенность населения;
- сравнительный анализ эффективности механизмов рассмотрения жалоб в Казахстане и странах ЕС;
- изучение роли цифровых технологий в обеспечении прозрачности системы медстрахования и защиты прав пациентов;
- исследование практик трансграничной медицинской помощи и их применимости в рамках ЕАЭС.

Результаты исследования подтверждают необходимость дальнейшей адаптации казахстанского законодательства к международным стандартам в области прав пациента и медицинского страхования. Комплексный подход – сочетание законодательных реформ, институционального развития и повышения прозрачности – позволит повысить устойчивость системы здравоохранения и обеспечить действенную реализацию права каждого гражданина на здоровье. Предложенные рекомендации могут служить практическим ориентиром для государственных органов, медицинских организаций и экспертного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1 Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001

2 Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2005 года № 87 «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000087

3 Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения от 22 июля 1946 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30242930

4 Жаппарова А.С. Правовое регулирование охраны здоровья в Казахстане: уроки прошлого и опыт настоящего // Право и государство. – 2021. – № 1(90). – С. 54–72

5 Ердавлетова Ф.К., Супугалиева Г.И., Баймуханова С.Б., Нурмухан А.К. Проблемы и пути повышения эффективности казахстанской модели финансирования здравоохранения на основе ОМС // The Journal of Economic Research & Business Administration. 2023. No. 4(146). P. 64–74. DOI: 10.26577/be.2023.v146.i4.06.

6 Podlaski A. Toward an International Constitution of Patient Rights // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2016. Vol. 23. No. 2. P. 893–924.

7 Sperling D., Pikkel R.B. Promoting patients' rights through hospital accreditation // Israel Journal of Health Policy Research. 2020. Vol. 9. Article 47. P. 1–14. DOI: 10.1186/s13584-020-00405-1

8 Лиссабонская декларация о правах пациента от сентября/октября 1981 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1031922

9 Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе от 28–30 марта 1994 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1037781

10 Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34496280&pos=4;-116#pos=4;-116

11 Акбар А. Опыт финансирования медицинского страхования за рубежом и возможности его использования в Республике Казахстан // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 2(56). DOI: 10.23670/IRJ.2017.56.089

REFERENCES

1 Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka ot 10 dekabrja 1948 goda. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001 (In Russian).

2 Zakon Respubliki Kazahstan ot 21 nojabrja 2005 goda № 87 «O ratifikacii Mezhdunarodnogo pakta ob jekonomicheskih, social'nyh i kul'turnyh pravah». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000087 (In Russian).

3 Ustav (Konstitucija) Vsemirnoj organizacii zdravoohranenija ot 22 ijulja 1946 goda. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30242930 (In Russian).

4 Zhapparova A.S. (2021) Pravovoe regulirovanie ohrany zdorov'ja v Kazahstane: uroki proshlogo i opyt nastojashhego // Pravo i gosudarstvo. No. 1(90). P. 54–72. (In Russian).

5 Erdavletova F.K., Supugalieva G.I., Bajmuhanova S.B., Nurmuhan A.K. (2023) Problemy i puti povyshenija jeffektivnosti kazahstanskoj modeli finansirovanija zdravoohranenija na osnove OMS // The Journal of Economic Research & Business Administration. No. 4(146). P. 64–74. DOI: 10.26577/be.2023.v146.i4.06 (In Russian).

6 Podlaski A. (2016) Toward an International Constitution of Patient Rights // Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 23. № 2. P. 893–924. (In English).

7 Sperling D., Pikkel R.B. (2020) Promoting patients' rights through hospital accreditation // Israel Journal of Health Policy Research. Vol. 9. Article 47. P. 1–14. DOI: 10.1186/s13584-020-00405-1 (In English).

8 Lissabonskaya deklaraciya o pravah pacienta ot sentyabrya/oktyabrya 1981 goda // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1031922 (In Russian).

9 Deklaracija o politike v oblasti obespechenija prav pacienta v Evrope ot 28–30 marta 1994 goda. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1037781 (In Russian).

10 Konvencija o zashhite prav i dostoinstva cheloveka v svjazi s primeneniem dostizhenij biologii i mediciny: Konvencija o pravah cheloveka i biomedicine ot 4 aprelja 1997 goda. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34496280&pos=4;-116#pos=4;-116 (In Russian).

11 Akbar A. (2017) Opyt finansirovanija medicinskogo strahovanija za rubezhom i vozmozhnosti ego ispol'zovanija v Respublike Kazahstan // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. No. 2(56). DOI: 10.23670/IRJ.2017.56.089 (In Russian).

СУЛТАНОВА Н.Т.,*[1]
докторант.
*e-mail: nargiz_89-11@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-7384-9475
САЙРАМБАЕВА Ж.Т.,[1]
з.ғ.к., доцент.
e-mail: zhuldyz.sairambaeva@kaznu.kz
ORCID ID: 0000-0002-8213-8622
МУЙОВИЧ Х.,[2]
PhD, профессор.
e-mail: hmujovic@idn.org.rs
ORCID ID: 0000-0002-2207-0507
[1]әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Казақстан
[2]Қоғамдық ғылымдар институты,
Белград қ., Сербия

ДЕНСАУЛЫҚТЫ САҚТАНДЫРУ ЖӘНЕ ПАЦИЕНТТІҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУДЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ: ЖАҺАНДЫҚ ЖӘНЕ АЙМАҚТЫҚ СТАНДАРТТАРҒА САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Аңдатпа

Мақала денсаулық сақтау саласындағы жаһандық және аймақтық стандарттарды қалыптастыру жағдайында медициналық сақтандыруды халықаралық құқықтық реттеуге және пациенттердің құқықтарын қорғауға арналған. Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы, экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пакт және дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының Конституциясын қоса алғанда, медициналық көмек пен әлеуметтік қорғау құқығын бекітетін әмбебап халықаралық актілер қарастырылады. Өңірлік деңгейде Еуропалық Одақ, Еуропа Кеңесі және Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының Еуропалық құжаттары талданады, онда медициналық қызметтерге тең қолжетімділік пен пациенттердің құқықтарын тиімді қорғау қажеттігі атап өтіледі. Жұмыста Қазақстан, Германия және АҚШ мысалында медициналық сақтандыру мен пациенттердің мүдделерін қорғауды құқықтық қамтамасыз етудің ұлттық үлгілері салыстырылады. Автор міндетті және ерікті сақтандыру жүйелерінің айырмашылығын, денсаулық сақтауды қаржыландыруға мемлекеттің қатысу дәрежесін, пациенттердің құқықтарын сақтау кепілдіктерін, сондай-ақ оларды бұзғаны үшін заңды жауапкершілік тетіктерін талдайды. Халықаралық және өңірлік стандарттар денсаулық сақтау және пациенттердің құқықтарын қорғау саласындағы тәсілдерді біріздендіру үшін негіз жасайтыны, бірақ олардың іс жүзінде жүзеге асырылуы көбінесе әлеуметтік-экономикалық жағдайларға, ұлттық заңнаманың даму деңгейіне және мемлекеттердің халықаралық ынтымақтастыққа дайындығына байланысты екені атап өтілген. Пациенттердің құқықтарын қорғаудың кешенді сипатын қамтамасыз ететін және медициналық сақтандыру жүйесін нығайтуға мүмкіндік беретін халықаралық нормалар мен ұсыныстарды ескере отырып, ұлттық заңнамалық базаны жетілдірудің маңыздылығы туралы қорытынды жасалды.

Тірек сөздер: халықаралық құқық, медициналық сақтандыру, пациенттердің құқықтары, денсаулықты қорғау, халықаралық стандарттар.

SULTANOVA N.T.,*[1]
PhD candidate.
*e-mail: nargiz_89-11@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-7384-9475
SAIRAMBAEVA ZH.T.,[1]
c.l.s., associate professor.
e-mail: zhuldyz.sairambaeva@kaznu.kz
ORCID ID: 0000-0002-8213-8622
MUJOVIC H.,[2]
PhD, professor.
e-mail: hmujovic@idn.org.rs
ORCID ID: 0000-0002-2207-0507
[1]Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan
[2]Institute of social sciences,
Belgrade, Serbia

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF HEALTH INSURANCE AND PROTECTION OF PATIENT RIGHTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GLOBAL AND REGIONAL STANDARDS

Abstract

The article is devoted to the international legal regulation of health insurance and protection of patient rights in the context of the formation of global and regional standards in the field of health care. Universal international acts that enshrine the right to medical care and social protection are considered, including the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and the Constitution of the World Health Organization. At the regional level, the documents of the European Union, the Council of Europe and the World Health Organization for Europe are analyzed, which emphasize the need for equal access to medical services and effective protection of patients' rights. The work compares national models of health insurance and legal support for the protection of patients' interests using the example of Kazakhstan, Germany and the USA. The author analyzes the differences between compulsory and voluntary insurance systems, the degree of state participation in health care financing, guarantees of compliance with patients' rights, as well as mechanisms of legal liability for their violation. It is noted that international and regional standards create a basis for unifying approaches in the field of health care and protection of patients' rights, but their practical implementation largely depends on socio-economic conditions, the level of development of national legislation and the readiness of states for international cooperation. A conclusion is made about the importance of improving the national legal framework taking into account international norms and recommendations, which will ensure a comprehensive nature of the protection of patient rights and strengthen the health insurance system.

Keywords: international law, health insurance, patient rights, health care, international standards.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.10.2025

IRSTI 10.87.17
UDC 341
JEL K33

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-237-247

ZHAKSYLYKBAYEVA A.A.,*[1]
PhD candidate.
*e-mail: zhaksylykbayeva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2646-456X
SULEIMENOVA S.Zh.,[2]
d.l.s., professor.
e-mail: saule.suleimenova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6754-9255
[1]Turan University,
Almaty, Kazakhstan
[2]Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan

LEGAL REGULATION OF DIGITAL ASSETS WITHIN INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Abstract

The study explores the evolving international regulation of digital assets and the harmonization of global standards aimed at ensuring transparency and mitigating risks to the global financial system. Its main objective is to analyze the policies and legal frameworks developed by key international organizations – The Financial Action Task Force (hereinafter – the FATF), International monetary fund (hereinafter – IMF), The Basel Committee on Banking Supervision regulation (hereinafter – BCBS), The international organization of securities commissions (hereinafter – IOSCO), and Organisation for Economic Co-operation and Development regulations (hereinafter – OECD) – and to assess Kazakhstan's compliance with these standards. The research employs comparative legal analysis, synthesis, and normative methods to evaluate the interaction between international recommendations and national regulation. The paper highlights that the FATF focuses on AML/CFT measures, the IMF emphasizes financial stability and legal certainty, the BCBS introduces prudential standards for banking exposure to cryptoassets, IOSCO advocates investor protection and market integrity, while the OECD stresses taxation and information exchange. Through detailed comparative tables, the author demonstrates how Kazakhstan integrates these global standards, particularly through the AIFC framework, though national regulation outside the AIFC remains underdeveloped. The research is both scientifically and practically significant, offering a structured understanding of international approaches and their influence on Kazakhstan's digital asset regulation. Its contribution lies in mapping the convergence of global and national legal norms, providing policymakers and regulators with guidance to enhance compliance, stability, and investor protection in the digital asset market.

Keywords: international law, financial action, international monetary fund, digital assets, cooperation, development.

Introduction

The international regulation of digital assets is rapidly evolving, reflecting the dynamic nature of global financial innovation and the challenges it poses to traditional regulatory frameworks. The growing complexity of digital asset markets has prompted international organizations to develop unified standards aimed at ensuring transparency, mitigating systemic risks, and strengthening global financial stability. Harmonization of these standards has become a central priority, as inconsistencies between national regimes can lead to regulatory arbitrage and increase vulnerabilities in cross-border transactions. Institutions such as the FATF, IMF, BCBS, IOSCO, and OECD play a pivotal role in shaping the normative and institutional foundations for digital asset governance. Their coordinated efforts establish a framework upon which countries, including Kazakhstan, can build effective national regulations aligned with international best practices.

Materials and methods

In this article, official documents of international organizations such as FATF, IMF, BCBS, IOSCO, FSB were examined. These are the following documents: Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and VASPs (2019, updated in 2023), IMF Policy Paper on Elements of Effective Policies for Crypto Assets (2023), Prudential treatment of cryptoasset exposures (2022), IOSCO Policy Recommendations for Crypto and Digital Asset Markets (2023) and Crypto-Asset Reporting Framework (CARF, 2022).

The following methods were also used in the research: comparative legal analysis, generalization and synthesis, analytical method, normative approach.

The comparative legal analysis was used to examine the approaches of international organizations (FATF, IMF, BCBS, IOSCO, OECD) to the regulation of digital assets, as well as to compare these approaches with the national legislation of the Republic of Kazakhstan. Within this method: definitions of digital assets and legal constructs used by different jurisdictions were compared; differences in AML/CFT requirements, supervision, licensing, prudential regulation, and disclosure obligations were examined; provisions of international documents were compared with Kazakhstani legislation, including the Law "On Digital Assets," the Law on AML/CFT, the Tax Code, and regulatory acts of the AIFC. This analysis made it possible to determine the degree of harmonization between national legislation and international standards, as well as to identify existing gaps and inconsistencies. The methods of generalization and synthesis were applied to integrate information from various sources – international documents, national legal acts, academic research, and analytical materials. The analytical method was aimed at identifying cause-and-effect relationships in digital asset regulation, assessing the effectiveness of existing legal norms, and analyzing legal risks. The normative approach was used to examine the existing legal framework of the Republic of Kazakhstan and relevant international legal instruments. Within this approach, the following were analyzed: the Law of the Republic of Kazakhstan "On Digital Assets"; the Law "On Combating Money Laundering and Terrorist Financing"; the Tax Code (regarding taxation of income from digital assets and mining); acts of the National Bank and the Financial Monitoring Agency; AIFC regulatory acts (AFSA – Cryptoasset Framework); international standards and recommendations issued by FATF, IMF, BCBS, IOSCO and OECD.

Results and discussion

In this paper, we will try to analyze the main players represented by international organizations in the field of digital asset regulation. One of the international associations that drew attention to and developed special standards in the field of digital assets was the FATF.

The FATF recommendations

The FATF's framework for regulating digital assets is centered around the fundamental objective of preventing the misuse of virtual assets and the service providers that facilitate their use for money laundering and terrorist financing.

The FATF defines digital assets as «virtual assets». The authors agree with this position, since in reality digital assets do not have a material appearance, but exist only in the virtual world, but at the same time have their own value.

The FATF considers two key points: «virtual assets», which it defines as «a digital representation of value that can be transferred, stored, or exchanged digitally, and that is used for payments or investments» and «digital service providers» which are «legal entities and/or individuals who are directly involved in: exchange between virtual assets and fiat currencies; exchange between one or more forms of virtual assets; transfer of virtual assets; safekeeping and/or administration of virtual assets or instruments enabling control over virtual assets; participation in and provision of financial services related to an issuer's offer and/or sale of a virtual asset» [1].

The FATF regularly reviews the implementation of these standards by States.

For example, FATF conducted mutual evaluation report of the Republic of Kazakhstan. Report evaluates Kazakhstan's adherence to the FATF Recommendations and the overall effectiveness of its AML/CFT framework and offers recommendations for enhancing the country's national system for combating money laundering and terrorist financing. In this Report FATF noted that Kazakhstan

undertakes significant efforts to identify, assess, and understand national risks related to money laundering and terrorist financing, as well as to develop appropriate mitigation measures [2].

As part of our commitment to comply with the recommendation regarding illicit activities, we also wish to draw attention to the methodological guidelines [3] for detecting illicit transactions involving digital assets. These guidelines outline the distinctive characteristics and indicators of illicit transactions involving digital assets for financial monitoring entities.

These guidelines were created to assist financial monitoring entities in identifying suspicious transactions involving digital assets. Financial monitoring entities are encouraged to analyze the online space, including platforms such as Instagram, Facebook, Telegram, YouTube, Instagram, Twitter, and other potential sources, to gather additional information about customers and digital assets.

The authors believe that these guidelines represent a significant step forward in identifying suspicious transactions involving digital assets. They provide financial monitoring entities with a valuable tool to rely on.

The Financial Action Task Force does not create its own legal framework, but its guidelines are mandatory for member nations. Failure to adhere to these guidelines can lead to:

1. being placed on the FATF's grey or blacklist,
2. imposition of restrictions on international transactions,
3. a decline in the investment environment and so on.

As Georgios Pavlidis asserts, and we concur that FATF regulations constitute an appropriate reaction to the dangers of money laundering and terrorist financing associated with digital assets. However, it is crucial that these regulations are implemented rigorously, uniformly, and efficiently at the national level [4].

In the Explanatory Note to FATF Recommendation 15 ("New Technologies"), it is emphasized that countries should treat virtual assets as "property," "income," "funds," "funds or other assets," or "other corresponding value" [5]. This approach is reflected directly in the legislation of Kazakhstan: pursuant to Article 115(2) of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (27 December 1994), digital assets are classified as "property" [6]. Thus, Kazakhstan demonstrates compliance with this component of the FATF standards.

A core FATF requirement aimed at mitigating and managing risks associated with the circulation of digital assets is the obligation to license and register virtual asset service providers (VASPs). Under Kazakh legislation, a comparable category is represented by "digital asset exchanges" as defined in Article 15 of the Law on Digital Assets of 6 February 2023 [7]. Accordingly, it is necessary to assess the extent to which the concepts of "virtual asset service provider" and "digital asset exchange" correspond to each other.

Pursuant to Article 1(1) of the Law on Digital Assets, a digital asset exchange is defined as a digital platform providing organizational and technical support for trading, issuance, circulation, and storage of digital assets [7]. By contrast, the FATF Glossary [5] defines a virtual asset service provider as any natural or legal person that, as a business, conducts one or more of the following activities on behalf of another natural or legal person:

(i) exchange between virtual assets and fiat currencies;

(ii) (ii) exchange among one or more forms of virtual assets;

(iii) (iii) transfer of virtual assets;

(iv) (iv) safekeeping and/or administration of virtual assets or instruments enabling control over virtual assets; and

(v) (v) participation in and provision of financial services related to an issuer's offer and/or sale of a virtual asset.

It should be acknowledged that the definition set out in the Law on Digital Assets is relatively narrow and does not fully capture the substantive scope of activities performed by digital asset exchanges when compared to the FATF standards. Therefore, the authors consider it appropriate to amend Article 1(1) of the Law on Digital Assets to align it more closely with the FATF definition.

Overall, the FATF Recommendations largely correspond to the national legislation of the Republic of Kazakhstan; however, certain aspects require further refinement and harmonization.

IMF policy paper (2023)

The next equally important international organization is the International Monetary Fund.

The IMF has developed Policy Paper on Elements of Effective Policies for Crypto Assets (Feb 2023) [8].

The main 9 elements that the IMF is acutely aware of are that:

1. States should not recognize «crypto assets» as an official means of payment.
2. Transfers using crypto assets can circumvent currency controls by masking cross-border flows, so countries need to apply currency control measures even for digital assets.
3. States need to analyze and disclose financial risks and apply an unambiguous tax regime for «crypto assets» (The IMF also pays close attention to the legal classification and definition of the legal nature of digital assets and notes that this would significantly affect its further development).
4. States should establish legal certainty regarding crypto assets and eliminate legal risks (the IMF also calls for uniformity in defining the legal nature of digital assets between countries).
5. States should develop and enforce prudential, conduct, and oversight requirements for all participants in the digital asset space.
6. States should establish a joint monitoring system for various institutions and departments.
7. States should unite and create international cooperation mechanisms to strengthen oversight and ensure compliance with rules related to digital assets (the authors agree with this recommendation since the turnover of digital assets is transnational in nature, and international cooperation in this matter is indisputable).
8. States should monitor the impact of crypto assets on the stability of the International Monetary System.
9. States should strengthen global cooperation to develop digital infrastructure and alternative solutions for cross-border payments and financing.

The IMF does not recommend countries to recognize cryptocurrencies (for example, Bitcoin) as legal tender or official currency [8]. This approach is particularly clear in the assessment of the situation in El Salvador and the Central African Republic, where bitcoin has been recognized as legal tender. Some researchers emphasize that for a cryptocurrency to become a «real currency», it takes much more than giving it a legitimate status. Technological, social, and coordination barriers need to be overcome [9].

The formation of approaches to regulating digital assets in Kazakhstan was carried out considering the recommendations of key international organizations: FATF, IOSCO, IMF, BIS, as well as based on the best international practices – the provision of MiCA regulations in the EU.

Let us examine the case of Kazakhstan and assess its adherence to and implementation of the aforementioned aspects of the IMF (table 1).

Tabel 1 – Kazakhstan's implementation of the IMF policy elements on crypto assets

№	IFM Elements	Kazakhstani approaches
1	1st element	Crypto assets are not officially recognized as a legal means of payment. The national currency is only tenge.
2	2nd element	Supervision of cryptocurrency transactions is mainly carried out within the framework of the AIFC (AFSA). The National Bank of Republic of Kazakhstan does not yet have sufficient tools to assess systemic risks outside the AIFC area.
3	3rd element	Digital Assets Law defines public and secured digital assets, as well as the status of miners, operators and platforms. However, there is no regulation of DeFi, NFT and stablecoins.
4	4th element	A tax on mining operations, calculated based on energy usage, has been implemented [10].
5	5th element	An advanced regulatory sandbox (FinTech Lab) operates within the AIFC. Outside the MFC, supervision is weak [11].
6	6th element	Proceeds from transactions with crypto assets, especially those involving foreign platforms, can bypass currency and tax controls.
7	7th element	The digital tenge is being piloted [12]. And it issued by National Bank of Republic of Kazakhstan.
8	8th element	Kazakhstan participates in the EAEU, FATF working groups and cooperates with BIS, but there is no direct agreement on data exchange with large jurisdictions (for example, the USA, the EU).
9	9th element	Participants in the digital market in the AIFC are required to comply with KYC/AML requirements, but outside the AIFC, the platform and users remain outside the scope of control.
Note: Compiled by the authors.		

In the table above, it can be observed that the IMF standards have been implemented to a sufficient extent within the AIFC framework. However, oversight must also be ensured within the national legislation. When referring to Article 12 of the Law on Digital Assets [7], this provision is limited to stating that state oversight in the field of digital assets is carried out in the form of inspections in accordance with the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan.

Nevertheless, Article 12 of the Law on Digital Assets could be expanded by providing more specific powers of the state authority in the area of oversight and monitoring.

To conclude, we would like to emphasize that Kazakhstan is committed to adhering to the standards set by the IMF and this commitment is not in vain.

BCBS policy

BCBS governs the circulation of digital assets by implementing a framework that emphasizes banks' ability to withstand risks related to crypto assets. This framework is achieved through the establishment of standards for capital requirements for digital assets.

BCBS' approach to crypto assets is based on the perspective of banking risk, rather than the overall market. It imposes strict capital requirements for high-risk assets and aims to minimize banks' exposure to them.

BCBS divides crypto assets into two main groups [13]:

Group 1 – Assets that meet recognition criteria (including stability, regulation), (tokenized traditional assets, certain stablecoins);

Group 2 – All other cryptoassets (high-risk, volatile, lacking intrinsic support), (Bitcoin, Ether, DeFi tokens, NFTs, etc.)

Banks in the Republic of Kazakhstan do not currently have permission to work directly with crypto assets outside of the AIFC. This makes it difficult to implement capital requirements currently.

But there are Rules and mechanisms of cooperation of Unbacked Digital Asset Exchanges and/or Centre Participants authorized to carry out digital assets-related activities with second-tier bank of the Republic of Kazakhstan, which sets the rules and mechanisms of interaction between digital assets exchanges and second tier banks [14]. It means that digital assets exchanges registered under AIFC may open bank accounts by second-tier banks of the Republic of Kazakhstan.

BCBS also pays attention to the issuance of stablecoins. Some states may grant authority to issue stablecoins to the banks as it did to issue banknotes [15].

The National Bank of Kazakhstan has announced the commencement of a pilot initiative to issue a tenge-backed stablecoin as part of its digital assets regulatory sandbox. The stablecoin was introduced by Intebix – a digital asset exchange licensed in the AIFC – in partnership with Solana, Mastercard, and Eurasian Bank.

The IOSCO regulations

IOSCO plays a significant role in establishing global standards for the regulation of securities markets, including digital assets.

IOSCO takes a balanced approach: not to ban, but to regulate. The main principle is the «same activity – same risk – same regulation» approach, meaning that digital assets and platforms should be regulated in the same way as traditional assets that carry similar risks. Recommendations are not mandatory, but they serve as a basis for the development of national regulatory regimes. They affect jurisdictions that are guided by international standards (for example, AIFC in Kazakhstan).

The main document in the field of digital assets developed by IOSCO is Policy recommendations on crypto and digital assets. IOSCO has presented 18 recommendations on the regulation of digital asset markets in Policy.

The 18 IOSCO recommendations focus on six main areas aligned with IOSCO's core standards:

1. Managing conflicts of interest that result from combining multiple activities or functions within the same entity.
2. Preventing market abuse, such as manipulation, insider trading, and fraudulent behavior.
3. Addressing cross-border challenges and enhancing cooperation among international regulators.
4. Safeguarding client assets and ensuring secure custody of digital holdings.
5. Mitigating operational and technological risks, including system failures and cybersecurity threats.
6. Protecting retail investors, with attention to product suitability, access controls, and distribution practices [16].

In Kazakhstan, these recommendations are partially implemented through the AIFC and pilot regimes, but national legislation is still lagging in many areas, especially outside the AIFC area.

But recently, the AIFC is regarded internationally as a frontrunner in adopting and applying IOSCO's regulatory standards for digital assets [17].

The OECD regulations

The primary areas of control for digital assets within the OECD framework.

Taxation of digital assets. The OECD has developed guidelines and recommendations on taxation of crypto assets aimed at eliminating tax inequalities and preventing tax evasion. The key is to ensure transparency and exchange of tax information between countries (like the CRS – Common Reporting Standard project).

Anti-Money Laundering (AML) and Terrorist Financing (CFT). The OECD is working closely with the FATF (Financial Action Task Force on Money Laundering) to implement effective AML/CFT standards in the crypto industry. The FATF recommendations in the field of «Customer Travel» (Travel Rule) are actively supported and implemented by OECD members [18].

Regulatory cooperation and coordination. The OECD promotes the exchange of experience and the harmonization of approaches between states to develop a common line in regulating crypto assets, including licensing and supervision issues.

Investor and consumer protection. Recommendations are being developed to ensure the legal protection of users of cryptocurrencies and tokens, as well as to minimize the risks of fraud and market abuse.

Technological and operational sustainability. The need to implement security standards and risk management related to distributed ledger technologies and smart contracts is emphasized.

Below is a table with an assessment of Kazakhstan's compliance with the main areas of regulation of crypto assets according to OECD standards, indicating regulations and examples from practice:

Table 2 – Kazakhstan's compliance with the main areas of regulation of crypto assets according to OECD standards

Regulatory Area	Status in Kazakhstan	Key Legal Acts and Initiatives	Comments and Practice Examples
Taxation of Digital Assets	Partially regulated	Tax Code of Kazakhstan [10]	A tax on mining operations; income of a person engaged in digital mining, a digital mining pool, a digital asset exchange; tax on income from value gains in the sale of digital assets [10]
AML/CFT Measures	Implemented with reservations	Counteracting Legalization of Criminal Proceeds Law [19]	Rules apply to crypto operators, but the sector is still partially covered and indirectly regulated [19]
Regulatory Cooperation	Active participation, limited domestic implementation	Kazakhstan's participation in FATF, OECD, AIFC	AIFC has created an advanced special regime, but coordination at the national level remains weak [20]
Investor and Consumer Protection	Underdeveloped	Lack of specific laws protecting crypto investors	No mandatory disclosure or compensation requirements; fraud risk remains high
Technological Resilience	Early development stage	National cybersecurity standards, data protection projects	No comprehensive mandatory requirements for operational resilience and crypto service security
Overall	Partial compliance, further development needed	Active work by AIFC, evolving legal framework	Kazakhstan is moving in the right direction but needs a unified national strategy
Note: Compiled by the authors.			

The comparative assessment of Kazakhstan's regulatory framework for digital assets against OECD standards demonstrates that the country has achieved partial compliance, with meaningful

progress in certain areas – particularly taxation and AML/CFT measures – yet still faces substantial gaps in investor protection, regulatory coordination, and technological resilience.

Kazakhstan has adopted several important legal instruments, including amendments to the Tax Code [10], the Law on Counteracting Legalization of Criminal Proceeds [19], and a number of sector-specific orders and methodological guidelines. Additionally, the AIFC has established a relatively advanced regulatory environment that aligns with international standards and promotes the development of crypto-asset markets. However, the national-level regulatory system remains fragmented, with overlapping competencies, limited enforcement mechanisms, and insufficiently detailed provisions defining the powers of state authorities, including oversight and supervision procedures.

Conclusion

The comparative overview of international organizations demonstrates that the regulation of digital assets remains a complex, multidimensional, and rapidly evolving field. Governance in this sphere is shaped through a combination of binding rules and soft-law instruments developed by leading international bodies. Each organization approaches digital asset regulation through its own institutional mandate: the FATF prioritizes anti-money-laundering and counter-terrorism financing; the IMF focuses on macro-financial stability and policy coordination; the Basel Committee develops prudential standards for banks' exposure to crypto assets; IOSCO promotes market integrity and investor protection; and the OECD concentrates on taxation, transparency, and cross-border information exchange. Collectively, these frameworks form an interconnected global regulatory architecture aimed at enhancing transparency, accountability, and legal certainty in the digital asset ecosystem.

While the scope and legal force of these standards differ, their cumulative influence drives member states – including Kazakhstan – to progressively align national regulatory mechanisms with internationally recognized principles. This process of harmonization is essential to building trust in digital markets, mitigating systemic risks, and ensuring the safe integration of digital assets into the global financial system.

However, the assessment of Kazakhstan's compliance with OECD and other international standards reveals that the country is still at a partial alignment stage. Although important progress has been made – such as taxation of mining activities, AML/CFT obligations for certain digital asset operators, and the development of inspection checklists, the national regulatory framework remains fragmented. Article 12 of the Law on Digital Assets provides only a narrow definition of state oversight, limiting it to inspections under the Entrepreneurial Code, without specifying broader supervisory or enforcement powers.

To enhance Kazakhstan's alignment with international best practices, especially OECD, FATF, and IOSCO standards, the following reforms are recommended:

Change article 12 of the Law on Digital Assets to clearly define: the full spectrum of supervisory tools (monitoring, thematic reviews, risk-based inspections), the authority to conduct compliance audits and request information, enforcement measures, including administrative penalties, temporary suspension of operations, and license revocation.

Strengthening investor and consumer protection. Implement mandatory risk disclosure, segregation of client assets, operational transparency requirements, and mechanisms of redress or compensation in cases of fraud or platform failures.

Enhance interagency coordination. Establish a unified national mechanism (or interagency council) to synchronize regulatory actions between the National Bank, Agency for Financial Monitoring, Ministry of Digital Development, and other bodies.

In summary, Kazakhstan is progressing toward the international regulatory mainstream but requires a more robust, coherent, and forward-looking framework to fully comply with evolving global standards. Strengthening state oversight powers, enhancing national coordination, and adopting comprehensive consumer protection and technological resilience measures will position Kazakhstan to regulate digital assets effectively and sustainably within the global regulatory architecture.

REFERENCES

1 FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris, FATF, 2021. URL: https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Updated-Guidance-RBA-VA-VASP.html (accessed: 04.05.2025)

2 FATF. Mutual Evaluation Report of the Republic of Kazakhstan. 2023. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/fsrb-mer/Kazakhstan-EAG-Mutual-Evaluation-023.pdf (accessed: 04.05.2025)

3 Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу от 22 декабря 2022 года № 425-НҚ «Об утверждении Методических рекомендаций по выявлению незаконных операций с использованием цифровых активов». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32028862 (accessed: 04.05.2025)

4 Pavlidis G. International Regulation of Virtual Assets under FATF's New Standards // Journal of Investment Compliance. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 1–8. DOI: 10.2139/ssrn.4577857.

5 FATF. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. Paris, FATF, 2012–2025. URL: www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html (accessed: 04.05.2025)

6 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27.12.1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 2012 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1017157 (дата обращения: 04.05.2025)

7 Закон Республики Казахстан «О цифровых активах» от 6 февраля 2023 года № 193-VII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33689356 (accessed: 04.05.2025)

8 IMF. 2023 Review of The Fund's Anti-Money Laundering and Combating The Financing of Terrorism Strategy // Policy Papers. 2023. No. 052. DOI: 10.5089/9798400258763.007.

9 Alvarez F. et al. Are Cryptocurrencies Currencies? Bitcoin as Legal Tender in El Salvador. Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research (NBER Working Paper No. 29968). 2022.

10 Налоговый кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36148637 (accessed: 05.04.2025)

11 The rise of the digital asset industry was discussed at Astana Finance Days. URL: https://aifc.kz/news/the-rise-of-the-digital-asset-industry-was-discussed-at-astana-finance-days/ (accessed: 05.04.2025)

12 Национальный Банк Республики Казахстан. Digital Tenge. URL: https://nationalbank.kz/ru/page/Digital-Tenge (accessed: 05.04.2025)

13 Basel Committee on Banking Supervision. Prudential treatment of cryptoasset exposures. 2022. URL: https://www.bis.org/bcbs/publ/d545.htm (accessed: 20.04.2025)

14 AIFC. Rules and mechanisms of cooperation of Unbacked Digital Asset Exchanges and/or Centre Participants authorized to carry out digital assets-related activities with second-tier banks of the Republic of Kazakhstan (AIFC Rules No. FR00063 dated 20.04.2023).

15 Wong M.C.S., Chan E.K.H., Yousaf I. CBDCs, Regulated Stablecoins and Tokenized Traditional Assets under the Basel Committee Rules on Cryptoassets. 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4936771

16 IOSCO. Policy Recommendations for Crypto and Digital Asset Markets. Final Report. 2023. URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD747.pdf (accessed: 09.09.2025)

17 AIFC recognised among global leaders in implementing IOSCO digital asset standards. URL: https://aifc.kz/news/aifc-recognised-among-global-leaders-in-implementing-iosco-digital-asset-standards/ (accessed on: 24.10.2025)

18 OECD. Money Laundering and Terrorist Financing Awareness Handbook for Tax Examiners and Tax Auditors. Paris, OECD Publishing, 2019. DOI: 10.1787/abb43fc8-en.

19 Закон Республики Казахстан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 28 августа 2009 г. № 191-IV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30466908 (accessed: 12.05.2025)

20 AIFC Rules No. FR00063 dated 11.12.2023 (с изм. по состоянию на 17.05.2024). – URL: https://orderly.myafsa.com/api/pdf?articleId=a000100020002000V (accessed: 20.11.2025)

REFERENCES

1 FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris, FATF, 2021. URL: https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Updated-Guidance-RBA-VA-VASP.html (accessed: 04.05.2025). (In English).

2 FATF. Mutual Evaluation Report of the Republic of Kazakhstan 2023. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/fsrb-mer/Kazakhstan-EAG-Mutual-Evaluation-023.pdf (accessed: 04.05.2025). (In English).

3 Prikaz Predsedatelja Agentstva Respubliki Kazahstan po finansovomu monitoringu ot 22 dekabrja 2022 goda No. 425-NҚ «Ob utverzhdenii Metodicheskih rekomendacij po vyjavleniju nezakonnyh operacij s ispol'zovaniem cifrovyh aktivov». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32028862 (accessed: 04.05.2025). (In Russian).

4 Pavlidis G. (2020) International Regulation of Virtual Assets under FATF's New Standards // Journal of Investment Compliance. Vol. 21. No. 1. P. 1–8. DOI: 10.2139/ssrn.4577857. (In English).

5 FATF. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. Paris, FATF, 2012–2025. URL: www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html (accessed: 04.05.2025). (In English).

6 Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast') ot 27.12.1994 g. (s izm. i dop. po sostojaniju na 2012 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1017157 (data obrashhenija: 04.05.2025). (In Russian).

7 Zakon Respubliki Kazahstan «O cifrovyh aktivah» ot 6 fevralja 2023 goda No. 193-VII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33689356 (accessed: 04.05.2025). (In Russian).

8 IMF. 2023 Review of The Fund's Anti-Money Laundering and Combating The Financing of Terrorism Strategy. Policy Papers 2023. No. 052. 2023. DOI: 10.5089/9798400258763.007. (In English).

9 Alvarez F. et al. (2022) Are Cryptocurrencies Currencies? Bitcoin as Legal Tender in El Salvador. Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research (NBER Working Paper No. 29968). (In English).

10 Nalogovyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 25 dekabrja 2017 goda No. 120-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36148637 (accessed: 05.04.2025). (In Russian).

11 The rise of the digital asset industry was discussed at Astana Finance Days. URL: https://aifc.kz/news/the-rise-of-the-digital-asset-industry-was-discussed-at-astana-finance-days/ (accessed: 05.04.2025). (In English).

12 Nacional'nyj Bank Respubliki Kazahstan. Digital Tenge. URL: https://nationalbank.kz/ru/page/Digital-Tenge (accessed: 05.04.2025). (In Russian).

13 Basel Committee on Banking Supervision. Prudential treatment of cryptoasset exposures. 2022. URL: https://www.bis.org/bcbs/publ/d545.htm (accessed: 20.04.2025). (In English).

14 AIFC. Rules and mechanisms of cooperation of Unbacked Digital Asset Exchanges and/or Centre Participants authorized to carry out digital assets-related activities with second-tier banks of the Republic of Kazakhstan (AIFC Rules No. FR00063 dated 20.04.2023). (In English).

15 Wong M.C.S., Chan E.K.H., Yousaf I. (2024) CBDCs, Regulated Stablecoins and Tokenized Traditional Assets under the Basel Committee Rules on Cryptoassets. DOI: 10.2139/ssrn.4936771 (In English).

16 IOSCO. Policy Recommendations for Crypto and Digital Asset Markets. Final Report. 2023. URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD747.pdf (accessed: 09.09.2025). (In English).

17 AIFC recognised among global leaders in implementing IOSCO digital asset standards. URL: https://aifc.kz/news/aifc-recognised-among-global-leaders-in-implementing-iosco-digital-asset-standards/ (accessed on: 24.10.2025). (In English).

18 OECD. Money Laundering and Terrorist Financing Awareness Handbook for Tax Examiners and Tax Auditors. Paris, OECD Publishing, 2019. DOI: 10.1787/abb43fc8-en. (In English).

19 Zakon Respubliki Kazahstan «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma» ot 28 avgusta 2009 g. № 191-IV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30466908 (accessed: 12.05.2025). (In Russian).

20 AIFC Rules No. FR00063 dated 11.12.2023 (с изм. по состоянию на 17.05.2024). – URL: https://orderly.myafsa.com/api/pdf?articleId=a000100020002000V (accessed on: 20.11.2025). (In English).

ЖАҚСЫЛЫҚБАЕВА Ә.А.,*[1]
докторант.
*e-mail: zhaksylykbayeva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2646-456X
СУЛЕЙМЕНОВА С.Ж.,[2]
з.ғ.д., профессор.
e-mail: saule.suleimenova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6754-9255
[1]«Тұран» университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]әл-Фараби атындағы
Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҰЙЫМДАР ШЕҢБЕРІНДЕ ЦИФРЛЫҚ АКТИВТЕРДІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

Аңдатпа

Бұл зерттеу цифрлық активтерді халықаралық реттеу жүйесінің даму үрдісін және жаһандық стандарттарды үйлестіру процесін қарастырады. Зерттеудің негізгі мақсаты – FATF, ХВҚ (IMF), Базель комитеті (BCBS), IOSCO және ЭЫДҰ (OECD) сияқты жетекші халықаралық ұйымдар әзірлеген саясат пен құқықтық негіздерді талдап, олардың Қазақстан Республикасындағы іске асырылу деңгейін бағалау. Зерттеу барысында салыстырмалы-құқықтық талдау, синтез және нормативтік тәсіл әдістері қолданылды. Мақалада FATF ұйымының ақшаны жылыстатуға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимылға (AML/CFT) бағытталған шаралары, ХВҚ-ның қаржылық тұрақтылық пен құқықтық айқындықты қамтамасыз етуге назар аударуы, BCBS-тің банктерге арналған пруденциялық стандарттарды әзірлеуі, IOSCO-ның инвесторларды қорғау және нарықтың тұтастығын қамтамасыз етуге бағытталған ұсынымдары, ал ЭЫДҰ-ның салық салу және ақпарат алмасу мәселелеріне мән беруі көрсетілген. Авторлар салыстырмалы кестелер негізінде Қазақстанның осы халықаралық стандарттарды, әсіресе АХҚО аясында, қалай енгізіп жатқанын көрсетеді. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңызы – халықаралық тәсілдерді жүйелеу және олардың Қазақстандағы цифрлық активтерді реттеу жүйесіне ықпалын анықтау. Бұл жұмыс жаһандық және ұлттық нормаларды жақындастыруға үлес қосып, реттеу мен инвесторларды қорғауды жетілдіруге бағытталған ұсыныстар ұсынады.

Тірек сөздер: халықаралық құқық, қаржылық шаралар, халықаралық валюталық қор, цифрлық активтер, ынтымақтастық, даму.

ЖАКСЫЛЫКБАЕВА А.А.,*[1]
докторант.
*e-mail: zhaksylykbayeva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2646-456X
СУЛЕЙМЕНОВА С.Ж.,[2]
д.ю.н., профессор.
e-mail: saule.suleimenova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6754-9255
[1]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан
[2]Казахский национальный
университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация

В исследовании рассматривается развитие международного регулирования цифровых активов и процесс гармонизации глобальных стандартов, направленных на обеспечение прозрачности и снижение рисков для

мировой финансовой системы. Основная цель работы – проанализировать политику и правовые рамки, разработанные ключевыми международными организациями – ФАТФ, МВФ, Базельским комитетом (BCBS), IOSCO и ОЭСР, а также оценить степень их внедрения в Республике Казахстан. В исследовании применяются методы сравнительно-правового анализа, синтеза и нормативного подхода для изучения взаимодействия международных рекомендаций и национального регулирования. В статье отмечается, что ФАТФ сосредоточена на мерах по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (AML/CFT), МВФ акцентирует внимание на финансовой стабильности и правовой определенности, BCBS разрабатывает пруденциальные стандарты для банков в отношении криптоактивов, IOSCO продвигает защиту инвесторов и целостность рынка, а ОЭСР – вопросы налогообложения и обмена информацией. На основе сравнительных таблиц авторы показывают, как Казахстан внедряет эти международные стандарты, особенно в рамках МФЦА, при этом национальное регулирование за его пределами требует дальнейшего развития. Научная и практическая значимость исследования заключается в систематизации международных подходов и их влияния на регулирование цифровых активов в Казахстане. Работа вносит вклад в сближение глобальных и национальных норм, предлагая практические рекомендации для повышения соответствия, стабильности и защиты инвесторов.

Ключевые слова: международное право, финансовые меры, международный валютный фонд, цифровые активы, сотрудничество, развитие.

Article submission date: 09.06.2025

ҒТАМР 10.27
ӘОЖ 34.347
JEL K12, F53

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-248-257

ҚАЛМЫРЗА Ғ.М.,*[1]
докторант.
*e-mail: g.kalmyrza@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-5154-6180
АЛАЕВА Г.Т.,[1]
з.ғ.к., профессор.
e-mail: g.alayeva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-1644-3709
КӘДІРБАЙ А.Ә.,[1]
з.ғ.м., сениор-лектор.
e-mail: a.kadirbay@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-3694-5415
[1]«Тұран» университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ТАУАР БЕЛГІЛЕРІН ЗАҢСЫЗ ПАЙДАЛАНУДЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

Аңдатпа

Тауар белгілерін заңсыз пайдалануды халықаралық құқықтық реттеу зияткерлік меншік құқығын қорғауда шешуші рөл атқарады. Ұлттық заңнамадағы айырмашылықтар және халықаралық ынтымақтастықтың жеткіліксіздігі сияқты проблемаларға қарамастан, оларды шешудің нақты жолдары бар. Заңнамаларды үйлестіру, ынтымақтастықты күшейту және заманауи технологияларды қолдану контрафакцияға қарсы күрестің тиімділігін едәуір арттырып, құқық иелерінің мүдделерін қорғауға және жаһандық нарықта әділ бәсекелестікті қамтамасыз етуге ықпал етуі мүмкін. Бұл мақалада авторлар тауар белгілерін заңсыз пайдаланумен күресуге бағытталған негізгі халықаралық құқықтық тетіктерді зерттейді. Олар сондай-ақ негізгі мәселелерді талдайды және оларды шешу жолдарын ұсынады. ТМД елдерінде де, континенттік құқық жүйесі бар кейбір елдерде де (Литва, Испания, Италия) тауар белгілерін заңсыз пайдаланғаны үшін қылмыстық жауапкершілікке ерекше назар аударылады. Авторлар Қазақстан Республикасында зияткерлік меншікті қорғау халықаралық стандарттарға сәйкес келетін заманауи заңнамалық базаға негізделеді деген қорытындыға келді. Алайда құқық қолданудың тиімділігін арттыру үшін құқықтық қатынастарға қатысушылардың хабардарлығын жақсартуға, қылмыстық және әкімшілік заңнаманың санкцияларын қатаңдатуға, сондай-ақ халықаралық ынтымақтастықты нығайтуға бағытталған қосымша шаралар қабылдау қажет.

Тірек сөздер: тауар белгісі, тауар белгісін заңсыз пайдалану, зияткерлік меншік, өнеркәсіптік меншік, авторлық құқық, қылмыстық жауапкершілік.

Кіріспе

Тауар белгілері қазіргі экономикада тауарлар мен қызметтерді дараландыру құралы, сондай-ақ брендтердің беделін құру және сақтау құралы ретінде маңызды рөл атқарады. Тауар белгілерін заңсыз пайдалану (контрафакция) құқық иелеріне, тұтынушыларға және жалпы экономикаға үлкен қауіп төндіреді. Тауарлар мен қызметтерді даралау, сондай-ақ оларды құқықтық қорғау мәселесі әсіресе әлемдегі бәсекелес тауарлар мен қызметтерді өндірушілер санының артуы жағдайында өзекті болды. Тауар белгілері және тауарлардың шыққан жерінің атаулары сияқты даралау құралдары әлеуетті сатып алушылардың назарын тауарға аударуға, оны нарықтағы ұқсас тауарлардың арасынан бөліп көрсетуге, оны тануды жеңілдетуге көмектеседі.

Әртүрлі өндірушілер үшін тең жағдайлар жасау, олардың қызметіне бәсекелестікті енгізу және жауапкершілікті арттыру, сондай-ақ халықтың қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін нарықты тауарлар мен қызметтермен қанықтыру қажеттілігі өндірілетін тауарлар мен қызметтерді тиісті дараландыруды қамтамасыз ететін құқықтық тетікке объективті

қажеттілікті анықтайды. Осыған байланысты қолданыстағы заңнама тауар белгілері мен тауарлар шығарылған жерлердің атауларын қоса алғанда, зияткерлік меншік объектілерінің құқықтық қорғалуын қамтамасыз ететін негізгі ережелерді бекітеді. Егер жоғарыда аталған құқықтық актілерге қысқаша тоқталсақ, Париж конвенциясы тауар белгілерін қоса алғанда, өнеркәсіптік меншікті қорғау мәселелері бойынша алғашқы халықаралық құжаттардың бірі болып табылады. Конвенция тауар белгілерін қорғаудың ұлттық режимін қамтамасыз ете отырып, барлық қатысушы мемлекеттер үшін тең жағдайларды көздейді.

Дүниежүзілік сауда ұйымы (бұдан әрі – ДСҰ) жүйесінің бөлігі болып табылатын ТАПИС тауар белгілерін қорғаудың ең төменгі стандарттарын белгілейді және оларды қорғаудың тиімді тетіктерін көздейді. ТАПИС қатысушы мемлекеттерді тауар белгілерін заңсыз пайдаланғаны үшін қылмыстық және азаматтық санкциялар қарастыруға міндеттейді.

Дүниежүзілік зияткерлік меншік ұйымы (бұдан әрі – ДЗМҰ) басқаратын Мадрид жүйесі құқық иелеріне тауар белгісін бірден бірнеше елде тіркеуге мүмкіндік береді, бұл тіркеу процесін едәуір жеңілдетеді және онымен байланысты шығындарды азайтады.

Еуропалық Одақта (бұдан әрі-ЕО) ЕО-ның тауарлық белгілер туралы Ережесін [1] және ЕО-ның тауарлық белгілер туралы директивасын [2] қамтитын өзінің тауарлық белгілерді қорғау жүйесі жұмыс істейді. Бұл актілер ЕО аумағында тауар белгілерін тіркеу мен қорғаудың бірыңғай стандарттарын белгілейді. ТМД елдерінде бірыңғай тіркеу жүйесінің болмауына байланысты тауар белгісі Мадрид жүйесі бойынша немесе ұлттық рәсімдерге сәйкес тіркелетінін атап өткен жөн. ТМД елдеріндегі ұлттық рәсімдердің айырмашылығы тек мерзімдерде, баждарда және нормативтік реттеуде.

Осылайша, халықаралық құқықтық актілердің болуына қарамастан, әр түрлі елдерде тауарлық белгілерді реттеу айтарлықтай өзгеруі мүмкін. Бұл халықаралық деңгейде өз құқықтарын қорғауда құқық иелеріне қиындықтар туғызады.

Тауар белгілерін заңсыз пайдаланумен тиімді күресу халықаралық ынтымақтастықты қажет етеді. Алайда іс жүзінде әр түрлі елдердің мемлекеттік органдары арасындағы өзара іс-қимыл жеткіліксіз болып шығады, бұл бұзушылықтарды анықтауды және оның жолын кесуді қиындатады.

Сонымен қатар, электрондық коммерцияның дамуымен интернетте тауар белгілерін заңсыз пайдалану үлкен проблемаға айналды. Интернеттегі бұзушылықтармен күресу әрдайым тиімді бола бермейді, сондықтан нақты тәсілдер мен технологияларды қажет етеді.

Тауар белгілерін қорғау саласындағы ұлттық заңнамаларды үйлестіру және құқық қолдану тәжірибесін жақсартуға көмектеседі. Бұл бағытта ДЗМҰ мен ДСҰ ұйымдастыратын халықаралық конференциялар мен семинарлар пайдалы болуы мүмкін. Халықаралық ынтымақтастықты дамыту, оның ішінде ақпарат алмасу және контрафакцияға қарсы бірлескен операциялар арқылы құқық қолдану тиімділігін едәуір арттыра алады. Сондай-ақ зияткерлік меншікті қорғаумен айналысатын құқық қорғау органдарымен және ұйымдармен өзара іс-қимылды күшейту маңызды.

Жасанды интеллект және блокчейн сияқты заманауи технологияларды қолдану интернеттегі тауар белгілерін заңсыз пайдаланумен тиімді күресуге ықпал етуі мүмкін. Мысалы, автоматтандырылған бақылау жүйелері контрафактілік өнімдерді жедел анықтай алады.

Материалдар мен әдістер

Аталған мақаланың дерек көздері ретінде еліміздің отандық заңнамалары, осы саладағы халықаралық құқықтық құжаттары, сондай-ақ тауар белгілерін құқықтық тұрғыдан зерттеп жүрген қазақстандық және шетелдік авторлардың ғылыми еңбектері қарастырылады. Иванова Е.Г., Кондрашина В.А., Казарян А.В., Маклаков В.В., Прошина Ю. В., Bently L., Jane C. Ginsburg, Jeniffer Davis сынды авторлардың еңбектері басшылыққа алынды. Ғылыми зерттеу барысында ұлттық және шетелдердің заңнамасын салыстырып, құқықтық ерекшеліктерін анықтау, аналитикалық талдау, логикалық байланысын талдау секілді әдіс тәсілдер пайдаланылды. Талдау үшін құқық қорғау ұйымдары мен ғылыми мекемелер жүргізген есептер мен зерттеулер пайдаланылды. Құқық мен халықаралық құқықтың, атап айтқанда тауар белгілерін құқықтық қорғау және қорғау тарихын біздің республикамыздағы және әлемнің кейбір елдеріндегі тауар

белгілері бойынша дауларды шешу салыстырмалы-құқықтық талдаудың арнайы әдістерінің көмегімен зерттеледі.

Нәтижелер мен талқылау

Тауар белгілерін заңсыз пайдалануға қарсы іс-қимыл жөніндегі қазіргі заманғы шетелдік заңнаманы қарастырмас бұрын, осы институттың қалыптасу тарихымен қысқаша танысу қажет. Сонымен, әлемдегі тауар белгілері туралы заңнаманың даму тарихы салыстырмалы түрде көп бола қойған жоқ. Кейбір мәліметтерге көз жүгіртсек, тауар белгілері жөніндегі бастапқы құжат Францияда 1857 ж. қабылданып, күшіне енген екен. Тұтынушыларды шатастыру үшін бөтеннің тауар белгісіне еліктегені үшін ең алғаш рет қылмыстық жауаптылық Ұлыбританияда 1862 ж. қабылданған тауар таңбалары туралы нормативтік құжатта көрініс тапты. 1875 ж. қолданыста болған тауар белгілерді тіркеу туралы құжат Ұлыбританияның ведомствосында тауарлық белгіні тіркеуге үлкен үлесін қосты. Осы Заңмен алғаш рет тауар белгісін қорғау ұғымы енгізілді. Кейіннен 1905 жылғы заң қабылданды, оған 1919 және 1937 жж. аталған заңға өзгерістер мен толықтырулар енгізілді. Ал 1938 ж. қазіргі қолданыстағы заң қабылданды, бұл АҚШ пен Жапониядағы сауда белгілері туралы заңнамасына айтарлықтай әсер етті. Бұл заң алғаш рет Қазақстанда 2018 жылдың маусым айында ғана қабылданған өтінімдерді жариялау жүйесін бекітті. Кейіннен бүкіл әлемде және соның ішінде Қазақстанда қабылданған заңда көптеген жаңалықтар болды.

Кеңестік кезеңдегі тауар белгілері туралы заңнаманы қорғау жүйесін атап өткен жөн. Мәселен, 1963 жылғы 28 желтоқсандағы ҚазКСР Азаматтық кодексінің 29-бабына сәйкес заңды тұлғаның өз атауы болады. Фирмалық атауды, өндірістік белгілер, өнімнің өзіндік ерекшеліктерін пайдаланатын заңды тұлғалардың құқықтары мен міндеттері Кеңес Одағының заң құжаттарымен анықталды. Еліміздің заң актілерінде дараландыру құралдарының арасынан фирмалық атымен тауар белгісі, сондай-ақ өндірістік маркалар ерекшеленді.

1974 жылғы 8 қаңтардағы» тауар белгілері туралы ереже «сол кездегі маңызды құжат болды, ол алғаш рет» тауар белгісі» ұғымын ұйымдардың өнімдерін, қызметтерін өзге өнімдермен қызметтерден ерекшелейтін белгі ретінде қарастырады. Бұл анықтама аздаған өзгерістермен сауда белгісінің қазіргі тұжырымдамасының негізіне айналды. Сонымен қатар, осы актіде егер жарамдылық мерзімі өтіп кетсе немесе азаматтың жеке еңбек қызметімен айналысуға арналған куәліктің күші жойылса, заң шығарушы алғаш рет тауар белгісіне құқықты тоқтату әдісін белгіледі [3, 48–51].

Тәуелсіз Қазақстанда тауар таңбалары туралы заңнаманың дамуы 1993 ж. «Тауар таңбалары, қызмет көрсету белгілері және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы «Заңның қабылдануымен басталды. Аталған Заң алты жылдан астам қолданыста болды және қазіргі қолданыстағы заңнаманың қабылдануына байланысты күші жойылды [4]. Зияткерлік меншік мәселелері Қазақстан Республикасының дамуы үшін әрқашан маңызды болды. 2014 ж. «Қазақстан жолы – 2050: бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» атты Қазақстан халқына Жолдауында Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті – Елбасы Н.Ә. Назарбаев Зияткерлік меншікті қорғау саласындағы заңнаманы одан әрі жетілдіру қажеттігін атап өтті [5].

1993 жылғы заң тауар белгілерін тіркеу және тіркеуден бас тарту бойынша мемлекеттік басқару органдарының орталық органы болып табылатын Ұлттық патенттік ведомствоның функцияларын бекітті. Бұдан басқа, тауар таңбалары мен қызмет көрсету белгілерін құқықтық қорғау кез келген шаруашылық жүргізуші субъектіге берілуі мүмкін. Осы тұста 1993 жылғы заң актісінің қабылдануы мен қазіргі әрекет етіп тұрған заңның арасында отыз жылдай уақыт өтседе, тауар белгілерін тіркеу, оны даулау уақытына байланысты ауыз толтырып айтатындай өзгерістер болмады.

«Тауар таңбасын пайдалану» ұғымының өзі Қазақстан Республикасы Азаматтық Кодексінің 1025-бабында бекітілген [6].

Қазақстанда бөтеннің тауар белгісін рұқсатсыз пайдаланып, заңсыз табыс табатын болса құқықтық жауаптылық бекітілген. Еліміздің қылмыстық заңнамасында, оның ішінде тауар белгілерін заңсыз пайдаланғаны үшін жауапкершілікті регламенттейтін нормаларды дайындау және қабылдау барысында Тәуелсіз Мемелекеттер Достастығына мүше мемлекеттер 1996 жыл-

ғы ұсынымдық сипаттағы заң құжатын, Модельдік Қылмыстық кодекстің нормаларын белсенді қолданғанын айта кеткеніміз дұрыс болар [7, 159].

Ашып айтсақ, модельдік Қылмыстық Кодекстің 267-бабы бойынша «біреудің тауар белгісін заңсыз пайдалану» ұғымымен «біреудің тауар таңбасын, қызмет көрсету таңбасын, фирмалық атауын, өнімнің өндірілген жерінің атауын, бәсекелестің тауарын таңбалауды немесе біртекті тауарлар немесе қызметтер үшін оларға ұқсас белгілерді заңсыз пайдалану салдарынан орасан көп көлемде залал болса, қылмыс деп саналады». Мысалы, Қазақстан Республикасы Қылмыстық заңнамасының 222-бабының санкциясы бойынша сексен айлық есеп көрсеткіш мөлшерінде айыппұл не сол мөлшерде түзеу жұмыстары, не сексен сағатқа төленбейтін қоғамдық жұмыстарға тарту не жиырма тәулікке дейін қамауға алу тағайындалады, сонымен қатар Қазақстан Республикасы әкімшілік құқық бұзушылық кодексінің 158-бабының 20-дан 80 айлық есептік көрсеткішке дейін айыппұл көрсетілген [8].

Осылайша, ҚР ӘҚБтК-нің 158-бабының санкциясы құқық бұзушылық субъектісіне байланысты 20-дан 80 АЕК-ке дейінгі диапазонда айыппұлдар белгілейді. ҚР Қылмыстық кодексінің 222-бабының санкциясы әртүрлі және айыппұлдардан басқа балама жазаларды қоса алғанда, жазалардың кең ауқымын ұсынады [9].

Еліміздің қылмыстық кодексінің 199-бабы бойынша өнертабыстар, пайдалы модельдер, өнеркәсіптік үлгілер, селекциялық жетістіктер, интегралдық микросхемалардың топологиялары секілді объектілерге құқықтарды бұзғаны жағдайда жауаптылық бекітілген.

Қарастырылып отырған мәселені неғұрлым нақты түсіну үшін зияткерлік меншікті қорғауға қатысты қылмыстық заңнамаға және континенттік құқықтың арнайы заңдарына назар аудару қажет. Бұл заңдар зияткерлік құқықтарды бұзғаны үшін жазаларды белгілейді және қылмыстық жауапкершілікке тарту процедурасының әртүрлі аспектілерін реттейді.

Еуропаның кейбір елдерінде Қылмыстық кодексте зияткерлік меншікке қол сұғушылық үшін қылмыстық жауапкершілік қарастырылған.

Сонымен, Литва Қылмыстық кодексінде 29-тарау бар «зияткерлік және өнеркәсіптік меншікке қарсы қылмыстар» [10] оның ішінде мүдделерге қол сұғатын қоғамдық қатынастар объектісі болып табылатын қылмыстар тобы: авторлық құқық (192-бап), патенттер (193-бап), тауарлық белгілер және басқа да даралау белгілері (194-бап). Компанияның зияткерлік меншігі болып табылатын коммерциялық құпияларды жариялағандада қылмыстық жазаға жатады (30-тараудың 198-бабы).

Литваның Қылмыстық Кодексі бойынша зияткерлік және өнеркәсіптік меншік саласындағы қылмыстар үшін санкциялар қылмыстық құқық бұзушылықтың ауырлығына және оны жасау мән-жайларына байланысты өзгереді: айыппұл тағайындалады, оның мөлшерін сот құқық бұзушылықтан келтірілген зиянға байланысты анықтайды; түзету жұмыстары; бірнеше айдан бірнеше жылға дейін бас бостандығынан айыру [11, 189].

Испанияның Қылмыстық кодексінде «зияткерлік және өнеркәсіптік меншікке, нарыққа және тұтынушыларға қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы» 11-тарау бар [12], ол зияткерлік және өнеркәсіптік меншік қылмыстары үшін жауапкершілікті реттейтін ережелерді қамтиды. Зияткерлік меншік құқықтарын бұзуға қатысты қылмыстар үшін санкциялар қылмыстың ауырлығына және оны жасау мән-жайларына байланысты өзгереді. Кейбір жағдайларда жалған тауарларды тәркілеу немесе белгілі бір қызмет түрлерін жүзеге асыруға тыйым салу сияқты қосымша шаралар тағайындалады.

Италияда біреудің сауда белгісін иесінің рұқсатынсыз пайдалану қылмыстық құқық бұзушылық болып табылады. Авторлық немесе патенттік құқықтарды бұзғаны үшін айыппұл және контрафактілік өнімдерді мәжбүрлеу арқылы тәркілеу бектілген [13, 218–221].

Мәселен, Италияның Қылмыстық заңнамасының 473-бабында бөтеннің тауарлық белгілерін өзгертіп, қолдан жасауға және пайдалануға, сондай-ақ жалған белгілері бар тауарларды сату жөнінде нормалар айтылған. Мұндай әрекеттер үшін бір жылдан төрт жылға дейін бас бостандығынан айыру жазасы және 3500-ден 35000 еуроға дейін айыппұл қарастырылған.

Италияның Қылмыстық кодексінің 474-бабында заңсыз пайдаланылған сауда белгілері бар жалған тауарларды сақтау, сату немесе тарату сипатталған. Кінәлі адамдарға екі жылға дейін бас бостандығынан айыру және 20 000 еуроға дейін айыппұл салынуы мүмкін [14, 39].

Тұтастай алғанда, континенттік құқық елдерінің заңнамасын талдай отырып, біз тауар белгісін заңсыз пайдаланғаны үшін қылмыстық жауапкершілікке тартудың келесі проблемалық аспектілері бар:

1) қылмыстық жауапкершілікке тартудың заңды рәсімдерінің ұзақтығы мен күрделілігі; жалған тауарларды жеткізу тізбегінің әртүрлі қатысушылары (өндірушілер, дистрибьюторлар, сатушылар) арасындағы жауапкершілікті айқындау күрделі болуы мүмкін;

2) айыпталушының ниетін дәлелдеудің қиындығы, дәлелдемелерді жинауда елеулі күш-жігерді талап ететін және трансшекаралық бұзушылықтар жағдайында күрделене түсетін заңнама мен рәсімдердің айырмашылығы;

3) жалған тауарлардың жоғары сапасы оны түпнұсқадан ажыратуды қиындатады;

4) жұмыс тиімділігіне әсер ететін кадрлар мен құқық қорғау органдарын қаржыландырудың жетіспеушілігі.

Халықаралық деңгейде тауар белгілерін құқықтық қорғау мәселесін қарастырғанда, әлемдік нарықта контрафакциялық өнімдердің үлесі айтарлықтай жоғары екенін атап өткен жөн. Халықаралық ұйымдардың жариялаған бағалауларына сүйенсек, жалған тауарлардың жаһандық айналымы жыл сайын жүздеген миллиард долларды құрап, жалпы сыртқы сауда көлемінің шамамен үш пайызынан астамын иемденеді. Мұндай мәліметтер құқық иелері үшін ғана емес, сонымен бірге мемлекеттердің экономикалық қауіпсіздігі үшін де елеулі тәуекел туғызады. Сондықтан осындай қысқа статистикалық деректерді талдау бөліміне қосу тақырыптың практикалық салмағын айқын күшейтеді.

Интернет кеңістігінде контрафакцияның таралуы цифрлық экожүйемен тікелей байланысты болғандықтан, соңғы жылдары жалған өнімдермен күресте жаңа технологиялық шешімдер кеңінен қолданылуда. Мәселен, жеткізу тізбегінің әр кезеңін бақылауға арналған блокчейн негізіндегі жүйелер тауардың шыққан жерінен бастап тұтынушыға дейінгі қозғалысын бұрмалауға жол бермейді. Сонымен қатар, RFID/NFC маркерлерін пайдалану арқылы өнімнің түпнұсқалығын мобильді құрылғылар арқылы бір сәтте тексеруге болады. Электрондық сауда платформаларында енгізілген жасанды интеллект алгоритмдері визуалды және мәтіндік белгілері бойынша күмәнді тауарларды автоматты түрде анықтап, оларды тез арада жүйеден алып тастауға мүмкіндік береді. Мұндай технологиялық мысалдар зерттеудің ғылыми жаңалығын арттырып, контрафакцияға қарсы халықаралық тетіктердің эволюциясын көрсетуге жол ашады.

Қорытынды

Қорытындылай келе, Қазақстан Республикасының заңнамасы халықаралық шарттардың ережелеріне қайшы келмейтінін және тауар белгілерін қорғау саласындағы халықаралық міндеттемелерге сәйкес келетінін атап өткен жөн. Тауар белгілерін заңсыз пайдалану жөніндегі заңнаманы жетілдіру халықаралық ынтымақтастықты күшейтуді, санкцияларды қатаңдатуды, тіркеу рәсімдерін оңайлатуды, хабардарлықты арттыруды, өнімді қолдан жасауға қарсы күрес жөніндегі шараларды нығайтуды, бұзушылықтар туралы бірыңғай деректер базасын құруды және шағын және орта кәсіпорындарды қолдауды қамтитын кешенді тәсілді талап етеді. Бұл шаралар сауда белгілеріне құқықтарды тиімді қорғауды қамтамасыз етуге және экономикалық өсу мен инновацияларға ықпал етуге көмектеседі.

Оң тәжірибе ретінде Қазақстан Республикасында ТАПИС-ке қатысушы елдердің көпшілігі жасаған зияткерлік меншік бойынша мамандандырылған сот құру туралы мәселені қарау ұсынылады. Мамандандырылған патенттік соттардың оң тәжірибесін Германия (Федералды Патенттік Сот, Bundespatentgericht), Ұлыбритания (Patents Court және Intellectual Property Enterprise Court), Қытай және Оңтүстік Корея сияқты елдерде байқауға болады. [15, 73–75]

Қазақстанда мамандандырылған соттар құру сот шешімдерінің сапасын арттыру, істерді қарауды жеделдету, оңайлату және шығындарды азайту сияқты көптеген оң нәтижелер әкеледі. Бұл соттар инновациялар мен экономикалық өсуге ықпал ете отырып, зияткерлік меншік құқығын қорғаудың маңызды құралы болады.

Сонымен қатар, зияткерлік меншікті тиімді қорғауды қамтамасыз ету үшін қажетті қадам айыппұлдар мен бас бостандығынан айыру мерзімдерін ұлғайтуды қоса алғанда, тауар белгілерін заңсыз пайдаланғаны үшін ҚР ҚК және ҚР ӘҚБтК санкцияларын қатаңдату болып табылады.

ҚР ҚК және ҚР ӘҚБтК-нің баптары бойынша санкцияларды талдау ең жоғары айыппұл 80 АЕК (80*3932 теңге = 314 560 теңге) құрайтынын көрсетеді. Бұл сома зияткерлік меншік саласындағы құқық бұзушыларды тежеу үшін жеткіліксіз деп санаймыз.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі мен Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексінде көзделген санкцияларды жүйелі түрде зерделеу зияткерлік меншікке қол сұғушылық үшін белгіленген айыппұлдардың ең жоғары шегі 80 айлық есептік көрсеткіштен аспайтынын көрсетеді. Аталған мөлшер қазіргі қолданыстағы есептік көрсеткіштің құнымен есептегенде бар-жоғы 314 560 теңгені құрайды. Бұл сома экономикалық тұрғыдан алғанда аса ауыр жүк болып саналмайды және заң бұзушылар үшін айтарлықтай қауіп тудырмайды.

Зияткерлік меншік объектілерін қорғау – инновациялық дамудың, шығармашылық белсенділіктің және адал бәсекелестіктің негізгі алғышарттарының бірі. Егер құқық бұзушылық жасаған тұлғалар үшін қаржылық жауапкершілік төмен деңгейде қалса, ондай санкциялар құқық бұзудан түсетін ықтимал пайдадан әлдеқайда кем болуы мүмкін. Мұндай жағдай құқық бұзушылардың тәуекелді «есептеп», айыппұлды қалыпты шығын ретінде қарастыруына әкеледі. Нәтижесінде қолданыстағы айыппұл мөлшері алдын алу функциясын толық атқара алмайды, яғни құқық бұзушылықтардың қайталануына тосқауыл бола алмайды.

Сонымен қатар айыппұлдардың аздығы құқық иелерінің құқықтарын қорғау тетіктеріне деген сенімін төмендетуі мүмкін. Авторлар мен өндірушілер көбіне сотқа жүгінудің орнына бұзушылықтарды «көз жұма» қабылдауға мәжбүр болады, өйткені қолданылатын жазаның тиімділігіне күмәнданады. Бұл жағдай шығармашылық индустриялардың дамуын тежейді және зияткерлік өнімдердің көлеңкелі айналымын ұлғайтады.

Осыған байланысты, санкциялар жүйесін қайта қарастырудың маңыздылығы артады. Айыппұл мөлшерін құқық бұзушылықтың қоғамдық қауіптілігіне сай арттыру, қайталанатын әрекеттер үшін қатаңдатылған жауапкершілік енгізу, сондай-ақ материалдық шығынды өтетудің нақты тетіктерін күшейту зияткерлік меншік құқығын қорғаудың тиімділігін едәуір арттыра алады. Мұндай шаралар құқық бұзушылар үшін нақты экономикалық тәуекел туғызып, құқық иелерінің мүдделерін қорғау деңгейін жоғарылатар еді.

ҚР ҚК 222-бабының бірінші және екінші бөлігінің диспозициясының сәйкессіздігін атап өткім келеді, бұл құқықтық белгісіздік пен құқық қолдану практикасында қиындықтар тудыруы мүмкін. Мәселен, аталған бапта екі түрлі қылмыстық құқық бұзушылық объектісі бар. Бірінші жағдайда біз қазірдің өзінде тіркелген зияткерлік меншік объектілерін немесе бірдей белгілері бар тауар белгілерін заңсыз пайдалану туралы айтып отырмыз. Екінші жағдайда – Қазақстан Республикасында тіркелмеген объектілерге қатысты құқықтық қорғауды көрсететін ескерту таңбасын заңсыз пайдалану туралы.

ҚР ҚК-нің 222-бабын талдау оның бірінші және екінші бөліктерінде көрсетілген құқыққа қарсы әрекеттердің құқықтық табиғаты бір-бірінен едәуір ерекшеленетінін айқын көрсетеді. Осы норманың диспозициялық құрылымындағы сәйкессіздік құқық қолдану процесінде әртүрлі интерпретацияларға жол ашып, құқықтық анықтық қағидатын толық қамтамасыз етпейді. Бірінші бөлік негізінен Қазақстан Республикасында тиісті тәртіппен мемлекеттік тіркеуден өткен зияткерлік меншік объектілерін – мысалы, тауар белгілерін, қызмет көрсету белгілерін немесе өнеркәсіп үлгілерін – рұқсатсыз пайдалануға қатысты. Бұл жерде қылмыстық құқық бұзушылықтың объектісі ретінде нақты құқықпен қорғалатын, тіркелген айрықша құқықтар қарастырылады. Яғни, құқық иеленушінің мүліктік құқығына тікелей нұқсан келтіру немесе соған нақты қауіп төндіру маңызды мәнге ие.

Ал баптың екінші бөлігінде сипатталған құқыққа қайшы әрекет мүлдем басқа құқықтық қатынастар саласына жатады. Бұл бөлім Қазақстан Республикасында тіркелмеген зияткерлік меншік объектілеріне қатысты құқықтық қорғауды білдіретін ескерту таңбасын (мысалы, ©, ®, ™) заңсыз қолдануға бағытталған. Мұндай жағдайда нақты тіркелген құқық бұзылмайды, алайда қоғамды және нарық қатысушыларын жаңылыстыру қаупі туындайды. Сондықтан мұнда қылмыстық-құқықтық қорғаудың объектісі ретінде құқықтық айқындық, адал бәсеке және тұтынушылардың ақпараттану құқығы қарастырылады.

Осылайша, бір баптың шеңберінде екі түрлі құқықтық мүдденің қорғалуы диспозициялардың өзара үйлесімділігіне әсер етіп, құқық қорғау органдары үшін құқық бұзушылықты дұрыс саралау міндетін күрделендіреді. Мұндай жағдай құқықтық нормалардың анық-

тығы мен болжамдылығын қамтамасыз ету мәселесін қайта қарауды талап етеді. Нормативтік тұжырымдарды нақтыландыру және қылмыстық құрамдарды егжей-тегжейлі дифференциациялау құқық қолданудың бірыңғайлығын арттырып, құқықтық қауіпсіздікті күшейтуге мүмкіндік берер еді.

Белгілі болғандай, Қылмыстық Кодекстің баптарының бөліктерінің конструкциясы қылмыстық құқық бұзушылықтардың негізгі және ауырлататын құрамдарын нақты ажыратуға, сондай-ақ құқықтық сенімділік пен нормалардың біркелкі қолданылуын қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Бұл әсіресе құқық қорғаушылар, судьялар мен адвокаттар үшін өте маңызды, олар істерді қарау кезінде қылмыстық кодекстің ережелерін дәл түсініп, дұрыс түсіндіруі керек. Қылмыстық кодекстің бірінші бөлігі көп жағдайда құқық бұзушылық болып табылатын әрекетті сипаттайды және аталған құқық бұзушылықтың объективті жағын, сонымен бірге құқықбұзушылық құрамының негізгі белгілерін анықтайтын диспозицияны қамтиды. Баптың екінші бөлігінде жауапкершілікті күшейтетін ауырлататын мән-жайлар сипатталады: ерекше қатыгездікпен жасалған әрекеттер; алдын ала сөз байласу бойынша адамдар тобы; жәбірленушілердің белгілі бір санаттарына қатысты және т.б.

Тиісінше, құқық қолдануда консистенцияны сақтау үшін ҚР ҚК-не өзгерістер мен толықтырулар енгізу талап етіледі, атап айтқанда ҚР ҚК-нің 222-бабы бойынша бөтеннің даралandыру белгілерін заңсыз пайдалану саласындағы қылмыстық құқық бұзушылықтарды қалдыру ұсынылады.

Сонымен, Қазақстан Республикасының Қылмыстық Кодексінде жауапкершілікті қатаңдату қажет, анығырақ айтсақ: айыппұлдың мөлшерін 180 айлық есеп көрсеткішке дейін көтеру, немесе сол уақытқа түзеу жұмыстарына немесе 180 сағатқа қоғамдық жұмыстарға тартуға не қырық бес тәулікке қамауға алу жазасы тағайындалады. Осы аталған баптардың қолданыстағы санкциялары жазаның мақсаттарына толық сәйкес келмейді. Жазаны қатайту құқық бұзушылар үшін күшті тосқауыл болады. Қатаң жазалар тауарлық белгілерді заңсыз пайдалануды, құқық бұзушылық деңгейінің төмендеуіне ықпал етеді деген пікірдеміз.

Жазаны қатайтудың басты мақсаты – қоғамдағы құқықтық тәртіпті нығайту және құқық бұзушылықтардың алдын алу. Яғни қатаң шаралар жеке және жалпы сипаттағы профилактикалық ықпалдың деңгейін күшейтеді. Жекелей алғанда, жазаны күшейту тауар белгісін заңсыз пайдаланған тұлғаның өз әрекетінің салдарын тереңірек түсінуіне, сондай-ақ оны қайта жасау ықтималдығын төмендетуге бағытталады. Адам өзінің заңсыз әрекеті үшін елеулі материалдық немесе басқадай ауыр жауапкершілікке тартылатынын нақты сезінгенде, құқыққа қайшы мінез-құлыққа барудан бас тартуға бейім болады. Сонымен бірге, жазаны қатайту жалпы құқықтық мәдениеттің артуымен де байланысты. Жазаның ауыр болуы құқық иеленушілердің, кәсіпкерлердің, азаматтардың және мемлекет институттарының мүдделерін қорғауды барынша күшейтеді. Әсіресе экономикалық, қаржылық, зияткерлік меншік салаларындағы құқық бұзушылықтарда қатаң санкциялар құқықтық қатынастардың тұрақтылығын қамтамасыз етуге көмектеседі. Осы тұрғыдан алғанда, жазаны қатайту тек жазалау құралы ғана емес, сонымен қатар құқықтық тәртіптің тұрақтылығын қамтамасыз ететін маңызды әлеуметтік-мемлекеттік тетік болып табылады деп ойлаймыз.

ӘДЕБИЕТТЕР

1 Regulation (EU) 2017/1001 Of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trade mark. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18298

2 Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2015/2436/oj/

3 Иванова Е.Г. История развития понятия товарного знака и его функций // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 48–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-ponyatiya-tovarnogo-znaka-i-ego-funktsiy/viewer

4 Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 жылғы 26 шілдедегі № 456 Заңы. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000456_

5 Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә. Назарбаевтың Қазақстан жолы – 2050: бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ Қазақстан халқына Жолдауы. 2014 жылғы 17 қаңтар. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-17-yanvarya-2014-g (өтініш берілген күн: 20.05.2024)

6 Қазақстан Республикасының азаматтық кодексі (ерекше бөлім) 1999 жылғы 1 шілдедегі № 409 Кодексі. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_

7 Кондрашина В.А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран. Дис… канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – С. 159. URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnoe-ispolzovanie-tovarnogo-znaka-po-zakonodatelstvu-ross

8 Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі №226-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

9 Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V ҚРЗ. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235

10 Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: https://www.lithuanialaw.com/lithuanian-criminal-code-495

11 Bently L., Ginsburg J.C., Davis Je. The Making of Modern Trade Marks Law the Construction of the Legal Concept of Trade Mark (1860–1880) // Cambridge University Press. 2008. No. 6. P. 3–41. URL: https://tind.wipo.int/record/27788

12 Уголовный кодекс Испании. URL: https://www.mjusticia.gob.es/es/AreaTematica/DocumentacionPublicaciones/

13 Маклаков В.В. Конституция зарубежных государств. – М.: Издательство БЕК, 1999. – 584 с.

14 Казарян А.В. Специализированные суды по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2015. – № 8. URL: http://jursite.garant.ru/legal-issues/specialized-courts-for-intellectual-property-rights?ysclid=lyl4xbdkqm937400251

15 Прошина Ю.В. Уголовная ответственность за преступления против интеллектуальной собственности по законодательству стран Европы // Молодой ученый. – 2017. – № 23(157). – С. 202–204. URL: https://moluch.ru/archive/157/44342/

REFERENCES

1 Regulation (EU) 2017/1001 Of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trade mark. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18298 (In English).

2 Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2015/2436/oj/ (In English).

3 Ivanova E.G. (2014) Istorija razvitija ponjatija tovarnogo znaka i ego funkcij // Juridicheskaja nauka. No. 3. P. 48–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-ponyatiya-tovarnogo-znaka-i-ego-funktsiy/viewer (In Russian).

4 Tauar belgıleri, qyzmet körsetu belgıleri, geografialyq nūsqamalar jäne tauarlar şyğarylğan jerlerdıñ ataulary turaly Qazaqstan Respublikasynyñ 1999 jylğy 26 şıldedegı N 456 Zañy. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000456 (In Kazakh).

5 Qazaqstan Respublikasynyñ Prezidentı N.Ä. Nazarbaevtyñ Qazaqstan joly – 2050: Bır maqsat, bır müdde, bır bolaşaq Qazaqstan halqyna Joldauy. 2014 jylğy 17 qañtar. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-17-yanvarya-2014-g (ötımış berılgen kün: 20.05.2024). (In Kazakh).

6 Qazaqstan Respublikasynyñ azamattyq kodeksı (erekşe bölım) 1999 jylğy 1 şıldedegı No. 409 Kodeksı. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409 (In Kazakh).

7 Kondrashina V.A. (2004) Ugolovnaja otvetstvennost' za nezakonnoe ispol'zovanie tovarnogo znaka po zakonodatel'stvu Rossii i zarubezhnyh stran. Dis… kand. jurid. nauk. Kazan'. P. 159. URL: https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnoe-ispolzovanie-tovarnogo-znaka-po-zakonodatelstvu-ross (In Russian).

8 Qazaqstan Respublikasynyñ Qylmystyq kodeksi 2014 jylğy 3 şildedegı No. 226-V QRZ. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (In Kazakh).

9 Äkımşılık qūqyq būzuşylyq turaly Qazaqstan Respublikasynyñ Kodeksı 2014 jylğy 5 şıldedegı No. 235-V QRZ. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (In Kazakh).

10 Ugolovnyj kodeks Litovskoj Respubliki. URL: https://www.lithuanialaw.com/lithuanian-criminal-code-495 (In Russian).

11 Bently L., Ginsburg J.C., Davis Je. (2008) The Making of Modern Trade Marks Law the Construction of the Legal Concept of Trade Mark (1860–1880). Cambridge University Press. No. 6. P. 3–41. URL: https://tind.wipo.int/record/27788 (In English).

12 Ugolovnyj kodeks Ispanii. URL: https://www.mjusticia.gob.es/es/AreaTematica/DocumentacionPublicaciones/ (In Russian).

13 Maklakov V.V. (1999) Konstitucija zarubezhnyh gosudarstv. M.: Izdatel'stvo BEK. 584 p. (In Russian).

14 Kazarjan A.V. (2015) Specializirovannye sudy po intellektual'nym pravam // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. No. 8. URL: http://jursite.garant.ru/legal-issues/specialized-courts-for-intellectual-property-rights?ysclid=lyl4xbdkqm937400251 (In Russian).

15 Proshina Ju.V. (2017) Ugolovnaja otvetstvennost' za prestuplenija protiv intellektual'noj sobstvennosti po zakonodatel'stvu stran Evropy // Molodoj uchenyj. No. 23 (157). P. 202–204. URL: https://moluch.ru/archive/157/44342/ (In Russian).

КАЛМЫРЗА Г.М.,*[1]
докторант.
*e-mail: g.kalmyrza@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-5154-6180
АЛАЕВА Г.Т.,[1]
к.ю.н., профессор.
e-mail: g.alayeva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-1644-3709
ҚӘДІРБАЙ А.Ә.,[1]
м.ю.н., сениор-лектор.
e-mail: a.kadirbay@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-3694-5415
[1]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация

Международное правовое регулирование незаконного использования товарных знаков играет ключевую роль в защите прав интеллектуальной собственности. Несмотря на существующие проблемы, такие как различия в национальном законодательстве и недостаточное международное сотрудничество, существуют реальные пути их решения. Гармонизация законодательства, расширение сотрудничества и использование современных технологий могут значительно повысить эффективность борьбы с контрафакцией, способствуя защите интересов правообладателей и обеспечивая честную конкуренцию на мировом рынке. В этой статье авторы исследуют ключевые международно-правовые механизмы, направленные на борьбу с незаконным использованием товарных знаков. Они также анализируют основные проблемы и предлагают пути их решения. Особое внимание уделяется уголовной ответственности за незаконное использование товарных знаков как в странах СНГ, так и в некоторых странах с континентальной правовой системой (Литва, Испания, Италия). Авторы пришли к выводу, что защита интеллектуальной собственности в Республике Казахстан основана на современной законодательной базе, соответствующей международным стандартам. Однако для повышения эффективности правоприменительной деятельности необходимо принять дополнительные меры, направленные на повышение осведомленности участников правоотношений, ужесточение санкций уголовного и административного законодательства, а также на укрепление международного сотрудничества.

Ключевые слова: товарный знак, незаконное использование товарного знака, интеллектуальная собственность, промышленная собственность, авторское право, уголовная ответственность.

KALMYRZA G.M.,*[1]
PhD student.
*e-mail: g.kalmyrza@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-5154-6180
ALAYEVA G.T.,[1]
c.l.s., professor.
e-mail: g.alayeva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-1644-3709
KADIRBAY A.Ə.,[1]
m.l.s., senior lecturer.
e-mail: a.kadirbay@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-3694-5415
[1]Turan University,
Almaty, Kazakhstan

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE ILLEGAL USE OF TRADEMARKS

Abstract

International legal regulation of the illegal use of trademarks plays a key role in the protection of intellectual property rights. Despite the existing problems, such as differences in national legislation and insufficient international cooperation, there are real ways to solve them. Harmonization of legislation, enhanced cooperation and the use of modern technologies can significantly improve the effectiveness of the fight against counterfeiting, contributing to the protection of the interests of copyright holders and ensuring fair competition in the global market. In this article, the authors explore the key international legal mechanisms aimed at combating the illegal use of trademarks. They also examine the key issues and propose possible solutions. Particular emphasis is placed on criminal liability for the unlawful use of trademarks in both CIS member states and several countries adhering to the continental legal system (such as Lithuania, Spain, and Italy). The authors conclude that intellectual property protection in the Republic of Kazakhstan is grounded in a modern legal framework that aligns with international standards. Nevertheless, to enhance the effectiveness of law enforcement, additional steps are required, including increasing the awareness of parties involved in legal relations, strengthening criminal and administrative penalties, and expanding international cooperation.

Keywords: trademark, illegal use of a trademark, intellectual property, industrial property, copyright, criminal liability.

Мақаланың редакцияға түскен күні: 21.11.2025

МРНТИ 10.02.06
УДК 343.8
JEL K14

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-258-271

СЕЛИВЕРСТОВ В.И.,*[1]
д.ю.н., профессор.
*e-mail: vis_home@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-9554-5438
[1]Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ОБЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ В ПРАВИЛАХ НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Аннотация

В работе исследуются положения рекомендательного характера, содержащиеся в Минимальных стандартных правилах ООН обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), применимые к проведению бесед и встреч осужденных с проверяющими пенитенциарные учреждения, адвокатами и представителями религиозных организаций, с акцентом на обеспечение конфиденциальности такого общения. Рассматривается, каким образом эти нормы нашли отражение в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан, а также предлагаются варианты корректировки национальных правовых актов. Целью исследования является выявление специфики внедрения международных стандартов конфиденциального общения осужденных в правовые системы двух государств и подготовка предложений по их дальнейшему совершенствованию. Ключевая идея работы связана с укреплением механизмов защиты прав осужденных посредством более полного учета международных норм. Научная и практическая ценность исследования заключается в проведении комплексного сравнительного анализа правового регулирования конфиденциальных встреч, определении существующих юридических пробелов и несоответствий, а также в аргументации необходимости их устранения для повышения эффективности уголовно-исполнительной системы. Методология исследования основана на сравнительно-правовом, системном и аналитическом подходах. Основные выводы показывают, что Россия более детально регламентировала обеспечение конфиденциальности, в то время как в Казахстане правовое содержание конфиденциальности не всегда раскрыто. Автор подчеркивает важность унификации гарантий, включая визуальный контроль встреч при соблюдении конфиденциальности. Ценность работы состоит в оценке действующих механизмов имплементации международных стандартов.

Ключевые слова: правила Нельсона Манделы, осужденный, адвокат, священнослужитель, конфиденциальность, инспекции и посещение учреждений, уголовно-исполнительное законодательство.

Введение

Для Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (далее – Правила Нельсона Манделы или Правила) 2025 г. является юбилейным: прошел десятилетний период с момента их принятия Генеральной Ассамблеей ООН. Десять лет пенитенциарные (тюремные) системы большинства государств мира работают над тем, чтобы реализовать в своем законодательстве и деятельности гуманные стандарты обращения с заключенными. На Правила Нельсона Манделы ориентируются все последующие решения ООН в области пенитенциарной деятельности и обращения с заключенными. Последним примером являются одобренные Экономическим и Социальным Советом ООН в мае 2025 г. Типовые стратегии ООН по снижению рецидивизма (Киотские типовые стратегии), в нормах которых имеются многочисленные ссылки на Правила Нельсона Манделы [1].

Правила Нельсона Манделы в числе многих вопросов организации тюремных систем государств содержат рекомендации по условиям содержания заключенных, средствам их исправления, материально-бытовом и медицинском обслуживании, по их общению с внешним миром.

При этом оговоримся о том, что имплементация в уголовно-исполнительном законодательстве международных рекомендательных стандартов ООН, включая и Правил Нельсона Манделы, не самоцель, а важное средство решения актуальных проблем повышения эффективности деятельности национальных тюремных систем. Поэтому государства, как правило, в разных формах и в разном объеме включают в свое законодательство положения международных рекомендательных норм. В связи с этим сомнительно осуждать государства в том, что они не учли то или иное положение международных актов. Следует обязательно принимать во внимание национальные особенности правовых систем государств и их исторического развития, экономический уровень развития страны, благосостояние и менталитет народов, уровень и динамику преступности, правосознание граждан и другие факторы. То, что не было имплементировано в национальное законодательство на определенном историческом отрезке времени, может появиться позднее, по мере создания для этого необходимых экономических, политических, социальных и духовных условий. Недаром в общих предварительных положениях Правил Нельсона Манделы установлено, что «принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно» (правило 2).

В Правилах Нельсона Манделы регламентировано обеспечение конфиденциальности общения с осужденными, отбывающими наказание в тюремных учреждениях, применительно к трем встречающимся в пенитенциарной практике ситуациям:

а) беседы во время посещений (встреч) осужденных лицами, осуществляющими инспекции тюремных учреждений;

б) свидания, консультации и общение осужденных с адвокатами и иными лицами, предоставляющими юридическую помощь;

в) беседы во время посещений (встреч) осужденных со служителями религиозных культов на религиозные темы.

Рассмотрим эти ситуации более подробно в аспекте учета обеспечения конфиденциальности таких встреч уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Казахстан (далее – РК).

Материалы и методы

Цель данной части исследования заключается в оценке надежности применяемых научных методов и степени их влияния на полученные результаты. Методологическая основа работы выстроена таким образом, чтобы обеспечить объективность сравнительного анализа, воспроизводимость выводов и их соответствие современным требованиям юридической науки.

Материалами исследования послужили международные и национальные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы обращения с осужденными и обеспечения конфиденциальности их общения, включая Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан, подзаконные акты, а также официальные отчеты уполномоченных органов, материалы правоприменительной практики и данные специализированных зарубежных исследований в сфере пенитенциарного контроля и защиты прав человека. Дополнительно использовались научные публикации отечественных и зарубежных авторов за последние годы, посвященные вопросам мониторинга мест лишения свободы, адвокатской тайны, религиозных прав осужденных и механизмам институционального контроля.

В качестве основного метода исследования применен сравнительно-правовой анализ, позволивший выявить сходства и различия в регулировании конфиденциального общения осужденных в уголовно-исполнительных системах Российской Федерации и Республики Казахстан, а также степень имплементации международных стандартов в национальное законодательство. Надежность данного метода обеспечивается его широким использованием в правовых исследованиях и возможностью сопоставления правовых конструкций при сходных социальных условиях.

Широко использовался формально-юридический метод, направленный на анализ содержания правовых норм, их структуры, логики изложения и правовых последствий. Данный метод

позволил установить наличие пробелов, коллизий и неопределенных формулировок в регулировании конфиденциальности общения осужденных с инспекторами, адвокатами и представителями религиозных конфессий.

Для выявления внутренних противоречий и оценки согласованности нормативных предписаний применялся системный метод, позволивший рассматривать институт конфиденциальности не изолированно, а во взаимосвязи с иными гарантиями прав осужденных, целями уголовно-исполнительной политики и задачами обеспечения безопасности в учреждениях исполнения наказаний. Использование данного метода повысило обоснованность выводов о необходимости унификации подходов к конфиденциальным свиданиям.

Аналитический метод использовался при изучении правоприменительной практики, статистических данных и докладов контрольных органов, что позволило оценить не только формальное закрепление гарантий, но и фактический уровень их реализации. Данный метод обеспечил переход от нормативного анализа к практико-ориентированным выводам.

Дополнительно применялись логико-дедуктивный и индуктивный методы, позволившие обобщить разрозненные правовые положения, выявить устойчивые тенденции правового регулирования и сформулировать предложения по его совершенствованию. Их использование повысило степень обоснованности авторских выводов и рекомендаций.

План и последовательность исследования включали несколько этапов. На первом этапе был проведен теоретико-правовой анализ Правил Нельсона Манделы и выявлены их ключевые положения, относящиеся к обеспечению конфиденциальности общения осужденных. На втором этапе осуществлен анализ норм уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, регулирующих соответствующие виды свиданий и встреч. На третьем этапе проведено сопоставление международных стандартов и национальных норм с выявлением пробелов, несоответствий и особенностей имплементации. На четвертом этапе сформулированы научно обоснованные выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования.

Таким образом, совокупность использованных материалов и методов обеспечивает достаточную надежность полученных результатов, позволяет считать выводы исследования обоснованными, а разработанные предложения – практически реализуемыми в условиях действующих уголовно-исполнительных систем.

Результаты и обсуждение

Конфиденциальность (от лат. confidentia – «доверие») тесно связана с обращением с информацией. Под данным понятием, как правило, понимают обязанность лица, которое получило доступ к определенным сведениям, не раскрывать их и не передавать третьим лицам без разрешения того, кому эта информация принадлежит.

В уголовно-исполнительном законодательстве РФ термин «конфиденциальность» не встречается, однако закреплены гарантии ее соблюдения: встречи наедине; обеспечение невозможности подслушивания; запрет применения технических средств прослушивания. В уголовно-исполнительном законодательстве РК термин «конфиденциальность» закреплен применительно к свиданиям осужденных с адвокатами, только без раскрытия гарантий ее соблюдения.

Беседы во время посещений (встреч) осужденных лицами, осуществляющими инспекции тюремных учреждений.

Международные стандарты обращения с лицами, содержащимися в местах лишения свободы, исходят из необходимости построения многоуровневой системы контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений. Такая система предполагает регулярное осуществление проверок как силами самих органов управления уголовно-исполнительной системой, так и посредством независимых внешних структур. Внутренний сегмент контроля ориентирован на административный надзор со стороны центральных уполномоченных органов, тогда как внешний уровень обеспечивается органами и организациями, не входящими в систему тюремной администрации, включая международные и региональные контрольные механизмы. Подобное сочетание внутренних и внешних форм надзора направлено на повышение прозрачности деятельности учреждений исполнения наказаний и снижение риска системных нарушений прав

человека. Внедрение программ внутреннего мониторинга и инспекций как элемента по приведению управления исправительными учреждениями и условий содержания в них в соответствие с Правилами Нельсона Манделы предусматривают Типовые стратегии ООН по снижению рецидивизма (Киотские типовые стратегии).

Для России и Казахстана внутренние инспекции осуществляются в рамках ведомственного контроля. Внешний контур инспекций как основной формы контроля в большей степени разнообразный, чем внутренний. В него входят инспекции (проверки, посещения) в рамках президентского, парламентского, правительственного, судебного, государственного правозащитного контроля и прокурорского надзора.

Международные пенитенциарные стандарты исходят из того, что контроль за деятельностью учреждений исполнения наказаний должен включать не только формальные проверки условий содержания, но и полноценное общение проверяющих с осужденными и персоналом. Такое взаимодействие должно осуществляться в условиях, исключающих присутствие посторонних лиц и какое-либо вмешательство в содержание разговора. Лишь при соблюдении данных требований достигается реальная конфиденциальность, необходимая для получения достоверной информации о положении дел в учреждении.

Особое значение придается именно отсутствию административного давления во время подобных бесед. Стандарты ориентируют практику инспекционной деятельности на то, чтобы осужденные могли без ограничений и опасений излагать свою позицию представителям контрольных органов, не испытывая влияния со стороны руководства либо сотрудников учреждения. Это подчеркивает правозащитную направленность инспекционного механизма как инструмента выявления скрытых нарушений.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о том, каким образом указанные подходы реализованы в национальном уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. В действующем правовом регулировании закреплен перечень должностных лиц и представителей общественных структур, которым предоставлено право беспрепятственного доступа в учреждения, исполняющие наказания, для осуществления возложенных на них функций. Данный перечень формирует институциональную основу системы внутреннего и внешнего контроля, однако сам по себе еще не предопределяет объем гарантий конфиденциального общения с осужденными.

Такое требование закреплено в подпункте «с» правила 84 Правил Нельсона Манделы.

На первом месте (п. «а» ч.1 ст. 24 УИК РФ) указан Президент РФ, который, согласно Конституции РФ, является главой государства и гарантом соблюдения прав человека. Посещение Президентом РФ учреждений и органов, исполняющих наказания, является одной из форм президентского контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений. В истории было зафиксировано два случая посещения Президентом РФ исправительных учреждений: в 1999 г. В.В. Путин посетил следственный изолятор «Кресты» в Санкт-Петербурге (после этого посещения было принято решение о строительстве нового следственного изолятора «Кресты», который был открыт в 2018 г.); в 2009 г. Д.А. Медведев посетил Вологодскую воспитательную колонию (г. Вологда), что стало толчком к очередному этапу реформирования уголовно-исполнительной системы России.

Система парламентского контроля в сфере исполнения уголовных наказаний реализуется в том числе через наделение представителей законодательной власти правом беспрепятственного посещения исправительных учреждений. Данные полномочия распространяются как на представителей федерального уровня, так и на депутатов региональных и муниципальных представительных органов, при условии осуществления ими своих функций в пределах соответствующих территорий. Тем самым обеспечивается формальная возможность осуществления парламентского надзора за деятельностью уголовно-исполнительной системы на различных уровнях публичной власти.

Наряду с этим в механизме контроля за исполнением наказаний задействованы и субъекты исполнительной власти. Право посещения учреждений исполнения наказаний предоставляется высшим должностным лицам государства и регионов, а также руководителям органов местного самоуправления при соблюдении территориальных границ их полномочий. Такое правовое решение отражает включенность уголовно-исполнительной системы в общую вертикаль государственного управления и подчеркивает ее подотчетность органам публичной администрации.

Особое место в системе надзора занимает прокурорский контроль, который по своему характеру носит специализированный и постоянный характер. Полномочия прокурорских работников по посещению учреждений исполнения наказаний направлены на обеспечение законности и предупреждение нарушений прав осужденных на всех стадиях исполнения приговоров. В отличие от иных форм контроля прокурорский надзор ориентирован не столько на политическую или управленческую оценку деятельности учреждений, сколько на выявление конкретных фактов отступления от закона и принятие мер реагирования.

В рассматриваемом перечне отражен и механизм судебного контроля. Судьи тех судов, которые осуществляют правосудие на территориях, где располагаются учреждения и органы, исполняющие наказания, вправе беспрепятственно посещать такие объекты (п. «г» ч. 1 ст. 24 УИК РФ).

В системе внутреннего контроля за деятельностью органов, исполняющих уголовные наказания, важную роль играет ведомственный надзор, осуществляемый вышестоящими структурами уголовно-исполнительной системы. Такие субъекты наделяются правом свободного доступа в исправительные учреждения в рамках своих служебных полномочий, что обеспечивает управляемость системы и возможность оперативного реагирования на выявляемые нарушения. После внесенных изменений начала 2020-х годов данный круг субъектов был расширен за счет высших должностных лиц, курирующих сферу исполнения наказаний, что усилило вертикаль административного контроля.

Особое и самостоятельное место в механизме защиты прав осужденных занимает институт омбудсмена. Уполномоченный по правам человека наделен максимально широкими возможностями по посещению учреждений исполнения наказаний, что позволяет ему осуществлять независимый правозащитный мониторинг без процессуальных ограничений. В отличие от него иные специальные уполномоченные – по правам ребенка и по защите прав предпринимателей – реализуют свои полномочия в более узких, предметно очерченных пределах, что отражает специфику их функционального назначения.

Схожая логика разграничения компетенции характерна и для деятельности региональных уполномоченных. Их правозащитные полномочия реализуются в пределах соответствующих субъектов Федерации и направлены на обеспечение дополнительного уровня контроля за соблюдением прав человека в местах лишения свободы. В совокупности такие полномочия формируют многоуровневую государственную систему правозащитного мониторинга, в которой посещение учреждений без специального допуска выступает не формальной привилегией, а ключевым инструментом выявления и пресечения нарушений.

В России за исполнением наказаний и обеспечением прав осужденных осуществляется не только государственный, но и общественный контроль. Соответственно, общественные наблюдательные комиссии и их члены в пределах соответствующих территорий также могут посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, без специального на то разрешения (п. «д» ч.1 ст. 24 УИК РФ).

В итоге можно отметить, что рекомендация Правил Нельсона Манделы относительно осуществления внутренних и внешних инспекций в российской уголовно-исполнительной системе в целом реализована. Однако право на проведение конфиденциальных бесед с осужденными во время таких посещений предоставлено далеко не всем субъектам контроля, а лишь трем категориям:

а) уполномоченному по правам человека в Российской Федерации (ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ);
б) уполномоченным по правам человека в субъектах РФ (ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ);
в) членам общественных наблюдательных комиссий (ч. 2 ст. 23 УИК РФ).

В первых двух случаях конфиденциальность обеспечивается возможностью разговора с осужденным с глазу на глаз, но в условиях, позволяющих представителю администрации наблюдать беседующих, не имея при этом возможности слышать содержание разговора. В отношении же общественных наблюдательных комиссий термин «наедине» в норме отсутствует, но сохраняется требование о таких условиях, при которых сотрудник учреждения может видеть участников беседы, но не слышать их. Различия в регулировании, по сути, лишены логического объяснения и свидетельствуют скорее о наличии пробела в законодательстве.

Для всех прочих субъектов, имеющих право посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, режим конфиденциальности в УИК РФ или в иных нормативных актах (включая Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста РФ от 04.07.2022 № 110) не предусмотрен, что нельзя считать оправданным.

Во-первых, отсутствие такой гарантии для прокуроров и сотрудников уголовно-исполнительной системы способно затруднить проведение полноценной проверки, особенно если она касается соблюдения прав осужденных – вопросы, требующие открытого и честного диалога, сложно выяснить при отсутствии конфиденциальности.

Во-вторых, для ряда других субъектов посещений подобный пробел выглядит сомнительным с этической точки зрения. Например, непонятно, почему конфиденциальная беседа с осужденным допускается для уполномоченного по правам человека в РФ, но не предусмотрена для уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка или уполномоченного по защите прав предпринимателей. Возникает резонный вопрос: предполагается ли недоверие к этим должностным лицам или опасения относительно возможных злоупотреблений с их стороны?

Такая разница в подходах не находит объективного обоснования и указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в части обеспечения единых гарантий конфиденциальности при проведении проверок.

Аналогичные вопросы возникают тогда, когда приходится констатировать, что Президент РФ, председатель Правительства РФ, министр юстиции РФ, сенаторы РФ, депутаты и другие должностные лица также не пользуются правом на конфиденциальность бесед с осужденными.

Разрешение выявленных противоречий в сфере конфиденциальности контрольных посещений неоднократно становилось предметом научных дискуссий и концептуальных разработок. В рамках проектирования теоретической модели Общей части обновленного уголовно-исполнительного законодательства была предпринята попытка выстроить внутренне согласованную систему норм, определяющих не только круг субъектов, наделенных правом посещения учреждений, исполняющих наказания, но и объем их полномочий, а также гарантии безопасности и независимости осуществляемой ими деятельности. Центральное место в этих предложениях отводилось условиям проведения личных бесед с осужденными, поскольку именно такие беседы рассматриваются как ключевой инструмент выявления латентных нарушений прав человека в пенитенциарной среде [2].

В рамках указанной научной концепции предполагалось нормативно закрепить возможность проведения личных встреч в условиях изоляции от постороннего воздействия, при строгом запрете любых форм аудиоконтроля и при допустимости лишь визуального наблюдения исключительно в целях обеспечения безопасности и предотвращения противоправных действий. Такой подход отражал стремление к формированию сбалансированной модели, в которой требования режима не подрывают саму сущность конфиденциального общения. Однако, несмотря на очевидную практическую значимость данных предложений и их соответствие международным стандартам, соответствующие изменения так и не были имплементированы в действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации.

Отсутствие в российской правовой системе четко установленного и унифицированного порядка обеспечения конфиденциального общения между проверяющими и осужденными в ходе контрольных визитов остается одним из уязвимых элементов правового регулирования. На практике это приводит к ситуации, при которой конкретные условия проведения таких встреч во многом зависят от усмотрения администрации учреждений, уровня их открытости и внутренней корпоративной культуры. Подобная неопределенность снижает правовую предсказуемость, ослабляет гарантии защиты прав осужденных и формирует неоднородность правоприменительной практики.

В уголовно-исполнительной системе Республики Казахстан право беспрепятственного доступа в учреждения, исполняющие наказания, также предоставлено широкому кругу публичных субъектов. Такая конструкция отражает многоуровневый характер системы контроля и надзора, в которой сочетаются элементы политического, административного, судебного и правозащитного воздействия. Высшие органы государственной власти наделены возможностью непосредственного ознакомления с условиями отбывания наказаний, что подчеркивает включенность уголовно-исполнительной системы в общую архитектуру государственного управления и персональную ответственность высших должностных лиц за ее функционирование.

Парламентский контроль в Казахстане реализуется через предоставление представителям законодательной власти права посещения учреждений исполнения наказаний. В то же время, в отличие от российской модели, аналогичные полномочия не распространяются на депутатов регионального уровня. Это свидетельствует о более централизованном характере казахстанской системы парламентского надзора, в которой основная нагрузка по осуществлению контрольных функций сосредоточена на уровне национального парламента.

Форма правительственного контроля выражается в наделении высших должностных лиц исполнительной власти правом доступа в учреждения уголовно-исполнительной системы в пределах соответствующих административно-территориальных образований. Такая модель обеспечивает связь между функционированием пенитенциарных учреждений и системой территориального публичного управления, а также создает условия для интеграции вопросов исполнения наказаний в региональную социальную и административную политику.

Прокурорский надзор в Республике Казахстан сохраняет традиционный публично-правовой характер и включает полномочия по беспрепятственному посещению учреждений, исполняющих наказания. Это позволяет органам прокуратуры осуществлять постоянную проверку соблюдения законности, выявлять нарушения прав осужденных, реагировать на факты злоупотреблений и обеспечивать восстановление нарушенных прав в установленных законом формах. Данная форма контроля ориентирована прежде всего на правовую, а не управленческую оценку деятельности учреждений.

Судебный контроль реализуется посредством предоставления судам возможности посещения учреждений уголовно-исполнительной системы в связи с рассмотрением конкретных уголовных дел. Такая форма контроля носит ситуационный и точечный характер и направлена преимущественно на проверку законности исполнения судебных решений, условий содержания конкретных лиц и соблюдения их процессуальных прав.

Ведомственный контроль обеспечивается через посещение учреждений представителями вышестоящих органов уголовно-исполнительной системы. Этот механизм ориентирован на поддержание управляемости системы, контроль за соблюдением служебной дисциплины, анализ эффективности деятельности подведомственных подразделений и реализацию административной ответственности. В логике дальнейшего институционального развития представляется обоснованным совершенствование данной модели с учетом организационного подчинения уголовно-исполнительной системы Министерству внутренних дел, что позволило бы повысить согласованность управленческих решений.

Государственный правозащитный контроль в Республике Казахстан осуществляется посредством деятельности омбудсменов. Уполномоченный по правам человека, а также его представители на местах обладают возможностью непосредственного доступа в учреждения исполнения наказаний, что обеспечивает реализацию независимого мониторинга соблюдения прав осужденных. Аналогичные полномочия предоставлены и уполномоченному по правам ребенка, что обусловлено спецификой защиты несовершеннолетних и иных уязвимых категорий лиц.

Особое место в системе контроля занимает национальный превентивный механизм, деятельность которого сочетает элементы государственного, общественного и международного контроля. Его участники наделены правом свободного посещения учреждений уголовно-исполнительной системы без предварительного разрешения, что ориентировано прежде всего на предупреждение пыток, жестокого обращения и иных форм недопустимого воздействия. Данная форма контроля по своей природе выходит за рамки классических отраслевых механизмов и выполняет превентивно-правозащитную функцию.

Кроме того, в систему общественного мониторинга включены наблюдательные комиссии, осуществляющие визиты в учреждения исполнения наказаний при условии предварительного уведомления администрации. Такая процедура, с одной стороны, сохраняет общественный характер контроля, а с другой – подчеркивает его более ограниченный правовой статус по сравнению с государственными формами надзора. Тем не менее именно деятельность этих комиссий нередко позволяет выявлять социальные, бытовые и медицинские проблемы, которые остаются вне поля зрения иных контрольных субъектов.

Регулирование конфиденциальности общения с осужденными во время подобных посещений демонстрирует сходный подход с российской моделью. Право на беседу с осужденными

без свидетелей прямо предоставлено членам общественных наблюдательных комиссий (ч. 3 ст. 36 УИК РК) и участникам национального превентивного механизма (ч. 4 ст. 42 УИК РК).

В связи с таким распределением полномочий возникают аналогичные вопросы, касающиеся этической корректности и практической эффективности отдельных видов контроля, что и при анализе российской нормативной базы.

Как нам представляется, право посещения без специального разрешения учреждений и органов, исполняющих наказание, и возможность личной беседы с осужденными (да и представителями персонала) органически взаимосвязаны. Без конфиденциальности беседы с осужденными такие посещения не столь эффективны, а в общественном мнении могут восприниматься как дежурные формальные мероприятия, как мероприятия ради галочки в отчете о своей деятельности.

Международные эмпирические исследования последних лет подтверждают данный вывод. Так, в рамках сравнительного исследования пенитенциарных систем стран Северной Европы установлено, что эффективность инспекций напрямую зависит от уверенности осужденных в конфиденциальности их общения с проверяющими. При отсутствии условий приватности значительная часть нарушений остается латентной, поскольку осужденные опасаются последствий со стороны администрации учреждений. В докладах европейских мониторинговых структур подчеркивается, что именно конфиденциальные беседы являются ключевым инструментом выявления скрытых форм давления, злоупотреблений и неправомерного обращения [3].

Свидания, консультации и общение осужденных с адвокатами и иными лицами, предоставляющими юридическую помощь.

В Правилах Нельсона Манделы рекомендуется предоставлять заключенным надлежащие возможности, время и условия для свиданий, общения и консультаций с адвокатом по своему выбору или с лицом, предоставляющим юридическую помощь, без каких-либо задержек, вмешательства или цензуры и в условиях полной конфиденциальности по любому юридическому вопросу в соответствии с применимым внутренним законодательством. Консультации могут проводиться в поле зрения, но не в пределах слышимости тюремного персонала (правило 61).

Следует отметить некоторую противоречивость указанной нормы. Как следует из нее, на свидания, общение и консультации с адвокатом или с лицом, предоставляющим юридическую помощь (далее – с адвокатом), распространяется полная конфиденциальность. Однако ниже уровень конфиденциальности понижается: консультации могут проводиться в поле зрения, но не в пределах слышимости тюремного персонала. Поскольку консультации адвоката являются целью и сутью деятельности адвоката во время свидания с осужденным, то можно сказать, что в данном случае Правила предусмотрели неполную или усеченную конфиденциальность.

Как же эти положения имплементированы в уголовно-исполнительном законодательстве России?

Статья 89 УИК РФ устанавливает гарантию конфиденциальности общения осужденных с адвокатами и иными лицами, имеющими право оказывать юридическую помощь, а также с нотариусами. Такие свидания проводятся наедине, в условиях, исключающих возможность слышать разговор третьими лицами, и без использования каких-либо технических средств аудиоконтроля. Аналогичный порядок закреплен и в отношении осужденных военнослужащих, содержащихся в дисциплинарной воинской части: часть 6 статьи 158 УИК РФ предусматривает те же гарантии конфиденциальности.

Таким образом, российский законодатель достаточно четко определил содержание конфиденциального общения – «наедине», «вне пределов слышимости» и «без применения средств прослушивания». Однако по сравнению с Правилами Нельсона Манделы данная регламентация представляется неполной. В частности, статья 89 УИК РФ не упоминает, что свидания допускается проводить под визуальным контролем сотрудников исправительного учреждения, включая применение технических средств видеонаблюдения.

Между тем возможность использования таких средств уже прямо предусмотрена в иных нормах уголовно-исполнительного законодательства. Так, часть 4 статьи 13 УИК РФ допускает применение технических средств видеонаблюдения при проведении личных встреч осужденных со священнослужителями. Это свидетельствует о неоднородности подходов: в одних

случаях законодатель учитывает необходимость визуального контроля, а в других – оставляет данный аспект неурегулированным.

Может возникнуть вопрос, как часто встречаются осужденные с адвокатами и есть ли случаи, когда требуется визуальное наблюдение за их встречами? Согласно Девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, прошедшей в России в декабре 2022 г., почти каждый десятый (женщины – 9,4%, мужчины – 10,5%) осужденный пользовался услугами адвокатов в течение 2022 г. [4, с. 126] Это довольно высокий показатель, хотя в нем не выделены отдельно свидания с адвокатами. Что касается практики предоставления свиданий, то она неоднократно демонстрировала необходимость визуального наблюдения за поведением участников такого свидания. В истории были случаи передачи адвокатами подсудимым и осужденным оружия, наркотических средств, средств мобильной связи и иных запрещенных предметов. Поэтому в пункте 230 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений установлено, что в случае передачи либо попытки передачи адвокатами осужденным к лишению свободы или передачи либо попытки передачи осужденными к лишению свободы указанным лицам запрещенных в ИУ вещей и предметов свидание немедленно прекращается. А как можно обнаружить передачу или попытку передачи запрещенных вещей и предметов? Только в тех случаях, когда за свиданием осужденного с адвокатом ведется визуальное наблюдение.

Поэтому следует поддержать предложения авторов теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предлагающих в регламентацию встреч осужденных с адвокатами включить следующее положение: «Для контроля за соблюдением участниками встречи правил их проведения ведется визуальное наблюдение, в том числе с использованием технических средств видеонаблюдения» [5, с. 147]

В уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана вопрос конфиденциальности свиданий осужденных с адвокатами решен довольно лаконично: применительно к уголовным наказаниям в виде ареста и лишения свободы указано, что при проведении таких свиданий обеспечивается их конфиденциальность (ч. 5 ст. 86, ч.6 ст. 106 УИК РК). Однако содержание конфиденциальности не раскрывается ни в УИК РК, ни в п. 95 Правил внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан, утвержденных приказом МВД РК от 17.11.2014 , № 819 в редакции приказа министра внутренних дел РК от 23.06.2025, №460. Представляется, что такой лаконизм в расшифровке конфиденциальности свиданий осужденных с адвокатом не вполне обоснован, поскольку речь идет о важных гарантиях прав человека. И эти гарантии должны найти отражение в УИК РК [6].

Беседы во время посещений (встреч) осужденных со служителями религиозных конфессий на духовные темы.

Правила Нельсона Манделы предусматривают специальные гарантии, направленные на обеспечение права осужденных на свободу вероисповедания, независимо от принадлежности к той или иной религиозной традиции. Согласно пункту 2 правила 65, квалифицированный служитель культа, назначаемый или допускаемый в учреждение в соответствии с пунктом 1 этого правила, должен иметь возможность регулярно совершать богослужения, а также периодически посещать заключенных наедине в специально отведенное время для бесед религиозного характера. Введение такого положения обусловлено необходимостью соблюдения религиозных предписаний – например, в христианской традиции обязательной является тайна исповеди, которая может быть обеспечена только в условиях полной конфиденциальности.

Российское уголовно-исполнительное законодательство закрепляет аналогичные гарантии. Часть 4 статьи 14 УИК РФ предусматривает, что по просьбе осужденных, отбывающих принудительные работы, арест, дисциплинарное содержание в воинской части либо лишение свободы, к ним могут быть приглашены священнослужители зарегистрированных религиозных объединений – православия, ислама, иудаизма и буддизма. Среди различных форм реализации религиозных обрядов УИК РФ предусматривает личные встречи со священнослужителями, количество которых не ограничено, а продолжительность каждой может составлять до двух часов при условии соблюдения правил внутреннего распорядка учреждения и присутствия представителя администрации.

Однако предусмотрено и исключение из общего порядка: если осужденный подает соответствующее заявление, а священнослужитель подтверждает свое согласие письменно, личная встреча, в том числе для проведения религиозных обрядов, может проходить наедине, вне слышимости третьих лиц, с использованием технических средств видеонаблюдения. Такой подход позволяет обеспечить одновременно соблюдение религиозных канонов и необходимый уровень контроля со стороны администрации учреждения.

Вопрос о конфиденциальности различных видов свиданий привлекает внимание из-за заметной неоднородности правового регулирования. Так, для уполномоченных по правам человека и членов общественных наблюдательных комиссий установлен режим естественного визуального контроля: представители администрации могут видеть участников беседы, но не слышать их. В отношении же адвокатов и нотариусов требование о визуальном наблюдении вообще отсутствует, что фактически исключает возможность какого-либо контроля со стороны персонала.

Для священнослужителей, напротив, установлен наиболее жесткий порядок: встречи, проводимые наедине, должны сопровождаться обязательным применением технических средств видеонаблюдения, причем с фиксацией изображения. Такая дифференциация режимов вызывает обоснованные вопросы, поскольку логически объяснить столь разные подходы крайне сложно.

Тем более это выглядит противоречиво на фоне практики: с учетом цифровизации уголовно-исполнительной системы технические средства видеоконтроля уже активно используются при посещениях учреждений членами ОНК, а нередко и уполномоченными. Иными словами, фактическая практика шагнула дальше нормативного регулирования, обнажив необходимость его унификации и систематизации.

В уголовно-исполнительном праве Республики Казахстан право осужденных на свободу совести и религиозных убеждений рассматривается как одна из гарантий их личной автономии даже в условиях изоляции от общества. Реализация данного права осуществляется исключительно на добровольной основе и не может носить принудительного характера. При этом любые религиозные действия должны быть встроены в режим функционирования учреждения и осуществляться с учетом установленных требований внутреннего порядка. Государство при этом прямо исключает возможность использования религиозной деятельности в целях уклонения от выполнения законных обязанностей либо вовлечения осужденных в противоправное поведение.

Практическая организация религиозных мероприятий в местах лишения свободы Республики Казахстан осуществляется в рамках подзаконного регулирования, которое ориентировано прежде всего на приоритет безопасности и управляемости пенитенциарной среды. Действующие требования предусматривают обязательное присутствие представителей администрации учреждения при проведении религиозных обрядов, что фактически исключает возможность индивидуального или доверительного формата общения между осужденным и священнослужителем. Тем самым законодатель исходит из необходимости постоянного административного контроля над религиозной сферой в учреждениях исполнения наказаний.

В результате сложившаяся в Казахстане модель правового регулирования не допускает конфиденциальности религиозного общения ни в рамках общего порядка, ни в качестве исключения из него. В отличие от этого подхода в отдельных зарубежных правопорядках, включая российскую практику, допускается возможность приватных встреч со священнослужителем при соблюдении специальных условий и дополнительных гарантий. Подобное различие свидетельствует о приоритете превентивно-безопасностной логики в национальной модели регулирования религиозных контактов осужденных.

Данное положение вызвано уважительной причиной, а именно широким распространением экстремистских религиозных течений, которые в начале нынешнего тысячелетия существенно осложняли обстановку в местах лишения свободы России и Казахстана. Констатируя невыполнение рекомендаций Правил Нельсона Манделы (п.2 Правило 65) об обеспечении тайны религиозного общения с осужденными, следует вновь указать на то, что Правила допускают

такую возможность, исходя из разнообразия юридических, социальных, экономических и географических условий (правило 2).

Заключение

1. Исходя из смысла Правил Нельсона Манделы конфиденциальность общения осужденных с лицами, осуществляющими внутренние и внешние инспекции, основана на беспрепятственном доступе инспекторов в тюремные учреждения. Если инспектор пользуется правом беспрепятственного доступа в тюремное учреждение, то он одновременно имеет возможность на конфиденциальное общение с осужденными.

Для уголовно-исполнительных систем России и Казахстана характерна модель, при которой нормативно закрепляется достаточно широкий перечень субъектов, обладающих правом посещения учреждений исполнения наказаний без получения специального разрешения. Вместе с тем объем их фактических полномочий в части взаимодействия с осужденными существенно различается. Возможность конфиденциального общения предоставляется лишь отдельным категориям таких лиц, тогда как для большинства иных посетителей подобная форма контакта не предусмотрена. В условиях отсутствия четкой регламентации иных содержательных правомочий возникает закономерный вопрос о функциональном назначении подобных посещений, если они не сопровождаются реальными механизмами выявления нарушений прав осужденных. Избирательный характер предоставления гарантий конфиденциальности снижает практическую эффективность контрольных процедур и порождает обоснованные сомнения с точки зрения их целевой направленности и профессиональной обоснованности. С учетом этого корректировка действующего уголовно-исполнительного законодательства представляется объективно необходимой.

2. Международные стандарты обращения с заключенными исходят из того, что общение осужденного с защитником должно осуществляться в условиях, обеспечивающих полную неприкосновенность содержания юридических консультаций при одновременном соблюдении разумных требований безопасности. Такая модель предполагает исключение какого-либо вмешательства в переговоры и допускает лишь визуальный контроль со стороны персонала учреждения. В российском уголовно-исполнительном праве данные гарантии получили наиболее развернутое нормативное оформление, однако и здесь сохраняется потребность в дальнейшем уточнении допустимых форм визуального наблюдения, включая использование современных технических средств при строгом запрете аудиоконтроля.

В правовом регулировании Республики Казахстан также закрепляется обязанность обеспечивать конфиденциальный характер свиданий осужденных с адвокатами, однако содержание данного режима не раскрывается ни на уровне кодекса, ни в подзаконных актах, регулирующих порядок исполнения наказаний. Отсутствие нормативной конкретизации создает предпосылки для неоднозначного толкования соответствующих гарантий на практике и ослабляет уровень защиты прав осужденных. В этой связи представляется необходимым закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан развернутого определения конфиденциальности адвокатских свиданий с указанием допустимых и недопустимых форм контроля со стороны администрации учреждений.

Зарубежные правовые исследования последних лет исходят из того, что конфиденциальность общения осужденного с защитником является фундаментальной гарантией справедливого судебного разбирательства, а не технической деталью процедуры. Вместе с тем подчеркивается, что допустимым компромиссом между интересами безопасности и правами личности является исключительно визуальный контроль за встречей без какого-либо аудиовмешательства. Любые формы прослушивания или перехвата коммуникаций между адвокатом и подзащитным рассматриваются как недопустимое вмешательство в право на защиту и нарушение принципа равноправия сторон [7].

3. Что касается встреч осужденных с представителями религиозных конфессий, то как в российском, так и в казахстанском уголовно-исполнительном законодательстве действует общее правило: такие беседы проводятся в присутствии представителя администрации. В России

предусмотрено исключение – возможность проведения конфиденциальной встречи со священнослужителем при выполнении определенных условий. В Казахстане же данная норма действует без каких-либо исключений.

Таким образом, в обеих странах рекомендации Правил Нельсона Манделы о полной конфиденциальности встреч со служителями религиозных культов реализованы лишь частично. Это обусловлено стремлением государств предотвратить распространение экстремистских или деструктивных религиозных идей в учреждениях исполнения наказаний, что особенно актуально в условиях нестабильной международной ситуации и рисков политической и идеологической дестабилизации.

Тем не менее по мере укрепления социально-экономической базы государств, стабилизации политической обстановки и постепенного «очищения» религиозной сферы от радикализированных влияний возможно более полноценное внедрение рекомендаций Правил Нельсона Манделы в национальное законодательства обеих стран.

В зарубежных пенитенциарных исследованиях отмечается, что баланс между свободой вероисповедания осужденных и требованиями институциональной безопасности является одной из наиболее сложных задач тюремного администрирования. Анализ практики государств Европейского союза показывает, что отказ от конфиденциальных форм духовного общения допускается преимущественно в условиях устойчивых угроз радикализации и экстремистского воздействия. При этом в долгосрочной перспективе восстановление элементов конфиденциальности рассматривается как важный фактор ресоциализации и снижения конфликтного потенциала в местах лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1 Типовые стратегии ООН по снижению рецидивизма (Киотские типовые стратегии). URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_34/Resolutions/ECN152025_L5_Rev1_r.pdf (дата обращения: 23.07.2025 г.)

2 Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. Монография. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – С. 216.

3 Monitoring prisons in Europe: Understanding perspectives of people in prison and prison staff // Law & Social Inquiry. 2023. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/law-and-social-inquiry/article/monitoring-prisons-in-europe-understanding-perspectives-of-people-in-prison-and-prison-staff/3BBFB9F3154D3EE0A17FE39E609ED5C3 (accessed: 10.10.2025)

4 Казакова В.А., Белова Е.Ю. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы: осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года). Монография. – Т. 2. – М.: Проспект, 2025. – С. 126.

5 Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования: Монография. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – С. 147.

6 Федеральный закон РФ от 10 июня 2008 г., № 76-ФЗ. П. 1, ч. 1, ст. 16 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

7 A plea for common standards on the lawyer-client privilege in EU cross-border criminal proceedings in light of advancing digitalisation // Eucrim. 2024. URL: https://eucrim.eu/articles/a-plea-for-common-standards-on-the-lawyer-client-privilege/ (accessed: 10.10.2025)

8 Criminal detention in the EU: Conditions and monitoring. Luxembourg: European Union Agency for Fundamental Rights, 2024. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/belgium-criminal-detention-2024-country-study_en.pdf (accessed: 10.10.2025)

REFERENCES

1 Tipovye strategii OON po snizheniju recidivizma (Kiotskie tipovye strategii). URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_34/Resolutions/ECN152025_L5_Rev1_r.pdf (data obrashhenija: 23.07.2025 g.). (In Russian).

2 Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanija teoreticheskogo modelirovanija. Monografija. M.: ID «Jurisprudencija», 2017. P. 216. (In Russian).

3 Monitoring prisons in Europe: understanding perspectives of people in prison and prison staff // Law & Social Inquiry. 2023. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/law-and-social-inquiry/article/monitoring-prisons-in-europe-understanding-perspectives-of-people-in-prison-and-prison-staff/3BBFB9F3154D3EE0A17FE39E609ED5C3 (accessed: 10.10.2025). (In English).

4 Kazakova V.A., Belova E.Ju. (2025) Harakteristika zhenshhin, otbyvajushhih lishenie svobody : Osuzhdennye i soderzhashhiesja pod strazhej v Rossii (po materialam devjatoj special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, soderzhashhihsja pod strazhej, dekabr' 2022 goda). Monografija. V. 2. M.: Prospekt. P. 126. (In Russian).

5 Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanija teoreticheskogo modelirovanija. Monografija. M.: ID «Jurisprudencija», 2017. P. 147. (In Russian).

6 Federal'nyj zakon RF ot 10 ijunja 2008 g., No. 76-FZ. P.1 ch.1 st.16 «Ob obshhestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestah prinuditel'nogo soderzhanija i o sodejstvii licam, nahodjashhimsja v mestah prinuditel'nogo soderzhanija». (In Russian).

7 A plea for common standards on the lawyer-client privilege in EU cross-border criminal proceedings in light of advancing digitalisation // Eucrim. 2024. URL: https://eucrim.eu/articles/a-plea-for-common-standards-on-the-lawyer-client-privilege/ (accessed: 10.10.2025). (In English).

8 Criminal detention in the EU: Conditions and monitoring. Luxembourg: European Union Agency for Fundamental Rights, 2024. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/belgium-criminal-detention-2024-country-study_en.pdf (accessed: 10.10.2025). (In English).

СЕЛИВЕРСТОВ В.И.,*[1]
з.ғ.д., профессор.
*e-mail: vis_home@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-9554-5438
[1]М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу
мемлекеттік университеті,
Мәскеу қ., Ресей

СОТТАЛҒАНДАРМЕН ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТЫҢ ҚҰПИЯЛЫЛЫҒЫ НЕЛЬСОН МАНДЕЛА ЕРЕЖЕЛЕРІ ЖӘНЕ РЕСЕЙ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ЗАҢНАМАСЫНДАҒЫ ОРНЫ

Аңдатпа

Мақалада сотталғандардың пенитенциарлық мекемелерді тексеруді жүзеге асыратын тұлғалармен, адвокаттармен және дін қызметкерлерімен кездесу (әңгімелесу) барысында олардың қарым-қатынасының құпиялылығын қамтамасыз ету мәселелеріне қатысты БҰҰ-ның Сотталғандарға қарау жөніндегі Минималды стандартты ережелерінің (Нельсон Мандела ережелері) ұсынымдық нормалары қарастырылады. Аталған нормалардың Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының қылмыстық-атқару заңнамасында іске асырылуы талданады, сондай-ақ заңнамаға өзгерістер енгізу жөнінде ұсыныстар беріледі. Зерттеудің мақсаты – көрсетілген нормалардың Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының қылмыстық-атқару заңнамасына енгізілу ерекшеліктерін зерделеу және оларды жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Жұмыстың негізгі идеясы – халықаралық стандарттарды ескеру арқылы сотталғандардың құқықтық кепілдіктерін нығайту. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы – құпия кездесулерді құқықтық реттеудің салыстырмалы талдауын жүргізу, ұлттық заңнамадағы олқылықтарды және қайшылықтарды анықтау, оларды жою жолдарын негіздеу арқылы айқындалады. Зерттеу әдістемесі салыстырмалы-құқықтық, жүйелік және талдамалық тәсілдерге негізделген. Негізгі қорытындылар Ресейде құпиялылықты қамтамасыз ету анағұрлым егжей-тегжейлі реттелгенін, ал Қазақстанда құпиялық мазмұны әрдайым нақты ашылмайтынын көрсетеді. Автор құпиялылық сақталған жағдайда кездесулерге визуалды бақылауды енгізуді қоса алғанда, кепілдіктерді бірыңғайландырудың маңыздылығын атап өтеді. Зерттеудің құндылығы – халықаралық стандарттардың ұлттық жүйелерде іске асырылу тетіктерін бағалауда.

Тірек сөздер: Нельсон Мандела ережелері, сотталған, адвокат, дін қызметкері, құпиялық, инспекция және мекемелерге бару, қылмыстық-атқару заңнамасы.

SELIVERSTOV V.I.,*[1]
d.l.s., professor.
*e-mail: vis_home@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-9554-5438
[1]Lomonosov Moscow
State University,
Moscow, Russia

CONFIDENTIALITY OF COMMUNICATION WITH CONVICTS IN THE NELSON MANDELA RULES AND THE CRIMINAL EXECUTIVE LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Abstract

The article examines the recommendatory provisions of the UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) on the confidentiality of communication during meetings between convicted persons and prison inspectors, lawyers, and clergy. It analyzes the implementation of these standards in the criminal executive legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan and proposes legislative improvements. The purpose of the study is to identify the specific features of incorporating international confidentiality standards into the national systems of Russia and Kazakhstan and to develop recommendations for strengthening legal regulation. The core idea of the research is to enhance the protection of prisoners' rights through the consistent application of international legal standards. The scientific and practical significance of the study lies in the comparative analysis of the regulation of confidential meetings, the identification of legal gaps and inconsistencies, and the justification of their elimination. The research methodology is based on comparative-legal, systemic, and analytical approaches. The findings show that Russian legislation provides more detailed regulation of confidentiality, while in Kazakhstan this content is not always clearly defined. The author emphasizes the need to unify guarantees, including visual monitoring that does not violate confidentiality.

Keywords: Nelson Mandela's rules, convict, lawyer, clergyman, confidentiality, inspections and visits to institutions, penal legislation.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.10.2025

IRSTI 10.19.25
UDC 34.05
JEL K2, K24

https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-272-282

IBRAGIMOVA Z.G.,*[1]
PhD student.
*e-mail: 24250941@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-5700-6919
DZHUMABAYEVA K.A.,[1]
PhD, associate professor.
e-mail: k.jumabaeva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-5483-3783
STVOL M.,[2]
PhD, professor.
e-mail: gulasmz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6624-4505
[1]Turan University,
Almaty, Kazakhstan
[2]Gdansk University,
Gdansk, Poland

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND CHALLENGES FOR KAZAKHSTAN

Abstract

The article addresses current issues of legal regulation of artificial intelligence (AI) in Kazakhstan in the context of international experience. It emphasizes the absence of a comprehensive legal framework governing the use of AI, despite the active implementation of digital technologies across various sectors of public life. The study analyzes key gaps in the legal system, including the lack of a conceptual framework, ethical standards, liability mechanisms, and national technical regulations. Special attention is given to the regulatory approaches adopted by the European Union, the United States, and China, particularly in relation to risk classification, algorithmic transparency, personal data protection, and human rights. The article also explores challenges related to discrimination, privacy threats, de-anonymization, manipulation of public opinion, and digital inequality. In conclusion, the article offers recommendations for the development of national AI legislation, the establishment of ethical standards, the creation of an independent expert review body, and the training of a new generation of specialists at the intersection of law and technology. The study may serve as a foundation for shaping Kazakhstan's legal policy in the field of digital transformation and artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, digitalization, personal data, international experience, AI ethics.

Introduction

The development of artificial intelligence (AI) is one of the key components of global digital transformation. Modern AI systems are increasingly used in such areas as healthcare, education, justice, public administration, and business. However, the rapid deployment of these emerging technologies generates legal uncertainty and necessitates timely regulatory responses. Despite the existence of certain strategic documents, such as Digital Kazakhstan and the Artificial Intelligence Development Concept for 2024–2029, the legal framework governing AI in Kazakhstan remains fragmented and does not comprehensively cover the full spectrum of emerging social relations.

In the context of globalization and the cross-border application of AI, international regulatory experience in this domain becomes particularly relevant. The European Union, the United States, and China present different models of AI regulation based on risk classification, ethical principles, algorithmic transparency, and the protection of human rights. It is crucial that Kazakhstan, while

adopting advanced international practices, takes into account the specific features of its legal system, cultural context, and level of digital development.

The purpose of this article is to analyze the current state of AI legal regulation in Kazakhstan, to examine international approaches, and to formulate practical recommendations for the development of a national regulatory framework in the context of digital transformation.

At the international level, there is no universally accepted legal definition of artificial intelligence. In U.S. legislation, AI is defined as a machine-based system that can, for a given set of human-defined objectives, make predictions, recommendations, or decisions that influence real or virtual environments [1].

A similar definition is proposed by the European Union in its draft Artificial Intelligence Act, where AI is described as software that can generate outputs (such as recommendations, content, or decisions) that influence physical or virtual environments, depending on the objectives set by humans [2].

Kazakhstan's legislation currently lacks a clear and unified definition of AI. However, the Law On Informatization introduces the terms "intelligent robot" and "system with AI elements," though these concepts only partially reflect the essence of the technology [3].

Materials and methods

This study employs a comprehensive set of research methods aimed at thoroughly exploring the subject matter. The primary approach is the formal legal method, which was used to analyze the current legislation of the Republic of Kazakhstan related to the regulation of artificial intelligence. Additionally, the comparative legal method was applied to examine differences and similarities between domestic and international regulatory frameworks in the field of AI. The empirical basis of the research includes legal acts, law enforcement materials, statistical data, and academic publications. The methodological foundation rests on the principles of objectivity, complexity, and systematic analysis, which facilitated a deeper understanding of the legal nature of AI-related relations and helped identify pressing challenges in this domain.

Results and discussion

The first stage of legal regulation in Kazakhstan began with the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan On Informatization in 2007 (now repealed). The current "Government for Citizens" system, also known as the "e-Government" (e-Gov), was a groundbreaking initiative in the provision of public services to the population. The second phase of digitalization commenced with the adoption of the State Program Digital Kazakhstan, which envisioned the integration of the Smart Bridge information system. This system is designed to facilitate accelerated data exchange among the information systems of Kazakhstani organizations, thereby improving the performance of banking applications. Currently, a significant number of public services are provided through the e-Gov mobile platform, which is integrated into banking applications for citizen convenience.

Among the key challenges Kazakhstan faces in building an effective legal policy in the field of AI is the shortage of specialized professionals with interdisciplinary expertise in both technology and law. This deficiency hinders the quality development and implementation of normative legal acts and limits the capacity for comprehensive legal assessments of new digital initiatives. In this regard, the development of educational programs at the intersection of law and information technology becomes particularly relevant, alongside the training of a new generation of legal professionals capable of working in the context of digital transformation.

Equally important is the issue of legal liability for actions taken by AI systems. On the international level, the problem of the so-called "black box" is actively discussed – a situation where it is impossible to determine how exactly an AI system arrived at a particular decision. This presents serious obstacles to holding specific actors – a developers, operators, or users – accountable. In Kazakhstani legal practice, there have not yet been precedents involving AI systems; however, as their adoption increases, the likelihood of legal conflicts also rises. Therefore, a legal model is required that allows for differentiated liability depending on the role of the actor in the AI system's lifecycle.

Special attention should be given to the protection of personal data when using machine learning algorithms. Despite the existence of the Law of the Republic of Kazakhstan On Personal Data and Their Protection, its practical application in the context of AI remains limited. Many algorithms operate with large volumes of data, including sensitive personal information, necessitating additional safeguards to ensure the protection of data subjects' rights. At the international level, the concept of privacy by design is gaining traction, whereby AI systems are designed from the outset with privacy and data protection principles in mind. Kazakhstan could adopt this approach by introducing corresponding requirements through standards and technical regulations.

Another important aspect of legal regulation is the implementation of ethical standards in the design and use of AI. At present, many countries are developing ethical codes focused on upholding the principles of fairness, non-discrimination, transparency, human dignity, and social responsibility. Although these documents are advisory in nature, they contribute to the formation of a culture of responsible technological development. Kazakhstan could draw on the experience of UNESCO, which adopted the Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence in 2021, by developing national guidelines adapted to its specific context.

It is important to emphasize that effective legal regulation is impossible without continuous monitoring and updating of the regulatory framework in response to technological changes. Artificial intelligence is evolving at a rapid pace, and legislation adopted today may become obsolete within a few years. Therefore, a flexible regulatory system is required–one that can promptly respond to challenges and threats arising during the digital transformation. In this context, the mechanism of regulatory sandboxes, successfully applied in other countries, may be considered. This model allows innovative solutions to be tested under controlled conditions, with the involvement of regulatory authorities, before they are widely deployed.

It is also essential to ensure international cooperation and Kazakhstan's participation in global initiatives aimed at harmonizing approaches to the legal regulation of AI. Organizations such as the OECD, the World Economic Forum, the Council of Europe, and specialized UN bodies are developing principles and recommendations that can serve as a benchmark for national legal policy. Active engagement in international dialogue will allow Kazakhstan not only to adapt best practices but also to represent its interests on the global stage.

It is critically important for the state to ensure access to public services through systems that are already familiar and convenient for users. The third stage involves the development of a legislative act or code aimed at regulating public relations associated with the use of artificial intelligence. At the same time, in June 2024, the Government of Kazakhstan approved the Concept for the Development of Artificial Intelligence for 2024–2029 [14]. Over the past three years, all three branches of government in Kazakhstan have been actively discussing the transition to AI-based systems. In the context of the legislative branch, it should be noted that between 2023 and 2024, discussions were held on the initiative to draft a legislative act governing the use of AI. Simultaneously, there is an ongoing consideration of the possibility of creating a Digital Code, which would include a section dedicated to AI-related issues. However, at present, no specific decisions have been made in this regard, implying that the implementation of AI in parliamentary activities will occur only after the adoption of relevant legislation. Nevertheless, active discussions are already taking place among lawmakers about how AI will be integrated into parliamentary work over the next four years.

In this context, it is worth noting the ongoing governmental discussions regarding the development of the Draft Digital Code of the Republic of Kazakhstan, which is expected to consolidate all digital transformation regulations, including those related to artificial intelligence, cybersecurity, and digital data governance [15]. The preliminary version of the Digital Code, published on the official website of the Ministry of Digital Development, Innovations and Aerospace Industry, introduces several key innovations. Among them are legal definitions for "autonomous decision-making systems," "algorithmic accountability," and "ethical AI," which together aim to establish a unified conceptual framework for AI governance.

Furthermore, the draft outlines a set of core legal principles, including algorithmic transparency, proportionality of state supervision, developer liability, and the prioritization of human rights in AI applications. It also proposes a mechanism for public oversight and certification of AI systems before their deployment in critical sectors such as justice, healthcare, and public administration. The inclusion

of these provisions reflects Kazakhstan's intention to move toward a comprehensive and codified approach to AI regulation, aligning national practice with global trends observed in the European Union and OECD member states These discussions have highlighted the intention of Members of Parliament to use AI for: (1) conducting legal analysis; (2) developing forecasts based on data analytics for legal purposes; and (3) automating the drafting of legislative texts [13].

An analysis of existing legal definitions and scholarly approaches makes it possible to identify three key features of AI:

- Use of data – AI systems collect, process, and analyze large volumes of information.
- Imitation of human cognition – AI is capable of learning, making inferences, and adapting.
- Autonomous decision-making – based on models and algorithms, the system generates actions or recommendations previously performed only by humans [4].

Thus, legislative initiatives related to the regulation of artificial intelligence are becoming increasingly systematic, reflecting a desire to institutionalize this rapidly evolving field. It should be noted that in the process of preparing the Concept for the Development of Artificial Intelligence for 2024–2029, comprehensive consultations were held with representatives from academia, the private sector, and government bodies. This demonstrates an attempt to develop a balanced approach that integrates the interests of all stakeholders.

Particular emphasis in strategic documents is placed on the need to establish regulatory requirements for the transparency and explainability of algorithms. This is driven not only by technical and legal concerns but also by the critical importance of public trust in AI-based systems. For example, in contexts such as judicial proceedings, allocation of social benefits, or university admissions, algorithmic decision-making must be accompanied by mechanisms for external oversight and the ability to challenge outcomes.

Moreover, there is an urgent need to develop clear standards and requirements for the quality of data used to train AI systems. Poor-quality, incomplete, or biased data can lead to discriminatory or erroneous outcomes, especially in areas involving personal and socially significant decisions. In this regard, discussions are underway about the need to create a national infrastructure of trusted datasets, which would be accessible for the training and testing of AI models. Such an infrastructure would not only improve the reliability of domestic AI solutions but also foster accelerated innovation within the country.

Active discussions are also being held on the creation of a unified regulatory body or an interdepartmental coordination council to oversee the development, implementation, and enforcement of AI legislation. This could take the form of a new government agency or a specialized unit within the existing Ministry of Digital Development, Innovation, and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan. It is envisioned that such a body would carry out both supervisory and standard-setting functions, including certification and accreditation of AI systems.

Issues of international cooperation have also not been overlooked. As a member of the Eurasian Economic Union (EAEU), Kazakhstan is exploring the possibility of harmonizing AI regulatory approaches within the EAEU framework. In this context, discussions are underway concerning the development of an intergovernmental legal framework aimed at ensuring compatibility and mutual recognition of technologies, standards, and ethical guidelines for AI applications. Collaboration in this area would enhance the competitiveness of domestic innovations and facilitate their entry into international markets.

Finally, at the level of civil society, the ethical dimensions of AI development are increasingly being raised. Key issues on the agenda include the protection of vulnerable groups, the fight against digital inequality, and citizen participation in shaping AI policy. It has been proposed to expand the involvement of NGOs, the academic community, and experts in the development of legal acts and strategies, as well as in the work of consultative bodies under the Parliament and the Government.

All these areas underscore the complexity and multilayered nature of AI regulation, which requires not only legal and technical expertise but also broad societal engagement. As Kazakhstan enters the stage of forming its legislative and institutional framework, it has a unique opportunity to build a flexible and adaptive regulatory model capable of responding to both current and future challenges of the digital age.

The European Union has developed a draft Artificial Intelligence Act, which introduces a risk-based classification of AI systems – ranging from minimal to unacceptable risk. High-risk systems (for example, those used in healthcare or the judiciary) are subject to strict oversight, including mandatory certification, transparency requirements, record-keeping, and the protection of users' rights [2].

In addition, EU legislation is actively evolving to promote the ethical use of AI, data protection, and the regulation of intellectual property rights related to AI-generated outputs [8]. Based on the EU's experience, a groundbreaking law regulating artificial intelligence was adopted in May 2023. This document categorizes AI systems into four levels of risk: unacceptable, high, limited, and minimal. It also prohibits the use of biometric AI technologies to classify individuals based on gender, race, ethnicity, citizenship, religion, or political beliefs.

Furthermore, European lawmakers require that high-risk systems – such as those used for facial recognition, behavior prediction, or credit scoring – must be transparent, reliable, and subject to independent auditing. Limited-risk systems, such as chatbots, must be clearly labeled and allow for human intervention. A separate category, which includes systems like ChatGPT, is general-purpose AI (GPAI). These systems are also subject to transparency obligations, and high-performing GPAI models must undergo a special and rigorous assessment procedure [12].

It is important to emphasize that the AI Act represents the first large-scale legislative initiative of its kind in the world. It establishes a comprehensive and systematized regulatory framework for artificial intelligence, encompassing not only technical dimensions but also social, legal, and ethical considerations. The document is grounded in a risk-based approach, allowing legal requirements to be differentiated depending on the potential threat posed by an AI system to society, individuals, or the rule of law.

The regulation imposes strict prohibitions on the use of AI in cases where it could endanger fundamental human rights. In particular, it bans systems that manipulate human behavior using subliminal techniques, as well as AI applications intended for social scoring, as seen in some countries. This approach aims to safeguard fundamental freedoms and prevent technological abuse.

Special attention in the AI Act is devoted to algorithmic transparency, the explainability of AI decisions, and users' rights to know whether they are interacting with a machine. The law mandates that all AI systems capable of influencing human lives must be appropriately labeled and provide means for interpreting their operations. This, in turn, poses a challenge for developers and software providers to ensure model interpretability – especially in cases involving deep learning technologies.

Moreover, the European Union envisions the establishment of European Digital Innovation Hubs, which are intended to provide methodological and expert support to both public and private stakeholders in the deployment and regulation of AI. These hubs will play a crucial role in ensuring that newly developed technologies comply with emerging legal standards and in cultivating a culture of responsible AI use.

The United States employs a decentralized approach to AI governance, emphasizing the development of standards and principles across various federal agencies. The primary focus is on fostering innovation while maintaining minimal regulatory intervention. The U.S. has also signed the Atlantic Declaration for Economic Partnership with the United Kingdom, outlining cooperation in the field of artificial intelligence [1].

The American approach to AI regulation significantly differs from the European model. It is grounded in principles of flexibility, market self-regulation, and technological neutrality. There is no single federal legal framework regulating AI across all sectors. Instead, disparate rules and guidelines have been issued by individual federal agencies – such as the National Institute of Standards and Technology (NIST), the Federal Trade Commission (FTC), the Food and Drug Administration (FDA), and others.

In 2023, NIST published the AI Risk Management Framework, a guidance document aimed at helping organizations identify, assess, and minimize AI-related risks. This framework is advisory in nature, reflecting the broader U.S. philosophy of supporting innovation without imposing excessive administrative burdens. However, due to growing concerns about potential AI misuse – particularly in areas such as personal data and algorithmic bias – discussions have intensified regarding the need for unified federal standards.

Notably, the establishment of the White House AI Council and the signing of the Atlantic Declaration in 2023 signal an intent to develop joint standards, build public trust in AI systems, and promote principles of openness, transparency, and safety. At the state level, jurisdictions such as California and Illinois have already enacted legislation concerning data protection and algorithmic transparency. This trend may eventually lead to legal fragmentation within the country.

China's approach is characterized by strong state involvement in AI development. The draft law of the People's Republic of China includes provisions on government support for computing infrastructure, developer responsibility, and the safety of AI systems [4].

The PRC follows a state-centric model of AI regulation. The Chinese government actively integrates AI into its national "Smart Society" strategy, pursuing a centralized policy for both the control and promotion of the technology. Since 2022, China has enacted regulations governing algorithmic recommendations and content generated by AI systems.

The draft Chinese AI law mandates state certification of AI systems, requires developers to ensure ethical algorithmic behavior, and imposes liability for harm caused by AI. It also places strong emphasis on safeguarding national security and ideological stability, which is reflected in the strict filtering of content and state oversight of AI use in the information environment.

China is also expanding its state-run platforms for AI testing and standardization. One example is the initiative to create a "national standard" for foundational models, including large language models. These standards allow the government to define the permissible boundaries of technological development and guide corporate innovation accordingly.

Furthermore, China is actively engaged in international AI cooperation, especially through frameworks such as the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), BRICS, and bilateral agreements with developing countries. This contributes to the formation of an alternative model of digital development – one that emphasizes state sovereignty in cyberspace and tighter control over innovation.

In Kazakhstan, there is a lack of systematic legislation in the field of AI. Although the country's digitalization strategy envisages the introduction of AI in various sectors, in practice, there is an absence of: a clear definition of the conceptual apparatus; ethical standards for AI application; mechanisms for delimiting responsibility between participants (developers, users, the state); and national technical regulations and standards. The new version of the law on digitalization indicates the need to develop by-laws that should regulate AI safety, intellectual property rights to its products, labeling, and also prevent the use of AI for criminal purposes [3]. Professor Ashley Deeks of the University of Virginia (USA) describes in her book "High-Tech International Law" how legislation can undergo significant changes, entering a new era with the integration of AI technologies. The author emphasizes the inevitability that, at the initial stage, states will independently initiate changes in the field of AI use, without the assistance of other countries. This is due to the fact that AI application models will vary depending on national regulation [1, pp. 584–600].

The author cites the Chinese legislative system as an example, noting that China will likely be at the forefront of applying machine learning methods and text processing tools. For example, in the judicial branch of power in China, Chinese judges are already testing an AI-supported system that allows analyzing deviations and comparing how draft court decisions differ from previous precedents. Consequently, this experience of the judicial system is also planned to be used in lawmaking. China's ambition to integrate AI and its access to large volumes of data suggest that the country will actively develop and use machine learning tools to achieve more effective regulation of the legal, economic, and social spheres of citizens' lives, as well as to improve relations with the international community [13].

Thus, the existing challenges of international legal regulation of AI include the following points. For example, different countries have different legal acts for AI, which can create difficulties in developing international standards and rules. The lack of consensus regarding ethical principles governing the use of AI can hinder the development of universally recognized international standards and rules. Many legislators and lawyers may have a limited technical understanding of AI, which can complicate the development of effective rules and standards. Even with an agreement on international standards and rules, their implementation and enforcement in different countries can be problematic. International cooperation on AI regulation is limited by geopolitical, economic, and other reasons, which can slow down the development of effective international standards and rules. States may be hesitant to adopt international AI rules that, in their opinion, contradict their own national interests. AI

technologies are rapidly developing, which can make it difficult to develop rules and standards that will remain relevant and effective over time. Solving these tasks and problems will require cooperation and collaboration between politicians, lawyers, and technical experts from different countries. The prospects for international legal regulation of AI depend on various factors, such as the potential risks and benefits of AI, as well as the existing legal and regulatory frameworks in different countries.

However, as shown above, the need for some form of regulation is recognized at the international level to ensure that AI is developed and used in a safe, ethical, and human rights-compliant manner. As AI continues to develop rapidly, there is a growing need for international cooperation and interaction between states and international organizations to address the legal and ethical issues associated with its development and implementation [11, pp. 67–75].

Conclusion

The legal regulation of artificial intelligence in Kazakhstan is at the stage of formation and is being shaped in conditions of rapid technological progress, which requires flexibility, systematicity, and orientation towards international experience from the state. Despite the presence of strategic documents such as the "Digital Kazakhstan" program and the Concept for the Development of AI for 2024–2029, the current legislation does not yet cover key aspects of AI functioning – from the conceptual apparatus to norms of responsibility, ethics, and human rights protection [14]. The analysis shows that Kazakhstan, like many other countries, faces a number of challenges: the absence of specialized legislation, a shortage of personnel, risks to confidentiality and personal data, as well as threats of discrimination and manipulation. In this context, it is important not only to borrow advanced international experience (EU, USA, China) but also to adapt it to national characteristics – political, legal, cultural. To ensure the sustainable and safe implementation of AI, it is necessary to form a comprehensive regulatory ecosystem, including: clear definitions and legal status of AI; mechanisms for distributing responsibility; standards for transparency and explainability of algorithms; measures for protecting personal data; rules for using AI in the sphere of public services, justice, economics, and media; as well as national ethical guidelines. The implementation of these measures is impossible without active dialogue between the state, the academic community, business, and civil society. Only such an interdisciplinary approach will allow Kazakhstan to create a safe, inclusive, and fair digital environment capable of not only responding to the challenges of the present but also shaping a sustainable digital policy for the future.

Rapid technological advancement outpacing legislation: Artificial intelligence (AI) technologies are developing at a faster pace than legislative frameworks can adapt. In Kazakhstan, there is currently no systemic and comprehensive legal mechanism for regulating AI, which creates risks of legal uncertainty and complicates the integration of AI into key economic and social sectors.

Fragmentation of national regulation: Although Kazakhstan's legislation references concepts related to AI (such as "intelligent robot" and "digitalization"), these do not comprehensively cover the technological and legal characteristics of AI. There is no unified approach to classification, risk assessment, liability issues, or authorship rights.

Lack of ethical and legal infrastructure: Ethical standards and regulatory mechanisms aimed at protecting human rights, personal data, and preventing discrimination remain underdeveloped. Particular concern arises from "black box" AI systems – opaque decision-making processes that are difficult to explain or legally challenge.

Need for skilled workforce and digital inclusion: The insufficient number of specialists at the intersection of law and technology significantly limits the quality of legal regulation. Furthermore, the level of digital inequality remains high, potentially exacerbating social polarization.

International experience as a source and guide: Experience from the European Union, the United States, China, and UNESCO demonstrates that effective AI regulation requires adaptation to the national context without losing alignment with global norms, ethics, and standards.

Based on the examination of current and draft legal acts, including the Concept for the Development of Artificial Intelligence for 2024–2029 and the Draft Digital Code, it becomes evident that Kazakhstan needs to transition from a declarative to a systematic and enforceable model of AI governance.

To that end, several targeted reforms are proposed:

- To introduce a clear and unified legal definition of artificial intelligence applicable across all branches of law.
- To establish a comprehensive liability framework, differentiating between developers, users, and state entities involved in AI system operation.
- To create a national registry and certification procedure for high-risk AI systems, ensuring compliance with ethical and safety requirements.
- To mandate algorithmic impact assessments and ethics review procedures prior to the use of AI in sensitive domains such as justice, healthcare, and public policy.
- To integrate privacy-by-design principles and data protection-by-default mechanisms into software development standards.
- To develop educational and professional training programs in AI law and ethics to address the shortage of interdisciplinary specialists.

These measures would enable Kazakhstan to build a resilient regulatory framework capable of ensuring technological progress while protecting human rights and public interests.

Practical recommendations. Development of a foundational AI law or inclusion of an AI chapter in Kazakhstan's Digital Code: The law should define AI, classify associated risks, establish principles of application, allocate liability, and provide for certification and auditing procedures of AI systems.

Establishment of a national AI ethical code: This document could be based on the UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence and should reflect Kazakhstan's cultural and legal particularities. It will serve as guidance for developers, users, and government authorities.

Implementation of the privacy by design principle and data protection in AI environments: Legislation on personal data needs modernization considering AI specifics, mandating embedded privacy features in software solutions.

Creation of a regulatory sandbox for AI projects: This mechanism would allow innovative solutions to be tested in a controlled environment with regulatory oversight, reducing risks and accelerating normative adaptation to technological changes.

Advancement of education and training in digital law: Interdisciplinary educational programs should be introduced in universities alongside professional development courses for public officials and legal professionals working in digital technology fields.

Participation of Kazakhstan in international AI initiatives and standardization: It is recommended that Kazakhstan join global alliances and forums on AI (such as GPAI, OECD, Council of Europe), which would enable the country to incorporate best practices and promote its interests on the international stage.

REFERENCES

1 U.S. House Bill 6216. Artificial Intelligence Initiative Act. 2020. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text (accessed: 20.05.2025)

2 European Commission. Proposal for a Regulation on Artificial Intelligence. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206 (accessed: 20.05.2025)

3 Закон Республики Казахстан от 21 января 2024 г. № 592-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам цифровизации». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (дата обращения: 25.05.2025)

4 Симонова В., Сеитова А., Аубакир Ж. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Казахстане и за рубежом. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32145977 (дата обращения: 25.05.2025)

5 Khamdamova F. The impact of digital technologies on human rights: positive effects, risks, trends, and prospects // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. 2020. DOI: 10.31435/rsglobal_ijitss/30092020/7195.

6 United Nations General Assembly. Resolution 68/167 – The right to privacy in the digital age. URL: https://undocs.org/en/A/RES/68/167 (accessed: 25.05.2025)

7 OECD. Guidelines on the Protection of Privacy. URL: https://www.oecd.org/digital/privacy/ (accessed: 25.05.2025)

8 Council of Europe. Convention 108+. URL: https://www.coe.int/en/web/data-protection/convention108 (accessed: 25.05.2025)

9 Children's Online Privacy Protection Act (COPPA). URL: https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa (accessed: 25.05.2025)

10 UK Information Commissioner's Office. Age Appropriate Design Code. URL: https://ico.org.uk/for-organisations/guide-to-data-protection/ico (accessed: 25.05.2025)

11 Искусственный интеллект и Big Data в судебной и правоохранительной системе: реалии и вызовы времени // Материалы Международной научно-практической конференции. Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2023. – С. 67–75. URL: https://academy-gp.kz/?p=17660&lang=ru (дата обращения: 25.05.2025)

12 Как регулируется искусственный интеллект в Казахстане и в мире. URL: https://masa.media/ru/site/kak-iskusstvennyy-intellekt-reguliruyut-v-kazakhstane-i-mire (дата обращения: 25.05.2025)

13 Kuttybaeva A.K. Legal Science Series. 2024, vol. 29, no. 4(116). URL: https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/download/651/551 (accessed: 25.05.2025)

14 Қазақстан Республикасында жасанды интеллектіні дамыту тұжырымдамасы 2024–2029 жылдарға. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 14 маусымдағы № 428 қаулысымен бекітілген.

15 Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексінің жобасы. 2024. URL: https://digit.gov.kz/digital-code (өтініш берілген күн: 25.05.2025)

REFERENCES

1 U.S. House Bill 6216. Artificial Intelligence Initiative Act. 2020. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216/text (accessed: 20.05.2025). (In English).

2 European Commission. Proposal for a Regulation on Artificial Intelligence. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206 (accessed: 20.05.2025). (In English).

3 Zakon Respubliki Kazahstan ot 21 janvarja 2024 g. No. 592-VII «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty po voprosam cifrovizacii». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (data obrashhenija: 25.05.2025). (In Russian).

4 Simonova V., Seitova A., Aubakir Zh. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v Kazahstane i za rubezhom. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32145977 (data obrashhenija: 25.05.2025). (In Russian).

5 Khamdamova F. (2020) The impact of digital technologies on human rights: positive effects, risks, trends, and prospects // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. DOI: 10.31435/rsglobal_ijitss/30092020/7195. (In English).

6 United Nations General Assembly. Resolution 68/167 – The right to privacy in the digital age. URL: https://undocs.org/en/A/RES/68/167 (accessed: 25.05.2025). (In English).

7 OECD. Guidelines on the Protection of Privacy. URL: https://www.oecd.org/digital/privacy/ (accessed: 25.05.2025). (In English).

8 Council of Europe. Convention 108+. URL: https://www.coe.int/en/web/data-protection/convention108 (accessed: 25.05.2025). (In English).

9 Children's Online Privacy Protection Act (COPPA). URL: https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa (accessed: 25.05.2025). (In English).

10 UK Information Commissioner's Office. Age Appropriate Design Code. URL: https://ico.org.uk/for-organisations/guide-to-data-protection/ico (accessed:25.05.2025). (In English).

11 Iskusstvennyj intellekt i Big Data v sudebnoj i pravoohranitel'noj sisteme: realii i vyzovy vremeni // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Akademija pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan. 2023. P. 67–75. URL: https://academy-gp.kz/?p=17660&lang=ru (data obrashhenija: 25.05.2025). (In Russian).

12 Kak reguliruetsja iskusstvennyj intellekt v Kazahstane i v mire. URL: https://masa.media/ru/site/kak-iskusstvennyy-intellekt-reguliruyut-v-kazakhstane-i-mire (data obrashhenija: 25.05.2025). (In Russian).

13 Kuttybaeva A.K. Legal Science Series, 2024, vol. 29, no. 4(116). URL: https://law-vestnik.buketov.edu.kz/index.php/law/article/download/651/551 (accessed: 25.05.2025). (In English).

14 Qazaqstan Respublikasynda jasandy intelektını damytu tūjyrymdamasy 2024–2029 jyldarğa. Qazaqstan Respublikasy Ükımetınıñ 2024 jylğy 14 mausymdağy No. 428 qaulysymen bekıtılgen. (In Kazakh).

15 Qazaqstan Respublikasynyñ Sifrlyq kodeksınıñ jobasy. 2024. URL: https://digit.gov.kz/digital-code (qaralğan künı: 25.05.2025). (In Kazakh).

ИБРАГИМОВА Ж.Г.,*[1]
докторант.
*e-mail: 24250941@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-5700-6919
ДЖУМАБАЕВА К.А.,[1]
PhD, қауымдастырылған профессор.
e-mail: k.jumabaeva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-5483-3783
СТВОЛ М.,[2]
PhD, профессор.
e-mail: gulasmz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6624-4505
[1]«Тұран» университеті,
Алматы қ., Қазақстан
[2]Гданьск университеті,
Гданьск қ., Польша

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН ҮШІН СЫН-ҚАТЕРЛЕР

Аңдатпа

Бұл мақалада Қазақстандағы жасанды интеллектті (ЖИ) құқықтық реттеу мәселелері халықаралық тәжірибе аясында қарастырылады. Цифрлық технологиялардың қоғамдық өмірдің әртүрлі салаларында белсенді енгізілуіне қарамастан, ЖИ қолдануды реттейтін жүйелі заңнаманың болмауы атап көрсетіледі. Құқық жүйесіндегі негізгі мәселелер, оның ішінде ұғымдық аппараттың, этикалық стандарттардың, жауапкершілік механизмдерінің және ұлттық техникалық регламенттердің жоқтығы талданады. Ерекше назар Еуропалық Одақ, АҚШ және Қытайдың ЖИ-ды реттеу тәсілдеріне аударылады, оның ішінде тәуекелдерді классификациялау, алгоритмдердің айқындығы, жеке деректер мен адам құқықтарын қорғау мәселелері қарастырылады. Сонымен қатар, кемсітушілік, жеке өмірге қауіптер, деанонимизация, қоғамдық пікірді манипуляциялау және цифрлық теңсіздік сияқты қиындықтар бөлек қарастырылады. Қорытынды бөлімде Қазақстанда ЖИ саласындағы ұлттық заңнаманы әзірлеу, этикалық стандарттарды құру, тәуелсіз сараптамалар институтын енгізу және құқық пен технологияның тоғысындағы жаңа буын мамандарын дайындау қажеттілігі бойынша ұсыныстар беріледі. Бұл жұмыс Қазақстанның цифрлық трансформация және жасанды интеллект саласындағы құқықтық саясатты қалыптастыруға негіз бола алады.

Тірек сөздер: жасанды интеллект, құқықтық реттеу, цифрландыру, жеке деректер, халықаралық тәжірибе, ЖИ этикасы.

ИБРАГИМОВА Ж.Г.,*[1]
докторант.
*e-mail: 24250941@turan-edu.kz
ORCID ID: 0009-0001-5700-6919
ДЖУМАБАЕВА К.А.,[1]
PhD, ассоциированный профессор.
e-mail: k.jumabaeva@turan-edu.kz
ORCID ID: 0000-0002-5483-3783
СТВОЛ М.,[2]
PhD, профессор.
e-mail: gulasmz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6624-4505
[1]Университет «Туран»,
г. Алматы, Казахстан
[2]Гданьский университет,
г. Гданьск, Польша

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в Казахстане в контексте международного опыта. Подчеркивается отсутствие системного законодатель-

ства, регулирующего применение ИИ, несмотря на активное внедрение цифровых технологий в различные сферы общественной жизни. Проанализированы основные пробелы в правовой системе, включая отсутствие понятийного аппарата, стандартов этики, механизмов ответственности, а также национальных технических регламентов. Особое внимание уделено анализу подходов Европейского союза, США и Китая к регулированию ИИ, в том числе вопросам классификации рисков, прозрачности алгоритмов, защиты персональных данных и прав человека. Отдельно рассматриваются вызовы, связанные с дискриминацией, угрозами приватности, деанонимизацией, манипуляцией общественным мнением и цифровым неравенством. В заключение представлены рекомендации по разработке национального законодательства в области ИИ, необходимости создания этических стандартов, института независимой экспертизы, а также подготовки специалистов нового поколения на стыке права и технологий. Работа может служить основой для формирования правовой политики Казахстана в сфере цифровой трансформации и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, цифровизация, персональные данные, международный опыт, этика ИИ.

Article submission date: 27.05.2025

INFORMATION FOR READERS

The scientific journal Eurasian Scientific Journal of Law is included in the List of scientific publications (List 2) recommended by the Committee for Quality Assurance in Science and Education of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for publishing the main results of scientific activity, the «Law» section.

(Order of the Committee for Quality Assurance in Science and Education of the Ministry of Education and Higher Education of the Republic of Kazakhstan No. 893 dated **05.06.2025** «On Amendments to Order No. 603 dated July 12, 2024 «On Approval of the List of Scientific Publications Recommended by the Committee for Control in Education and Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for Publication of the Main Results of Scientific Activity»).

ОҚЫРМАНДАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

Eurasian Scientific Journal of Law ғылыми журналы Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым және жоғары білім саласында сапаны қамтамасыз ету комитеті негізгі ғылыми нәтижелерді жариялау үшін ұсынған ғылыми басылымдар тізіміне (2-тізім) енгізілді, «Құқық» саласы.

(ҚР ҒЖБМ Ғылым және жоғары білім саласында сапаны қамтамасыз ету комитетінің **05.06.2025 ж.** № 893 бұйрығына сәйкес «2024 жылғы 12 шілдедегі № 603 бұйрыққа толықтыру енгізу туралы «Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің Білім және ғылым саласындағы бақылау комитеті ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін ұсынған ғылыми басылымдар тізімін бекіту туралы»).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Научный журнал Eurasian Scientific Journal of Law включен в Перечень научных изданий (Список 2), рекомендуемых Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан для публикации основных результатов научной деятельности, отрасль «Право»

(приказ Комитета по обеспечению качества в сфере науки и образования МНВО РК № 893 от **05.06.2025 г.** «О внесении дополнений в приказ № 603 от 12 июля 2024 г. «Об утверждении Перечня научных изданий, рекомендуемых Комитетом по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных результатов научной деятельности»).

REQUIREMENTS FOR THE DESIGN OF ARTICLES PUBLISHED IN THE EURASIAN SCIENTIFIC JOURNAL OF LAW

Manuscripts are accepted in Kazakh, Russian and English through the official website of the journal **(https://esjl.turan-edu.kz/jour)**, which provides with the detailed instructions for authors about the process of submitting articles, as well as publication fees.

The text of the article must be typed in **WINWORD XP** or *. RTF (Reach text format). **Times New Roman** font, size **14**, the text must be typed in one interval and not exceed **12** pages.

IRSTI, UDC and **JEL** are printed in the upper left part of the sheet.

Then, in the upper right part of the sheet, the author's surname and initials, place of work, academic degree and title, name of the country and city, and e-mail are printed in three languages (Kazakh, Russian, and English). If there are several authors, indicate the main author of the article (with the*sign). In the middle of the sheet, **the name of the manuscript** is printed in capital letters, followed by **key words** (5-7 words, including no more than two phrases) in three languages. Then there is the text that should be printed without hyphenation, observing the following field sizes: left-30 mm, right-10 mm, top-15 mm, bottom-20 mm. The paragraph indent begins with the third character. Formulas must be given in the **formula editor** application (Microsoft Equation). **Tables, figures, and diagrams** are printed without fills.

In the text, references to the literature used are given in **square brackets,** the list of references is printed at the end of the article comprising 5–20 titles. The reference presented in the Cyrillic alphabet is given in two versions – in the original and in the Romanized alphabet (**transliteration – http://www.translit.ru**).

A short abstract (150-200 words, 14 size) should be given in three languages after the list of references, which indicates the purpose of the article and the research methods used. Then **the title of the article** is also printed in three languages.

Authors of the journal should adhere to the following requirements concerning the structure of the article in accordance with the headings **(title, abstract, keywords, introduction, materials and methods, results, discussion, conclusion, information about funding (if available), references, transliterated list of references).**

The headings of the structural elements of the article should be given in bold.

The text of the article must be original, not previously published anywhere.

The article is subjected to "blind" review, the reviewers are appointed by the Editorial board of the journal.

At the end of the article, please indicate your full name, return address, phone numbers, fax, and e - mail address.

The author (s) is/are responsible for the content of the article. The opinion of the Scientific and Editorial Board does not always coincide with the opinion of the author (s). The Editorial Board reserves the right to publish or reject articles.

In order to identify and prevent scientific plagiarism, in accordance with the "Regulations on the organization of activities for the identification and prevention of scientific plagiarism at Turan University", the Editorial board of the journal checks articles submitted for publication for anti-plagiarism.

A link to our publication is required when reprinting it.

Our address: **050013, Almaty, Satpaev ave. 1A, Turan University**
Phone: **8(727) 260-40-18, 260-70-00.**
Website: **https://esjl.turan-edu.kz/jour**

Editorial board

EURASIAN SCIENTIFIC JOURNAL OF LAW ЖУРНАЛЫНДА ЖАРИЯЛАНАТЫН МАҚАЛАЛАРДЫ РӘСІМДЕУГЕ ҚОЙЫЛАТЫН ТАЛАПТАР

Материалдар қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде журналдың ресми сайты **(https://esjl.turan-edu.kz/jour)** арқылы қабылданады, онда авторларға мақалаларды жіберу үдерісі, сондай-ақ ақы төлеу туралы толық нұсқаулық бар.

Мәтін **WINWORD XP** немесе*. **RTF (Reach text format)** форматында терілуі тиіс. **Times New Roman** шрифт, **14** кегль. Жазба мәтіні бір жол аралығы арқылы теріліп, **12 беттен** аспауы тиіс.

Парақтың үстінгі сол жақ бұрышында **ҒТАМИ, ӘОК** және **JEL** жазылады.

Одан әрі, парақтың оң жақ жоғары бөлігінде автордың тегі мен инициалдары, жұмыс орны, ғылыми дәрежесі мен атағы, ел мен қала атауы, e-mail үш тілде сөздер (қазақша, орысша және ағылшынша) жазылады, егер бірнеше автор болса – мақаланың негізгі авторын (* белгісімен) көрсетіңіз. Парақтың ортасына материалдың **атауы** бас әріптермен, одан әрі – **тірек сөздер** (5–7 сөз, екі сөз тіркесінен аспауы керек) үш тілде жазылады. Содан кейін мәтіннің келесі жиек мөлшерін сақтай отырып, **тасымалдаусыз** басу қажет: сол жақ – 30 мм, оң жақ – 10 мм, үстіңгі – 15 мм, астыңғы – 20 мм сақтай отырып тасымалсыз жазылады. Азат жол үшінші белгіден басталады. Формулалар тек **формалар редакторы (Microsoft Equation)** қосымшасында терілу керек. **Кестелер, суреттер және схемалар** қосымша бояуларсыз жазылады.

Мәтінде **квадрат жақшалар** ішінде қолданылған әдебиеттерге сілтемелер, ал **қолданылған әдебиеттер** тізімі мақала соңына 5–20 атау көлемінде жазылады. Кириллицада ұсынылған әдебиеттер екі нұсқада - түпнұсқада және романизацияланған алфавитте **(транслитерация - http:// www.translit.ru)** беріледі.

Қолданылған әдебиеттер тізімінен кейін мақаланың мақсаты мен қолданылған зерттеу әдістері көрсетілген **аңдатпа** (150–200 сөз, 14 кегль) үш тілде жазылады. Одан әрі, мақаланың **атауы** үш тілде жазылады.

Журналдың потенциалды авторлары тақырыптарына сәйкес мақаланың құрылымы бойынша келесі ережелерді ұстануы тиіс **(атауы, аңдатпа, тірек сөздер, кіріспе, материалдар мен әдістер, нәтижелер, талқылаулар, қорытынды, қаржыландыру туралы ақпарат (бар болса), әдебиеттер, транслитерацияланған әдебиеттер тізімі).**

Мақаланың құрылымдық элементтерінің тақырыптары қалың қаріппен көрсетілуі керек.

Мақала мәтіні еш жерде жарияланбаған түпнұсқалық нұсқада болуы тиіс.

Мақала жасырын рецензиялаудан өтеді, рецензенттерді журналдың редколлегиясы тағайындайды.

Мақаланың соңында толық аты-жөнін, кері мекенжайын, телефондарын, факсін, электрондық пошта мекенжайын (e-mail) көрсетуіңізді сұраймыз.

Мақаланың мазмұнына автор (авторлар) жауапты. Ғылыми-редакциялық кеңестің пікірі әрдайым автордың (авторлардың) пікірімен сәйкес келе бермейді. Редакциялық кеңес мақалаларды жариялау немесе қабылдамау құқығын өзіне қалдырады.

Ғылыми плагиатты анықтау және оның алдын алу мақсатында «Тұран» университетінде ғылыми плагиатты анықтау және оның алдын алу жөніндегі қызметті ұйымдастыру туралы ережеге» сәйкес журнал редакциясы жариялауға ұсынылған мақалаларды антиплагиат бойынша тексерістен өткізеді.

Біздің басылымға қайта басылған кезде сілтеме міндетті.

Біздің мекен-жайымыз: **050013, Алматы қ., Сәтпаев көш., 16Аа, «Тұран» университеті.**
Анықтама телефоны: **8(727) 260-40-18, 260-70-00.**
Сайт: **https://esjl.turan-edu.kz/jour**

Редакциялық алқа

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ EURASIAN SCIENTIFIC JOURNAL OF LAW

Материалы принимаются на казахском, русском и английском языках через официальный сайт журнала **(https://esjl.turan-edu.kz/jour)**, в котором имеется подробная инструкция для авторов о процессе подачи статей, а также об оплате публикации.

Текст статьи должен быть набран в **WINWORD XP** или *. RTF (Reach text format). Шрифт **Times New Roman,** кегль **14**, текст должен быть набран через один интервал и не превышать **12** страниц.

В левой верхней части листа печатается **МРНТИ, УДК** и **JEL.**

Далее в правой верхней части листа печатаются на трех языках (казахском, русском и английском) фамилия и инициалы автора, место работы, ученая степень и звание, название страны и города, e-mail; если авторов несколько – указать основного автора статьи (знаком*). В середине листа прописными буквами печатаются **название** материала, далее – **ключевые слова** (5–7 слов, в том числе не более двух словосочетаний) на трех языках. Затем идет текст, который следует печатать **без переносов,** соблюдая следующие размеры полей: левое – 30 мм, правое – 10 мм, верхнее – 15 мм, нижнее – 20 мм. Абзацный отступ начинается с третьего знака. Формулы набирать только в приложении – **редактор формул (Microsoft Equation). Таблицы, рисунки и схемы** печатаются без заливок.

В тексте в **квадратных скобках** даются ссылки на использованную литературу, **список литературы** печатается в конце статьи в количестве 5–20 наименований. Литература, представленная на кириллице, дается в двух вариантах – в оригинале и романизированным алфавитом (**транслитерация – http://www.translit.ru**).

После списка литературы должна быть **аннотация** (150–200 слов, 14 кегль) на трех языках, в которой указываются цель статьи и использованные методы исследования. Далее печатается **название статьи** также на трех языках.

Потенциальные авторы журнала должны в соответствии с заголовками придерживаться следующих правил по структуре статьи **(название, аннотация, ключевые слова, введение, материалы и методы, результаты, обсуждение, заключение, информация о финансировании (при наличии), литература, транслитерированный список литературы).**

Заголовки структурных элементов статьи должны быть выделены жирным шрифтом.

Текст статьи должен быть оригинальным, ранее нигде не опубликованным.

Статья проходит «слепое» рецензирование, рецензенты назначаются редколлегией журнала.

В конце статьи просим указать Ф.И.О. полностью, обратный адрес, телефоны, факс, адрес электронной почты (e-mail).

Ответственность за содержание статьи несет автор (авторы). Мнение Научно-редакционного совета не всегда совпадает с мнением автора (авторов). Редакционный совет оставляет за собой право публикации или отклонения статей.

В целях выявления и предотвращения научного плагиата в соответствии с «Положением об организации деятельности по выявлению и предотвращению научного плагиата в университете «Туран» редакцией журнала проводится проверка на антиплагиат статей, представленных для публикации.

Ссылка на наше издание при перепечатке обязательна.

Наш адрес: **050013, г. Алматы, ул. Сатпаева, 16А, университет «Туран».**
Телефон для справок: **8(727) 260-40-18, 260-70-00.**
Сайт: **https://esjl.turan-edu.kz/jour**

Редакционная коллегия

EURASIAN SCIENTIFIC JOURNAL OF LAW (ESJL)

Scientific and practical journal № 4(13) 2025

Computer layout: Zhuikova M.A.
Proofreader: Skuratova I.M.

Signed to the press on 15.12.2025
Offset paper No. 1,62 x 84/16. Density 80g/m^2.
Conditional printed sheets 36,5 Conditional publishing sheets 38,0
Circulation 500 copies
Order No. 19

Editorial Office address:
The original layout was prepared by the editorial and publishing Department of Turan University

г. Алматы, ул. Сатпаева, 16А, университет «Туран».
Тел.: 260-40-18, 260-70-00.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК